ВСЯ ПРАВДА О ВДВ
ВДВ
ВОСПОМИНАНИЯ ДЕСАНТНИКОВ

ВАЛЕРИЙ МАРЧЕНКО

АФГАН

РАЗВЕДКА ВДВ В ДЕЙСТВИИ

МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В ноябре 1978 года, после окончания Рязанского училища ВДВ, автор был назначен командиром взвода отдельной разведроты 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Через год вместе со своим подразделением он попал в Афганистан, где провоевал два года. О четырех годах службы в разведке ВДВ он честно и подробно рассказал в своей книге. Чему и как обучали бойцов разведподразделений Воздушно-десантных войск в мирное время и как они применяли полученные навыки «за речкой», когда в декабре 1979 года одними из первых вошли в Афганистан.

- Валерий Марченко
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28

- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Об авторе
- Иллюстрации

Валерий Марченко
Афган: разведка ВДВ в действии. Мы были первыми

Предисловие

Если б не Афгана
Чёрный омут,
Не предначертания
Судьбы…
Всё, возможно,
Было б по-другому,
Без смертей и горя.
Если бы…

Написать книгу о боевых друзьях, разведчиках 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, выполнявших воинский долг в Афганистане, я решил давно и, скорее всего, по велению души. Хотя не все получалось сразу: идея рождалась, зрела, обретая нужное качество, пока не перешла в твердое убеждение — рассказать о парнях, выбравших жизненной позицией великую стезю по защите Родины, о десантниках, посвятивших себя службе в разведке Воздушно-десантных войск.

Не последнюю роль в решении написать книгу сыграли пожелания начальника разведки соединения гвардии полковника Скрынникова Михаила Федоровича. В своем письме он мне заметил: «Валерий! Обязательно издай книгу. Один экземпляр, заранее, для меня. В нее включи эпизоды ведения разведки, засад, поиска, боевых действий в составе рейдовых группировок. Районы, где проходили бои, привязывай к населенным пунктам, которые сохранились в памяти…»

И работа над книгой началась строками раздумий человека, для которого понятия «честь», «мужество», «отвага» — не просто слова, а смысл служения Родине. Как профессиональный военный, офицер разведки ВДВ, могу поделиться с вами: пришло время, и жизненный опыт призвал вспомнить афганские события шире понятия — интернациональный долг. Афганистан — жизненная позиция поколения, защищавшего интересы Отчизны за рубежом. Время выбрало нас!

Две мои командировки «за речку», растянувшиеся на четыре года, встречи ветеранов разведки ВДВ в Москве, Санкт-Петербурге, Витебске, явились последним толчком, побудившим включиться в работу над книгой о разведчиках, выполнявших специальные задания в горах Афгана. Не могу не сказать о том, что наш последний маргеловский выпуск 1978 года Рязанского высшего воздушно-десантного командного дважды

Краснознаменного училища имени Ленинского комсомола прошел через Афганистан, Чечню, другие раскаленные войной регионы, где погибли замечательные парни: Игорь Турченков, Миша Румянцев, Фаиз Рашитов, Шура Палагин, Леня Озолин, Саша Толмачев… Многие выпали из боевого строя: смерть вырвала из наших рядов лучших ребят, воплотив их в гранит обелисков и стел, но холодный монолит ничто в сравнении с живой памятью наших сердец. Мы знаем и помним, какими они были, смеялись, грустили, как крепко дружили, воевали, и долг оставшихся в живых — не предать забвению ребят.

Рядом со мной воевали друзья — солдаты, офицеры, выполнявшие воинский долг в самом лучшем его понимании. Испытываю гордость за них и наши боевые дела, породившие дружбу в афганских горах на многие годы. Свою работу на войне мы делали честно и справедливо, без остатка отдаваясь профессии — защищать Родину! В Афганистане учились ее защищать тысячи парней, прошедших по горам и пустыням, чтобы бороться за единство России в других горячих точках планеты. Эти строки пишу в память о лучшем друге Толмачеве Александре Михайловиче, погибшем за Великую Россию в борьбе с силами международного терроризма, о моих друзьях, разведчиках 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, самоотверженных десантниках, достойно выполнивших воинский долг перед Родиной!

Без малого 30 лет прошло с тех до боли памятных дней, когда колонны выводимых в Советский Союз частей 40-й армии проходили мост «Дружбы» через Амударью — РЕЧКУ, ставшую отметиной целому поколению молодых людей. Домой возвращались сыновья, мужья, отцы, беззаветно отдавшие самое святое — душу, сердце, любовь — Родине, воспитавшей в них чувство верности, преданности. И не сомневайтесь — с достоинством и честью сохранили они в себе эти качества, на которых выросли поколения офицерских кадров Вооруженных Сил СССР. Для нас Афганистан не закончился, он — в сердце, он — в памяти… Итак, разведка ВДВ в действии.

Глава 1

Начало моей офицерской деятельности после утверждения в качестве командира разведывательного взвода 80-й отдельной разведывательной роты дивизии складывалось удачно. Приезд в Витебск 5 ноября 1978 года, устройство в гостинице «Советская» прошли без проблем. С утра следующего дня привел в порядок парадную форму и ровно в 9.00 прибыл в штаб соединения для представления начальнику отдела кадров подполковнику Нежурину.

— Товарищ гвардии подполковник, лейтенант Марченко для дальнейшего прохождения службы прибыл.

Внимательный взгляд кадровика с черными усами вызвал волнение и даже трепет. Достав из сейфа мое личное дело, пришедшее из Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища, он открыл его, полистал.

— Присаживайтесь, Марченко. Как отдохнули? Вы из Сибири?

— Так точно, товарищ подполковник, из Томской области, сибиряк. Отдохнул нормально, готов командовать парашютно-десантным взводом.

Подполковник усмехнулся, продолжая изучать личное дело.

— У вас богатый послужной список, лейтенант: «учебка» в Забайкалье, шесть лет на сержантских должностях, наверное, скучно будет командовать взводом?

— С этого все начинают, товарищ подполковник.

— Гвардии подполковник, — уточнил начальник отдела кадров.

— Извините.

— Ничего, лейтенант, сегодня вы также становитесь гвардейцем прославленного соединения Воздушно-десантных войск. Привыкайте.

— Есть.

Нежурин, продолжая изучать личное дело, расспрашивал о службе в армии, учебе в училище, через какое-то время набрал номер телефона:

— Удалый, зайдите.

Через минуту в кабинет зашел крепкого телосложения капитан с академическим значком на кителе. Нежурин кивнул в мою сторону:

— Забирай лейтенанта, беседуй, через час доложишь.

Капитан повернулся ко мне и не очень внятным голосом представился:

— Капитан Удалый, начальник разведки дивизии. Идемте со мной.

Пошли по коридору штаба соединения к кабинету, на двери которого висела табличка «Разведывательный отдел». Я вошел вслед за Удалым. Скромная кабинетная обстановка: несколько столов, стулья, шкафы, за грудой бумаг сидел лейтенант.

— Филонов, принимай гостя, планируется вместо тебя.

Встав, лейтенант подошел, протянул руку.

— Николай, помощник начальника разведки. Присаживайся.

Удалый, усевшись за письменный стол, заваленный папками, бумагами, начал беседу, скорее — собеседование: он задавал вопросы, я отвечал. С первых минут стало ясно, что с начальником разведки дивизии надо быть очень внимательным: плохая дикция, несвязная речь сбивали с толку. Вначале он задавал общие вопросы, уточнил биографию, затем перешел на учебу в училище. Постепенно подошли к теме «Организация иностранных армий», некогда любимой для меня на занятиях по тактике, которые проводил полковник Колесников Петр Михайлович. Посыпались вопросы по американской группировке в составе НАТО на западноевропейском театре военных действий. Особый упор начальник разведки сделал на структуру авиационных крыльев США, дислоцировавшихся в Западной Германии, организацию 5-го и 7-го корпусов США в составе альянса.

По спине потек пот, стало душно, но на поставленные вопросы отвечал твердо, уверенно. Несколько раз не сходились в оценке личного состава механизированной дивизии США и 5-го армейского корпуса.

— Филонов, папку.

Помощник лез в первоисточник, находил, уточнял.

— Как с физической подготовкой? — подытожил наконец начальник разведки дивизии.

— Нормально, товарищ гвардии капитан.

— Пошли.

Вышли в коридор, по лестнице спустились во двор, где стояла перекладина.

— Давай подъем переворотом.

Сняв парадный китель, я положил его на скамейку и, сделав заскок на снаряд, приступил к выполнению упражнения на количество раз. Ржавая труба перекладины говорила о том, что офицеры штаба дивизии нечасто баловали ее вниманием. На двенадцатом обороте Удалый остановил.

— Достаточно. Как с рукопашным боем?

— В порядке. Спарринг, каты?

— Давай каты, — усмехнулся начальник.

Посмотрев с минуту, махнул рукой:

— Идем к Нежурину.

Зашли в кабинет, кадровик поднял голову от документов.

— Товарищ гвардии подполковник, лейтенант соответствует службе в разведке дивизии. Забираю к себе.

Нежурин указал на стулья. Присели. Полистав бумаги, он что-то сверил, уточнил и, наконец, поднялся.

— Гвардии лейтенант Марченко, — начальник отдела кадров соединения строго смотрел на меня.

— Я! — вскочив, принял положение «Смирно».

— Приказом командира 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии назначаетесь командиром разведывательного взвода 80-й отдельной разведывательной роты дивизии. Приказ будет подписан сегодня. С этого момента поступаете в распоряжение начальника разведки Удалого. Желаю успехов, лейтенант!

С этого момента началась моя служба в разведке ВДВ. Осеннюю проверку рота сдала на удовлетворительную оценку, которая не устраивала ни разведчиков, ни командование соединения, поэтому с наступлением зимнего периода обучения началась кропотливая работа. Разведывательным отделом дивизии под руководством начальника разведки соединения Удалого был разработан план зимнего разведывательного выхода. Он предполагал комплекс мероприятий по совершенствованию боевой подготовки личного состава разведчиков в условиях, приближенных к боевым. Сформированы разведывательные группы, которые необходимо было готовить до способности выполнять учебно-боевые задачи в глубоком тылу противника в автономном режиме. Работа разведывательных подразделений в условиях полевого выхода, выполнение ими специальных задач решалась совместно с другими частями дивизии.

Действовал единый план, разработанный штабом соединения под руководством гвардии подполковника Чернова. На нас, разведчиков, особое внимание обращал командир дивизии гвардии полковник Рябченко. Мы всегда были в поле его зрения, поэтому разведотдел соединения, готовя план разведвыхода, учитывал многие составляющие. С одной стороны, отрабатывались чисто специфические задачи для разведывательных подразделений: ведение разведки, поиск, засадные действия, вскрытие объектов противника с переходами на большие расстояния. С другой стороны, в обязательном порядке решались вопросы огневой подготовки применительно к курсу стрельб, оружия массового поражения, включая

нормативную базу, вождения боевых машин. Дело в том, что на итоговых проверках первый блок вопросов проверяли разведывательные отделы соединения и ВДВ. С огневой, политической, воздушно-десантной подготовкой, в том числе швартовкой техники, вождением боевых машин дело обстояло иначе — сдавали по общему принципу парашютно-десантных подразделений. Важными являлись необходимость расчета временных показателей, взаимодействие с другими частями дивизии в использовании стрельбищ, директрис, трасс для отработки вождения днем и ночью.

План парашютных прыжков разведчики выполняли на «отлично». Рота перешла на управляемые парашютные системы Д-6, освоила их, совершая прыжки из всех видов самолетов военно-транспортной авиации.

Воздушно-десантной подготовкой занимался Иван Комар как заместитель командира роты — инструктор ВДП. Оборудованный комплекс позволял проводить занятия по воздушно-десантной подготовке в полном объеме. Отрабатывали элементы прыжка с парашютом по этапам: с трамплина, при гашении купола в момент протаскивания, в чрезвычайных ситуациях. Командиры разведвзводов лично проводили занятия, тренировали разведчиков, готовили их к совершению парашютных прыжков.

В учебно-боевых буднях разведчики мужали, набирались опыта, боевого мастерства. Наши успехи не раз отмечались командованием соединения, а глазами корреспондента дивизионной газеты «Гвардеец» это выглядело так:

«Сегодня мы рассказываем о воинах-гвардейцах, разведчиках, которыми командует коммунист гвардии лейтенант Валерий Марченко. Нелегким был путь к успеху десантников коллектива. Позади остались будни ратной учебы, занятия, проходившие в обстановке, максимально приближенной к боевой. Одним словом, пройден серьезный этап солдатского становления разведчиков.

…Воздушный корабль идет на снижение, гасит скорость. С минуты на минуту ждут начала десантирования воины разведывательной группы, возглавляемой членом КПСС Валерием Марченко. Полностью уверен командир в каждом своем подчиненном перед выполнением сложной и ответственной задачи в тылу условного противника. А те в свою очередь не выказывают ни малейших признаков волнения, беспокойства. И, конечно же, пример берут они с офицера, своего старшего товарища. Обо всём красноречиво говорят глаза разведчиков, в которых отражается решимость, спокойствие.

Резкий, громкий звук сирены заставляет в считанные доли секунды полностью собраться. Теперь все посторонние мысли

исчезают, мозг работает не лихорадочно, а быстро и четко.

— Пошёл! — следует долгожданный сигнал.

И тут один за другим стремительно бросаются в люк самолета отличники-парашютисты, гвардии сержант Анатолий Попков, гвардии ефрейторы Илья Семенов, Николай Швецов. Грамотно действуют разведчики в воздухе. Опытные, смелые, сильные и ловкие, они быстро достигают земли, освобождаются от подвесных систем и покидают площадку. Когда все разведчики в сборе, гвардии лейтенант Валерий Марченко уточняет боевую задачу, высылает вперед дозорных, и разведгруппа скрыто выдвигается в указанный район. Высокую ратную выучку показывает кандидат в члены КПСС гвардии ефрейтор Илья Семенов. Под стать ему комсомольцы Игорь Хрисанов, Борис Иванов, Сергей Остриков, Виль Мухаметзянов. Непросто ночью отыскать объект "неприятеля". Но разведчики четко ориентируются на местности. Заметив парный патруль условного противника, дозорные немедленно докладывают об этом командиру. Не прекращая ведение разведки, группа останавливается, готовится к бою на случай, если вдруг будет обнаружена "неприятелем", усиливает наблюдение.

Вскоре становится очевидным, что поблизости находится отыскиваемый объект — узел связи. Используя средства радиоразведки, десантники определяют направление на него, дальность, тип работающих станций. Затем уточняют координаты объекта, вскрывают систему охраны и обороны, наносят все данные на карту, передают по радио все сведения начальнику, выславшему разведку, и приступают к выполнению последующей задачи.

За ночь воины оставляют позади в тылу условного противника несколько десятков километров. Однако, глядя на их действия, нельзя сделать вывод, что они устали.

Все поставленные задачи гвардейцы-разведчики в ту ночь выполнили на "отлично". Такой же оценкой были отмечены умения и знания воинов на состоявшихся сравнительно недавно контрольно-проверочных занятиях. Они показали настоящую боевую зрелость десантников. На итоговом занятии по политической подготовке особого внимания заслуживали ответы коммуниста гвардии ефрейтора Ильи Семенова, комсомольцев гвардии сержанта Анатолия Попкова и десантников Николая Швецова, Бориса Иванова. Этим воинам проверяющий объявил благодарность».

Это общий фон накала учебно-боевых будней за полгода до входа в Афганистан. Так или иначе он отражает обстановку того времени: коммунисты и комсомольцы впереди, с них берут

пример остальные, ориентируются в ратных делах. В этой статье читаем дальше:

«Выполняя социалистические обязательства, воины повседневно проявляли горячее стремление к совершенству своей десантно-полевой выучки, повышению уровня мастерства. И это помогает гвардейцам преодолевать все трудности, покорять намеченные рубежи. Подразделение воинов-разведчиков в зимней учебе полностью выполнило социалистические обязательства. В роте подготовлено 65 % специалистов первого и второго класса, все десантники здесь — значкисты ВСК, спортсмены-разрядники».

Высокую оценку разведчикам дало командование соединения, с серьезной подготовкой подходила разведка дивизии к началу боевых действий в Афганистане. Бытует известная фраза: «Хочешь мира — готовься к войне», и разведчики готовились к ней, следуя основному правилу: чтобы выжить — учись воевать. На земле Беларуси мы, офицеры-разведчики, постигая искусство войны, уже раскрывавшей свои объятья, учились сами и учили солдат, как надо воевать в современном бою. Чтобы понять накал учебно-боевых занятий, вернемся в ноябрь 1978 года.

Начальник разведки дивизии, командование роты проанализировали итоги осенней проверки 1978 года, в результате которых выявились недостатки, ошибки, недоработки командного состава. Зимний период обучения планировался с учетом выводов итоговых занятий прошедшей осени. Были определены основные направления деятельности офицерского состава, которыми стали: боевая и политическая подготовка, совершенствование материальной базы, воспитание личного состава, несение службы во внутреннем наряде. Надо сказать, что нарядов для отдельной разведывательной роты выпадало немного и они не мешали выполнению плана учебных занятий. Учили экипажи чувствовать время выполнения элементов 3-го упражнения из боевой машины десанта, делать «дорожку» при стрельбе по пулеметным целям, затем отрабатывали упражнение в целом. Офицеры подразделения, личный состав валились с ног от усталости.

Достигнутые результаты всё равно не радовали нас, потому что мы знали, чувствовали: до совершенства еще далеко и надо много работать. Это понимал офицерский состав, разведывательный отдел дивизии. Проходившие накануне, летом 1978 года, учения также вскрыли ряд недостатков, которые учитывались в дальнейшей учебно-боевой деятельности. Зимний период обучения 1978–1979 гг. готовился основательно, с учетом упущенных возможностей. Совершили несколько прыжков с

Ил-76М на площадку «Беловодка» под Полоцком, отработали несколько длинных переходов с ведением разведки объектов. Зима выпала снежной, морозной, даже мне, сибиряку, было откровенно прохладно, а моим подчиненным-южанам приходилось вдвойне тяжелей. Но план зимнего выхода все равно не менялся, разведывательные группы парашютным способом были выброшены на уже известную площадку, в пунктах сбора мы встали на лыжи и приступили к выполнению учебных задач. В интересах дивизии одновременно работало 12 разведывательных групп.

Каждая разведывательная группа получила задачу по ведению разведки в определенной полосе действий. Надо было не только обнаружить предполагаемые объекты разведки, но и установить их систему охраны, обороны, выявить уязвимые места проведения диверсионных действий, то есть, говоря языком разведчиков, вскрыть объекты. Снег был выше человеческого роста, и все бы ничего, но три разведчика моей группы впервые в жизни увидели лыжи. Очень тяжело давался переход Сергею Сафарову, Геннадию Баравкову (оба из Душанбе) — спортсмены-борцы, а вот на лыжах не стояли. (В Афганистан Сафаров входил в качестве моего заместителя командира разведгруппы, а после увольнения в запас в мае 1980 года моим заместителем стал Баравков). Борис Иванов из Фрунзе также тяжело переносил морозную зиму и сложнейшие переходы на лыжах в тылу условного противника. В среднем суточный переход составлял до 60 километров по лесам Витебской области, но разведчики выдержали испытание суровой зимой и лютым морозом. Падали на ходу, засыпали, приходилось будить их, тормошить, применять не только понятные всем мать-перемать, но и физическую силу — они вставали, двигались дальше и выполняли задачи. Паники не было, как не было стона, нытья — группа упорно шла к намеченной цели, успешно вскрывая объекты в назначенной полосе ведения разведки.

За двенадцать километров до базы мы встретили разведывательную группу гвардии лейтенанта Ивана Прохора — разведчиков 350-го гвардейского парашютно-десантного полка. У Ивана солдат сломал лыжу, упал от усталости, больше не мог двигаться. С Прохором приняли решение: я поведу на базу обе группы, а Иван понесет своего разведчика на себе. Останавливаться нельзя, мороз доходил до минус 40 градусов. Вперед и только вперед! К обеду мы вышли к базовому лагерю. Через пару часов Прохор вынес разведчика на своих плечах живым и здоровым, парню была оказана первая медицинская помощь.

На учебных занятиях мы преодолевали сильнейшие нагрузки, но у нас было четкое понимание — только обстановка, максимально приближенная к боевой, может натренировать организм к сопротивлению, возможности выжить в сложнейших условиях. Как нам это пригодилось в Афганистане! А он был не за горами — за РЕЧКОЙ, в высоких штабах уже разрабатывались планы, наносилась обстановка на карты по оказанию интернациональной помощи… Вдоль советско-афганской границы до штатов военного времени разворачивались части и соединения, нацеленные на Афганистан, а мы, разведчики, постигали науку войны в учебных боях и походах.

Переходы длились несколько суток — длинные, изнурительные, мы не «засветились» контрразведывательным группам «противника», вскрыли объекты, о чем условным шифром по радио я доложил на базу. Восстановив силы в одном из коровников сельхозугодий Белоруссии, я повел группу дальше. Впереди еще было много часов тяжелого пути, который необходимо пройти, и провести мероприятия, чтобы не быть обнаруженным условным противником. Маскировали следы лыж, сапог.

Общая задача разведывательной группы обычно делится на этапы, каждый из которых требует определенного времени на выполнение. Командир в интересах выполняемой задачи рассчитывает временные показатели для использования возможностей группы в получении конечного результата. Главное — не повторяться! Ни в чём: ни в выборе маршрута движения, ни в способе захвата объекта, ни в методике его уничтожения. Анализ полученной информации по задаче командир группы проводит лично для себя — начальнику разведки, у которого одновременно работают 8–10 групп, мои выводы, возможно, не нужны, потому что аналитические исследования проводит разведывательный отдел соединения на основе совокупных данных, полученных из разных источников, разными группами, в разное время и в разных районах. Другое дело, если требуется уточнить достоверность той или иной разведывательной информации, то и мне придется таким же методом проводить сбор дополнительных сведений.

Разведка — постоянное творчество, которому нужна и удача, везение, а, чтобы удача была удачной (извиняюсь за каламбур), ее нужно добиваться, вырывать у врага. К этому ведет долгий путь, его необходимо пройти через пот и изнеможение, ставя организм в самые невыносимые для человека условия, и преодолевать их на пределе возможного, что достигается путем системных тренировок. Я сам себя тестировал, проверял, расчеты привязывал

к реальной обстановке, приходя к наиболее разумным выводам — разведчик должен обладать способностью быстро ориентироваться в обстановке и ставить обстоятельства на службу себе, при этом всегда поддерживать профессионализм в соответствующей форме.

Глава 2

Лето 1979 года для разведчиков дивизии было характерно тем, что разведывательные подразделения соединения отрабатывали совершение прыжков с парашютом из самолетов военно-транспортной авиации, проводили учебно-боевые мероприятия по ведению разведки с переходами на большие расстояния. Разведка применялась в действии по полной программе: офицеры, прапорщики в семьях бывали нечасто, забегали иногда на ночь, чтобы привести себя в порядок, «отметиться» в семье и отбыть в леса Белоруссии. В этот период стало известно, что в августе разведчикам соединения предстоит участвовать в стратегических учениях Белорусского военного округа с практическим десантированием с малой высоты и решением разведывательно-диверсионных задач в тылу условного противника. Началась кропотливая подготовка к учениям: отработка степеней боевой готовности с выходом в районы сосредоточения, ожидания, швартовка техники, подготовка ее к десантированию, изучение объектов вероятного противника, укладка парашютов и парашютных систем. Решалось множество других организационных вопросов.

Началом подготовки к важнейшим учениям явилась отработка задач летнего разведывательного выхода. Насыщенный план мероприятий учитывал направления деятельности, которые необходимо было отработать в полевых условиях — длительные многокилометровые переходы с вскрытием объектов условного противника, его средств ракетно-ядерного нападения, командных пунктов, штабов, аэродромов. В базовом лагере «Лосвидо» планировалось выполнение упражнений из всех видов вооружения, отработка задач по вождению боевых машин. Не менее важным являлась тренировка нормативов по защите от оружия массового поражения, физическая, работа на средствах связи. На коллектив разведчиков легла огромная нагрузка и ответственность в решении задач предстоящих учений. С одной стороны, мы были обязаны закрепить достигнутые результаты весенней проверки, с другой — не ударить лицом на важнейших маневрах Белорусского военного округа и качественно подготовиться к сдаче осенних испытаний.

В установленное штабом соединения время «Ч» разведывательные подразделения дивизии были подняты по учебно-боевой тревоге. После подготовительных мероприятий мы совершили марш-бросок в район базового лагеря, где завершили работу к проведению разведывательного выхода. На воздушно-

десантном комплексе офицерский состав роты провел предварительную подготовку личного состава для совершения прыжка с парашютом. Прыжок готовился из самолета Ил-76М с оружием и снаряжением. С учетом задачи прыжка офицеры тренировали разведчиков к его совершению: каждый солдат, сержант получил не менее чем хорошую оценку за практические действия.

Ранним утром на машинах прибыли на аэродром «Северный» города Витебска. Зашвартовав оружие и снаряжение, прошли линии контроля, загрузились на борта. Взлет прошел нормально, вышли в эшелон. Перестроившись в боевой порядок, самолеты заняли коридор и последовали в район десантирования. Вроде бы все как всегда, но теперь много раз отработанные действия необходимо было применить практически, выполнить в комплексе поставленных задач. По изменению режима работающих двигателей чувствуем — идем на снижение. Огромный Ил выходил на боевой курс, гасил скорость, дрожал, проваливаясь в воздушные ямы — самолет неустойчив при выходе на скорость выброски десанта.

Свистящий гул турбин становился тише, на лицах десантников чувствовалось напряжение. Выпускающие прошли по бортам, проверив зацепление карабинов камер стабилизирующих парашютов. Волновался инженер по десантному оборудованию: пристегнувшись в кресле, поворачивал голову на левый и правый поток десанта. В момент десантирования экипаж самолета испытывает сильнейшую психологическую нагрузку, ответственность за точность выброски парашютистов огромна. Выпускающим мне часто приходилось заходить в кабину экипажа и видеть напряженные, сосредоточенные лица тех, кто доставлял нас в район десантирования. Летчики рассказывали, что за одну выброску десанта они иногда теряли по нескольку килограммов собственного веса. Не сомневаюсь, я видел экипажи при выброске десанта.

Команда «Приготовиться»: парашютисты встали (выброска в один заход), поправили ножные охваты, оружие, правую руку положили на вытяжное кольцо, левая придерживала запасный парашют. Кое-кто глазом косил на пристегнутый к тросу карабин камеры стабилизирующего парашюта. Рампа открывалась медленно. Если находиться возле нее, можно насладиться изумительным видом панорамы земли. Распахиваются двери, и поток возмущенного воздуха врывается в отсек самолета. Наступает высшая степень напряжения — команда «Пошел».

После приземления мы действуем в рамках задачи парами, тройками, в составе группы. С этого момента успех выполнения

учебно-боевых вопросов зависит от личных качеств командира, индивидуальной подготовки каждого разведчика, а в целом — от боевой слаженности группы. Специальные мероприятия разведчиков в летний период выполняются с меньшими морально-психологическими сложностями. Несмотря на то, что среднесуточный переход в полосе разведки может составлять до 60 километров, теплое время года снимает многие проблемы жизнеобеспечения группы. Важнейшим условием подготовки разведчиков является тренировка на выживание в тяжелейших условиях при максимальных физических нагрузках. Снаряжение разведчика со штатным оружием при действиях в автономном режиме весит до 30 килограммов. А возьмем пулеметчика, гранатометчика с боекомплектом? Конечно же, коллективное оружие, радиостанцию несут по очереди, но в реальных боевых условиях так не всегда получается. Один из принципов разведки звучит: «Все мое — со мной».

Очень важна маршевая втянутость разведчиков, которая воспитывает способность организма к преодолению тягот и лишений при выполнении задач в тылу противника. Поэтому одна из целей разведывательного выхода — тренировка выносливости у каждого разведчика в отдельности и группы — в целом. Скажу сразу, что это главный физический параметр, которым должен обладать разведчик — остальным премудростям разведки я научу с меньшими проблемами.

Отрабатываю с группой самый неблагоприятный вариант для разведчиков — засадные действия условного противника. Засада — это заранее подготовленные мероприятия с выбором места проведения и нанесением максимального урона живой силе, технике противника, захватом пленных и образцов вооружения. В этом случае за противником главная составляющая — внезапность и мы можем оказаться в самом невыгодном для себя положении. Конечно, свои жизни мы просто так не отдадим, в разведке это второстепенный фактор. Главное — задача, которую надо выполнить. Второстепенность жизни для разведчика при выполнении боевого задания, может, кто-то опротестует и, возможно, будет прав. Но, уходя на задание в тыл противника, мы оставляем на базе не только свои имена, документы, знаки различия, но и любую принадлежность к разведке — в тыл противника уходят тени. Других в разведке не надо, других и не берут: разведке нужны люди, готовые на самопожертвование во имя поставленной цели. В Афганистане, когда я работал с группой в тылу противника, рядом со мной всегда находился связист и санинструктор, которым я ставил задачу: в случае возникновения опасности моего попадания в плен — меня

уничтожить. Два человека в группе официально отвечали за то, чтобы их командир живым врагу не дался. Разведчики должны драться до последней минуты жизни и не сдаваться. Почему? Ниже об этом будет много рассказано, столь много из того, что до сих пор преследует разведчиков бессонными ночами — воспоминаниями страшной яви, жуткими сновидениями, так похожими на явь, от которых просыпаются в холодном поту.

Важно понять, что противник на своей территории, знает местность, коварен, хорошо вооружен и жаждет уничтожить врага. Мы — разведка и нам не позволительно умирать даже геройской смертью, для нас этого мало, потому что наш героизм как раз и заключается в том, чтобы выполнить задание командования и остаться в живых. Погибнуть в тылу противника несложно — один неверный шаг и «духи» порубят на куски, которые потом разбросают собакам. А вот вернуться на базу живым, решив вопросы задачи, это зачастую подвиг, поэтому своих парней наставлял:

— Запомните, разведчики, за живучесть группы боремся вместе и каждый в отдельности. Для нас главное — задание. Кто не согласен со мной, пишите рапорта в парашютно-десантные подразделения.

Один из главных принципов разведки при работе в тылу у врага — не встречаться с противником, если эта встреча не предусмотрена заданием. Наша цель — конкретная задача, она и только она должна выполняться точно и в срок. Если мы обнаружим себя, то даже захват «языка», документов, вскрытие объекта будет напрасной работой: противнику ясно, что мы располагаем информацией о нем, и он поменяет планы своих действий, перегруппирует силы, средства — раскроется интерес нашего командования к тому или иному объекту. Специалистам не составит труда проанализировать ситуацию, чтобы понять — а что же нас интересует? Цель наших действий не будет достигнута, задача не выполнена, планы командования, за которыми стоят сотни и тысячи солдат, офицеров, не реализуются, что приведет к невосполнимым потерям.

Тем не менее, действуя на территории, занятой врагом, мы всегда готовы к встрече с ним, каждый разведчик в группе знает свою роль, задачу, если непредвиденная встреча с противником всё же состоится. Буду тысячи раз ссылаться на Афганистан: тактику действий, наработанный опыт в лесах Беларуси мы перенесли туда, конечно же, с учетом специфики горной местности. Слава Богу, в Афганистане судьба предоставила нам, разведчикам, немного времени для жестких тренировок в горах, прежде чем ввязаться в серьезную драку, до которой оставалось

всего-то полгода.

Отрабатываю места наиболее вероятной встречи с условным врагом, порядок действий, ухода на другое направление. Населенные пункты, места возможной встречи с местными жителями минуем стороной. В реальных боевых условиях случайная встреча с жителями недопустима, если такое случилось, от них избавляются разумно. Опять же, это ставит под срыв выполнение боевой задачи: жителя могут хватиться, искать, и ситуация, казалось бы, из ничего особенного может развиться до откровенно опасной. Действия разведчика — это творческая работа, требующая осмысленного подхода к любой мелочи, поэтому все должно быть максимально взвешено и продумано: думай, командир, думай.

Для офицеров-разведчиков существует важный параметр — живучесть разведывательной группы при выполнении специального задания в тылу противника. Десятки боевых разведывательных и других операций, проведенных мной в Афганистане в качестве командира разведывательной группы, разведывательной роты, позволил прийти к следующему выводу. Если деятельность командира при подготовке к боевой задаче, ее выполнение, возвращение на базу взять за условные сто процентов, то тридцать процентов усилий мной отводилось на подготовку и выполнение самого задания, а семьдесят — на то, чтобы вывести группу из-под удара и благополучно прибыть на базу. Предлагаю внимательно проанализировать заявленную пропорциональную зависимость, которую я вывел на практике и следовал ей в афганских горах и «зелёнке», четыре года командуя разведывательной группой, разведывательной ротой, парашютно-десантным батальоном, отдельным гарнизоном. Ниже я буду освещать и анализировать действия разведчиков в боевых операциях. В них со мной воевали реальные люди, которыми мне посчастливилось командовать на афганской войне. Прошло много лет с тех памятных пор, но я горжусь нашими боевыми делами! И всех своих разведчиков я сохранил!

А пока об учебной задаче, которая стояла перед нами в условном тылу противника. Она заключалась в следующем: разведывательной группе выдвинуться в район (указывались его координаты) с целью обнаружения и вскрытия узла связи, в последующем провести диверсионные действия по его захвату и уничтожению. Объект занимал территорию, которая усиленно охранялась по всему периметру, в том числе внутри его самого. В составе узла связи имеется несколько десятков специальных машин для организации связи УКВ, КВ-диапазонов, радиорелейной, кабельной, тропосферной. Например,

радиорелейная станция Р-404 имеет три тяжелогрузных машины: одна под аппаратную, другая под антенное устройство и третья под силовую установку автономного питания. В общей сложности таких станций может быть до 10 единиц и множество радиостанций меньшей мощности. Узел связи обеспечивает связью части и соединения условного противника, управление его войсками, тылом группировки. Для нас важно провести разведку с целью выявления охраны, обороны объекта, его элементов, состава, принадлежности, а также прикинуть возможные варианты захвата и уничтожения. Одной разведгруппой мы можем захватить один-два элемента узла связи, отдельные его фрагменты, но затем придется героически сложить головы. Если такое развитие событий устраивает командование, всё так и будет. Мне, командиру, останется только определить главный элемент узла связи, поставить задачу разведчикам и вперед — на подвиг, в бессмертие. Всё это будет: и враг, и война, и раненые, убитые… Сейчас в учебных целях не страшно проиграть бой, попасть в засаду и даже в плен, просто будет обидно, если это случится. Мы — разведчики и должны победить, применяя своё мастерство, закалку, выносливость, умение принимать решения и реализовывать их в сложнейших условиях.

Скрытно выдвигаемся в район размещения узла связи (по заданию это звучит так: узел связи предположительно находится там-то…). Командир группы обязан обладать аналитическим складом ума, чтобы по отдельным признакам прийти к заключению о положении его на местности. Множество сопутствующих факторов необходимо проанализировать, чтобы прийти к выводу о том, что данный объект находится в этом месте и координаты его такие-то…

Выдвигаясь к объекту внимания, нарабатываю вопросы внезапной встречи с противником, прикрытия группы, выноса условных раненых, убитых, ориентирование на местности. При выходе на объект тренирую разведчиков в комплексе мероприятий — «домашние заготовки» срабатывают, в целом, неплохо. Конечно, месяц занятий еще впереди, будем работать над ними, технику отшлифуем, но сейчас выбираю место на отдых. Сосновый бор — что может быть лучше, чтобы укрыться в яму под лапник и немного поспать? Вечер приносит прохладу. Скрыв следы своего присутствия, замаскировались под ветки деревьев — два человека дозорные… Их тоже не видно.

Мне нравятся лесные массивы, которым отдаю предпочтение при выходе к намеченной цели. Я сибиряк, лес знаю хорошо и ориентируюсь в нем. Лесной массив скрывает движение группы, дает возможность безопасного отдыха, а при необходимости —

устройства тайника, в котором остаётся в случае надобности часть снаряжения. В лесу меньше опасности налететь на засаду — врагу труднее просчитать маршрут движения группы, а встреча с противником разведчикам, ох как нежелательна, даже если исход этой встречи и не будет иметь последствий. Обсудим ситуацию: мы вышли на противника, контролируем его действия, можем захватить, уничтожить. Как поступить? Что предпринять? Нельзя торопиться, поддаваться эмоциональному всплеску! Надо помнить: командир разведывательной группы не должен отвлекаться от главной задачи, которую поставило командование. Предположим, вражеский генерал купается в озере под охраной нескольких человек — на берегу портфель с документами. Захватить ценного «языка» «без шума и пыли» подмывает, аж зубы сводит: уберем ножами или расстреляем из ПБС охрану и в результате возьмем серьезного носителя информации. Схватить такого «языка» привлекательно? Конечно! Но не станет ли он помехой в дальнейшей работе по выполнению главной задания? Это творческий подход командира разведчиков в принятии решения, элемент, который может осложнить в последующем выполнение главной задачи. Значит, захват генерала с «мешком» документов — помеха в ее выполнении. Командиру группы необходимо ориентироваться в общей обстановке, анализировать ситуацию в целом, взвесив все «за» и «против». Только потом принять, может быть, единственное правильное решение — оставить ко всем чертям генерала с документами и выполнять то, что поручено.

Преодолевая километры лесных угодий, болотистых мест, следовали утвержденным маршрутом. В очередной раз я провел оценку местности, путей подхода, впрочем, мы, похоже, у цели. Чтобы убедиться в этом, я разделил группу на три подгруппы, чтобы каждая из них провела доразведку. Характер обстановки, движение специальных машин, личного состава, наличие других признаков приводит к мысли о том, что объект перед нами. На предварительные действия уходит много времени, а задача выполняется в рамках жестких временных показателей. Опоздаем на 10 минут — наша информация для командования потеряет весь смысл и наши усилия, связанные с риском для жизни, будут напрасны.

Анализирую недостатки, вношу коррективы. Первый успех, конечно, радует: за плечами зимний опыт ведения разведывательных действий, но молодое пополнение только что втянулось в ритм боевой учебы. Для него летний выход — первый шаг к экзамену на зрелость разведчика. Пока — молодцы! Принимаю решение сменить дозорных. Другим разведчикам

также необходимо поработать в этом качестве. Даю возможность Баравкову самостоятельно действовать старшим дозорным, хочу посмотреть его в деле: как чувствует маршрут, анализирует обстановку, принимает решение. Через 6–7 километров в лесной чаще, подальше от людских глаз, организую отдых. По июньской жаре пройдено около 45 километров, устали, перед работой ночью необходима разрядка.

Темное время суток для разведчика — благо: достигается большая скрытность выхода к цели, улучшается качество связи. Правда, сложнее ориентироваться на местности, но с опытом и это проходит. В подсознании включаются многие признаки, служащие ориентирами не хуже, чем днем: контуры ландшафта на фоне горизонта, лай собак, запах дыма, населенные пункты, звезды, свет фар, шум транспорта. Признаков опытному командиру группы, разведчикам вполне хватает, чтобы не потеряться в ночной прохладе. Приборы ночного видения также хорошие помощники в ночных операциях. В летний период ночью очень удобно выдвигаться в прохладе озер, поэтому я делал так: вечером устраивал привал, около полуночи подъем — и дальше вперед. До наступления жары хороший рывок, при этом нами преодолевалось значительное расстояние. Затем отдых. В ночь опять переход до очередного привала. Так, пробираясь лесами и болотами, мы шли к очередной цели своего задания.

На следующий день по плану разведывательного выхода разведчики приступили к практическим стрельбам из вооружения БМД-1, стрелкового оружия. Отработав днем, переходили к ночным тренировкам, что значительно сложнее. Танкодром был готов для вождения боевых машин, параллельно шли тренировки в выполнении нормативов по защите от оружия массового поражения, военной топографии, разведывательной подготовки. Плотный насыщенный график занятий дополнялся прыжками с парашютом — так незаметно проходил месяц активной учебы в реальных условиях. Последний марш-бросок из «Лосвидо» в «Зеленый годок», который принял нас радостным шелестом деревьев.

Начальник разведки Удалый с командиром роты Пащенко подвели итоги разведывательного выхода. Прошли общие, комсомольские собрания взводов, роты. Для себя я тоже подвел итоги: с листочком бумаги и карандашом в руке разбирал работу каждого разведчика. У меня их 13 человек — разных по призыву, характеру, индивидуальной подготовке, но все показали себя достойно. Были, конечно, недостатки в учебном процессе, но и они служат для шлифовки качества работы. Мысленно проиграв выход в леса Беларуси, практическую работу, я остался доволен:

молодежь показала хорошую маршевую втянутость, грамотные действия, обошлись без травм. При отработке нормативной базы, упражнений по огневой подготовке, вождению боевых машин разведчики закрепили практические навыки. К предстоящим учениям, сдаче осенней проверки мы были готовы. Расчет времени показывал: после учений приведем технику, вооружение в порядок, поставим в режим хранения, затем приступим к сдаче итоговой проверки управлению командующего воздушно-десантными войсками. После чего солдаты, сержанты, призванные на действительную военную службу осенью 1977 года, уволятся в запас. Примем в роту призыв осени 1979 года, подготовим, испытаем его зимним разведывательным выходом, а там и весенняя проверка не за горами. Цикл подготовки разведчиков повторялся из периода в период одними и теми же базовыми задачами.

Подготовка к учениям проходила в активной фазе — без раскачки. Командование соединения отводило разведке дивизии особую роль. По замыслу учений первого этапа 80-й отдельной разведывательной роте предстояло десантироваться с высоты 400 метров на водную переправу через Неман и уничтожить ее с целью предотвращения подхода танковых резервов противника. В последующем разведке дивизии необходимо было провести диверсионные действия по нарушению управления войсками и дезорганизации работы тыла противника.

Готовились с учетом поставленных задач на воздушно-десантном комплексе: Иван Комар, командиры взводов обучали разведчиков совершению прыжков с парашютом с малой высоты. Новую управляемую парашютную систему Д-6 мы освоили, она получила высокую оценку личного состава. Провели занятия по швартовке оружия, снаряжения, тренировали разведчиков в ведении огня из автоматов по наземным целям при спуске на парашютах, элементы прыжка отрабатывали до автоматизма. В дальнейшем совершили прыжки из самолетов Ан-2, Ан-12, Ил-76М, которые показали, что разведывательная рота к этапу десантирования готова.

Параллельным методом готовили технику. Боевую группу, находившуюся на хранении, проверили на готовность к десантированию на реактивных системах ПРСМ-915. Учебно-боевая группа БМД должна была совершить марш с преодолением водной преграды. Большой объем работы в этом направлении проделал Петр Слободов, старший техник роты. С механиками-водителями он провел занятия, инструктажи, которые способствовали успешным действиям на учениях.

Много времени уделили разведывательной подготовке.

Прошедший разведывательный выход был неоспоримым подспорьем в решении задач на предстоящих учениях. Активно проводилась партийно-политическая работа: выпускалась ротная газета, боевые листки. Политические занятия проводились Владимиром Николаевичем Гришиным, заместителем командира по политической части, он «закрутил» роту морально-психологической подготовкой, но разведчики не унывали — были бодры, веселы, энергичны и в своих возможностях не сомневались.

Как всегда, сигнал «Боевая готовность — повышенная» от оперативного дежурного штаба дивизии поступил неожиданно. Карусель учений закрутилась, но без суеты и нервозности — рота в установленном временном нормативе покинула военный городок. Офицеры отдела боевой подготовки штаба воздушно-десантных войск контролировали проводимые мероприятия в районах сосредоточения и ожидания. До нас довели, что учения «Неман-79» проводит лично Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов. В районе ожидания мы привели в порядок оружие, снаряжение. Командный состав был готов получить учебно-боевые задачи.

По замыслу командования Белорусского военного округа 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия задействовалась в качестве условного противника для частей, соединений округа, принимавших участие в учениях. Командир дивизии, которому несколько дней назад было присвоено воинское звание генерал-майора, изложил общий замысел и задачу учений. 80-й отдельной разведывательной роте было приказано десантироваться парашютным способом в 30-ти километрах южнее Лиды с последующим захватом и уничтожением водной переправы через Неман. После чего в составе двух разведывательных групп под командованием гвардии лейтенантов Марченко и Ленцова обнаружить армейский узел связи и диверсионными действиями нарушить управление войсками условного противника. В последующем нам ставилась задача разведки его танковых резервов, выдвигающихся навстречу нашим войскам, наступающим с фронта. Командование ВДВ заслушало командиров частей по вопросам уяснения боевой задачи, оценки обстановки, принятия решений. Командирам всех степеней ставилась оценка, делались выводы о дальнейшей службе.

В установленное время марш-броском в составе роты мы прибыли на аэродром взлета «Журжево» и готовились к десантированию. Полк Ил-76М военно-транспортной авиации, дислоцировавшийся в Кедайняе Литовской ССР, совершил посадку в «Журжево» и сразу же началась загрузка в самолеты

боевой техники, проверка парашютистов на линиях контроля. Группы захвата — моя и Ленцова — летели в первом самолете. Мы с Александром в качестве выпускающих проверили парашюты разведчиков, швартовку оружия, снаряжения. После закрытия рампы инженер по десантному оборудованию проинструктировал нас по сигналам управления, с приветствием к десанту на борту выступил командир экипажа. Вскоре послышавшийся свист реактивных турбин возвестил о том, что тяжелый Ил порулил на взлетную полосу — линию старта. Упершись ногами в пол самолета, мы придерживали друг друга, чтобы не свалиться с дюралевых скамеек. Рывок! И самолет понесся по взлетной полосе, кидая парашютистов-разведчиков назад мощной силой инерции. Достигнув взлетной скорости, самолет, оторвавшись от «бетонки», выходил на высоту, откуда удивительной пейзажной картиной внизу поплыла земля с квадратиками полей и населенных пунктов. Свист турбин постепенно перешел в мерный гул идущего вверх корабля, занимающего в боевых порядках свой эшелон.

У самого «сосало» под ложечкой, холодком отдавало в груди. Вроде бы все отработано, но обеспокоенность имела место. Волнение? Конечно! Как десантируемся с малой высоты? Не упадем ли в прохладные воды Немана? Достигнем ли внезапности при захвате переправы? Успех зависел от быстрой и синхронной работы групп захвата. Но опять же, что за противник? Характер его действий? Насколько способен противостоять лихой атаке с небес? Много неизвестных! Разведка — это творчество и действовать приходилось в обстановке, выраженной фразой «ввяжемся в драку, а там разберемся».

Зажмурив на секунду глаза, я собрался, встал, улыбкой подбодрил разведчиков, показывая рукой, что надо поправить ножные охваты. Молодцы, так держать! Занял место выпускающего левого борта, проверил разделитель потока — инженер по десантному оборудованию зацепил карабин моего парашюта за удлинитель. Разведчики, пригнувшись, уперлись плечом и головой в парашют впереди стоящего десантника, изготовились к прыжку. Медленно открылась рампа — рвануло прохладой вперемежку с керосиновой гарью. Самолет выходил на скорость выброски десанта, его бросало в стороны с провалами в бездну. Открылись боковые двери — внизу в серой дымке плыла земля. Голубая лента Немана, извиваясь по равнине, пряталась в лесных массивах. Сирена! Зеленый разрешающий сигнал.

— Пошел!

Хлопнул по плечу Иванова — Борис тут же исчез за бортом самолета. За ним в серую бездну рванул поток парашютистов. Я

следил за карабинами камер стабилизирующих парашютов — нет ли упавших разведчиков, был в готовности прекратить выброску десанта в случае нештатной ситуации. Все нормально, последний разведчик пошел, и я за ним ринулся в пучину воздушной стихии. Мощнейший удар воздушного потока понес к земле. Отсчитав привычные секунды падения, вырвал кольцо основного парашюта — провал, хлопок купола над головой, динамический удар и тишина. Огляделся — в порядке. Неман плыл под ногами, вот она цель — переправа. Взглядом схватил панораму земли и объект захвата. Первые разведчики, приземлившись рядом с ней, освобождались от подвесных систем. Те, кто еще был в воздухе, вели автоматный огонь по охране. Выбрав точку приземления (только бы не угодить в воду), приземляюсь на песчаном берегу. Секунды — и я у понтона, на котором сгрудились обалдевшие солдаты охраны. Пара очередей в их сторону холостыми патронами — главное — «зашкалить» ребят из пехоты, и я у группы минирования. «Шираз» — имитатор разрыва снаряда заложен, горит фитилек огнепроводного шнура. Сигнал: «Уходим». Едва слетели с понтона — взрыв: переправы нет. Зафиксировал время: от начала выброски прошло не более семи минут — ближайшая задача выполнена, внезапность достигнута, по времени сработали быстро, травм нет. Посредник с белой повязкой на рукаве поднятой рукой подтверждает уничтожение объекта условного противника.

Но успех смаковать рано, надо оторваться от возможного преследования. Увожу группу в отрыв в западном направлении — условный противник придет в себя быстро, организует погоню. Для него потеря переправы через Неман — огромный минус, неуспех на серьезном этапе операции. Пятикилометровый бросок в лесной массив разгорячил — привал, перевели дыхание, оценил обстановку, наметил порядок дальнейших действий. Следующий объект — армейский узел связи. Изучив местность по карте (напоминаю: карта в разведке — исключение, берется только в учебных целях), определил точку своего стояния, проанализировал обстановку. До района следующей задачи около 15-ти километров, не сомневаюсь, противник, учитывая факт уничтожения переправы, понимает — она не единственный объект диверсионной группы. Ему не сложно просчитать, что очередным объектом атаки будет узел связи, и примет меры к противодействию. Действовать надо дерзко и стремительно. Но как сократить время выхода на следующий объект? Ответ напрашивался быстро — транспорт. Взгляд на карту — рядом населенный пункт, фермы, значит, есть трактора с тележками, что очень знакомо по-зимнему разведвыходу. Разведчикам Семенову

и Сокурову поставил задачу: спортивные костюмы — деревня — трактор.

Через 20 минут раздался треск двигателя МТЗ из соседнего колхоза. Разведчики в секунды разместились в тележке, я сел с водителем — в тесноте, да не в обиде. Выехали на трассу, где я проверил напряженность шоссе по движению транспорта. Что за машины: гражданские, военные? Общее направление — к объекту разведки. Через некоторое время я отметил несколько специальных, радийных машин, свернувших в направлении зоны внимания, ну, что ж, посмотрим — следуем за ними.

Появились первые антенные устройства — много, но почему-то не было шлагбаумов, патрулей, табличек с надписями: «Запретная зона». Объект реальный? Или ложный? Как-то все гладко получается: переправа и легкий выход на «нерв» армии… Появилось и другое соображение — элементарная безалаберность самого «интеллигентного» рода войск. Ну, что ж, проверим! Дал сигнал на спешивание. Разведчиков расположил у дороги, а сам на тракторе поехал дальше — никто не остановил, не спросил пропуск. А в районе располагался узел связи — настоящий, действующий — уж больно много сосредоточено специальной техники с различными антенными устройствами. Это не могло быть имитацией объекта! Но необходимо уточнить, убедиться в правильности своих выводов. Я возвратился на тракторе к скрытой у дороги группе. Поблагодарив тракториста за помощь ВДВ, распрощался с ним крепким рукопожатием.

Время! К работе приступили двумя разведгруппами одновременно и постом радиоразведки Коробицына. Для начала замкнули накоротко проводные линии связи, проткнув обыкновенной иголкой кабель П-274. Часть кабеля вырезали по длине, а концы разнесли в противоположные стороны и закинули на деревья. Пусть ищут. Одновременно подготовили десятка два взрывпакетов, пару «Ширазов», привязав к ним спички. Вышли к озеру, где сосредоточилось множество радиостанций, а «господа офицеры» войск связи в «купальных костюмах» загорали на берегу. По команде бросили взрывпакеты в скопление техники, радиостанций, личного состава — свыше десятка взрывов разорвали тишину. Затем длинными очередями из автоматов «обработали» узел связи, при этом каждый разведчик израсходовал по магазину холостых патронов. Взрывы пакетов, бешеная стрельба вызвали панику, крики, бестолковые команды офицеров «противника». Не говорю про мат-перемат — всего было достаточно. Но мы были уже в отрыве.

Сделав бросок в полтора-два километра, я объявил привал. Связался по радиостанции с Сергеем Коробицыным. Тот смеялся:

— Послушал бы эфир, Валера, там черт знает, что творится, «противник» дезорганизован, управление войсками утеряно, им поступила команда на поиск диверсантов, но кто их будет ловить, никто не знает.

— Понял. Пусть побегают, это им не киношка «Зона особого внимания».

Ночь прошла спокойно. «Наверное, никому не нужны диверсанты», — подумалось мне. Что ж, посмотрим. По радио пришла радиограмма, в которой уточнялась работа по третьему этапу учений: вскрыть возможный подход танковых резервов противника. «Привязав» карту к местности, я размышлял о том, как лучше действовать, где «противник» может скрыть свой танковый резерв. Получалось так: танки вышли на исходный рубеж для атаки. В решающий момент «противник» введет их неожиданно в бой, в чём и заключалась изюминка, против наших наступающих войск. Они решат исход победы. Но где они пойдут? «Вот в чем вопрос», — как сказал бы классик.

Вышли к дороге походной колонной, мы — «комендантская служба», регулируем график прохождения колонн военной техники. Движемся по обочине в сторону возможного нахождения скрытых танковых резервов. Заодно фиксируем номера военных машин, которые движутся в обоих направлениях. Подспудно инструктирую разведчиков о порядке захвата транспортного средства. Впереди показалась радийная машина. Расчет произведен: группа захвата, прикрытия, обеспечения. Отработан резкий уход в лес, вплоть до ситуации, когда разведгруппа разделится на подгруппы, каждая из которых самостоятельно выполняет задачу до выхода в базовый район. Илья Семенов красным флажком сделал машине отмашку с требованием остановки у обочины дороги. Наши маскхалаты, конечно, необычная для других родов войск одежда, но расчет на внезапность, неожиданность. Пока водитель и старший машины сообразят, они окажутся в наших руках. Так и получилось, правда, не совсем, как хотелось: машина действительно, притормозила, прижалась к краю дорожного покрытия. Я разглядел в кабине офицера, успел даже подумать, что «язык» приличный. Машина почти остановилась, но его лицо вдруг перекосилось, он закричал что-то водителю, толкнув его в бок рукой. Взревев двигателем, машина рванулась вперед, едва не сбив ефрейтора Болотова. Облом! Да еще какой!

Уточнил по карте предполагаемый район танковой колонны, он оказался в стороне от нашей ориентировки. По предварительной информации танковые резервы противника должны находиться в 10 километрах северо-западнее этого

района. Ладно, на то мы и разведка, чтобы добывать максимально объективную информацию. Вышли на танки. Не ошиблись местные пацаны — наши. И какие! Т-80 — совершенно секретные машины! Стояли на лесной дороге в колонне — до батальона. Танковый резерв усилен минными разградителями с навесным оборудованием. Много другой инженерной техники, радийных, специальных машин. Впечатляет!

— Что будем делать, гвардейцы? — спросил разведчиков.

Они поняли: командир принял решение на захват «языка», осталось выбрать поприличней источник информации. Офицеров не видно, честно говоря, брать офицера в плен на учениях как-то некорректно по отношению к нему — все же свой брат-офицер. А вот солдат-танкист в замасленной «мобуте», вылезший из танка, наверное, как раз то, что надо.

Трое разведчиков в спортивных костюмах, работая по легенде, подошли к танковой колонне (они «местные парни», уволились весной из армии). Артисты!

— Привет, земеля! Когда на дембель? — вопрос, который вышибет слезу у любого старослужащего солдата.

— Осенью, — ответил танкист, изучающе глядя на парней с короткой стрижкой.

— Ну, вот и отметим, — продолжали мои «лицедеи».

Через пару минут аккуратно упакованного танкиста принесли ко мне. Тут же дал команду Сафарову и Баравкову брать следующего «языка». Допрос «пленного» солдата длился не более пяти минут: тактико-технические данные новейшего танка зафиксированы в памяти. Принесли второго «пленного», которого первый захваченный танкист не видел. Допрос я провел независимо друг от друга: второй оказался сержантом, рассказал о составе танкового резерва противника, званиях, фамилиях, занимаемых должностях командиров, количестве техники.

Записав данные военных билетов захваченных в плен танкистов, я выдвинул основную группу за болото — в безопасное место. Осталось немного: грамотно оторваться от возможной погони. Связист закодировал радиограмму и отправил ее начальнику разведки дивизии. Отпустив захваченных в плен восвояси, мы сделали лихой бросок через болотистое место. Преодолев топь, вышли к группе, которую возглавлял Сафаров. Теперь нас уже точно не взять — гоняться за нами «противнику» бессмысленно.

В базовый район мы прибыли, как и полагается разведке, тихо, незаметно. Я доложил командиру роты и начальнику разведки дивизии о выполнении задания, отметив, что морально-психологическое состояние личного состава высокое, мы готовы

выполнить любой приказ Верховного главнокомандования и ВДВ. После чего я получил распоряжение на приведение себя в порядок, организацию отдыха и подошел к нашим офицерам, которые ждали меня, чтобы поделиться событиями последних дней.

Азартный Ленцов рассказывал о «дефилировании» в форме майора войск связи и постановке задач часовым «противника» — где и как охранять порученные им посты. Сергей Коробицын поделился тем безобразием, которое творилось в эфире после «уничтожения» нами узла связи. Поведал о том, как он со своими технарями «вскрывал» радиосети «противника», настраивая наши радиостанции на его частоты. О том, как от своего имени отдавал приказы по радиостанциям командирам различных степеней, задействованных на учениях, после которых еще больше нарушилось управление войсками. Мы смеялись, шутили — несколько анекдотов рассказал Сашка Чернега. До афганской войны оставалось 4 месяца…

Крупнейшие учения Белорусского военного округа «Неман-79» показали высокую готовность личного состава 80-й отдельной разведывательной роты дивизии. Дерзкие, решительные действия разведчиков в оперативном тылу условного противника парализовали связь, управление войсками. Задействованные «противником» силы и средства для обнаружения нас, разведчиков, в том числе авиация, не позволили обнаружить и уничтожить разведывательные группы Ленцова и мою. 80-я отдельная разведывательная рота, укомплектованная боевой техникой, вооружением, материальными запасами, средствами связи и десантирования, оказалась способной выполнить поставленные задачи в автономном режиме. Морально-психологическое состояние личного состава было высоким! Такую оценку на подведении итогов учений «Неман-79» дал разведчикам командир 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор Рябченко.

13 ноября 1979 года состоялось отчетно-выборное собрание партийной организации разведчиков дивизии. Именно в этот период нам, дивизионным разведчикам, представили нового начальника разведки дивизии — гвардии майора Скрынникова Михаила Фёдоровича. Он пришел из 105-й Ферганской гвардейской воздушно-десантной дивизии, которую решением Генерального штаба Вооруженных сил СССР расформировали. Майор Удалый убыл в Рязанское высшее воздушно-десантное училище на преподавательскую должность. Новым начальником штаба 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии был

назначен гвардии полковник Петряков, сменивший на этом посту полковника Чернова, убывшего старшим преподавателем в академию им. М. В. Фрунзе.

С этих событий градус атмосферы боевой и политической подготовки 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии начал подниматься. Речь не шла об увеличении количества занятий по предметам обучения, интенсивности и качества их проведения — в воздухе витала напряженная обстановка, которую мы, офицеры, ощущали в повседневной деятельности. Новый начальник разведки дивизии майор Скрынников постоянно находился с нами, офицерами, проводил занятия, беседовал, направлял наши действия в нужное русло. В дивизию прибыл начальник разведки Воздушно-десантных войск полковник Кукушкин — ветеран Великой Отечественной войны, который призвал нас, разведчиков, к необходимости собраться и быть готовыми к выполнению очень важных и неотложных задач. Тем не менее, его слова имели туманный смысл. Вроде бы он и хотел сказать нам что-то большее, конкретное, но далее общих фраз и положений дело не шло. Более того, полковник Кукушкин заявил нам о том, что на базе нашей 80-й отдельной разведывательной роты дивизии будет сформирован разведывательный батальон ВДВ в качестве экспериментального подразделения войск. Мы достойно показали себя на прошедших в сентябре учениях и у командования ВДВ были такие намерения.

Неуловимая атмосфера неопределенности создавала нервозность в офицерском коллективе. Напряженные взгляды командира, замполита говорили о том, что они знают что-то больше, но не могут сказать остальным офицерам. И вообще, накануне командир роты, командиры частей соединения ездили в секретную командировку. Куда? Зачем? Никто ничего не говорил, на лицах старшего офицерского состава была сосредоточенность, собранность, это чувствовалось во всем.

Вскоре поступила команда: офицерскому составу, прапорщикам сфотографироваться. Мы дружно сделали фотографии и сдали их в штаб дивизии, после чего пошли смутные, если так можно выразиться, разговоры о каких-то особых учениях. В начале декабря 1979 года стало известно, что в дивизию прибывает командующий ВДВ генерал армии Сухоруков. К приезду готовились в обычном для такого случая режиме. С офицерским составом подразделения начальник разведки дивизии Скрынников проводил беседы, совещания, на которых делал акцент на занятия. 10 декабря 1979 года с офицерами разведывательной роты продолжались мероприятия по изучению организации иностранных армий, разведывательной подготовке

— материал давался под запись в секретные тетради. На следующий день по этим темам должны были состояться контрольные зачеты с участием начальника разведки ВДВ гвардии полковника Кукушкина. К концу рабочего дня начальник разведки дивизии довел план занятий на следующий день: 11-го декабря 1979 года. Вот он:

1–2 час. Тактическая подготовка, тема: «Общевойсковой бой»;

3–4 час. Разведывательная подготовка, тема: «Разведывательные признаки средств ракетно-ядерного нападения противника»; «Действия разведчиков при захвате и уничтожении объекта»;

5–6 час. ОМП, тема: «Уяснение задачи командиром подразделения при применении противником оружия массового поражения»;

Но плану занятий, намеченному на 11 декабря 1979 года, не суждено было сбыться — не получилось. Через несколько часов в него ворвалась афганская война, отложившая его выполнение на 9 лет 1 месяц и 19 дней…

Глава 3

…Легкий морозец сковал землю и мелкий снежок, накрывший ее, хрустел под ногами. Закончился очередной напряженный день учебных занятий. После 19-ти часов мы с Сашкой Чернегой возвращались со службы домой из «Зеленого городка». Завтра 11 декабря 1979 года, начальник разведки ВДВ полковник Кукушкин проводит контрольные зачеты по организации иностранных армий. Пиво пить не будем — надо собраться с мыслями. Автобус 15-го маршрута подъехал к площади Победы, мы вышли на остановке у Московского проспекта. Чернега, вспомнив очередной анекдот, посмеивался.

Офицеры дивизионной разведки выделялись среди остальных офицеров соединения особой формой одежды — зимними курточками стального цвета без погон. Нас можно было принять за егерей лесной охраны, железнодорожников, прокуроров — всех тех, кто носил форменную одежду. Но, видимо, не знал этого подгулявший крепышок на углу проспектов Черняховского и Московского — хотел затеять драку. Аккуратно уронили в сугроб перебравшего парня и пошли дальше.

Падавший снег веселил, молодость, задор, кураж расслабляли от служебного дня. У «Комсомольского» магазина мы с Сашкой расстались и пошли по домам. Через три минуты ходьбы — квартира, где я снимал комнату с семьей. С супругой поужинали, глянул новостную программу по телевизору. Начавшийся было фильм «Трактористы» усыпил, но звонок в дверь я услышал сразу. Привычно вскочив, открыл дверь: Борис Иванов — посыльный:

— Товарищ гвардии лейтенант, в роте «БОЕВАЯ ТРЕВОГА!»

— Ты что, обалдел? — удивленно смотрю на солдата.

— Никак, нет, товарищ лейтенант — боевая тревога, — растерянно ответил ефрейтор.

— Ладно, лети в роту, я за тобой.

За пару минут оделся, схватил чемоданчик, положенный нам по тревоге.

— Когда вернешься? — спросила жена.

— К утру буду, — ответил я, подбегая к двери. (Почти не соврал, вернулся действительно утром… но через полгода)…

Время около полуночи, транспорт уже не ходил, но огонек свободного такси блестел на площадке перед «Комсомольским» магазином.

— В «Зеленый городок», — бросил таксисту.

Машина лихо рванулась по Московскому, затем налево на

проспект Черняховского в сторону Лучёсы и минут через пятнадцать я был у КПП военного городка, бурлящего ульем разбуженных пчел. Зрелище впечатлило: по тревоге в полном составе были подняты специальные части дивизии. Построения, команды, зачитывались списки личного состава, у казарм стояли под загрузкой машины. Разведчики под руководством старшины роты Николая Андрейчука привычно работали по плану боевой готовности.

В расположении роты я доложил о прибытии Гришину, исполняющему обязанности командира роты (Пащенко находился в отпуске, а Иван Комар работал с молодым пополнением в учебном центре). Владимир Николаевич мне приказал:

— Срочно в парк боевой техники, загружай боеприпасы в учебно-боевую группу.

Я обратил внимание на табло дневального по роте, которое высвечивало сигнал оповещения «БОЕВАЯ ТРЕВОГА».

— Володя, ты хоть что-нибудь объясни, — Гришин замахал руками:

— Валера, все потом, сейчас в парк и загружай боеприпасы! В 8.00 готовность к маршу.

— Куда?

— Орша, аэродром взлета — Болбасово.

— Понял, Владимир Николаевич, бегу.

К 7.00 11 декабря 1979 года 80-я отдельная разведывательная рота дивизии со всеми материальными запасами была готова к совершению марша на аэродром взлета Болбасово. Ровно в 8.00 колонна боевой техники, преодолев исходный рубеж, двинулась по указанному маршруту…

…Ровно гудели турбины огромного Ила, занявшего коридор эшелоном в 7200 метров. Самолет шел плавно, ему ничто не мешало в огромной армаде бортов следовать курсом на юг. Так, по крайней мере, думалось мне и моим разведчикам, перед которыми стояла задача захвата аэродрома Баграм с целью обеспечения посадки передового отряда в составе усиленного парашютно-десантного батальона под командованием гвардии капитана Вадима Войцеховского. Ряд бортов из-за непогоды в Кабуле вернулись на аэродромы «подскока», задействованные десантом в боевой операции, но Баграм посадку давал. Моей разведывательной группе предстояло действовать на авиабазе Баграм без учета нахождения там каких-либо подразделений советских войск, о них мне при постановке боевой задачи не доводилось. Именно в этом контексте мне ставилась задача командиром соединения генерал-майором Рябченко в присутствии начальника штаба дивизии полковника Петрякова и

уточнялась начальником разведки дивизии майором Скрынниковым перед посадкой группы в самолет.

В иллюминаторе темнело, внизу виднелись огни населенных пунктов.

— Джамбул, — произнес штурман, не отвлекаясь от множества приборов в полутемной кабине огромного лайнера.

Я, молча, любовался заревом большого города, оно угадывалось издалека, проплывая справа по борту. В кабине штурмана хороший обзор и наблюдать за уходом ясного дня с большой высоты одно удовольствие. Прошло около часа полета, впереди надвигалось зарево очередного города.

— Чимкент.

За бортом стемнело. Огни селений, малых и больших городов создавали неповторимую картину южной ночи. Яркий свет луны отражался в озерах и общий рисунок звездного неба, скопление огней до горизонта создавали неотразимую паутину гирлянд. Завораживало взгляд: самолет плыл под мерный рокот турбин. Заканчивался второй час полета.

— Но что это? — недоуменно вопрошаю у штурмана.

Ничего не пойму: внизу, где заливались электрическим светом города, а реки отражали звездное небо с луной, стало вдруг непроглядно темно. Словно неведомый кто-то прочертил РЕЧКОЙ, блеснувшей внизу, линию водораздела, между жизнью и смертью.

— Амударья — граница Союза Советских Социалистических Республик, — оповестил по громкой связи командир экипажа.

Нечто черное наплывало навстречу: окутывало, захватывало, поглощало темнотой и дрожью. Внизу ни огонька — непроглядная тьма. Луна в последний раз сверкнула в водах РЕЧКИ и пропала, словно утонула в ней. Знакомый холодок коснулся спины.

— Афганистан!..

Мощная армада самолетов военно-транспортной авиации с десантом на борту вошла в воздушное пространство страны, первой признавшей молодое советское государство. 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия в составе первого эшелона сил вторжения приступила к выполнению боевой задачи…

…Я расположился в кабине штурмана, наблюдая виртуозную работу специалиста высокого класса. Удивительно, штурман успевал одновременно делать множество операций: смотреть в локатор, сверять полетные карты, щелкать кнопками пультов управления, навигации, переговариваться с командиром экипажа. Делал он это все без суеты и лишних движений. В плавных

движениях специалиста имела место профессиональное изящество. Я с восхищением любовался уверенной работой парня в летной куртке с меховым воротником.

По курсу полета была сплошная темнота, не видно привычных огней на земле — такое впечатление, как будто зависли в пространстве ночи. «Ночной полет», да и только», — подумалось мне, но о Сент-Экзюпери я больше не вспоминал, возможно, настроения наши не совпали с гармонией межзвездной романтики.

Я вышел в салон к разведчикам, спящим на тентах машин — пора поднимать.

— Сафаров, подъем, — толкнул в плечо заместителя.

Сергей проснулся, быстро вскочил:

Сосредоточенные лица парней не могли обмануть — летим в неизвестность, вызывающую трепет каждой клеточки тела, но все были собраны, как на многих учениях, которые вместе прошли в лесах Беларуси, и беспокойство, которое я видел в глазах разведчиков, было совершенно понятно.

Несколько часов назад мы, командиры разведывательных групп 80-й отдельной разведывательной роты, были вызваны к командиру дивизии генерал-майору Рябченко, от которого получили БОЕВОЙ ПРИКАЗ. Для меня боевой приказ комдива звучал следующим образом:

— Гвардии лейтенант Марченко.

— Я.

— Приказываю десантироваться в составе разведывательной группы на аэродром Баграм с целью захвата посадочной полосы и обеспечения посадки передового отряда в составе усиленного батальона 350-го парашютно-десантного полка под командованием гвардии капитана Войцеховского. В последующем вести разведку в интересах передового отряда.

— Есть, товарищ генерал.

Все встало на свои места: схема элементов аэродрома, которую мне в Балхаше вручил начальник разведки дивизии, и есть тот самый Баграм, до которого осталось менее часа полета.

Устроившись по борту самолета, сверху машины, разведчики смотрели мне прямо в глаза.

— Внимание всем, до посадки 40 минут. Еще разок пройдем по задаче, не торопясь, мысленно проиграем свои действия, чтобы на земле не возникло проблем. Все понятно?

— Так точно, товарищ лейтенант.

— Тогда давай, Сергей: твои действия после открытия рампы.

— С Баравковым, Сокуровым, Ивановым занимаем позицию со стороны помещения охраны аэродрома, тем самым

обеспечиваем выгрузку техники из самолета.

— Так. Сорбосы открыли огонь.

Сержант не смутился:

— Связываю охрану огнем, Болотов на БМД прикроет из ПКТ и орудия.

— Хорошо, Сергей, не забудь важный момент: двигатели самолета будут работать, не попадите под раздачу потока. Недавний случай, надеюсь, помните.

— Понял, товарищ лейтенант, — Сафаров слегка улыбнулся.

Ну, как же, господ офицеров сдуло реактивной струей при движении по аэродрому. Разве забудешь такое?

— Болотов, действия твоего экипажа? — вопрос командиру второго отделения.

— Выгружаемся, занимаем позицию в 30 метрах от самолета. Прикрываю группу Сафарова со стороны контрольно-диспетчерского пункта, — доложил сержант.

— Так, ясно. Не спускай глаз с зенитной батареи и держи ее, Болотов, под контролем.

— Понял, товарищ лейтенант.

— Как механики работают? — обратился я к старшему технику роты.

— Расшвартовываем технику, Валерий Григорьевич, машины выкатываем на бетонку, запускаем двигатели и занимаем позиции согласно расчету, — уверенно выдал Петро.

— Да, если какая-нибудь «коробочка» не запустится сходу, катите дальше от самолета.

— Понятно, Валерий Григорьевич.

— Хорошо. Проверить оружие, снаряжение, гранаты не трогать, запалы не вставлять, — дал последние указания перед посадкой в Баграме.

Двое «прикомандированных» к моей группе товарищей в солдатских курточках общались, наклоняясь к уху друг друга — вижу, довольны детальным уточнением задачи. Они — старшие офицеры военной разведки ГРУ Генштаба, находятся со мной по распоряжению высшего начальства, о чём меня информировал полковник Петряков в следующей форме:

— Марченко, с тобой будут два офицера разведки, тебе о них знать ничего не надо, но если возникнут вопросы по обстановке в районе десантирования, обращайся к ним…

— Понял, товарищ полковник, — ответил я бодро начальнику штаба. Только о возможных проблемах и вопросах, которые могут возникнуть, Петряков ничего не сказал.

Три боевые машины десанта были пришвартованы цепями к полу самолета. Расстояние между их корпусами и скамейкой, на

которой расположились разведчики, небольшое, много не походишь, не разомнешься — машины занимали все свободное место. Проверил крепление цепей — скоро посадка, проверка будет не лишней…

В сумраке мерцающих приборов штурман склонился над картами, только капельки пота на лбу выдавали собранность напряженной работы человека, ведущего корабль по сложнейшему маршруту. Светлеющие облака небосвода обозначили приближение огромного города, зарево которого постепенно надвигалось на нас.

— Кабул, — произнес штурман и потом уточнил, — ближе Баграм.

Я взглядом впился в огни городка, ставшего известным позднее на весь Советский Союз: Баграм.

Самолет, вздрогнув, вдруг стал проваливаться вниз. Потеря высоты была настолько мощной, энергичной — заложило уши, засвербело в носу. Последовавший следом крен с еще большей потерей высоты вызвал откровенно неприятные ощущения. Взгляд на штурмана — спокоен, как будто бы ничего не случилось. Значит, так надо! А самолет все падал и падал, кажется, целую вечность. Очередной разворот с бесконечным падением вниз перехватил дыхание, на лбу образовалась испарина пота. Когда же этому конец? Огни Кабула и Баграма плыли по кругу, но в плоскости горизонта находились уже несколько ниже. Следующий крен самолета в пространстве и мы вышли на полосу, она была перед нами в огнях навигации. Ух, вот это скольжение!

— Давай, командир, двигатели останавливать не будем, — крикнул штурман, на секунду повергнувшись ко мне.

Хлопнув его по плечу, я побежал к разведчикам — смотрят шальными глазами, пытаясь понять, что же происходит? Махом прервал все вопросы:

— Через минуту посадка. Действуем по плану, уточнения по ходу задачи. Всем приготовиться!

Самолет коснулся бетонки — взревели реверсы заднего хода, гася скорость пробега. Инерция закончилась, поворот на рулежку, затем другой и самолет остановился у края бордюра. Рампа открылась, все разведчики знали свое место и действовали по отработанной схеме: установили накаты для техники, которую уже подготовили к выгрузке. Выскочив на бетонку, я огляделся, чтобы оценить обстановку. Темнота не смутила, главное я увидел: взлетная полоса была освещена и со стороны КДП много огней, в свете которых были видны всего пять-шесть человек, закутанных в одеяла. Они шли вдоль ограждения аэродрома без всякого любопытства к совершившему посадку самолету.

Группа Сафарова залегла на позиции и контролировала обстановку у командного пункта. Болотов со своим экипажем вытолкнул на бетонку БМД под номером 188. Машина по инерции откатилась от накатов, запустился двигатель, и она рванула прикрыть отделение Сафарова от КДП и казармы охраны аэродрома. Отделение Нищенко успешно выкатило боевую машину под номером 189. Запустив двигатель, она встала на рубеж прикрытия самолета со стороны зенитной батареи. Моя командирская с номером 187 выкатилась следом, Слободов запустил двигатель, и машина усилила позиции прикрытия самолета. Четверо разведчиков помогли инженеру по десантному оборудованию убрать накаты, и самолет сразу же порулил на взлетную полосу. Я взглянул на часы — с момента посадки прошло 15 минут, а Ил уже мчался на взлет. Оторвавшись от полосы, лайнер исчез во мгле темного неба.

В наступившей тишине я оценил позицию группы, проверил связь и на командирской машине поехал в начало взлетной полосы, освещенной навигацией. Вылетев на «взлетку», по осевой линии рванул по ней на большой скорости, наблюдая ее состояние. Понятно, если наш Ил приземлился и нормально взлетел, то полоса свободна, но меня беспокоил другой момент. Посадку и взлет самолета слышали и видели афганцы-зенитчики, охрана аэродрома, поэтому я допускал такую возможность, что полосу могут заблокировать техникой или взорвать, что не позволит совершить посадку передовых сил десанта и поставит выполнение задачи под срыв.

До приземления батальона капитана Войцеховского оставалось минут пять. На боевой машине я пролетел до конца полосы — нормально. Занял позицию в центре боевого порядка группы, чтобы контролировать ее фланги. Практически сразу послышался гул самолетов: передовой отряд заходил на посадку. Первый борт, включив прожектора, коснулся полосы, следом второй, третий, порулили к месту разгрузки. Связавшись по радиостанции с Войцеховским, я ему доложил, что КДП и охрана под контролем, веду наблюдение и указал координаты позиции группы. Комбат уточнил мне задачу: об изменении обстановки докладывать немедленно.

Борта, выгрузив технику и личный состав, один за другим уходили на взлет. Передовой отряд 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии взял авиабазу Баграм под контроль без единого выстрела и был готов принять основные силы десанта.

Рассветное утро в Баграме поразило грандиозностью горного массива — вершины, покрытые шапками вечных снегов, взметнулись в лазоревое небо. Необыкновенная панорама

природы восхитила взор, поразила воображение. Ее величие и красота отразились в памяти на многие годы вперед. Баграм! Сколько с ним мыслей живет до сих пор! Разве думалось в те минуты о том, сколько же крови наших парней прольется в этих горах и ущельях? Восхищение красотой заснеженных гор было настолько сильным и поглощающим, что я не сразу обратил внимание на позицию зенитной батареи афганцев. По брустверу ходил часовой, закутанный в одеяло, не обращая внимания на нашу боевую технику, стволы которой смотрели в сторону их зенитных орудий.

Войцеховский вызвал меня по радиостанции в штаб передового отряда, где передал приказ командира дивизии: в 12.00 совершат посадку три АН-12, в которые мне следует загрузить свою технику, личный состав и совершить перелет в Кабул. Борта прилетели вовремя, и мы приступили к загрузке боевых машин в самолеты. Через Войцеховского я доложил командиру дивизии о готовности к вылету, получив добро, попрощался с комбатом и через пятнадцать минут полета мы приземлились в Кабуле.

Совершив посадку в столичном аэропорту, я доложил командиру роты о прибытии своего взвода, разгрузили технику, пообедали и находились в режиме ожидания команды. Какой? Мы еще не знали, даже не представляли, что разворачиваются события мирового масштаба, в которых мы принимаем самое непосредственное участие. С офицерами роты обменялись впечатлениями, прогнозировали дальнейший ход развития ситуации, наше участие в ней. Затем последовала команда начальника разведки дивизии майора Скрынникова: командирам разведывательных взводов прибыть в штаб соединения, где командир дивизии генерал-майор Рябченко поставит нам боевые задачи.

Каждому командиру группы задача ставилась отдельно. Моей разведывательной группе было приказано: в составе трех боевых машин выдвинуться четыре километра севернее Кабула на рубеж отдельной цепочки холмов и занять позицию вдоль дороги, ведущей в столицу Афганистана. В дальнейшем имеющимися средствами предотвратить вход в Кабул мятежной танковой бригады регулярной армии Афганистана, а также вести наблюдение за частями афганской армии, которые предпримут какие-либо действия, и воспрепятствовать их движению в город огнем штатного оружия. Поразили слова комдива: «Гвардии лейтенант Марченко, совершить марш по маршруту… занять рубеж… и стоять насмерть!».

За светлое время на трех боевых машинах я вышел на

указанный рубеж, занял оборону, подготовил основные и запасные позиции для БМД. Время позволило обложить машины камнями, обустроить ячейки ведения огня из стрелкового оружия и гранатометов. Даже успел прикинуть пути отхода на случай, если судьба позволит совершить нам маневр. Я прекрасно понимал, что такое танковая бригада — пусть даже афганской армии. Сопоставимость сил и средств была резко отрицательной не в нашу пользу, но в ушах стояли слова командира дивизии: «Стоять насмерть». Это, поверьте, не забывается. В 19.30 местного времени моя разведывательная группа была готова принять бой на указанном мне рубеже.

Боевой расчет выстроил следующим образом: в башнях боевых машин находились наводчики-операторы, рядом в оборудованных камнями ячейках расположил командиров отделений, которые также уверенно стреляли из вооружения БМД-1. Остальных разведчиков разместил с учетом круговой обороны на сокращенных расстояниях друг от друга. Понимая, что в случае огневого столкновения нам не устоять против танковых орудий. Для каждой боевой машины определил несколько запасных позиций, чтобы после двух-трех выстрелов менять ее положение на местности. Прикинул на карте несколько маршрутов отхода.

Грандиозная панорама огромного города, раскиданного в огромной долине, впечатлила разнообразием красок. Наступившая без привычных для нас сумерек ночь быстро поглотила столицу Афганистана. В прицеле боевой машины в ночном режиме хорошо просматривались улицы, районы восточного мегаполиса. Волнение было большим не только у нас, чувствовалось это и по радиообмену: в эфир часто выходил начальник разведки майор Скрынников, запрашивал у меня обстановку. Я докладывал, что все нормально, движение противника не отмечается. Ощущение волнения, нервозности достигло предела, когда наводчик-оператор Мандрыко доложил:

— Товарищ лейтенант, наблюдаю движение колонн на окраине города.

Прильнув к прицелу, я увидел движение боевой техники с включенными фарами от аэродрома, где расположились части дивизии после приземления, в сторону города. Недоумение было полным: не зная общей задачи соединения, я не мог предположить, что в Кабул на боевой технике входит 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия.

— Товарищ лейтенант, смотрите — стреляют. Действительно, над городскими кварталами, куда втягивались колонны боевых машин, полетели трассера. Вначале это были отдельные очереди

из пулеметов, потом их интенсивность возросла. Минут через десять ухнули первые выстрелы орудий, которые вскоре превратились в артиллерийскую канонаду. Над Кабулом замерцал огневой шквал трассирующих очередей пулеметов, гул орудий. Картина привела в ступор личный состав моего взвода, наступило откровенное недоумение от видимой нами картины событий.

Такой ход событий вряд ли кто мог предположить: над Кабулом огненный шквал. В прицел я изучил местность — пока в порядке, тишина. Выскочив из БМД, обошел разведчиков, уточнил задачи, пробежался глазами по горизонту — ничего. Оставалось наблюдать фейерверк над Кабулом. Панорама поражала строчками очередей и выстрелов орудий. Что там происходило — трудно представить, но море трассирующих пуль, летящих в разные стороны, создавали картину тяжелого боя. В какой-то момент я увидел, что в одном из районов города строчки трассеров пошли навстречу друг другу. Вначале не понял развития ситуации, потом осенило: идет взаимная перестрелка, причем очень сильная. С одной и другой стороны навстречу друг другу исходила стрельба, которая минут через двадцать уменьшилась и вскоре затихла. Позднее стало известно: в огневое столкновение вступили два наших парашютно-десантных полка, которые, не разобравшись в городской обстановке, вступили друг с другом в огневой контакт. К счастью, обошлось без жертв.

До полуночи шла сильная перестрелка, которая то уменьшалась, то набирала обороты. Затем общая ситуация огневого воздействия пошла на убыль, гул орудий вообще прекратился. Над Кабулом летали отдельные очереди трассирующих пуль, вскоре и они исчезли в наступившей тишине. У нас на позиции было еще тише — обстановка без изменений. Я дал команду разведчикам перекусить сухим пайком.

— Товарищ лейтенант, давайте с нами, — позвал, подошедший Сафаров.

— Добро, Сергей, иду, перехватить надо, кто его знает, что будет дальше.

Покушали быстро. Вскоре стало светать. Внимательно изучив местность вокруг позиции взвода, я мысленно проиграл ситуацию: а что, если бы танки пошли на Кабул, и пришлось бы вступить с ними в бой? От наших позиций до дороги метров 350, каждая из БМД безнаказанно сделала бы по танкам 5–6 выстрелов — 15–18 в общей сложности. Результат поражения с такого расстояния большой, но, не переоценивая степени нашей подготовки, допустил, что потери противника могли составить до 60 процентов. Значит, 8–10 танков, то есть до танковой роты мы

могли бы уничтожить за счет внезапной атаки. Но если бы танковый батальон афганской армии действительно попытался войти в Кабул с нашего направления, то реакцию двух других танковых рот батальона легко представить: развернулись бы в боевую линию и несколькими выстрелами с нами покончили.

Для нас эта ночь закончилась благополучно. Командование дивизии предполагало, что активные мероприятия по захвату ключевых объектов в Кабуле нашими частями и подразделениями могли спровоцировать отдельные танковые части афганской армии на оказание сопротивления. В частности, моей разведывательной группе и была поставлена задача с учетом этого фактора: дать информацию штабу дивизии, если с моего направления такая попытка появится.

Доложив начальнику разведки о том, что движение на дороге не отмечается, я получил приказ на возвращение в район аэродрома. Без всяких проблем совершив марш по Кабулу, мы вернулись в расположение роты по маршруту.

Глава 4

Для разведчиков 80-й отдельной разведывательной роты дивизии перевал Паймунар, вершина горного хребта Ходжа-Раваш стали не только полигоном, но и родным домом. Ежедневные занятия с разведчиками я проводил с максимальной отдачей сил, энергии, с ужасом отмечая, что наша профессиональная подготовка для действий в горах может служить не более чем базовой, которую необходимо восполнять ежедневными упорными тренировками. На первом этапе занятий я ставил задачи разведывательной группе, которые состояли только в том, чтобы просто подняться на вершину горы со штатным вооружением, снаряжением без отработки тактических и огневых задач. Например, выдвинуться по маршруту: базовый район — вершина горы Ходжа-Раваш с целью ведения разведки, обнаружения противника, определения координат для корректировки огня артиллерии и авиации в зоне ответственности дивизии.

Первые тренировочные подъемы на вершину горы продолжались около двух часов. Штатное оружие, боеприпасы, сухой паек, вода, снаряжение весили до 30 килограммов, каждый подъем на горный хребет был тяжелейшим испытанием на физическую прочность и выносливость. А каково было пулеметчикам и гранатометчикам со штатным оружием! Несколько восхождений на вершину дали четкое понимание — тренировки должны продолжаться по нарастающей динамике. Неимоверная усталость и тяжесть наваливались на тело после каждого подъема на гору, судороги схватывали икры ног и не отпускали по нескольку часов. Массаж мышц приводил в относительную готовность к дальнейшим занятиям, которые с каждым разом я усложнял с переходом на ночь. С карандашом в руке частенько сидел и чертил схемы вариантов выдвижения группы в тыл противника, порядок действий, наращивал обстановку вариантами встречи с душманами, обеспечения прикрытия, страховки, ухода на другой маршрут, выноса условных раненых, убитых.

Тренировки в горах продолжались неделями — днем и ночью: интенсивные, тяжелые. От неимоверной нагрузки разведчиков тошнило, пот выедал глаза солевыми потоками, я и сам валился с ног от усталости и напряжения. На вершине горы, захлебываясь потом, мы падали в изнеможении, занимали оборону, наблюдали за местностью, лежали, выравнивая дыхание, а сердца рвались из груди. После продолжительных покорений вершины и штурма

горной гряды к нам приходила постепенная уверенность в силах. Теперь уже каждый разведчик совершенно точно знал: при действиях в горах нам необходима величайшая выносливость. Выносливость и еще раз — выносливость! Эту физическую возможность человека и сейчас ставлю на первый план.

Тем не менее, с каждой последующей тренировкой я шел на усложнение задачи: придумывал мишени, которые выставлял до вершины горы по ярусам — они обозначали противника. Действия разведывательной группы выстраивал в режиме реального времени, по установленному мною маршруту я направлял головной разведывательный дозор, который вел наблюдение за местностью, обнаруживал противника (мишени), подавал нужные сигналы. Разведгруппа занимала одно из боевых положений, отработанных на тренировках («домашние заготовки»), которые я предлагал во множестве вариантов, каждый раз усложняя на практике. Разведдозор, прикрывая основной состав разведчиков, открывал огонь по мишеням, тем самым обеспечивая выход группы из боя с уходом на другой маршрут. Обнаруживал нового противника — ярусом выше (ниже), стремящегося перехватить группу при совершении маневра. Постоянно находясь в движении (противника надо закружить, сбить с толку), он принимал удобное положение для ведения боя, открывал огонь на поражение. В работу включалась группа прикрытия тыла — вместе с головным дозором она автоматным огнем уничтожала противника. После чего следовал сигнал — «путь свободен».

Основная группа выходила на запасной маршрут, продолжая движение к объекту задачи. Группа прикрытия переносила огонь на следующего противника, обеспечивая отрыв основной группы от места боестолкновения, и следовала за ней. Далее еще находились мишени: справа, слева, с обеих сторон, обозначавшие внезапное нападение из засады. Опять работали по ним, маневрировали, уходили, прикрывая друг друга до самой вершины. Наконец, линия водораздела. Обессиленные мы валились на камни, в голове стучали молоточки — только бы не потерять сознание. Коротенький отдых, наблюдение за кишлаком (реальным) и опять бесконечные тренировки. Мы нарабатывал тактику действий группы во множестве вариантов, которые могли бы иметь место при выполнении задач поиска, засадных действий, наблюдения за противником.

Далее я опять усложнял задачу появлением условных раненых, убитых, которым разведчики оказывали первую медицинскую помощь, эвакуировали в безопасное место. Затем следовал отдых в замаскированном месте с принятием мер

предосторожности, после чего я применял третью степень сложности боевого применения группы — подъем в гору с выполнением тактических, специальных и огневых задач, с эвакуацией условных раненых и убитых. Такие тренировки продолжались днем и ночью с параллельным выполнением реальных боевых задач.

По такой вот методике до конца марта 1980 года дивизионная разведка готовилась к ведению боевых операций. Мне много раз приходилось говорить на разные аудитории: «Слава богу, что у нас выдалось время на подготовку к боевым действиям». Война отвела нам время для того, чтобы мы психологически и профессионально вросли в обстановку. Подчеркну, мы — разведка ВДВ, и в Союзе нам равных не было! У нас, в отличие от подразделений других родов войск, была сильнейшая подготовка. Проведены учения, разведвыходы, стрельбы, вождение боевых машин, но в Афганистане подготовка к боевым действиям начиналась с нуля. Нам многое еще предстояло узнать и постичь, чтобы быть успешными в настоящей войне.

Заканчивался февраль 1980 года. Полным ходом шла разработка первой Кунарской операции. Личный состав, выделенный в отдельную группировку, приступил к занятиям в горных условиях по тактической и огневой подготовке. Заканчивался сезон дождей с непролазной грязью, рваными клочьями облаков и бесконечным холодным дождем над палаточным городком. Именно такая картина оставила в памяти след прохладного неба войны.

Напряжение в воинских коллективах росло: как мы готовы к войне? Насколько способны сражаться в настоящем бою, чтобы выжить и победить? С позиции наших дней многое видится по-другому, но тогда многие вопросы возникали из жизни, реальных условий. Сейчас мне важно понять самому, почему в Советской армии случилась подмена понятий: боевой подготовки и «показухи», парково-хозяйственных дней и хозяйственных работ, действий, максимально приближенных к боевым условиям, и системы упрощенного проведения занятий? С каким багажом практических навыков вступали в бой на афганской земле солдаты и офицеры ограниченного контингента? В конце концов, насколько же был грозен советский солдат для нашего противника, с которым мы вступали в бой во имя революционных преобразований афганского народа?

Оценка готовности ограниченного контингента советских войск к боевым действиям в Афганистане — важный элемент военной составляющей, обойти который нельзя. Насколько

морально-психологический уровень личного состава способствовал выполнению поставленных задач? Как мы воспринимали личное участие в боевом столкновении с противником, ведущим огонь на поражение? Война — другое измерение понятий в сознании любого человека. Морально-психологическое состояние частей и подразделений являются главными факторами готовности солдата, офицера к участию в бою. Необходима перестройка сознания в иную плоскость восприятия мира, способность думать так, как необходимо думать на войне. Никакие превентивные занятия, учения не дадут понимания военной действительности, кроме личного участия в боевых действиях. Много лет подряд я благодарю судьбу за то, что нам, разведчикам, она дала возможность подготовиться к боевым действиям в Афганистане. Но — уже в самом Афганистане.

Настройка сознания, включение в боевую деятельность позволяет судить о том, насколько личный состав готов действовать в условиях жестокого боя. Да, убивать! Быть готовым погибнуть! Но реальная опасность погибнуть не должна парализовать сознание и разум. Внутри нашего мозга важно активировать клеточки, отвечающие за самообладание, спокойствие и оптимизм. Они включаются в работу, дают новую методику мышления, оценку действительности в боевых условиях. Общее состояние опасности, окружающей нас, передается каждой клеточке тела — организм адаптируется к режиму этой самой опасности. Подчеркиваю, не привыкает — адаптируется, то есть вырабатывает совокупность защитных реакций, обеспечивающих приспособление организма к изменению окружающих условий. Сложнейшие процессы проходят в центральной нервной системе военнослужащих, переступивших допустимый порог опасности для жизни. Мозг в боевых условиях работает быстро: за доли секунды считает варианты решений, дает команды, отменяет, заставляет думать, действовать. Не случайно в минуты опасности у человека перед глазами пролетает целая жизнь — фигуральное выражение, но активность мозга в моменты жизненных рисков чрезвычайно высокая. На собственном примере расскажу о многих эпизодах боевых действий, когда мой мозг, независимо от воли и сознания, принимал решения, спасал жизнь, давая единственно правильные команды на те или иные действия.

Разведывательная группа, которой я командовал уже более года, вела разведку местности в зоне ответственности дивизии с начала января наступившего 1980 года. Район кишлаков Тарахейль, Дехъийхья, Паймунар вызывал беспокойство у

командования 40-й армии. О противнике мы знали немного, любая информация о его действиях послужила бы хорошим подспорьем в принятии решения на боевые действия. Противника вроде бы и не было, но он везде проявлял себя нападениями из засад. Невозможно было планировать боевую операцию, не имея представления о вражеском подполье в кишлачной зоне, о душманских отрядах, характере их действий. Разведка дивизии работала активно: в горах вела наблюдение за местностью, кишлаками, собирала информацию о передвижении связных между горными массивами и кишлаками. В разных направлениях мы фиксировали обмен световыми сигналами, отмечали другие косвенные факты деятельности вражеского сопротивления. Создавалось впечатление, что мы и противник присматривались друг к другу, изучали, чтобы где-то нанести внезапный удар.

Подготовка к боевым операциям отдельных группировок советских войск не являлась для «духов» секретом: работа с техникой, вооружением, перемещение гусеничных, колесных машин красноречиво обо всем говорило. Границы базового городка нашей дивизии постоянно окружали толпы афганцев, наблюдавших, как веселые «шурави» обустраивали лагерь. Шустрые «бачата» предлагали сигареты, насвай, жвачку — постоянно что-то меняли, наши тайком несли на обмен сухие пайки, обмундирование, обувь. В базарных рядах наши военнослужащие буквально хватали косметику, платки, бижутерию, батники, джинсы — выбор был настолько разнообразный, глаза разбегались. Натуральный обмен товарами жестко преследовался особым отделом дивизии, партполитаппаратом соединения. Тревожное затишье, невладение обстановкой раздражало войска, но нам, разведчикам, скучать не приходилось: ночная разведка, дневные занятия оставляли немного времени на отдых.

А в Кабуле стояла настоящая зима — с морозом, снегом и очень холодными ночами. Получение белых маскхалатов и лыж для выдвижения в район поиска и ведения разведывательных действий мы расценили как подарок. Стало гораздо удобней передвигаться по каменистой местности с высоким снежным покровом. Маскировка обеспечивала скрытое выдвижение в районы нашего внимания. Начальник разведки дивизии майор Скрынников Михаил Федорович, а по-нашему — дядя Миша, требовал от нас, командиров разведгрупп, данные о противнике за хребтом Паймунар, а также о состоянии обстановки в полосе восточней аэродрома Кабул 8–10 километров, где вдоль горной гряды Хингиль раскинулась широченная кишлачная зона. Мы работали над задачей из ночи — в ночь, трудились, но ничего

существенного не было, зацепиться за «духов» никак не могли.

По периметру базового лагеря нашей дивизии и с элементами Кабульского аэропорта было выставлено боевое охранение, прикрывавшее нас от душманских атак, нападений. Прикрытие аэродрома с восточного направления обеспечивало боевое охранение в составе парашютно-десантного взвода под командованием старшего лейтенанта по имени Александр. Каждый раз, следуя через его охранение в душманское логово, я уводил группу в черно-белую мглу: белый снег, черные горы. Рядом с охранением находилось кладбище и мраморный карьер, из которого личный состав базового лагеря забирал каменную крошку для оборудования подъездных путей. Недавно в карьере случилась трагедия, унесшая жизни целого отделения солдат, прибывших без оружия за щебенкой и крошкой. «Духи» всех уничтожили, надругавшись над телами убитых бойцов. После этого случая я дал себе слово быть адекватным к врагу и держал его в течение четырех лет выполнения воинского долга. И меня не мучают ночные кошмары от уничтоженных мною нелюдей в человечьем обличье.

К боевому охранению я выводил группу скрытно, но так, чтобы в нужное время оказаться в поле зрения его наблюдателей. Могло всякое быть, к примеру, наблюдатель Мажмунов, может вначале полоснуть из пулемета, а после этого запросить пароль. Такое бывало не раз. Мажмунов — таджик по национальности, хороший, в общем-то, парень, но за неряшливый вид командир частенько «пристегивал» его к пулемету для наблюдения в тыл. По линии боевого охранения постоянно сновали местные жители, «бачата», в надежде на взаимный с нами обмен, они частенько собирались кучками смотреть на «шурави». Через Мажмунова можно было пообщаться с ними, напомнить им, что нельзя пересекать запретную зону, где несут службу русские солдаты.

Наш таджик был исполнительным солдатом, но, призванный из высокогорного аула Таджикской ССР, он иногда путал не только команды, но и действия. Однажды к нему «под раздачу» попали и мы. Я, как всегда, вывел группу к боевому охранению, чтобы с его командиром уточнить взаимодействие по ночной работе. Вдруг слышу лязг затвора и дикий окрик:

— Дрищ! (Стой)

Упали на снег — не дышим. Вступаю в разговор, пытаясь ему объяснить солдату:

— Мы разведчики, нужно поговорить с командиром.

Ни в какую — хоть убей.

— Командир отдыхает, будить не велел.

— Ладно, — говорю отличнику Советской армии, — мы

встаем и уходим.

Думаю, уйдем с линии огня, а там разберемся. Только попытался встать — длинная, во всю мою жизнь, очередь из пулемета прижала к земле. На выстрелы прибежал Александр, командир охранения, пинком откинув бойца от пулемета.

— Живые? Никого не задело?

— Да, живые, но резкость потренировали, черт бы его взял, сорбоса.

Опорный пункт охранения, прикрывший аэропорт со стороны горного массива с восточной стороны, представлял систему траншей, ходов сообщения, перекрытых щелей, НП командира, окопов для стрельбы из стрелкового оружия, аппарелей трех БМД — основных и запасных. Система огня опорного пункта взвода была выстроена таким образом, что обеспечивала круговую оборону подразделения в случае нападения на него противника. Такую скромную тактическую единицу, как парашютно-десантный взвод, можно было назвать заставой, боевым охранением, но в любом случае оно находилось на передовом рубеже выполнения боевой задачи. Дальше был только противник — жестокий, коварный, и десантники чувствовали его незримое присутствие неуловимой атмосферой опасности.

Один из наблюдателей, расположившись на башне боевой машины, изучал местность, фиксируя обстановку по времени, данные заносил в специальный журнал. Другой наблюдатель, с ручным пулеметом, контролировал тыл опорного пункта и подходы к нему от находившегося рядом кладбища. Перед фронтом опорного пункта раскинулась долина, которую с обеих сторон, словно клешнями, охватывали два довольно высоких хребта, встречавшихся километрах в четырех далее охранения, образуя узкий проход — дефиле. Правая гряда отличалась черной громадной вершиной, которая своим основанием словно бы села на хребет, господствуя при этом над всей заснеженной местностью.

Темный цвет горушки притягивал взгляд. Она не нравилась мне, раздражала и командира поста — Александр говорил мне не раз, что с ее вершины ведут наблюдение «духи». Беспокойство взводного можно понять: застава как на ладони, а четыре километра до горной гряды с отдельной вершиной — хорошее расстояние, чтобы не попасть под обстрел, но быть под наблюдением «духов». Темную вершину я отнес к ориентиру, присвоив ей мрачное имя — Черная гора. Надо сказать, что оно прилепилось к ней на все время пребывания советских войск в Афганистане.

Обменявшись паролем, мы зашли в расположение

зарывшегося в землю и камни парашютно-десантного взвода. Ребята устроились крепко: тепло и уютно от пылающей жаром печи, они еще спали перед выходом на ночь, но скоро подъем. Десантники заступят на боевое дежурство и будут до утра всматриваться в темную холодную ночь, ловить звуки, свет фонарей, костров, возможно, дыханье крадущихся «духов».

Запах керосина, тепло от печки расслабили разведчиков. Вытянув ноги вперед, они присели у стенки чуть отдохнуть. Скоро их склонит ко сну, а мы с командиром охранения порешаем ряд взаимных вопросов.

— Привет, Саш, — жму руку старшему лейтенанту, вышедшему встретить разведку.

— Привет, Валерик. Что нового на большой земле?

— Все забытое старое, — в тон отвечаю ему. — Сам-то как?

— Нормально, курим потихоньку. Что-то долго не был у нас.

— А… ходил за Паймунар.

— И что? Там спокойней?

— Безопасней, Саша. Как твои-то «духи»? И моя «черная леди»?

— «Душки-то» шевелятся, огоньками обмениваются, — вздохнул Александр, — в горах у них кое-что наблюдается, а вот кишлаки скрывает твоя несравненная леди — Черная гора. Раздражает она меня, Валер.

— Иду вот к ней на свидание — примет, не примет — не знаю, а твое неудовольствие передам обязательно. Пока снежок с ветерком, морозец — махну через долину, а утречком вернусь. Не возражаешь?

— Да ради Аллаха.

Черная гора — отличное место для наблюдения, я вполне допускаю, что «духи» оборудовали на ней наблюдательный пост, может, посты. С ее вершины в бинокль виден весь аэродром, северная и восточная часть военного городка и все подходы к кишлачной зоне Дехсабзи-Хаз, раскинувшейся на многие километры. По траншее вышли к командному пункту, где с командиром боевого охранения обсудим кое-какие вопросы взаимодействия, обмена информацией.

— Осторожней — ступеньки, — Александр откинул полог промерзшей палатки.

— У тебя еще до Черной горы голову сломишь.

— Нормально, привыкнешь. Проходи, — хмыкнул хозяин.

Взглядом скользнул по обжитому блиндажу, обложенному вокруг камнями. Легкий шум керосиновой «капельницы» создавал уют, тепло и покой, запитанная от аккумулятора лампочка освещала рабочее место командира и висевшую на стенке карту с

нанесенной на ней обстановкой в зоне ответственности дивизии. У стены стояла аккуратно заправленная одеялом кровать, над ней — автомат с примкнутым магазином. Вполне прилично, подумалось мне. Мы же, разведчики, жили в палатках с «Паларисом», дающим черную копоть и постоянную опасность возгорания. Здесь же чувствовалось основательность Александра не только как командира, но и хозяина, который занимается бытом подразделения, благоустройством армейского порядка.

— Противника-то у тебя маловато, Сань, а дивизии нужны результаты, — кивнул я на карту, присаживаясь к печке.

— Что видим — фиксируем, а других источников нет.

— Маловато, Сань, маловато, думай о добывании информации не только наблюдением, но и другими способами.

— Задействуем приборы ночного видения, фиксируем движение транспорта, людей, вьючных животных…

— Это все так, Сань, но «духи», мне думается, проявят себя только тогда, когда найдут слабое звено в твоей обороне, и удар нанесут там, где, по их мнению, будет успех. Вот и получается, что ты для них — самый удобный успех. Извини за каламбур, но ударить по тебе и уйти безнаказанно весьма привлекательно, — хлопнул я по плечу Александра.

— Да, понятно, Валера. Я в отрыве от главных сил, оказать мне быструю помощь в случае нападения вряд ли возможно. Даже если «броня» стоит в лагере в готовности № 1, подход ее возможен минут через 40, не менее.

— …а пока ты разберешься с обстановкой, доложишь в дивизию, пока там поймут, что ты от них хочешь, пока поставят задачу на оказание помощи, пока эта помощь подоспеет и разберется на месте… по тебе и твоему взводу будут играть фанфары, но, заметь, не победные марши, — подхватываю мысль командира десантников.

— Похоже, что так, — задумался Александр.

— Покажи свои «огоньки», время их появления, характер сигналов. Какие у тебя соображения? — устраиваюсь за столом командира.

— Черт их поймет, Валер, стройной системы нет ни по времени, ни по характеру. В горах фиксирую отблески света, прямого огня не видно, он скрыт рельефом. Ночью в прицел хорошо наблюдается зарево открытого пламени: колеблется. Через 10–15 минут исчезает. За ночь зажигают два-три раза. Кому они предназначены? Черт его знает!

— Постой, — вскочил я, — а может в звездную ночь преобразователь прицела дает фон, похожий на источник огня?

— Да нет. В ясную ночь видно невооруженным взглядом, —

отмахнулся Александр, но обзор кишлачной зоны ограничен Черной горой. Что там, не знаю, но сигналы, похоже, адресуются в то направление.

— Черная гора, «черная леди»… Что же делать с тобой? — в голове появились кое-какие мыслишки, которые формировались в решение, но тревожно на душе, беспокойно. Подошел к карте и молча смотрел на подходы к горе.

— Чой ми хури? — вернул на землю Александр. (Чай пить будешь?)

— Хуб, — я посмотрел на часы. (Хорошо).

— Мажмунов, — крикнул хозяин за полог палатки. Топот кирзовых сапог и влетел измазанный сажей Момоджон. — Передай повару, пусть принесет что-нибудь покушать и чай с сахаром.

— Понял я вас, товарищ старший лейтенант.

— Не «понял я вас», а «есть, товарищ старший лейтенант», — гаркнул взводный.

— Так точно, товарищ старший лейтенант, — вытаращив черные глаза, бухнул Мажмунов.

— Уйди от меня, ради Аллаха, — безнадежно отмахнулся Александр.

— Пей чай, Валер, пойду своих подниму — пора к ночи готовиться.

— Хорошо, я погреюсь немного.

Тепло печки разлилось по телу вместе с настоящим чаем, крепким, ароматным. «У «духов» берет, не иначе», — подумалось мне.

В тылу противника разведчик должен думать только о том, как лучше выполнить приказ командира группы, чтобы сработать на успех операции. Все действия разведчиков подчинены грамотным, хладнокровным и взвешенным решениям. Никакие другие мысли не должны отвлекать их от боевой задачи, эмоции, лирика души приведут к провалу группы. Психику молодого человека легко разбалансирует письмо из дома, от девушки, неважное настроение, самочувствие. В эти минуты важно поддержать человека душевным участием, вниманием, глядишь, и проходит хандра: улыбается — цели, задачи командира достигнуты.

На последнем рубеже боевого охранения, отделявшем нас от противника, в сознание каждого разведчика я вбиваю мысль — здесь мы переходим черту, за которой только озверевший и жестокий враг. Требую до предела собрать волю, разум, сознание, забыть обо всем, что мешает задаче — на кону наши жизни, ребята. Уточняю действия дозорных при встрече с противником,

последние наставления группе захвата, прикрытия тыла в обеспечении выхода из боя. Довожу порядок отрыва и ухода на базу в случае огневого контакта с противником. Проверяю связь и с внутренним пожеланием всем нам: «С богом!» — даю команду на выдвижение. Как-то само собой сложился своеобразный ритуал выхода в тыл противника — важный элемент психологической подготовки.

— Перекусил?

— Что, Саш?

— Перекусил, спрашиваю?

— В порядке, спасибо.

— Мои минут через пятнадцать будут на постах. Местных в округе не видно, похоже, спрятались от стужи. Мороз, Валера, усиливается и ветер тоже — тебе на руку, спокойненько перемахнешь долину. Увидишь овраг — иди по нему, хотя, черт его знает, могут мины поставить. В случае чего, человек пять на лыжах у меня будут в готовности встретить тебя. Кажется, все. Ну, ни пуха, — хлопнул меня Александр.

— К черту, Сань, пока.

Разведчики разобрали лыжи, смонтировали крепления к своим «кирзачам».

— Так, попрыгали. Не гремит? Сафаров, проверь.

Заместитель прошелся вдоль группы, кому-то ткнул в бочину, поправил:

— В порядке, товарищ лейтенант.

— Ну что ж, с богом — вперед!

Мухаметзянов — старший дозора, с Ксендиковым первыми двинулись за боевое охранение — они уже в боевой задаче.

— Прокопенко, не теряй дозор, сигналы. Понял?

— Так точно, товарищ лейтенант.

Скрытое выдвижение к Черной горе, если честно, захватывает дух — там еще не ступала нога советского солдата. Волнение большое, никуда не денешься, иногда, кажется — сердце переворачивается. Чем дальше втягиваемся в «духовские» места, тем сильнее переживаю за живучесть группы. Взгляд по сторонам, пытаюсь оценить расстояние возможного обнаружения группы. Головной дозор почти не виден — нормально, разведчики Игоря Нищенко, прикрывшие тыл, — неясные тени, скрытые мглой и легким снежком. Полученные накануне маскхалаты словно размыли группу на белом фоне покрова — тоже сойдет. По компасу сверил направление — в порядке, все глубже и глубже втягиваемся в душманское логово.

За Черной горой, прилепившись к горному хребту, рассыпалась кишлачная зона. С линии боевого охранения я много

раз изучал долину в хорошую погоду — довольно открытая местность, просматривается до самых хребтов, образующих узкий проход. Но что за горой — можно только догадываться. Прислушался к себе, стараясь понять, готов ли я сунуться туда, где противник везде, а группе никто не способен помочь. Острые вопросы возникали и раньше, даже вчера, когда готовился в поиск к Черной горе. Вроде и ответы были — справимся, надо идти, но сейчас, признаться, уверенности меньше. Что-то где-то играет, причем ощутимо. «Ладно, не дергайся», — приказываю себе, хоть и мосты не сжигали, теперь только вперед.

Погода меняется часто — снег прекратился, минут через десять, вероятно, начнется опять, возможна оттепель, к утру — мороз. Снежные заряды, идущие плотной стеной, намели сугробы, которые можно преодолеть только на лыжах. Как прогнозировать афганскую погоду? — понять невозможно, но сегодня погода наша. Вот бы перемахнуть через долину и скрыться среди скал и камней, но внезапная встреча с противником возможна всегда. Усталость, обыденность, похожие действия притупляют бдительность, а выход в тыл противнику — важный момент. В народе не зря говорят — беда приходит неожиданно, бородатые парни появляются быстро, наносят удар и уходят. Подразделения наших войск несут потери, потому что не учитывают фактор внезапной атаки врага — смерть в горах поджидает всех, кто хоть на секунду теряет контроль над обстановкой.

Маршрут я выбрал по склону оврага — в таком положении наши головы выше общего плато долины и мы незаметней на открытой площадке, можем следить за противником на дальних подступах к группе. Если внезапная встреча все же с ним состоится, овражек послужит укрытием. В разведке мы не допускаем встречи с врагом, если она не запланирована заданием. Но сейчас нам нужен связник — «язык», который бы дал информацию о характере действий противника в зоне ответственности соединения. Цель операции совершенна конкретна: командованию дивизии требуются данные обстановки в 10 километрах северо-восточней Кабула. Населенный пункт Тарахейль на важном направлении, горы соединяют его с кишлачной зоной Дехсабзи-Хаз. В районе столицы много наших и правительственных войск, но кишлак Тарахейль настолько «духовский», что терять внимание — смерти подобно.

Движение на лыжах согрело, скользим на хорошей скорости. Вместе с тем приходит уверенность — группа незаметна с левой стороны долины и больше половины расстояния до Черной горы уже позади. Оглядываюсь кругом, назад — дозорных впереди не вижу.

— Прокопенко, дозор?
— Идут. Снег скрывает.
— Так, понял. Держи дозор на зрительной связи.
— Я вижу его, товарищ лейтенант.
— Хорошо, не отставай.

Вскоре действительно замаячила гряда темной громадой массива, только овражек вывел правее намеченной точки подъема. Повернули к основанию хребта, прошли вдоль подошвы скальной основы, нашли расщелину, в которой оставили лыжи, ненужное в горах снаряжение, схрон замаскировали снегом. Я засек ориентир тайника, чтобы на обратном пути не проскочить мимо. Ну, вот и все, теперь — к точке восхождения на гору. Поглядев в сторону боевого охранения, от которого мы отмахали километра четыре, я прикинул, как лучше нам уходить, если встреча с противником нас не минет. По компасу сверил направление маршрута, выходит, лучшее место отхода — наш незаметный овражек. Придется повторяться, ладно, разберемся.

Принятие важного решения — все равно, что садомазохизм — постоянное терзание мыслей и личное убожество перед смертельной опасностью. На чем сосредоточить усилия? Выбор небольшой — Черная гора либо кишлачная зона за ней. И то, и другое — важные звенья задачи, которые надо решать. За «черной леди» кишлак Тарахейль, за ним — горный Хингиль с душманскими базами, с которых «духи» наносят удары по центральным провинциям страны. Вероятно, Черная гора — первичное звено передачи информации «духовским» отрядам через цепочку кишлаков и горных хребтов. Примерно так «вытанцовывалась» ситуация с обменом информацией световыми сигналами. Связники также несут информацию, но другого плана или других объемов, они перемещаются пешим порядком по нехоженым тропам. В данный момент у меня два варианта: первый — провести разведку Черной горы, значит, прямо сейчас начать восхождение на горный хребет. Второй — сунуться на обратную сторону горы, обойдя ее с левой стороны, где раскинулась кишлачная зона Тарахейль, чтобы взглянуть хоть глазком, что же там? Останется время, поднимемся в горы, чтобы сверху оценить кишлак по структуре, впрочем, если удачно отработаем в самом кишлаке и ускользнем от душманской разведки.

Решение приходило не сразу, одно дело размышлять над задачей, сидя у печки в палатке, и совсем другое — находиться в реальной ситуации: вот тебе гора, «духи» — хочешь песню пой, а хочешь спать ложись. Ощущение обстановки сейчас и ранее принятое решение — разные вещи. Прислушиваюсь к интуиции,

чувствую, что надо реагировать быстрее, время — драгоценный дар. Подмывало, конечно, подойти к кишлаку, маскируясь хребтом с Черной горой, но внутренний голос говорил другое — надо работать иначе. Но опять же, чертовски удобный представился случай — непогода располагала к глубинной разведке, а завтра — кто его знает?

Замешательство, как в той поговорке: и хочется, и колется… Сколько бы ни шел соревновательный процесс мыслей — не знаю, но благоразумие побеждает эмоции, которые плескались в адреналине, и дало установку не лезь в кишлаки — рано. Разброд и шатания в голове, наконец-то, приобретает нужные формы, вырабатывает четкое решение: разведка горного хребта с Черной горой. Досадую, конечно, на себя: слабо в кишлачок-то? Но подлая мыслишка, лаская, успокаивала — с вершины горы кишлачная зона, как на ладони, а на ней реальная возможность расположения пункта наблюдения «духов». Прикинул вариант, если «духи» выставили наблюдательный пост на горе, то наблюдателям не позавидуешь: очень холодно на жестком ветру. Снег, минус 20 нам, конечно, на руку. «Духи» замерзли, малоподвижны, их легче взять, уничтожить и уйти без помех.

Глава 5

Решение было принято. Я дал сигнал на выдвижение группы, минут через двадцать вышли на рубеж восхождения. Прикрывшись от ветра каменным козырьком, всмотрелся вверх, прикидывая примерный маршрут подъема. Взвесив направление ветра, положение боевого охранения, крутизну ската, после некоторых колебаний выбрал северный склон. Скальные глыбы горной породы, снежные заносы расщелин не вызывали восторга — предстояло тяжелое восхождение. Видимость в 20–30 метров закрывалась зарядами снега, порывы жесткого ветра вышибали слезы из глаз, отчего, замерзая, слипались ресницы.

Дозор, скользя по камням, пошел по склону маршрута. Я проверил ракеты в «разгрузке» — на месте, в случае боя обозначу положение группы, охранение увидит.

— Нищенко? С Ивониным и Сокуровым держите тыл, если дозор нарвется на «духов», прикроете его и вместе отходите к боевому охранению. Понятно?

— Так точно.

— Цель обозначу трассерами — сразу работаете всеми стволами. Вопросы?

— Никак нет.

Пошли на подъем: Мухаметзянов с Ксендиковым, сливаясь с камнями, шли впереди. От дозора не отрывался Прокопенко, следуя на расстоянии зрительной связи, он фиксировал сигналы старшего дозорного. Следом шел связист с радиостанцией — его задача особая: связь с базой и неотрывно следовать за мной, исключая любую возможность попадания в плен командира группы, то есть при угрозе моего попадания к «духам» он должен был меня расстрелять.

Подъем становился круче, очень трудно было идти, вести наблюдение — ветер швырял в лицо комья колючего снега. Черные глыбы камней на белом снегу создавали неприятные ассоциации, дозор падал, изучал подозрительные места, всматриваясь во мглу, пробирался вперед к исчезнувшей во мраке вершине. Около часа мы шли меж скальной породы, выбирая наиболее легкий маршрут. Я думал о возможной засаде, которую может устроить противник, но раньше мы здесь не «светились» и выбор разведки Черной горы выпал спонтанно, в последний момент — командира дивизии данный район стал интересовать со вчерашнего дня. Встреча с душманами может быть только случайной, но кто его знает, господин великий случай может подбросить сюрприз.

Пот заливал глаза, застывая на ресницах холодными льдинками, щеки пылали от резкого ветра — пора сделать привал, отдохнуть. Просигналил «Опасность» — разведчики упали за камни, чтобы взорваться огнем. Молодцы. Тренировка на резкость — лучшее средство не скиснуть, а вот отдохнуть не мешало. Волнение улеглось, мне кажется, что оно осталось у подножия хребта. Наступившее спокойствие пришло, благодаря сильнейшей физической нагрузке, я это по себе чувствовал. Видимость увеличилась, но вокруг снег, мгла, контуры скального грунта. Ветер немного поутих, но крепчал мороз, становилось прохладней. Прикинул, треть хребта одолели, часа через два площадка — плато перед стенкой на Черную гору. Несколько дней назад я вел наблюдение за хребтом с линии боевого охранения и понимал, что все трудности еще впереди, Черная гора была где-то там вверху. Без тренировки на Ходжа-Раваше сюда невозможно соваться — высота 2100 метров, снег, мороз, пурга, а если засада, бой? Ладно, все понятно: сигнал «Вперед».

Я вел группу чуть ниже линии водораздела, контролируя обратный скат, за ним скрывалась опасность внезапного появления «духов» — много парней погибло, не контролируя обратные склоны хребтов… Подъем становился круче, ноги вязли в снегу, а где его не было, скользили «кирзачами», расшибая коленки о камни. Ноги дрожали от напряжения, тяжесть снаряжения кидала на снег — тогда передвигались на четвереньках. Секундная передышка — лицо в сугроб, чтобы остудить пылающие щеки, схватить губами снег — и снова вперед. В сапогах сбивались портянки, натирая ступни натруженных ног, но медленно и верно мы подбирались к плато перед Черной горой. Однако самый трудный участок маршрута был еще впереди — стенка на гору, преодолеть который было непросто.

Сигналю — отдых. Жесткое дыхание сушило горло, вызывая разрывающий легкие кашель. Лежа на снегу за камнями, постепенно выравнивали дыхание, но расслабляться нельзя, трудно будет вставать, запускать организм на новый рывок. Кажется, теряю бдительность, сознание «танцевало» на мысли, как бы дойти до вершины, а противник, опасность уходили на второй и третий план. Мобилизую волю, собираюсь каждой клеточкой тела.

Оглядевшись, пополз на четвереньках к скальной глыбе, где лежали дозорные, от нее лучше был виден путь на вершину. Пока ничто не говорило о присутствии «духов».

— Мухаметзянов, какие соображения?

Старший дозора, прищурив глаза, смотрел туда, где, по его

мнению, должна находиться вершина:

— Здесь круче подъем, товарищ лейтенант, застрянем в камнях.

— Ну, и?..

— Может, с обратной стороны?

— С обратной?

Карабкаться вверх действительно легче по стенке хребта, обращенной к кишлачному массиву — менее крутой подъем, но если внезапный бой, база не услышит группу по связи, охранение не увидит красной ракеты опасности. Гора служит своеобразным экраном, через который не проходят волны радиостанций УКВ диапазона — нужна прямая геометрическая видимость. Допуская мысль о наличии на вершине «духовских» постов, я прихожу к выводу, что подниматься наверх душманам удобней от кишлака, откуда они, вероятно, тропинки давно протоптали. Для нас же опасность встречи с противником увеличивалась на этапе подъема.

Одной из задач, которые командование дивизии ставило нашей разведке, было пресечение утечки информации о характере действий советских войск в районе военного городка, аэропорта Кабул, на котором дислоцировались части ВВС 40-й армии. Просто зафиксировать активность «духовской» разведки — мало, задача моей группы состояла в добывании сведений, которые бы подтвердили или опровергли те или иные умозаключения командования. Нам также ставилась задача, направленная на упреждение устремлений противника по обмену информацией, что зафиксировано наблюдением боевого охранения и давало основание считать — противник располагает данными, которые передавались световыми сигналами.

В течение определенного времени «духи» вели наблюдение, собирали информацию, а затем передавали ее в горы. Существовала и обратная связь — кишлаки, куда приходили сигналы подтверждения, ответа, установки. Оставалось во всем убедиться самим: захватить «языка», который бы пролил свет на действия противника.

— Виль, уходим за обратный скат, но смотри, — показал сержанту кулак.

Вскоре ветер утих, развиднелось, появились звезды, левее внизу обозначились контуры кишлачной зоны.

— Сигналят, товарищ лейтенант, сигналят!

Вздрогнув, я обернулся к связисту:

— Бл…дь, ты еще заори!

От неожиданного возгласа связиста я присел, всматриваясь в направление, обозначенное солдатом.

— Вон еще…

— Вижу, парниша, вижу, — прихожу в себя от вскрика бойца.

Сердце рвалось из груди: мигающая серия бликов явственно обозначилась в глубине кишлака. Источник света с нашего места не определить — далековато, но похоже на фонарь, который по определенному алгоритму кодовых знаков закрывают и открывают.

— Мухаметзянов, «ночник».

Припал к ночному прицелу. Изучаю кишлак, пытаясь анализировать систему отблесков света. Он разный по времени и ритму: серия — пауза, опять серия — снова пауза.

— Вон еще, товарищ лейтенант, и вон, — сидя на корточках, связист потянулся вперед.

«Духи» совсем озверели — в разных местах кишлака одновременно заработали четыре световых объекта. Время — около полуночи. Кому идет информация? В горы — понятно, и в кишлаки! В них точно зимуют душманские группы, иначе теряется весь смысл световой информации. Вот в чем вопрос! Душманы проявили активность, в которой есть определенный резон. В чем он заключается? Что за этим стоит?

Решение — вперед на вершину. Мороз крепчал, это значит, снег скоро прекратится и улучшится видимость по горизонту, расширится поле наблюдения. Подъем.

Через час погода совсем прояснилась, прекратился снежок, звезды на небе обозначили путь свой в пространстве. Сверил время, сделав несложный расчет: на осмотр вершины отводилось не более часа и быстро назад. За темное время суток мы должны отойти к своему охранению — дневка в горах смерти подобна, замерзнем в камнях, засыпанных снегом.

Склон перешел в пологий подъем, приближая нас к верхнему плато. Сигнал «Внимание» — группа в готовности к бою легла за укрытия, дозорные оглянулись, чтобы синхронно сработать на случай душманской атаки. До самой вершины лежал серебристый при звездах снег. Я пытался разглядеть на нем нечто, похожее на следы — ничего! Пожалуй, сделаю привал, чтобы собраться с силами перед броском на вершину. Просигналил. Принято. Стоя на коленях, перемотал портянки, поправил снаряжение, на ствол автомата навинтил ПБС. АКМС 7.62 мм с прибором бесшумной беспламенной стрельбы на случай тихого устранения «духов». Магазин с трассерами я сменил на магазин с патронами с обыкновенным сердечником. Трассера я брал с собой для целеуказаний при необходимости плотного или сосредоточенного огня по противнику, моя очередь укажет разведчикам конкретную цель.

Ладно, отдышались, силы восстановили, пора обследовать верхнее плато хребта.

— Сафаров, Баравков, связист — за мной, Прокопенко, контролируешь тыл.

— Есть.

Разведчикам определил сектора наблюдения, Нищенко с Фетисовым поручил контролировать склон горы со стороны кишлаков.

— Дозор, вперед.

Мухаметзянов с Ксендиковым выдвинулись к вершине, я с группой захвата и связистом следовал за ними. Ветер утих, улучшилась видимость, хорошо были видны лежащие внизу кишлаки, но все равно неспокойно: а вдруг «духи» заминировали подходы к верхней площадке? Дело не только в том, что они вели наблюдение за нами, им же надо отдыхать, питаться, то есть отвлекаться от охраны поста. Прикрыться минами на уязвимых участках — вполне рабочая ситуация, впрочем, мины для «духов» пока дефицит, проще гранаты вывести на растяжки.

Мухаметзянов подал сигнал. Пригнувшись и проскочив между валунов, я сблизился с дозором. Старший дозорный в ночной прицел изучал выложенное из камня сооружение, темневшее перед нами.

— Виль, дай-ка.

Сержант подал прицел. Прижавшись к окуляру правым глазом, я изучал объекта внимания — следов не видно, возможно, припорошило снегом, дымком не пахло. Каменный склеп был перекрытым и замаскирован под рельеф вершины. С воздуха его не было видно, он сливался с фоном снежного покрова. А дальше? Система была построена с обзором в сторону аэродрома, базового лагеря. Основной сектор наблюдения — западное направление, составлял примерно градусов 90, захватывая аэродром и полосу до складов ГСМ у Ходжабугра. Хорошее дело, «духи» не сегодня контролируют нашу инфраструктуру, отвергая рискованные варианты выхода на ближние подступы к подразделениям нашего соединения. С вершины Черной горы для них открывалась прекрасная панорама визуального наблюдения за советскими войсками, в том числе за их передвижением.

— Игорь, расположи ребят по кругу, развиднелось, «душки» могут пожаловать прямо сейчас.

— Двое прикроют тыл, товарищ лейтенант, двое от долины.

— Пойдет, размещай парней. Гена, Сергей — за мной.

След в след очень мы осторожно подходили к груде камней, уложенных таким образом, что, расположившись в них, можно вести наблюдение в сторону нашего городка, до которого было

около семи километров. Сам городок, возможно, не просматривался на всю глубину, но подходы к нему с восточной стороны от домостроительного комбината были как на ладони. Боевое охранение с элементами обороны также попадало под наблюдение противника — не зря Сашка беспокоился о безопасности взвода. Хорошо видна каменоломня…

Что там дальше? Стоп. Каменоломня? Черт! Ну-ка! А не отсюда ли «духи» выследили машину с нашими бойцами, приехавшими за мраморной крошкой в карьер? Что это? Совпадение? Выходит, с Черной горы была дана информация душманскому отряду, совершившему дерзкий налет на безоружных советских солдат! Мысль ошарашила таким поворотом дела. А что? Реальный ход событий.

— Товарищ лейтенант, смотрите, — прервал размышления Сафаров.

На хребте за кишлаком в противоположной от нас стороне загорелся костер, затем другой — совершенно четко виднелось колеблющееся пламя. В кишлаке, оказывается, спали не все, он жил своей тайной и только ему ведомой жизнью — кишлак ожил: ответил один фонарик, за ним два других, вон — еще… Костры приобрели мигающий фон определенной системы. Тело сжалось в тревожном ожидании — вот-вот загорится огонь на нашей горе. В этом была полная уверенность. Но нет! Не видно.

— Обмениваются, сволочи, — выругался Баравков.

Сигналы обрели определенный алгоритм: с гор мигающая серия — пауза, следом ответная серия с кишлаков, затем наоборот — передают горы, принимают кишлаки. Зафиксировал время «иллюминации». У нас тихо. Про себя рассуждаю: «духи», вероятно, используют Черную гору для наблюдения в дневное время. Вряд ли у них есть приборы ночного видения, да и в темное время суток наши войска не передвигаются, объекты внимания для наблюдателей противника не работают. То есть ночами «духам» здесь делать нечего — наблюдение ведут днем, получают информацию, обрабатывают и в ближайшую ночь с кишлаков передают в горы. «Гнать» информацию можно и с Черной горы — она господствует над местностью, не будь на виду боевого охранения. Не исключено, что экстренный способ передачи сигналов существует именно отсюда. Скорее всего, так и есть. Значит, работают и ночью. Возможно, прямо сейчас.

Пригнувшись в готовности к открытию огня, мы подошли к каменному сооружению, откуда человеческим присутствием и продуктами его жизнедеятельности не пахло. Что там внутри? Включив НСПУ (ночной стрелковый прицел унифицированный) я сунул ствол автомата в открытое оконце в виде прямоугольного

отверстия. Рассмотрел внутреннее расположение, но ничего особенного, за что бы зацепился глаз, я не заметил — голые стены каменного мешка. Лезть внутрь не имело смысла, засветим себя или нарвемся на мину. Что-нибудь интересное там вряд ли обнаружим, а себя обозначим противнику. Принимаю решение аккуратно уйти от наблюдательного поста, не оставив следов на снегу, и наблюдать за долиной с обратной стороны горы, которая не просматривалась с позиции боевого охранения и была закрыта грядой.

Дозору с прикрытием Нищенко я уточнил задачу: спуститься метров триста ниже вершины и понаблюдать за кишлаком. Отдохнув и поправив снаряжение, я повел группу на спуск в долину.

— Товарищ лейтенант, «база», — связист протянул гарнитуру станции.

— Передай: «111» и радиомолчание.

— Понял. «База», я «30», прими «111», выхожу из связи.

«111» — все в порядке, большего сообщить начальнику разведки я не могу. Михаил Федорович — порывистый и очень энергичный человек. Понимаю, как ему тяжело дается ожидание разведчиков с боевого задания, тем более, сегодня ночью одновременно работают несколько разведывательных групп. Вернемся на базу, дядя Миша, как любовно мы называем его, «отведет» на нас душу, но, отойдя от переживаний, похвалит. Работа у него такая — волноваться за разведчиков.

Посмотрел на часы. Пора сниматься.

— Товарищ лейтенант, вижу костер, — доложил связист.

— Так, вижу.

На хребте за кишлаком появился костер, наверное, «духи» используют солярку. Переключаю внимание на кишлак и вижу остолбеневшее лицо Сафарова:

— Товарищ лейтенант, — Сергей показывает рукой.

На склоне нашей Черной горы метров триста ниже нас по уровню высоты загорелся фонарь — закрытый источник огня. Тут же «заиграла» серия миганий. Подключились кишлаки, ответили горы — заработала устойчивая система световых алгоритмов. Минут пять уверенной «иллюминации» и световая гирлянда исчезла.

Пришел в себя. Что же получается? «Духовские» сигнальщики поднимались на гору с обратной, то есть восточной стороны. Мысль об этом уже приходила, но они поднимаются не на вершину горы (во всяком случае, ночью), а на две трети вверх и передают собранную за день информацию дальним кишлакам и напрямую в горы. А как они от кишлаков выдвигаются к Черной

горе?

— Мухаметзянов, НСПУ.

Ночным прицелом «пробежался» по местности от кишлака до хребта. Сектор наблюдения вправо был не очень небольшой — закрывала правая оконечность гряды, но кое-что было видно. Пытаюсь определить путь сигнальщика от Тарахейля до рубежа подъема на гору. Запоминаю предметы на местности, которые в последующем могут служить ориентирами. Зафиксировал. Пригодится для организации засады на сигнальщиков и наблюдателей на участке между кишлаком и горной грядой. Не думаю, что «духи», поднимаясь на гору, каждый раз ходят разными маршрутами — они у себя дома, чувствуют себя уверенно, тропок у них немного. Пожалуй, хватит. Достаточно, чтобы хоть как-то представлять информационный характер действий «духов» в восточном секторе зоны ответственности. Выводы были неутешительными: обмениваясь информацией, имеющей системный характер, противник проявляет активную деятельность. Так! Время? Поджимает, снимаемся. Сигнал «Вперед». Нам предстоял сложный и утомительный спуск в долину с последующим выходом на базу.

Изматывающий спуск в долину отбирал последние силы. Не сомневаюсь, это была первая боевая задача, отнявшая огромный запас физических возможностей каждого из нас в отдельности. Одно восхождение на вершину — победа над собой и слабостью. На базу возвращались с результатом, над которым предстояло еще размышлять, анализировать. «Иллюминация», устроенная «духами», подтверждала прежние выводы и намерения противника: в районе Тарахейль активизируются действия. Что бы это значило? Нужны были дополнительные сведения, которые бы расширили информационное поле о противнике. Мы, разведка дивизии, располагали только базовой основой, от которой следовало двигаться вперед.

Чем ближе приближались к позиции боевого охранения, тем явственней носы разведчиков ловили запах вкусного дыма. На востоке полоска светлеющего неба обозначила контур опорного пункта.

— Шесть, — крикнул боец из окопа.

— Пять, — ответил дозор.

Можно идти. Группа втянулась в траншею позиции взвода, на площадке возле ПХД скинули лыжи, рюкзаки, снаряжение, разведчики падали от усталости. Подбежал командир охранения.

— Ну, что? — схватил за руку Александр.

— Что-что? …твою мать, думал — криндец, не дойдем.

Присев на снег, я повалился на бок — хорошо бы полежать,

расслабив уставшие ноги.

— Саш, согрей парней горячим чайком.

— Не беспокойся, Валер, чай готов и перекусить найдется — всю ночь поджидали вас. Скрынников по радио устроил разнос — ты как сквозь землю провалился. Доложил ему — в полосе разведки спокойно, красной ракеты не видно, но твоя радиостанция молчала.

Я кинул на кровать десантную куртку и буквально упал на стул, но, собрав волю в кулак, встал и подошел к умывальнику ополоснуть лицо и руки.

— Сто грамм не повредит, Валер, даже поможет.

Сашка из целлофанового пакета плеснул по кружкам желтовато-зеленую жидкость.

— Стоп-стоп, Сань, мне еще докладывать Скрынникову.

— Херня, Валер, не обижай меня, ешь картошечку и все будет в ажуре.

— Ладно, за успех нашего дела безнадежного.

Сосредоточившись, словно перед атакой, я опрокинул в рот омерзительную жидкость. Даже луковица не спасала от вони местной самогонки. С привкусом ацетона шароп растекался по венам, вызывая рвотный рефлекс. Чего там только не было! Абрикос, куриный помет, табак — в голову шибало так, что тормозило центры головного мозга и вызывало головную боль. Это вам не русская водочка, а местная гадость, от которой плавились мозги. Пойдет. Сейчас все пойдет.

— Значит так, — Сашка с аппетитом заедал шароп, — группу заметили метров за сто, в прицел БМД — на большем расстоянии. Нормально. Со стороны проезжей части движения не было, видеть вас не могли, так что — отдыхай, братишка.

— Хорошо бы, Санек, но там такое поле работы, а «светиться» «духам» не хотелось бы.

— Стоп, Валерик, рассказывай.

— Вывод один, Сань: в любой момент ожидай атаки. Там такая светомузыка «играет»! Не думаю, что у них много информации по базовому городку. Все-таки прикрытая войсками территория и просто так не зайдешь в закрытую зону. Ты первый на их пути, напасть на тебя, похоже, дело «духовской» чести. Черная гора — наблюдательный пост, с обратного ската сигналят фонарями — тебе этого не видно. Объем передаваемой информации большой. О чем? Ты, как на ладони, значит, о тебе — боевом охранении. И что получается? Нанести удар по тебе — это для «духов» самое удачное решение.

Машина подъезжала, осторожно минуя шлагбаум, заехала на рабочую площадку ПХД. Коробицын выпрыгнул из кабины.

— Здоров, дорогая пропажа.

— Привет, Серега, только не трогай — упаду.

— Загружайся, Валер, Скрынников ожидает.

— Кроет матом?

— Еще как!

— Домой, братва!

Дядя Миша ожидал доклада о нашей работе, чувствую, достанется мне. Ладно, все же есть о чем доложить начальнику…

— Хватит спать, подъем, — слышу голос Коробицына.

Открыл глаза. Уснул что ли? Сразу и не «врубился». Тент машины был поднят, разведчики, положив головы на плечи друг другу, спали безмятежным сном. За полчаса езды до лагеря все уснули от усталости. Перевалившись через задний борт, я встал у машины, ожидая высадку разведчиков. От палатки офицерского состава шел Михаил Федорович Скрынников, следом Комар.

— Товарищ гвардии майор, личный состав разведывательной группы после выполнения боевого задания прибыл. Потерь не имею. Командир группы гвардии лейтенант Марченко.

Глаза-буравчики начальника смотрели испытующе, слегка подозрительно, но мы-то хорошо знали: дядя Миша поругается, накричит, между тем, он добрейший души человек, понимающий нелегкую службу своих подчиненных.

— Тьфу, всю ночь из-за тебя не уснул.

Михаил Федорович сверлил острыми глазами до самых кишок. Докладываю:

— Товарищ гвардии майор, задание выполнено, выходить в эфир не позволила обстановка, готов доложить результаты разведки. Разрешите, дам указания Сафарову?

— Давай. Жду.

— Есть.

В офицерской палатке доклад начальнику разведки я начал с описания местности, населенных пунктов, применительно к которым я реализовывал решение на разведку. Отдельным вопросом вынес значение Черной горы в системе охраны, обороны стратегических объектов: аэродрома, базового городка, других объектов, отметил факт наличия противника в непосредственной близости от аэропорта. Отметил, что душманы проявили себя в кишлаках и горной местности активной передачей световой информации. Сформулировал вывод о том, что боевые отряды «духов» вероятней всего имеют в кишлачной зоне своих сторонников, с которыми поддерживают регулярную связь. (Только ли методом световой информации?) Сделал упор на активность противника в передаче информации — два-три раза за ночь, что дает основание считать — «духам» есть что передавать.

Высказал предположение о том, что душманское подполье изучает советские войска в районе аэропорта Кабул. Существует связь кишлаков с горами не только методом световой информации, но и, вероятно, через связных и курьеров. Душманы организовали сбор разведывательных данных о наших частях, подразделениях боевого охранения, которые являются объектами их пристального внимания. В части сбора информации о душманском сопротивлении я предложил применить метод общения с местными жителями (выложил вариант работы боевого охранения Александра). Далее сделал вывод по работе за ночь: факт активизации действий противника восточней аэропорта Кабул 7–10 километров дает основание предполагать о его возможных атаках на воинские подразделения Советской армии, задействованные в боевом охранении по периметру Кабула.

В целом восточное направление зоны ответственности дивизии я оценил как важнейший район деятельности дивизионной разведки, но долину за перевалом Паймунар также нельзя оставлять без внимания. Это звенья одной цепочки. В конце доклада я попросил начальника разведки заручиться поддержкой начальника штаба дивизии, начальника политотдела по работе с местным населением на участке нашего боевого охранения.

Михаил Федорович эмоционально реагировал на некоторые мои, с его точки зрения, авантюрные предложения, но за работу группы выразил благодарность, после чего отправил отдыхать.

— Шароп заедай лучше, Марченко.

— Есть, товарищ майор.

Пререкаться с Михаилом Федоровичем не имело смысла — достанется. Комар напомнил, что вечером во взводах проведем общие собрания по подведению итогов. Минут через пять я провалился в глубокий сон…

Глава 6

Вечерние часы за столом, когда офицеры роты собирались вместе, проходили в дружной атмосфере сильного мужского коллектива: мы вспоминали Витебск, обсуждали работу, прогнозировали дальнейшие события. Иван Комар рассказывал о новостях в штабе дивизии, переходили на обсуждение вопросов охраны резиденции Маршала Советского Союза С. Л. Соколова, литерной стоянки самолетов, ведения разведки. Говорили о подготовке к боевой операции, в которой задействовались части дивизии. На учебном поле предгорий Ходжа-Раваш тренировались подразделения 317-го парашютно-десантного полка. Мы не знали района боевых действий, целей, задач операции, но подготовка к масштабным боевым действиям шла полным ходом. Офицеры штаба дивизии отрабатывали документы, планы, схемы, графики, проводили комплексные мероприятия по организации взаимодействия частей и подразделений. Чувствовалась особая озабоченность в лицах офицеров оперативного отдела — в операции участвовали афганские подразделения, а опыт совместных действий еще не был наработан. Мы понимали, что на разведку дивизии ложилась ответственность за данные о противнике, предстояло много работать в горах. Сегодня за столом вокруг этих тем и шел неспешный разговор.

— У всех налито? — взял слово Гришин, — товарищи офицеры, прапорщики, мой тост простой — за наших родных и близких, которые ждут нас дома, волнуются. Здоровья им, настроения, удачи.

Выпили стоя. Разговоры о Витебске продолжались в шумной и веселой атмосфере: Чернега вспомнил нашу охоту на кабанов в Зароновском лесу, что находится рядом с учебным центром Лосвидо, где мы чуть-чуть не перестреляли друг друга. Вспомнили учения, разведвыходы, многочисленные проверки. Смех, шутки — добрый получился и замечательный вечер.

— Слово Родину Анатолию Артемовичу, — предложил замполит. (Тогда еще не было афганского третьего тоста).

— За женщин! — выдал Толян.

Он был немногословным, но надежным парнем. Опрокинув остатки спирта, продолжили беседу.

— Валер, — Иван повернулся ко мне, — завтра в ночь уходишь в район кишлаков. Пока ты отдыхал, я был в штабе у дяди Миши, он доложил Петрякову твою информацию о действиях «духов» сигналами — выводы и предложения еще

анализируются, но Петряков согласился, что «духов» в твоем районе надо разрабатывать дальше. Завтра наше боевое охранение получит приказ на частичное общение с местным населением, но в ограниченном порядке, особый отдел нашу работу будет держать на контроле.

— Понял, Иван Геннадьевич. Одна просьба: люди устали, пусть поспят до обеда.

— Хорошо. С Артемычем поработай по связи — радиомолчание группы в боевой задаче беспокоит командование дивизии. Сам понимаешь…

— У меня же отработано взаимодействие с охранением — зажмут, обозначу себя ракетой, выйду открытым текстом.

— Ты это комдиву скажи.

— Понял, Иван, мой выход в эфир будет дублировать боевое охранение работой в качестве ретранслятора. В зоне разведки мне нельзя «светиться» — я исхожу из того, что противник слушает эфир, что позволяет «духам» сработать на перехват.

— Хорошо, Валера, согласен, а теперь на отдых.

Как всегда по утрам, личный состав, свободный от нарядов и службы, строился, командир роты проводил развод на занятия, боевую и другую работу.

— Порядок работы следующий, — Иван Геннадьевич уточнил план на сегодняшний день, — под руководством командиров взводов два часа политических занятий. Затем 1-й и 2-й взводы готовятся к службе по охране государственных объектов, разведчики 3-го взвода до обеда отдыхают, а в ночь уходят на выполнение боевой задачи. Взводы связи и радиотехнической разведки обеспечивают внутренний наряд подразделения и усиливают разведгруппу лейтенанта Марченко. Вопросы?

— Иван Геннадьевич, вечером баня, — уточнил Андрейчук.

— Да, старшина, доведи график помывки до командиров взводов.

— Есть.

— Еще вопросы, товарищи?

— Никак нет, — дружно ответила рота.

— Владимир Николаевич, порядок политзанятий, — напомнил командир замполиту.

Гришин уточнил места проведения занятий, проверил конспекты руководителей групп политзанятий.

— Все, Владимир Николаевич?

— Так точно, Иван Геннадьевич.

Командир роты скомандовал:

— Товарищи офицеры, в строй. Равняйсь. Смирно. К торжественному маршу. Справа повзводно, первый взвод прямо,

остальные — напра-во. Шагом марш.

Торжественным маршем рота прошла мимо командира роты и сразу же разошлась по местам политических занятий.

Проверив у разведчиков наличие конспектов, я объявил тему, цели, задачи лекции, затем под запись дал содержание учебных вопросов. Для семинарского занятия достаточно, главное, чтобы солдаты могли сформулировать четкий, но ясный ответ по вопросам, сделать выводы.

Занятия обозначены — теперь к делу. Если кто-нибудь из политотдела зайдет проверить политподготовку, у меня все в порядке: план занятий есть, личный состав конспектирует лекцию. Теперь о главном:

— Товарищи разведчики, в ночь убываем на задачу! Сделав паузу и собравшись с мыслями, я продолжил:

— В этот раз в смысле физической нагрузки будет проще, но в то же время сложнее — идем в душманское пекло. Мы знаем, Тарахейль обрел дурную славу после того, как душманы из числа его жителей убили наших солдат и, поправ все законы человеческой чести, надругались над телами погибших. Враг жестокий, коварный, ошибок не прощает. От нас требуется максимум сосредоточенности, воли, чтобы выполнить задачу, а при благоприятно сложившихся обстоятельствах — захватить «языка».

Сосредоточившись на мысли, я продолжил:

— Есть основание считать, что противник поддерживает связь между отрядами, подпольем в кишлаках не только методом световой информации, но и связными, курьерами, которые передвигаются в горы и обратно. Это главный момент, который сослужит нам доброе дело. Боевой порядок группы: старший дозора — Ивонин, с ним — Ксендиков.

— Андрей, принцип движения такой: посмотрел в ночной прицел — чисто, продвинулся вперед, опять посмотрел — вперед. Только так! Любая опасность — стой, сигнал. Ясно?

— Так точно, — ответил старший дозора.

— Не забывай — маршрут выбираешь так, чтобы луна не слепила глаза.

— Понятно, товарищ лейтенант.

Передохнув, я посмотрел на Мухаметзянова.

— Виль, вчера со Славой сработали нормально, а вот почему — нормально, кто ответит?

В палатке повисла тишина.

— Материал не знаете, товарищи разведчики. Нормально потому, что не вляпались «духам». Надеюсь, понятно?

— Так точно, — хором ответили бойцы.

— На этот раз ситуация опасней — заглянем к «духам» в кишлак, а вот насколько глубоко и серьезно, сориентируемся по обстановке, но задача захвата «языка» остается главной. Сегодня, Виль, работаешь старшим группы обеспечения. Твоя задача — прикрыть группу захвата до ее ухода к боевому охранению. Поддержишь Сафарова и Баравкова на всех этапах задачи.

— Есть.

С Мухаметзяновым хорошо работалось, он быстро соображал, знал, что от него требовалось, не задавал лишних вопросов.

— Хорошо. Прокопенко?

— Я.

— Действовал молодцом, дозор не терял, держал на зрительной связи, — похвалил я разведчика.

Задача ведущего группы следовать за дозором и ни в коем случае не терять его из виду, фиксировать сигналы и реагировать на них в установленном порядке.

— Сегодня отпусти дозор подальше, но не теряй, ночь, вероятно, будет светлее и видимость лучше. Если Мухаметзянов и Ксендиков столкнутся с противником, прикрой огнем, пока дозор выходит на новый маршрут, но от меня со связистом не отставать. С этим понятно?

— Понятно.

Связисту, прикрепленному к группе, задачу ставлю отдельно, она специфична и других разведчиков не касается.

— Сергей, — обращаюсь к заместителю, — с Баравковым работаешь в захвате. С Геной еще поработайте, чтобы было тихо, быстро и без писка. Если «облом» — в сторону, я с Гапоненко прикрою. Это тоже понятно?

— П-предельно, товарищ лейтенант.

Я посмотрел на Гену, не прикалывает ли меня? Глаза сержанта смотрели преданно и верно: пошутить он любил, посмеяться тоже, но игривость настроения перед опасной работой была неуместной.

— Хм, ну, ладно.

Гена потупился, понимая некорректность легкого настроения. Я проинструктировал группу обеспечения, на которую возложил не менее серьезные обязанности.

— Нищенко, — показываю сержанту кулак, — ты понял?

— Так точно, товарищ лейтенант, — кивнул командир отделения.

— Игорь, с тобой Фетисов, Архипов, Сокуров. Задача — все видеть и держать на контроле все этапы работы. В случае огневого контакта с противником, обеспечить выход из боя. Особое внимание — тыл. У всех четверых головы должны

крутиться на 720 градусов, не позвольте «духам» «пристроиться» с тыла. Понятно?

— Так точно.

— Ивонин!

— Я!

— С тобой Гапоненко, Яруков, Пальцев. Задача: работать по ведению разведки, в случае огневого контакта с противником обеспечить эвакуацию раненых и убитых, контролировать ситуацию и никого не оставить в бою. Надо показывать, как вводить промедол?

— Никак нет.

— Взять у санинструктора бинты и жгуты.

— Есть, товарищ лейтенант, «Таблетка» получил.

— Пальцев, вводная установка: у Гапоненко пулевое ранение в предплечье правой руки. Действуй!

— У меня жгута с собой нет, товарищ лейтенант, — заморгал глазами рыжий здоровяк.

— Пальцев, — заорал на него, — у Гапоненко ранение в предплечье правой руки!!!

Суетясь, ефрейтор вскочил, пытаясь куда-то бежать, потом сообразил, что делает что-то не то, выдернул брючный ремень, опрокинул Гапоненко на кровать и перетянул ремнем предплечье руки условного раненого.

— Еще раз проявишь нерезкость — останешься в роте. В бою, Пальцев, не будет времени на размышление, стандартные ситуации должны быть отработаны до автоматизма. Может, я что-то не то говорю, и ты меня поправишь?

Молчание. На шум, раздавшийся снаружи, бойцы повернули головы.

— Что случилось? — замполит роты, вбежав, оглядел группу политических занятий 3-го разведывательного взвода.

— Товарищ гвардии старший лейтенант, — вскочил Архипов, — у Гапоненко от перенапряжения в голове открылось кровотечение правой руки.

Реплика без разрешения, смех разведчиков на политзанятиях не понравился Гришину.

— Архипов, у меня такое ощущение, что ты со вчерашнего дня не махал лопатой, — тяжелый взгляд замполита остановился на чернявом балагуре.

— Никак нет, товарищ старший лейтенант.

— Владимир Николаевич, — вмешиваюсь в ситуацию, — я сделал условный перерыв и отработал вводную по наложению жгута на рану — три минуты, чтобы встряхнуться.

Гришин понимающе кивнул, но Архипова не оставил без

внимания:

— Скажи-ка мне, Архипов, что такое развитое социалистическое общество?

Раскачиваясь на носках сапог, замполит роты остановил взгляд на шутнике взводного масштаба. Вляпался парень основательно, старший лейтенант Гришин — человек принципиальный, жестковатый.

— Товарищ старший лейтенант, развитое социалистическое общество — это фаза коммунизма, где действует принцип: от каждого — по способностям, каждому — по труду. По мере развития социализма и его укрепления государство диктатуры пролетариата превращается в общенародное социалистическое государство, выражающее волю и интересы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Утверждается новый социалистический образ жизни, — стоя по стойке «смирно», доложил Архипов.

Замполит роты, ошеломленный бойким ответом, удивленно смотрел на разведчика.

— Продолжайте, Валерий Григорьевич, — и пошел дальше проверять занятия по наиважнейшей дисциплине в Советской армии.

Боевые выходы разведывательных групп 80-й отдельной разведывательной роты 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии с задачей ведения разведки мятежников выявили их активную деятельность в кишлачных массивах, прилегавших к Кабулу.

Мятежники обменивались информацией в тёмное время суток методом подачи световых сигналов лампами, кострами, фонариками. «Иллюминация», которую душманы устраивали в горах, кишлаках, свидетельствовала о наличии у них разведывательных данных о советских войсках. В первую очередь, о гвардейской воздушно-десантной дивизии, палаточный лагерь которой раскинулся вблизи кабульского аэродрома.

Выходы моей разведывательной группы к кишлаку Тарахейль, что примыкал сетью дувалов к обратному скату тёмной вершины, получившей название Чёрной горы, носили еженощный характер. Морозными вечерами я уводил разведывательную группу в тыл противника, где, наблюдая за жилым массивом, изучал подходы для захвата сигнальщиков, курьеров — связующих звеньев душманского подполья с мятежниками в горах. Уходил с группой на лыжах через боевое охранение в составе парашютно-десантного взвода, бойцы которого вгрызлись в каменное плато у широкой долины. Под утро возвращался назад.

Планируя очередной выход в ночь, я не мог отделаться от

терзавших сомнений, а что, если «сигнальщики» засекли мою группу при выполнении задания? Выпустили? Не ударили из засады? — Оставили на потом, куда, мол, денемся? А «засветиться» могли, где угодно: у того же боевого охранения, на Чёрной горе, при возвращении на базу. Противнику ясно, что рано или поздно мы появимся на их территории для добывания интересующей нас информации. Соответственно, сюрприз в виде засады или даже — засад — был обеспечен сполна! Таким образом, размышлял я, нужны были новые, нестандартные решения на разведку, которые бы исключали случайные риски при действии группы в тылу у мятежников. Иначе удачи не видать!

В ожидании начальника разведки дивизии майора Скрынникова я грелся у «полариса», обдумывая выход ночью к кишлачному массиву за Чёрной горой. Мои размышления исходили из возможных умозаключений командира мятежников, получившего информацию об отметившейся в его тылу разведке «шурави». С этой позиции и выстраивал ответные действия «духовского» командира в отношении перехвата разведывательной группы русских.

«Мятежники» — это большей частью подразделения регулярной афганской армии, перешедшие в лагерь оппозиции. Их командиры, имея военное образование выпускников военных училищ европейских стран, в том числе и Советского Союза, мыслили грамотно. Варианты выхода русских разведчиков в их тылы просчитывались легко, и они понимали, что «шурави», изучив господствующий над местностью хребет, «засекли» передачу световой информации из кишлаков — к горному массиву и обратно.

Вне сомнения, русские заинтересуются активной деятельностью отрядов оппозиции в кишлаках и горах, примут меры по наращиванию усилий для получения информации с привлечением авиации. Правда, в данной ситуации она малоэффективна, боевики скрыты в пещерах, что исключает их обнаружение с воздуха. Несколько самолётовылетов покажут бесперспективность воздушной разведки, после чего русским ничего не останется, как задействовать войсковую разведку. Ею уже обследован горный хребет и она, вне сомнения, на этом не остановится и углубится дальше.

Что за этим следует? В кишлаки русские не полезут — опасно, тем более — они не знают местных условий, а устроить засады в пределах интересующего их района — привлекательно. Остаётся просчитать возможные маршруты выхода русских групп к кишлакам и организовать их перехват с нескольких

направлений сразу.

Есть и «зацепка»! Русская разведка «привязывает» действия к охранению, на вооружении которого боевая техника, пулемёты, оборудованный опорный пункт. Значит, охранение «шурави» — под визуальный контроль! Бачата и местное население справятся. Само охранение русских разведку не высылает — наблюдает за местностью, обороняя собственные позиции. Выводы: русские ведут разведку силами специальных операций. В тёмное время суток они скрытно прибывают на заставу и уходят к кишлакам. Открытые участки местности преодолевают в ночное время или непогоду, минимизируя риски оказаться замеченными. Из логики рассуждений условного командира мятежников можно было выделить ещё с десяток факторов, не вызывающих оптимизма, я уж не говорю — куража. Анализ ситуации с позиции противника не в нашу пользу!

Стоп, карту! Каким бы образом размышлял командир мятежников в отношении устройства засад против наших разведывательных групп? Вне сомнения, выяснением возможных маршрутов выдвижения в тылы кишлаков, что является главной составляющей в организации операции по их перехвату! Маршрутов немного — открытое пространство. Русские могут использовать мандех, пересекающий плато предгорья с запада на восток, — скрытно и не оставляя следов. Или поступить хитрее — выйти вдоль основания хребта к окраинам кишлаков, теряясь в складках местности. Значит, в этой полосе и надо встречать разведывательные группы русских, выставив засады перед хребтом и после него. На случай, если «шурави» просочатся через первый заслон.

«Да-а-а, незавидна наша роль», — поймал себя на мысли, вжившись в образ душманского командира. Боевое охранение надо забыть, оно под контролем противника! Нужен поиск нестандартного решения на разведку, тем более — с захватом «языка»! Подход к нему должен выстраиваться методом от противного. По меньшей мере, он должен иметь «изюминку»! Противник не должен ожидать от разведки русских каких-либо действий с проникновением в кишлачную зону. А мы же в это время и должны работать на его территории. «Только неординарные решения на разведку, — сделал я вывод, — могут служить успехом в достижении поставленных целей! Да и чего скрывать? Целее будем!»

Отдыхая после ночи с восхождением в мороз и шквалистый ветер на Чёрную гору, думалось, что исследование кишлаков отнимет меньше физических сил, но — как бы ни так! Тело ломало от чрезмерной нагрузки и психоэмоционального

напряжения. Тем не менее, очередной выход на боевое задание я готовил тщательно. Поработал с разведчиками над «домашними заготовками» ухода от противника при форс-мажорных обстоятельствах, захватом «языка», прикрытием выхода из боя. Проверил оружие, боеприпасы, экипировку, неудобную в горах, другие вопросы, наработанные в лесах Белоруссии.

Начальник разведки дивизии майор Скрынников, как обычно, информировал нас, офицеров-разведчиков, о данных агентурной разведки — нашей, афганской, — заслушивал командиров разведгрупп, ставил задачи. Мне предстояло доложить ему о подробностях восхождения на Чёрную гору и решение на разведку в предстоящую ночь. После чего, заручившись его «добром», уйти на очередное боевое задание, исчезнув с группой в предгорьях Хингиля.

Скрынников был не в духе. Скользнув колючим взглядом по нашим лицам, Михаил Фёдорович, не торопясь, обрисовал обстановку:

— В Кабуле, товарищи, назревают события… Как бы это выразиться? Серьёзные! На нас с вами, разведчиков, ложится ответственность, которую сложно понять, оценить и разобраться в процессах, которые происходят в стране…

Преамбула начальника не вызвала каких-либо эмоций у офицеров. Поэтому мы молча, внимали начальнику. Тем не менее, командир дивизионных разведчиков старший лейтенант Иван Комар уточнил:

— Подробней можно, товарищ майор?

Вздохнув, Скрынников опустил голову:

— Можно, хлопцы, теперь всё можно! Начну с главного! Агентурная разведка подтвердила ваши данные о подготовке в Кабуле вооружённых выступлений оппозиции! Вы это хотели услышать, Иван Геннадьевич?

— Так точно! — невозмутимо подтвердил командир.

— Действительно, в столицу просачиваются мятежные отряды, принадлежащие различным партиям, хозяевам, но с общей целью — свержением правительства Кармаля. Вами фиксируется в горах «светомузыка»? Верно, Марченко?

— Так точно! — вскочил я. — В кишлаках тоже!..

— Сиди уж, — отмахнулся Михаил Фёдорович. — Говорю, как есть — дивизия готовится к войне! Ограниченный контингент втягивается в боевые действия с мятежниками… И на ум приходят мысли: правильно ли мы, разведчики, понимаем задачи, поставленные генералом Рябченко? А?

Оценив молчаливую реакцию офицеров, Скрынников подчеркнул:

— В части информации. На сторону противников правительства переходят части регулярной афганской армии. Ситуация непредсказуема, скажу больше — командованием советских войск принято решение о проведении в провинции Кунар войсковой операции…

В палатке повисла тишина. Казалось, «поларис», жадно пожиравший соляр, убавил свой устрашающий гул. Слышно было, как завывала вьюга, терзая брезент армейской палатки.

— От разведывательных подразделений дивизии, — продолжил Михаил Фёдорович, — к операции привлекается разведрота 317-го парашютно-десантного полка — старшего лейтенанта Мостибродского. Остальные работают в зоне ответственности соединения.

— А мы, товарищ майор?

— И вы тоже, Иван Геннадьевич, составляете резерв командира дивизии на случай непредвиденных обстоятельств развития операции в Кунаре.

— Это вроде как не у дел, — буркнул Ленцов.

— Ещё чего, Александр Иванович! Добываемая вами информация имеет огромное значение, а для драки с мятежниками есть парашютно-десантные подразделения. Пусть и они воюют! Наша задача — разведка! Вот и работайте! Ищите противника! Выбивайте данные!

— А чего «пристегнули» «литерную»? «Курковых» подразделений не хватает, что ли?

— Командиру дивизии виднее, Иван Геннадьевич, и не болтать лишнего! Всем хватит войны! Переходим к делу! — Михаил Фёдорович расстегнул верхнюю пуговицу полевого обмундирования. — В связи с тем, что оппозиция концентрируется в Кабуле, разведке дивизии приказано сосредоточиться на получении информации о базах, пунктах сбора, местах и способах просачивания в город. Мы должны знать намерения мятежников, товарищи разведчики! Вот и думай, Ленцов, при деле остаемся или курим бамбук?

Начальник сделал паузу. Молчали и разведчики.

— Что у тебя, Марченко, по работе ночью? Докладывай!

Чуть приподняв голову от неожиданного перехода, я развернул топографическую карту:

— Решение на разведку прошлой ночью, товарищ майор, реализовывалось мной в привязке Чёрной горы и кишлачного массива к системе охраны и обороны стратегических объектов: аэродрома и городка дивизии. Характер действий мятежников позволяет судить о взятии ими под визуальный контроль интересующих объектов, что и активизировало обмен световой

информацией с горами… Есть основание считать, что в скальных разработках хребтов — здесь, здесь и здесь, — ткнул я карандашом в карту, — зимуют вооружённые отряды мятежников… Отмечен наблюдатель в нашей тыловой зоне — непосредственно у аэродрома…

— Только ли световыми сигналами проявили себя мятежники или, может, слышатся выстрелы? Осуществляется передвижение? — уточнил начальник.

— Никак нет, товарищ майор, выстрелы не отмечены, передвижение не обнаружено! Но выход противников новой власти на световую связь два-три раза за ночь, полагаю, имеет веское значение — есть, что передавать в горы. Иначе зачем эта «иллюминация»?

— Резонно! — отчеркнул кружочек на карте начальник разведки.

— Разрешите предположение?

— Выкладывай.

— Возможно, существует более тесная связь кишлаков с горами. И не только средствами световой информации, а через связных и курьеров. Если информацию о противнике «процедить» через факторный анализ, мятежниками организован сбор разведданных о наших подразделениях, задействованных в боевом охранении по периметру столицы. Они же, по докладам наших командиров, являются объектами пристального внимания местного населения. Поэтому… Активность разведки мятежников в полосе семь-десять километров восточнее аэродрома «Кабул» имеет, не исключено, цель нападения на подразделения боевого охранения.

— Угу, угу…

— Если обратимся к карте, товарищ майор, получается следующая картина: в кишлаках Бахтиаран, Шаникалай и Танихейль три ночи подряд отмечены сигналы. Кому они предназначены? Душманам в горах! С точек хребта Хингиль — смотрите: вот, вот и вот — им отвечали. Таким образом, зафиксирован активный обмен световой информацией… Вывод! Если агентурную ориентировку, доведённую вами о шевелении подполья в Кабуле, увязать с активностью мятежников на подходе к столице, представляется, что события приобретают более, чем серьёзный характер.

— Угу-у-у…

Скрынников думал. Было о чём подумать начальнику разведки соединения! Генерал-майор Рябченко требовал от разведчиков информацию о мятежниках: их состав, намерения, возможный характер действий. Сложность ситуации в стране

усугублялась переходом к противникам Саурской революции частей регулярной афганской армии, не выказавших преданности руководству страны. Причём, к мятежникам уходили элитные подразделения горных стрелков, расположенные в приграничных уездах с Пакистаном.

— Предположение высказал, товарищ майор, разрешите предложение?

— Только без волюнтаризма, Марченко!

— Есть!

Мои предложения начальник разведки дивизии мог разбить своими контраргументами, при этом не скупясь на крепкие выражения, на которые Михаил Фёдорович был горазд. Тем не менее, эти мои предложения исходили, прежде всего, из ощущения того, что прошлой ночью моя разведгруппа при выполнении задания «засветилась» у Чёрной горы. Вроде и сработали без «сучка и задоринки», но, как говорится, бережёного и Бог бережёт… Если ситуацию рассматривать без лирики и драматизма, не хотелось повторяться в маршруте входа в задание через наше боевое охранение, где и мог случиться «прокол». Что-то говорило об этом…

— Предложение следующего порядка, товарищ майор: утвердить решение по входу группы в задание через хребет перевала Паймунар. Сегодня в боевое охранение не полезу.

Лицо Скрынникова вытянулось. «Отправит служить к “авантюристам” или ещё дальше?»

— Карту!

— Вот.

Начальник разведки уткнулся в «стотысячную» «километровку», на которой красным карандашом была нанесена зона ответственности дивизии.

— Ну и?..

Зная взрывной темперамент начальника, изложение сути своего предложения я начал с осторожной фразы:

— Задача не меняется, товарищ майор, остаётся прежней…

— Ну?

— Я корректирую выход группы в кишлачную зону Тарахейль не через боевое охранение, которое, скорее всего, под наблюдением противника, а через обратный скат перевала Паймунар. То есть втягивание в тыл мятежников предлагаю осуществить из-за хребта.

— Это ж «крючок» получается? — оторвался от карты Скрынников.

— Около семнадцати километров…

— Не улавливаю сути…

— Кх-кх, товарищ майор, я исхожу из того, что прошлой ночью «духи» почувствовали нас на Чёрной горе — до сигнальщиков было не более трёхсот метров. В горах это большое расстояние, но я не исключаю засаду, перехват группы — это реальные вещи, что и беспокоит!

— Хм, «внутренний» голос?..

— Есть причина для беспокойства другого плана, связанная с «прослушкой» противником наших частот. Поэтому, товарищ майор, предлагаю следующее: в задание включить Тютвина с парой связистов. С одной стороны, Николай сработает ретранслятором, обеспечив со мной устойчивую связь, с другой, изучит долину в направлении Баграм — пригодится, а главное — «подыграет» в эфире любопытству «духов». У нас в Сибири есть выражение — «сбить с панталыку»!

— Угу, угу… Не накручиваешь, Валера?

— Ещё нет, товарищ майор, — напрягся я, понимая, куда клонит начальник, — разрешите продолжить?

— Давай, только без этих… Понимаешь?

— Так точно! Слушая эфир, «духи» придут к выводу о якобы нашем интересе к их северному направлению — кишлакам, от которых рукой подать до гор. А на самом деле нас там не будет!

— Зачем всё это тогда?

— Чтобы гарантировать чистоту входа в задание!

— Выкладывай!

Я оживился.

— В 19.00 на машине с Тютвиным и его связистами проскочу к складу ГСМ, — ткнул карандашом в карту. — В это время ещё катаются «коробочки» охраны аэродрома и «зелёных». Аккуратно «впишемся» под одну из них и выйдем на рубеж спешивания с ходу. Спешимся. Николай выдвинется к вершине Ходжа-Раваш — на подъёме его подстрахую, сам же с группой перевалю хребет и спущусь с обратного ската к кишлаку Паймунар. Если всё будет в порядке, броском у основания хребта выйдем к Тарахейль за Чёрной горой — в тыл кишлачного массива, откуда «духи» нас точно не ждут… Безопасность группы обеспечена «крюком» в семнадцать километров, а это, товарищ майор, половина успеха!

— А если…

— Если на спуске «вляпаемся» «духовской» разведке, вот здесь, — отчеркнул карандашом на карте, — сделаю контрзасаду. Положим «духов» и вернёмся. Будем искать другие пути…

— М-да-а-а, хитро…

— Неплохо бы ещё одной группой «подработать» иллюзию движения на север, — загорелся я, как показалось, поддержкой начальника, — но сил не хватает, поэтому прошу утвердить

вариант этого решения.

— Хм, утвердить… Утвердить… Давайте думать…

Сомнения начальника объяснимы. Увеличивалось плечо вхождения в задание, и в душманском «рассаднике» мы оказывались без прикрытия, в том числе — боевым охранением. И это, пожалуй, ещё не всё! У крайней точки паймунарского хребта связи с группой вообще не будет, если даже Тютвин и сработает ретранслятором. «Мёртвая» зона для радиостанций УКВ-диапазона.

— Товарищ майор, — осторожно «вклинился» я в «думы» начальника, — лишний «крюк» в семнадцать километров для нас ерунда. И вы это знаете! В лесах Белоруссии и по девяносто километров отмахивали за сутки. Создаётся «подушка» безопасности при входе в задание — вот суть замысла, а там разберёмся!

— Опять ночь не спать, чёрт бы тебя побрал, Валера! Честно скажу, твоя затея не нравится, — прокашлявшись, заключил начальник, — «проваливаешься» в «духовских» тылах. А ну — обложат? Где гарантии успешного выхода? А? Ваши мнения, товарищи офицеры?

«М-да-а-а, — вздохнул я про себя, — доклад не окончен…»

Сомнения гвардии майора Скрынникова объяснялись сложной обстановкой вообще. Живучесть разведывательной группы подвергалась риску на всём этапе выполнения задания, и начальник хотел убедиться в разумности доводов в решении на поиск. Ему они показались неубедительными по форме или содержанию — не знаю, но мне очень не хотелось повторяться в маршруте выхода в район боевой задачи. А если всё-таки «засветились»? Прихлопнут же! Хотя… Опять же… В случае непредвиденной встречи с противником охранение подстраховало бы огнём боевых машин, а так? Безопасность группы обеспечивалась исключительно собственными силами, смекалкой и выносливостью разведчиков!

— Выход в тыл противника из-за хребта, товарищ майор, — неожиданное решение, но нужное!

— Да уж, убедил… А маршруты отхода? Прикрытие? Страховка? А эта «штуковина» ни о чём не говорит? — Скрынников указал на карте расщелину между хребтами.

— Эта?

— Эта! Не строй из себя дурака!

— Никак нет, товарищ майор! «Штуковину» проскочим до того, как «духи» устроят погоню. Това-а-а-рищ майор, оторвёмся от них! Вы же знаете моих «рэксов»! Равных нам в долине нет, а лучший выход из задачи — броском у хребта к боевому

охранению.

— Почему?

— Долина — открытая площадка. Ночью в метель ничего не видно, и встретиться с противником лоб в лоб — легко! Повезёт тому, кто окажется резче… Можно и от обратного!

— «Сыграют» на перехват?

— Могут, товарищ майор, разнос по площади источников света большой, значит, и дислокация отрядов мятежников обширна.

— Что ещё? Врёшь же, что-то скрываешь? — прищурился начальник.

Терять было нечего.

— Там и «срублю» «языка», товарищ майор, — скромно зафиксировал я «гениальную» мысль своих рассуждений.

— В кишлаке?! «Языка»? — вскричал Скрынников, вскакивая из-за стола.

— Так точно! — гаркнул я по-ефрейторски, «поедая» глазами начальство.

Майор Скрынников метнулся к бочонку с водой:

— Лезть в кишлак, Марченко, запрещаю! Ясно?

— Так точно, товарищ майор! Вы не так поняли!

— Что — «не так понял»?

— При «вскрытии» кишлака работаю на захват «языка» за пределами внешних дувалов.

— Вне дувалов, говоришь? — остывая, заключил начальник.

— Так точно!

Михаил Фёдорович присел.

— А то — кишлак! Хэк! «Король паркета»! Смотри мне!.. Пойми, чудак-голова, агентура подтверждает усиление «духов» в населённых пунктах, прилегающих к Кабулу. Не исключено, что Тарахейль — перевалочный пункт, сунуться в который значит подвергнуться смертельному риску.

— Товарищ майор, я похож на авантюриста?

— Похож, похож! — быстро среагировал начальник, отмахнувшись от меня.

— В драку с «духами» не полезу — всё исследую вокруг да около, посмотрю, «понюхаю» кишлак и — назад.

— Верно, район не изучен, и данные агентуры беспокоят.

Михаил Фёдорович ещё ни раз «взрывался», переходя на высокие нотки: не соглашался с Комаром, Перепечиным, Чернегой, предлагавшими варианты захвата «языка» — спорили, настаивали! Шла творческая работа по выполнению боевого задания.

— Товарищ майор, понятно, что глубокой разведкой

«вскрывать» душманский район рановато! Обещаю дров не ломать и к рассвету вернуться.

Скрынников опять вскочил, махая руками:

— Забудь о глубокой разведке и не лезь в кишлак! Твоя задача — захват связника во внешнем поясе населённых пунктов, дальше соваться запрещаю! Авантюрист! Чистой воды авантюрист, язви тебя! — выпалил в сердцах Михаил Фёдорович, вытирая пот солдатским платком.

В конечном итоге решили: ночью я отработаю северную окраину кишлака Тарахейль и частично вникну в обстановку по его периметру — других предложений не поступило.

— Взвесь возможности группы, Валера, шансы на живучесть, я буду на связи, нарвёшься на «духов» — «вали» открытым текстом. Понял?

— Так точно!

— Смотри у меня! — Скрынников показал кулак.

— Есть, товарищ майор, — я вытянулся в струнку, «пожирая» начальство глазами, — разрешите идти?

Безнадёжно отмахнувшись, Михаил Фёдорович вздохнул:

— Иди!

«Фу, легче к “духам” сходить и живым вернуться!»

Глава 7

Личная подготовка к выходу заняла немного времени. В специальный карман десантной куртки сунул пристёгнутый к стропе пистолет, подтянул ремень АКМС 7,62 мм с ПБС — прибором бесшумной беспламенной стрельбы, поправил «разгрузку» или «лифчик» на шесть магазинов, штык-нож от АК, ракеты, гранаты, промедол. Надел РД (рюкзак десантный) с дополнительным боекомплектом в шестьсот патронов, сухим пайком, водой, медицинской аптечкой, парой сухих портянок. Попрыгал. Не гремит. Вышел к разведчикам. Наступали сумерки.

— Товарищ гвардии лейтенант, разведгруппа для выполнения боевой задачи построена. Заместитель командира группы гвардии сержант Сафаров.

— Вольно.

Всмотревшись в лица парней, улыбнулся. Вот они, мои «орлы»: Сергей Сафаров, Андрей Ивонин, Владимир Сокуров, Игорь Нищенко, Геннадий Баравков, Александр Архипов, Александр Фетисов, Михаил Гапоненко, Вячеслав Ксендиков… В строю застыли воины с жёсткими и полными решимости взглядами! На базе остались их имена, документы, письма родных, любимых — всё, что имело отношение к разведке. В тыл противника уходили тени!

— Людей в кузов, Сергей!

— «Изюминка» в следующем, Николай, — объяснил я подошедшему командиру взвода связи. — Паймунарские «духи», перехватывая наши частоты, обязательно сделают выводы, что русские ведут радиообмен в их собственном тылу. Кинутся в поиск. Будут искать мою группу, морщить «духовские» лбы и пока, наконец, разберутся, что нас и в помине нет на их территории, я буду далеко. К полуночи перемахну хребет и выйду к северной окраине Тарахейль. Понимаешь?

— Ясно, Валера. Включения в эфир?

— Включайся каждые тридцать-сорок минут и выдавай какие-нибудь цифры.

— Надолго?

— Нет. «Побурбулекай» пару минут — и тишина, затем опять.

— Та-ак, понял.

— Сигналы следующие: нажатие тангенты один раз — всё в порядке, два раза — возвращаюсь на базу, три — срочная помощь. Ну, как?

— Понятно, Валер.

— На Ходжа-Раваш всходи аккуратно — снизу прикрою, идём

с тобой параллельными маршрутами, правда, группу я веду восточней перевала. Ориентируйся следующим образом: пройдёшь половину подъёма, я буду уже на гребне хребта — у меня меньше перепад высот. Выйдешь на вершину, я спущусь вниз к обратному скату хребта, а дальше — по сценарию.

— Возвращаемся как?

— Серия тангентой — снимайся и вниз, только не расслабляйся, Коля.

— Понял.

— Давай в кузов.

Минут через сорок езды на ГАЗ-66 у кромки аэродрома и выхода за его границы в предгорье я подал команду:

— Приготовиться к десантированию.

Откинув тент, разведчики встали вдоль бортов кузова.

— Оружием не греметь, лбы не расшибать!

Сигнал. Прыжок из машины, кувырок в снежной пороше, и группа, ощетинившись стволами, готова была отразить нападение. Гул машины стих. Слушая тишину, разведчики адаптировались к фону. Пора.

— Внимание, Коля! Маршрут на вершину сообразуй с её контуром на фоне неба — видишь?

— Угу!

— Удачи. И не теряй сознания! Завтра банька, попаримся!

— Да как-то неуютно, Валер!

— Ничего, Коля, это в первый раз! Мы всё равно победим!

— Ну, давай.

Тютвин со связистами слился с горной грядой.

Глубокий вдох-выдох.

— Ивонин, направление движения — пять градусов по компасу — груда камней! Наблюдаешь?

— «Схватил», — кивнул старший головного дозора.

— За линией водораздела оцени обратный скат хребта. Спуск восточней кишлака.

— Ясно.

— Работаем.

Наш хребет не похож на Чёрную гору. Высота его над уровнем моря — около двух тысяч метров — меньше, и угол подъёма не очень крутой. Преодолеем без труда, но есть момент — «духовская» разведка, наблюдавшая за аэродромом и военным городком дивизии. Не дай Бог, наши маршруты пересекутся в каменных глыбах! Возникнет бой в невыгодных для нас условиях, поэтому, страхуясь, движение группы вверх отслеживал в прибор ночного видения.

Скользнул прицелом по разведчикам Нищенко, прикрывшим

группу с тыла — в порядке. Парни держали дистанцию, шли двумя стволами вправо, двумя — влево, командир замыкал движение.

Размышления о задании незаметно вывели к линии водораздела хребта. Дозор исследовал обратный скат, прикидывая спуск в долину, «схватывал» ориентиры движения вниз, чтобы не сбиться с пути. Сигнал — залегли, наблюдение. Перевели дыхание, оценили обстановку.

— Товарищ лейтенант, смотрите, пойдёт?

Ивонин указал направление спуска к Паймунару, южная окраина которого упёрлась в основание гряды.

— Пойдёт. Не прижимайся к окраине — ветер на нас, собаки не почуют запах. Контролируй ярусы хребта.

— Есть.

Внизу обширная долина с разбросанными кишлаками и оврагами, контурами цепочек хребтов, виноградниками, занявшими изрезанные арыками поля, сетью ирригационных систем. Угодья кишлака Паймунар, у окраины которого окажемся минут через сорок.

Следующий выход к кишлаку Паймунар мы осуществим в составе разведгруппы 8 марта 1980 года. На западной его окраине попадём в жестокую и коварную засаду противника. Примем бой в невыгодных для нас условиях, выдержим его, введем душманов в заблуждение и, благодаря мастерству и взаимовыручке, оторвёмся от противника и выйдем к базовому лагерю. Но это будет в следующий выход…

А пока, изучив направление спуска к мирному с виду кишлаку, подал команду:

— Вперед.

Опасаясь встречи с визуальной разведкой противника, группу вниз направил по условной диагонали, что обеспечило более широкий контроль пространства. Чем ниже спускались к подножью хребта, тем сильнее ощущался кислый запах животных, пронзительный крик ишаков. Наступал важный момент первой части задания, «изюминка» — резкий бросок вдоль подошвы обратного ската хребта в восточном направлении. Если «духи» всё же, обнаружив группу, «вели» нас до низины, чтобы на открытом пятачке зажать и уничтожить, мы неожиданно для них исчезали именно здесь — у кишлака Паймунар.

Противнику «подбрасывалась» ещё одна иллюзия, якобы нашего движения на север — в глубину его территории. Мы же, слившись с местностью у населённого пункта, броском уйдем не в северном направлении, как подсказывала логика, а в восточном — к Тарахейль. К цели нашего задания! «Духам» потребуется

время, чтобы разобраться, куда девалась русская группа. И пока они будут разбираться, мы оторвёмся от них. Выйдем в тыл тарахейльским «духам». Паймунарские нам сегодня не нужны!

Тютвин, скорее всего, включился в работу, посылая в эфир мифические «радиограммы», перехватывая которые «духи» дурели от лёгкой наживки. Клюнут на неё — хорошо, а нет? Роли не играло! Группу к объекту наших интересов я вёл энергичным броском. Пусть догонят! Нам не было равных в беге по лесам Белоруссии, не будет и в «духовской» долине!

Сигнал «Стой». Залегли в готовности к бою. Осмотрел ночным прицелом обращённый на север хребет, убедившись, что «духи» не пристроились следом, изучил движение подгруппы Нищенко, вершину Тютвина. Ничего особенного — вперёд.

— Обороты, Ивонин!

— Есть. Слава, внимание — на подножье хребта.

— Понял, Андрей, — шепнул Ксендиков.

Всё дальше и дальше уходили на восток. Головной дозор не сбавлял темпа движения, «пробивал» маршрут, выигрывая время на выполнение основной части задания! Скорость, ещё раз — скорость… Время? Нормально. Минут через тридцать втянемся в зону отсутствия связи. Прямую видимость с вершиной, где сидел Николай, закроет горный отрог. Преодоление «мёртвой» зоны займёт около часа — момент, когда встреча с противником исключалась в принципе.

Около двух часов разведгруппа бежала по заснеженной местности, матерясь отборнейшим матом в душе. Усталость бросала на снег, пересохшее горло саднило хрипом, обжигавшим трахею, но вперёд, только вперёд! Держаться…

Сигнал «Внимание»! Упали, остужая снегом раскалённые лица.

— Собачий лай, — шепнул Андрей.

В зелёном фоне ночного прицела виден внешний дувал кишлака. Добрались? Уточним. Да, ребята, Тарахейль перед нами.

— Андрей, метров двести вперёд, изучи окраину с входом в кишлак и — назад.

— Понял.

Ивонин вернулся возбуждённым.

— Кишлак не спит, товарищ лейтенант, собаки…

— Ого… Не спит, говоришь? Первый час ночи… Правоверные спят в это время… Значит, не все почивают? Какие соображения?

— Может, «духи» пришли на ночёвку?

— Ага, по увольнительной.

— А, что, товарищ лейтенант? В горах не душно.

— Тише, а то сделают жарко.

Сигналом подтянул заместителя.

— Что скажешь, Сергей?

Сафаров — таджик по национальности, свободно владел местным наречием, хорошо знал жизнь мусульман сельской местности.

— Люди должны спать, товарищ лейтенант. В кишлаке шевеление, топот копыт — чужие. Слышите?

— Угу, тянет дымком.

— Шиш-кебаб готовят из барашка и кабли-пилав…

— Не дразни, Сафаров, слюной поперхнусь… Смотри лучше…

В прицел различались глиняные стенки, плоские крыши строений, однако больше зацепится не за что. Подойти ближе, изучить обстановку в кишлаке? Опасно, чёрт побери, «колотун» — аж скулы свело.

— Ивонин?

— Я, товарищ лейтенант.

— С Ксендиковым — обеспечение нашего выхода из кишлака.

— Понял!

— Внимаешь, Сергей? — повернулся к Сафарову.

— Берём, товарищ лейтенант?

— Берём! Уверен, что в кишлаке посторонние?

— Уверен!

— Это боевики! Работаем тихо! Влезем в драку? Обложат, как волков, и к охранению из долины не выпустят!

— Сработаем, товарищ лейтенант! Помните под Витебском на разведвыходе?..

— Тише. Что это?

В морозной ночи слышен скрип открываемой двери, топот копыт животных.

— Ишаки, товарищ лейтенант. Три-четыре, — шепнул Сафаров.

«Эх, да простит меня Михаил Фёдорович! Надо в кишлак! Когда ещё повезёт? Рискну».

— К дувалу, Сергей! На «цыпочках» в кишлак: с Геной крадётесь по левой стороне улочки, я — по правой. Ваша задача — «язык», прикрою. Ясно?

— Угу.

— Если «светимся», резко назад! Ивонин с Ксендиковым прикроют выход, Нищенко обеспечит отход до Чёрной горы. Яволь?

— Яволь.

— Вперёд.

— За мной, Гена.

Пригнувшись, Сафаров и Баравков скользнули к дувалу. Сунуться в кишлак вслепую — всё равно, что отдаться собакам на съедение. До боевого охранения семь километров заснеженной долины… Выдержим ли? Не забьют, как мамонтов? Работаем чистенько — «без шума и пыли». Что у нас с ретранслятором?

— Включись-ка, Кибиткин.

В наушнике гарнитуры Есаулков, связист Тютвина, монотонным голосом выдавал:

— 32241, 14552, 64528…

В эфир летели пятизначные цифры, создавая иллюзию активной работы «шурави» на территории паймунарских «духов».

Дождавшись конца передачи, нажал тангенту — есть! Есаулков принял! Ответный щелчок! Условной цифрой по радиостанции Тютвин передаст начальнику разведки дивизии — у Марченко в порядке.

— Товарищ лейтенант, — Ивонин коснулся плеча.

Схватил «ночничок». Над плоской крышей строения с башней кубической формы «брызнули» искры, видны колебания тени. Цокот копыт, деревянный скрип не оставляли сомнений — кишлак оживал. Похоже, действительно, «духи», спустившись с гор, расходились по жилищам.

Напряжение достигло предела.

— Со мной Сафаров, Баравков — захват «языка». Сокуров, Фетисов — прикрытие захвата. Ты, Андрей, остаёшься старшим — подработаешь нам выход из кишлака.

— А что если подтянемся ближе, товарищ лейтенант?

— Опасно. Ваша позиция в ста метрах от окраины — сойдет. Глубоко не полезем…

— Понял.

— Нищенко, в случае боя уходишь последним — никого не оставить, вынести! Отвечаешь лично!

— Есть.

— Кибиткин, остаёшься с Ивониным, через каждые полчаса — сигнал «Нормально». Вопросы?

— Никак нет.

Наступил момент истины, когда на алтарь судьбы легли успех задания и жизни тринадцати человек. Отличное число!

— Вперёд, Сергей!

Плавными перебежками пошли на кишлак. Открылось второе, третье дыхание, кураж — адреналин, скажу я вам, рвался через край!

Вышли к дувалу, залегли, вслушиваясь в звуки, исходившие из лабиринта строений. Глиняная стенка, жерди, затхлость… Но заброшенность была обманчива: запахи животных, дыма, звук

копыт по замёрзшей земле. Кишлак погрузился в тайную жизнь. Посмотрим.

Проход между глиняных стенок напоминал узкую улочку. Посредине — ледок застывшего русла сточных вод и отходов с запахом, едва не вывернувшим душу. Оглянулся. Разведчики, оставшиеся с Ивониным, скрыты в снежном покрове.

— Сокуров, не упускайте тыл, — шепнул старшему разведчику по кличке «Зигфрид».

— Есть.

— Сергей, всё внимание — вперёд! Страхую на захвате. Объект вырубаете и — на землю! Остальных валю из ПБС.

— Угу.

— Пошли.

Прислонившись к глиняной стенке, ступили на пропахшую заразой улочку — никого. Присели, слушая ночь: тявкали собаки, орал ишак или осёл — трудно сказать. Стук о дерево! Переглянулись. Что это? Лоб покрылся испариной… Кивнул — вперёд. Жуткая вещь — душманская ночь!

Вскинул руку. Стоп! Упали под обшарпанные и полуобвалившиеся дувалы. Слышались звук копыт, говор, причём — за стенкой, скрывшей разведчиков подгруппы захвата. Метров через двадцать обнаружили мощные двери из деревянной породы — за ними угадывались люди, животные. Стой.

— Послушай, о чём говорят, Сергей.

Заместитель подполз к двери.

— Говорят о Кабуле, — шепнул Сергей, — …собираются в город… много оружия… упоминают «бисьёр туфанча» — разобрал. Только что спустились с гор, говорят, зимой плохо, холодно… «забистан», «харбан»… мало еды… ждут весну, сезон дождей… «бахор», «бара»… лучше в горах… Товарищ лейтенант, говорят «дарваза» — дверь, выходят.

— Захват.

Откинувшись на спину, изготовился к бою. Гена с Сергеем сжались у массивной двери, которую, гремя засовами с цепью, открывали душманы. Появившийся в проёме боевик с АК на плече стволом вверх вряд ли понял, что с ним произошло в следующую секунду. Дернув на себя «духа», мастер спорта СССР по дзюдо и самбо Сафаров парализовал удушающим захватом его способность к сопротивлению.

Шедшие следом мятежники сделали по инерции шаг, два… Навстречу смерти… С положения лежа на спине я стрелял в каждую цель в отдельности — осели. Во двор. Никого. Выстрелы из ПБС вряд ли слышны на фоне звуков ночного кишлака. «Прошёлся» по одежде убитых — пусто. Закинув за спину

душманские АК китайского производства, рванул за группой захвата, тащившей «языка».

— Контролируйте отход! — шепнул Сокурову, пробегая мимо.

Проскочив последние жилища, бегом — в открытую долину — кишлак остался сзади. Выпустили? Шансы на живучесть увеличились! Стрельбы и криков не слышно, но «духи» вот-вот обнаружат убитых и устроят перехват у Чёрной горы — в узком ущелье на стыке хребтов.

— Осторожней, не задавите «душка».

— Что вы! — хохотнул Баравков. — Ловко вы их положили, товарищ лейтенант.

— Не ловчее, Гена, чем вы с Сергеем выхватили душмана. Молодцы.

Вышли к подгруппе Ивонина:

— Уходим к ущелью, Андрей, в дефиле не соваться, держать под контролем!

— Понял, товарищ лейтенант.

От кишлака ушли метров семьсот, может, больше. Тишина.

— Игорь, прикроешь отход до охранения! Если «духи» устроят перехват, связываешь боем и уходишь за нами.

— Понял.

Бег по снежному полю — испытание адом! Душманские АК мешали бежать, стесняя дыхание.

Держим бросок! Сколько до ущелья? Минут тридцать? Сорок? Загоним себя!

Слева виднелись очертанья Чёрной горы, правее — хребет Паймунара. Большую часть долины прошли без помех, осталось пройти расщелину перед боевым охранением.

— Привал.

С разбегу упали на снег, хватая искусанными губами жёсткие кусочки наста. До дефиле немного — успеем ли его проскочить до того, как «духи» закроют проход?

— Сергей, усильте с Геной Ивонина, скоро ущелье…

— Есть, товарищ лейтенант.

Разжёвывая комочки колючего снега, разведчики приходили в себя от неимоверной нагрузки. «Спокойно, — стучало в голове, — спокойно, Валера, прорвёмся», но сообщить командиру боевого охранения о том, что разведка дивизии рвётся к его заставе, ещё рано. От объекта захвата ушли, но связь-то у противника есть, значит, возможность засады оставалась реальной опасностью.

— Кибиткин, сигнал «Нормально» дублируй три раза.

— Понял, — прохрипел связист.

— Держись, дружище, осталось немного. Всем — круговое

наблюдение!

Снегом остудил лицо. Пот, зараза, выедал глаза, за пазухой — хоть выжимай. «Это не Боровуха, чёрт побери», — мелькнула наивная мысль. Однако что с нашим «душком»?

Встал и подошёл к схваченному пленному. Гапоненко, лежа на снегу, держал его за лунгу — чалму, которой были замотаны руки.

— Не задави, пакуй как надо.

— Да он хлипкий, товарищ лейтенант.

— Не бурчи, Миша, делай, как надо.

Разведчик спеленал пленного вонючей грязной чалмой. На шею накинул петлю-удавку, свободным концом подтянул к затылку связанные за спиной руки.

Пленный был старше средних лет. Далеко не юноша. Он явно испытывал боль, которую ему причинили два мастера спорта по вольной борьбе. Миша верно подметил — хлипок, но лишь бы не отдал концы раньше времени…

— Сколько осталось, товарищ лейтенант?

— Немного, Прокопенко, держись! Проскочим ущелье и — дома!

— Это ж километров шесть? Ага?

— Не больше. Подъём. Уходим к подножью гряды, слышишь меня, Ивонин?

Ефрейтор смотрел в другую сторону…

— Товарищ лейтенант…

Я уже видел мигание фонарика на Чёрной горе. Мерцающие блики, пронзая ночную темень, летели в пространство: серия сигналов на передачу — пауза и обратно — приём информации корреспондента.

— По нашу душу сигналят, товарищ лейтенант, не иначе…

— Прицел!

Передача информации из кишлачного массива к Чёрной горе, вне сомнения, результат захвата «языка» и принятие противником мер к перехвату группы до выхода к боевому охранению. Скорее всего, в кишлаке обнаружили убитых. Пора по-настоящему уносить ноги.

— В тылу порядок, товарищ лейтенант, — доложил старший дозора.

— Хорошо, Андрей! Засада очевидна как никогда! Проскочим ущелье? — Хорошо! Не успеем? — «Духи» закроют его, и хреново придётся. Ясно?

— Ясно!

— Ладно, ещё повоюем! Вперёд!

Изнуряющий бег продолжался, кажется, целую вечность,

обжигая лёгкие хриплым дыханием. Утопающие в снегу ноги заплетались.

— Подменить, Миша?

— Ещё подержусь, — выдохнул разведчик.

— Но резче, Миша, резче, ущелье уже видно…

Пот заливал глаза. Горсть снега в лицо и — бегом, бегом, бегом…

— Три минуты привал.

Упали. Оглянулся на Нищенко, прикрывшего с Ивановым и Орловым тыл, — парни держались.

Вспомнился разговор душманов, рассуждавших об оружии, не иначе готовили в Кабул. Затеяли что-то. Нашего «духа» — кровь из носа надо донести до штаба дивизии живым — ему есть чем поделиться с нами. Однако пора.

— Вперёд!

Встали и побежали к расщелине на стыке хребтов — ключ к жизни и смерти разведывательной группы. На фоне снежной долины паймунарская гряда виднелась сказочным чудовищем. Её оконечность, примыкая к Чёрной горе, и образовала узкий проход к боевому охранению. Преодолеем его без помех — через час обнимем десантников заставы, нет — сложим головы в «огневом мешке».

Не пройдёт и месяца, как 29 февраля 1980 года, в первой Кунарской операции под Барикотом мятежная часть особого назначения горных стрелков афганской армии осуществит вариант засады «огневого мешка» в отношении усиленного 3-го парашютно-десантного батальона 317-го полка. В жестоком бою погибнет 35 десантников и столько же получат ранения. Этим батальоном мне посчастливится командовать через семь лет в моём «втором» Афганистане…

Опасность достигла предела! Принял решение вывести группу к скальной основе гряды, где, укрывшись в её тени, незамеченными выйти к ущелью. Пропустив разведчиков, тащивших пленного, подтолкнул «духа» стволом автомата. Ослабли ребята. Падали в снег, вставали, но шли вперёд, «заплетаясь» ногами.

— Смените парней, Сафаров.

Сергей с Геной опять подхватили душмана.

— Слушайте оба! Если ввяжемся в бой, к боевому охранению выходите самостоятельно, отход обеспечим, но «духа», Сергей, сберечь!

— Ясно, товарищ лейтенант.

— А где у него обувь?

Показалось, что душман «чешет» по снегу без обуви. Нет, в

сандалиях. М-да, в шлёпках воевать — извините меня! Впрочем, ноги его не нужны, а вот голову сберечь обязаны.

У подошвы гряды огляделся. Если «духи» вышли к Чёрной горе, «оседлав» проход, лучшего места для засады не придумать! Расщелина вызывала тревогу.

Вот и горловина прохода между хребтами. Тишина. Корочка наста скрипела под ногами, высвечиваясь синеватым блеском от кое-где видневшихся звёзд. Морозно. Слипались ресницы.

— Как, Кибиткин?

— В порядке, товарищ лейтенант.

— Держись, парень, — привал.

Упали. Группа захвата с пленным лежала, восстанавливая хриплое дыхание. Уткнувшись головой в снег, Баравков держал конец чалмы, которым был связан душман. «Язык», казалось, не подавал признаков жизни — нет, грудь поднималась от дыхания легких.

— Что перед ущельем, Андрей? Пройдись «ночником» по склону, который фронтом к нам, не очень нравится, для засады — «сказка»!

Ивонин осмотрел расщелину.

— Вроде нормально, товарищ лейтенант.

— Что, значит — «вроде»? Отчикают головы! «Вроде»! Смотри внимательней!

Изучив дефиле, Ивонин исправился:

— В порядке, товарищ лейтенант!

— Другое дело! У нас сегодня бенефис — понимать надо! Вперёд!

Опасность исходила от склонов хребтов. Если «духи» вышли на них, позволят войти в ущелье и обрушат огонь с нескольких направлений и ярусов сразу. Группа окажется в «огневом мешке» и конец — однозначный.

Тешился мыслью, не скрою, о том, что душманы не могли выйти быстрее нас и заблокировать ущелье. Не могли — и всё тут! Иллюминация, устроенная на Чёрной горе, безусловно, связана с нашим появлением в кишлаке. И сигнал на перехват группы адресовался или заранее подготовленной засаде, или имел иное значение. Противник физически не мог сыграть на опережение! Мы проскользнули в его тылы из-за паймунарского хребта за пятнадцать километров отсюда! Таким образом, у тарахейльских «духов» нет оснований считать, что «шурави», проникнув ночью в базовый кишлак, совершили дерзкий налёт и возвращались через узкие «ворота».

Тогда заблаговременная засада? — Хороший вариант… Но минус в том, что сейчас 15–18 градусов мороза. А это

убедительный аргумент… Такой холод душманы не выдержат в горах в долгом ожидании группы. Менялись? — Могли. Но тогда их надо обнаружить раньше, чем это сделают они!

Ещё разок «прошёлся» ночным прицелом по склонам хребтов: камни, скалы, выработки, выемки, присыпанные снегом, — зацепиться не за что. Неужели чисто и работаем с опережением?

— Ивонин, с тобой — Ксендиков, Прокопенко, Яруков. Выдвигаетесь по левому краю ущелья. Не спускай глаз с обратного ската хребта! Ясно?

— Так точно.

— Главное — первыми увидеть «духов» и отсечь от группы шквалом огня! Как учили!

— Понял!

— Не получится — ныряешь под «козырёк». Свяжешь засаду боем. Сафаров, Пальцев, Гапоненко страхуют с правой стороны ущелья. Меня слышат?

— Так точно! — шепнул заместитель.

— Вам удобней вести огонь с правого плеча. Замысел ясен?

— Ясен, товарищ лейтенант.

— В бой не втягиваться — двигаться, отвлекать, пробиваться вперёд! На выходе жесткая оборона — поможете нам покинуть «гадюшник». Тылы прикроем!

— Ясно.

— За «духа», Гена, отвечаешь головой.

— Есть.

— Собраться на крайний бросок. Осталось немного! Никто, кроме нас!

— Никто, товарищ лейтенант!

— Вперёд, ребята.

Разведчики двинулись к ущелью. Скорее, это была глубокая расщелина метров двести длиной, соединившая две широкие равнины. С той стороны, в четырёх километрах отсюда, — наше боевое охранение. Точка выхода из тыла мятежников.

— Нищенко?

— Слушаю, товарищ лейтенант.

— Стволы подгруппы — на склоны хребтов!

— Понял.

Разведчики Ивонина, втянувшись под козырёк левой гряды, распластались, ожидая подгруппу Сафарова. Отлично! Чувствуя схему преодоления опасного участка, Андрей понимал, что вперёд вырываться нельзя — останется без прикрытия. Сейчас, как никогда, важен синхронный выход обеих подгрупп для решительного броска. Получилось. Сафаров вышел на исходный рубеж, высматривая «растяжки» мин или гранат.

— Игорь, ближе.

— Слушаю.

— Замыкаешь группу и держишь тыл. Если что?.. — Никого не оставить! Понял?

— Понял, товарищ лейтенант.

Наступила кульминация — есть засада или нет? Пять минут — тишина, семь — тишина… Сейчас, сейчас… Прикрыл глаза… Сейчас… Вечность прошла… Тишина…

Приложился к прицелу. Скаты хребтов, высвечиваясь зелёным фоном преобразователя, не вызвали подозрений. «Ну, что ж, вперёд»! — и пополз через заметённую снегом груду камней.

Какие-нибудь триста метров отделяли от долины перед боевым охранением. Прижавшись плечом к скале, осторожно вошёл в расщелину, не спуская глаз со склона хребта, вдоль которого прошли разведчики Ивонина. Оглянулся — Баравков тащил «языка», стараясь не споткнуться о камни. Присел, высматривая подозрительные места в припорошенных снежным зарядом скалах. Ущелье расширялось «раструбом», за ним — площадка, на которой разведчики Ивонина и Сафарова, заняв позиции, прикрыли выход группы в снежное поле. Вышли?

Плато встретило позёмкой. Ни секунды остановки! Вперёд, к боевому охранению! Громады хребтов исчезали за спинами, теряясь в пелене наступающего утра. Выбиваясь из сил, падали, вставали, опять падали, но упорно шли к своим, преодолевая последние сотни метров перед боевым охранением.

— Включайся, Кибиткин!

Включив радиостанцию, связист протянул гарнитуру:

— «Гора», я «03», прими «111», прими «111». Слышу! Передай «101-му» — обеспечить выход в «хозяйство» и получи подтверждение.

— Принял, «03», принял, — ответил связист Тютвина.

Как легко и свободно! «Вышли! Не легли под пулями “духов”! Значит, можем!» — подумалось в ожидании ответа Николая.

— «03», «03», я «Гора», «101-й» принял. Встречает! До встречи!

— Рад слышать, «Гора», пока, — не сдержал хлеставшие эмоции.

Вернулись!

— «База», я «03», вышел к «101-му». Задачу выполнил. Жду «коробочку», приём…

Глава 8

Подбежал начальник заставы.

— Валер, ребят напоим чаем, покормим.

— Спасибо, Сань. Сафаров, парней в землянку, а «духа» — на КП командира.

— Есть.

Хотелось самому взглянуть на результат адского труда, ради которого было затрачено столько сил, энергии, здоровья, нервов.

— Идем ко мне, — взял под руку Александр, — там разберемся.

Ног своих я не чувствовал, не слушались и подгибались. Опираясь на стенки траншеи, я шел за Александром в его «апартаменты», бухнувшись на табурет, вытянул онемевшие ноги. Неужели закончилась дикая гонка по снегу и можно прикрыть глаза? Усталость сковала тело, «вырубала» со стула.

— Валер, не упади, сейчас сообразим.

— Сообразим?

— А то!

Перед глазами стоял кишлак, снег, звук «бесшумника» с короткими «бзык» три раза и «духи», осевшие на землю. Шедший последним душман, возможно, увидел опасность и сделал движение к оружию. Не успел, проваливаясь вперед, на АК. Сходу не удалось вытащить ствол, так и остался он с хозяином в пролете открывшейся двери. Первые «духи» ничего не поняли — все развивалось стремительно…

Зашел солдат с паяльной лампой, гудевшей синим пламенем и приспособлением, на котором разогревалась пища, затем Сафаров с пленным.

— Распеленай его, Сергей.

Заместитель размотал чалму, которой спеленали душмана, усадил его на глиняный пол. Затекшие руки душмана повисли плетями.

— Присаживайся, Сергей, на скамейку.

Пленный, раскачиваясь, забормотал что-то невнятное.

— Что он лопочет?

— Молится, думает, что убьют.

— А что, хорошая мысль, так и скажи ему, будет молчать, прибьем и выбросим на помойку собакам, — сказал вошедший Александр.

— Ладно, спроси, как зовут, и попробуй «разговорить».

Сафаров перевел. Пленный оставил его без внимания, продолжая разговаривать с Аллахом.

— Может, лампой «пройдемся» по «духу»? — не унимался Александр.

— Не надо, товарищ старший лейтенант, — вмешался Сафаров, — он считает себя великомучеником и готовится к смерти, чтобы оказаться в раю. Физическое воздействие еще больше убедит его в этом, и мы от него ничего не добьемся.

— Во, бля… Ну, говори с «земляком».

Сафаров знает психологию мусульманина, подождем, не убудет. Вскоре пленный притих, огляделся, и я бы не сказал, чтобы он был чем-то напуган, взгляд, напротив, выражал достойное спокойствие.

— Сергей.

Сафаров заговорил с пленным душманом. «Борец за веру», согревшись молитвой или уютом землянки, отвечал не торопясь, взвешенно, пытаясь жестикулировать руками, покрытыми коростой.

— Он дехканин, товарищ лейтенант, живет в кишлаке, где схватили его.

— Ясно, спроси про оружие и когда он спустился с гор?

Сергей перевел, пленный пространно что-то объяснял: «куаст», «забистан» (горы, зима) и говорил бы еще долго, но Сафаров остановил.

— Короче так, товарищ лейтенант, в горах отряд около тридцати человек, все с оружием. В пещерах плохо — холодно, зима, мало еды, больные. Их командир сказал моджахедам, что скоро они в Кабуле выступят против русских и Кармаля. Отряд, спустившись с гор, сосредоточился в кишлаке, а сегодня днем под видом мирных жителей им приказано просочиться в Кабул. Оружие они спрятали в арбах под тюки с хозяйственным грузом. В городе их встретят.

— Спроси, кто те двое, что были с ним?

Сафаров перевел. Пленный ответил и замолчал.

— Ну что?

— Говорит, что они из одного отряда, готовили вьючных животных для поездки в Кабул. Утром собирались выехать.

— Сколько единиц оружия подготовили к переброске?

Сафаров перевел.

— 12 автоматов, два гранатомета, много патронов.

— Где планировали въехать в город?

— Здесь, — был ответ.

— Где — здесь?

— Возле заставы «шурави» безопасней.

— Почему?

— «Шурави» не досматривают машины, груженые повозки, а

«сорбозы» проверяют и берут бакшиш.

— Спроси — сколько человек этой ночью спустилось с гор и находятся в кишлаке?

Пленный, разминая затекшие руки, ответил:

— Несколько отрядов по 20–30 человек в каждом. Вооружены.

— Ничего себе, — воскликнул я, — вот бы прессанули, вляпайся им!

Ответ «языка» вызвал холод не только в кишках, переглянувшись с Сашкой, мы поняли — пленный давал информацию особой важности.

— Товарищ лейтенант, «духовские» отряды к вечеру должны быть в Кабуле, — уточнил Сафаров.

— Понял, Сергей, понял.

В голове стучали молоточки — действия группы по варианту быстрого отрыва, возможно, спасли нас от гибели в снежной долине. Кто его знает, может, «духи» пытались устроить погоню, но опоздали с перехватом у Черной горы, впрочем, это уже из области лирики. (Пройдет чуть более года. Командуя разведывательной ротой 350-го гвардейского парашютно-десантного полка, именно здесь, в Тарахейле, я со своими разведчиками встречусь в бою с группировкой противника, которую мы будем уничтожать в течение нескольких дней. Будут раненые, убитые…) Сегодня же мы выполнили очередное задание командования по захвату «языка», чтобы получить информацию о намерениях противника.

— Сергей, ты понял, какого мы взяли «душка»?

— Да уж, товарищ лейтенант, — кивнул заместитель.

— Береги его, как зеницу ока, и держи рядом с собой.

— Понял.

— Давай к ребятам, скоро на базу.

— Есть.

Александр был весь на иголках, едва дождался, когда я отправлю сержанта к разведчикам.

— Давай быстрей, — толкнул меня в бок, — скоро машина.

Хозяин лихо плеснул в кружки желто-зеленую жидкость — шароп. Ну, и… черт с ним.

— Валер, давай.

Опрокинули в рот самогон, вызывающий рвотный рефлекс, но ничего, прокатилось. Чего уж там, сейчас все пойдет…

— Саш, давай Мажмунова, пусть покрутит «душка», глядишь, что-нибудь и накрапает.

— Дневальный! Мажмунова, — крикнул взводный.

Прикрыв глаза, я прислушался к себе — шароп разносил по жилам мерзкую дурь. Что же получается? «Духовские» отряды

спускаются с гор и размещаются перед самым Кабулом. Таким образом, в кишлаках образуются перевалочные базы, пункты сбора для последнего броска в столицу. В них же складируется оружие, боеприпасы, задействуются жители для операций в Кабуле. Одним словом, оппозиция готовит активные действия.

— Товарищ старший лейтенант, прибыл майор Скрынников, — доложил начальнику заставы вбежавший в землянку сержант.

Пытаюсь вскочить, чтобы доложить начальнику разведки, но едва получилось встать, ноги не слушались. Совсем не ожидал, что Михаил Федорович лично прибудет за группой. О «языке» он знает, видимо, хочет сам допросить, а то армейская разведка заберет к себе в штаб и оставит нас без информации. Кое-как вышли наружу. Михаил Федорович направлялся в нашу сторону.

— Товарищ гвардии майор, разведывательная группа боевое задание выполнила. Произведен захват «языка» и первичный допрос. Потерь не имею. Командир разведгруппы гвардии лейтенант Марченко.

— Валер, ты молодец, конечно, но я-то всю ночь не спал, — хитро улыбаясь, жал мою руку начальник.

— Знаю, товарищ майор, но у меня ночь тоже была вроде как без сновидений.

— Не подначивай старого майора.

— Никак нет! Как можно? Да и какой вы старый?

Скрынников повел носом.

— Успел?

— Немного, камкам (чуть-чуть).

— За что тебя люблю — не врешь.

Какой «не врешь» — шаропом несло за версту.

— Устали?

— Не то слово, товарищ майор, едва стою.

— Ну, ты — это ладно, а народ?

— В порядке, выдержали. Надо представить к наградам.

— Давай «языка» посмотрим, а там разберемся.

— Есть. Баравков, «языка» на КП начальника заставы.

Подмигнув Александру, я обратился к начальнику:

— Товарищ майор, не возражаете, если переводчиком будет Мажмунов — солдат с заставы, таджик, призванный из забитого кишлака — он больше расположит «земляка» для беседы.

— Давай.

Александр вызвал на КП лучшего «друга» разведчиков, куда вскоре прибыл Баравков с пленным душманом. Начальник разведки сходу взял «языка» в оборот, но минут через десять допрос прекратил.

— Валера, твой душман — бесценный кадр, его нужно в разработку. Он дает такую информацию, на которую необходимо реагировать сегодня, сейчас, иначе мы опоздаем по многим позициям.

— Понял, товарищ майор.

— Быстро в штаб дивизии, — дал команду Михаил Федорович.

— Гена, в машину!

Махнул Баравкову рукой. Геннадий уже понял задачу, потянув пленного к выходу с КП командира взвода. Повернувшись к Александру, я пожал ему руку:

— Спасибо, Сань, кажется, оживаю. Удачи тебе и прими меры к «бородатым парням». Все слышал сам, сметут неожиданной атакой. Кстати, что-нибудь есть по работе с «бачатами»?

— Так, отдельные намеки, но всего-то пару деньков работаем. Маловато.

— Хорошо, не скучай, дружище, — хлопнул Александра.

На базе встретились с Тютвиным.

— Знаешь, Валер, когда прикинул по времени, что ты уже в кишлаке, заволновался — у тебя пауза в передаче сигналов оказалась большой.

— Так получилось, Коля…

— Да-а-а, ночью в горах жутковато, представляешь, Валер, ветер воет в скалах, за каждым камнем мерещатся «духи».

— Еще как представляю! Мне и сейчас душманы мерещатся, а ты говоришь в горах… там в любую секунду атака…

Под вечер, проснувшись бодрым и здоровым, я потихоньку размялся. Но как болели ноги! Старшина за столом сверял материальные запасы роты по приходным и расходным книгам, составлял меню на прием пищи личным составом. Толик Родин, о чем-то мечтая, лежал на кровати и вяло переговаривался с Коробицыным. Больше в расположении никого не было.

Умылся, побрился — надо заглянуть к разведчикам.

— Коля, я у своих.

— Давай.

Расположение взвода через пару палаток, рядом. Часть разведчиков готовилась к службе в наряде, другие писали письма, отдыхая в курилке, обсуждали последние новости.

— Товарищ гвардии лейтенант, во время вашего отсутствия происшествий не случилось, — доложил Сафаров.

— Хорошо, Сергей, покушали?

— Так точно.

— Как самочувствие народа?

— Нормально, вот ноги гудят.

— Гудят, Сергей, гудят! А что делать? Возьми «таблетку» и проверь ноги бойцов, проследи, чтобы ногти обрубили. Командир роты в штабе дивизии, похоже, по нашим делам… может, еще и сегодня махнем за хребет.

— Понял, товарищ лейтенант. Начальник разведки не ругался, что на связь выходили нечасто?

— Да, обошлось, он же понимает и волнуется не меньше нашего.

— Вчера, когда вы стреляли «духов», было слышно, как пули пробивали тела — «плюх», «плюх»…

— Мне тоже показалось, Сергей, — нервный озноб коснулся лопаток, — а вы с Геной молодцы, сработали быстро и чисто, я краем глаза видел, как дернули «духа». Дальше работал на «автомате»… Хорошо, кучкой шли, а если бы еще находились внутри?

Помолчали с заместителем, заново переживая прошедшую ночь.

— Повезло, Серега, ушли, а ночью в кишлак спустилось до сотни «духов».

— Получилось же вроде нормально, товарищ лейтенант?

— Если сидим с тобой и разговариваем, то — да, нормально, но нужна наработка нескольких вариантов с гранатами. В кишлаке они сгодятся, и знаешь, почему?

— Нет.

— Первых двух «духов» я валил мгновенно, но третий реагировал на опасность, правда, не успел — пуля быстрее. Получается, что по трем целям работаю на одном дыхании, но следующие уже способны к защите, сопротивлению, значит, нужна подстраховка. Ладно, Сергей, что-нибудь придумаем, а расклад сложился, как надо — действовали быстро и решительно, почти по «домашней заготовке». В разведке везение необходимо, но рассчитывать на него глупо.

— Да, товарищ лейтенант.

— Пойдем к парням, поговорим.

— Здравия желаем, товарищ гвардии лейтенант, — приветствовали разведчики.

— Вольно. Садись. Продолжай, Архипов, посмеемся вместе.

— Он иссяк на Сокурове, товарищ лейтенант.

— Тогда поговорим о дембеле, — разведчики опять засмеялись.

Дембель неизбежен, кто этого не знает? О нем можно говорить сколько угодно.

— Дембель, товарищ лейтенант, это о-о-о… — продолжил Сокуров, закатив глаза за уши. Володя — импровизатор,

сощурившись в улыбке, может долго философствовать на свободные темы.

— Время быстро летит, ребята! Меня, кажется, совсем недавно провожали в армию, а уже 7 лет на службе. Вот такая штука — время, не останавливаясь, движется вперед. Мы взрослеем, мужаем, становимся старше. Мудреем.

Разведчики, придвинувшись ближе, устроились на табуретках и соседних кроватях. Продолжаю неторопливый разговор о службе, доме и вообще о своем месте в жизни.

— Мечтал я стать офицером-десантником — стал им. Горжусь, что связал свою жизнь с ВДВ. Вы также будете вспоминать службу в десанте, рассказывать друзьям, близким, знакомым.

Помолчали, каждый, думая о своем, сокровенном.

— Кто-нибудь думал о военном училище?

Тишина. Вопрос не то, чтобы завис в воздухе, он был неожиданным и ответ на него не требовал быстрой реакции.

— Я, товарищ лейтенант, — поднял руку Ивонин, — у меня отец военный, буду поступать в десантное училище.

Еще посидели, посмеялись, я рассказал парням о десантном училище, принципах подготовки офицеров ВДВ, системе обучения.

— Рота. Смирно! — послышалась у «грибка» команда дневального — из штаба дивизии вернулся командир роты.

— Сафаров, порядок в расположении. Сейчас отдыхайте. Не забудьте про письма. Проверю.

— Есть, товарищ лейтенант.

Выскочив на линейку перед палатками, я увидел Комара с Андрейчуком. Он что-то обсуждал со старшиной.

— Подумаем, — сказал Николай.

— Давай, прикидывай, но баня нужна.

— Понял, Иван Геннадьевич, решим, — старшина пошел к хозяйственному пункту. Несомненно, у Ивана хорошее настроение, значит, в штабе дивизии новости были не самыми плохими.

— Отдохнул, Валера? Как парни?

— Нормально, Иван. Ломает, конечно, но отойдем понемногу.

— Твой «язык» дал такую информацию, что в него вцепилась разведка армии и увезла с собой. Становится ясным положение в Кабуле и контуры намерений мятежного сопротивления.

— В чем же роль «духовских» банд, спустившихся с гор?

— Пленный показал, что за последние дни в Кабул просочилось большое количество боевиков, одним словом, вскрылись серьезные планы «духов» по столице Афганистана. Они

проводят мобилизацию местного населения, сосредотачивают их в городе, вооружают, в итоге готовят восстание по свержению правительства Кармаля.

— Душман говорил, что просачиваются в Кабул и собираются в отряды, строят планы — все так и есть, Иван. Но я думаю вот о чем. Первый этап операции они завершили, то есть вышли на исходный рубеж перед Кабулом и собираются в кишлаках по периметру города. Теперь приступят ко второму этапу исполнения своих намерений — выведут силы на ближние подступы к Кабулу и возьмут столицу в кольцо. Следующий шаг душманского руководства — формирование группировки в столице аналогично «пятой колонне», чтобы в нужный момент взорвать обстановку захватом ключевых объектов.

Комар повернулся в сторону хребта за аэродромом — Паймунар.

— Значит, и там «духи»?

— Ночью, Иван, я спустился к юго-восточной окраине кишлака — в нем я не зафиксировал посторонних… Как бы это сказать? С наступлением ночи жизнь в кишлаках замирает, стоит непробиваемая тишина, слышен иногда отдельный лай собак, крик ишаков. Шум, производимый собаками, животными характерен и мне знаком. Наличие посторонних звуков ночью определяется сразу: скрип дверей, тихий лязг засовов, шарканье ног по улочкам — звуки чувствуются каждой клеточкой тела. Прошлой ночью в Паймунаре стояла тишина. В Тарахейле другое дело, тайную жизнь кишлака мы почувствовали сразу: возня во дворах, перебирание ног копытными, собачий лай, тени, запах дыма, жилья. Совершенно понятно, люди не спали, что-то делали, кишлак поздней ночью жил своей жизнью.

— Возможно, «духи» еще к Паймунару не вышли, подойдут сегодня, завтра?

— Вполне.

Ссутулившись, Иван закурил «Столичную» и смотрел на яркий закат, ушедшего за хребет солнечного светила.

— Может, в ночь сходить на север, посмотреть со стороны, и все станет ясно? — осторожно спросил командира.

Комар о чем-то думал и, как бы в никуда, произнес:

— Люди измотаны, Валера, да и у тебя, кроме глаз, ничего не осталось.

— Ночью в направлении Баграма Тютвин наблюдал световую информацию, возможно, это сигнал выхода на исходный рубеж.

— Ладно, Валера, отдыхай, готовься на завтра, не будем горячиться.

— Понял, Иван, пойду-ка напишу письма.

А из головы не выходила информация от Тютвина. Вчера он отметил световую передачу сигналов, но кишлак не вызывал беспокойства ни у нас, ни у штаба дивизии. Теперь стало понятно — «духи» стягивали силы к Кабулу, обмен информацией у них носил рабочий характер. Душманские отряды придут в Паймунар не сегодня-завтра. Если этот факт зафиксируем разведкой, дело хреновое: с одной стороны, подтвердятся мои опасения, что противник стягивает силы к Кабулу, и в столице Афганистана назревают события, с другой — базовый городок 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и Кабульский аэропорт становятся объектами внезапной атаки душманов.

Именно поэтому кишлак Паймунар и территорию вокруг него необходимо проверить не позднее следующей ночи. Местность открытая, но она изобилует множеством не очень глубоких оврагов, которые играли роль ирригационной системы и подводили воду к виноградникам, раскинувшимся в долине на десятки километров. Еще был важный момент — дневная разведка района мраморного карьера. Зацепимся взглядом за груз вьючных животных, досмотрим, страхуясь группой прикрытия. Не исключено, что караваны с оружием сопровождаются «духовской» охраной в скрытом режиме, которая находится рядом с обозом и до поры до времени себя не проявляет. Она отслеживает действия афганских сорбозов, «шурави» и включается в бой только, если ситуация выходит из-под ее контроля. Но каким же образом мне с группой включиться в работу? Пойдет ли на это комдив? Посты афганской армии проверяют транспорт, гужевые повозки, следующие в Кабул и надо быть очень аккуратными в выборе места захвата и принятия мер противодействия, чтобы не нарваться на пули «зеленых».

— Рота. Смирно! — крикнул за палаткой дневальный.

Из штаба дивизии прибыл ротный. Забежав в палатку, Иван спросил на ходу:

— Не обедали?

— Тебя ждали, Иван Геннадьевич.

— Обедаем, заодно поделюсь новостями, — снимая портупею с фуражкой, сказал командир.

Сели за стол, из общего котла разлили первое. Комар начал делиться последними событиями, которые обсуждались в дивизии.

— В штабе суета, господа. Разведданные по Тарахейлю дали основания к принятию срочных мер по нейтрализации мятежного подполья. Ожидается, что в ближайшее время в городе вспыхнут волнения, которые могут перерасти в вооруженное сопротивление частям правительственной армии. Принято решение — советские

войска поддержат афганские регулярные силы в ликвидации вооруженного подполья. Особое внимание уделяется объектам государственной важности: посольствам в Кабуле, аэродромам, объектам зоны ответственности.

Иван, отхлебнув наваристого супа, продолжил:

— Валера, завтра в ночь на Паймунар, задача прежняя — разведка противника на рубежах предполагаемых атак.

— Есть, Иван Геннадьевич.

— «Язык» остается важной составляющей! Валера, дерзай! «Твой» «душок» дал серьезные показания, которые проверяет ХАД и наши чекисты.

Мы молча слушали Комара, пили чай вприкуску с сахаром, каждый из нас, командиров, думал о вопросах, которые необходимо было решить в ближайшее время. Сколько осталось этого времени? Никто не знал!

— Вот, кажется, и все, — закончил Иван, — почту я отдал дежурному.

Глава 9

Планируя выход к кишлаку Паймунар, я прикидывал возможность подхода к населенному пункту с дальнего направления, то есть со стороны кишлака Ходжачишт, чтобы не «засветиться» «духам», которые реально могли этой ночью прийти в кишлак. Местность перед кишлаком была открытой равниной, пересеченной руслами высохших арыков, засыпанных снегом, и она, к сожалению, не располагала к скрытому выходу к глиняным строениям. В любом случае мною учитывался ветер, подветренная сторона, чтобы не вызвать лай афганских овчарок ростом с теленка. Засаду лучше всего организовать в русле одного из арыков, пересекавших долину и подходивших к окраинам населенного пункта.

Всегда допуская внезапную встречу с противником, я рассуждал: нарвемся на «духов», прикроемся руслом речонки и вернемся к предгорью хребта — пусть ищут в каменных скалах, но нас они там уже не найдут. В кишлак я не полезу. Второй раз через сутки лезть к «духам» в тылы — явная дерзость, поэтому только визуальная разведка и немного послушаем ночь. Если «духи» оседлали кишлак, мы их услышим по возне и рабочему шуму: движение людей, животных, запах дыма, беспокойство собак — эти явные признаки скрыть невозможно.

Можно, конечно, выбрать и «ленивый» вариант: с линии хребта Ходжабугра — Ходжа-Раваш понаблюдать за кишлаком и не спускаться вниз на обратную сторону горной гряды, а вьючных животных, которые выйдут из кишлака на рассвете в направлении Кабула, подвергнуть досмотру. Если повезет, сделаем несколько удачных захватов, нет — уйдем восвояси. Но в случае успеха «духи» поймут механизм перехвата и будут искать другие пути переброски оружия в город. Работа разведки дивизии ограничивалась рамками того, что мы видим, слышим и какую информацию вытянем из захваченных в плен «языков» — это откровенно немного. Нам нужна информация из самих кишлаков, «духовских» баз, чтобы действовать на упреждение намерений противника и проводить результативные операции захвата или уничтожения «духовского» подполья.

Однако такая деликатная информация добывается агентурной разведкой методами специальной деятельности внутри мятежного подполья и «духовских» банд. Для мероприятий по разработке душманских отрядов необходимо взаимодействие местного подразделения ХАД с нашими специальными службами. Что делает хваленый «Каскад» в

настоящее время? Мы много раз встречались с представителями этой спецгруппы, но они не создали у нас впечатления рейнджеров — в возрасте, склонные к полноте ребята, они явно служили в тиши кабинетной прохлады, оснащенной кондиционерами. Нам же нужны были рэксы бойцовской породы, способные ломать хребты «духовской» своре. Войсковая разведка способна отгрызать душманские головы, но для этого нужно взаимодействие со специальной разведкой в проведении совместных операций. Нам катастрофически не хватало информации из нутра душманского логова, которую мы бы реализовывали в ходе специальных операций.

С первых дней нахождения на афганской земле разведка 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии решала задачи получения достоверной информации о противнике, характере его действий, проводила специальные разведмероприятия, раскрывавшие намерения душманских лидеров. Мы проводили засадные действия с захватом «языков», от которых получали сведения об отрядах вооруженной оппозиции, первичную информацию перепроверяли другими источниками, уточняя с данными авиационной разведки. В проведении специальных операций мы стремились максимально сократить время от получения информации из источника до момента ее реализации.

Мысли прервал телефонный звонок.

— Старший лейтенант Комар, слушаю.

Около пяти минут Иван говорил по телефону — уточнял, переспрашивал, периодические повторяя однозначные фразы.

— Понял, товарищ майор. Да. Так точно. Сделаем. Никак нет. Все будет нормально.

Положив трубку ТА-57, Иван повернулся ко мне.

— Валер, для тебя новость от шефа. Вернее, две.

Приподнявшись с кровати, я смотрел на Ивана.

— Одеваться?

— Да погоди ты, не спеши, как голый на е…ю. Завтра в районе боевого охранения твоего друга «зелёные» выставят пост для досмотра грузов, которые следуют в Кабул. Будут работать по нашей информации и просьбе командования армии на предмет изъятия у «духов» оружия и боеприпасов.

— Реагируют быстро, значит, печет. Вот бы отслеживать караваны на подходе к Кабулу, вести их в город и брать в удобных местах.

— Пока принято такое решение.

— «Духи» занервничают, будут перестраиваться, поток оружия в город уменьшится, а это уже результат, который у нас не отнимешь.

— Ну, да, запишем в актив.

— Нам запишут, Иван.

— Ладно, теперь главное, Валера — через два часа прибудешь в боевое охранение Александра. С группой доберешься на машине, не раскрывая себя. Есть информация о том, что «духи» вышли к вершине мраморного карьера, возможно, на боевое охранение готовится атака. Отмечены два срабатывания сигнальных мин над козырьком карьера. Начальник заставы доложил об этом минут тридцать назад. Учитывая факт отсутствия в районе наших и афганских подразделений, ситуация навевает весьма печальные мысли — «духи» осторожно подтягивают силы. В связи с этим командир дивизии приказал провести разведку хребта мраморного карьера.

— Ну, дела… Час от часу не легче, отдохнули, что называется.

Иван понимающе развел руками:

— Фюрер сказал: «Москва в Африке, значит — в Африке».

— Понял, Иван Геннадьевич, собираюсь.

Холодный воздух за палаткой взбодрил.

— Дневальный, Сафарова ко мне.

— Есть, товарищ лейтенант.

Через минуту заместитель прибыл с докладом.

— Сергей, в 17.30 группа стоит в готовности действовать в районе мраморного карьера. Три боекомплекта в РД, сухой паек у старшины, фляжки с водой. Вопросы?

— Никак нет, товарищ лейтенант, думал, сегодня отдохнем.

— Я тоже думал, но приказ комдива, — молча махнул рукой, давая понять — к чему лишние разговоры? — Действуй.

— Есть, товарищ лейтенант.

Повернув лицо к свежему ветерку, постоял немного и пошел в «апартаменты».

— Москва все-таки в Африке.

По прибытии в боевое охранение я зашел к Сашке в землянку, обнялись. За столом сидел молодой лейтенант в расстегнутом обмундировании — чистенький, свеженький, длинные светлые волосы. Не наш.

— Знакомься, Валер — военный переводчик, дали на усиление.

— Виктор, — представился парень.

— Валерий.

Переводчик, присев, закурил иностранную дрянь. «Раскованный хлопец», — подумалось мне, а вот внешность не под местных аборигенов, где применить этого парня? Разве только в теплой палатке, допрашивая «языков» и местных дехкан.

— Окончил институт восточных языков, — продолжил Александр, — знает фарси, английский. Всему выпуску присвоили звание лейтенантов и бросили в Афган переводчиками.

— С оружием-то как, Виктор?

— Ну, как? Пистолет дали, но практики мало.

— Понятно. У Александра с этим нормально, передаст тебе практику, — кивнул я в сторону друга.

Сашка засмеялся:

— Валер, тут такое дело, — прожевывая тушенку, стал рассказывать начальник заставы, — сегодня дважды с интервалом в две-три минуты сработали «сигналки». Такого еще не было. Думал, случайность, зверь какой задел, в другое бы время не обратил внимания. Но…

Александр, сделав мхатовскую паузу, внимательно смотрел на меня.

— Сегодня днем у боевого охранения никого не было — ни бачат, ни взрослых. Понимаешь, Валер, о чем говорю?

— Кажется, понимаю, Сань.

— Валер! Сегодня к моему боевому охранению впервые за все время не подошли «бачата»! Страшно подумать! О чем это говорит?

Подняв вверх указательный палец, Александр, наверное, ждал от меня умного ответа.

— Думать можно все, что угодно. Вчера во второй половине дня в их поведении было что-нибудь необычное?

— В том-то и дело, Валера, — наливая по второй, сказал, Александр, — именно вчера Мажмунов обратил на это внимание.

Отрицательно покачав головой, я закрыл свою кружку.

— Больше не буду, рассказывай.

— Так вот, Валер, твой таджикский друг сказал — что-то у них произошло, пацанов к вечеру стало меньше, они были испуганы, а сегодня сработали мины. Мне думается, «духи» со вчерашнего вечера заняли исходный рубеж на гребне карьера. Наступает время «Ч», они готовят атаку. А что? С верхнего яруса застава просматривается, прижмут огнем, а две-три группы одновременно атакуют с нескольких направлений, и мы уже с тобой, Валера, никогда не выпьем шаропа.

— Хороший расклад, я бы, пожалуй, так и поступил.

— Ты еще пов…ся.

— Я только чуть-чуть, Сань.

— Ну, хорошо, прощаю.

— И такой момент, — вступил в разговор переводчик, — побеседовать с местными я еще не успел, но обратил внимание на

пост «зелёных», выставленный с утра. Досмотр вьючных животных, груженых машин заключался только в одном — снять «бакшиш» и пропустить в город. Ввести в Кабул можно все, что угодно — роль поста «зеленых» абсолютно условна.

— Да, ребята-демократы, что-то холодок под ложечкой… раскачали вы меня. Давайте еще по капельке.

— Секундочку, дружище. Вот я и доложил свои сомнения в дивизию, ты уж не взыщи. Валер, — сам настропалил.

— Да нет, Сань, я не об этом, ты все правильно сделал. Тут ситуация глубже, чем мы себе представляем — через день-два в Кабуле начнутся события, которые, возможно, перерастут в волнения. «Духи» практически вышли на исходные рубежи вокруг Кабула и атаку начнут одновременно в городе и по периметру боевого охранения. Вот, в чем дело. Давай лучше к нашим баранам! Что делаем? Кто ставил «сигналки»? Где? Надо схему минного поля!

— Какая схема, Валер? Я взял у пехоты несколько штук, думал, пригодятся — оказалось, в самую «строчку». Сам ползал по снегу и устанавливал — на всякий случай прикрылся сверху. Не нравится мне горушка надо мной, а тут еще «духи» порезали наших…

— Черная гора тебе не нравится, карьер, хрен тебе угодишь.

— Ну, привередливый я такой.

— Бери лист бумаги, карандаш, рисуй.

— Это мигом. Где карта? Смотри — «пятидесятка». Вот гребень, мины установлены вдоль него на фронте метров 300 — не более. Без схемы понятно?

— Угу, а то покажешь?

— У меня застава, Валер. Жаль, но рубеж установки мин найдешь по следам. По ним и иди.

— Ага, к «духам» на съедение.

— Чего?

— Ты же сам говоришь — «духи» пасутся на гребне.

— Ну да.

— Сань, я сейчас думаю, как лучше подняться на гребень, чтобы самому не залезть на «сигналки» и не демаскировать группу.

— Понимаю, но лучше иди с левой стороны — положе подъем, и выйдешь к «духам» прямо во фланг. И такой момент — поднимешься на гребень, далее метрах в семидесяти увидишь несколько разработок, пещер. Я не лазил туда, но, мне кажется, они довольно длинные, если «сигналки» сработали «духи», то в пещерах обязательно устроили дневку.

— Хорошо. Что у нас получается? Именно сегодня ночью,

максимум — завтра атака. Понимаешь, о чем говорю?

— Еще бы!

Я поймал на себе взгляд раскованного переводчика.

— Возьми с собой, Валер?

Я не сразу понял вопрос.

— Куда? Ты имеешь в виду — с группой?

— Конечно.

— Да черт его знает, куда мы вляпаемся, Виктор! Будь с Александром. Если что, у вас здесь такой начнется концерт!

— Знаешь, я давно хотел сходить с разведчиками. Не получалось. Возьми, Валера.

— Ну, даешь! Сань, как ты смотришь на это?

— А мне что? Пусть идет. Петряков узнает — голову не мне оторвет.

Виктор напрягся — парень рвался в бой, для него наступил момент истины: возьмут в разведку или не возьмут?

— Ладно! Пять минут на сборы, — вздохнул я тяжело, — моя доброта меня и погубит.

— Я мигом.

Виктор схватил ремень, куртку.

— Сань, я выхожу через 10 минут, позывные те же. Давай, брат, как договорились.

— Минутку, Валер, выйдем вместе.

Сашка оделся, взял автомат и пошел на выход. Я осмотрел экипировку переводчика.

— Виктор, будешь с пистолетом, автомат не брать. И помни — это приказ, — я повернулся к нему спиной, — видишь мой затылок?

— Вижу.

— Чтобы не случилось, мой затылок должен быть всегда перед тобой. Понял?

— Понял, — кивнул переводчик, суетливо надевая перчатки. Я заметил — его колотило, похоже, «добро» на разведку коснулось души. Волнуется? Нормально. У самого холодок в животе.

— Готовы? Идем.

Александр, пригнувшись, вышел наружу, я потянулся за ним. Легкий морозец коснулся лица — свежо, озноб по спине. Огляделся вокруг, привыкая к темноте. Повернулся к злополучному карьеру — мраморная разработка белого цвета хорошо видна на фоне темной громады хребта. Где-то там наверху сработала пара «сигналок», устроив свистящий салют — фейерверк. Стояли же два месяца и ничего, а сегодня сработали.

— Очкуешь?

— А то? Ладно, Сань, раньше уйдем — раньше придем. Давай — рули.

Заглянув в землянку, я крикнул:

— Сафаров, подъем, через минуту доклад.

Топчусь на рабочей площадке заставы, скрытой натянутой сеткой, жду доклад заместителя о построении группы. Под сеткой установлена кухня КП-130 с форсунками — отличный агрегат для походной жизни солдат. Можно готовить всевозможные блюда, правда, запах солярки бьет в самые ноздри.

— Группа, становись, — скомандовал Сафаров.

— Отставить, Сергей. Ну, что, гусары, как настроение?

— В порядке, товарищ лейтенант, — ответил Есаулков, новый связист, впервые вышедший с группой.

— Повоюем, Николай?

— Конечно.

— Ладно, слушать внимательно. Обстановка такая: там, — я показал на карьер, — возможно, засада. Сегодня сработали сигнальные мины, чего не было ранее. Есть основание считать, что «духи» спланировали нападение на заставу. Задача: подняться на гребень мраморного карьера и провести разведку местности. Говорю сразу, на 99 процентов — там «духи», боя не избежать. Мы готовы к нему?

— Т-так точно, товарищ лейтенант, — чуть заикаясь, кивнул Баравков. Гена при волнении иногда заикался.

— Вот и хорошо. С нами пойдет военный переводчик лейтенант Семыкин. Его место в боевом порядке — за мной. Вопросы?

— Никак нет.

— Ивонин — дозор с Сокуровым, подъем на гребень с левой стороны. Наверху в скальной породе выработки — пещеры. Примите левее, на них не лезьте, зайдем с левого фланга. Если там «духи», им неудобно вести огонь с левого плеча. Вы первые столкнетесь с ними, у меня, что у Кабанихи, сердце — вещун. Не торопитесь, работайте спокойно. При выходе наверх — стоп. Дальше стоят «сигналки», движение только ползком — от укрытия к укрытию. Сейчас прохладно, «духи», скорее всего, залезли в пещеры. Это понятно?

— А если схватим «сигналку»?

— Тогда нам пиз…ц, Сокуров! Мы все на виду, поэтому будьте внимательны и в любом случае — рывок в сторону, в укрытие. Нас осветит ракетами, мы будем, как на ладони.

— Ясно.

— Нищенко, задача прежняя.

— Понял, товарищ лейтенант.

— Вопросы?

В ответ тишина.

— С богом, орлы. Виктор, держись меня, наблюдаешь вправо и вверх.

— Понял, Валера.

От заставы до рубежа подъема на гребень расстояние небольшое, прошли на одном дыхании. Поднимались с таким расчетом, чтобы при выходе наверх оказаться левее пещер, о которых говорил Александр. Сердце щемило, почему все-таки сработали «сигналки»? Вероятность выхода «духов» на козырек карьера была очень большой и мое беспокойство, волнение были понятны.

Восхождение длилось недолго, минут через сорок показался гребень карьера, обозначенный темной границей скального грунта. Еще немного и появилась площадка, где, по словам Александра, он поставил «сигналки» — открытое место, занесенное полуметровым слоем серебристого снега. Кое-где были навалены груды породы, которую, вероятно, вытаскивали, добывая мрамор. Чуть правее впереди нас — скала, в которой местные жители долбили руду и поделочный камень. Наклон площадки был в нашу сторону, то есть пещеры, где, возможно, находились «духи», были выше по отношению к нам. Позиция оказалась крайне невыгодной, надо бы еще забрать левее, чтобы выровняться с условной линией пещер. Тогда мы окажемся на одном ярусе с местом возможной засады. Что ж, я скрытно вывожу группу к ближайшей пещере.

Растяжки «сигналок» засыпаны снегом. Как их обнаружить, чтобы не зацепить и скрытно приблизиться к «духам»? Я с трудом представлял, что делать в такой ситуации, но обходить их надо было с левого фланга, чтобы выйти на линию плоской стены горной гряды. Это значит, ползком мы преодолеем метров триста по гребню скалы, потом повернем направо и незаметно от «духов» сблизимся с пещерами.

Дозор просигналил «Стоп». Выдвинувшись ползком вперед, я осмотрел местность перед каменной стенкой. Пещер или нечто похожее на разработки не было видно, они, по рассказу Александра, должны быть дальше и правее. На площадке то и дело валялись груды камней, разбросанных в хаотичном порядке и, в принципе, было, где укрыться, если встретимся с «духами». Вопрос возникал только о том, как подобраться к камням, не провоцируя бой в невыгодном для нас положении. Прицелом пробежался по стенке, в которой должны быть пещеры, но ничего особенного не зафиксировал. Беспокойство росло… Ладно, разберемся.

— Ивонин, метров семьдесят выдвинься вперед вдоль разработок и с Сокуровым займите рубеж за камнями. Смотри, Андрей, будьте очень внимательны на случай отхода «духов» в долину. С Сокуровым пройдете «сигналки», две из них, как мы знаем, сработали, оставив следы на снегу. Участок между сработавшими минами расцениваешь как примерный проход на рубеж засады. Понял?

— Так точно.

— Пещерные ниши расположены в стенке с правой стороны от нас, их глубина неизвестна, «духи» могут находиться как в одной из них, так и в нескольких сразу. Наблюдаете?

— Угадывается что-то, — шепнул Сокуров.

— Это пещеры. «Духи», как видите, могут укрыться только в них, вокруг открытое пространство. Ваша задача — преодолеть растяжки сигнальных мин, подобраться к пещерам с правой стороны и отрезать «духам» отход вниз, если они сделают попытку прорваться. Будьте готовы провоцировать «духов» на какие-либо действия, но только тогда, когда окажетесь в «мертвой зоне». Камни выработки укроют вас, на «духовский» огонь не отвечать — от него вреда не будет, а противник занервничает.

— С замыслом понятно?

— Понятно.

— Если что — прикроем, «духам» неудобно вести огонь по вам с левого плеча. Проскочите «сигналки», занять позицию и не высовываться. Вопросы?

Бросил взгляд на Сокурова и чуть не удержался от смеха — у него действительно белки глаз сверкали на фоне лица.

— Мы у вас на виду, Андрей, контролируйте выход из пещер и прикройте нас, когда мы подберемся ближе к «духовским» норам.

— Есть.

— Давайте.

Дозор пополз по гребню карьера в надежде увидеть точки срабатывания мин, чтобы ориентироваться по ним и случайно не заскочить на растяжку. Основную группу я повел левее оконечности хребта, охватывая стенку гряды от правого фланга притаившихся «духов». Метров через двести повернули направо и сблизились с линией пещер, которые обозначились в стенке темными неровными пятнами. Тишина вызывала мандраж и тревогу, и тут, как нарочно, из дальней от нас пещеры я увидел сигнальные блики. «Духи»!

Ивонин с Сокуровым, заметив миганье фонарика из темной ниши скалы, затаились, наблюдают, стараясь понять намерения «духов». Дрожь пробежала по телу, липкий пот скользнул меж

лопаток. Ну, сколько до входа в пещеру? Метров 150, не более, но здорово придумали падлы, с охранения свет не видать — закрывает гребень скалы, «духи» рядом с заставой на верхней точке карьера и что хотят, то и делают. Недооцениваем мы противника, ох, как недооцениваем — коварны, хитры, изворотливы!

— Не отставай, Витя. Видишь, что делается?

— Угу.

— Как ты?

— В порядке, Валер.

— Держись, сейчас что-то будет!

Однако, сколько же здесь «духов»? Человек десять, двенадцать? Наверное, не больше, но борзые ребята. Ладно, посмотрим — отступать уже некуда.

— Сафаров, с Геной на линию скалы и ждете нас. Держите на контроле выход из ближней каменной ниши.

— Понял, — кивнул Сергей.

Взглянул на часы — дозор уже должен пройти сигнальные мины и минуты через две-три выйдет на рубеж каменной кладки. Стало легче дышать — Ивонину с Сокуровым удалось не влететь на растяжки от мин. Я пополз за Сергеем и Геной, Виктор дышал мне в затылок, за ним полз Есаулков с радиостанцией. Скосив глаза на черневшие уже рядом каменные ниши, я оценил ситуацию — постепенно уходим с опасной линии возможного огня.

«Духовский» сигнальщик словно остервенел, выдавая порции новых сигналов. И пусть. Ослепив себя светом фонарика, он не увидит нас на фоне белого снега. Правее темнело пятно, усыпанное кучей фрагментов, — сработанная «сигналка», следов не было видно, значит, растяжку зацепили от нас в стороне. Проползли еще метров сорок к плоской скале, скорее всего, растяжки остались где-то там, за нашими спинами.

Вот и скальная порода с пещерами — вышли «духам» во фланг. Огляделся. Сливаясь с местностью, наши тела не отбрасывали тени. Пару минут остановка — перед нами самый опасный участок. Толкнул в ногу Сафарова. Дозор слаженной парой пополз к отверстию ниши, прижимаясь левым боком к стенке скалы. До нее оставалось метров двадцать, как резкий хлопок взорвал тишину. Вверх, рассыпая грозди горящих брызг, взлетели ракеты, осветив площадку на десятки метров вокруг. Вой со свистом огненных хвостов поднялся в небо. Шок и трепет! Автоматные очереди из пещер звучат отрезвляюще. Пуль я не слышал.

— Живы?

— В порядке.

Взорвавшаяся ночь поразила воображение. Несколько «духовских» автоматов били из дальних пещер. По выбросу пламени из стволов было видно — «духи» хлестали очередями по гребню карьера. Они не видят нас и бьют наугад? Скорее всего, так и есть! «Сигналка» ослепила душманов, наверное, решивших, что мы вышли на гребень карьера и лежим за камнями.

Пауза в «духовской» неразберихе нам не помешает. Но только ли в двух правых пещерах находятся «духи»? Из левой, ближней к нам, не стреляли. Может, пустая? Теперь только вперед!

Стрельбой из автоматов себя обозначили восемь-девять «духов». И все? Возможно, остальные не стреляли в силу ограниченного пространства.

— Сергей, Гена, гранаты. Ползком к пещере, бросать одновременно. После взрывов влетаем втроем, но не стрелять — рикошет. Работать ножами и шевелиться быстрей!

Разведчики вставили запалы, выдернув чеки, изготовились к броску.

— Огонь.

Гранаты, щелкнув капсюлями-детонаторами, полетели в пещеру. Взрыв, другой — вскочив, бежим к темному входу. До сих пор не пойму, как это случилось, что переводчик, стреляя на ходу из пистолета, обогнал нас и первым ворвался в пещеру. Пули, выбивая искры, с диким визгом летали вокруг. Упали, разбивая ноги о камни.

— Виктор! Ложись! — кричу сумасшедшим голосом.

Магазин пистолета пустой — успокоился, черт бы его взял! Встав на колени, подсветил фонариком пещеру — Сафаров с Баравковым кончали контуженых «духов». Тупые удары ножей, свистящие хрипы не вызывали сомнений — кончено…

— Все, товарищ лейтенант, трое, больше вроде бы нет, — слышу голос Геннадия.

В грязных лохмотьях одежды валялись искромсанные трупы душманов, оружие, несколько банок, коробки.

— Обыскать, трофеи в РД. Гена, разряди «духовские» стволы.

Схватив Виктора за плечи, вытолкнул его ближе к выходу.

— Спрячь пистолет, а то пр…ёшь.

Переводчик присев, приходил в себя. Шок. Что же с ним делать? «Духи» из соседних пещер вели плотный огонь — короткие очереди резали морозную мглу — берегли, сволочи, патроны.

— Ко мне, быстро!

Группа сосредоточилась в каменном «мешке», отвоеванном у душманов. Осмотревшись, принимаю решение.

— Есаулков, гарнитуру! — прижав наушник к уху, доложил:

— «База», я «03», веду бой на гребне карьера. Противник — до десятка «духов», уничтожены трое. «200-х» и «300-х» нет. Прием.

— Понял вас, «03», я «База», — ответил дежурный связист. Облегченно вздохнув, включил «сто сорок восьмую» для связи с Александром.

— «101», я «03». Прием.

Сквозь скрежет и шелест в эфире слышен отчетливый голос:

— «03», я «101», слышу нормально. У меня тихо. С твоей стороны море огня. Как ты?

— В порядке. Возможен отход моих «духов» в сторону твоего левого фланга. «Коробочкой» достанешь?

— Да. Там метров 500 открытой местности. Бегу туда.

— Сань, не теряй внимания, у меня жарко.

— Вижу, «03».

Кинул станцию Гапоненко.

— Миша, это застава. Слушай эфир.

— Есть, товарищ лейтенант.

— Нищенко, что дозор?

— «Духи» перенесли огонь в сторону Ивонина, но они с Сокуровым залегли где-то дальше, ниже по высоте — отсюда не видно.

— Понятно. Следующую пещеру берем по аналогии. Работаем двумя парами: Сафаров — Баравков, Мухаметзянов — Ксендиков. Вас страхуем с Гапоненко. Миша, понял?

— Так точно.

— Первая пара кидает гранаты, через пару секунд — вторая и всем лежать! Подвиг Матросова не совершать! Нищенко, лейтенант Семыкин с тобой. Вопросы?

— Никак нет.

— Сергей, вперед.

Сафаров с Баравковым ползком двинулись вдоль скалы к средней пещере, из которой «духи» вели ленивый и неэффективный огонь. Они, вероятно, пытались понять, откуда опасность, и не могли разобраться. Следом за Сафаровым пошла вторая пара.

— Есаулков, на месте. Со мной Гапоненко.

— Есть.

Прижимаясь к стене, мы с Мишей ползли за Мухаметзяновым. Ивонин с Сокуровым действительно находились где-то ниже, с нашей позиции их не было видно — закрывали лежащие перед нами камни. На огонь противника они не отвечали, ожидая момента, чтобы смести «духов» огнем из засады. Дай бог, чтобы все было именно так.

Позиции «духов» были на входе в пещеры. Ослепнув от выброса пламени собственных автоматов, они вели огонь больше для «шкала». Внимание! Сергей и Гена были готовы бросить гранаты. Баравков ковырялся с чекой, не может выдернуть, что ли… Нервничаю, но сержант уже разобрался — бросок. Два взрыва, один за другим, разорвали каменную нишу. Вторая пара подбегает и кидает гранаты — взрывы. Броском лечу к темному входу пещеры — «духи» лежали, привалившись друг к другу. Двое. Нет, еще один чуть дальше, ноги четвертого торчали из-за камней. Бросаюсь к нему и стреляю в упор. Живой, убитый — неважно — страхуемся обязательно. Схватив автомат убитого «духа», разрядил его и бросил Гапоненко.

— Мухаметзянов, Ксендиков, трофеи в кучу. Сафаров, Баравков, обыскать трупы.

Сигналом вызвал группу, Есаулков бежал с гарнитурой в руке.

— Товарищ лейтенант, «база» вызывает.

Схватил наушники.

— «База», я «03», прием, — руки тряслись и голос срывался.

— «03», что у тебя, почему не отвечаешь? — слышу голос начальника.

— «База», я «03», докладываю — захвачены две пещеры, оружие, боеприпасы. Уничтожены семеро «духов», потерь не имею. Опустил тангенту, ответа нет.

Повернулся к Сафарову, возившемуся с телом душмана. Сергей выворачивал содержимое карманов убитого и собирал трофеи в десантный рюкзак.

— Оставь его и приготовь гранаты.

Разведчики достали «эргэдэшки», ввинтили запалы. Пауза в эфире затянулась — хочется выть. Ну, отвечай же! Не выдерживаю и нажимаю тангенту:

— «База», я «03», приступаю к работе.

Сквозь треск эфирных помех:

— Ты это, смотри, будь осторожней, — выдал «рекомендацию» шеф.

— Понял, «База», понял.

Пока мы были, что называется, в ударе надо развивать успех — берем последний рубеж. Только бы не «зарыться» в какую-нибудь глупость.

— Сафаров, Мухаметзянов, ничего не меняем, работаем по схеме. Готовы?

— Так точно.

— Вперед, ребята.

Разведчики пошли на сближение с пещерой. Оглянулся на

группу.

— В порядке, Нищенко?

— Да, товарищ лейтенант.

— Смотри за тылом.

— Контролирую.

— Витек, как дела? — спросил переводчика.

— Нормально, Валер.

— Держись за мной, не отставай.

Осторожно вышли из укрытия и поползли вдоль линии скальной породы. Сафаров с Мухаметзяновым вышли к душманской норе на расстояние броска — вот сейчас… Я не успел моргнуть, как двое душманов, поливая огнем автоматов, выскочили из ниши и рванули вниз. Опешив на секунду, крикнул:

— Сафаров, гранаты в пещеру.

И кинулся к каменной выработке, за которой исчезли резвые «духи». Успею — не успею? Срежут ведь очередью. Сзади взрыв, второй, падаю на снег, реагируя на человека, высунувшего голову из-за камней…

— Товарищ лейтенант, это я, Ивонин, «духов» завалили.

Разведчик перебирается ко мне через груду породы.

— Мать… мать… мать, — долго звучало эхом в горах.

— Ты где должен быть? Как здесь оказался?

— «Духи» поперли прямо на нас, мы открыли огонь, всех положили, Сокуров собирает трофеи, а я к вам…

Руки колотило, пересохло во рту, я бросил автомат — ё… твою… Чуть не застрелил своего разведчика. Но ведь кинулся помочь командиру! «Духи» выскочили прямо на дозор, который точно выполнил приказ — скрытно занять позицию, отрезать «духам» путь к отступлению. Ладно, обошлось.

— Быстро к Сокурову, вывернуть «духов» и через десять минут быть у крайней пещеры.

— Понял, товарищ лейтенант.

Ивонин побежал к нижнему краю площадки, где Сокуров уже заканчивал с «духами». Немного успокоившись, я осмотрелся: не исключено, что душманы засели где-нибудь дальше.

— Не возись, заканчивай, — торопил Ивонин напарника.

— Иду, Андрюха.

— Пакуй в палатку, остальное заберу.

— Уходим, уходим! — кричу разведчикам.

Дозорные, оторвавшись от «духовских» тел, подошли ко мне.

— «Духи» совсем доходяги, товарищ лейтенант.

— Проверил на жирность?

— Ну, вроде того.

— Нас бы слопали с удовольствием, — не удержался Ивонин.

— Ага, а нервов не хватило — ломанулись, как бешеные псы.

— Может, голодные, «Зигфрид»?

— Конечно, товарищ лейтенант, из продовольствия — кусочек баранины и то, мне кажется, ржавой и больше ничего.

Поднялись к стенке каменного мешка. Нищенко с группой разведчиков вел наблюдение, обеспечивая работу в пещере. Внутри распоряжался Сафаров:

— Собрали? Быстрей! Товарищ лейтенант, двоих «духов» забили, собираем трофеи.

— Хорошо, Сергей, автоматы увяжите ремнями — удобней спускать, хламье в плащ-палатки, внизу разберемся. Три минуты на сборы, Есаулков — связь!

Прижав гарнитуру к ушам, присел на холодные камни — хоть остыть немного, успокоить нервную дрожь.

— «База», я «03», прием.

— «03», я «База», — ответил связист.

Показалось, что у шефа на связи Кибиткин.

— Работу закончил, все в порядке, спускаюсь вниз. Жду «коробочку».

— Понял, «03», я «База».

Осветив фонариком пещеру, огляделся — внутри каменоломни снег, забрызганный кровью, исполосованные осколками трупы душманов. Комфорта минимум — каменный «мешок» глубиной метров десять без обогрева и условий жизни. Сколько здесь находились душманы? Две, три ночи? Думаю, не больше. Наблюдали и готовили атаку на охранение, если не сегодняшней ночью, то через сутки — точно. Кстати, насколько удобно «рубануть» по заставе огнем с козырька? Встал, пошатнувшись, схватился за выступ скалы, пошел к гребню карьера. Да, застава была на ладони, по прямой линии метров 500 — дальность действия огня из стрелкового оружия. Могли легко положить охранение, выждав момент построения взвода — внезапный огонь, и пишите письма. Ладно, пора уходить.

— Нищенко, замыкаешь группу. Ивонина ко мне.

Посмотрел на кишлачную зону Черной горы. Жилой массив, конечно, не был виден, но узкий проход к нему угадывался по схождению горных хребтов. Впрочем, мысли были не о том: как появилась «сигналка», на которую нарвался Сафаров? Сашка указал рубеж выставления мин, обозначенный сработавшими днем минами. Мы его преодолели, однако Сафаров с Баравковым «схватили» растяжку перед левой пещерой. Что получается? «Духи», попав на сигнальные мины, одну из них все-таки сняли и прикрылись ею — на нее и влетели ребята. Сафаров? Нет, все-таки Гена, Сергей полз сзади. В результате получили фейерверк с

визгом и морем огня — «духи» могли всех нас положить на снегу…

— Товарищ лейтенант, ефрейтор Ивонин по вашему приказанию прибыл.

Передо мной стоял, хватая ртом морозный воздух, разгоряченный боем разведчик. Мне навсегда запомнилась картина — я бегу к камням, за которые прыгнули «духи», а навстречу разведчик Ивонин…

— Уходим по своим следам, Андрей, ни шагу в сторону. Возможно, «духи» заминировали подходы. Не расслабляться. Вопросы?

— Никак нет.

— С Сокуровым вниз.

Трудно было сказать, сколько же «духов» сидело в засаде — одиннадцать убитых в пещерах или еще схоронились и ждали атаки. Осмотреть «духовские» норы по-настоящему, где, возможно, были тайники, не было времени — надо срочно назад. Налет на заставу может произойти в любую минуту и наша помощь десантному взводу, конечно, будет не лишней.

Прихватив оружие, вещи уничтоженных «духов», которые предстоит еще исследовать, мы спускались вниз к позиции взвода с мыслью — мы отомстили душманам за наших парней, погибших в неравной схватке в карьере. Завалив «духовское» рванье в честном бою, мы головы им не отрезали, животы не вспороли — пусть будет пирушка шакалам, нам духмянского мяса и на дух не надо. Все честно, как на войне!

Глава 10

На заставу втянулись под самое утро, подошли к знакомой площадке.

— Становись! Сафаров, трофейное оружие, боеприпасы выложить в линию — проверю лично. На палатки остальной захваченный скарб. Вопросы?

— Никак нет.

— Оружие к осмотру.

Проверил оружие, гранаты — отдельно запалы.

— Перекур. Сергей, на ПХД отмойте руки, куртки — кровью пахнут.

— Я же снегом протер, товарищ лейтенант.

— Тьфу, пойду, умоюсь, пальцы до сих пор липкие.

— Стоп, стоп, иди сюда, — крикнул Александр, бежавший от своего НП.

— Ну, ты даешь, Валер, у тебя на гребне такое творилось! Обалдеть! В первые минуты был просто шок! Что делать — не знаю!

— Думаешь, я знал, что делать, когда засвистели «сигналки»? Всего «колотит» до сих пор… Что-нибудь есть, Сань?

— А-а… это мигом. Идем.

Размеренным шагом, не торопясь, мы с командиром направились на его наблюдательный пункт.

— Саш, Виктора держи при себе, никуда не отпускай.

Александр недоуменно взглянул, затем кивнул.

— Хорошо. Я понял.

Переводчик в расстегнутой куртке сидел у пылающей печки и что-то делал с пачкой «Столичных».

— Привет, Витек, — негромко сказал Александр.

— Ну…

— Как жив-здоров?

— Нормально.

— Ну, вот и отметим, как положено, крещение боем, все путем — на сто пудов.

Командир заставы — тонкий психолог, грамотно подъехал к парню, поддержав его в нелегкий момент душевного переживания. Нам с Сашкой по 26 лет, ему же 21, мы были старше этого парня на целую вечность.

— Не переживай, Вить, — я склонился к нему, — думаешь, меня не «колотит»? Смотри на мои руки! Знаешь, почему я не проверил оружие «духов»?

— Ну?

— Трясутся. Тяжелее собственного… ничего держать не могу.

Дружный смех здоровых мужиков поднял настроение.

— Реакция на опасность, Вить. Санька нальет нам шароповых капель и все пройдет, пойдем дальше «выкручивать» «духов».

Виктор, сбросив куртку, слегка ободрился — сто грамм омерзительной гадости восстановят душевный баланс. Вроде бы я и расслабился, но руки дрожали — парилочку бы с веничком и винчика канистру… Помнится, отдыхали мы как-то с Чернегой в баньке на Московском проспекте в Витебске, где попивали незабываемый аромат молдавской «Изабеллы». Да-а-а, сбудется ли мечта романтиков?..

— Будем живы, друзья!

Санька призывал выпить за общий успех безнадежного дела. Ну, и выпьем!

— Будем!

Чокнулись, глотая кружку дерьма.

— Сейчас горяченького.

Сашка выскочил наружу, оставив нас с переводчиком. Мы сидели с ним, лениво пережевывая свиную тушенку.

— Как, Витек?

— Не знаю, Валер, словно в кино — не со мной это было: «сигналки», свист, стрельба… тупые удары ножей…

Сидели в молчании, переживая бой над карьером.

— Меня пружиной бросило…

— Да уж, я не хило бегаю, но ты обогнал.

Помолчали. Дрожь в руках все не проходила.

— Нормально, Вить, — тронул я за рукав переводчика, — в узкой пещере нужно бить аккуратно, иначе сразит рикошетом, а ты в аффекте был, за границей напряжения.

Сашка в землянку влетел ураганом: довольный, веселый.

— Чуточку подождем, горячее будет.

Обсуждение темы войны и участие в ней прервал дежурный сержант.

— Разрешите, товарищ старший лейтенант — со стороны городка машина.

— За разведчиками, Большаков, запроси пароль.

— Есть.

— Сань, еще по одной и пора закругляться.

— Успеем, Валера, пьем за победу.

Сашка быстро плеснул, опрокинули, закусив килькой в томате. Дожевывая на ходу, я выскочил с НП командира. С Михаила Федоровича станется — может лично приехать за нами, а встретить его надо, как положено, доложить. Машина подошла к ПХД, из кабины спрыгнул Сергей Коробицын.

— Живы, Валер?

— Живы, Серега.

Обнялись, хлопнув друг друга.

— Валер, тебе к комдиву.

— Во дела, а мы «шаропа» махнули.

— Собирайся, действительно ждет.

Я обернулся к землянке, где отдыхали разведчики.

— Сафаров, ко мне.

— Я, товарищ лейтенант.

— Строй людей.

— Есть. Всем строиться!

Разведчики вышли и стали в шеренгу. Проверив наличие, подал команду:

— Быстро в машину.

Кинули в кузов связанные в охапку АК, несколько «буров-303», патроны в палатках, расселись на привычных местах.

— Сань, — я обнял товарища, — мы еще повоюем.

— Повоюем, брат, нам этого хватит.

— До встречи, дорогой!

Не более чем через час с начальником разведки дивизии стояли перед командиром дивизии генерал-майором Рябченко.

— Товарищ генерал-майор, гвардии лейтенант Марченко по вашему приказанию прибыл.

С майором Скрынниковым командир соединения вызвал нас на доклад по результатам боя над мраморным карьером. Генерал, вероятно, не спал прошедшую ночь, устало встал из-за сборного столика, на котором лежали карты, документы, посмотрел на меня.

— Скрынников, как обеспечены разведчики для действий в горах?

— Товарищ генерал, по нормам довольствия получено все, что положено.

Комдив покачал головой.

— В сапогах-то как воюется, Марченко?

Вздохнув, я ответил:

— Ногу легко потянуть, товарищ генерал.

— Что? Так плохо?

— В горах неудобно, ступни ног болтаются.

Комдив, согласно кивнув головой, присел за походный столик.

— Потерпите, ребята, в Министерстве обороны решается вопрос о направлении в Афганистан специальной формы одежды. Скоро, думаю, получим.

— Хорошо бы, — не выдержал Михаил Федорович, зная наши

проблемы в экипировке личного состава.

— Обстановка сложная, товарищи, причем, по всем направлениям, — продолжал генерал, — форсирование вопроса по новой одежде, наверное, будет неверным. Вы, думаю, понимаете это?

— Так точно, товарищ генерал.

— Ладно, перейдем к делу. Марченко, доложи о бое в районе карьера. Как вы его — Черным называете?

— Гора у нас Черная, товарищ генерал, карьер — мраморный.

— Хорошо, докладывай.

— Есть.

Доклад комдиву я выстроил на основе предварительной информации, полученной от «языка» по обстановке в кишлаках по периметру Кабула. Акцент сделал на обмене световой информацией противником в звене горы — кишлаки.

— Далее, товарищ генерал, — докладывал я комдиву, — организовал взаимодействие с заставой боевого охранения. Последующие события показали — есть основание считать, что противник готовит нападение на позиции боевого охранения.

— Каким образом? — перебил генерал. — Взвод зарылся в скальном грунте, три боевые машины…

— Противник, товарищ генерал, на мой взгляд, рассчитывал по меньшей мере на два варианта развития событий: первый — атака на позиции боевого охранения с одновременным началом действий в Кабуле. Другой — нападение ближайшей ночью с целью отвлечения внимания от мятежного подполья в столице. Характер действий противника говорит о том, что мятежники решили действовать по второму варианту, то есть атакой на боевое охранение отвлечь внимание советских войск от активных событий в столице и завладеть инициативой.

— А почему решил, что нападение должно произойти сегодняшней ночью?

— Вопрос понял, товарищ генерал! Основания следующие: противник сорвал сигнальные мины вчера во второй половине дня, понимая, что это не могло остаться незамеченным нашим боевым охранением. Тем не менее душманская боевая группа не ушла в кишлаки или горы, она осталась ночевать на исходной позиции для атаки, рассчитывая, что мы не сунемся под вечер наверх, отложим на завтра. Они просчитали все точно! Атака на охранение, вероятней всего, готовилась на раннее утро, до нее оставалось несколько часов.

— Какие еще аргументы в пользу нападения?

— Душманский отряд над карьером был вооружен, в основном, автоматическим оружием, имел при себе большое

количество боеприпасов — все было готово для скоротечного боя. Расчет душманов строился на внезапный огонь с заранее подготовленных позиций. При обыске тел уничтоженных «духов» нами не были обнаружены запасы продуктов питания, воды. Значит, шли на сутки, не более.

— Как представляешь действия противника в случае нападения на заставу?

— Задача «моих» «духов», товарищ генерал, вероятно, состояла в следующем: с наступлением темноты выбрать момент для нанесения огневого поражения личному составу заставы. Такой момент, к сожалению, имеет место — построение на инструктаж личного состава перед выходом на боевое дежурство и замена дежурных смен, когда вместе собираются до полутора десятков человек. Душманская группа верхнего яруса, как я полагаю, должна была открыть огонь с гребня карьера с тем, чтобы вывести из строя основную часть живой силы подразделения заставы. Одновременной атакой засадной группы сверху противник, вероятней всего, предполагал атаковать боевое охранение двумя-тремя группами с нескольких направлений, со стороны кладбища в том числе. Результат мог бы иметь катастрофические последствия для парашютно-десантного взвода, находящегося в охранении. Надо отдать должное командиру взвода, товарищ генерал, он периодически менял систему охраны, обороны, огня, позиции техники и тяжелого вооружения. Исходя из полученных данных, анализа обстановки в районе карьера, Черной горы можно предположить — в Кабуле назревают события с выступлением боевых отрядов мятежников.

— Понятно, Марченко.

Командир дивизии подошел к карте, висевшей на стене командного пункта, задумался, затем, повернувшись к нам с Михаилом Федоровичем, спросил:

— Страшно в бою?

— Жутковато, товарищ генерал, если честно, зубы стучат до сих пор.

Комдив с начальником разведки рассмеялись.

— Держись, разведчик, вся война впереди, а награды для вас — я подумаю. Тяжело с орденами, товарищи, с трудом проходят в высших инстанциях — мы же с вами вроде как на учениях… Ладно, Михаил Федорович, ты останься, а Марченко готовься воевать, так и скажи своим разведчикам.

— Есть, товарищ генерал. Разрешите идти?

— Идите.

Генерал пожал мне руку, и я вышел с КП командира дивизии. Минут через пятнадцать прибыл в роту.

Утро следующего дня не принесло хорошей погоды, правда, дождевые потоки умерили пыл, но дороги и тропинки до штаба дивизии превратились в непролазное месиво. Рваные клочья облаков неслись над палатками, выбрасывая новые потоки воды. Ветер швырял их в лица, вызывая озноб холодного душа — зябко было от влаги, проникавшей до самых кишок. Неприятное ощущение вызывала сырость в палатке, мокрой одежде, постельном белье, влажные портянки не лезли в сапоги. Вечером у раскаленного «Палариса» и «капельниц» мы сушили одежду, от которой исходил кисло-приторный запах цианидов.

Я готовил группу к выполнению новой задачи. С заданием было понятно, вот что предпринять от дождя? Простыть легко, а для разведчиков в тылу противника насморк — демаскирующий признак, может стать роковым, жар уложит в постель любого амбала. Прошел к разведчикам посмотреть подготовку к поиску.

— Встать. Смирно, — скомандовал Ксендиков.

— Вольно, щеглы, как настроение?

— Да, как-то не очень, — уныло ответил Сокуров.

— «Зигфрид», а где блеск в глазах у высшей расы?

— О-о-о, товарищ лейтенант, — покачал головой здоровенный парень.

— Давайте, гусары, больше оптимизма. Мы еще повоюем! Сафаров, что с плащ-палатками?

— В порядке, товарищ лейтенант, но через час под дождем станут «колом», скуют движения.

— Значит, так, Сергей, попрошу старшину приготовить нам сменку, переоденемся по возвращении на базу. Сейчас всем надеть носки, иначе ноги натрем.

— Товарищ лейтенант, а помните, в Витебске вы с нас снимали «вшивники», носки и рвали на ветошь? — спросил Архипов, невинно глядя в глаза.

— Помню, Архипов, и обещаю — в Витебске буду рвать, а сейчас всем быть в носках.

— Товарищ лейтенант, — вкрадчивым голосом обратился Сокуров, — а фронтовые 100 грамм нам положены?

Разведчики загалдели, ободрились.

— Наливай.

Обалдевшие глаза «Зигфрида» рассмешили разведчиков.

— А ведь правда, Вовчик, ты ночами демаскируешь группу. На карьере меня напугал.

Группа угорала от хохота.

— Ладно, ребята, повеселели — и хорошо. Сафаров, фляжки с «колючкой», после обеда — отбой. Подъем в 17.00, готовность к выходу в 18.30.

— Понял, товарищ лейтенант.

В офицерской палатке продолжалось заседание специалистов по строительству бани. Каждый вносил свою лепту в возведение важного объекта дивизионных разведчиков, конечно, больше советами, чем топором и лопатой.

Скрипучий звонок ТА-57 раздался, как всегда, неожиданно. Мы затихли: связь со штабом дивизии.

— Командир разведывательной роты гвардии старший лейтенант Комар, — представился Иван.

Командир слушал абонента — начальника разведки, мы молча сидели, понимая, что Иван принимает очередную задачу дивизии.

— Да. Так точно, товарищ майор. Понял, — монотонно отвечал Иван.

Выслушав, Комар положил трубку.

— Валера, карту и бегом к Скрынникову. Чернега, завтра с тремя бойцами — подвижной патруль в районе аэропорта с задачей пресечения «фарцовки». Артемыч, занимаешься баней в полном объеме, наше предложение утверждено, — выдал Иван результат беседы с начальником.

«Хорошее дело — иди к Скрынникову», — ругнулся я про себя. Как добраться через такую грязь до штаба дивизии? Но приказ есть приказ, он выполняется быстро, точно и в срок. Надел куртку, принесенную Сафаровым, плащ-палатку.

— Не поминайте лихом, господа, — откланявшись всем, я ринулся в дождевой поток.

Сказать, что грязь на пути следования была выше пояса, значит, ничего не сказать. Липкая, густо замешанная цементирующая масса схватывала сапоги, которые я рисковал оставить на маршруте выдвижения к штабу дивизии. Пробирался, выбирая более удобный путь, но ничего не получалось — проваливался в вязкую жижу. Вытаскивая по очереди сапоги, медленно приближался к хлебозаводу, слева раскинулось расположение батальона связи, окруженное колючей проволокой. Кое-как вышел на площадку, засыпанную мраморной крошкой из злополучного карьера. Обмыв обувь и куртку от налипшей грязи, пошел к палатке начальников служб дивизии.

— Товарищ гвардии майор, лейтенант Марченко по вашему приказанию прибыл.

— Садись, — Михаил Федорович кивнул на кровать.

Устроившись рядом с начальником, я достал из-за пазухи карту, простой карандаш, записную книжку.

— Твою информацию по Тарахейлю, показания пленного проверили разведывательные органы армии, ХАД, агентурная

разведка — все подтвердилось. Таким образом, получается следующая картинка — вооруженные отряды оппозиции проникли в Кабул с целью организации вооруженного мятежа.

Пробуравив меня прищуренным взглядом, словно проверяя, все ли я понимаю, как надо, начальник разведки продолжил:

— Противник сосредоточил в Кабуле достаточно сил, чтобы выступить против правительственной армии. Есть данные о трех направлениях, по которым идет приток вооруженных отрядов в Кабул. Ничего не известно о северном направлении, со стороны Баграма через Паймунар, — Михаил Федорович остановился.

— Товарищ майор, с направления Баграма душманы, на мой взгляд, должны вот-вот подойти. «Светомузыку» Тютвин наблюдал — это знак того, что в рабочем порядке они обмениваются информацией и выйдут к кишлаку в последний момент. Расстояние от массива Хингиль, где основные душманские базы, до Кабула не более 20–25 километров — один переход. Возможно, сейчас они подтягиваются в район Паймунара.

— Не сгущай уж краски, Марченко.

— Товарищ майор, Тютвин же докладывал вам о световой передаче сигналов в долине Дехъийхья.

— Ну и что?

— Бросок через перевал «духи» сделают быстро, на охранение Солдатова они не полезут, обойдут по флангам, он ничего не успеет предпринять, — торопливо излагаю мысль, пришедшую в голову только сейчас.

Осенило, что называется. Начальник разведки, склонившись к карте, нашел опорный пункт парашютно-десантной роты капитана Солдатова, прикрывавшей аэродром с базовым городком с северного направления.

— Здесь же склады ГСМ, — ткнул карандашом Михаил Федорович, — двумя выстрелами из гранатомета сожгут к чертовой матери.

— Сожгут, — кивнул головой, — причем сделают сходу при одновременной атаке на аэродром и военный городок.

Начальник задумался, вскочив, прошелся по скрипучему настилу палатки, присел.

— Хамаганов, скоро пойдем к разведчикам в баню, — крикнул Михаил Федорович лежавшему на кровати начальнику медицинской службы дивизии.

— Отличная идея!

— А пока, может быть, с ними в поиск рванем?

— Да ну, тебя, Миша, гепатит людей валит, думаю, как быстрей провести вакцинацию.

— Ладно, Вячеслав Гамбоевич, разведчики скоро пригласят нас попариться.

— Федорович, какие вопросы?

Обменявшись репликами, начальники служб соединения продолжали решать наболевшие вопросы.

— Хорошо, давай к нашим баранам, — мудро предложил дядя Миша. — Значит, что получается? Отслеживаем обстановку в районе Паймунар, Дехъийхья. Факт появления «духов» в кишлаках — сигнал готовности к мятежу в Кабуле. Понимать надо именно так, — обобщил обстановку начальник разведки.

— Так точно, товарищ майор.

— Исходя из этого, задача на ночь такова — выдвинуться в район кишлаков Паймунар, Дехъийхья и провести поиск в полосе ориентиров, — очертил на карте карандашом полосу ведения разведки. А вообще, Валера, необходимо еще найти свидетельства намерений «духов», которые бы подтверждали подготовку мятежа в столице. Что тут выдумывать? Говорю, как есть.

— Понятно, товарищ майор, работаю на возможный захват «языка» — вариант наиболее продуктивный.

Михаил Федорович задумчиво взглянул на меня. Замечательный у нас начальник, понимает прекрасно, как измотаны нервы у сидящего рядом с ним лейтенанта и его разведчиков, но приказы не обсуждаются, их выполняют. Сложив карту, я встал.

— Разрешите идти, товарищ майор?

— Давай, Валера. Успехов.

Обращение к подчиненному по имени о многом говорило, в том числе о человеческом понимании чувств молодого лейтенанта, которому в проливной холодный дождь через три-четыре часа идти в тыл противника.

— Есть.

Повернувшись через левое плечо, вышел из палатки под жесткий ливень. Да, дела. Как добраться до расположения, не утонув в проклятой грязи? Возвращаться по старому пути означало утонуть в районе хлебозавода и не выбраться из грязи. Решил пробить маршрут через медицинский батальон, которым командовал майор Русанов. Мелькнула мысль что-нибудь раздобыть из медикаментов от простуды, перевязочный материал. Возможно, увижу Сашку Малькова — одного из хорошо знакомых офицеров. Подумав, я уверенно зашагал по дорожке посыпанной мраморной крошкой. Шагать по ней одно удовольствие, через пару минут показались палатки медицинского батальона.

Ориентируясь по биркам, какое подразделение и где располагается, я вышел к ряду палаток, стоявших встык друг с

другом. На площадке перед ними несколько солдат укладывали в гроб тело солдата в парадной форме. Гудела синим пламенем паяльная лампа, разогревая паяльник для запайки цинковой обшивки деревянной конструкции гроба. Заглянул в палатку — морг. Несколько тел в десантных комбинезонах лежали в ряд на деревянном полу, рядом оцинкованный стол, на котором проводили вскрытие два военных врача в зеленых халатах. Работали с телом погибшего бойца, заталкивая человеческие внутренности в полость живота. После чего один из них ловким движением заштопал линию разреза. Тело от сгустков крови обмыли водой и перенесли на соседний стол, на котором помощники надели на тело погибшего парадную форму. С солдатских тел, лежащих на полу, стали снимать комбинезоны и готовить к вскрытию. Солдата, которого только что вскрыли и одели в «парадку», перенесли в гроб. Закрыв крышкой, приступили к запайке по периметру оцинкованным железом. В стеклянном окошечке виднелось лицо погибшего парня, готового к отправке на Родину.

А дождь хлестал по палаткам, непогода сводила с ума. Будут ли в ближайшие дни самолеты, чтобы отправить погибших в Союз? Сколько придется им ждать в одной из палаток медсанбата, чтобы завершить последний путь на земле? Картина обнаженной до предела действительности поразила — вот так, по-деловому, вспороли, зашили и уложили на отправку домой. Увиденная в медсанбате картина оставила на сердце шрам на всю оставшуюся жизнь. До сих пор помнится лицо погибшего солдата, лежавшего на оцинкованном столе при вскрытии — в пыли и с подтеками грязи…

— Разведчик, заходи.

Я повернулся на голос с глиссирующим «р» — Володя Стручков, командир саперного взвода. Вместе служили в «Зеленом городке» в Витебске. Близко мы не были знакомы, но друг друга знали, встречались, наши подразделения располагались в одной казарме.

Со Стручковым завернули в палатку, зашли в перегороженный простынями кубрик. Стол, несколько стульев, железный ящик с документами, понятно — помещение служило канцелярией.

— Присаживайся, — Стручков показал на стул.

Достал флакон для растворов и разлил содержимое в кружки. Запах не оставлял сомнений — спирт, причем медицинский. Выпили, запив прогорклой с хлоркой водой.

— Вот так, — развел руками Володя.

Слов не было. Молчали. Стручков еще плеснул по кружкам.

Чокнувшись, выпили, тепло разлилось по жилам.

— Ты как? — спросил у меня.

— Нормально.

— А я вот тут, сам видишь…

— Понимаю…

Владимир налил по третьему разу.

— Спасибо, Володя, не буду, ухожу с группой.

— Как? А, третий?

— Что третий?

— Третий тост будем пить за этих парней — кивнул он на выход палатки.

Мысль пронзила душу и сердце. Да! Надо обязательно поминать парней, помнить о них особым афганским способом, который бы оставил память навечно! ТРЕТИЙ ТОСТ! Стоя и молча — за них!!! Так впервые я встретился с традицией третьего афганского тоста.

Вернулся в расположение роты оглушенным и опустошенным. В голове не укладывалась картина увиденной повседневной трагедии. То ли еще будет…

— Чего невеселый, шеф озадачил? — спросил Комар Иван.

Я сел на кровать и смотрел на командира.

— Вань, в медсанбате я увидел то, что запомнится на всю мою жизнь.

И рассказал ему о встрече со Стручковым, которого Иван хорошо знал по службе в «Зеленом городке», о конвейере последнего пути для погибших, о своих мыслях, которые я не мог собрать до кучки. Командир, опустив голову, сидел за столом и смотрел на огонь гудящей «капельницы».

Глава 11

Зарядка под дождем продолжалась недолго. Главное содержание утренней пробежки заключалось в том, чтобы проснуться после сложнейших нагрузок в горах, разбудить организм и запустить его в ритм рабочего дня. На этот раз бег по кромке взлетной полосы аэродрома в промозглой пелене дождя не принес ожидаемой свежести, к которой привыкли разведчики — тоска зеленая и только. Я бежал вместе с взводом, инструктируя на ходу Сафарова по деталям подготовки выхода на ночь. Группу определил по составу и тактике предстоящих действий.

Бритье под холодным дождем все же взбодрило и погода, чего уж пенять, располагала к деликатным мероприятиям, которые нам планировало командование на ближайшее время. Завтрак, развод, ожидание вечера, насыщенное множеством факторов, так или иначе, было связано с подготовкой к выполнению задания — прежде всего, в психологической сфере. Ожидание вступления в выполнение задачи было трудным делом и зачастую более мучительным, чем наступление конкретной работы в горах. Что бы каждый из нас ни делал, каким бы образом не отвлекался от предстоящего выхода в ночь, мысли все равно направлялись в одном направлении — боевая задача и связанные с ней ответственность, опасность для жизни. Через себя пропускались тысячи переживаний, терзавших душу и сердце. Было тяжело. Очень. Поэтому я всегда с нетерпением ожидал наступления вечера, когда, наконец-то, прекращался бой с собственной тенью и наступал момент, чтобы ринуться в бой.

Чем меньше оставалось времени до выхода, тем сильнее приходило ощущение того, что все это происходило не со мной, а с другим во мне человеком. Вместе с тем формировалось внутреннее состояние, в котором мы становились другими людьми по форме и содержанию, чем в обычной жизни — с иной психологией, пониманием действительности, окружавшей нас. В подсознании активировались психологические комбинации, которые, складываясь совокупной системой, запускали программу «война». Такое ощущение было в сознании каждого из нас, ориентируя, скорее всего, на смерть, чем на жизнь и созидание. Сложнейшие процессы, происходившие в душах разведчиков, вызывали неоднозначную реакцию, которая проявлялась в поведении, образе жизни и тогда — на войне и сейчас…

Вот и все. Пора! Решение на создание самостоятельных подгрупп в очередном задании приняло окончательный вид.

Дозор возглавит Ивонин, с ним же Сокуров, они сработались вместе, притерлись, понимают друг друга с полуслова. Нищенко со своими парнями, Фетисовым и Архиповым, обеспечит прикрытие тыла. Сафаров с Баравковым, как всегда, действуют в захвате — менять я ничего не буду. Оружие готово к применению, магазины переснаряжены, проверены возвратные пружины, подаватели патронов, осмотрены боеприпасы, комплектация РД в порядке. Разведчики, слава богу, здоровы и могут идти на задание. Время «Ч» неумолимо наступало, вместе с ним приходила нервная дрожь, лихорадка, суета — скорей бы вперед!

Светлое время ненастного дня пролетело, группа в ожидании команды собралась в палатке. К рубежу спешивания и входа в задачу, что в пятистах метрах от опорного пункта роты Солдатова, нас на машине подбросит Тютвин. С Юрием мы в предыдущих встречах отыграли взаимодействие по прикрытию группы, осталось лишь уточнить сигналы, порядок связи. Солдатов разведчик бывалый, выходец из дивизионной разведки, он прекрасно знает нюансы работы, поэтому задержки по обеспечению группы быть не должно.

Завершившийся промозглый день обещал не лучшую погоду ночью.

— Иван Геннадьевич, группа к выполнению боевого задания готова, — дожил я вышедшему к группе Комару.

— Достанется вам, — не выдержал ротный, поправив капюшон ОЗК.

— Чему бывать, того не миновать, Иван Геннадьевич.

— Оптимизма и удачи, Валера.

— К черту, Иван.

ГАЗ-66 была готова к движению, запущен движок, я вместе с разведчиками запрыгнул в кузов, прикрыв его тентом от хлеставшего ливня.

— Как дела, Есаулков?

— Нормально, товарищ лейтенант.

— Со мной, не теряйся и не вздумай уснуть. Камни бросать я больше не буду — только булыжник.

Намекнул я связисту об одном из случаев, когда Есаулков после нескольких бессонных ночей шел с группой в засаду и нечаянно «приснул». Чтобы не демаскировать группу и разбудить связиста (он всегда находится рядом), мне пришлось осторожно кидать в него камни. Сработало, больше не спал.

— Понял, товарищ лейтенант.

Махнул Ивану — машина тронулась и поехала через посты охраны аэродрома. Нас останавливали, запрашивали пароль, Николай отвечал на вопросы часовых, после чего, выключив

фары, машина съехала с взлетной полосы и затряслась по раскисшей «грунтовке».

Хорошо знакомая дорога к охранению Юры Солдатова была размыта сточными водами сезона дождей. «Шестьдесят шестую» кидало в стороны, заносило, местами срывало с обочины. На рубеже спешивания сидевшие с краю разведчики, откинули тент, закрепили, я скомандовал: «Приготовиться» и первым выскочил на дорогу, присел, всматриваясь в жуткую ночь. Следом «скатились» разведчики, приняв положение «К бою», сориентировались, и я повел их к охранению роты.

Выбирать удобный маршрут вдоль разбитой дороги оказалось бесполезным занятием — грязь по колено. Идти по колее опасно — возможно минирование проводивших активные мероприятия «духов». Мы двигались на контур вершины хребта, который был виден на фоне темневшего неба.

Намокшие палатки сковали движение, с зимних шапок за ворот стекала вода. Непрактичность одежды разведчиков обсуждалась множество раз, но пока мы воевали в том обмундировании, в котором прибыли из Витебска. С наступлением тепла в «духовский» тыл мне придется идти в полевой фуражке, портупее и галифе. Про «кирзачи» ничего не скажу, они спасли тысячи солдат от мороза и слякоти, но в горах мы рисковали остаться без ног — ступни выворачивали камни, портянки сбивались, образуя потертости, в них попадала инфекция, вызывавшая язвы. В горах кирзовые сапоги не годились, нам нужна была обувь, блокирующая стопы ног от растяжений. Кстати, вернемся на базу, осмотрю ноги Сокурова, мне показалось, что «Зигфрид» хромал.

От афганских складов ГСМ осторожно вышли к опорному пункту парашютно-десантной роты Солдатова. Вот и охранение — едва заметный проблеск фонарика, Ивонин ответил скрытым сигналом. Прибыли в расположение Юры Солдатова, встретившего нас у командного пункта.

— Привет разведке.

— Привет, Юра. Пустишь обогреться?

— О чем речь? Проходи!

— Спасибо. Сафаров, в блиндаж, перемотать портянки, двадцать минут перерыв.

— Есть!

В теплой, по-фронтовому оборудованной землянке командира роты я скинул промокшую палатку, издававшую неприятный скрежет, и кинул в угол.

— Рассказывай новости, — улыбнулся капитан.

— Новости? Те же самые, Юра, на которые тебя ориентируют

из штаба дивизии — обострение обстановки в Кабуле и вокруг него. На восточном направлении «духи» вообще подкрались к столице. Комдив поставил задачу изучить Паймунар. Что-нибудь есть за последнее время?

— Ничего особенного, правда, через перевал людей стало ходить поменьше — это точно, а так все в обычном режиме.

— Понятно. Сегодня далеко не полезу, углублюсь километров на пять к Дехъийхья, ближе к западной окраине Паймунара, если получится, посмотрю, что на севере, и к утру вернусь.

— Добро, Валер, работаем тангентами?

— Да.

Не хотелось вылезать из уютного блиндажа командира роты, а ведь надо было идти.

— Чай еще будешь?

— Спасибо, душу согрел, пожалуй, пойду.

«Задубевшую» палатку накинул на десантную куртку, привязав тесьмой у подбородка, и вышел наружу.

— Пойдем, провожу, — сказал командир, — посмотрю, как мои под дождем, надо будет сменить.

Накрытый тентом пункт хозяйственного довольствия жил от приема до приема пищи. Наряд по кухне зачищал котлы, мыл посуду, готовил к утру заготовки.

— Дежурный, — крикнул Солдатов, — передай разведке — на выход.

— Есть, товарищ капитан, — ответил сержант и кинулся в расположение, где грелись разведчики.

Представляю, каково им сейчас выходить.

— Сафаров, строится.

— В одну шеренгу, становись, — скомандовал Сафаров.

Докладывать не надо — не плац. Поправив автомат под палаткой, я оглядел разведчиков. Собраны, сосредоточены. Ощущавшийся мандраж выражался реакцией на опасность: хотелось справить нужду, жажда, сухой язык — у каждого было по-разному. У меня, к примеру, садился голос, появлялся озноб, дрожали колени. Организм реагировал на вхождение в зону опасности, когда психика бунтует против непривычного для нее состояния риска, который подсознанием оценивается как критический, смертельный. Психологическое состояние тонизировало, возбуждало — адреналин действовал на организм, балансируя отрицательные реакции до нормы самоконтроля. Прыжок с парашютом — один из примеров аналогичного состояния, так что все в порядке. Парни, настроившись на предстоящую работу в тылу противника, заглянули в потаенные уголочки души, сосредоточились — дальше противник.

— Ну, с богом!

Взглядом я оценил группу. Пора! Теперь только сигналы и жесты, слов бывает немного.

— Андрей, общее направление — перевал, — уточнил задачу Ивонину, — хребет перемахнем левей седловины. Внимательней на подъеме, видимость ограничена, максимально используй прицел.

— Есть.

— Мухаметзянов с Ксендиковым — направляющие, не теряйте дозор. Мы с Есаулковым за вами.

— Понял.

— Николай, за мной, как привязанный!

— Как всегда, товарищ лейтенант.

— Мандрыко, твои — за связистом! А ты, Игорь, «духов» не посади на хвост.

Замыкающий группу Нищенко, кивнул головой.

— Ясно.

Разведка уходила в ночь, в неизвестность…

По траншее боевого охранения вышли к гнезду пулеметчика. Солдат в набухшей от дождя плащ-палатке лежал и вел наблюдение в сторону горной гряды. Нам как раз туда, куда был направлен ствол его пулемета, и мы, словно тени, один за другим поднялись из траншеи и скрылись в пелене промозглого ливня. Шум дождя заглушал шаги в вязкой массе проклятой грязи. Минут через сорок вышли к подошве хребта. Стоп, легли, осмотрелись — в порядке. Группу веду левей перевала, где мы еще не «светились» — меньше шансов нарваться в засаду. Тем более, противник стягивает силы к Кабулу и, конечно же, находится в полной готовности к встрече с «шурави». Последняя вылазка в кишлачную зону наделала много шуму, и, конечно, «духи» приняли меры безопасности не только в Тарахейле, но и Паймунаре, Дехъийхья. Рисковать не стоило. Пять-шесть километров по нехоженой местности — гарантия живучести группы.

Настроена ли нервная система на опасный режим? Вне сомнения, появилась энергичность, бодрость, кураж — дождь уже не замечался. Тело расслабилось и приготовилось к реагированию на опасность — мы были в боевой готовности.

Дождевая мгла, образующая нулевую видимость — наша погода, но она опасна внезапной встречей с противником. Как говорится, палка о двух концах: «духи» нас не видят, но и нам нелегко уследить за врагом. На Ивонина и Сокурова я полагаюсь, они способны действовать быстро и грамотно, но основная их задача — не пропустить «духовской» засады. Встреча с

душманским отрядом на встречных курсах нами ожидаема, мы сметем его одной из «домашних заготовок», отработанных на Ходжа-Раваше. Другое дело — засада, подготовленная заблаговременно. Попади в нее — противник в секунды нанесет огневое поражение с максимальным уроном. В засаде присутствует такое преимущество, как внезапность, которая решает исход нападения. Мы, разведчики, используем этот фактор во всех видах деятельности, зная его эффективность.

Появившаяся под ногами щебенка, камни были верным признаком выхода к горной гряде — грязь понемногу отступала, ноги чувствовали жесткую опору. Но видимости никакой, ночные приборы тоже не помогали — за 20 метров человеческий контур не виден. Скоро подъем на хребет — пора уточнить маршрут восхождения. Не успел подумать, как вдруг Мухаметзянов с Ксендиковым упали на землю, падаю следом. Вячеслав показал в направлении дозора. Пригнувшись, выдвинулся вперед: Ивонин, стоя на коленях, смотрел в ночной прицел, Сокуров сигналил «Внимание». Вижу. Подполз к нему.

— Что у вас?

— Дым, товарищ лейтенант?

— Дым? Откуда?

Разведчик недоуменно пожал плечами. Втягивая носом воздух, я привстал на колени — действительно запах, но откуда? Кишлак за хребтом — далеко и ветер с другой стороны. Опять потянул ноздрями — вроде не пахнет. Лежали на мокрой щебенке, пробуя воздух на запах. Нет, что-то все-таки есть, дымом вперемежку с солярой тянет от горной гряды.

— Когда почуяли? — спросил я Андрея.

— Минут десять, товарищ лейтенант, думали, показалось, но ветерок в нашу сторону…

— Что это может быть?

— По-моему солярка, — шепнул Ивонин, — но кто ее запалил?

— Может, «духи» греются рядом?

— Оставь свои шутки, Сокуров.

Мурашки скользнули по телу, не до юмора, черт побери, в местных порядках мы чуть-чуть разбираемся: в это время мирные дехкане волей Аллаха спят. Но если действительно допустить, что рядом находятся люди, греясь огнем от солярки, ими могут быть только «духи», причем без вариантов.

— Андрей, нюхайте воздух, надо понять направление дыма. Минут через пять вернусь.

— Понял, — ответил разведчик.

Возвратился к группе прежним путем.

— Сафаров.

— Я.

— Чувствуете запах?

— Есть, товарищ лейтенант.

— Вот. Отсюда задача — определить источник дыма, возможно, у «духов» рядом ночевка. Работаем двумя парами: ты с Баравковым с левого направления, Ивонин с Сокуровым — с правого, Ксендиков и Мухаметзянов прикроют. Вопросы?

— Никак нет.

— Игорь, за старшего. Завяжется драка, прикроешь выход из боя и отход в направлении базы.

— Понял.

— А мы с тобой, Сафаров, к Ивонину.

Через пару минут залегли у дозора.

— Ну, что нового?

— Дым слева от хребта, товарищ лейтенант, но зацепиться не за что, ничего не разобрать.

Подходы к хребту довольно открыты, без оврагов и стоков воды, размывавших грунт — спрятаться негде, но придется проверить.

— Андрей, работаешь с Сокуровым от гряды, Сафаров с Баравковым — от боевого охранения, я в центре боевого порядка. Если «духов» не более трех — захват двумя группами одновременно, я страхую. Более трех человек, я их «валю» «трассерами» — вы добиваете. Связь зрительная, сигналами. Вопросы?

— Никак нет.

— Вперёд.

Обе группы захвата я выслал с таким расчетом, чтобы дозор, выдвигаясь к источнику дыма, прижимался к горам. Если «духи» действительно устроились на ночь, им удобней залечь под самым хребтом, так безопасней — прикрыты и хороший обзор. Сафаров с Баравковым выйдут с левой стороны от охранения, отрезая уход противника вдоль горной гряды. Со мной я оставил Мухаметзянова и Ксендикова, мы выдвинемся в центре боевого порядка, страхуя группы захвата, расположившиеся левее и справа от нас.

Дождь хлестал, превратив плащ-палатки в жесткий каркас, натиравший шеи. Ночное ненастье промочило насквозь брезентовую ткань, но где-то уже угадывалось подошва хребта, от которого тянуло дымком. Ивонин, присев на колено, посмотрел в прицел. Сигнал «Внимание. Противник»! Стоп, Андрей видит врага, оценивает. Мы в готовности к бою. Нет, спокойно, сигнал «Вперед», движемся дальше. Метров пятьдесят прошли без помех,

показалось, и дымом не пахнет, дозорные смотрели в прицел, действуя уверенно, без лишних задержек. Я не вмешивался в действия, Ивонину на месте ситуация видней.

Бросок теней в ложбинку не нарушил шума дождя. Я был рядом с разведчиками, Ивонин на пленнике, руки которого уже за спиной. Сокуров, набросив петлю-удавку на шею захваченного «духа», соединил ее со свободным концом скрученных рук и подтянул к затылку. Двигать руками в таком положении невозможно, любая попытка движения затягивает удавку на шее, душит.

Огляделся. За большим валуном прикрытая тканевым материалом яма, внизу на камне находилась горелка с синеватым огнем, испускающим чад. Понятно: потянул ветерок в нашу сторону и запах горевшей солярки для нашего «духа» стал роковым. Что это душманский разведчик, мы поняли сразу: китайский АК, бинокль, планшет, стопка бумаг и… метла.

— Сафаров, развяжи ему рот и быстро — кто он и что здесь делает?

«Язык» — небольшого роста мужчина с раскосыми глазами и вдавленным у переносицы носом что-то бормотал.

— Ну, что, Сергей?

— Мычит непонятное, товарищ лейтенант, ничего не разберу.

Удар ножом плашмя по затылку душмана не привел к ожидаемому результату — понятней для Сафарова он не заговорил. «Духовский» разведчик, похоже, толковый — надо тащить на базу, поэтому принимаю решение:

— Мандрыко.

— Я, товарищ лейтенант.

— Слушай правительственное задание, — приказываю сержанту почти без иронии, — с Яруковым доставить пленного с документами и оружием к Солдатову. Он его отправит в штаб дивизии. «Дух» — ценный кадр, отвечаешь за него головой. Гнать бегом и не останавливаться. Помнишь пароль боевого охранения?

— Так точно, «девять».

— Хорошо, отход обеспечим. Вопросы?

— Никак нет.

— Покажи, Мандрыко, на что способен сын украинского народа!

— Есть, товарищ лейтенант.

Больше инструктировать моего хохла не надо — разобьется в кровь, но выполнит приказ, как положено! Через пару минут сопровождение с пленным скрылось в унылом дожде непогоды. Обследование схрона захваченного «духа» большего ничего не дало. Я махнул на хребет:

— Уходим.

Группа уменьшилась на два активных штыка, но обойдемся, «язык» уже есть, остальная часть задания — по обстановке. Возможно, залазить в кишлак не придется — захваченный «дух», несомненно, из местного отряда и какой-то информацией он все же поделится, а дальше посмотрим.

Между глыб и огромных камней дозор вышел к точке подъема. Хребет невысокий, восхождение прошло без особых усилий, через час вышли на линию водораздела, откуда открылась долина на север, Баграм, с раскинувшимся внизу кишлаком Паймунар. Видимость по горизонту была плохой, в кишлаке и долине в ночные прицелы мы ничего не отметили. Ладно, спустимся вниз.

— Андрей, держись ориентира. Пошли.

Спуск на обратную сторону хребта завершили в штатном режиме, без особых помех и напряжения. Несколько раз я останавливал группу для наблюдения, чтобы убедиться в отсутствии «хвоста». Внизу, ближе к предгорью видимость улучшилась, возможно, дождь рассеял туман. Оценив ветер и местность, я повел группу по грунту с мелкой щебенкой северо-западнее Паймунара, где местные дехкане вели разработки горной породы.

Из лощинки вышли на открытую местность, спустились в низинку, выбрав путь по склону овражка. Сигнал Сокурова «Стой» врасплох не застал, присев, наблюдаем. В прицел я видел Владимира, изучавшего местность, и вдруг с Андреем они упали на землю — опасность! Неужели «духи» выходят к хребту? Мысли о том, что можем нарваться на «духов», одолевали всегда, но все получилось внезапно. Подполз к дозору. Сокуров указал направление возникшей тревоги и протянул «ночничок». Я не верил глазам — на зеленом фоне прицела стоял ишачок, рядом другой, прядут большими ушами. Рядом поклажа, вьюк — в прицел не разобрать. Осмотрелся — чисто. Ну, дела! Захват.

— Внимание, действуем по той же схеме, акцент на поклажу. Очередь трассерами по цели — работаем на поражение и уходим в сторону Ходжабугра. Вопросы?

— Товарищ лейтенант, — шепнул Сафаров, — мой рубеж подальше, Андрею бы выждать немного, а то я не успею на синхронный выход.

— При выходе на исходный просигналь, Серега, в «ночник» я увижу.

— Понял, Андрюха.

— Все у вас?

— Да.

— По местам.

— Нищенко, круговое наблюдение и прикрытие группы.

— Понял, товарищ лейтенант.

— Виль, прикрой захват.

— Готовы, — кивнул Мухаметзянов.

— Работаем.

Выждав выход разведчиков на рубеж броска, я просигналил «Захват». Обе группы у цели. Подбежал в готовности нейтрализовать любое вышедшее из-под контроля движение. Нормально, из кучи тряпья Сафаров вытащил тело, которое тут же упаковал, лишив возможности крикнуть или оказать сопротивление. Беглый осмотр не дал результата, с вещами, предметами, изъятыми в месте захвата, надо разбираться на базе. Вроде дехканин, оружия, документов, приборов наблюдения нет, но специалист визуальной разведки такие улики не носит с собой — спрятал вблизи городка или аэродрома, возможно, имеет легенду.

Оценив обстановку, решил: дальше углубляться в долину, тем более соваться в кишлак, необходимости нет, надо возвращаться на базу, «светиться» у кишлака не стоит. Два захвата за ночь — результат неплохой, если, конечно, получим нужную нам информацию.

— Сергей, пообщайся с «духом».

Сафаров, склонившись к «языку», задал вопросы. Не сказать, что у них завязалась беседа, но шел свободный разговор на фарси.

— Ивонин, грузи ишаков, и уходим через перевал, больше с нашими динозаврами мы нигде не пройдем.

— Товарищ лейтенант, ишак с поврежденной ногой.

— Что у него?

— Колено разбито.

— Бросай, грузи второго.

— Есть.

«Пробежался» в «ночник» по дувалам, осмотрел кишлачок — ничего особенного. Тишина, собаки не лаяли, спят ишаки, «духами» вроде не пахнет — надо в отрыв. Трофейный транспорт закидали поклажей, вьюками, пора на базу.

Перевал — опасное место, «духи» считают за честь контролировать такие объекты, минируя узкие проходы, отвесные стенки. Но иного выхода не было — дорога с захваченным трофеем лежала через перевал. Дозор Ивонина усиливаю Ксендиковым и Фетисовым, группу Нищенко — разведчиками отделения Мухаметзянова.

— Уходим.

Поблизости может устроить ночевку душманский отряд, надо срываться и немедля исчезнуть во мгле.

Ишачок оказался характерным, как в известном фильме про Шурика — отчаянно уперся ногами. На мой пинок отреагировал спокойно, даже показалось — чуть равнодушно, но оставить его нельзя, на нем все вещи «языка», которые могут нести полезную информацию, будут интересны специалистам госбезопасности, ХАД. Сафаров прибег к более действенным методам стимуляции — наш Иа пошел, резво перебирая ножками. Ишаки очень выносливые животные, имея небольшие размеры, способны нести на себе тяжелый груз на большое расстояние.

— Сергей, что «душок» говорит?

— Да бред несет, товарищ лейтенант. Легенда.

— Почему?

— Речь простого дехканина строится по-другому, я это знаю.

— Ладно, разберемся, займись ишаком.

Впереди угадывалась дорога, ведущая на перевал. Если «духи» ее «оседлали», нам конец — не выпустят. Усиленному дозору Ивонина ставлю задачу на разведку седловины перевала — его верхней точки. Парни должны изучить маршрут на предмет присутствия «духов», впрочем, и отсутствия тоже, убедиться, что на дороге не «валяются» мины. Хотя бы так — не «валяются», если противник их установит, обнаружить мы все равно не сумеем и нам тоже «криндец». Мои разведчики способны выделить «духовскую» засаду, принять бой, но мины нам не под силу — коварен противник на минных ловушках.

Трофейный ишачок, ловко перебирая ножками, шустро спускался вниз. Очередной щелчок в наушнике — дозор вышел в долину, путь свободен. Вскоре вышли на Ивонина и Сокурова, разведчики, привалившись к камню, ждали нас у подножья гряды. Остался крайний рывок до охранения Солдатова. Отдохнув после спуска, я только тогда почувствовал дождь — вода стекала за ворот «хэбэшки». Оказывается, все это время он лил, извергая потоки воды, а я его не замечал целых восемь часов.

Запросив пароль и услышав отзыв, через некоторое время сваливаемся в траншею боевого охранения парашютно-десантной роты, готовой к отражению душманских атак.

— Ну, ты даешь, — качнул головой капитан, когда я зашел на НП командира, — на черта похож и «духовский» караван притащил.

— Уж так откровенно не подкалывайте, товарищ капитан, — на иронию отвечаю иронией, — трудно поверить, но трофей-то подобран в пути. Мои-то, добрались?

— В порядке. Покормил и «духа» не забыли. Со старшиной

отправил в дивизию.

— Спасибо, Юра.

— Не за что.

Сняв задубелую от влаги плащ-палатку, куртку, бросил их на ящики из-под гранат и патронов, приспособленных для хранения ротных бумаг. Присев на стул у раскаленной печки, с удовольствием вытянул к огню окоченевшие руки. Прикрыл глаза: «Господи, как же немного надо для счастья»! Тепло постепенно охватывало тело — «и жить хорошо, и жизнь хороша».

— Не расслабляйся, прими.

Открыл глаза, Юра с кружкой со спиртом.

— Вот «Фантой» запей.

— Ну, будем живы!

— Будем, Юра!

— До встречи, дружище. Спасибо за гостеприимство.

Запрыгнув в кузов машины, откинулся на борт, а дождь барабанил по крыше — грязный, унылый… Не наш.

Глава 12

— Валера, подъем, быстрей!

Сразу не понял, что же случилось? Командир роты тряс за плечо:

— Подъем, боевая задача!

Ничего не соображая, оделся, часы показывали пятый час утра. Только что вернулся с Паймунара, и опять что-то случилось. Тело ломало болью в суставах, пояснице. Склонившись к сапогам, быстро намотал портянки. Несколько наклонов туловища, приседаний, мышцы размялись — уже ничего, можно терпеть.

— Иван, ополоснусь.

— Давай.

Выскочив к умывальнику, поплескался холодной водой. Взбодрился. Свежесть погнала по жилам застывшую кровь. Поиск за перевалом в течение нескольких ночей подряд измотал, но дело сделано — «языки» подтвердили намерения оппозиции к вооруженному восстанию в Кабуле. Захваченный в предгорье «язык» оказался китайским разведчиком, который работал на «духовскую» разведку. Я лично конвоировал его с группой в расположение советников КГБ СССР, где тот дал признательные показания в том, что являлся сотрудником китайской разведки. Его метла не являлась случайным предметом, она была оснащена тайником, в который закладывалась шифрованная информация о расположении советских войск, обнаружена фотопленка с кадрами объектов аэродрома, военного городка.

Второй «язык» также подтвердил планы мятежников к восстанию, рассказал о концентрации душманских отрядов в столице Афганистана. Войсковая разведка работала в усиленном режиме. Приятно, что мы, разведчики 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, подтвердили разведывательную информацию о готовящемся вооруженном мятеже в Кабуле. Большая роль в этом принадлежала разведчикам 80-й отдельной разведывательной роты дивизии, которые дни и ночи напролет отслеживали передвижение душманских отрядов и с риском для жизни работали на получение информации о противнике. Это Андрей Ивонин, Владимир Сокуров, Сергей Сафаров, Геннадий Баравков, Игорь Нищенко, Вячеслав Ксендиков, Михаил Гапоненко, Борис Иванов, другие парни, с честью выполнявшие воинский долг. Мы не знали, что это еще цветочки и столько крови еще впереди…

Забежал в палатку. На месте Чернега, Тютвин, Родин с Коробицыным и Слободовым. Гришин влетел следом за мной.

— Рота поднята, Иван Геннадьевич, время еще есть, старшина покормит.

— Хорошо, Владимир Николаевич, присаживайся.

Иван положил трубку ТА-57.

— Прошу внимания, товарищи офицеры. Дивизия поднята по тревоге — в Кабуле мятеж. Часть наших подразделений выдвинулась в город, чтобы деблокировать улицы от баррикад. Толпы народа бьют в барабаны, стрельба, мятежники окружили советское посольство, на охране которого только одна рота спецназа ГРУ. Нам приказано быть в готовности к действиям в городе. Обстановка понятна?

— Иван Геннадьевич, в целом понятна, а в частностях? — спросил Петруха.

— В частностях, товарищи офицеры и прапорщики, поздравляю вас с днем Советской армии и Военно-морского флота! Всех благ, здоровья и успехов по службе! Больше ничего не знаю, — Иван засмеялся своим особенным смехом.

Закрутившись на службе, мы едва не забыли про главный праздник защитников Отечества. Но, сориентировавшись, поздравили друг друга, обнялись, пожали руки, высказав взаимные пожелания.

— Товарищи офицеры, — продолжил Иван, — завтрак и готовимся к выходу. Вариантов несколько, возможно, задействуем технику. Слободов с механиками в парк, через час проходим исходный рубеж.

— Понял, Иван Геннадьевич.

— Тютвин, связь в колонне и с базой, проверь радиостанции и аккумуляторные батареи.

— Все готово.

— Хорошо. Ты, Валера, действуешь автономно. Старшина, группе Марченко сухой паек на трое суток.

— Есть, Иван Геннадьевич.

— Всем находиться в расположении, я на связи с начальником разведки, жду команду.

Офицеры стали готовиться по направлениям и задачам. Я вышел из палатки, Сафаров доложил, что группа к выходу готова.

— Сергей, строиться!

Через пару минут я обратился к разведчикам.

— Товарищи, в Кабуле бои с мятежниками. Возможно, будем действовать на боевых машинах в условиях города — новое для нас, но сознание не терять, разберемся. Сафаров, в рюкзаки по три боекомплекта к стрелковому оружию, у старшины получить сухие пайки, термоса заполнить водой, проверить медикаменты, промедол.

— Понял, товарищ лейтенант.

— Делать все мигом.

Едва успели позавтракать, команда дневального:

— Рота, смирно.

Прибыл начальник разведки. Началось. Командир выскочил наружу и доложил начальнику о готовности роты к боевым действиям. Михаил Федорович, не скрывая озабоченности, скомандовал:

— Офицеров в палатку, Комар.

— Товарищи офицеры, в палатку.

Зашли. Присев на табуреты, достали записные книжки, карандаши.

— Все последнее время мы к этому готовились, товарищи разведчики, информировали командование. Одним словом, в городе мятеж. Вечером 20 февраля в Кабуле начались беспорядки, которые затем перешли в демонстрации и митинги. Мятежники окружили посольство Советского Союза, построили баррикады. Царандой, силы безопасности пытались навести порядок, но ситуация вышла из-под их контроля. Со вчерашнего дня отряды мятежников начали боевые действия с правительственными войсками, в городе убито до 100 человек. Вооруженную оппозицию поддержала часть населения столицы. Не исключено, что отдельные подразделения афганской армии перейдут на сторону противника. Обстановка сложная, применять в городе тяжелое вооружение нельзя — будут многочисленные жертвы мирного населения. Авиация по этой же причине не может работать бортовым оружием. Командованием принято решение: силами офицерского состава 80-й отдельной разведывательной роты провести штурм баррикад с вертолетов. Работать будете ручными пулеметами, смонтированными на бортах, автоматами. Экипажи вертолетов будут готовы через час, — начальник разведки сделал паузу, передохнув, продолжил. — Для операции задействуются две пары вертолетов Ми-8 и Ми-24 в расчете на каждую вертушку по два офицера. Взаимодействие с экипажами отработаете по прибытии на аэродром. Вопросы?

— Никак нет.

— Разбей офицеров на пары, Иван Геннадьевич, — приказал Скрынников.

Пометив что-то в книжке, Комар обратился к нам:

— Чернега, работаешь с Перепечиным, Андрейчук со Слободовым, Родин с Тютвиным. Валера, мы с тобой.

— Понял, Иван Геннадьевич.

— Выезд на аэродром через пятнадцать минут, подготовить оружие и снаряжение, не забудьте воду, — распорядился

командир роты.

Бегу во взвод, снимая на ходу портупею.

— Сафаров, я работаю по отдельному плану, остаешься за меня, быстро четыре пулеметных магазина с трассерами и пару фляжек с водой.

— Есть, товарищ лейтенант!

Небо прояснялось, кое-где появились голубые «оконца». Позволит нам вылет погода, не позволит? Трудно сказать.

— Товарищ лейтенант, магазины, — доложил Сафаров.

— Перемотай изолентой по два и в РД.

— А вы что стоите? Помогите командиру, — Сафаров «накрутил» Баравкова с Гапоненко.

Парни подогнали рюкзак, чтобы удобней сидел на спине, Сафаров положил в него магазины с трассерами, две фляжки с водой, сухпаек. Я по привычке попрыгал — не гремит, не жмет.

— Спасибо, ребята, нормально. Сергей, быть в готовности действовать по жесткому сценарию. Видите, что творится?

— А вы куда, товарищ лейтенант?

— На аэродром, потом — не знаю, если что — летим на штурмовку с вертолетов.

— Возьмите с собой, товарищ лейтенант, — Ивонин рвался со мной.

— Команда дана только офицерам, Андрей, но будьте готовы и вы: сдается, вас в любой момент кинут в задачу. Загрузите пайки и фляжки с водой. Давайте, ребята.

Махнув рукой разведчикам, я побежал к «грибку» дневального, где курили Чернега и Слободов.

— Ну, ты даешь, Петро, выглядишь, как янки во вьетнамских джунглях, — смеюсь над боевым видом старшего техника роты.

Чернега подхватил:

— Давай намотаем Петрухе на… метров пять пулеметной ленты, тогда ваще — герой Вьетнама.

Но дальше Слободова «развести» не получилось, подбежавший Иван, скомандовал:

— В машину!

Расположившись в кузове «газончика», мы двинулись мимо груды самолетного лома в сторону КДП. Выскочив на одну из рулежных дорожек, понеслись вдоль стоянки самолетов афганской авиакомпании «Ариана». Вертолетная стоянка бурлила: техники заканчивали заправку топливом, боеприпасами. Выпрыгнув из кузова на асфальт, гурьбой пошли к экипажам. Боевые Ми-24 стояли в ряд и своим устрашающим видом вызывали откровенное уважение — кассеты с «нурсами» делали их хищными, опасными. Из открытых бортов вертолетов торчали

стволы пулеметов со снаряженными в контейнерах лентами. «Восьмерки», стоявшие несколько дальше, еще заправлялись, но процесс, вероятно, шел к завершению. В стороне стояли экипажи, разговаривали, курили, общались.

— Командир разведывательной роты дивизии, гвардии старший лейтенант Комар, — представился Иван экипажу «восьмерки».

Обменявшись рукопожатием, мы познакомились с экипажами других вертолетов, которые готовились к вылету. Вертолетчики были веселы, энергичны. Покуривая, мы разговорились в ожидании команды. Выяснилось, что конкретной задачи никто не знает.

— Мне приказано, — пожал плечами командир вертолетчиков, — подъедет начальство, уточнит. Через пятнадцать минут мы будем готовы.

— Мы с тобой на «восьмерке», Валер, на ней командир звена, — наклонившись ко мне, уточнил Иван.

— Понял, Вань. Мне теперь, что калым, что Колыма — все едино.

Хохотнули. Какая нам разница, на чем лететь? Ситуация принимала такой оборот, что события развивались непредсказуемым и никому неведомым образом. На большой скорости к стоянке подлетел «Мерседес» черного цвета, из которого вышел человек высокого роста в форме советника и направился к нам.

— Товарищи офицеры, — на всякий случай скомандовал командир вертолетчиков.

— Здравствуйте, товарищи офицеры!

— Здравия желаем!

Товарищ в форме советника представился генералом оперативной группы Министерства обороны.

Без особых церемоний он довел, что ему поручено командованием ввести нас в оперативную обстановку и поставить задачу на действия по подавлению мятежа в Кабуле. После чего уточнил:

— В Кабуле серьезнейшая обстановка, товарищи. Мятежники окружили советское посольство, строят завалы и готовятся к штурму. Вокруг посольства баррикады с десятками и даже сотнями вооруженных людей, которые ведут бой с наземными войсками. Применить по ним тяжелое вооружение мы не можем — будут многочисленные жертвы среди мирного населения. Вертолетам также нельзя работать бортовым оружием, что, очевидно, тоже понятно. Ваша задача: автоматно-пулеметным огнем с бортов вертолетов нанести поражение мятежному

отребью на баррикадах. Патронов не жалеть, боеприпасы подвезут. Вопросы?

— Ведут ли бои с мятежниками афганские подразделения, товарищ генерал? — спросил Комар.

— Ведут, товарищи. Наши войска тоже вступили в бой. Сейчас главная задача — деблокировать посольство. На технике к нему не пробиться — мешают завалы, баррикады, теперь все зависит от вас.

— Понятно, товарищ генерал.

— Удачи вам, ребята! По местам!

— Спасибо.

Мы с Иваном подбежали к «восьмерке» командира звена. Рюкзак с боеприпасами, водой и продовольствием я швырнул за топливный бак, выкрашенный желтой краской. Пока «вертушка» «раскручивала» винты, я осмотрелся, зацепился поясом безопасности, чтобы не выпасть из вертолета. Проверил крупнокалиберный пулемет с колиматорным прицелом, пришвартованный к полу вертолета, наложил на приемник ленту, снаряженную трассирующими и бронебойно-зажигательными патронами, закрыл крышку ствольной коробки. Устроившись за пулеметом, нашел упоры для ног и, проверив устойчивость тела в положении для стрельбы, несколькими тренировочными движениями стволом по кругу, влево, вправо, вверх, вниз изготовился к стрельбе. Все равно, что-то не так. Сдвинулся влево, чтобы угол зрения увеличить вперед — в перспективу. Кажется, в порядке. Иван, открыв блистер правого борта, также приноравливался с автоматом к ведению огня с вертолета.

— Иван, как?

— В порядке, Валер!

— Ну, бля, я такого еще не испытывал!

— То ли еще будет, Вань!

Несущий винт главного редуктора с легким свистом набирал обороты, вращаясь все быстрей и быстрей. Лопасти крутившегося винта заложили уши звонко-свистящим, переходящим в хлопанье звуком. Наша пара Ми-8 катилась по «бетонке», выруливая на взлетную полосу. Далее, километрах в семи восточней аэродрома, на фоне кучевых облаков проецировалась Черная гора.

В синеватом мареве керосиновой гари я видел рулившего за нами ведомого и «крадущихся» следом «двадцать четвертых», хищно ощетинившихся навесным оборудованием неуправляемых реактивных снарядов. Развернувшись на заснеженный Пагман, приготовились к взлету: контрольный подъем, спуск, небольшой разбег и «восьмерочка», оторвавшись от «бетонки», пошла в набор высоты.

В открытой двери вертолета замелькали пестрые квадратики окраин Кабула, кучки грязных, махавших руками бачат. Сеточка городских кварталов становилась мельче — вертолет забирался все выше и выше, утопая в смоге отработанных газов, продуктов горения, охвативших утренний Кабул…

Удерживающий от выпадения с борта вертолета пояс безопасности фиксировал положение тела относительно пулемета и не позволял высунуться в дверь, чтобы остудиться воздушным потоком. «Схватывая» по курсу полета условные цели пулеметным стволом, я удерживал их в кругах колиматорного прицела, затем, переводил точку прицеливания на другой, третий объект, приспосабливаясь к наиболее удобной позиции для ведения огня.

Мы вышли к центру Кабула, куда по замощенным улочкам устремились танки, «бэтээры», толпы людей — противник или мирные люди, идущие в дуканы или базары столицы? Реагирую на перекошенное лицо борттехника с поднятой рукой — внимание!

Открывшаяся панорама множества завалов, баррикад, перегородившей улицы техники рассредоточила внимание по выбору цели. Мне даже показалось, что люди на одном из завалов нам машут руками, но эта иллюзия в оценке ситуации оказалось ошибкой, едва не погубившей нас — снизу велся прицельный огонь.

Боевым разворотом на левый борт вертолет «сваливается» на кварталы заваленного мусором города. Улица с толпами стреляющих по нам людей неслась на меня с бешеной скоростью. Совмещаю круги прицела с вооруженной толпой на ближайшей из баррикад и нажимаю спуск пулемета. Длинная очередь зеленоватых трассеров сметает мятежников первых рядов, опрокидывая их наземь. Оставшаяся шайка оцепеневших боевиков не успевает реагировать на огненный смерч и кучу окровавленных трупов — по ней из автомата «прошелся» Иван. В толпе мятежного сброда свинцовый огонь «пробил» «коридор» на ширину заваленной конструкциями и труппами улицы. Переношу огонь в глубину дворов и кварталов, отсекая вооруженных людей от трущоб и узких переулков, откуда стреляют мятежники. Веду стволом вдоль обшарпанных домов, всаживая очередь за очередью в рассеявшиеся кучки вооруженных людей. Не нравится? Экипажи «двадцать четвертых», летевшие за нами, завершают атаку шквалом огня — Чернега с Петрухой били наповал.

С глубоким креном уходим в набор высоты, вызывая перегрузку, швырнувшую тело назад. Подтянувшись к пулемету, ловлю кругами прицела остатки кое-где не успевшей схлынуть в

подъезды толпы. С высоты ста метров хорошо видна вооруженная орда, бегущая в узкие проходы между оградой, домами и арками, где их находят пули раскаленного стрельбой пулемета.

Нулевая перегрузка, выравнивая тело, плотно прижимает его к закрепленному на растяжках пулемету. С выходом на боевой курс длинной очередью опрокидываю всех, кто не успел шмыгнуть и скрыться за фасадами домов и оград немыслимых конфигураций. Из открытой двери вертолета хорошо видны вооруженные люди.

Где-то там внизу посольство Советского Союза, которое необходимо было деблокировать, но разобраться в калейдоскопе мелькавших за бортом вертолета кварталов не представлялось возможным. От быстрого полета над плоскими крышами домов рябило в глазах. «Схватываю» панораму улиц центра столицы, перекрытых десятком баррикад. Набор высоты по кругу — и перед глазами новый завал через улицу, где свыше ста вооруженных людей ведут бой с наземной группировкой войск. «Сваливаемся» в атаку и несемся вдоль заблокированной улицы. Мятежная орда не успевает схлынуть в кварталы домов — разметаю пулеметной трассой с десяток, другой человек — остальные распластались на асфальте.

Эшелон. Выбор цели. Высунул голову за борт в воздушный поток от винта, чтобы «схватить» глоточек прохлады, Иван с обезумевшими глазами втаскивает меня в салон.

— Крайний заход и на базу.

— Понял!

«Подкрадываемся» к цели. Экипаж «подработал» мне креном на левый борт, чтобы удобнее было вести огонь с вертолета — мятежники кинулись в стороны. Трассой достаю тех, кто не успевает скрыться во фрагментах завала, но что это? Пустая лента скатилась на ребристый пол вертолета — боеприпасы расстреляны полностью. Комар махнул экипажу — домой. Развернувшись над крышами домов, уходим на аэродром. Мелькнули на секунду «двадцать четвертые», работавшие чуть в стороне, но тут же потерялись из виду среди пестрых кварталов трущоб.

На посадочную полосу заходили с Пагмана, оставляя с правого борта городок, палатки, самолетную свалку. Хлопающий винт вертолета резал воздушный поток, заглушая всевозможные звуки. Коснувшись «бетонки», порулили к стоянке, где столпились в ожидании нас техперсонал и несколько человек в советнической форме. Подъехал заправщик, машина с боеприпасами.

Оглушенные шумом двигателя, стрельбой, мы с Иваном

сошли с вертолета и сели возле рулежной дорожки. Облокотившись на руку, Иван закурил, задумчиво глядя на хлопавших винтами «двадцать четвертых», становившихся рядом. Аэродромно-техническое обслуживание приступило к работе с бортами. Специалисты облепили машины, проверяя системы, вооружение, двигатель. Командир звена, сняв гермошлем, устало махнул нам рукой. Вместе с подошедшими к нам Чернегой и Слободовым мы направились к командирской «восьмерке».

— Ну, и как вам? — кивнул командир на хвостовую балку машины, которая сплошь была в пулевых отверстиях. Обошли вертолет.

— Вон еще! И вот! — показал борттехник аккуратненькие пулевые отверстия на консоли подвески.

— Ни х…я себе, — сокрушился Чернега. — Так по вам молотили?

— Сам видишь!

— Ну-ка, ну-ка!

Сашка пошел вокруг вертолета, считая на его корпусе пробоины.

— Эй, гусары, 32 штуки! Плотненько вас обработали!

— А у вас?

На «двадцать четвертых» было меньше пробоин, но по десятку дырок в хвостовую балку они получили. А если бы в главный редуктор несущего винта?

Собравшись кучкой, мы решили обсудить тактику действий при заходе в атаку. Спорных вопросов с экипажами не возникло, я только попросил командира по возможности не создавать перегрузки, которые отрывали меня от пулемета. В результате пришли к единодушному мнению — с учетом поражения стрелковым оружием с земли заходить в атаку будем с высоты сто метров, то есть неожиданным выходом на цель атакуем и уходим за крыши домов. В связи с тем, что баррикады были расположены по условной окружности, мы решили отрабатывать их, летая по кругу: отработали одну цель, затем, другую…

Техники осмотрели заправленные боекомплектом машины, и мы были готовы к следующему вылету. На взлет! Обнялись и рванули бегом к вертолетам. Теперь я устроился за пулеметом, сдвинувшись чуточку влево, чтобы видеть перспективу и иметь возможность захватывать цель заранее. Пулеметная трасса хорошо видна, по ней не сложно ориентироваться относительно цели, но мы на малой высоте «ходили» над крышами домов, городские кварталы сливались в сплошную мозаику.

Пристегнувшись поясом безопасности, я огляделся и принял удобное положение. Вертолет вырулил на полосу. Короткий

разбег с отрывом от «бетонки», и мы пошли в набор высоты. В цветном калейдоскопе замелькали кварталы Кабула, оставляя внизу бесконечные сети дувалов. Выходили на центр городских кварталов, огибая слева гряду Баги-Бала с вершиной Алиабад в 2142 метра над уровнем моря. И когда районы Кабула Дехнау и Картайи-Чахар остались позади, я взглядом наткнулся на огромную в мареве вершину в центре столицы — Шердарваза — телецентр, вещающий программы афганского телевидения на центральные провинции страны. Подлетное время до центра столицы составляло не более пятнадцати минут, и время позволяло, чтобы настроиться на работу и приготовиться к бою.

Пошли на снижение. Линия горизонта опустилась к несущимся за бортом кварталам, мелькавшим серой сплошной полосой. Прижимаясь к крышам домов, мы заходим на ближайшую баррикаду вдоль улицы. Цель! В кругах прицела завал из конструкций, столбов и стреляющие по колонне БМД мятежники. Они поздно заметили летящий над их головами огненный смерч — длинной очередью рву баррикаду вместе с толпой. В зеленой трассе огня кувыркались десятки вооруженных людей: они бежали за стены домов, дворы и, вероятно, пытались отработать по нам, но вертолет нырнул за крыши строений и выходил на линию следующей атаки.

Следом неслась пара «двадцать четвертых» с Андрейчуком и Петрухой на борту. Внезапность налета двумя парами «вертушек» была настолько очевидной, что эта тактика сыграла важную роль в разгроме опорного пункта мятежной толпы. Остальное уже было делом техники и не имело никакого значения: БМД, танки, личный состав парашютно-десантных подразделений преодолеют заграждения и прорвутся к посольству.

А мы в это время смешанным вертолетным звеном становились в очередной круг и входили в зону атаки. Летчик поднял правую руку — «цель», делая при этом левый крен на борт вертолета. Прижимаюсь к пулемету, совмещая прицел с появившейся баррикадой. Мятежники в «кругах», а значит, в аду — очередью разношу «духовскую» плоть на куски. Выражение «косить из пулемета» приобрело реальный смысл. После двух заходов уходим в сторону от огня автоматов. Вертолет маневрирует, меня валит на пол, прижимая к борту, я болтаюсь, как… но боекомплект закончился вылетевшей из приемника крайней расстрелянной лентой. Иван кивнул, показывая пустые магазины:

— На базу.

Совершив посадку, подрулили к раскаленной на солнце стоянке. Я лежал у желтого бака с «горючкой» и, кажется, был не

в состоянии двинуть ногой. Но все же каким-то образом встал и присел рядом с Иваном. Винты еще вращались, а мы с ним, вывалившись на «бетонку», шатаясь, брели к ожидающим нас разведчикам.

Пока наша офицерская штурмовая группа громила мятежников в городе, поступила команда на усиление удара с привлечением еще одного звена вертолетов. Тактика действий с воздуха оказалась верной и продуктивной, что и послужило к принятию командованием решения о выделении дополнительных средств личным составом 80-й отдельной разведывательной роты. Разведчики готовили оружие, снаряжая магазины трассирующими патронами.

— Работаем «трассерами», Сафаров! Быстрей! Быстрей!

С Иваном и Чернегой мы на ходу инструктировали разведчиков, улетавших на штурмовку противника. Обвешанные пулеметными лентами, магазинами к автоматам, они бежали на посадку к готовившимся к вылету боевым вертолетам. В небо уходили новые штурмующие группы разведчиков.

23 февраля 1980 года, в день Советской армии и Военно-морского флота, разведчики 80-й отдельной разведывательной роты дивизии сделали по 3–4 вылета на подавление мятежной своры в Кабуле. Результат был очевидным и не менее убедительным — к вечеру советское посольство деблокировали подразделения 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, действовавшие в городе на боевой технике.

На следующий день разведчики с воздуха не работали: обстановка изменилась в лучшую сторону. Противник мелкими группами еще кое-где оказывал сопротивление, но совместными действиями парашютно-десантных подразделений и частей афганской армии, преданных правительству, мятежники были уничтожены и рассеяны. Дальше работал Царандой (милиция) и ХАД (служба безопасности) Афганистана. Наша задача по подавлению мятежа в Кабуле успешно закончилась без потерь.

А далее нам вменили дополнительную задачу по охране и обороне телевизионного центра в Кабуле, расположенного на горе Шердарваза с вершиной в 2232 метра над уровнем моря. Приказом командира разведывательной роты гвардии старшего лейтенанта Комара была сформирована сборная группа разведчиков, которая под командованием старшего лейтенанта Родина убыла для охраны телецентра. Вместе с Анатолием Артемовичем на телецентр убыл летчик-истребитель, авианаводчик Юра, выросший у нас в специалиста по дегустации спирта. Таким образом, командование соединения поручило разведчикам дивизии новую ответственную задачу. Разведка

противника в зоне ответственности соединения, охрана резиденции Маршала Советского Союза С. Л. Соколова и литерной стоянки правительственных самолетов оставалась в силе.

К концу февраля 1980 года динамика событий в Афганистане перешла в резкую фазу обострения обстановки. Силы афганского сопротивления активизировались по всем направлениям: мятеж в Кабуле, выступления оппозиции в провинциях, переход частей афганской армии на сторону мятежников накалили ситуацию до критической. Вооруженная оппозиция, выступив с серьезной заявкой на кардинальное изменение ситуации и расстановку сил в свою пользу, пыталась «отсечь» ограниченный контингент советских войск от дальнейшего участия в афганских делах. Но только на первых порах! В дальнейшем оппозиционные Бабраку Кармалю силы поняли важный момент, в котором ими советским войскам в Афганистане отводилась главная роль в решении многих вопросов, интересующих противников нового правительства.

Серьезное беспокойство у Кармаля вызывала обстановка, сложившаяся в восточной провинции страны — Кунаре, откуда все чаще поступали сообщения об изменах частей регулярной армии. Последняя информация о переходе к мятежникам 30-го полка 9-й горно-пехотной дивизии специального назначения под командованием майора Рауфа, расположенного под Асмаром, разгневала руководство Афганистана.

Горные «рейнджеры» изменили правительству Амина еще 20 августа 1979 года — до ввода советских войск в Афганистан, но им удивительным образом удавалось не раскрыть своих истинных намерений ни перед Амином, ни перед сменившим его Бабраком Кармалем. Командование мятежного полка, оценивая обстановку, активных действий не предпринимало, накапливало силы и средства.

Командир полка майор Рауф, его начальник штаба имели высшее военное образование, окончив в Москве академию имени М. В. Фрунзе. Тактику действий частей и подразделений сухопутных войск Советской Армии они знали прекрасно. Полк под их командованием был оснащен техникой и вооружением по штатному расписанию, экипирован и готов для действий в горных условиях.

На первом этапе командир мятежного полка явно не выступил против правительства Кармаля, хитрил, создавая иллюзию борьбы с вооруженной оппозицией. Реально же дело обстояло так: ряд родственников майора Рауфа были полевыми командирами душманских формирований, которые он,

прикормив, объединил под своим командованием. Вместе с тем, Рауф слал регулярные донесения в штаб своей дивизии о, якобы, успешно проводимых им боевых операциях против врагов революции. Он требовал у своего командования дополнительное вооружение, боеприпасы, продовольствие и снаряжение. Заявки Рауфа удовлетворялись, что позволило мятежному полку обеспечить себя всем необходимым довольствием.

Не подозревая о предательстве Рауфа, в расположение мятежного полка однажды прибыл начальник политотдела 9-й горно-пехотной дивизии, чтобы отблагодарить личный состав за его службу новому правительству. Вертолет с начальником политотдела, совершив посадку на мост недалеко от штаба полка, был тут же захвачен мятежниками. Горные стрелки, рейнджеры афганской армии прибывшему начальству вместе с экипажем вертолета отрезали головы и повесили за ноги на ветках деревьев. Экипаж второго вертолета, прибывшего к мятежникам с грузом, постигла такая же участь.

Командование мятежного полка сделало очередной запрос на следующий вертолет и пригласило в гости командира дивизии. Подлетев к расположению мятежного полка, пилот комдива обратил внимание, что на площадке приземления никто не встречает начальство, как это принято. На втором круге над крепостью — штабом полка он не увидел государственного флага республики. Почувствовав неладное, он возвратился на базу.

В то же самое время один из сержантов мятежного полка убежал в Пакистан, но через несколько дней возвратившись в Афганистан, доложил об измене в Министерство обороны. Рауф официально поднимает мятеж, объявив об этом личному составу, и уводит полк в Пакистан, где проводит переформирование и возвращает его обратно в Афганистан на позиции в районе населенного пункта Барикот, в 3 километрах от пакистанской границы. Полком командует начальник штаба (Рауф остался в Пакистане).

В сложившейся обстановке правительство Афганистана приняло решение об уничтожении мятежного полка и недопущении его выступления на стороне оппозиции, что служило плохим примером для других частей афганской армии. Бабрак Кармаль настоял перед руководством оперативной группы Министерства обороны СССР о проведении боевой операции против мятежников силами советского воинского контингента. Руководитель оперативной группы Министерства обороны СССР Маршал Советского Союза С. Л. Соколов принял личное участие в разработке плана операции и проведении боевых действий в провинции Кунар. О ней я подробно написал в книге «Афганский

разлом. Истоки мирового терроризма».

В ходе этой операции мне было приказано командовать группой охраны Маршала Советского Союза С. Л. Соколова и сопровождать его в район боевых действий. Моя разведгруппа прилетела в Джелалабад вместе с маршалом Советского Союза Соколовым на Ан-26 капитана Жихарева. Прикрыв собой Маршала, мы вышли к кромке аэродрома, где разгружалась колонна запыленных «бэтээров», на которых лежали завернутые в окровавленные плащ-палатки тела погибших десантников. Людей не хватало. Маршал Советского Союза Соколов приказал мне с группой сопровождения снять с брони растерзанные тела бойцов и выложить их на «бетонку». Мы выложили в ряд 35 тел погибших: раздетых, в пыли и грязи. Многие солдаты были со вспоротыми животами, обезображенными лицами. Пять тел были разрублены на куски. Человек пятнадцать раненых солдат в окровавленных бинтах и полной психологической прострации, поддерживая друг друга, стояли рядом с погибшими товарищами. Ближе ко мне стоял раненый в голову и руку солдат. Я подошел к нему и спросил:

— Как же это случилось?

Раненый боец не сразу понял, что от него хочет офицер в спецназовской «песочке». Переварив вопрос, прошептал сухими губами:

— Стреляли со всех сторон, нас ожидали… Это почти все «дембеля», — показал он на убитых.

Больше я от солдата ничего не добился. Протянул ему фляжку с водой, а поняв, что раненый не может пить самостоятельно, поднес ее к его обветренным губам.

В это самое время Маршал Советского Союза Соколов смотрел на страшную правду войны, ставшей итогом утвержденной им операции. Военачальник находился в психологическом ступоре. Я говорю это точно! С расстояния полутора метров я видел окаменелое лицо старенького, в зеленой форме, небольшого роста человека, заявившего нам недавно на собрании партийного актива о дальнейшем нашем участии в выполнении интернационального долга. Маршал испытывал не меньший шок, чем все мы, стоявшие рядом.

Еще около часа мы стояли в ожидании самолета из Ташкента. Ближе к полудню совершил посадку Ан-26 белого цвета и без опознавательных знаков. В течение получаса, завернув в палатки тела погибших, мы загрузили их в самолет. Следом посадили раненых. Борт, взлетев, взял курс на Ташкент. Мне на всю жизнь запомнился белый самолет — «белый тюльпан», который увез погибших на афганской войне. Остальных увозили на «Черном

тюльпане». Не думаю, что первым повезло больше…

Глава 13

После морозной и снежной зимы, сезона проливных и холодных дождей весна 1980 года в Афганистане принесла много солнца, пыли и мух. Замиравший в мареве Кабульского смога раскаленный воздух насыщался белой цементирующей пылью, ставшей бичом для личного состава ограниченного контингента советских войск. Проклятой пылью забивались личные вещи, ею переносились вирусы заразных заболеваний, валивших интернационалистов в палаточные медсанбаты. Энтероколит, гепатит, паратиф, лихорадки укладывали в койки сотни солдат и офицеров 40-й армии.

Зарождавшийся воздушными массами «афганец» — ветер с заснеженных гор закручивал в турбулентных потоках воронки, атаковавшие базовый лагерь 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. «Хоттабыч», как мы его называли, несся с бешеной скоростью, срывая крепления палаток, забивая глаза и уши пылью афганских дорог. Обожженная солнцем кожа лица покрывалась коростой, вызывавшей сильную боль при бритье «Невой» и улучшенным «Спутником». Попадая в порезы и трещины кистей рук, инфекция зачастую проявляла себя сплошными кровоточащими ранами.

Гепатит расцветал скрытым инкубационным периодом в течение 45 суток, когда появлялись первые клинические признаки заболевания. Офицерским составом 80-й отдельной разведывательной роты принимались строгие меры по соблюдению солдатами и сержантами правил личной гигиены, приема пищи. Питьевая вода в бочках и емкостях различных объемов насыщалась хлорным раствором до белесого цвета, умывальники, мыло стали для разведчиков нормой жизни, а фляжки с водой — атрибутом формы одежды.

После очередного приема пищи ложки, котелки и поддоны для них замачивались в специальных баках с хлорным раствором, но гепатит, не отступая, «косил» людей. Старшина Андрейчук организовал сбор верблюжьей колючки, которую повара заваривали крутым кипятком и настаивали ее для употребления вместо чая: утром, в обед и вечером. Настой из верблюжьей колючки укреплял желудочно-кишечного тракт, работа которого зачастую расстраивалась, угрожая боевой готовности разведывательной роты. Отсюда у солдат появилось пикантное выражение — «сесть на струю», что не вызывало улыбки разведчиков, вынужденных переносить болезнь на ногах с температурой и общей слабостью организма.

С началом весны 1980 года в войсках армии возникла проблема массовых инфекционных заболеваний, лихорадок. Медицинская служба 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии под руководством подполковника Хамаганова организовала поточный метод прививки от гепатита, паратифа и других не менее опасных инфекций. Военная медицина дивизии и армии в целом принимала всевозможные меры предупреждения болезней южных регионов. Обострение инфекционных заболеваний приходилось на весну и лето — самый благоприятный период их появления и распространения среди личного состава, жившего в условиях пыльных палаток.

Заболел гепатитом Саша Перепечин, командир первого взвода разведчиков, и ближайшим бортом убыл на лечение в Ташкент. Несколько солдат специальных взводов нашей роты были также госпитализированы и отправлены в Союз для борьбы с болезнью, в том числе и рядовой Владимир Климов, который после излечения в госпитале, совершив солдатский подвиг разведчика, вернулся в дивизионную разведку через государственную границу СССР самым невероятным способом. Позднее ташкентский госпиталь уже не справлялся с наплывом инфекционных больных, их будут направлять на лечение в другие округа Советского Союза, а в районе Кабульского аэропорта откроется инфекционное отделение армейского госпиталя.

Тем не менее, пауза, возникшая в боевых действиях после Кунарской операции, не вводила нас в заблуждение. Мы прекрасно понимали, что итоги операции анализировались, делались выводы, они включались в разработки новых планов предстоящих боевых операций. Разведчики, исследуя зону ответственности соединения на полную ее глубину, приходили к выводам, которые отнюдь не радовали командование дивизии и штаб 40-й армии. Наша работа была незаметной для парашютно-десантных подразделений, она проходила, как правило, в темное время суток, о ней в войсках знали не очень много, но каждую ночь в поиск и засады уходили разведывательные группы соединения. Порой нам казалось, что ночь поменялась с днем.

Гораздо хуже было с повседневной жизнью разведчиков, возвращавшихся с заданий под утро. Мы завтракали и ложились отдыхать в раскаленных солнцем палатках, кишевших синими мухами, которые кусали через простыни потные, уставшие за ночь тела солдат и офицеров. Это вам не черные мушки средней полосы России — афганские, кусавшие больнее, чем слепни сибирской тайги. От них не скроешься в полуденной жаре пыльных палаток и духоте наспех собранных модулей. Мы ополаскивали простыни водой и накрывались ими, чтобы как-то

забыться и уснуть до наступления полуденной жары. Но минут через 30–40 простынь становилась сухой, и процесс ее полоскания в холодной воде повторялся снова.

Остальные же подразделения дивизии только приступали к служебной деятельности в огромном механизме войны, создавая невыносимый шум перемещаемой по лагерю техники, команд, нормального русского мата. Находившийся рядом столичный аэродром также не способствовал сну и отдыху разведчиков ревом реактивных турбин, принимая и отправляя в кабульское небо боевую и гражданскую авиацию.

Включавшие на взлете форсаж, звуком соответствующий залпу гаубичной батареи, истребители МиГ-21Р улетали на разведывательные задания в зоны боевых операций. Следом совершали посадку военно-транспортные борта Ан-12, Ан-22 «Антеи», Ил-76, привозившие в Афганистан из «учебок» необстрелянных бойцов с грузом боеприпасов, авиационных бомб и коробками армейского имущества, продовольствия.

Потом «раскручивались» «вертушки». Хищно растопырив навесное оборудование «нурсов» и авиационных пушек, они улетали в ущелья Гиндукуша «отработать» по духам, долбившим колонны КАМАЗов при подходе к Салангу и после него под Джабаль-Уссараджем и в Чарикарской «зеленке». Сна и отдыха разведчикам выделялось немного, а с наступлением ночи мы опять уходили на задания в горы и кишлаки, отслеживая процессы в душманской среде.

Но сегодня был особенный день — 8 марта — праздник женщин, который мы решили отметить своим армейским коллективом, «как положено»: вечером баня, «фуршет» с экипажем только что прилетевшего из Ташкента «05» борта. Будем говорить тосты, приятные слова, на которые были горазды ребята соседней авиабазы, и кушать фрукты, которые они привозили к нашим совместным застольям. Мне же не повезло с мероприятием, связанным с 8 марта, я его вынужден был пропустить в силу полученного от начальника разведки дивизии задания по ведению разведки самой северной границы зоны ответственности соединения. Сегодня в ночь я увожу группу за перевал Паймунар, чтобы впервые приблизиться к глиняным дувалам кишлачка Дехъийхья, раскинувшего виноградные плантации на изрезанной вдоль и поперек арыками степи Альгой. Там возникали интересные варианты взаимодействия душманских отрядов, концентрирующих силы и средства в горном массиве хребта Хингиль, к которому подходит кряж Нарайгашай с отдельными вершинами Ходжачишт, Хуласахтгар, Манджнунгар, Джойбаргар и Карадушман высотой в 2000 метров.

Цепочка небольших кишлачков подлежала тщательному исследованию силами дивизионной разведки, чтобы командование соединения, планируя боевые операции вдоль магистральной трасы Кабул — Баграм — Чарикар, располагало информацией о местах возможного скопления душманских отрядов в непосредственной близости от столицы Афганистана.

После февральского мятежа в Кабуле обстановка в нашей зоне носила относительно спокойный характер, но это совсем не означало, что «духи» залегли в своих пещерах и ничего не предпринимали. Под Кандагаром, Лашкаргахом и Джелалабадом шли кровопролитные бои, в которых наши войска несли большие потери. Ситуацию в целом надо было менять в сторону укрепления позиций нового правительства и ограниченного контингента советских войск, вынужденного включиться в вооруженную борьбу с афганской оппозицией. Офицерский состав 80-й отдельной разведывательной роты ощущал накал событий по интенсивной работе штаба дивизии и понимал, что разведчикам вот-вот «нарежут» задачи и мы пойдем воевать по полной программе.

Утро 8 Марта 1980 года было жарким и пыльным, с тучами адаптировавшихся к «шурави» подлючих афганских мух. Коля Андрейчук, приспособив несколько досок к прямым солнечным лучам, загорал. Медно-красного цвета лицо старшины приобрело некую схожесть с индейскими героями фильмов Гойко Митича. Присев рядом от нечего делать, я решил уточнить у него новости в родном подразделении.

— Чем занят, старшинка?

— Ай, Валер, кости грею, — отмахнувшись от злючих мух, ответил Николай.

— Как женщин-то поздравим? Прикинул?

— А что прикидывать? Команду дал — попаримся, стол накроем, посидим, поговорим.

— Ясно. Письма были?

— Почтальона отправил в дивизию, скоро вернется. Борт из Ташкента пришел.

Я слышал около получаса назад заунывный тон двигателей рулившего к литерной стоянке «05» борта.

— Ну да, подождем. Пока суть да дело — схожу на своих посмотрю.

— Давай! Ты же уходишь в ночь, твоих помою завтра.

— Хорошо, Николай.

По линии палаток мимо грибка дневального я пошел к расположению своих «разгильдяев», как любовно я называл своих разведчиков.

— Товарищ гвардии лейтенант, происшествий не случилось, — доложил, вскочивший с кровати Сафаров.

Я показал кулак заместителю, чтобы не расслаблялся в отсутствие командира и не сидел на кровати.

— Чем занимаетесь?

— Еще личное время, товарищ лейтенант, пишем письма, приводим в порядок одежду.

— Баня завтра, Сафаров, с заменой белья. Проверь ноги солдат, если надо — обруби ногти, сегодня по деревьям лазать не будем.

— Есть, товарищ лейтенант, — усмехнулся Сафаров.

— Где «таблетка»?

— Еще в медсанбате.

— Распорядись проверить склеры глаз, цвет мочи! У всех обязательно!

— Сделаем, товарищ лейтенант. У соседей гепатит, человек пять больных уже выявили.

— Все. Отдых. Сергей в 20.00 доклад о готовности к выходу.

— Понял. Разойдись. Чернега, ты где?

— Здесь, — Сашка бежал от траншеи.

— Гоняет?

— Третьи сутки.

— Я тоже на «струе».

— В срочном порядке проведем закрепление слабостей.

Хохотнув от предвкушения, двинули на литерную стоянку к недавно совершившему посадку Ан-26. По открытой рампе на раскаленную бетонку сбежал улыбающийся Леха.

— Привет, десантура!

— Привет, «сталинский сокол»!

С подошедшими к нам Злобиным и Жихаревым мы обнялись, похлопывая друг друга по спинам.

— Как там любимая Родина? Помнит ли своих сыновей?

— А как же! — Леха поднял баулы с чем-то существенным и очень весомым. Засмеялись, с пониманием оценивая подарок с далекой Родины.

— Как Ташкент — звезда Востока?

— Но-о-рмально, Валера.

— Тогда «по единой»? — подхватил Чернега.

— Понял. Товарищ командир, есть предложение: «по единой».

— Не возражаю сегодня, — улыбнулся Жихарев.

Леха метнулся на борт, принес стаканчики, канистру с ощутимо булькающим содержимым. Коля-штурман, порезав сало, по глоточку налил в комплект стаканчиков, приготовленный экипажем для неформальных, но очень трогательных встреч.

— За женщин, — вставая с бортовой скамейки, произнес командир.

— За них, — подхватили друзья.

Спирт дернул по горлу, разливаясь приятной истомой по телу. Действовал сразу, пьянил: тяжели веки, голова — лучше его не перепивать в застольях, иначе страшная головная боль поутру сведет в могилу. Проверено! Месяц тому назад пролетом у нас в расположении гостил экипаж Ан-12, вынужденный заночевать в Кабуле по непогоде Ташкента. Вечером, как повелось, застолье. После третьего тоста зашел разговор — нетрезвый, конечно — кто больше выпьет спирта. Свои кандидатуры на конкурс выставили представители военно-транспортной авиации, истребительной (авианаводчик Юра) и ВДВ. Представлять ВДВ доверили мне. Как «рубанулся» — не помню. Только утром узнал, что в соревновании мне было присвоено почетное второе место после, конечно же, истребительной авиации. Но я был близок к смерти, причем в самом прямом смысле этого слова. Такой головной боли и последствий я до сих пор не испытывал. Страшно вспомнить.

— Ну, что, господа соколы, кидайте якорь и — к нам. Пойду, проверю баньку. Сань, не увлекайся, — ткнул я в бок веселого Чернегу.

— Обижаешь, брат, — усмехнулся коллега.

Спустившись в предбанник, я посмотрел порядок, наведенный одним из дневальных: веники, замоченные горячей водой, лежали в тазике, мыло, мочалки, простыни — все было на месте. Плеснул на раскаленные камни немного воды — пыхнуло паром. Неплохо, думаю, хватит всем, тем более по-настоящему парятся всего несколько человек, остальным же нравится процесс банного действа: полежать на пару.

Офицерский состав роты, собравшись в палатке, производил рабочий шум: накрывали стол, суетились, убирали одежду под кровати, чтобы внешний фон расположения соответствовал праздничному настроению.

— Иван Геннадьевич, «05» с Чернегой встретили, баня готова, можно давать команду принести чай и что-нибудь прохладительного, — доложил я командиру.

Братва зашевелилась, восторженно приветствуя мое появление.

— Как экипаж? — спросил Иван, подходя к телефону.

— В порядке, закроют самолет, скоро будут.

Кивнув мне, он взял трубку ТА-57 и стал что-то обсуждать с начальником разведки.

— Товарищ майор, у меня нет офицеров, все работают по своим направлениям. Да. Да. Так точно. Тютвина дать не могу, он

обеспечивает связь с группами и телецентром. Пусть дивизия ищет в полках. Хорошо. Понял, товарищ майор, — закончил Иван разговор с начальником, видимо, работавшим над новой вводной для разведки соединения.

— Озверели в штабе дивизии — выделяй им офицера на патрулирование Кабула. Все и так с ног валятся, — раздраженно произнес Иван Геннадьевич.

— А мысль неплохая — походить по «рядам», — заметил вдруг Андрейчук.

— Старшина, заканчиваем дебаты. Готовность в баню через 10 минут.

Нетерпенье командира было понятным: посидеть, отойти от забот, звонков, задач и совещаний… Просто расслабиться. Задергали разведку, черт побери. Ко мне подошел бортмеханик АН-26 борта маршала Советского Союза С. Л. Соколова Леонид Злобин.

— Знаешь, Валера, слышал, что ты уходишь в кишлак. Да?

— Ухожу. Как будто не знаешь, где я бываю ночами, когда ты, подлец, без своего друга хлещешь спиртягу.

Леха, начисто игнорируя армейские шутки, продолжая думать о чем-то своем — земном и очень важном.

— Знаю, поэтому и спрашиваю.

— Ну, и…

Леха присел, снимая ботинки. В парилке царил отборнейший мат с веселым смехом мужиков. Кажется, ребята привезли новый анекдот из Ташкента и рассказали его Коле с Иваном.

— Возьми с собой, Валер.

Взглянув с недоумением на Леху, я произнес нечленораздельно:

— Ну, ты, бля, даешь!

— Я давно хотел спросить об этом…

— Ты с Жихаревым говорил?

— Нет.

— Мне кажется, Леша, тебе надо с ним поговорить.

— Я с ним решу, Валер.

— Пойми такую вещь, дружище, мне не жалко взять тебя с собой за перевал, чтобы ты проверил свое очко на эластичность, но обстановка сейчас такая, что мы можем не вернуться. Наибн… т и пишите письма. Понимаешь?

— Понимаю, Валер! Но возьми с собой.

— Черт бы тебя взял, Леха! Давай так: иди, парься, вечером разберемся. Добро?

— Хорошо. Но ты не возражаешь?

— Я-то — нет, но есть порядок, определяемый командиром.

Разберемся.

После всех в парную забежал и я, чтобы лихо отработать серию веничком и выскочить наружу. В предбаннике уже разливали по «единой». Экипаж, завернувшись простынями, приходил в себя.

— У всех? — Сашка внимательно осмотрел посуду.

— Сань, в порядке.

— Командиру слово! — Жихарев жестом пригласил Ивана на первый тост.

Комар встал, оглядев присутствующих рядом офицеров, не торопясь, произнес очень важные для всех слова:

— Друзья, за многие тысячи километров мы помним наших женщин, которые ждут мужей, растят и воспитывают детей. У них такая работа — ждать. Наверное, непросто. 8 Марта — день и настоящих мужчин, которые чествуют любимых жен, невест, говорят им хорошие, добрые слова. Поднимем за них наши фронтовые сто граммов. Пусть им будет легко, тепло и весело, и дай Бог, всех нас встретят живыми и здоровыми на белорусской земле.

— Ура! — подхватили мы тост командира разведчиков.

Выпили за жен, невест и всех женщин планеты Земля. Через минуту выяснилось, что все женаты, за исключением Славки, имеют детей. У «правака» все впереди, у него не болит голова о семье, детях, и это здорово! На войне трудно быть женатым, очень трудно. Появляется свободная минута — мысли только о семье и детях: как они там? Все ли хорошо? Не болеют ли?

— Кто еще желает в парилку? — уточнил Андрейчук.

— Спасибо, хватит, Николай, — загалдел экипаж, — в следующий раз!

— Хорошо! Есть предложение к присутствующим: в палатке накрыто, перейдемте на базу, где есть развернуться бойцам. Принимается?

— Добро.

— Кто моется сегодня, старшина?

— Взвод Чернеги, Иван Геннадьевич, и остаток наряда. Марченко помоет своих завтра, когда вернется с задания.

— Хорошо, давай команду.

Расслабленные паром, мы вышли наружу. Леонид был тут как тут.

— Валер, заметано?

— К Жихареву, Леха, к Жихареву! Решай с Александром, я на секунду к своим.

— Бегу.

Взвод отдыхал перед выходом на очередное боевое задание.

Люди спали. Ладно, тревожить не буду. Дежурному по роте напомнил, чтобы моих поднял в 18.00.

Расположившись в офицерской палатке, мы повели общий разговор, так — обо всем и ни о чем. У Лехи я взглядом спросил: ну? Он отрицательно качнул головой — нет, еще не говорил. Пальцем стучу по запястью левой руки: мол, время, пора. Чернега не дремал за столом: в кружках было налито и слово представилось Александру Жихареву. С неповторимым обаянием Саша обратился с поздравлением в адрес женщин, за что мы все с удовольствием выпили. Не успев закусить, как следует спирт, в карьер сорвался Леха:

— Товарищ командир, разрешите с разведчиками на задание?

Жихарев поперхнулся.

— Ты о чем? — командир экипажа смотрел на Лёху, затем повернулся ко мне. — Сговорились?

— Я не возражаю, Сань, если отпустишь Леонида со мной. Как, Иван Геннадьевич, обкатаем нашего друга?

Иван пожал плечами, мол, зачем искать приключения, если все мы так хорошо сидим.

— Не знаю, зачем это нужно Лехе, пусть командир решает.

На Леху жалко было смотреть. Экипаж знал о его целеустремленной натуре, да и мне это открылось недавно. В палатке наступила тишина, сравниваемая с моментом истины. Отпустят в разведку? Не отпустят?

— То-то я смотрю — Леха не в себе, а он, видишь ли, мысль вынашивал — в разведку!

— Это вопрос чести офицера ВВС, товарищ командир.

— Хм, надо обсудить. Наливай, Сань, чего сидишь?

Нам уже ясно: Жихарев для порядка помурыжит Злобина и разрешит ему выход на поиск в «духовский» тыл.

— Ладно, Лень, не возражаю.

Пожав командиру руку, Леха обнял меня — грудь ходуном, взволнован, а Чернега в своем амплуа — прозрачную, как родниковая вода, жидкость разливал по кружкам.

— Лень, — тронул я плечо разведчика Военно-воздушных сил, — третий и все.

— Понял, командир.

Леха был вне себя от радости. Но пора! Встаем. Пауза. Тишина. Третий! Посидели, покушали.

— Я собираюсь, Иван Геннадьевич.

— Давай, Валер. По готовности доложи.

— Понял.

Не мешая сидящим за столом офицерам, я тихонечко вышел к стоявшей в уголке кровати и дал Леониду сигнал.

— Вот тебе курточка, Леш, прикинь. Автомат Чернеги. Пристрелян. В «лифчике» шесть магазинов, один примкнешь. Фляжку наполни водой. Собирайся, я на пару минут к своим.

— Понял, Валер, я мигом, — засуетился от волнения Лёха.

— Не торопись, минут двадцать еще есть.

Вышел к взводу. Увидев, что Сафаров собрался докладывать, остановил его жестом — продолжай готовить людей. Сегодня со мной пойдет Куранов, заместитель Чернеги — здоровый тренированный парень, заодно посмотрю подготовку. Пожалуй, поставлю его в тыловое прикрытие к Баравкову. Признаться, не люблю брать с собою «чужих», но двое моих разведчиков приболели, и Комар в усиление группы выделил Куранова.

— Гена, подойди.

Баравков подбежал.

— Ты Куранова хорошо знаешь?

— Н-н-нормально, товарищ лейтенант, — немного заикаясь, доложил сержант.

— Сегодня прочешем долину до Дехъийхья в направлении Шаникала. Там еще не бывали. Далековато. Понял?

— Понял.

— С Курановым обеспечите тыл. Ты старший, пригляди за ним.

— Понял, товарищ лейтенант.

Застолье шло полным ходом. Женский день праздновали на достойном уровне. В Афганистане — впервые, но, наверное, не хуже по настроению, чем в Витебске, потому что женский дух витал везде и во всем. Праздник продолжался, ну, а нам с Леонидом скоро в опасный и сложный путь.

— Готов, Лёш?

Друг был в боевом облачении: небольшого роста, решительный, упорная сосредоточенность во взгляде — не самые плохие качества для сегодняшней ночи.

— Дай автомат.

Взял АКС, проверил.

— Леш, запомни правило: патрон в патронник не досылать.

Полное недоумение моего друга.

— Не знаешь почему?

— Не-а.

— В группе следовать будешь за мной, а мне очень не хочется, чтобы ты из автомата наковырял дырок в моем затылке.

Леха натянуто улыбнулся.

— Если серьезно, Лёш, слушай внимательно: твоя задача — быть рядом со мной и больше ничего не делать. Поверь, это тоже много и не очень просто — быть рядом и наблюдать. Для этого

патрон в патронник досылать не обязательно, кому надо это сделать — сделают и будут работать в соответствии с заданием. У каждого в группе свои обязанности, у тебя — наблюдать.

— А, если…

— Без всяких «если», Леш. Думаю, 8 Марта обойдемся без стрельбы и экзотических кульбитов. Смотри, как хорошо сидят ребята. Чертовски не хочется уходить, а вот ничего не поделаешь: вернемся — продолжим.

— У меня с собой «заначка», Валер, отметим, как положено!

— Ну, ты — гусар! Хвалю!

— Понимаю ответственность момента.

— Ничуть не сомневаюсь.

— Идем.

Сафаров, построив группу в одну шеренгу, проверял готовность разведчиков к выходу, оружие.

— Как настроение, народ?

— Нормальное, товарищ лейтенант.

— Отлично. Все здоровы?

— Жалоб не было, — уточнил Сафаров.

— Хорошо. Мам и барышень поздравили?

— Так точно!

— Время не будем терять. Задача: выдвинуться в район виноградников Дехъийхья с целью поиска и ведения разведки. Есть основание считать, что «духи» не оставили попыток установить свое влияние в Кабуле — это фиксирует воздушная разведка. Мы отслеживаем противника до предгорий Хингиль, где сосредоточены его основные базы. Но между Хингилем и боевым охранением дивизии происходит движение противника с целью его просачивания в Кабул для совершения диверсионных актов. От своего влияния на столицу Афганистана «духи» не отказались. Сегодня выйдем в поиск к самой северной границе зоны ответственности дивизии, где еще не ступала нога разведчика ВДВ. Действуем по обстановке, меняя направление движения на маршруте, где местность изобилует мощной ирригационной системой арыков и каналов, подводящих воду к виноградным полям. То есть местность, несмотря на равнинный ландшафт, полузакрыта и вызывает опасение в скрытом выходе противника к группе. В целом обстановка понятна?

— Так точно, товарищ лейтенант!

— По задаче вопросы есть?

— Никак нет!

— У кого что еще есть?

— А чеки выдадут, товарищ лейтенант? — поднял руку Архипов.

— Твой вопрос прямо-таки в «тему», Архипов. Молодец! Знаю одно: обещают к десятому марта.

Народ переглянулся от хорошей новости по денежному довольствию, которое задерживали финансисты армии. Солдатам надо было купить подшивочный материал, личные принадлежности, что-нибудь прихватить из «булдыря». Вопрос-то на самом деле серьезный, требующий ответа.

— Товарищи разведчики, сегодня с нами работает представитель ВВС старший лейтенант Злобин. Это важный элемент дружбы войск в выполнении интернационального долга. Возражений нет? — Я обвел взглядом бойцов дивизионной разведки. — Не поступило. Что ж, прошу любить и жаловать!

— Если больше нет вопросов, Ивонин с Сокуровым — дозор, быть внимательней на маршруте. Не торопитесь, но и ничего не пропустите. Баравков с Курановым — прикрытие тыла. Не посадите на хвост «духовскую» разведку. Гена, работаешь ночным прицелом.

— Понял, товарищ лейтенант.

— Нищенко — общее обеспечение.

— Понял.

— Связь?

— В порядке.

Равняйсь! Смирно! Равнение направо!

Я доложил командиру роты о готовности к движению:

Подошли с Иваном к готовой выйти на задание группе. Всматриваясь в бойцов, Комар спросил:

— Как настроение?

— В порядке, товарищ старший лейтенант.

— Хорошо. «Духи» зашевелились. Приказано выявить их намерения там, где Макар телят не пас. Командир дивизии ставит задачу поиска в районе виноградников, который нами не изучен. Расширяем радиус действий разведывательных мероприятий. Опыт у вас достаточный — будем шире раскидывать щупальца. Информация должна идти по динамике нарастания, чтобы был материал для анализа характера действий противника. Если нет вопросов — вперед, Валерий Григорьевич.

— Есть.

Иван повернулся к Леониду и попросил его в самое ухо:

— Будь рядом с Валеркой, Леш, и не отставай от него. Я очень убедительно прошу об этом.

— Что я — маленький, Вань? Понимаю.

— Ладно, к черту.

Плюнули три раза через левое плечо. Сегодня выдвигаемся в пешем порядке через линию боевого охранения Юры Солдатова.

Глава 14

К боевому охранению капитана Солдатова я вывел группу от склада ГСМ, обойдя его по овражку, в котором охрана объекта никогда бы нас не заметила. Обменявшись паролем с дежурной сменой заставы, мы вышли к минометной позиции, где на широкой площадке можно было присесть и собраться с мыслями перед броском в никуда.

— Десять минут перекур, Сергей, и собраться в «кучку».

Это означало, что на последнем рубеже перед противником разведчики должны были оставить здесь все плохое и хорошее и сосредоточиться только на задаче, которую предстояло выполнить в течение ночи.

— Понял, товарищ лейтенант.

Для меня как командира это стало едва ли не ритуальной обязанностью — на крайнем рубеже дать группе немного времени, чтобы настроиться. Перекур — это предлог для перестройки сознания разведчиков на работу в крайне опасном режиме. За линией боевого охранения, разделявшей нас на своих и чужих, мы становимся другими, причем в самом прямом смысле этого слова. У меня было абсолютное понимание того, что у нас в головах происходили перемены, напрочь отсекавшие второстепенные вопросы, настраивая мозг на работу в узком, целевом направлении.

— Привет, разведка, — вальяжно вышедший навстречу Солдатов улыбался доброй улыбкой хозяина.

— Здравия желаю, товарищ капитан. Не поверите, но я рад вас видеть. Обжились-обжились: отдельный анклав соединения… М-да…

— Подкалывай-подкалывай, но устроились со вкусом. Посмотри.

— Не сомневаюсь, если хлоркой тянет до самого лагеря.

— Увы, двоих отправил с гепатитом.

— Косит, зараза, к сожалению, косит, но специалисты, Юра, провели исследования и пришли к неожиданным выводам.

— Да ну?

— Как говорят, все гениальное просто, а простота заключатся в следующем — красный глаз не желтеет.

— ?..

— Да-да.

Солдатов рассмеялся.

— Понял. Сейчас понял.

А суть заключалась в том, что регулярно «принимающих на

грудь» товарищей гепатит обходил стороной. Статистика. Замечено было, что в первую очередь гепатитом заболевали спортсмены и непьющие, а те, кто в меру проводил «дезинфекцию» и «дезактивацию» печени спиртосодержащими растворами, этой болезни подвергались в меньшей степени. Если говорить серьёзно, то именно так и выглядела ситуация с гепатитом на протяжении всей афганской кампании.

— Знакомься, Юра, Леонид — ВВС в действии с разведкой ВДВ.

— По-о-нял. Но я бы не настаивал на разведке за пределами моего «гарнизона». Можно, например, у меня и остаться, предаться «храпу», партнеров по картам не хватает.

— В следующий раз устроим карточный турнир престижа войск.

— Хорошо, Валер, принимается.

— Меня берете в качестве рефери. Буду принципиален. Ладно, Юр, хочется пораньше вернуться. Мы пойдем. Как у тебя?

— Ничего особенного, скорее, тишина.

— Понятно. Сегодня заберусь дальше, посмотрю обстановку за виноградниками. Частоту радиостанций не менял?

— Нет. Частота и позывные те же.

— Хорошо. Вроде бы и все. До встречи утром, что ли?

— Успехов. Не лезь далеко, Валера, — это мой добрый совет.

— Хорошо, Юр, принял!

Попрощавшись с командиром охранения, я просигналил Сафарову — строиться. Через минуту группа стояла в готовности действовать в тылу противника. Я прошелся вдоль шеренги молодых, здоровых парней: сосредоточены, собраны, а глаза у Сокурова-«Зигфрида» все-таки светятся, и сажей их не замажешь.

— Бля, «Зигфрид», что с тобой делать?

— А что случилось, товарищ лейтенант?

— Да, ничего, Сокуров, ничего!

Стемнело. Луна все еще находилась в первой четверти, освещая местность мерцающим светом. Через хребет, маячивший перед нами темным драконовским горбом, я выведу группу по узкому проходу левее перевала, образующего тень множеством глыб и острых скал. Есть, по крайней мере, где укрыться. На обратной стороне гряды, примыкавшей к изрезанной арыками степи Альгой, выдвинусь по ложбинкам в направлении полуразрушенного кишлачка Баба-Шервали, что в километре западнее Паймунар. Прижиматься к населенным пунктам не будем — опасно, да и собак поднимем своры.

— С богом! Вперед, Ивонин.

Твердая опора под ногами располагала к движению быстрым

шагом. Ходко вышли к точке подъема, оглядевшись, начали восхождение наверх.

— Лень, не отставай.

— Угу.

— Баравков, прицел?

— Понял.

— Подтянись и чувствуй дистанцию.

— Есть, товарищ лейтенант.

Подъем в горы без снежного покрова забирал, конечно, меньше сил, но появился неприятный фактор — сыпучесть камней при движении вверх, что являлось недопустимым и демаскирующим признаком группы. Чтобы не вызвать осыпание каменного грунта, ставим ноги осторожно и взвешенно, без характерного звука в ночной тишине. Убедившись в твердой опоре под сапогами, размеренным шагом поднимаемся выше и выше. Сзади слышу напряженное дыхание Лехи. Понимаю, что тяжело ему в горах без тренировок: автомат, куча патронов. Черт возьми, проверю, не загнал ли он патрон в патронник.

— Леха, — шепчу напарнику.

— Да.

— Автомат!

Леонид протянул оружие стволом на меня.

— Не направляй ствол на людей. Понимаешь?

— Ну.

— …загну.

Отомкнув магазин автомата, отвожу затворную раму назад — патрон в патроннике.

— Оторву голову, Леха, и сделаю это раньше, чем тебе в этом помогут «духи». Понял?

— Угу, а если, действительно, «духи»?

— Леша, если «духи», разберемся, а сейчас этого делать не надо. Случайным выстрелом раскроешь группу или грохнешь кого-нибудь из нас — меня, например. Ясно?

— Теперь да.

— А раньше?

— Думал, сомневаешься, что я стрелял из автомата.

— Тьфу, е… мать. Сейчас не думай, а делай так, как я говорю, и все будет в порядке. Что непонятного?

— Все, Валера, все!

— За мной.

Отметив, что Леха передохнул, пошли дальше. Минут через тридцать оказались на верхней линии гряды. Странно. Но красиво! Мерцание четвертинки луны накрыло долину, обрамленную горами с трех сторон. По горизонту за спиной

распластались огни Кабула, не вызывая ощущения огромного города. Залегли. Отдыхая, наблюдаем за кишлаком и долиной, изрезанной сетью русел множества речушек, появившихся после дождей. «Большая медведица» с перевернутым ковшом освещала нам путь на север, где находилась Родина — Советский Союз. Сюрреализм чистой воды, идиллия…

— Товарищ лейтенант, — подполз ко мне Баравков, — что-то сверкнуло на верхней горушке справа.

— Прицел.

Прижавшись к резиновому окуляру прицела, чтобы зеленый свет от электронного преобразователя не попал на лицо, внимательно изучаю местность по линии спуска. Видимость была отличной — любое движение фиксировалось отбрасываемой от предметов тенью. Разрешающая способность ночного прицела при звездном небосводе позволяет в темное время суток видеть гораздо лучше, чем мы это видим при солнечном свете дня. В прицел я ничего особенного не разглядел, но «мурашки» по телу прошлись холодной волной. Перевел прицел на кишлак, повел им справа налево, обратно — в порядке, ничего подозрительного не отметил.

— Может, отблеск падающей звезды?

— Да нет, непохоже…

— Гена, не спускай с этого направления глаз.

— Понял, товарищ лейтенант.

Драгоценное время терять не будем, отдохнули и вперед — на север, где мы еще не бывали.

— Внимательней, Андрей, — ориентирую Ивонина на спуск в долину, — общее направление — левый угол наружного дувала кишлака. Внизу стой. Оглядимся и дальше. Мне в этом мире не все понравилось.

— Есть, понял.

— Давай.

Осторожно спускаемся вниз, чтобы не вызвать шорох осыпающихся камней, следим за обстановкой внизу и правее от нас — опасность проявляется интуитивной реакцией организма на катящиеся камни. Плохо — демаскирует.

— Леша, осторожней, — оборачиваясь, прошу друга.

— Ничего, вниз идти легче.

— Скоро поймешь, что это заблуждение, а ноги ставь стопой по диагонали плоскости спуска. Понял?

— Угу.

— Аккуратно за мной.

Выдерживая направление, спускаемся ниже к подошве хребта таким образом, чтобы не оказаться между кладбищем — справа,

хорошо видимого в ночной прицел, и развалинами кишлака — слева, опасными удобным положением для «духовской» засады. Контролирую пространство на зрительную связь с группой, отдельные фрагменты изучаю ночным прибором — нормально. Не «зацепившись» взглядом за что-то особенное, что вызвало бы у меня тревожное ощущение опасности, я вывел дозор в ближайшее русло арыка, где решил понаблюдать за оставшимися сзади кладбищем и кишлаком Паймунар. Данный элемент тактических действий в разведке я называл: «Понюхать воздух», причем в прямом смысле этого слова. Дозор, ожидая ядро разведывательной группы, занял рубеж начала выполнения основной задачи. Вскоре подтянулись и мы, расположившись в удобных местах для изучения местности. Выполнен очередной этап входа в задачу. Что у нас с ветром? Северо-восточный. Уже хорошо — собачий нюх испытывать не будем.

— Сафаров, круговое наблюдение, Баравкова ко мне, — прошептал я на ухо заместителю.

Подтянувшийся сзади Гена был встревожен:

— Из головы не выходит отблеск на горушке, товарищ лейтенант.

— Ну?

— А если нас «присекли» на хребте?

— «Присекли», говоришь, Гена? Могли. И мне что-то не нравится здешний режим, как говорил Попандопуло. Бери прицел и контролируй кишлак, ни на секунду не упускай тыл.

— Понял, товарищ лейтенант.

— Как Куранов?

— Нормально.

— Давай на место. Еще минут пятнадцать «понюхаем» и вперед!

Баравков отполз по склону арыка к Куранову. Уточнив Сафарову порядок движения группы на равнинной местности с учетом множества арыков, канав, русел с дождевой водой, я сориентировал Ивонина на вдумчивое и неторопливое движение по маршруту.

— Не торопись, Андрей, вникай и только потом вперед, посмотрел, вник — рывочек. Только так. Ясно?

— Есть, товарищ лейтенант.

— Кишлак обходим по ложбинкам и низким местам. Достигнешь северной окраины — перемещайся влево, общее направление — Ходжачишт, до него около пяти километров. Пересечешь Баграмскую ЛЭП — стой. Оценим обстановку, двинемся дальше.

— Понятно.

— Будь внимательней.

Оглянувшись назад, порадовался — Леонид, не отставая, держал в группе нужную дистанцию. Подождал, пока подойдет.

— Ты еще не убежал к «духам», Леха?

— Пока нет. Судорогой ноги тянет.

— А скулы?

— Подъ…шь?

— Нисколько. Я же говорил тебе как ноги ставить на спуске? Тяни на себя стопы ног, массируй икры. Пройдет. Я на минуту к Баравкову.

Тыловое прикрытие группы смущало меня присутствием Куранова, который был старше Гены по призыву, званию и занимаемой должности. Надо посмотреть на их слаженность в паре. Пригнувшись, несколькими бросками подтянулся к ним. Оба наблюдали за кишлаком.

— Как у вас, Гена?

— Все путем, товарищ лейтенант.

— Хорошо. Ты как, Куранов?

— Обстановка под контролем.

— Ну-ну.

Самонадеянность парня не понравилась.

— Оба — глядеть в оба. Каламбурчик понятен?

— Предельно.

— Работаем дальше.

Вернулся к Леониду. Леха что-то творил с автоматом.

— Ты чего?

— А-а, так, примерился.

— Смотри у меня!

Меня что-то тревожило: тишина, спокойствие, внешний фон без видимых признаков опасности, но что-то было не так.

— Леха, может, вернемся, а?

— Все издеваешься?

— Нисколько.

— Что-нибудь случилось?

— Да нет, не отставай от меня.

— Как можно, товарищ командир?

Юморит Ленька, приспосабливаясь к обстановке, у меня же нервы ни к черту стали. А небо! Какое небо над нами! Оно касалось горных отрогов по периметру чашеобразной долины, обрамлявших плодородные земли солидной оправой хребтов. Темные горбатые кряжи достойно держали на мощных плечах усыпанный звездами и осколком ущербной луны небосвод. Красива южная ночь на Востоке, и мы, растворившись в ней, словно скользим в потустороннем пространстве к цели своего

прибытия — виноградным плантациям кишлаков, в которых, без сомнения, «духи» вынашивали замыслы уничтожения русских гяуров.

— Все, Андрей, вперед, — тронул я локоть Ивонина.

Лирического настроения не получилось. Ночь на Востоке опасна и страшна не усыпающими сказками божественной Шехерезады или великолепными рубаятами Омара Хайяма, а непредсказуемым течением вселенского времени, в котором люди — песчинки планеты Земля.

Кишлак, оставаясь правее курса движения группы, терялся в ночи. Его, как я и планировал, мы обходили с западной, подветренной стороны, чтобы не вызвать бурной реакции афганских собак. Припахивало кисло-приторным дымком жилья и скотины. Кое-где вскрикивали ишаки, лениво лаяли собаки, не вызывая агрессии в поведении. Минут через тридцать мы должны были достичь северной окраины Паймунара, откуда до виноградников рукой подать. Раскинувшись на многие километры, они отделяли кишлаки от горных массивов, с которых подавались сигналы, фиксируемые нами несколько недель назад. Что там были базы противника, мы в этом не сомневались. После разгрома в Кабуле «духи» затаились в ожидании момента для возобновления активных действий.

Оценив звонкую тишину, я огляделся. Пару минут перевести дыхание, не повредит.

— Ксендиков.

— Я, товарищ лейтенант.

— Ивонина не теряешь?

— Нет, вижу на фоне неба.

Плохо, могут увидеть и «духи», ночь — хоть иголки считай.

— «Отпусти» его подальше.

— Понял.

Сигнал — вперед. Под ногами ощущалась твердая почва. Зимой, в сезон дождей, много сил уходило на выдвижение к объектам разведки и возвращение на базу. Сейчас другое дело: легко идти, чувствуя под ногами каменистый покров, правда, шорох камней в тишине все же был слышен в южной ночи. Обернувшись, я увидел Леху, старательно ступавшего следом за мной. Может, он и пожалел, что втянулся в разведку, но мосты, что называется, были сожжены — теперь только вперед.

… Автоматные очереди хлестанули сзади, разорвав тишину на куски. Показалось, что звездное небо рухнуло сверху. Огонь от развалин с нескольких точек сразу на мгновение выбил из колеи. Внезапность атаки была полнейшей. Шелест пуль прошелся правее, между идущим впереди Кибиткиным и направляющим

группы Ксендиковым. Неприятное «вжиг» ощутила каждая клеточка организма, бросив тело к земле.

— За мной, Леха!

Отползая, я выглянул из лощинки и увидел «духов», перемахнувших через внешний дувал. Они бежали от взорвавшегося огнем кишлака. Немедленная круговая оборона в первую минуту боя, чтобы прийти в себя и разобраться: что же произошло? Ясно было одно, что Баравков с Курановым на доли секунды первыми открыли огонь по обнаруженному противнику. По характеру выстрелов ощущаю, что для группы прикрытия тыла ситуация развивалась стремительно, внезапно, она открыла огонь — следом ответный из нескольких стволов от окраины кишлака. До него было метров триста. Всмотрелся в видимые контуры дувалов — до десятка «духов» бежали, отрезая дозор от группы. Несколькими очередями из автомата прижимаю их к земле. Скатываюсь вниз. Черт, ослеп от выхлопа пороховых газов. Слышу, что Ивонин с Сокуровым вступили в бой, стреляя одиночными выстрелами. Духов это «шкалит».

— Не отставай, Леха. Нищенко, прикрой группу, уходим на «три часа».

Пригнувшись, несусь к тыловому обеспечению — живы, контролируют кишлак.

— Т-т-товарищ лейтенант, — заикаясь, доложил Баравков, — «духов» заметил в прицел, они перемахнули дувал и залегли… Вы их из ложбинки не видели. Нам с Курановым ничего не оставалось, как сработать на упреждение.

— Понял, Гена, береги тыл. От группы не отставать.

Огонь «духов», замеченных Баравковым, усилился, они переключились на дозор, воздействуя на него шквалом автоматных очередей. Ивонин с Сокуровым оказались в плотном огневом контакте с душманами, бежавшими на них в полный рост. «Духи», вероятно, предполагали отсечь дозор от основной группы, чтобы обойти его с обеих сторон и зажать в лощине. Только не лежать! Двигаться, маневрировать, сбивать противника с толку! Десанту в Кунаре «духи» устроили подобный урок. Бой на открытой местности невыгоден, он смерти подобен.

— Леха, Есаулков, со мной! Ксендиков, Гапоненко, прикройте выход дозора!

«Духи» наседали с двух направлений, прижимая к земле огнём автоматов. Связывают боем, перехватывают инициативу, падлы, чтобы закружить, замотать, заставить делать ошибки. Нужен срочный выход из боя!

— Валер, что делать? Стрелять?

— Леш, не мешай, будь рядом. Сейчас — рывок, приготовься.

Дозор огрызался короткими очередями, не подпуская «духов» к себе. Душманы, прикидывая ситуацию, залегли под огнем автоматов Ксендикова и Гапоненко. Надолго ли? Полезут еще бешенее и отрежут нас с обоих направлений — дозора и отхода на базу. Назад уже не уйти — плотный огонь противника с возможным перехватом на обратном пути где-нибудь у разбитой мечети перевала Паймунар, и криндец! Что же делать? Решение должно быть невероятным, с резким выходом из боя в отрыв — единственный шанс на сохранение живучести группы.

— Сафаров — старший! Группу в кишлак!

Дикий взгляд заместителя сверкнул при свете луны. Сергей, стоя на коленях, онемел.

— Ё… В кишлак! — заревел я на Сафарова, показывая рукой направление. Разведчики рванули в разрыв, образовавшийся между душманскими группами…

— Нищенко, стоп! Работаем по «духам» в полмагазина. Приготовиться! «Огонь».

Пять автоматов парализовали перемещение душманской засадной группы, прижавшей Ивонина и Сокурова к земле. Надолго ли? Парням нужна была пауза для выхода из огневого контакта с «духами» и немного времени, чтобы подтянуться к нам.

— Нищенко, в кишлак. Уводи своих.

Группа «метнулась» в проход между дувалам, из-за которых нас атаковали «духи». Подползли запыхавшиеся Баравков с Курановым.

— Режим тишины, Гена. Никого не оставили?

— Все ушли.

— Хорошо, прицел.

«Ночником» «выхватил» из темноты несколько «духовских» голов. Их чалмы торчали на фоне высвечивающихся луной складок местности. Закрутившись под огнем автоматов, душманы, видимо, выпустили из виду Ивонина и Сокурова. Но где они сами, черти? Ни секунды промедления, надо уходить!

— Гена, метров тридцать вперед, посмотри дозор — прикроем. Дальше не суйся.

— Понял, товарищ лейтенант.

— Замыкайте с Курановым группу, через минуту уходим.

— Товарищ лейтенант, ползут, — шепнул Куранов.

— Тише, прикрой.

Тяжело дыша, на нас все-таки вышел дозор.

— Что у вас, Андрей?

— Прижали огнем, товарищ лейтенант, едва ушли по лощине.

— Понял. Уходим в кишлак.

— В кишлак?

— Рывком в кишлак! Ё… Вперед! Гена, с Курановым прикройте отход. Не отставай, Леха!

— Что это такое, Валер?

— Это пиз…ц, Леша, уходим!

Пригнувшись, бежим к дувалам. В сплошной наружной стенке всего лишь один проход, образующий узкую улочку, идущую вглубь кишлака, в которую шмыгнула группа Сафарова. Летели вдоль глиняных стенок, между которыми стекал сточный ручей с невероятным запахом дерьма в лабиринте дувалов. Не заблудиться бы в этом гадюшнике и выйти к восточной окраине Паймунара! Дувалы — наше спасение. Теперь «духи» могут преследовать нас только на догонном курсе, а вот тут мы еще повоюем. Ожидали, сволочи, готовя встречу, значит, перекрыли отходы на базу. Десять минут бешеного бега, пятнадцать… Окраина «духовского» кишлака! Хочется повернуть направо, где находится лагерь. Нельзя! Там, скорей всего, западня, перекрыты отходы к гряде, за которой аэродром и городок дивизии. Сафаров с разведчиками, ощетинившись автоматами, прикрыл наш выход из лабиринтов дувалов и каменных стен.

— Все на месте, Сергей?

— На месте, товарищ лейтенант.

— Хорошо. Уходим на север два километра. Скорость на пределе!

— Понял, — ответил Ивонин и с Сокуровым рванул к виноградникам Дехъийхья.

Я на ходу пересчитал разведчиков. Еще раз. Все. Отлегло. А теперь в отрыв, как мы это делали сотни раз на учениях и боевых заданиях. Вот где нужна выносливость! Короткий бой, лай собак взбудоражили кишлак. Возможно, «духи» уже разгадали лихой маневр и потянулись за нами. Срочно уходим — зажмут и не выпустят живыми, положат всех в виноградной лозе. Здесь нам никто не поможет. Вот так 8 Марта!!!

— Живой, Леха?

— Живой, — выдохнул «бортач».

— Держись в режиме, дружище. Не отставай.

Леха — спортсмен, но без опыта горной подготовки. Подъем на хребет и спуск в долину забрал немало сил у члена экипажа Александра Жихарева. Метров семьсот сумасшедшего бега за пределами кишлака подкосили и без того уставшие ноги. Сигналю «Стой» — упали, залегли. От нехватки кислорода разрывалась грудь, дыхание с хрипом рвалось наружу. Казалось, сейчас буду отхаркиваться тренированными и не знающими

никотина легкими. Стимулирую дыхание порционным выдыханием воздуха. Легчает. Полежал на спине, перекатившись на живот, вгляделся назад. Преследования не было видно. Оторвались? Сейчас главное — «сбросить» погоню и заплутать подрастерявшихся «духов». Следующий этап — выход на базу, который бы они не смогли просчитать и устроить засады на путях нашего отхода. Они знают местность, что дает им возможность легко обложить нас и уничтожить до наступления утра. Лучше их никто этого не умеет делать.

— Прицел, Гена.

Местность в тылу не вызывала подозрений. «Духов» не было видно. Хватит лежать — вперед.

— Ивонин, выводишь группу к виноградникам, поворачиваешь влево на запад и чешешь вдоль плантаций. Огибаем долину с северо-запада и выходим к нашему хребту с обратного ската Ходжабугра — там и перемахнем гряду.

— Это километров пятнадцать, товарищ лейтенант.

— Выхода нет, Андрей, «духи» отходы перекрыли классическим способом — везде засады. Ты понял, что нас ожидали у кишлачка?

— Я хотел об этом доложить.

— Вот и доложил. Бери прицел у Баравкова и вперед.

— Есть.

Три-четыре минуты отдыха восстановили дыхание, придали сил работать на выживание группы. Мы еще поборемся, бородатые!

— Радиостанцию не разбил, Есаулков?

— Никак нет, товарищ лейтенант.

Парень, выдерживая неимоверную нагрузку с радиостанцией, словно привязанный, следовал в задаче. Молодец, вписался в группу должным образом, понял свою роль в общем замысле действий.

— Гарнитуру!

Вошел на связь с Тютвиным:

— «База», я «03», прием.

Через шипение в эфире пробился голос Николая:

— «03», я «База». Приём.

— Прими: восточнее «550» 250…

Из продиктованных в эфир зашифрованных фраз корреспондент получит информацию о том, что группа попала в засаду, потерь не имеет, пробивается к базе. Открылось второе или третье дыхание — не знаю, но оставшийся позади кишлак уже менее беспокоил меня, потому что перед нами открылась виноградная плантация, вызвавшая неприятные ассоциации, и

надо было собраться на решение новых возможных проблем. Борозды с жестковатой лозой, появившиеся под ногами, расценились мной ориентиром, выводившим нас к северной оконечности зоны ответственности соединения, которую нам предстояло исследовать. Ивонин с Сокуровым сориентировались верно: попади мы в засаду снова — есть куда сунуть голову от первых пуль. А там разберемся.

Группу я повернул на Пагман, снежные шапки которого можно видеть с любой точки кабульской долины. С точки зрения внезапной встречи с противником мы были уязвимы со всех направлений и в первую очередь — от кишлака Данишманд, утопавшего в виноградной лозе и открытой горным ветрам, рождавшим «афганец», степи Колай-Ходжи. Выйти к ней мы должны были по плану задания, изменившегося внезапной засадой, устроенной противником при входе в задачу. Попав в засаду, мы вынуждены были уйти с маршрута, чтобы, оторвавшись от погони, запутать душманов в их же безобразном логове. Таким образом, мы оказались километрах в трех севернее планируемого заданием маршрута и теперь, огибая огромную долину по кругу, выходим на линию Ходжабугра с отметкой вершины 2087 метров над уровнем моря.

Противник в суматохе потерял нас из поля зрения и теперь искал группу на всех с его точки зрения возможных маршрутах — жаждал мщения. Я не сомневался, что «духи» рыскали вдоль хребта Ходжа-Раваш, полагая, что мы выйдем к лагерю коротким путем через перевал — так подсказывал действовать инстинкт самосохранения. Мы же ушли от них через кишлак, и я повел группу в обратном направлении от базы, тем самым, введя противника в заблуждение — ненадолго, конечно, но эти минуты сохранили нам жизнь.

Засадой на группу «духи» почти достигли внезапности, но — только почти. Против «духов» сыграли несколько очень важных моментов: Баравков, увидев засаду, первым открыл огонь на поражение, иначе бы нам конец — основная группа, спустившись в ложбину, противника не видела из-за ограниченного пространства. «Духи» отчасти поторопились — пропусти они нас метров тридцать вперед, внезапным огнем справа скосили бы группу в течение нескольких секунд. Мы бы уже не оправились от понесенных потерь и при любом развитии событий не смогли бы сохранить живучесть группы. Есть еще момент, сыгравший в нашу пользу — удачно выбранное расстояние до дувалов, то есть места засады. Именно оно позволило нам принять круговую оборону и в целом достойно принять неожиданный бой. Но уйти бы нам все равно не дали, ё-моё. Я в своих головоломках едва не упустил

главный момент, который должен сыграть на нашу победу! Черт побери, нервничаю, что ли?

— Лех, а Лех?

— Ну?

— Сколько до дембеля дней?

— Ну тебя.

— Ладно, не ершись! Что, ты думаешь, я делаю?

— Мастурбируешь, что ли?

— Нет, Леха! Я это делал вместе с тобой, когда влетели в засаду, а вот сейчас? Сейчас!

— Ну?

— Что, ну-ну, ё… мать?

— Так, что ты делаешь?

— Вспоминаю, Леха.

— Угу. Нам сейчас пиз…ц будет, а он вспоминает!

— Леш, теперь мы выберемся, а вспоминаю я, знаешь, что?

— Ну?

— Опять «ну»?

— Что?

— Лё-ё-ё-ш, помнишь у Жванецкого: «…но у нас было…».

— …мать… твою… забыл, Валерка!!!

— Тише, придурок, давай фляжку. Не потерял?

— Нет, со мной.

— Смотри, иначе бы отправил за ней в кишлачок!

— Ага!

— Вот тебе и «ага»! Давай!

Хватив пару глотков спирта, я, едва не закатил глаза за уши от испытанного удовольствия. Вернулась способность мыслить с улыбкой. Прислушался к себе: прокатилось. Обалдеть! Точно выберемся!

— Давай сам, — протянул я «живительную влагу» Лехе.

Глоток, еще глоток, мотнул головой — обжигает зараза. Ну, лады. Пора.

— Собираемся, Леша, не отставай, осталось-то всего — замкнуть круг к нашему хребту. Понимаешь?

— А нас не ждут?

— Ждут, Леша, еще как ждут, но пока упустили. Надо как можно быстрей подтянуться к хребту и перевалить его где-нибудь у Ходжабугра. А сейчас не расслабляться — полный вперед!

— Я только штаны подтяну.

— Давай, Леша.

Смешная фраза из очень известного фильма взбодрила, стало легче дышать — морально, конечно. Самое страшное уже позади, избежать бы случайной встречи с «духами» и выйти к своим. Но

дозор просигналил «Стой». Легли, наблюдаем на все триста шестьдесят градусов в округе. Выдвинулся к Ивонину.

— Как, Андрей?

— Пока чисто.

— Справа уже не достанут — мы отошли от хребта, а вот из кишлака еще могут, где-то рыщут там. Значит, так: направление на Ходжабугра — вершину ты видишь. Не торопись, действуй, как всегда: прошел — посмотрел в прицел, рывочек — снова посмотрел.

— Понял.

— «Зигфрид»?

— А, товарищ лейтенант.

— Не «А», а «Я». Что с твоими глазами делать? — Даже не знаю. Прищурься, что ли.

— Соломой их заткнуть, — тихо хохотнув, подал голос Ивонин.

— Не болтать. Вперед.

Обходная дуга кишлака Паймунар в моем представлении составляла километров четырнадцать. Замыкаясь на вершине Ходжабугра, она должна была вывести нас к крутому склону из каменных глыб на всем протяжении подъема наверх. Закрытая местность просматривалась не более чем на несколько метров. Дозор выходил на нее, чтобы занять оборону и наблюдать, пока группа подтянется к подножию хребта. Вдруг Есаулков падает, показывая направление опасности. Мы с Лехой уже за камнями в готовности к открытию огня.

— Что, Есаулков?

— Дозор сигналил.

— Приготовиться к бою. Леша, осторожно патрон в патронник и на предохранитель. Понял?

— Да.

— Не направляй на меня автомат, убери его в сторону.

— Угу.

Неужели «вляпались»? Но тишина. Ивонин наблюдал за кишлаком, до которого не более двух километров. На его западной окраине нас «прищучили» «духи». Мы обошли по кругу долину и вернулись к хребту, который надо перевалить в этом месте.

— Так, Андрей? — подполз я к дозорным.

— Товарищ лейтенант, «духи».

— Прицел.

Да-а-а, метрах в пятистах у подножья гряды движение людей — десятка полтора. А на перевале? Условная линия подъема обозначается на видимом фоне темного неба. Пожалуйста, «духи»

и там — обложили хребет вдоль южной окраины кишлака. Вероятно, ситуация была такова: потеряв нас из виду, «духи» организовали поиск несколькими группами. Вырисовывалась тактика действий душманов: они постоянно в движении, реагируют на малейшее изменение обстановки. Двигаются от одного рубежа к другому, наблюдают, опять перемещаются, рыщут, как стая шакалов в предвкушении легкой добычи, изучая один район, другой… Медлить опасно.

— Андрей, поднимаемся вверх, будь внимательней. Сдается мне, мы их не всех видим.

— Понял, товарищ лейтенант.

— Сокуров.

— Слушаю, товарищ лейтенант.

— Помнишь место, где взяли «душка» с ишаком?

— Примерно.

— Сейчас там «духи».

— О-о-о, — вымолвил «Зигфрид».

Белки его глаз на лице стали еще светлей.

— Вперед, ребята.

Трудным был подъем на хребет. Скальная порода не позволяла совершать восхождение по кратчайшему пути, приходилось обходить массивные породы, искать выходы к вершине наиболее удобным маршрутом. Крутые места преодолевали на четвереньках, но двигались вперед и только вперед. Через каждые двадцать-тридцать метров — минутная остановка, чтобы поправить снаряжение, перевести дыхание. Дозор, изучив очередной участок подъема, выбрал наиболее рациональный путь к линии водораздела: что там — на обратном скате гряды, с которого Кабул как на ладони? Опасность неожиданной встречи с противником вряд ли уменьшилась.

— Внимание!

Залегли, наблюдаем.

— Ксендиков, Прокопенко, усилить дозор.

Принимаю решению усилить с Леонидом на спуске Ивонина.

— Андрей, выдвигаемся парами, внимание до предела, мы за вами с ночным прицелом. Спокойненько — вперед.

Следуя за дозором, я в прицел оглядел кишлачок — ничего особенного не заметил, осмотрел верхнюю линию хребта до Ходжабугра — спокойно, душманской разведки не видно. Дозор достиг водораздела, подтягиваюсь к ним. Чтобы не «высветиться» с нижнего яруса или подошвы гряды, верхнюю линию хребта преодолели ползком — наблюдаем. Перед нами раскинулись огни восточной столицы — Кабула, но опасность еще не миновала. Спускаемся в долину, где не более чем в трех километрах

раскинулся лагерь 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, а стало быть — наша база.

Глава 15

Сердце трепетало от переполнявших меня эмоций — выкарабкались! Но все равно еще трясло от напряжения на спуске к подножью гряды. Нужно было остыть и передохнуть, чтобы встряхнуться и оценить устроенную нам западню.

— Вот и выбрались, Леха! — пихнул я в бочину сопевшего рядом друга. — Да убери ты от меня ствол! Дай-ка сюда.

Разрядив оружие Леонида, я сдвинул предохранитель в верхнее положение, чтобы уберечь боевого товарища от случайного выстрела.

— Держи. Уже не понадобится.

— Угу, не понадобится…

— Ты чего, Лень? Вышли! Не волнуйся! Теперь можно штаны подтянуть и шагать с улыбкой в лагерь!

— Все у тебя шутки.

— Какие шутки? Вон Кабул, а рядом — база!

Но распластавшийся на прохладной породе Ленька был весь поглощен переживаниями, охватившими его неугомонный темперамент.

— Что это было, Валер?

Охватив колени руками, я «отматывал» назад калейдоскоп событий, предшествующих душманской засаде. Где я «прокололся»? Где? В возникшей паузе не находилось ответов на мучившие меня вопросы, как не находилось и объяснений о засаде, ожидавшей группу на окраине кишлака. Успокаиваясь и приводя мысли в порядок, мне почему-то не верилось, что мы «засветились» от повторного появления в районе кишлаков Паймунар и Дехъийхья. Хотя почему нет? «Духи» имеют полное право рассчитывать на активные мероприятия разведки «шурави» в прилегавших к Кабулу районах. Несколько боестолкновений за последние недели красноречиво говорили об участии в них разведывательных подразделений русских, выполнявших специальные задачи в их оперативном тылу.

«Прихватившие» нас на маршруте душманы совершенно точно знали, что мы выходили в их тыловую зону именно этим маршрутом. Могли они нас вести от самого лагеря? Могли! Но маловероятно, хотя, с другой стороны, китайского разведчика мы захватили недалеко от аэродрома. Предметы, изъятые у него в схроне, явно говорили о его интересе к аэродрому и базовому лагерю дивизии. Если допустить, что «духи» отследили наше выдвижение от лагеря, то информацию о нашем выдвижении они передали боевому отряду, находившемуся в кишлаке, по

радиостанции, а затем «привязали» к нам его засадные группы. Если это действительно так и визуальная разведка «духов» «вела» нас от базового лагеря, то в качестве кого они маскируются? Тоже вопрос. Хотя, стоп! Зачем «духам» отслеживать движение русской разведки от лагеря? Опасно, открытая местность, а вот от боевого охранения и до хребта — лучше не придумать полосы наблюдения, взяв которую под наблюдение, можно контролировать деятельность заставы и все, что вокруг нее делается.

Если условно представить, что дело в связке последних событий обстоит именно таким образом, то посты наблюдения «духов» должны находиться на вершине хребта, причем с одним очень важным обстоятельством: у «духов» появились приборы ночного видения и радиостанции. Тогда «вырисовывается» следующая схема работы «духовской» разведки: с началом темного времени суток душманы занимают позиции для наблюдения. В приборы ночного видения они отслеживают ситуацию на участке боевое охранение — горный хребет, где им открывается прекрасный обзор для контроля над местностью, в ходе которого они фиксируют выдвижение разведывательной группы, а затем по радиостанции или сигналом дают информацию в кишлак. Далее их наблюдатели отслеживают движение группы до спуска в долину и по радиостанции выводят свои подвижные отряды на нас.

На перехват нашей группы работало два боевых отряда противника, атаковавших нас с двух направлений одновременно. У душманов не получилась синхронизация атаки по времени, поэтому они упустили момент, что позволило прикрытию тыла Баравкова опередить их на секунды в открытии огня на поражение. Противник не успел замкнуть «огневой мешок» охватом группы с обеих сторон — ему чуть-чуть не хватило слаженности в действиях. Огневой шквал прикрытия, сбив напористый ритм атаки, «зашкалил» душманов, они слегка подрастерялись, а когда пришли в себя — потеряли нас из виду. Вероятно, они кинулись за нами наперерез по маршруту, который сразу приходит в голову — в базовый лагерь. Мы же, обманув их ожидания, рванули в их собственный тыл — кишлак, укрывшись лабиринтами его дувалов. Теперь мне был понятен дикий взгляд Сафарова после моей команды ему на увод группы в кишлак. «Почему в кишлак?» — спрашивали его глаза, но больше было некуда — везде открытое пространство, на котором мы были уязвимой мишенью.

— Нищенко, Сафарова ко мне.

Через минуту заместитель присел возле меня.

— Ну как, Серега?

— Не могу успокоиться, товарищ лейтенант.

— Какие мысли по этому поводу? Где «засветились?»

Сафаров прилег возле меня, мысленно проигрывая ситуацию, которая всем нам едва не стоила жизни.

— Может, случайно?

— Ничего себе — случайно, охватывали с обеих сторон. Если бы, Сергей, не Гена, открывший огонь с Курановым на секунды раньше, представляешь, что могло случиться?

— Да уж… Но с кишлаком вы «закрутили», товарищ лейтенант — к «духам» в тыл… Я думал — нам будет п…дец. Только на ходу сообразил — в нем-то и укроемся.

— Поэтому именно тебе приказал выводить группу через кишлак, где ты не заблудишься, а я, черт его знает, мог и «блудануть». Кстати, уходил за тобой, ориентируясь на слух по лаю собак, поднятых тобой. В дувалах легко потеряться и можно бегать по кругу целую ночь.

— Они имеют систему, товарищ лейтенант, нам надо освоиться в них, привыкнуть.

— Понятно, но все равно в кишлаках мы еще не умеем работать, как надо, мало практики.

— Разберетесь, Валер, — вмешался Леонид, вероятно, желая поучаствовать в разговоре.

— Так-то — оно так, Леша, но мало у нас общения с местным населением. Если бы были у нас в Паймунаре осведомители, которые бы давали нам информацию о «духах», мы бы горя не знали, реализовывая ее захватом или уничтожением.

— Захваты у нас отработаны, товарищ лейтенант.

— О чем я и говорю. Нам нет необходимости ввязываться в бой, мы — тени, молнии. Мгновенно кромсаем и уходим в отрыв.

— Как сегодня, товарищ лейтенант?

— Не трави душу, Серега.

Поговорив немного о наших задачах, пришли к пониманию необходимости применения против душманов тактики налетов, которая может носить результативный характер. В конце-то концов, мы не пехота, мы — разведка ВДВ.

— Глоточек будешь? — пододвинулся к Сафарову Леха.

— Ты что, обалдел? Убери!

Хватило же ума предложить выпить сержанту в присутствии его командира.

— А я не пью, товарищ старший лейтенант.

— Было бы предложено, — смущенно реагировал Леонид.

— Хватит болтать. Через три минуты готовность.

Сегодня на себе мы «примерили» тактику «духов»,

предпочитавших охватывать противника превосходящими силами и держать его под ошеломляющим огневым воздействием. Постоянно маневрируя, они заходят в тыл, во фланг и бьют, бьют, бьют. Вот почему ребята в Кунаре не ориентировались в бою: «духи» их закружили огневой каруселью. Другого объяснения нет.

— Чего грустишь, командир? Выбрались же!

Теперь Леха меня ободрял, положив свою руку мне на плечо. Помолчали.

— Все не так просто, Леш. Разберемся. Сам-то как?

— …

— Чего молчишь? Или больше не пойдешь?

Таким серьезным и собранным Леонида не часто увидишь: от балагура и весельчака не осталось следа. Передо мной сидел усталый и много переживший за ночь человек.

— Валер, вы почти каждую ночь уходите… и сегодня… могли уйти и не вернуться… Скажи честно, это надо? Если — да, я перед тобой и твоими парнями склоняю голову, если — нет, тогда зачем все это нужно?

Я не сразу ответил Леньке, задумавшись, как на экзамене по тактической подготовке в воздушно-десантном училище.

— Леш, ни у тебя, ни у меня, ни у этих парней никто ничего не спрашивал — оказались здесь и делаем свою работу каждый на своем участке. Теперь ты сам понимаешь, что делать ее плохо нельзя — это просто смерть, а какой она бывает, ты тоже в Джелалабаде видел.

Помолчали.

— Не забивай себе голову, давай, — хлопнул я его по спине.

— Ха-ха, ну, ты молодец, Валерка, — живенько встрепенулся чернявый друг, положив рядом с собой автомат.

— Честное слово, забыл, старею что ли?

Спирт прокатился легонько и ровненько, словно вода из-под крана.

— Есаулков, доложи на базу: все нормально, выходим к охранению.

— Есть, товарищ лейтенант.

Эх, полежать бы еще на камнях, расслабиться и поразмышлять над выкрутасами жизненных ситуаций. Да-а… повезло в этот раз. Ох, как повезло! Поэтому колотит тело от дрожи и мороз меж лопаток. Но сработали неплохо, молодцы мои парни. Становимся единым целым в бою, понимая и чувствуя локоть друга в сложнейшей обстановке. Не сомневаюсь, что внутреннее состояние моих разведчиков на психологическом кураже и все потому, что разведывательная группа способна действовать самостоятельно, а роль каждого разведчика

органично сочетается с задачей, поставленной командиром. При выполнении боевого задания «рисунок» действий группы никогда не должен повторяться, над этим мы еще будем работать. В этой боевой задаче мы свой «рисунок» где-то нарушили…

— Товарищ гвардии майор, разведывательная группа с боевого задания прибыла. Потерь не имею. Командир группы гвардии лейтенант Марченко.

Я стоял в положении «смирно» перед кипевшим от негодования начальником разведки дивизии.

— Как это случилось? Нельзя было обойти кишлак стороной?

— Можно, товарищ майор, но к нему «привязывалось» задание, которое требовалось выполнить без потерь.

— Дивизия поднята на ноги, Марченко, я должен аргументированно доложить комдиву о случившемся.

— Так и доложите, товарищ майор, — я также закипал от несправедливого, с моей точки зрения, подхода Скрынникова к оценке обстановки, — «духи» в кишлаке, а мы этого не знаем. Агентуры нет, информации тоже, ходим вслепую — вот и нарвались на «духов».

— Что еще прикажешь доложить?

— Извините, товарищ майор, но мы об этом не раз говорили. Где-то я проморгал, не заметил…

— Вот. Другое дело, учись признавать свои ошибки, а не задирать старших.

Михаил Федорович постепенно отходил, старясь сосредоточиться на фактах, которые едва не угробили группу при выполнении задания. Я старался как можно спокойней выдержать атаку начальника, но это вряд ли хорошо у меня получалось. Упреки начальника казались обидными, несправедливыми. Понимаю, что он должен был меня вздрючить, поругать за допущенный прокол. Я был готов нести ответственность в полном объеме, но только за то, в чем был виноват.

— Товарищ майор, часть агентуры примыкающих к Кабулу кишлаков, надо выводить на нас, войсковую разведку. Мы будем реализовывать ее информацию по «духам» качественно и результативно. После событий в Кабуле мы об этом не раз говорили, а воз и ныне там. Вы же знаете… Где эти «Каскады», «Кобальты»? Или они для того, чтобы стрелять из-за угла по нашим парням за ржавые и никому не нужные трофейные радиостанции?

— Ну, ну! Успокойся! Сергей, конечно, глупо погиб, но у них такая работа!

— Работа? В кишлаках их работа по налаживанию агентурных сетей, а не в том, чтобы катать свои задницы в «Мерседесах» по

Кабулу.

— Марченко!

— Я, товарищ майор!

— Прекратить болтовню!

— Есть!

— Ты что? Хочешь, чтобы вам головы открутили, а мне потом отвечай?

— Так быстрей открутят, товарищ майор! «Духи» приспособились к нам, они ищут пути противодействия, а мы как топтались на одном месте, так и продолжаем топтаться. Надо подключать радиоперехват. Где он? «Духи», вероятней всего, вели нас средствами связи от боевого охранения. Обнаружить душманских наблюдателей ночью невозможно, они скрыты рельефом местности, который им понятен и привычен в обыденной жизни. Мы же вынуждены ко всему приспосабливаться.

— Невозможно, невозможно…

Начальник разведки смотрел уже без хищного испытывающего прищура. Может, пронесет и на этот раз, все же вернулись…

— Значит, так, Марченко: анализируешь ситуацию, к обеду доложишь. Сейчас отдых.

— Есть.

Повернувшись кругом, я был готов выскочить из палатки: столько пришлось пережить, чтобы вернуться, а тут на психику давят, виноватых ищут. Но дядя Миша остановил порыв, подошел вплотную.

— Хреновато было, Валера?

— Хреновато, товарищ майор. Мозги до сих пор набекрень.

Я все еще стоял перед начальником неприступной скалой.

— Ты это, давай, не обижайся. Как доложил о засаде, я не знал, куда деваться.

— Мне самому оставалось деваться только в кишлак, поэтому и рванул к душманам.

— Обложили?

— Обкладывали. Когда увидел бегущих наперерез дозору «духов», понял, что они ожидали нас, и ни о какой случайности не может быть и речи. У них все было готово к атаке.

— А к кишлаку какого хрена полез?

— Так ведь кишлак — вроде как на рыбалке: если «духи» находятся в нем, значит, есть возможность кого-то схватить.

— Все-таки лезешь туда, куда не надо соваться.

— Я и не совался, выбрал дистанцию и держался ее до атаки.

— Ладно, отдыхай.

Михаил Федорович обернулся к Андрейчуку.

— Старшина, у нас что-нибудь есть?..

— Так точно, НЗ не трогаем.

— Давай по чуть-чуть, думаю, Иван Геннадьевич возражать не будет.

— Командира заберу в обед с телецентра, товарищ майор, когда отвезу им горячую пищу, — уточнил Николай, доставая из тумбочки фляжку защитного цвета.

Мне всегда казалось, что тумбочка у старшинки имеет три или больше дна: там было все и на все случаи жизни.

— Вот и ладненько. Давайте. Чернега, Слободов…

У меня же перед глазами стояли вспышки выстрелов «духов», бегущих наперерез дозору. Бля, ну как же мы вляпались?

— Николай, народ на телецентре не жалуется? — Отвлек меня от тягостных мыслей вопросом к старшине Михаил Федорович, с удовольствием хрустя луком с порезанным на ломтики салом.

— Бываю у них часто, товарищ майор: баня, замена белья, постельное — все у них есть. Условия жизни как на войне — спартанские. Обустроились, конечно, только вот «духи» беспокоят ночами — постреливают с нижнего яруса.

— Все еще не успокоятся после мятежа, а ведь они планировали захват телецентра.

— Подходы к нему заминированы, товарищ майор, огневые точки оборудованы, — вмешался со знанием дела Чернега, — «духи» ведут огонь из жилого массива, прилегающего к телецентру. Там глиняных мазанок тьма. Вспышки выстрелов наблюдаются оттуда.

— Комар на месте вникнет в ситуацию, а вечером подумаем, чем можно ответить, — кивнул головой начальник.

— На горе нужен ночной прицел, товарищ майор, — не унимался Сашка, — в роте он всего один и тот у Марченко.

— К обеду буду у комдива, доложу ему обстановку, думаю, поможет нам со средствами наблюдения ночью.

— И бронежилеты необходимо на всех получить, товарищ майор, — напомнил начальнику Николай, исходя из последней информации о том, что разведку дивизии привлекают к готовящимся рейдовым операциям.

— Вопрос решается, старшина, получим. Когда сделаем баньку? Приду с Соколовым и Хамагановым попариться. Ребята просили…

— Если не возражаете, завтра вечером, товарищ майор. Сегодня вымоем базовый лагерь, обслужим форсунки, и завтра к вечеру все будет готово.

Хватив по «крайнему» глоточку спирта, покушали тушенку с макаронами, ставшими основным продуктом в солдатском немудреном рационе. Ладно! Хватит горячительных напитков, в мыслях-то я все еще бежал по кишлаку с разведчиками, не отпускала картина последних часов под Паймунаром. Вот так вляпались! Как бы немного уснуть и забыться…

Проводив Михаила Федоровича в штаб дивизии, мы прилегли на кровати, но сон не шел. Как же так получилось, что «духи» нас ожидали? Ведь ждали — точно! Вспоминая до мельчайших подробностей события прошедшей ночи, я не мог успокоиться. Встав, хлебнул хлорированной водички. Пожалуй, пойду, еще разок послушаю Гену — они с Курановым первыми увидели перепрыгнувших через дувал душманов. Выйдя наружу, чертыхнулся, увидев поднявшего пыль «афганца», гнавшего «Хоттабыча» на лагерь. Закрыв палатку, накрепко затянул тесьмой входную дверь, чтобы хоть как-то уберечь внутреннее расположение от слоя проклятой пыли, забившей тумбочки и кровати.

— Дневальный!

— Я, товарищ лейтенант! — вытянулся в положении «смирно» солдат.

— Баравкова ко мне.

Через минуту сержант доложил о прибытии.

— Присаживайся, Гена, закуривай, и давай-ка еще разок «пробежимся» по нашей задаче.

— Д-давайте, товарищ лейтенант.

— «Въезжай» в обстановку… Вот мы спустились в долину и выдвинулись низинкой в обход кишлака… Ты в этот момент наблюдал группу?

— Я видел Фетисова, Архипова, Нищенко.

— В скольких метрах от тебя находился замыкающий группу Фетисов?

Наморщив загорелый лоб, Гена уверенно выдал:

— Метров сорок — не больше. Я «отпустил» «Деда» вперед и следовал за ним.

— Что-нибудь насторожило тебя при спуске или выходе в долину?

Задумавшись, Баравков пожал плечами.

— Никак нет, товарищ лейтенант, ничего особенного…

— Куранов следовал перед тобой?

— Так точно.

— Как он работал?

— В целом нормально, но он какой-то неугомонный.

— В каком смысле?

— У него постоянно какие-то идеи, что-то придумывает.

— Что в этом плохого?

— Да ничего…

— Ну-ну, продолжай, Гена.

— Ну, в общем, к нему надо привыкнуть.

— Понятно. Кто из вас первым увидел душманов? Как это было? Только подробно.

Протерев кулаком глаза, Баравков вспоминал очень важный с моей точки зрения эпизод.

— Когда вы спустились в ложбинку, товарищ лейтенант, группа просматривалась довольно хорошо. Мы находились выше вас, поэтому обзор был нормальный — до кишлака оставалось метров 300, хорошо ощущался запах жилья. Я еще подумал о возможно ночевавших в нем душманах, присел и «прошелся», как я это обычно делаю каждые метров 150–200, по нему «ночником». Смотрю, через дувал перемахнули человека четыре, причем очень быстро — Куранов различил их без прицела. Мне в тот момент и в голову не пришло, что Фетисов с Архиповым их не заметили, но потом схватился, что от них не последовало реакции. Понял, что «замыкание» пропустило «духов», которые на бегу выстраивались цепью, охватывая вас с тыла. Но нас, товарищ лейтенант, «душары» не заметили.

— То есть?

— «Духи» обходили группу таким образом, что подставили нам свой левый фланг. Если бы я не открыл по ним огонь на упреждение, они бы развернулись к нам спиной. Получается, что они не видели нас, иначе бы такой оплошности не допустили.

— Значит, они атаковали сходу? Без подготовки?

— Какая там подготовка, товарищ лейтенант? Сразу ломанулись в атаку.

— Это очень важно, Гена, выходит, подтверждаются мои самые худшие опасения — на нас их наводили с хребта по радиостанции — другого объяснения нет. Это, пожалуй, «духовская» изюминка, которой мы едва не подавились. Обидно, досадно, но ладно. А вторая группа?

— У меня уже не было сомнений, товарищ лейтенант, что вы не видите «духов». Времени, чтобы согласовать действия даже с Курановым не было: двое, потом еще несколько человек перемахнули дувал, оставляя за собой длинные тени. Открыв огонь одновременно по обеим группам, я прижал их к земле, как мы и тренировали подобную ситуацию на Ходжа-Раваше.

Гена сделал паузу, вспоминая детали.

— Куранов среагировал мгновенно, открыв огонь следом за мной. Вначале мы ослепли от выхлопа пороховых газов, но потом

ничего — прозрели.

Гена хмыкнув, качнул головой.

— Они знали о нас, товарищ лейтенант, уж больно торопились с атакой… Внезапной…

— Таким образом, сколько вы наблюдали человек?

— Восемь-девять — точно заходили в тыл.

— Так. Завязался бой, вы сразу переместились к нам или какое-то время пытались понять, что же происходит?

— Сразу, товарищ лейтенант. «Духи» последней группы открыли по нам плотный огонь, мы с Курановым, прикрывшись лощинкой, в которую вы спустились, двинулись за вами, контролируя тыл…

Помолчали. Докуривая сигарету, Баравков, уткнувшись в землю, вспоминал детали прошедшей ночи. Мне же хотелось еще раз убедиться в правильности своих заключений.

— Ген, все-таки подумай и взвесь, это очень важно: у тебя не сложилось впечатления, что мы встретились с «духами» случайно? Они вроде бы как делали свои дела, мы — свои. Не торопись, вспомни характер их действий — они шли к нам целенаправленно или, выскочив случайно, увидели нас и решили проверить на «вшивость»? Пойми, очень важны нюансы.

— Нет-нет, товарищ лейтенант, они ломились к нам. Мне даже кажется, что они бежали, опаздывая на перехват. Засады у них не получилось, потому что они не успевали с выходом на наш маршрут. Перемахнули дувал, а мы перед ними. Им ничего не оставалось, как без подготовки ринуться в атаку, сходу охватывая с тыла. Минут пять им не хватило, чтобы занять позицию на пути движения группы.

Похоже, все верно, худшие предположения находят подтверждения. «Духи» вели нас, но откуда? Где их наблюдатель? Или наблюдатели?

— А тебе не думается, что «духов» на нас вывели откуда-нибудь с хребта?

Глаза Баравкова округлились.

— Т-товарищ лейтенант, они точно торопились. Вы думаете, они нас засекли на маршруте и навели по радиостанции?

— О чем тут еще думать? Но… Есть одно «но». Где они нас засекли? В какой момент? Ты говоришь, они торопились на перехват?

— Определенно.

— Давай рассуждать: если «духи» засекли нас на рубеже боевого охранения, то наблюдатель по радиостанции вывел бы их на группу заранее. По кишлаку они перемещаются быстро и задача у них простая: отслеживай маршрут нашего движения и

все дела. У них же получилось в авральном режиме — торопились. Почему?

— Может, наблюдатели, потеряв нас при спуске в долину, не разобрались, в каком направлении мы двинулись дальше?

— Конечно, может. Но, потеряв нас при спуске, им несложно было просчитать, с какой стороны кишлака мы окажемся после того, как выберем маршрут по равнинной местности. Это очевидно, Гена.

— А что, если «духовские» наблюдатели отслеживали обстановку перед населенным пунктом, а не с хребта? От чужаков, например, охраняли кишлак.

— Дельная мысль, имеет право на жизнь, но исключать наблюдение за нами с хребта и на подступах к кишлаку абсолютно нельзя. Главный вывод заключается в том, что у них появились приборы ночного видения и радиостанции. «Духи» основательно готовятся к войне, Гена. Нам вот, что важно понять! Легко не будет: они едва не «скушали» нас сегодня, а завтра?

— Точно, товарищ лейтенант, «духи» какие-то ученые стали.

— Да, уж, способные… Ладно, иди отдыхать, скоро последует реакция из дивизии. Получается, что душманы опять перед нашим носом, они и не собирались уходить в горы — легли на дно и готовы воевать.

— Нам бы еще один НСПУ для прикрытия, товарищ лейтенант.

— Начальник решает вопрос. Завтра узнаем. Отдыхай.

Вытянув ноги в курилке, я откинулся назад, но в мыслях все еще бежал по ночному кишлаку под лай озверевших собак, поливая огнем простенки дувалов.

Глава 16

Конец марта — начало апреля 1980 года в Кабуле оказались жаркими, — и «афганцем», срывавшим палатки напором «Хоттабычей», и боевым применением разведывательных подразделений 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Офицеры-разведчики были информированы о проводимых частями 40-й армии боевых операциях по обеспечению функционирования автомагистралей Кабул — Джелалабад, Кабул — Кандагар, Кабул — Хайратон и Кандагар — Шинданд. Мы не строили иллюзий в отношении военной составляющей, развивающейся в Афганистане по драматичному варианту, и своего участия в боевых операциях. Вооруженная оппозиция наносила многочисленные болезненные удары из засад вдоль основных дорог, по которым ограниченный контингент обеспечивался материальными запасами, вооружением, боеприпасами и продовольствием. Советские войска несли потери без какого-либо преимущества над душманами, контролировавшими дорожную сеть. Противником сжигались колонны большегрузных машин, перевозивших армейское имущество, топливозаправщиков с горюче-смазочными материалами для боевой и другой техники. На афганских дорогах гибли советские солдаты и офицеры.

Несколько дней назад я встретился с Сашей Мальковым, товарищем из медицинского батальона, с которым мы были в хороших дружеских отношениях. Проверяя службу по охране литерной стоянки самолетов, я столкнулся с ним при загрузке в его санитарную машину эвакуированных вертолетами из района боевых действий тел погибших солдат и офицеров. Тела перегружали из приземлившихся рядом «вертушек» в «таблетку», на которой Мальков увозил их в медицинский батальон для подготовки к отправке в последний путь на Родину.

— Саш, привет, тысячу лет не виделись, — обнялись мы с Мальковым, — или забыл, где находится разведка дивизии?

— Закрутился, Валер, все некогда! Видишь!

Он показал на открытую дверь «санитарки», где лежали в завернутых и набухших от крови плащ-палатках погибшие в бою десантники.

— Угу, дела…

— И вот так — каждый день… Но обещаю — буду!

— Предупреди заранее, Сань, попаримся, посидим.

— Без вопросов, Валер.

Александр торопился в машину, и мы уже стали было

прощаться, но тут я спохватился.

— Слушай, ты в медсанбат?

— Ну да!

— Подбрось до штаба дивизии.

— Ради бога, садись. Там, кстати, в ящике тело офицера…

— Я с боку приткнусь, езды-то пять минут.

— Садись-садись, Валер.

Открыв дверь с задней стороны машины, я запрыгнул к лежавшему в проходе ящику, в котором, как сказал мне Александр, находилось тело офицера. Держась за прикрепленные сбоку носилки, я осмотрел ящик, с которого при езде по колдобинам съехала крышка, и в образовавшейся щели угадывалось покрытое грязью серое тело, сбоку — удостоверение личности офицера. Не удержавшись от любопытства, я двумя пальцами вытянул документ и открыл его на странице с фотографией. В ту же секунду был поражен: с фотографии на меня смотрел Игорь Турченков, однокашник по десантному училищу со второго курсантского взвода. Не веря глазам, прочитал: Турченков Игорь Алексеевич — никаких сомнений. Приподняв крышку ящика, обомлел: лицо моего однокашника было изуродовано до неузнаваемости. Не было больше круглолицего, всегда румяного Игоря с добродушной улыбкой на лице. Тело было располосовано по всей его длине, без внутренностей. Такого лучше б не видеть…

— Слышишь, Сань?

— Да.

— Мы вместе учились. Откуда его привезли?

— По-моему, из Джелалабада.

— Ты что-нибудь знаешь о нем? Что? Как?

— Вертолетчики рассказывали, что он с взводом зажал в ущелье горстку «духов», один из которых был европейцем. Ты же знаешь установку: «бледнолицых» не уничтожать, брать живьем, американские советники. Несколько «духов», как они рассказали, стояли, прижавшись к скале. «Бледнолицый» также стоял с остальными с поднятыми вверх руками, но короткого «Узи» на предплечьях его рук никто не заметил. Твой однокашник с тремя бойцами вылез из БМД, чтобы их разоружить, а европеец из «Узи» положил всех очередью. Двое «духов» схватили за руки тело лейтенанта и потащили вниз, в ущелье. «Бледнолицый» прикрывал отход. Через пару часов подошло подкрепление и к вечеру ушедших «духов» уничтожили. Рядом с ними лежало обезображенное тело твоего сокурсника. Ему раздолбили камнями голову, вскрыли живот и набили его камнями… Все, что можно, отрезали. Вот такая история.

Пораженный увиденной картиной и рассказом товарища, я с комком в горле вышел у тропинки, ведущей к штабу дивизии, и долго еще стоял, переживая стресс. Полный ненависти к животным в человечьем обличье, я чувствовал, как в душе собиралась жажда мести к дикарям средневековья, не имеющим ничего святого в их единении души и материи — даже к мертвым. Ненависть с кровью растекалась по телу, в висках стучало: пощады не будет зверью, оно не имеет право на жизнь. И сейчас, много лет спустя после афганских событий, мне не стыдно признаться ни себе, ни общественности на частых встречах, что этой установке я следовал до последнего дня афганской войны. Ни в первый период пребывания в Афганистане, ни во второй у меня не было пощады к уродам добропорядочной и самой мирной религии на земле…

Бои шли повсеместно: восточные провинции Афганистана полыхали в огне, горел Кандагар, Гильменд, душманы бились за расширение влияния в провинциальных центрах. Исламские комитеты, возглавляемые зачастую духовными лидерами, брали власть на местах и вели за собой население, их влияние на массы было безграничным: слово муллы — закон для мусульман. В кишлачных массивах формировались душманские образования, в горах оборудовались базы, с которых совершались нападения на советские войска. Но боевые операции, проведенные в ряде провинций весной 1980 года, имели временный военный успех, местные органы власти не могли закрепиться в уездах и кишлаках, что возвращало ситуацию в исходное положение. Напрасные потери в живой силе, технике, недостигнутые цели раздражали командование армии, советнический аппарат. Решение афганского вопроса выходило из-под контроля лиц, отвечавших за него; более того, Афганистан, взорвавшись войной, расшатывал устои в примыкавших к нему среднеазиатских республиках СССР.

Огромная луна с сумасшедше-сказочным отливом синего цвета свидетельствовала о наступлении темного времени суток — холодало. Неуютно было парням, ушедшим на задание в районы раскинувшихся по долинам кишлаков. Понятны были проблемы, связанные у разведчиков со светлыми ночами, когда находишься где-нибудь у «духовского» кишлачка, словно голый на площади, и становишься беззащитным перед опасностью. Разведчики действовали круглые сутки: ночь — время решения специальных задач.

Спустя много лет появилась возможность поведать о внутреннем психологическом состоянии каждого из нас, разведчиков, при выполнении боевых задач в тылу жестокого и

коварного противника. Отчасти эта тема освещалась мной выше, но я коснусь ее вновь, потому что в Афганистане мы подвергались опасности не только на боевых заданиях, а всегда. Опасность для жизни как внешний фактор воздействия на человека имела место повсюду, но сейчас мы поговорим об опасности особого рода — смертельной, крайней степени риска, когда в боевой задаче солдат, офицер объективно рискуют погибнуть. Насколько получится мне заглянуть в душу к самому себе, чтобы приоткрыть ее сокровенные уголочки, выразить сложность противоречивого состояния в минуты опасности, судить читателю, но определенно одно — очень непросто находиться в зоне смерти и при этом выдержанно и уравновешенно выполнять поставленные задачи и… остаться в живых. Многих людей, не испытавших состояние смертельной опасности, интересует вопрос: страшно ли было в бою, на заданиях в тылу у «духов»? Вопрос, задаваемый мне бесконечное количество раз в беседах с молодежью, в воинских коллективах, учреждениях образования, всегда заставлял меня отвечать на него жестко, конкретно и по делу. Теперь же я позволю себе немного пофилософствовать на эту тему в гуманитарном, духовном аспекте проблемы.

Понимание смертельной опасности, ее ощущение каждой клеточкой тела происходит всегда, когда высшая нервная система сигнализирует: «Опасность». С этого момента организм живет и работает в условиях действия этой команды. Он по-разному реагирует на опасность, у каждого это состояние выражается неодинаковыми физиологическими признаками, в том числе внешними. Мы все индивидуальны, имеем свою и только свою комбинацию генного кода и по-своему воспринимаем чувство опасности как фактор воздействия на психологический механизм человека. Организм оценивает ее самостоятельно на основе восприятия, анализа и выводов, формируя собственную защиту относительно степени риска в условиях действий. Условно я бы опасность разделил на следующие степени риска: минимальная, относительная, смертельная. Уточняю сразу: они все допускают смертельный исход, но в каждом отдельном случае шансов остаться в живых где-то больше, где-то меньше, однако просчитать в бою, на задании возможные риски и степень опасности не всегда удается. Конечно, мне как командиру положено оценивать ее в условиях боевых действий, но бой, разведывательные действия в тылу противника имеют высшую категорию опасности, в которой рассчитать возможные варианты развития событий не представляется возможным.

В любом виде боевых действий бой может развиваться в непредсказуемом для нас, командиров, направлении. Косвенные

факторы появляются оттуда, откуда их никогда не ожидаешь, и бой приобретает совсем иной характер, иной исход. Соответственно, степень опасности уменьшается, или, наоборот, увеличивается в динамике событий. Организм реагирует на все изменения, происходящие в зоне опасности, мозг анализирует развитие событий, оценивает опасность, дает команду на реакцию человека. К примеру, опасность снизилась, я оцениваю ситуационную обстановку: «Ух, пронесло», — выдыхаю, вытирая потный лоб. Или видишь, что противник обходит, создавая угрозу для жизни, он уверен в своих силах и готовит атаку на уничтожение: в голове проносится: «Ах», в мозгу включается в режим «смертельная опасность», дает команду на конкретные действия. Будут они правильными или нет — другой вопрос, но он заставляет принимать решения, мобилизуя организм на работу сверх его возможностей.

Человек в минуты смертельной опасности открывается с самой неожиданной стороны: может совершить бесстрашный поступок, может растеряться и войти в ступор, из которого трудно его вывести, а потом с трудом себе самому объяснить, что же с ним произошло. Может поддаться панике, потерять над собой контроль, совершить неадекватное действие. В этой ситуации внешний фактор один — смертельная опасность, а внутренних факторов сколько угодно: морально-психологическая подготовка, физическое состояние, готовность бороться за жизнь, личные качества и боевые возможности, поддержка товарищей, способность быстрого принятия грамотного решения и т. д. Вот здесь-то и проявляется клиника реакции организма на опасность, как человек не только воспринимает ее, но и реагирует во внешнем и внутреннем проявлении.

Внутренние проявления выражались общим волнением на сложившуюся ситуацию в целом. Это можно сравнить с прыжком с парашютом: волнение, выраженное необычным, противоестественным действием, которое предполагает совершение шага в бездну. Высота вызывает боязнь, если даже смотреть на нее с девятого этажа жилого дома, а здесь надо шагнуть в нее и делать что-то грамотное. Тем не менее этот шаг при сильном, но контролируемом человеком волнении делается, и дальнейшие действия позволяют ему уверенно управлять парашютом, выбирать точку приземления, приземляться. Так и при выполнении боевой задачи: есть четкое понимание риска, опасности для жизни, есть волнение — сильное, захватывающее, оно заставляет быстрее осмысливать происходящее, принимать быстрые решения, действовать в интересах выполнения приказа.

Есть такое понятие — страх, которое я объясняю следующим

образом: психологическое состояние человека в режиме бесконтрольной реакции на возникшую ситуацию. Человек теряет способность мыслить, совершать разумные действия, то есть попадает в состояние психологической гибели. Говорят, страх парализует — это действительно так. Страх толкает человека к любым, не поддающимся никакой логике, действиям. Вспомните 1-ю Кунарскую операцию, о которой я рассказывал выше, проанализируйте действия отдельных персонажей и вам многое станет понятным. Сознание, разум мечутся в противоречиях друг с другом, заставляя совершать безумные действия, которые впоследствии приводят к гибели. Паника, выход психики человека из работы нормального режима — процесс носит неуправляемый характер, требующий решительного вмешательства товарищей извне.

Поэтому не будем смешивать в одну хорошую рюмку вина безумие и действия человека, вызванные временным смешением чувств. Вы думаете, у меня не было смешения чувств у кишлака Паймунар, когда я увидел «духов», охватывающих группу с обеих сторон? Они же могли нас уничтожить в течение несколько минут! Сколько было ситуаций при выполнении боевых задач, когда наши головы готовы были отделиться от тел! Но находили же мы варианты, чтобы избежать этого? Контроль над собой, своими действиями должен быть исключительно постоянным!

Бой — ситуация, которая развивается быстро. Она может продолжаться несколько секунд, но при этом принести непоправимые потери. Реакция, мышление должны быть настолько быстрыми и грамотными, чтобы не позволить противнику перехватить инициативу и диктовать условия боя. Мгновенное принятие решения в сочетании с железным отпором врагу, нанесением ему максимального ущерба, перехватом инициативы и развитием успеха жесткими, стремительными действиями. Здесь не надо церемониться и помнить о таких общеизвестных вещах, как гуманность, человечность — это пустое. Только огонь, огонь и еще раз огонь! Захват пленных, допрос, получение информации, удар ножом и вперед — развивать успех! «Шкалить» противника по полной, лишать его глоточка воздуха, давить всеми силами и средствами! Никакой жалости к шакалам в человеческом обличье, только пуля приведет их к милосердию на этой земле. Поверьте мне, это так! А на том свете пусть они вымаливают милость Аллаха, авось, поможет, у меня возражений нет.

Нам, разведчикам, помогало наработанное самообладание, появившийся опыт, желание проявить себя в сложнейших ситуациях, а главное, показать свой десантный разведывательный

кураж. Без него мы бы ничего не сделали в бою. Это важный психологический момент состояния разведчиков ВДВ, несущий в сердце великое предназначение к ВОЙСКАМ ДЯДИ ВАСИ. Почувствовав силу и способность противостоять врагу в боевых операциях, у нас появилась дерзость, разумный подход к уничтожению коварного и жестокого противника.

Еще не раз я вернусь к внутреннему состоянию каждого из нас при выполнении боевых задач. В разведке это особенно важно и характерно. Мы действуем в тылу противника, вдали от главных сил, где у начальника разведки не всегда имеется возможность оказания нам своевременной помощи в случае попадания в засаду, эвакуации раненых, убитых. На это необходимо время, решения старших командиров, наличие соответствующих сил и средств. Мы, как правило, предоставлены самим себе по роду своей деятельности и можем рассчитывать только на свои возможности: смекалку, личную подготовку, выдержку и волю к победе. В боевой деятельности в Афганистане мы, разведчики, искали не каждого, а только нужного нам противника. Это специфика разведки. Нам нужен был только тот вражина, который был для нас носителем информации, другой противник нас не интересовал, с ним мы старались не встречаться во имя выполнения главной цели задания. Не потому, что мы были не готовы к принятию боя, а потому, что перед нами были совершенно другие цели, подходы, приоритеты. Профессионализм выполнения боевых заданий разведчиками ВДВ в душманском тылу как раз и состоял в том, что они решались нами тихо и незаметно — разведка любит тишину. Еще раз повторяю: мы — тени, летучая мышь — эмблема военной разведки.

Внутреннее состояние каждого из нас в тылу противника очень напряженное. Враг повсюду, встреча с ним нежелательна, она может произойти неожиданно по воле стечения обстоятельств, и тогда мы вынуждены принимать, как правило, неравный бой. От этой ситуации мы уходим всеми возможными способами, поэтому напряжение зачастую просто зашкаливает. Поверьте мне, на самом деле, тишина, очень страшное состояние. С одной стороны, она необходима! Это значит, что противник нас не видит и не знает о нашем присутствии в его тылу, с другой — она невыносима непредсказуемым развитием событий. Пробираешься ли ты в горах, лесной местности — тишина, спокойствие — вроде бы все как надо, но в любой момент она может взорваться выстрелами и разрывами гранат. Поэтому мы, разведчики, уважаем тишину, для нас она добрый знак, но мы ее и боимся. Что она принесет нам в следующую минуту? Как

повернется? Только Богу известно.

В общевойсковом бою все гораздо проще: завязалась схватка, ты так или иначе видишь противника, контролируешь его, принимаешь решения. Нет дикого напряжения в его ожидании: командир отдает боевые приказы, производит перегруппировку сил, средств. Идет боевая работа, где каждый из военнослужащих знает место, роль в боевых порядках подразделения.

В разведке не так. Бой нам, во-первых, не нужен, но он может возникнуть в любой минуту. Постоянная тревога в ожидании боевого столкновения с противником — очень тяжелый и напряженный момент. Он отнимает все резервы душевных и физических сил — мне тишина всегда была неприятной. До сих пор я ее боюсь! Бывает, просыпаюсь ночью и трясусь в неописуемом страхе — синдром отдаленных последствий после десятков лет окончания войны. Мне неприятны американские боевики и тем более наши, доморощенные, где «рейнджеры» творят в бою чудеса храбрости, при этом ковыряясь зубочисткой во рту. На самом деле все далеко не так: после боя трясет и колотит — организм реагирует на нестандартную обстановку бурно и болезненно. Но замечу, трясучка больше всего приходится на время после боевого столкновения. Во время боя принимаешь решения, действуешь, мозг контролирует ситуацию, дает команды на выполнение задач, и нет переживательных моментов в опасности. Знаешь, что она подстерегает тебя везде и всюду, принимаешь меры по ее минимизации, продолжая выполнять поставленные задачи. Другое дело — после боя, на базе, особенно ночью, когда расслабляешься и в мозгу «прокручивается» прошедший бой. Вот тогда приходит страх, приходит ужас.

Морально-психологическое состояние разведчиков при выполнении боевых задач я раскрыл в рамках психологических ощущений, когда в условиях смертельной опасности сознание работает в режиме общего надрыва. Это тоже важный момент, требующий предельного контроля своих действий при выполнении задач, принятие быстрых и грамотных решений. Важен и такой момент: самого себя необходимо подчинить главной задаче, направить волю, усилие на ее выполнение. Героями не рождаются. В определенный момент боя создается обстановка, когда подготовленный человек совершает нечто такое, что недоступно другим. Организм помимо воли человека реагирует на опасность вне желания последнего совершать геройские поступки. Солдаты, военнослужащие на войне всегда подвержены опасности и они это понимают. Сознание в зоне боевых действий адаптируется к режиму этого состояния и ставит

его в нужные рамки повседневной деятельности. Не хочу сказать, что привыкаешь к опасности. Совсем нет. Сознание ставит организм в условия, когда опасность становится образом жизни и происходит адаптация на уровне подсознания. Морально-психологическое состояние военнослужащих, действующих в боевой обстановке, требует системной тренировки под руководством специалистов и командиров.

До сих пор иногда вскакиваю ночами от страха, пришедшего во сне видения какого-либо боя, имевшего место много лет назад. Буквально колотит от переживаний пришедшего сновидения. Пот заливает глаза, трясутся колени, зубы стучат по стакану с холодной водой или лучше с водкой. Страшное состояние, постепенно переходящее в спокойствие, но в эту ночь уже не заснешь. Лежишь, вспоминая бой во всех его подробностях, он может быть не самым жестоким и напряженным, но мозг подсознательно откликнулся именно на него — вот и вспоминаются события давно минувших дней…

Есть такое понятие, как подвиг — высшее напряжение душевных, моральных и физических сил. На поле боя создается обстановка, в которой избранники судьбы, способные на подвиг, с риском для жизни совершают действия, относимые соратниками по бою к героизму. Такие действия, как правило, изменяют его ход к победе. Я это рассказываю потому, что последствия боевых действий оставили в каждом из нас неизгладимые впечатления. Спустя много лет в разных вариантах они всплывают в памяти и подолгу не отпускают от себя, живой картинкой встают перед глазами, как будто и не было последних лет: молодые лица ребят и время, где мы еще все живы… Не рассказать об этом будет несправедливо, не получится полной картины войны. С одной стороны — дерзкие боевые дела, с другой — переживания их последствий. Одно от другого неотделимо. Это важно понять не только воевавшим, но и тем, кому, не дай бог, придется столкнуться с войной…

Глава 17

Для разведчиков-десантников афганская весна 1980 года явилась началом активной фазы боевых действий и проведения войсковых операций. Сложившаяся обстановка диктовала штабам соединений армии необходимость организации системной работы по добыванию разведывательных данных о противнике, его местоположении, намерениях. Без разведывательной своевременной и достоверной информации о боевом потенциале душманских отрядов ведение против них боевых операций было малоэффективным и обречено на провал. Противник, находясь в постоянном движении, менял базы, места дислокации, оседал в кишлаках для проведения полевых работ, опять уходил в горы, маневрировал, выискивал уязвимые места для нанесения по нам быстрых ударов, после чего скрывался в недоступных ущельях.

Над тактикой противника, применяемой им в различных видах атакующей деятельности, мы, разведчики, много работали, анализировали и набирались боевого опыта. Командуя разведывательными подразделениями соединения до конца 1981 года, я со своими разведчиками участвовал во всех рейдовых операциях, проводимых 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизией в провинциях Вардак, Пагман, Парван, Кабул, Каписа, Логар и других. Появившийся опыт боевых действий с использованием техники в горных, отрезанных от центра уездах, мы, разведчики, успешно применили при уничтожении душманских отрядов в кишлачных массивах и «зеленках». Именно в этих мероприятиях нами была отработана тактика молниеносного охвата районов оседлого проживания сельского населения, пополнявшего душманские отряды, где мы проводили специальные операции по захвату «языков», складов с оружием, боеприпасами, отвоевывали у «духов» кусочки территории. Наши интересы распространялись на кишлачные зоны, в которых приобреталась практика ведения боя в условиях жилых сооружений, осваивалась тактика действий в зеленых массивах, отличавшаяся особым способом перемещения на местности с ограниченной видимостью. И, слава Богу, воевали без потерь!

Активная деятельность разведывательных подразделений 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии позволила раскрыть замыслы противника о формировании им крупных отрядов для нанесения советским войскам наибольшего поражения. В провинциях, прилегавших к Кабулу, полевые командиры планировали крупномасштабные операции, пополняя отряды местным населением. Они его на базах готовили для

боевых операций против советских войск. В провинциальных и уездных центрах, контролируемых вооруженной оппозицией, действовали исламские комитеты и законы шариата. «Борцы за веру», вступавшие на путь войны с неверными, подвергались активной религиозно-психологической обработке религиозными деятелями — муллами, которые зачастую возглавляли вооруженные формирования. Дисциплина у них была железная! Эту информацию разведчики дивизии добывали тяжелейшей работой на износ в условиях максимального риска для жизни.

Рейдовая операция с участием частей и подразделений 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии была разработана по всем правилам военного искусства. Частям и подразделениям, вошедшим в рейдовую группировку, были поставлены задачи, организовано взаимодействие, в том числе с авиацией и артиллерией. Был учтен опыт предыдущих боевых действий, в частности, Кунарской операции, поэтому войска готовились к маршу с учетом особенностей предстоящей операции: накануне были проведены тактические занятия, стрелковые тренировки, отлажена система связи, отработаны задачи на картах, схемах и макетах местности. Выдвижение рейдовой группировки в район предстоящих боевых действий планировалось при поддержке боевых вертолетов МИ-24, которым была поставлена задача на сопровождение «ниточки» на всю ее глубину. С точки зрения замысла операции, решения, принятого на ее проведение, предусматривалось несколько вариантов, которые должны были осуществляться отработанными схемами «акамедических» заготовок.

Моя разведывательная группа имела боевой опыт разведывательных операций, засадных действий, ребята были обстреляны, владели собой, принимали грамотные решения и были способы самостоятельно, в отрыве от главных сил, решать поставленные командованием задачи. В них я был уверен: ходил с ними в поиск, засады, каждого знал в бою, а вот техника вызывала тревогу: расстояние до района боевых действий составляла сто девяносто километров в одну сторону высокогорным маршрутом. Механики-водители не вылезали из боевых машин, занимаясь регулировкой агрегатов, ходовой части, топливных насосов, смотрели главные и бортовые фрикционы, натяжение гусениц. Работы хватало. Наводчики-операторы обслуживали вооружение, прицелы, снаряженные ленты пулеметов, выстрелы к орудию. Шла кропотливая работа подготовки боевой техники к предстоящим боевым действиям.

Много времени мною было уделено приведению оружия к нормальному бою: стрелкового, коллективного, вооружения

БМД-1, были пристреляны автоматы, гранатометы, снайперские винтовки. Сверху на броне был закреплен боевой запас (ящики с патронами и гранатами, мешочки с дополнительным боекомплектом), термоса с питьевой водой, загружена теплая одежда — на марше предстояло преодолевать перевалы высотой до 3500 метров с вечными снегами, мерзлотой и морозом до 15 градусов.

Размещение необходимого для войны имущества и снаряжения сверху на броне обеспечивало разведчикам в десантных отсеках БМД относительные удобства для ведения наблюдения за маршрутом, противником, спешивания в случае необходимости прикрытия оперативной группы дивизии. К выполнению боевой задачи разведывательная группа 80-й отдельной разведывательной роты дивизии, экипаж радиостанции Р-142 Анатолия Артемовича подошли ответственно и серьезно. Начальником разведки дивизии майором Скрынниковым был проведен строевой смотр (без него не обходилось ни одно боевое мероприятие), о чем было доложено начальнику штаба дивизии полковнику Петрякову. Мы были готовы к войне на боевой технике.

Поступила команда «Вперед». Исходный рубеж преодолели вовремя и без проблем, но это еще было не все: впереди — Кабул, его мы должны пересечь с северо-востока на юго-запад к выходу на трассу Кабул-Газни, ведущую в провинцию Вардак. Забившая глаза и уши пыль скрипела на зубах, она была на лице, щекотала под «хэбэшкой», белесым слоем покрыла броню. Пыльной инверсией закрыло направление выхода на дорогу, в темноте я почти не различал идущей впереди машины, попытка «привязаться» к местности по карте окончилась ничем. Ориентировался относительно окраин Кабула и освещенных элементов аэродрома, но определить свое местоположение на местности я не брался. В ориентировании по топографической карте я был неплохим специалистом, но «зацепиться» за ориентиры, характерные предметы в поле моего зрения, которые бы помогли в определении точки моего положения, все не представлялось возможным. Сидя на башне, крутил головой, чтобы понять, где же я нахожусь? Пока не осенило — контуры хребтов. Есть! Схватил!

Склад ГСМ… Азимут — двести сорок, четыреста метров западнее… Проекция контура хребта на карте… Визуально… Проводим линию до пересечения с азимутом. Все! Точка пересечения — мое положение на местности. Но мы были в движении, значит, точка — величина переменная, ее необходимо все время корректировать, сверяя с картой и местностью. С этого

момента ориентирование я проводил с оценки положения хребтов, линий водораздела, которые «привязывал» к карте и сличал с рельефом. Результат был поразительным! Далее маршрут движения с выходом в заданный район я держал на контроле.

Кабул трепетал от грохота брони «шурави», растянувшейся на несколько километров. «Гусянкой» вскрывая асфальт, броня утюжила улицы спящей столицы и, словно ножом, разрезала город на две неравные части. Выйдя на автомагистраль, она «утонула» в прохладе утреннего ветерка, обдувавшего десантников.

— «03», обстановка?

— В порядке, отставших нет, — доложил по радио Нищенко, замыкавший оперативную группу.

Тремя боевыми машинами разведывательной группы я прикрыл несколько радийных машин «Демос» и БТР-Д «Сорока», обеспечивающих связь группировки со штабом армии.

— Внимание. Следить за режимом.

Опасаясь перегрева силовых установок в высокогорье, от которого увеличивалась нагрузка на двигатели, я требовал от механиков контроля за показаниями приборов. «Пробежавшись» глазами по карте, оценил расстояние до поворота в ущелье — пятнадцать километров, после которого начинается подъем на гребни трех мощнейших перевалов горной гряды Гиндукуша: Ао-Бен-Кутал — 2850 метров над уровнем моря, Унай — 3352 метра, Навар-Кадир — 2680 метров, накрытых покрывалом вечных снегов. Серьезное испытание перевалами предстоит пройти водителям колесных и гусеничных машин. Они станут для них вехой профессионализма и мастерства.

Множество антенн оперативной группы, следовавшей впереди моего взвода, пугало — ориентир для противника, указывающий на центр боевого управления. По Кунару мы знали, что у «духов» к органам управления войсками особое внимание. А что было делать? Связь по радиостанциям УКВ диапазона могла осуществляться только при развернутых антеннах, поскольку горные хребты являлись экраном для его волн. Радиостанциям КВ было проще: связь ими будет обеспечена, но антенны все равно необходимо разворачивать, что, опять же, обращает на себя внимание противника. Поэтому в случае засады «духи», вероятней всего, ударят по оперативной группе — привлекательная мишень.

— Сокуров, передай — соблюдать питьевой режим.

— Понял, товарищ лейтенант.

При жаре в 45 градусов лучше всего перетерпеть желание пить. Если этого не сделать, придет конец. Организм затребует

еще большее количество жидкости, при этом жажда не утолится, а усилится, провоцируя обезвоживание организма, потерю сознания, смерть. Лучше потерпеть час-полтора, станет легче. Запаса воды у нас хватит. Тылы группировки ею обеспечены, а вот в районе операции не будет источников ее пополнения. Вода являлась основным возбудителем гепатита, поэтому к ней были особые требования: засыпали такую концентрацию хлорки — зубы вязало, но ничего не поделаешь…

— Я «Сокол». Внимание всем, готовность полная, спешивание по команде, прикройтесь «коробочками».

Командиры отделений доложили о готовности работать в пешем порядке. Включившись в сеть начальника разведки, услышал истошный с надрывом голос:

— Нахожусь перед техническим замыканием, обстрелян из стрелкового оружия. Есть «трехсотые»…

«Началось»… Замыкание было не более чем в двух километрах у меня за спиной: «духи» нас пропустили, а «хвост» колонны обстреляли из стрелкового оружия. В сети комдива суматоха продолжалась: инструктажи, уточнения, дополнения, отмена команд. Командиры, перебивая друг друга, открытым текстом давали в эфир никому не нужные указания. Из всего эфирного бедлама я понял — на подлете «двадцать четвертые», которые прикроют колонну на опасных участках и обеспечат выход группировки в район первой ночевки.

Колонна втянулась в ущелье с широкой плодородной поймой, дававшей населению небольших кишлачков урожаи с раскинувшихся по обоим берегам реки Майданруд обширных плантаций виноградников. Стремительная артерия живительной влаги, обеспечивая систему арыков и кяризов, орошала высушенные на солнце земли, от которых кормились многодетные семьи дехкан. Обветшалым в длинных рубахах правоверным землю в вечное пользование отдал Аллах и только ему — Создателю, принадлежало великое право распоряжаться ею по усмотрению вне зависимости от желания власти земной. С раннего утра и до позднего вечера ее обрабатывали мужчины в свободных одеждах, высоко взмахивая мотыгами над потными затылками в черно-бордовых тюбетейках и засаленных лунгах. Земля кормила жителей вылепленных из глины кишлаков, давала им жизнь, созидание, и поэтому, отношение к ней афганских племен носило во все времена чрезвычайно особый характер — на ней, как и на воде, лежала воля Всевышнего.

Откуда на нас нападут? Отовсюду! С любой скальной расщелины, из-за каменных кладок, разделявших земельные участки, из плотной «зеленки», в избытке растущей в пойме реки,

«козырька» гряды, нависшего над дорогой. А мины? Фугасы? Это отдельная история, о которой я рассказывал выше: рванут ли они через секунду, час или позже — от нас ничего не зависело. «Духи» уж больно ушлые стали, или, как говорит Баравков, умные. Оставалось лишь запастись терпением и внутренней улыбкой, предоставив себя судьбе, надеюсь, благосклонной к каждому из нас.

Вынырнувшие из ущелья «горбатые» со звоном пронеслись над головами, обследуя «ниточку» на пути к перевалу. Слаженной парой они «прошлись» над руслом речонки и, взмыв над гребнем, «провалились» за водоразделом в мареве полуденного зноя. «Двадцать четвертые» с воздуха прикрыли головную походную заставу и поддержат ее в случае воздействия на нее душманской засады. Неслучайно «бороздят» ущелье «горбатые», возможно, комдив нацелил их и на поддержку разведчиков Литоша, спешившихся на склоны хребтов.

— Внимание, «Стрела», — циркулярным по радио даю команду командирам отделений, — я «Сокол», усилить наблюдение на марше.

Горный массив таил в себе опасность разбросанными в ущельях кишлаками, прилепившимися к берегам узких, но быстрых речушек, летящих с вершин ледников с синеватым отливом. «“Духовская” местность, не иначе», — думалось мне, она имела множество скрытых выходов к трассе и, конечно же, задействовалась противником для атак на колонну. Единственный шанс, предоставленный нам «духами» в качестве форы, исходил не из снисхождения к «шурави» или растерянности, а из неорганизованности к отпору огромной группировке советских войск. Но это временное, а значит, не стратегическое упущение…

— Я «Сокол», двадцать минут на прием пищи, как поняли?

— Поняли, — доложили командиры отделений.

Спокойно перехватим сухого пайка, водички, что будет дальше — трудно сказать, а подкрепиться надо. Расположившись в башне боевой машины таким образом, чтобы можно было вести наблюдение вправо, я ополоснул руки из фляжки с водой.

— Товарищ лейтенант, — протянул банку с беконом Сафаров, сухари, рыбный паштет.

— Спасибо, Серега.

Ложка со мной. Быстро покушали, прижимаясь к триплексам для наблюдения. Хлебнули водички с сахаром, макая в нее сухари и галеты. Можно воевать и дальше. Кажется, успели, доклад в эфире — в районе кишлака Джальрез путь преградила река. Колонна остановилась, обеспечение движения Курлюка

принимало меры к преодолению водного препятствия. Пытаюсь понять, насколько глубока водная преграда. Арык, думаю, метр глубиной и не очень широкий, но ситуация прояснилась позже: очередным завалом «духи» изменили направление водного потока, направив его на проезжую часть. Дорога оказалась размытой, под водой образовались вымоины, которые сходу технике преодолеть невозможно. Справа скала, слева арык, размывший дорогу, в результате чего колонна оказалась зажатой в ущелье. Преграда была настолько серьезной, что лишила колонну маневра, а время было за полдень. В горах темнеет быстро и, возможно, «духовский» сюрприз устроен для ночи — в темное время ударить по «ниточке».

Раздавшийся впереди колонны взрыв бросил меня на место наводчика-оператора, я припал к прицелу и «прошелся» стволом орудия по правому хребту, куда спешились разведчики Литоша. Горы, горы, камни и синее небо! Больше ничего я не увидел. Возникшая пауза подтянула к оценке обстановки с позиции противника. Что задумал бородатый душман? Как поведет себя в этот раз? Наблюдаем, пытаясь разобраться с заминкой, но пока ничего не говорило о боестолкновении с противником. По обмену в радиосети выяснилось, что саперы подорвали грунт для отвода воды с проезжей части, сейчас они засыпали промоины.

«Духов», вероятно, спугнули вертолеты, «утюжившие» колонну вдоль и поперек. Отказавшись от нападения днем, они, скорее всего, уповали на то, что подъем на перевал еще только начинался, и не торопили события. Противник умел выжидать. Двигаясь вверх по извилистой дороге, колонна несколько раз была обстреляна «духами», но как-то лениво, исподволь. Командиры подразделений, не останавливая технику, давали команду на огонь сходу, раненых и убитых по докладам не было.

Ночь прошла спокойно, «духи» постреливали, но больше для того, чтобы самим не заснуть и не быть застигнутыми врасплох разведкой «шурави». Позавтракав утром следующего дня, командиром дивизии были уточнены задачи, колонна стояла в ожидании команды на марш. Понравилась постановка задачи командиром 350-го гвардейского парашютно-десантного полка подполковником Шпаком: спокойно, уверенно, без надрыва. Основой группировки был его полк, и Георгий Иванович в полном объеме проводил мероприятия ее боевого обеспечения.

Одетый в «песочку» генерал Рябченко был в неизменных темных очках, он невозмутимо сидел на раскладном походном стульчике, наблюдая, как подразделения дивизии преодолевали очередное препятствие. Не вмешиваясь в действия командиров, он поглядывал на часы, контролируя, как очередная рота

преодолевала рубеж. Забегая вперед, отмечу: после прохождения перевала Навар-Кадир группировка преодолевала водную преграду Гильменд. Противник воздействовал на колонну мелкими группами, но командир дивизии с невозмутимым спокойствием сидел в тенечке у берега реки на том же стульчике, наблюдая, как дивизия форсировала реку. Он спокойно отдавал распоряжения по радиостанции через находившегося рядом связиста или Павла Лаговского, который сопровождал генерала. Комдив уверенно на всех этапах руководил выходом группировки в район боевых действий.

Наконец-то поступила команда, и колонна двинулась на обратную сторону перевала — предстояло преодолеть самый трудный участок маршрута. Не задерживаясь, мы спустились в долину на ровное плато, откуда начинался сложнейший подъем на Унай — перевал вечных снегов, где были только снег, лед и мороз.

Не успев спуститься в долину, чтобы оглядеться и сосредоточиться на трудном подъеме, были атакованы противником, появились убитые. Сопровождая колонну на параллельных маршрутах, «духи» обстреляли ее из стрелкового оружия. Мелкими группами душманы вели огонь с разных направлений, уходили в горы, вновь появлялись, наносили поражение и прятались в ущельях.

Вертолеты висели над нами, работая по обнаруженному противнику «нурсами», пушками, авианаводчики уточняли им цели. Замена вертолетных пар происходила в воздухе: одни вертолеты, расстреляв боекомплект, уходили на базу дозагружаться, другие, подлетая, сопровождали колонну. И так в течение всего светлого дня продолжалась работа армейской авиации. Насколько эффективно она трудилась, сказать невозможно, «духи» хоть и лениво, но держали нас под постоянным огнем.

Около полудня начался подъем на Унай. В этот момент душманы численностью до двадцати человек вышли к рубежу атаки на оперативную группу. Мы увидели их в полукилометре от нас на гребне хребта. Они перебегали к защитному козырьку из камней и попали нам на глаза в приборы наблюдения. «Духи» ошиблись дважды. Первый раз, когда не учли время развертывания артиллерийской батареи, которая была в составе оперативной группы. Я впервые увидел слаженную работу расчетов на скорость. Развернув гаубицы на прямую наводку, артиллеристы открыли огонь. «Духи», не успев оправиться от огневого налета, заметались, взрывы раскидали их по гребню, а вершина скрылась в дыму. Развиднелось, все смешалось на плато,

по которому минутой раньше бежали душманы.

Три дня спустя вышли к уездному центру Бехсуд, где наше командование устроило соревнования со спецназом афганской армии. Задача состояла в следующем: две равные по численности и вооружению группы (моя и афганского спецназа) должны были по времени подняться на одну из довольно высоких вершин. Затем с вершины спустить на время одинаковое количество условных раненых и убитых. Разведывательная группа 80-й отдельной разведывательной роты под моим командованием на всех этапах задачи была не только первой — мы далеко в горах оставили хваленый афганский спецназ, подобранный из горцев. Я был горд за своих разведчиков, показавших себя настоящими бойцами, мужественно выполнявших боевые задания.

Половина пути была преодолена, но спуск в долину — не менее серьезное испытание, которое предстояло пройти уставшим механикам-водителям, однако останавливаться нельзя, только вперед. Я запросил командиров отделений о самочувствии парней, валившихся от усталости на приборную доску. За исключением добросовестного и работящего Зуева, Орлов и Болотов были старослужащими солдатами, через месяц увольнялись в запас. Парни мужественно держались за рычагами бортовых фрикционов и делали свое нелегкое солдатское дело.

— Как самочувствие, Орлов? — спросил я по внутренней связи своего механика.

— Нормально, товарищ лейтенант.

— «Рубит»?

— Да нет, верчу головой.

— Давай, держись. Осталось начать и кончить!

— Ага, товарищ лейтенант, — хохотнул ефрейтор-москвич.

— Сафаров, бутерброд Орлову.

— Понял.

Колонна осторожно начала движение к спуску на обратный скат сложной гряды Хазараджата. Следуя за оперативной группой, я прислушивался к поведению машины на предмет ее скольжения по льду и потери управляемости водителем. Шли нормально, обе машины спускались вниз, не отставая от моей — командирской. Приходилось постоянно оглядываться назад, чтобы отслеживать движение машин Баравкова и Нищенко. Нормально. Шли, как положено. Сейчас бы только спуститься с ледника и почувствовать под гусеницами каменистую почву, которая обеспечивала устойчивое положение БМД на трассе.

Сложный подъем, снег, мороз притупили бдительность. С одной стороны, «духов» здесь быть не должно: вечные снега и лед, с другой — нас «вели» на маршруте, мы в этом уже убедились.

Дорога измотала нервы, а впереди еще был Навар-Кадир, перевал относительно проще, если судить по карте, но тоже высокий и сложный. Беспомощное нервное состояние выводило из равновесия. Мы находились в ситуации, не зависящей от нас самих. Вот где нужна морально-психологическая подготовка!

Машина «поплыла». Вначале я не понял, что произошло, но когда дошло, моя БМД ударила впереди идущий БТР-Д батальона связи. Удар был не ахти какой, но смысл не в этом — машина потеряла управление, Орлов не удержал ее на спуске. Из люка БТР-Д высунулась голова офицера связи, я махнул ему, мол, все в порядке. Оглянувшись назад, он снова скрылся внутри напиханной аппаратурой «коробочки». Понятно: удар в задний лист машины мог вывести из строя радиостанции.

— Не торопись, Орлов, «отпусти» его дальше, а то разнесем к чертовой матери. Головы снимут. Ты понял?

— Так точно, товарищ лейтенант. Сам не пойму, как произошло.

— Будь внимательней.

— Есть.

— Внимание всем. Увеличить дистанцию, — командую командирам отделений. Лучше, думаю, «перебдеть», чем наоборот. Снежный заряд заканчивался, слабел, это чувствовалось по фронтальному напору воздушной массы, гнавшей цепляющиеся за вершины гор облака. Просматривалась идущая впереди колонна, она угадывалась на фоне снега черной извилистой лентой. Окинул взглядом скалу справа — нет, даже отчаянные «духи» вряд ли одолеют ее в стихии жесточайшего ветра. Живая плоть бессильна перед природой, превратившей без стыда и совести две воюющие стороны в пылинки.

Рельеф трассы сменился с точностью до наоборот: пропасть на спуске разверзлась справа по ходу движения, открыв перед нами субтропики долины Гильменда и зеленой зоны, раскинувшейся по руслу реки. Мы находились высоко над ними, но, как показывали расчеты, ближе к полудню войдем в ущелье, где снова жара и палящий зной.

Глава 18

Вечные снега заканчивались рассыпанной на проезжей части щебенкой. Климат менялся на противоположный: жаркое влажное марево постепенно окутывало, вызывая то озноб, то обильное потоотделение тела. Организм адаптировался к климатическому поясу равнины. Пора было готовиться к встрече с «духами», притаившимися, словно голодные шакалы, в норах и расщелинах, готовыми рвать и терзать «шурави» на куски. Какими «духами»? Политическими, бандитскими, наркомафиозными, ополченскими? Поди разберись! Все стреляют по нам с удовольствием.

Светлеющий на востоке горизонт насыщался желтовато-розовой палитрой наступающего утра, и по мере того, как мы спускались к «зеленке», контуры дня проявлялись ярче, контрастней.

— Внимание всем, я «Сокол», занять места по расчету и быть готовым к спешиванию, — рыкнул я по радио, встряхивая себя и уставших разведчиков, сидевших в замкнутых пространствах десантных отделений.

Панорама была изумительной. Слева на сотни километров раскинулся горный массив, хребты которого, переплетаясь, снисходили в юго-западном направлении, справа вытянулась долина реки Гильменд, покрытая простиравшейся до горизонта «зеленкой». Природное естество скрывало «духовские» формирования от воздушной разведки «шурави» и правительственной авиации. За последние годы в ней могли быть вырыты сооружения для успешного ведения оборонительного боя с замаскированными путями отхода в глубину кишлаков, а дальше — в горы. Тянувшийся вдоль реки сероватый шлейф кишлачной зоны — жилой, действующей — располагал к абсолютному пониманию непростых отношений племен, народностей, где сотни местных дехкан воевали друг с другом, войсками правительства, а теперь и с «шурави». Молодежью пополнялись «духовские» отряды, она же обеспечивала их разведывательной и другой информацией, продовольствием. Здесь же, в кишлаках, полевые командиры готовили нападения, решали повседневные дела дехкан, создавая у них впечатление присутствия власти, поддержки, разрешения споров.

— Усилить внимание «ниточки», обстрелян передовой отряд. Есть «двухсотые», — ожила радиосеть голосом связиста оперативной группы.

Ну вот, не втянулись в «духовскую» зону, как уже атакован

передовой отряд. А ведь нападение в жилой долине — знак того, что в покое нас душманы не оставят.

— Внимание, я «Сокол», «духи» обработали «ниточку». Приготовиться, — командую в эфир.

Спустившись, наконец, в долину стали лагерем. Моей разведгруппе задач не ставилось: командование позволило отдыхать. Люди устали, сработав в горах — восхождение было нелегким. Да и сам переход вымотал нервы, но я — командир, поэтому чувствовал, что комдив дал отдых разведке дивизии неслучайно. В любой момент могла поступить команда «Вперед».

Горы находились от нас в километре, и огонь стрелкового оружия, на мой взгляд, был не особенно опасен, но пересеченная местность позволяла противнику просочиться по высохшим руслам рек, оврагам и расщелинам. Поэтому артиллерийский дивизион, развернув гаубицы Д-30 веером на горы, готовил данные для ведения огня по наиболее опасным участкам, прилегавшим к нашему лагерю.

Ночь прошла спокойно. Утро дышало прохладой гор. Я торопил разведчиков позавтракать, потому что могла поступить команда на выполнение внезапно возникшей задачи. Быстренько приготовили завтрак, расселись за машиной.

— Товарищ лейтенант, присаживайтесь.

— Спасибо, Сергей.

Устроившись с Сафаровым на плащ-палатке, я перекусил, поговорил с разведчиками. Тушенка говяжья, свиная, бекон, паштет, сухари вперемежку с галетами разложили кучкой и хрустели ими, щурясь на взошедшее в ущелье солнце. После завтрака подготовили снаряжение, оружие, «разгрузку» с магазинами, гранатами, сигнальными ракетами. Если команда, мы через пару минут готовы лететь на задание.

— Конечно, разведчики себя не обидят! — услышал я знакомый голос и быстро вскочил.

Командир 350-го гвардейского парашютно-десантного полка подполковник Шпак, обходя линию обороны лагеря, вышел на нас. Приложив руку к головному убору, я доложил:

— Товарищ гвардии подполковник, разведгруппа отдельной разведывательной роты дивизии принимает пищу. Командир группы гвардии лейтенант Марченко.

— Хорошо, Марченко. Все в порядке?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Больных нет?

— Никак нет, здоровы.

— Молодцы, вчера хорошо сработали. Так держать.

— Есть.

— Людей приведи в порядок, не сегодня-завтра прилетает командующий ВДВ генерал-полковник Сухоруков. Проведет награждение личного состава, отличившегося при захвате объектов в Кабуле, изучит обстановку в районе боевых действий.

— Понял, товарищ подполковник.

— Будьте здоровы, разведчики, — сказал командир полка и пошел дальше по кругу расположенной техники.

Лагерь под Бехсудом приобрел необходимые очертания: система охраны, обороны, выход на позиции артиллерии, организация пунктов хозяйственного довольствия. Везде наблюдалась кипучая деятельность личного состава. Разведчики «полтинника» вели наблюдение за кишлаком, который хорошо просматривался в прицелы боевых машин. В нем было много населения, видны магазинчики, базары, снующие на ишаках мужчины в чалмах. Я было задремал. Часов в 10.00 из штаба оперативной группы прибежал посыльный.

— Товарищ гвардии лейтенант, вас вызывает командир дивизии.

— Спрыгнув на землю, я схватил автомат, поправил снаряжение. Кажется, вспомнили о нас, причем гораздо раньше, чем я предполагал. Разведчики, увидев посыльного, затихли, внутренне собрались. Молча посмотрел на них, подмигнул и пошел к оперативной группе, раскинувшей антенны метрах в трехстах левее нас. Командир дивизии, заместители сидели за раскладным столиком, обсуждая какую-то тему. Я отметил, что в палатке не было командиров частей, отдельных подразделений дивизии — лишь офицеры-операторы.

— Товарищ генерал-майор, гвардии лейтенант Марченко по вашему приказанию прибыл.

Комдив, сняв черные очки, улыбнулся.

— Отдохнули, разведчики?

— Так точно, товарищ генерал.

— Хорошо. Вчера показали неплохую подготовку на выносливость и результативность. Молодцы! Думаю, и сегодня сработаете.

Я молча стоял перед генералом, офицерами штаба дивизии. Комдив испытующе смотрел на меня.

— Задача такова, Марченко: с нами желают встретиться старейшины уездного центра Бехсуд. Договоренность достигнута, встреча произойдет вот в этом месте, — генерал показал на карте место обусловленной встречи.

Около трех километров от лагеря. Площадка была открытой, правее кишлак, горный массив раскинулся дальше. Место встречи, на первый взгляд, не очень опасное, если там, конечно,

не подготовлена засада. Вариант заманивания в засаду командования советской группировки маловероятен. На такую подлость старейшины вряд ли пойдут, слишком сильны русские — ответ будет адекватным. Другое дело — выяснить обстановку, планы, оценить опасность «шурави», это вполне объяснимо, если учесть, что мы расположились по соседству с кишлаками. Скорее всего, так и есть.

— Твоя задача, Марченко, обеспечить прикрытие группы офицеров на случай, если будет провокация или противник совершит нападение. Суть задачи понятна?

— Так точно, товарищ генерал. Но мне бы минут на тридцать выехать раньше, чтобы оценить обстановку на месте, возможно, одну машину оставить там, а двумя другими встретить офицеров.

Генерал Рябченко, задумавшись, посмотрел на карту, потом на заместителей.

— Хорошо. Но осмотришь местность так, чтобы у них не сложилось впечатления, что мы опасаемся и не доверяем старейшинам. У нас для них гуманитарная помощь — акт, так сказать, милосердия, встреча с ними должна пройти организованно и на высоком дипломатическом уровне.

— Понял, товарищ генерал, люди подготовлены, сработаем.

Комдив кивнул.

— Хорошо. На подготовку — час. Хватит?

— Так точно. Разрешите вопрос?

— Давай.

— Кто будет старшим группы?

Генерал, усмехнувшись, ответил:

— Старшим буду я.

— Понял, — приложив руку к головному убору, я спросил разрешения выйти.

— Действуй.

Выскочив из командирской палатки, метнулся к разведчикам.

— Сафаров, подъем, через минуту доклад.

— Есть.

Сержант кинулся к разведчикам выполнять приказ, понимая, что от комдива получено задание. Открыв карту, я всмотрелся в район встречи, выделив кусочек отдельного плато, где не было мандехов, высохших арыков, по которым можно подкрасться к месту встречи. Изучил подходы на расстояние действительной дальности огня стрелкового оружия, то есть метров на шестьсот вокруг. В принципе, ничего особенного, если бы с нами не было комдива и группы офицеров.

Размышления по размещению техники взвода, броней которой я планировал прикрыть генерала и офицеров дивизии от

возможного нападения «духов», привели меня к мысли об эффективной расстановке боевых машин на местности. С Павлом Лаговским мы решили выставить машины оперативной группы треугольником, что обеспечило бы нам оптимальное наблюдение за местностью и быстрое реагирование на неожиданную атаку противника.

Опасные направления от линии внешних дувалов кишлаков и ближайшего отрога анализировались мной по карте на предмет скрытых выходов к месту встречи сторон. Если вдруг командиру дивизии потребуются мои предложения по организации встречи, я ему доложу функциональный план, выработанный из условий складок местности и наличия возможностей наших сил и средств. Опасность-то, собственно, исходила от неровностей рельефа, позволявшего скрытое перемещение групп нападения противника. И если инициатором встречи выступили местные старейшины, что, с одной стороны, гарантировало относительную добропорядочность, как объяснил нам прикомандированный к оперативной группе переводчик, но с другой — сложно было понять, какие силы, партии контролировали уезд, и что закладывалось аксакалами в сам процесс переговоров.

— Слушать внимательно! Минут через сорок я докладываю комдиву о готовности к выполнению задания. После чего на трех боевых машинах выезжаем по маршруту… Командиры, карты…

Карандашом я вывел маршрут движения, который не сразу вел к месту намеченной встречи сторон. Скорее наоборот. Я его вычертил формой эллипса с постепенным приближением к плато, на котором планировался переговорный процесс. По ходу движения заодно изучим подходы к расположению лагеря, чтобы иметь более четкое представление о местности.

— Всем отслеживать обстановку в приборы наблюдения, но так, чтобы у «духов» не сложилось впечатления, что мы проводим разведку. Едем себе и едем. Ясно?

— Так точно.

— По щелчку тангенты останавливаемся, оправляем естественные надобности, перекуриваем, то есть создаем у визуальной разведки противника впечатление разгильдяев, продолжая движение к плато. В точке встречи оставляем БМД Нищенко с его экипажем. А вот теперь, Игорь, слушай главное!

— Весь внимание, товарищ лейтенант!

— Делаешь вид, — загораясь сценарием встречи, я развивал задачу сержанту, — что произошла поломка машины. Оператор остается в башне. Гапоненко слышит меня?

— Так точно!

— А чего глаза за уши закатил?

— Это я так, товарищ лейтенант!

— Так, ё… Глаз не спускать с кишлака! Понял?

— Так точно!

— Мы же на двух других машинах возвращаемся назад, берем под охрану три БТР-Д с комдивом, офицерами оперативной группы и сопровождаем их к вам. Встреча произойдет именно у вашей машины. Ваша задача — застолбить это место и никого к нему не подпускать. Ясно, Нищенко?

— Так точно, товарищ лейтенант.

— Нюх не терять — вредно для здоровья! Собранность и готовность к отражению атаки. Черт его знает, что от них ожидать? В одиночестве вы будете около сорока минут, а может, и часа. Не рыпаться и думать. Думать!

— Понял!

— Сафаров!

— Я, товарищ лейтенант!

— У командиров отделений «148» проверь связь и позывные.

— Сделаем.

— Роль каждого из вас понятна в задаче?

— Так точно.

— Оставаться на местах, я иду к комдиву.

Сложив для удобства пользования карту, я пошел к штабу оперативной группы. Запаса времени еще хватало, поэтому я на ходу прикидывал возможные варианты исполнения задания, размышляя над его содержанием. У штаба встретился с Лаговским. Павел уже был готов обеспечить посадку офицеров на подготовленные к поездке «бэтээры» и весело блестел беззаботной улыбкой.

— Привет, Паш, как скоро?

— Ждем, Валер, ждем.

— Слушай, поставь одну машину вот здесь, — показал я Лаговскому точку на карте, где, по моему мнению, необходимо было блокировать кусочек пространства от гор. Паше не надо было долго объяснять, что к чему, он начальник топографической службы соединения, поэтому мы с ним быстро согласовали наши действия по карте и надеялись, что на местности у нас получится не хуже.

— Переговоры, Паша, будут вестись за твоими машинами, я же своими прикрою по внешнему кольцу.

— Идет, Валер. — Павел, хохотнув, продолжал откусывать щипчиками ногти.

В палатке командира дивизии задействованные во встрече офицеры обсуждали порядок переговоров с почтеннейшим советом старейшин. В тот момент, как я «нарисовался» перед

командованием соединения, генерал заслушивал предложения офицеров по гуманитарной акции выдачи продовольствия населению.

— Товарищ генерал-майор, разведывательная группа отдельной разведывательной роты к выполнению боевой задачи готова, — доложил я, закрыв за собой полог палатки.

— Готовы, разведчики?

— Так точно!

Командир дивизии, поправив неразлучные очки, встал из-за стола.

— Товарищи офицеры, выезд через пятнадцать минут. Вопросы ко мне? Нет? Все свободны.

— Докладывай, Марченко.

Открыв карту, я доложил комдиву замысел превентивных действий разведывательной группы по прикрытию встречи.

Генерал, слушая, уточнил момент:

— Сержант справится?

— Так точно, товарищ генерал.

— А если провокация и «духи» приготовили засаду? Не растеряется?

— Никак нет, товарищ генерал, опытный и обстрелянный командир, да и разведчики у него воевали.

— Хорошо, «уговорил», выезжаем через десять минут. Связь по радио.

— Есть! Разрешите идти?

— Давай.

Я вышел от командира дивизии с легкой дрожью, прокатившейся по телу. Задач подобного плана еще не доводилось выполнять. Сам-то я был готов к любому развитию событий, но прикрыть комдива с офицерами управления — особая специфика. Но что поделаешь? Приказы в армии не обсуждаются, а выполняются — быстро, точно и в срок. Подбежав к своей командирской машине, я открытым текстом включился в связь:

— Доложить о готовности к движению!

Если «духи» слушают радиосеть, пусть думают что угодно о нас, а мы их ненавязчиво «пощупаем» на «вшивость».

— «01», 02», «03» готовы, — ответили сержанты по радио.

Я в свою очередь доложил подвижной оперативной группе о готовности к движению, получив «добро», скомандовал:

— «Стрела», я «Сокол», вперед.

Не спеша, вывел колонну за линию лагеря, затем боевого охранения. «Грунтовку», ведущую в кишлак, обошел стороной: двигаться по ней предельно опасно — местные черти, вне всякого

сомнения, заминировали ее каким-нибудь фугасом или «итальянку» присыпали пылью. По открытому участку равнины, по которому вообще никогда не ездил транспорт, я вывел БМД к обрыву высохшего русла реки, откуда кишлаки просматривались на большую глубину. С плоских крыш раскиданных мазанок на нас глазели кучки чумазых «бачат», одетых в цветастые одежды. Наблюдение велось и взрослыми дядями с черными, как головешки, лицами, искоса бросавшими взгляды на боевую технику, бороздившую их владения. Мы были на близком расстоянии от жилой зоны, что, вероятно, раздражало местное население, привыкшее к средневековой и только им привычной жизни. Опасно! Но «душков-то» мы все-таки подразним, посмотрим их реакцию на наши якобы чудаческие выходки.

Кривая к условной точке рандеву постепенно замыкалась, пора было действовать: опасные подходы определены, решение на прикрытие их «бэтээрами» оперативной группы принято. Большей опасности я не видел, во всяком случае, не различал ее в общей обстановке.

Ну, с богом. Сигналю тангентой. Машина Нищенко, дернувшись, остановилась, изображая поломку. Мы же на двух других БМД, как ни в чем не бывало, продолжали двигаться к лагерю. Я видел, как Нищенко приступил к «театрализованному представлению» по устранению «неисправности» боевой машины. Играть ему эту роль не менее сорока минут, может, чуточку больше.

На двух других «коробочках» мы двигались к лагерю, не меняя скорости, объезжая валуны, неровности дороги. Преодолев линию боевого охранения, подъехали к выстроенным в походный порядок трем БТР-Д оперативной группы. Спрыгнув с машины, я доложил комдиву:

— Товарищ генерал, место встречи выбрано, можно работать!

— Значит, в порядке?

— Так точно, товарищ генерал.

— Связь?

Ответить я не успел — вмешался офицер оперативной группы:

— Связь устойчива, товарищ генерал.

Командир дивизии, не уточняя деталей, сказал просто:

— Поехали, товарищи.

Участники встречи заняли места на пыльных «бэтээрах», выстроившихся колонной за двумя моими машинами.

— «03», обстановка?

В ответ щелчок тангентой — в порядке. Продолжая «ремонтировать» БМД, Нищенко подтвердил: обстановка в зоне

встречи нормальная. Предупредив механиков-водителей командования дивизии о недопустимости выезда на дорогу, я повел колонну к месту встречи по самому короткому пути, почти напрямую. У «духов» не должно сложиться сомнения в том, что мы основательно подготовились к встрече.

На пути были камни, булыжники… Машины бросало из стороны в сторону, но мы уверенно двигались к намеченной цели. Были опасения, что может слететь «гусянка», но пока ситуация развивалась по намеченному плану. Минут через пятнадцать показалась машина Нищенко, которая все еще «ремонтировалась» кувалдой и ломом. Парни напахались в постановочном сценарии, но ничего, молодые — полезно.

БМД сходу вышли на заранее намеченные рубежи и, «ощетинившись» орудиями, стали по намеченным секторам. Машины оперативной группы также прикрыли участников встречи с опасных направлений, как мы это спланировали с Лаговским. Паша молодцом, поставил машины, как надо, а главное — быстро. Группа офицеров во главе с генералом Рябченко за секунды была надежно прикрыта броней!

В прицел я ловил движение в кишлаке, отметив, наконец-то, у дувалов группу местных жителей человек в двадцать. Они медленно вышли из кишлака и, не торопясь, пошли в нашем направлении. «Пробежавшись» прицелом вокруг бородатых и наимудрейших аксакалов, я опять же ничего особенного не зафиксировал, хотя сама картина вызывала интерес: старейшины вышли на пятачок, блокированный техникой, и, остановившись, топтались на месте. Я отметил, что среди них была, видимо, своя иерархия, при которой вперед выдвинулся главный старейшина, трое стояли за ним, еще троица замыкала основной костяк их представительства. Остальная толпа остановилась чуть поодаль.

Командир дивизии с обозначившимся уже животиком спрыгнул с БТР-Д и пошел навстречу аксакалам. За ним офицеры-участники встречи. Наимудрейшие с седыми бородами, разглядев в нем главного «шурави», оценивающе смотрели на генерала в «песочке», не имевшей знаков различия.

От старейшин отделился тот самый, что был впереди, аксакал — загорелый, крепкий, с острым пронизывающим взглядом старик в светлых одеждах, белой чалме и почти без зубов. В левой руке он держал четки. Остальные жители остались на почтительном расстоянии. Старейшина, припадая на правую ногу, подошел к генералу Рябченко и заскорузлыми руками взял его за лицо. Какое-то время старейшина смотрел в глаза комдиву, затем дважды прижал его голову к своим щекам и, сделав шаг назад, стал говорить с ним медленно и степенно… Наш тарджимон

(переводчик) Саша переводил. С Александром мы были знакомы, он несколько раз работал с нами в поиске и засадах. Окончил он институт восточных языков, владел английским и фарси и вообще был нормальным парнем.

Беседа русского генерала с афганским спинжираем (старейшиной) началась неспешно. Я не слышал, о чем у них шла речь, но любопытства от этого меньше не стало. Посмотрев в очередной раз в прицел, я осторожно покинул машину и тихонько подошел к группе офицеров оперативной группы. В конце концов, мне была поставлена задача охраны командира дивизии. Чего кокетничать и стоять в стороне?

Генерал Рябченко вступил с ними в беседу. Речь его была вдумчивой. Простым и понятным языком он говорил дехканам о том, что русские войска пришли к ним с миром, они не собираются убивать мирное население. Пусть все спокойно работают и не боятся военных. Более того, отметил генерал, для жителей уездного центра Бехсуд «шурави» привезли муку, продовольствие, которое по договоренности с уважаемым старейшиной готовы передать населению. У русских нет намерений вести боевые действия, но на пути следования мы неоднократно подвергались нападению. Есть убитые, раненые. После чего задал аксакалу интересный и очень важный вопрос: могут ли они, уважаемые люди, дать гарантию того, что по нам не будут стрелять? Мы пришли с миром и желаем помочь афганскому народу в его революционных преобразованиях. Во время монолога командира дивизии, перевода речи переводчиком старейшина молчал, соглашался со всем, сказанным русским командиром.

Затем старейшина подошел к жителям кишлака, и они стали о чем-то говорить, применяя активную жестикуляцию руками. Переводчик не слышал их слов — далековато, но минут через десять старейшина вернулся обратно. Подойдя к командиру дивизии, он заверил, что по русским они стрелять не будут, пусть чувствуют себя, как дома, ни о чем не беспокоятся. Казалось бы, наиболее острая тема встречи была исчерпана, генерал со старейшиной обсудили вопрос гуманитарной помощи населению. Решили так: афганцы во второй половине дня подъедут к нашему лагерю на транспорте, где и произойдет передача им продовольствия.

Вопросы, интересующие обе стороны, закончились, главный старейшина, приблизившись к комдиву, взял его за руку и, согнувшись, сделал попытку ее поцеловать. Генерал вежливо, но энергично отнял свою руку у спинжирая. Белобородый вновь взял лицо командира дивизии руками, дважды прижал его к своим

щекам, повернулся и пошел к жителям. Встреча была закончена.

Офицеры оперативной группы расположились на БТР-Д, генерал Рябченко сел в один из них. Я же на своей командирской машине, выскочив вперед, возглавил колонну, прикрывая оперативную группу на маршруте следования. Минут через пятнадцать мы добрались до лагеря без каких-либо происшествий. Командир дивизии, молча, пожал мне руку и кивнул — все как надо. Наступившее следом расслабление придало уверенности в том, что и эту задачу мы, разведчики дивизии, выполнили должным образом.

Глава 19

После обеда к боевому охранению подкатило несколько «бурубухаек», гужевой транспорт. Солдаты тыловых подразделений перегрузили в них около сотни мешков муки, ящиков с продуктами питания. Вскоре афганцы уехали делить гуманитарную помощь «шурави», а мы, молча, наблюдали за происходящим, пытаясь понять главную мысль: они теперь за нас?

Долгого расслабления не получилось, поступил приказ комдива: к утру следующего дня группировка должна быть готова к встрече командующего ВДВ генерал-полковника Сухорукова. Оставшееся время мы посвятили подготовке внешнего вида, боевой техники и, конечно же, подготовке группы на случай, если каким-либо образом придется прикрывать Командующего. Я на всякий случай прикинул варианты, которые могли возникнуть в ходе прибытия военачальника в отдаленный район страны, где части дивизии несли потери. Тем не менее, отработали парадный вид, аккуратно сложили форму в десантных отделениях боевых машин, нашли крем, щетку для чистки сапог, ставших рыжими от пыли. Прошлись по боевым машинам: протерли броню, привели в соответствующий вид оружие.

Заместитель командира 350-го парашютно-десантного полка по политической части сделал объявление: для личного состава, свободного от выполнения боевых задач, вечером будет фильм. Мы обрадовались, как дети, помнится, праздничное настроение охватило нас всех. Я решил ужин провести пораньше, чтобы разведчики спокойно отдохнули до фильма, пообщались друг с другом, отвлеклись от постоянной тревоги. Так и поступил: поужинали, попили чай, заранее подготовили места для отдыха ночью в боевых машинах. В охранение дивизионную разведку не ставили, поэтому я предполагал после фильма провести отбой, чтобы разведчики отдохнули до утра и были готовыми к встрече командующего войсками.

Стемнело. В стороне от штаба оперативной группы замполит полка соорудил приспособление, на котором из сшитых вместе простыней вывесили экран. Получилось высоковато: скамеек, стульев не было, поэтому фильм предполагалось смотреть, задрав голову, сидя на земле. Было очень неудобно. Офицерский состав, сетуя на политработников (кто же еще виноват?), устраивался для просмотра фильма. Пишу эти строки и думаю: сколько жизней спасла элементарная небрежность замполита 350-го парашютно-десантного полка?

Перед экраном на земле расположилось человек двести личного состава, свободного от боевых задач. Начался фильм: титры, музыка первых кадров и сцен известной с самого детства киноленты. Десантники заворожено смотрели на экран! В какой-то момент я заметил, что экран трепыхается из стороны в сторону, исказилось изображение, полетели куски материи. Не сразу дошло, в чем здесь было дело. Фильм продолжался, а экран разлетался в клочья!

— Внимание, к бою! «Духи» ведут огонь, — слышу голос за нами.

Осенило: «духи» молотят из автоматов по светящемуся экрану, который видно издалека. К счастью, в момент просмотра личный состав лежал или сидел на земле гораздо ниже светящегося экрана. «Духи» не могли этого видеть, автоматные очереди шли над нашими головами, по великой случайности не задев скопление людей на земле. Экран потух, выключились динамики, слышна была стрельба с окраины кишлака. Боевое охранение вело ответный огонь. Бухнул залп гаубичной батареи, от неожиданности мы распластались на земле.

Страшное зрелище представляет собой стрельба артиллерии ночью, если находиться рядом с ней. Грохот — ничто в сравнении с огромными языками пламени, вылетающими из стволов орудий. Началось светопреставление: огонь из боевых машин открыла линия боевого охранения, включился артиллерийский дивизион. Канонада стоял такая, что объясняться друг с другом можно было только языком жестов. Так продолжалось минут двадцать. Постепенно огонь прекратился: «духи» уже не стреляли, увидев страшную мощь, которую привезли с собой «шурави». Никто из нас не сомневался: огненный ураган в Бехсуде запомнится «духам» надолго.

Вот и угостили хлебушком «душков», мучки дали. А что в ответ? Старейшины заверили командование, что по нам стрелять не будут, но реакция получилась обратной — огонь по людям в мирной обстановке, не в ведении боевых действий. Таким образом, меры, принимаемые нами по охране командира дивизии с группой офицеров, были не напрасными. Возможно, «духи» прикидывали нападение из засады. Лично для себя в который раз я сделал выводы: верить этим животным в человеческом обличье ни в коем случае нельзя. Если уж заверения старейшин ничего не стоили, то ничего святого не может быть в их исламском мире. С тех пор я верил только мертвым душманам: они — самые честные и порядочные парни, не сомневайтесь и поверьте мне на слово.

В центре лагеря авианаводчики подготовили площадку для приема вертолетов, один из них проверил направление ветра и

был в готовности «подработать» экипажам дымами и сигналом по радио. По периметру лагеря действовали разведчики 350-го парашютно-десантного полка, в готовность приведена артиллерия для ведения упредительного или заградительного огня. Выдвинутое вперед боевое охранение усилило меры противодействия противнику на случай, если он каким-либо образом проявит себя. Все было готово для встречи военачальника в боевой обстановке.

Около 10.00 на бреющем полете с грохотом пронеслась пара «горбатых». Хищно и дерзко они прошлись над нами и стали кружить над окраиной кишлака, огрызнувшегося ночью огнем. «Вертушки» зашли вдоль него с севера на юг, порыскали по периметру лагеря, метрах в семистах от нас обработали «нурсами» местность. Минут через десять появились Ми-8 и сходу зашли на площадку приземления, обозначенную выложенным камнями кругом и оранжевыми дымами. К ведущему борту подошел командир дивизии с группой офицеров оперативной группы. Командующий был в обычной генеральской повседневной форме, седой, серьезный. Выйдя из вертолета с несколькими офицерами, сопровождавшими его, он принял доклад генерал-майора Рябченко. О чем-то поговорив, они пошли к построенным для встречи войскам. Выйдя к центру строя, командующий приветствовал личный состав группировки:

— Здравствуйте, товарищи десантники!

— Здравия желаем, товарищ командующий, — прогремело над «духовским» нагорьем Бехсуда.

Генерал армии Сухоруков обратился к нам с речью, в которой им была подчеркнута особая роль дивизии, выполнявшей воинский, интернациональный долг в Афганистане. Он обратил внимание на то, что в эти минуты части соединения находятся на боевых действиях, успешно решают возложенные на них функции. Далее он рассказал о первых днях вхождения дивизии в Афганистан, где ряд военнослужащих, совершив воинский подвиг, были достойны награждения государственными наградами. Пользуясь случаем, отметил командующий, он с удовольствием выполнит миссию Верховного Совета СССР по награждению десантников боевыми наградами. В течение получаса командующий вручал правительственные награды офицерам, солдатам, сержантам, проявившим себя в революционных событиях 25 декабря 1979 года. Затем командующий опять обратился к нам со словами, суть которых заключалась в достойном служении Родине.

После официальной части генерал армии Сухоруков некоторое время еще находился в штабе дивизии, где генерал

Рябченко доложил ему обстановку в районе боевых действий и свое решение на выполнение поставленной задачи. Получив от командующего твердое «да», они стали прощаться. Генерал армии Сухоруков в сопровождении комдива, офицеров оперативной группы вышел к своему вертолету. Пара «двадцать четвертых», напомнив о себе, со звоном пронеслась над лагерем и взяла «восьмерки» в сопровождение к Кабульскому аэропорту. Вертолеты улетели, оставив нас посреди гор и «духовской» блокады…

Поздравив знакомых офицеров, получивших боевые ордена, я вернулся в расположение взвода. Разместившись в тени боевых машин, разведчики были рады, что командование нас не задействовало в операции превентивного прикрытия командующего. «Нас надо привлекать для более важных и ответственных заданий, где применяется сила, огонь и сноровка», — вещал «Зигфрид» в кучке друзей. «Лопату ему, что ли, дать! Разговорчив уж больно стал», — подумал я о Сокурове.

Заместитель командира 350-го парашютно-десантного полка по политической части объявил личному составу группировки, что в честь получения боевых наград сегодня объявляется праздник и дальнейшие мероприятия проходят по плану выходного дня.

— Кино мы не пойдем смотреть, товарищ лейтенант? — спросил у меня Сокуров после команды «разойдись».

Народ закатился смехом. Намек на вчерашний случай с обстрелом во время просмотра фильма, едва не стоивший жизни многим бойцам.

— В кино мы, «Зигфрид», не пойдем, вход дороговатый.

Тем не менее, ни я, ни мои разведчики еще не подозревали, что по плану заместителя начальника политотдела дивизии нам было уготовано большое доверие: защищать честь разведки ВДВ. Прибежал посыльный из штаба оперативной группы и доложил:

— Товарищ гвардии лейтенант, вас вызывает замначпо.

«Что случилось, черт побери?» — подумал я про себя, выдвигаясь в штаб оперативной группы.

Вот и палатка политотдела. Зашел.

— Товарищ гвардии подполковник, гвардии лейтенант Марченко по вашему приказанию прибыл.

Заместитель начальника политотдела мужик был жестковатым — прошел Кунар, но юмора не потерял.

— Тут дело такое, Марченко: в группировке есть рота специального назначения афганской армии, они десантники, разведчики, подобраны из горцев, ну, вроде как ваши коллеги. Есть возможность посоревноваться с ними, чтобы показать, чего

мы стоим, поэтому в рамках спортивных мероприятий проведем состязание. В каких-то соревнованиях будут участвовать другие подразделения группировки, тебе же главная задача — победить афганскую военную элиту.

— И как это будет выглядеть, товарищ подполковник? — спросил я политработника.

— Ничего особенного, Марченко, пойдем.

Мы вышли из палатки, замначпо показал мне на вершину горы, господствующую над местностью метрах в семистах от нашего лагеря. Гораздо дальше за линией боевого охранения. Возможно, в этот момент «духи» с нее наблюдали за нами.

— Что я должен сделать?

— Вот теперь к делу. Ваши группы будут иметь равное количество личного состава, экипированы, снаряжены совершенно одинаково при прочих равных условиях. Задача: первыми подняться на вершину горы. Затем по команде спустить вниз условных раненых и убитых. Действия по времени и на скорость. Вот и все.

«Ё… Офигеть…», — подумалось мне.

— Мы там с «духами» сцепимся, товарищ подполковник.

— Ничего подобного, — заверил политработник, — вертолеты сделали облет, все чисто.

«Ни хрена себе, — опять подумал я. — Там могут быть не только условные пострадавшие. Охренели они, что ли?» Но опять же, без согласования с командиром дивизии вряд ли такое мероприятие пришло бы в голову заместителю начальника политотдела.

— Понял, товарищ подполковник! Когда?

— Соревнования начнутся через час. Подготовь людей и в 13.00 быть у моей палатки.

— Есть.

Я пошел к своим рейнджерам, травившим во главе с Сокуровым анекдоты.

— Ну что, Сокуров, допиз…ся?

«Зигфрид» вскочив, принял положение «смирно».

— Вы о чем, товарищ лейтенант?

— Два твоих анекдота выставляются на конкурс.

— О-о-о, это люкс, — «Зигфрид» расплылся в улыбке.

— Слушай первый анекдот, впрочем, слушают все — готовность в полной боевой форме через пятнадцать минут.

Разведчики в недоумении смотрели на меня.

— Горушку все видят? — показал я на вершину, которую предстояло штурмовать.

— Так точно.

— Сокуров, не слышу твой голос.

— Так точно, товарищ лейтенант, — зычным голосом ответил «Зигфрид».

— Так вот, в полной боевой форме на нее надо подняться быстрее афганского спецназа. Вопросы?

— Поня-я-я-тно, товарищ лейтенант.

— Анекдот второй: спустить с вершины условных раненых и убитых быстрее спецназа «духов». Это понятно?

— Понятно, товарищ лейтенант.

— У меня все анекдоты, Сокуров. Вот здесь тебе и сила, и ловкость…

«Зигфрид», поежившись, смолчал…

— Ну, что, бойцы, покажем этому спецназу, что мы не лыком шиты. Как?

— Сделаем их, товарищ лейтенант, — спокойно ответил Сафаров.

— Тогда так, Сергей, десять минут на подготовку. Единственная просьба: соревнование соревнованием — могут быть и… «духи». На маршруте быть внимательней, помогать друг другу. Этому рванью я не верю!

— Понял, товарищ лейтенант.

В установленное время группа стояла перед палаткой замначпо. Я доложил ему о прибытии, он вышел и поприветствовал разведчиков.

— Марченко, немного подождите, афганцы на подходе.

Хорошо. Мы легли рядом с палаткой, закурили.

— «Духи», товарищ лейтенант.

Я оглянулся на голос одного из разведчиков и обомлел. К нам подходила группа афганцев в специальной камуфлированной форме. Такой формы у Советской Армии не было. Небритые бандитские рожи заросли волосами, зверский взгляд. Словно загнанные в угол звери, они приближались к палатке, остановившись, что-то обсуждали, размахивая руками. Сафаров склонился к моему уху.

— Товарищ лейтенант, может, кончим их прямо сейчас?

— О чем они бурчат?

— В общем-то, эта банда может хоть сейчас податься в горы.

Афганцы не знали, что двое среди нас свободно говорят на их языке. Сафаров, слушая их разговор, понял, спецназ — готовый «духовский» отряд.

— Серега, спокойно, слушай и переводи.

— Они недовольны войной, на которую их взяли. Пусть, говорят, русские воюют, а их оставят в покое. Иначе сами уйдут в горы.

— Ни хрена себе, союзнички Саурской революции.

— Значит так, — обратился я к группе, — с «духов» не спускать глаз, быть готовыми для вступления с ними в бой. Вопросы?

— Никак нет.

— Сергей, вы с Ивониным идете чуть сзади группы и контролируете афганцев с тыла и флангов, если что — валите всех подряд: вы снизу, мы сверху не дадим поднять им головы.

— Есть, товарищ лейтенант.

— Баравков, со своими идешь первым, возьми с собой больше гранат, в случае атаки закидаешь «духов» сверху. Сафарову и Ивонину удобней из автоматов. Рыпнутся — положим всех.

— П-понял.

— Сафаров, с Баравковым контролируйте разговоры афганцев, вы на их земляков не похожи. В случае обострения обстановки — сигнал немедленно. В крайнем случае, огонь на упреждение. Не церемониться.

— Ясно.

— Все. С богом, вперед.

Я подошел к заместителю начальника политотдела.

— Товарищ подполковник, ну и соперников вы подобрали. Откровенные «духи». В горах придется с ними воевать.

— Не драматизируй обстановку, Марченко, все нормально. Нам их придало Министерство обороны Афганистана — верные революции люди. А зверские морды? Ну, что поделаешь, если они такие?

— Товарищ подполковник, мои парни слушали их разговоры, они далеки от задач революционных преобразований и в горах останутся очень легко. Докладываю сразу: я меры принял, как будет дальше — не знаю.

— Ладно, ладно, не горячись. Сейчас переводчик поговорит с ними и расскажет условия соревнований. Сам-то готов?

— Я ко всему готов, товарищ подполковник.

— Ты это, смотри… Престиж ВДВ!

Подошел Александр, дивизионный переводчик. Пообщавшись с командиром афганского спецназа, он довел до него суть совместных соревнований, показал на нас, что мы — их соперники. Подошел ко мне.

— Ну и ребята тебе достались. Одни рожи чего стоят.

— Чем-нибудь себя проявили?

— Да нет, вроде спокойны, но это совсем не отражает действительного положения дел. В душу к ним не залезешь — скрытные.

— Ладно, Сань, разберемся.

Запрыгнув в машину, мы поехали к месту турнира — подножию вершины, которую предстояло нам штурмовать. Вместе с нами прибыла парашютно-десантная рота на боевых машинах для прикрытия соревновательного процесса, несколько офицеров оперативной группы, связисты. На старте собралось довольно много народа. Вышли к линии условного старта, где всем руководил замполит 350-го полка. Обе группы (моя и афганская) стали в исходное положение на расстоянии друг от друга метров в семьдесят. Переводчик еще раз объяснил афганцам задачу, показав на вершину, путь следования и конечную точку подъема, откуда по команде необходимо спустить условного убитого и двух раненых. Объяснил им, что за группами будет вестись наблюдение в бинокли и прицелы боевых машин, что мне очень понравилось.

Замполит подал команду «Вперед». Восхождение мы начали одновременно: афганцы, гортанно крича, бросились, шустро прыгая с камня на камень, мы как раз наоборот — спокойно и тихо.

— О чем они, Баравков?

— Уроды! Подбадривают себя криками.

— Чуть-чуть отстанем, Гена, пусть рвутся первыми, так их легче контролировать — все на виду.

Втянувшись на крутой подъем, где не разбежаться и барсу, афганцы затихли, уже не слышны были дикие вскрики, бег они сменили на шаг. Размеренно, не торопясь, мы подпирали их снизу, но вперед не рвались — рановато. Минут через тридцать выяснилось, что у афганцев получился разнобой: по физическим возможностям у них образовались три группы. Человека три вообще отстали и явно не претендовали на спортивные достижения. Отчетливо было видно, что физическая неспособность держать темп не позволяла им следовать с группой, то есть я фиксировал отсутствие сколоченности группы. Командир афганцев несколько раз что-то кричал, грозно размахивая автоматом, но прибавить скорость отставшие не могли. Группа, поднимавшаяся по центру, также захлебывалась потом, отчего и без того зверские лица «союзников» приобрели еще более дикий вид.

Мы же шли хорошо отработанным темпом: от первого в группе Баравкова — до последнего Сафарова двигались компактно, по-боевому. Порядок держали, словно уходили в тыл к противнику, были готовы к вступлению в бой. Примерно на середине маршрута я подал Баравкову сигнал — увеличить темп. Чисто тактически наступила пора вырубать из соревнований слабую группу афганцев — пусть подыхают внизу. Они уже

задыхались.

— Расслабить тело, ноги, двигаться свободней, не зажиматься, — подбадривал я парней.

Местами карабкались с помощью рук: подъем был очень крутым, но мы шли только вперед. Пот заливал глаза, курточка, прилипнув к телу, неприятно раздражала кожу. Скашивая взгляд на афганцев, я видел, что общая их группа оставалась позади, а те, кто слабее, отстав метров на 200 от основной группы, сидели на камнях, переобувая ботинки. О таких мокасинах мы могли только мечтать. Так, этих выключили, они уже не соперники, время засекается по последнему солдату, пора сбивать с темпа главную группу.

— Гена, держи скорость, вверху отдохнем.

— Понял, товарищ лейтенант, — прохрипел Баравков.

Минут через десять оглянулся назад. Афганцы, остановившись, практически пали на камни.

— Гена, тормози, отдыхаем. Следить за дыханием.

Теперь уже ленивым, вразвалочку шагом мы поднимались вверх, экономя силы. До вершины оставалось около двухсот метров, пожалуй, надо пройти без остановки. Я уже видел площадку с огромным булыжником, которую я отнес к конечной точке подъема.

— «10», я «Сокол», вышел на финиш. Прием, — доложил я по радиостанции.

— Вижу, «Сокол», фиксирую время. Готовность к спуску по второй задаче через десять минут.

— Есть, понял.

Разведчики, раскинув руки, лежали на камнях — потные, изнеможенные…

— Так, кого назначим убитым и ранеными?

Сквозь порывы знобящего ветра послышался голос Сокурова.

— Меня можно в убитые, товарищ лейтенант?

Лежавшие рядом разведчики задохнулись от смеха. Зигфрид весил килограммов под сто, а с оружием и снаряжением все сто тридцать. Вовчик, конечно, шутя, предложил свое тело в качестве… тела, но сразу поднялось настроение. Афганцы были где-то внизу, их даже не видно.

— Значит так, условный убитый — Гапоненко, раненые Архипов и Мадрыко. Готовность к спуску через пару минут.

Приспособив Гапоненко и условных раненых для эвакуации вниз, я доложил по радиостанции:

— «10», я «Сокол», к спуску готов.

— Понял, «Сокол». Время пошло.

Спускались мы не по прямой линии, а синусоидой с

небольшой амплитудой. Учитывая особенности склона, ринулись вниз по кривой. Длинный спуск с вершины намного труднее, чем подъем — я об этом уже говорил: икры ног немеют, в них появляется боль, которую невозможно терпеть. Поэтому спускались вниз левым, затем, правым боком, распределяя нагрузку равномерно на тело и ноги. Спустившись, примерно, на треть, мы увидели афганский спецназ. Аборигены не делали даже попытки подъема на гору.

— Товарищ лейтенант, у них, наверное, комсомольское собрание. Решают: остаться в горах или вернуться на базу, — ввернул «пострадавший» Архипов.

— Ты еще по п…ди, брошу, — пригрозил Баравков.

Сейчас было не до шуток. Меняясь на ходу, мы перехватывали друг у друга «раненых», «убитого», падали, вставали, упорно приближаясь к подножью горы. К финишу прибыли без потерь! Упав на землю, разведчики выпили из алюминиевых фляжек последние капли воды.

— Встать! В одну шеренгу — становись! Заправиться. Равняйсь! Смирно! Равнение на право.

Обозначив, насколько это было возможным, строевой шаг, я подошел с докладом к подъехавшему посмотреть соревнования специальных групп командиру дивизии.

— Товарищ генерал-майор, разведгруппа 80-й отдельной разведывательной роты дивизии, выполнив условия соревнований, на финиш прибыла в полном составе.

Удивленно подняв изогнутые брови, комдив спросил:

— А где афганцы, Марченко?

Сходу ответить я не мог — задыхался. Пока переводил дыхание, чтобы заговорить, кто-то из окружения комдива сказал:

— Может, в горах остались?

Стоявшие рядом засмеялись.

— Я их вижу, — доложил артиллерийский наблюдатель, контролирующий обстановку в прицел, — возвращаются.

— Фу, — выдохнул генерал, — хорошо, что не остались. Встретьте и поприветствуйте союзников, — повернулся генерал к замначпо. — Александр, переведешь. Слышишь меня?

— Так точно, — ответил переводчик.

— Марченко, а мы пойдем к разведчикам.

— Есть.

Я шел за комдивом, думая лишь о том, чтобы не упасть наземь на глазах офицеров. Мышцы ног ломило от дикой боли.

— Здравствуйте, товарищи разведчики!

— Здравия желаем, товарищ генерал-майор.

Комдив с радушной улыбкой доброго и отзывчивого человека

(склонность генерала к полноте делала его таковым), приложив руку к головному убору, властным голосом объявил:

— За проявленное мужество, выносливость, отличную горную подготовку личному составу разведгруппы объявляю благодарность.

— Служим Советскому Союзу, — дружно ответили разведчики.

— Вольно.

Комдив прошел вдоль разведчиков, каждому пожав руку, сказал слова благодарности. Было очень приятно в эти минуты душевных эмоций. В голове каждого из нас стучало: командир дивизии нами гордится! Очень почетно.

Генерал Рябченко уехал. Проверив оружие, снаряжение, мы убыли к машинам и вскоре прибыли в лагерь. Афганский спецназ, как потом мне рассказали, появился минут через сорок после нашего отъезда, так и не добравшись до вершины горы, определенной условиями соревнований. В лагере я, молча, пожал руки разведчикам. Никто, кроме нас!

— Отдыхайте, ребята, всем спасибо. Сергей, одного на охрану. Я у себя, немного посплю.

— Понял, товарищ лейтенант. Разойдись.

Разведка дивизии всегда была первой и гордилась успешным выполнением не только боевых, но и всех внезапно возникающих задач повседневной деятельности. А задачи не заставили себя ждать. Они появлялись днем и ночью — от максимально опасных по содержанию до деликатных по изящности, имевших свои особенности. Всегда, где бы мы ни были, чтобы мы ни делали, если поступала команда «Вперед», в кратчайшие сроки разведывательная группа действовала по самому жесткому сценарию развития событий. У меня как у командира разведчиков выработалась независимая от всех других реакция организма на внезапное выполнение действий, поставленных командованием дивизии.

Отмечаю в лучшую сторону всех своих разведчиков, бывших со мной на боевых заданиях. Я гордился ими всегда и во все времена! Если бы не они, о разведке нашей дивизии говорили бы совсем по-иному. В труднейших условиях боевой действительности мы выполняли боевые задачи и, слава Богу (а я убежденный атеист), пока без потерь. За то, что мы уже сделали в боевой работе, каждый из моих разведчиков достоин памятника у себя на Родине. Они это заслужили самоотверженным трудом во благо Родины, пославшей их на тяжелейшие испытания войной. Мы еще не знали, что это только начало — будущее будет еще более кровавым и жестоким на всем протяжении афганской

войны.

Глава 20

Рейдом в провинцию Вардак командование армии рассчитывало привлечь на свою сторону часть населения. Но хлеб, мука, другие продукты питания, переданные местному населению знаком доброй, мирной воли, не только не сыграли положительной роли, а позволили боевикам совершить нападение. Можно ли назвать людьми тех, кто кусает руку, дающую помощь? Животные, как мы знаем, и те не нападают на людей, которые их кормят. За совершенный поступок душманы подлежали уничтожению, как бешеные афганские шакалы. Гвардии капитан Литош, командир разведывательной роты 350-го парашютно-десантного полка, со своими разведчиками прочесывал ближайшие горы. Гаубичная и реактивная артиллерия подготовила данные для стрельбы по разведанным нами опорным пунктам противника и периодически вела беспокоящий огонь по его позициям. В один из напряженных боевых будней командир дивизии поставил мне отдельную боевую задачу…

Она была обычной и на первый взгляд ничем не отличалась от всех тех, которые мы выполняли в последнее время. Суть ее заключалась в следующем: выдвинуться в район узкой долины, расположенной восточней Бехсуда для проведения поисковых и засадных действий по обнаружению и уничтожению противника, подходящего со стороны горного хребта Баба, кишлаков Гардандеваль, Джалиль. Серьезность поставленной задачи не вызывала сомнений: противник в районе боевых действий был озлоблен еще на правительство Амина, а теперь и на новое, поддержанное советским воинским контингентом. Всего год назад уезд прочесали армейские части афганской армии, по нему нанесла удар артиллерия — вокруг видны кишлаки, разбитые бомбоштурмовыми ударами авиации, в результате которых погибло мирное население. Через год в страну вошли войска советского государства и вот сейчас пытаются войти в контакт с жителями пострадавшего района. Но «шурави» все равно враги. Наши гуманитарные акции доброй воли для них неприемлемы. Психологию местного населения мы начинаем понимать в ходе допросов пленных, бесед с дехканами через Сафарова и Баравкова, владевших местным диалектом.

Линию боевого охранения прошли скрытно, удаляясь от лагеря по пересеченной равнине. Мы, разведчики, став слугами тьмы, ушли в ночь и потерялись в ее тени за линией боевого охранения. Углубившись в долину, размытую сезоном дождей, прошли мимо дорог, идущих с Гильменда, водной артерии, вдоль

которой расположилась большая кишлачная зона и не менее серьезная «зеленка».

Километров через пять вышли к довольно широкому оврагу, уходившему в узкую долину, заросшую проклятой «зеленкой». «Зеленка» упиралась в кишлачный массив, создавая, таким образом, естественный оборонительный рубеж жилого сектора. Ускоренным шагом спустились ниже уровня края оврага, чтобы контролировать кусочек открытого пространства левее от нас по ходу движения. Овраг, расширяя границы перед садами, оказался заросшим внизу высокой травой, похожей на камышник русских озер. Он был выше человеческого роста, что позволяло нам предельно скрытое выдвижение к объектам нашего интереса. Тем не менее, я понимал, что и «духи» могут использовать его для решения против нас точно таких же задач. Недавняя «отповедь» им огнем артиллерии, думаю, научила их более внимательному отношению к тактике действий против войсковой группировки «шурави». Продолжая втягиваться в «духовскую» зону, я несколько раз оглядывался назад, прикидывая пути отхода в случае внезапной встречи с противником.

— Ивонин, — шепчу старшему дозорному, — различаешь хмызник на дне оврага?

— Так точно.

— Следуешь с Сокуровым по условной линии водослива с задачей разведки маршрута. Вникай и слушай ночь. Чуть что — связывай противника боем и самостоятельно уходи к лагерю.

— Понял, товарищ лейтенант, а не блуданем в камыше?

— Ё… Полярную звезду видишь?

— Ну, да.

— Направление выхода к объекту задачи примерно на север. Вот и держись ее при следовании в кустарнике.

— Понял.

— Но главное, Андрей, не выскочи на «духов». Ляжем все.

— Я понимаю, товарищ лейтенант.

— Сокуров, ближе.

— Слушаю, товарищ лейтенант.

Голубоглазому и в последнее время очень разговорчивому блондину я показал кулак.

— Суть понял?

— Так точно.

— И не сверкай белками, накроют.

Сокуров с Ивониным хмыкнули смешком. Взбодрил парней нехитрой шуткой, но пора и вперед.

— С Богом. Поехали.

Дозорные шмыгнули вниз по обрыву, где, как мне виделось в

«ночник», стеной стоял суходол. Они исчезли в песчаном русле речонки, высохшей после дождей. Группа двинулась следом, сохраняя дистанцию и боевой порядок во время движения. Успели. Мы не рейнджеры из дешевеньких американских фильмов, поэтому смотрим на вещи реально: противник коварен и очень опасен. Его надо почувствовать, вовремя обнаружить и косить огнем автоматов. Не получится внезапно — уходить, уносить ноги, потому что он не выпустит нас: достанет, не отпустит и будет преследовать до полного уничтожения. Зная о своем превосходстве в силах, «духи» зажмут и будут атаковать с воздействующим на психику криком «Аллах Акбар». От «духовского» визга сознание мы не потеряем, прижмем к земле огнем и броском ему навстречу несколькими тройками одновременно прорвемся через их боевые ряды. Одна из моих домашних заготовок, которую я отрабатывал с разведчиками на Ходжа-Раваше — ошеломить «духов» жестким ударом в лоб и сразу в прорыв: оторваться, уходить. Терять уже нечего: бездействие — верная гибель, а внезапный удар собьет их с ритма атаки, ошеломит, а дальше — судьба…

Узкая долина, ограниченная обрывами — удобное место для тайных операций разведчиков. Уже около трех часов крались мы по самой нижней линии ее рельефа. Душновато. Шириной не более четырех километров, где-то больше или меньше, заросшая высокой травой и кустами, долина была удобна возможностью скрытого выдвижения к нашему лагерю. «Духам» было выгодно по ней подбираться к нам, и наоборот — моей группе к ним. Действовали мы на встречных курсах в узкой полосе, заросшей высоким сухостоем.

Выходить к противнику по верхнему плато вдоль обрыва овражной расщелины — значит, двигаться по открытому месту. В случае встречи с душманами даже укрыться негде: ровная местность просматривалась на приличное расстояние. В высокой же траве, если нарвемся на «духов», большая гарантия потеряться и ускользнуть от цепких лап противника. Соблюдая осторожность, мы пробирались через стебли высокого хмызника, росшего по всей ширине высохшего русла реки. Размышляя о возможном характере действий противника при его выходе к нашему лагерю, я бы на месте «духов» выбрал маршрут по верхней части долины: все же родная вотчина, знакомая местность. Тем более, мне не думалось, что «духи» после интенсивного обстрела артиллерией боялись нас настолько сильно, чтобы позволить себе тернистый путь сухих кустарников и жесткой травы. Хотя, кто его знает? Пренебрежение правилами разведки смерти подобно.

Полыхнувшие за спиной зарницы возвестили об открытии

огня артиллерией группировки по разведанным накануне целям противника. Канонада орудийной стрельбы свалила нас на землю, мы упали, изготовившись к бою. Освещенный залпами 122-х миллиметровых гаубиц небосвод виден был душманами за многие километры, пусть вспоминают Аллаха и делают выводы о собственном коварстве и желании отомстить «шурави». В трудный момент артиллерия была с нами, от этого стало, если не веселей, то гораздо спокойней. Великое дело — поддержка, а с ней пришло вдохновение, кураж, второе и третье дыхание.

Одной из задач разведывательной группе было наведение огня артиллерии по обнаруженному противнику. Со мною была карта, на которой имелась кодировочная сетка, действительная только на время задания. По ней в нужное время я буду определять положение противника на местности и наводить на него огонь артиллерии, передавая по радиостанции шифрованные координаты на пункт управления огнем. И в другой ситуации, если понадобится помощь артиллерии, я ее вызову по радио таким же образом. Разорвавшиеся под ногами у «духов» несколько снарядов, уменьшат их «духовскую» активность и позволят нам уйти без потерь. Ребята мы ходкие, в чем убедился афганский спецназ, уйдем и от «духов»…

Но засадные действия, нанесение противнику урона в живой силе было определено командиром дивизии главной задачей. Командование дивизии предполагало внезапным огневым налетом нанести поражение живой силе противника, тем самым лишить его способности к активному сопротивлению. Выполнение задачи планировалось завершить быстрым уходом по верхнему плато левого обрыва долины с корректированием огня артиллерии для прикрытия отхода группы к базовому лагерю.

Потянуло ветерком — первый признак выхода на открытое место, где есть возможность ему разгуляться. Долина, похоже, заканчивалась, начиналась пойма реки Гильменд, создававшая турбулентность воздушным массам. Русло реки сопровождалось мощной «зеленкой» и кишлаками. Стоп! Лучшее время, чтобы оценить обстановку, уточнить координаты по карте: противник находится рядом и поддержка артиллерии может понадобиться в любой момент. Мне не составило труда подготовить данные о нескольких заградительных рубежах на случай, если противник нас обнаружит, чтобы огнем артиллерии отрезать противника от группы. Пойдет. Осмотревшись, просигналил «к бою» и выдвинулся к парному дозору.

— Андрей, «ночничок».

Выглянув из травы, я оценил полоску местности перед «зеленкой», которая показалась мне довольно открытой. До

зеленой зоны было метров триста, за ней кишлаки и река. Выйдя из поросшего сухостоем русла бывшей реки, мы оказались метрах в четырехстах от левого обрыва верхнего плато равнинной местности, с которого должна была просматриваться кишлачная цепочка, растянувшаяся вдоль берегов реки. Отрезок пути к обрыву мне не понравился, он был покрыт жухлой травой, на нем не было ничего такого, за что можно было укрыться. Обстановку усугубляло наше положение относительно местности — мы находились ниже общего уровня рельефа, значит, были уязвимы с верхнего рубежа обрыва. Если бросок в район засадных действий я устроил в режиме максимально скрытого выдвижения, то выход на боевые позиции нас открывал и ставил в опасное положение. Оценив местность с нескольких направлений, пришел к выводу, что выступ обрыва — лучшее место для устройства засады. Оно доминировало над равниной, что позволяло контролировать широкий овраг и выходы из «зеленки». Да и кишлаки должны были просматриваться в ночной прицел.

Не задерживаясь, вперед — к выступу обрыва. Именно там удобное место засады. С него открывалась возможность просмотра всех направлений и контроль низа долины до 500 метров и плато до начала поймы реки. Мы оказывались в выгодном тактическом положении: на нашей стороне находился базовый лагерь, артиллерия и не самый плохой путь отхода.

Расположение засады выбрал непосредственно на местности, что в данной ситуации являлось ключевым звеном в цепочке выполняемого задания. Следующим шагом было уточнение по карте рубежей прикрытия отхода группы дивизионом гаубиц после выполнения мероприятий, предусмотренных задачей. «Пробежавшись» по координатной сетке карты, я «привязал» ее к нескольким видимым на местности ориентирам, прикинув резервный маршрут ухода по оврагу. Если что-нибудь пойдет не по плану, координаты нескольких рубежей на случай отхода были уже подготовлены, отойдем к своим под прикрытием артиллерии. Подготовив отход группы, я пришел к окончательному решению о выводе группы к месту засады, обрыву, нависшему над выходом из оврага и открытого участка равнины перед «зеленкой». Чувствуя явную опасность, исходящую именно оттуда, я нервничал и торопился:

— Андрей, направление на обрыв. Наблюдаешь?

— Вижу.

— Там организуем засаду. Выйдешь на плато — местность под контроль, обеспечишь нам выход наверх. Внимание на пределе.

— Понял.

— Фетисов с Архиповым подстрахуют на подъеме.

— Ясно.

— Вперед, гусары.

Коснувшись плеча Ивонина, я подтолкнул его в направлении к обрыву.

Обе пары — дозор и прикрытие — двинулись из хмызника к указанной цели. Обернувшись к Нищенко, я шепнул:

— За тобой тыл, Игорь, не повесь «духов» на хвост.

— Понял.

— Все в порядке?

— Нормально, товарищ лейтенант.

— Поглядывай по сторонам.

— Есть.

Выдвигаясь к выступу обрыва, мы пересекали широкий овраг, похожий на мини каньон, по диагонали. Трава при выходе на открытый участок была уже не очень высокой и не путалась под ногами. Опять же, исчезла ее камуфляжная защита, не позволяя нам сливаться с естественным фоном местности. Усиленный Фетисовым и Архиповым дозор, страхуя друг друга, поднимался на верхнее плато обрыва. Мы все еще находились в невыгодном для себя положении. Захватить кусочек обрыва на пересечении поймы реки и долины было задачей номер один. Дальше — проще, нам уже не светила внезапная встреча с противником, мы уже будем контролировать местность. Я надеялся на разведчиков, ушедших в дозор. В случае опасности парни примут бой, как положено, но еще рано, очень рано думать о драке, нужно немного времени, чтобы разобраться с обстановкой наверху и организоваться в опасную для «духов» засаду.

Ночной прицел «танцевал» в моих дрожащих от напряжения руках. Включил его поворотом потенциометра — на открывшейся в преобразователе местности несложно было различить движение людей, вышедших на открытый участок перед входом в расщелину оврага. На его высокой оконечности расположились мы, не успев принять боевой порядок засады. «Духи». Сгрудившись кучей, они остановились, вероятно, принимая решение в соответствии с замыслом разработанной ими операции. Решив организационные вопросы, как охарактеризовал бы я действия противника, душманы, вытянувшись в колонну по одному, пошли в нашем направлении. Только теперь вышедший из зеленого массива душманский отряд можно было пересчитать. Мне показалось, что «духов» было слишком много — вспомнил информацию штаба дивизии о возможном их соединении в более крупные формирования. Несколько раз я пересчитывал колонну противника, пытаясь понять — один это отряд или все же две-три

отдельные группы?

— Спокойно, ребята, спокойно, отслеживаем движение.

Это одна группа, других движений на фронте моего наблюдения я не видел, значит, предполагать синхронные мероприятия противника в ближайшее время не приходилось. Темные контуры «духов», «накладываясь» в прицеле друг на друга, размеренным шагом двигались к намеченной цели. Восемнадцать человек я видел точно, если кого-то и выпустил из вида, все равно их было не более двадцати. Где они пойдут? По оврагу под нами или выйдут наверх и попадут в расставленную им засаду? Сердце билось в груди, готовое выскочить наружу.

А душманский отряд, вытянувшись колонной по одному, шел, не торопясь, через поле. Что бросалось в глаза? Противник не посчитал возможным выставить дозорных: ни головных, ни в тылу — уверенным, неторопливым шагом «духи» шли налегке без снаряжения и тяжелого вооружения. Большинство душманов держало автоматы за ствол на плече, что облегчало их перемещение в походном порядке. Именно в походном, а не в предбоевом или боевом, что говорило бы об их настороженности при выходе к рубежу проведения акции против войсковой группировки русских. Впрочем, чего им опасаться? Они у себя дома и, похоже, вообще не допускали присутствия «шурави» у кишлачной зоны — шли спокойно, с достоинством, как на работу.

Момент имел ключевое значение. Мне необходимо было понять путь, по которому пойдет душманский отряд, чтобы выстроить конфигурацию засады таким образом, чтобы она была наиболее эффективной при уничтожении врага в первую минуту — дальше разберемся. Я отслеживал движение противника от первого бойца до последнего, не теряя надежды, что должны же, наконец, «духи» определиться с маршрутом выдвижения к объекту атаки. По оврагу? Или, поднявшись на обрыв, выйдут прямо на нас? Третьего пути у них не было. Назад они уже вряд ли повернут — настроены решительно.

Полевой командир, словно подслушав мои переживания, принял решение… Душманский отряд повернул на нас. Я оторопел, рассчитывая, что «духам» выгоднее было идти по долине широкого оврага. Вот и пожалуйста — у них совершенно иное мышление о, казалось бы, очевидных вещах. Надо срочно менять конфигурацию засады перемещением нескольких разведчиков на ударную позицию — ближе к выступу обрыва.

— Ксендиков, Мандрыко, Гапоненко — к Ивонину, — шепотом скомандовал я разведчикам. Ваше место в общей схеме засады, но не мешайте друг другу.

— Понятно, товарищ лейтенант, — ответил Ксендиков.

— Вперед-вперед.

Схема моего замысла была несложной. Если «духи» полезут наверх, они как раз выйдут на усиленную группу Ивонина, задача которой внезапным огнем подавить живую силу душманского отряда, а мы, подключившись с правого фланга, завершим уничтожение. Выдвинувшись ползком к выступу обрыва, парни через пару минут усилили принявшую боевое положение подгруппу Ивонина.

Душманы продолжали неторопливое движение по направлению к нам. В прицел хорошо были видны детали одежды, задумчивое выражение в лицах. Они словно бы ушли в самих себя или разговаривали с Аллахом. Бородатых было немного — больше всего молодежь, оторванная от полевых и хозяйственных работ. А если профессиональные бойцы с опытом контрабандного перемещения наркотиков в соседний Пакистан? Впрочем, какая разница? Противник постепенно сокращал расстояние до установленной на них засады.

Перед горловиной оврага «духи» опять сменили направление, смещаясь по натоптанной тропинке в тень расщелины обрыва. Спина стала мокрой. Подниматься на плато «духи» не собирались, они выбрали путь внизу под расставленной нами засадой. Интересное решение: я бы в боевое столкновение с противником так группу не повел. Неужели они нас ни за кого не считают? Решили прикрыться гребнем обрыва, вернее, тенью от него, чтобы выйти к нашему лагерю. Срочно опять менять конфигурацию засады и акцент сместить на нашу подгруппу.

— Яруков, ко мне Ивонина, Фетисова и Сокурова. Мандрыко — старший.

— Есть.

Через пару минут возле меня оказалась тройка разведчиков.

— Андрей, «духовскую» затею понял?

— Да, пойдут внизу под обрывом.

— Понимаешь, что это значит?

— Прямо под нами, товарищ лейтенант, это практически в упор под огонь наших автоматов.

— Схватил. Молодец. Ваша позиция — чуть ниже козырька, чтобы «духи» не просекли снизу на фоне светлого неба.

— Ясно.

— Сигнал на открытие огня — мои трассера по головной группе. Ты со своими парнями работаешь по центральным бойцам. Баравков?

— Я, товарищ лейтенант.

— Валишь остальных уцелевших и способных к сопротивлению. Вперед.

Ивонин со своей подгруппой выдвинулся к обрыву и занял позицию под козырьком. Душманы пойдут прямо под ними метрах в сорока, если, конечно, опять не поменяют направление.

— Нищенко, для твоих ребят — последние пятеро «духов». До них будет метров пятьдесят. Твоя задача: не дать уйти к кишлакам. Отход по сигналу, прикрываешь группу до лагеря. Вопросы?

— Никак нет.

— Давай, на позицию.

Кажется, готовы. Для артиллерии держу в голове координаты первого рубежа прикрытия отхода к лагерю.

«Духовский» отряд неумолимо приближался к нам. В ночной прицел я уже не смотрел, опасаясь обнаружить себя отсветом ЭОПа, да и смысла уже не было — вот они, приближались колонной все ближе и ближе. Оставалось немного, метров сто пятьдесят до начала внезапной атаки. Намеченный мною ориентир я хорошо различал в темноте. Как только ведущий в отряде боевик достигнет его, я первыми разорву трассерами его и нескольких идущих следом за ним душманских бойцов. Кто они — первые? Старшие по возрасту: походка у них менее легкая, основательная, уверенная, остальные сообразовали движение по ним. Значит, опытные следуют первыми, молодежь позади. Тоже тактика.

Приложившись к автомату, я подвигал им вправо, влево, расположился так, чтобы открывался сектор ведения огня. Патрон в патроннике, не торопясь, поймал на мушку через прорезь прицела первого, второго, третьего душмана. Прикинул, смогу ли троих на одном дыхании. Первые, в два патрона очереди прогремят неожиданно и свалят двоих, третьего валю, что называется, влет.

Душманы шли компактно, не растягиваясь… Осталось метров тридцать… Сжав зубы до предела, я прислушался к собственному сердцу, оно молотило так, что стук его, вероятно, был слышен на базе. Первый душман подходил к условно намеченной точке, в которой он попадает под огонь моего автомата. Он в прицеле. Плавный спуск не вызывал сомнений: мой выстрел первый и в цель. Идущий следом душман, по инерции сделал шаг, другой и упал на первого. Третий не успел укрыться, заметался… и он не боец — падает рядом.

Грохот автоматных очередей длился несколько секунд. Показалось — целую вечность. «Схватив» взглядом панораму, заметил, что духовский отряд огрызнулся несколькими очередями, но тотчас смолк, словно ему заткнули глотку. Ответный огонь захлебнулся: тридцать-пятьдесят метров в упор

не оставляют шансов на жизнь и способность к сопротивлению.

— Товарищ лейтенант, кончено, — доложил Ивонин.

— Бегом «пройдись» одиночными и уходим.

Подмывало желание кинуться и собрать трофеи. Вершина эмоционального всплеска! Много оружия, боеприпасов, вещей, которые могли послужить информацией, но долой эмоции, времени в обрез. Стрельба разнеслась по округе, подкрепление «духам» может оказаться рядом с местом события. Затихли одиночные выстрелы Ивонина. В порядке. Отходим в сторону базы. Ивонин, Сокуров уже были впереди, к ним подтянулась группа. Вижу Нищенко, пересчитал — все на месте.

— В отрыв.

Размашистым бегом уходим к лагерю. Бежали легко, освежаясь прохладой верхнего яруса плато. На ходу схватив тангенту связиста, передал в эфир:

— Я, «Сокол», работу закончил, выхожу на базу.

— Понял вас, «Сокол», поддержка нужна?

Дал координаты первого рубежа прикрытия после выполнения задачи, предупредив, что открытие огня только по моей команде. Первый рубеж уже был за спиной, метров четыреста — опасное расстояние для вызова огня артиллерии: накроют вместе с «духами». Если последует преследование, оттянемся метров на триста вперед, и пусть они «молотят» до утра.

Сигнал остановки — залегли, круговое наблюдение. «Духов» можно встретить и здесь, на путях отхода. В ночной прицел «пробежался» по местности, в тыл. На открытом кусочке равнины видимость была хорошей: нас не преследовали.

— Вперед.

Наблюдая по сторонам, ускоренным шагом двигались к лагерю. Противник может шататься где-то рядом, «шакалить», искать лазейки.

— Товарищ лейтенант, связь, — доложил Есаулков.

Схватил гарнитуру.

— Я «Сокол», прием.

Офицер связи оперативной группы:

— «Сокол», доложите обстановку.

«Открытым текстом докладывать, что ли?»

— Я, «Сокол». Наработал до двадцати «двухсотых» «душков» со стволами. Потерь не имею, прикрытие пока не требуется, мои координаты…

— Я понял, «Сокол», понял.

Связь закончилась, офицер-связист, вероятно, пошел доложить комдиву об обстановке на нашем направлении.

Преодолев второй рубеж прикрытия, я дал сигнал остановки. Залегли, отдышались. Изучил местность — в порядке, подозрительных движений не наблюдалось. Пройдена половина пути, до лагеря осталось чуть более трех километров. Можно было отдохнуть.

— Сокуров, понаблюдай, — протянул «ночничок» «Зигфриду» и распластался на земле.

Пока Сокуров со знанием дела осматривал местность, я лежал на спине, а перед глазами был скоротечный бой. Первые «духи» упали от двух моих очередей, у третьего была возможность укрыться, но замешкался. Группа сработала синхронно, что очень важно в засаде. Нищенко действовал верно, не позволив уйти нескольким «духам», замыкавшим колонну. Среди «духов» были и раненые, но они не имели права на жизнь. Ивонин «застолбил» результат одиночными — свою установку к зверью я менять не собирался.

«Духи» были ожидаемыми на нашем пути, тем не менее, психологически они появились неожиданно. Выходили на нас, несколько раз меняя направление движения. У меня оставалось времени только на то, чтобы понять их маршрут и рационально распределить разведчиков. Результат радовал, сработали нормально. Всего несколько очередей в нашу сторону. Немного. Эффективность огня разведчиков не оставляла ни малейшей возможности «духам» оказать сопротивление, оно было подавлено в первые секунды боя. Душманы оказались не способны к отпору: пара очередей в никуда не сыграли роли в общем успехе операции. В полном составе была уничтожена боевая единица противника. Вне всякого сомнения, завтра от старейшин, местных жителей мы получим информацию о нашей работе. Несмотря на то, что результат был очевиден, необходимо было подтверждение из других источников. Таков порядок, и мы с пониманием относились к этой процедуре. Оставалось разумно добраться до лагеря.

— Что там, Сокуров?

— Пока ничего.

— Еще раз «пройдись» перед собой.

Усталость от напряжения последнего часа немного прошла, успокоилось дыхание. Пора вперед.

— Чисто, товарищ лейтенант.

— Володя, прицел Ивонину и вперед. Нюх не терять.

Резво кинулись в сторону лагеря. Впереди бухнуло несколько выстрелов — беспокоящий огонь артиллерии. В течение ночи артдивизион будет стрелять в определенном алгоритме: через пять, десять, пятнадцать минут. Приближение лагеря ощущалось

огнем артиллерии — скоро боевое охранение. Ивонин, думаю, помнит пароль, а то придется валяться под стволами своих же парней. Перешли на шаг.

— Ксендиков, зеленую ракету, может, пригодится.

— Есть.

Если боевое охранение не распознает нас по паролю или что-то напутает, зеленая ракета вверх — сигнал «свои». Хотя бы стрелять не будут. Последний километр преодолели с ощущением душевного подъема и удачно выполненной задачи. Совершив опасный выход по долине к скоплению «духовских» сил, мы удачно расположились в засаде и получили результат. Впрочем, все это завтра, уже угадывался лагерь, линия боевого охранения.

— Стой, «семь», — слышен выкрик солдата.

— «Четыре», — ответил Ивонин.

Пароль на сутки «одиннадцать». Охранение пропускает нас в лагерь. Неторопливым шагом мы прошли боевые машины, расположенные по периметру базы. Повел группу к штабу для доклада командиру дивизии. Дневальному, стоящему под грибком, сказал:

— Доложи оперативному, разведка дивизии прибыла на доклад.

— Понял, сейчас.

Солдат забежал в палатку, тотчас же вышел офицер оперативной группы, заступивший на дежурство.

— Товарищ гвардии подполковник, разведывательная группа отдельной разведывательной роты прибыла в полном составе. Доложите командиру дивизии.

— Генерал ждет, заходите.

— Есть. Сафаров, перекурить, быть рядом.

В палатке доложил комдиву о прибытии.

— Заставил нас поволноваться, Марченко, набегами на местных боевиков, — улыбаясь, сказал генерал Рябченко, выходя из-за раскладного столика, на котором лежала карта, темные очки.

— Получилось, товарищ генерал, но времени было в обрез. «Духи» из «зеленки» и сразу к нам.

— Волновался?

— Так точно, товарищ генерал, «духи» попались основательные. Мужики матерые, чувствовалась уверенность в действиях.

— А вели себя?

— Вышли из «зеленки» и сразу в походное положение в колонну по одному, охранения не было, возможно, чувствовали себя в безопасности. Во всем была какая-то обыденность, словно

шли на работу.

— На работу и шли, Марченко. Один из старейшин предупредил о возможной атаке на лагерь. Они выходили на нас, поэтому сегодня и дал команду на упредительный огонь по возможным скоплениям противника. А этих ничего не испугало, решили и пошли. Как работала артиллерия? Со стороны видна?

— Так точно, товарищ генерал, залегли от неожиданности! Канонада мощнейшая, освещались облака небосвода. Впечатляющее зрелище.

— Вот видишь, их даже это не остановило. А почему не работал с артиллерией?

— Необходимости не было, товарищ генерал, оторвались нормально. Преследования не было. Подмывало сработать по одному-двум рубежам, намеченным для прикрытия, но не рискнул. Надо с артиллеристами еще поработать, они ошибутся или я, и группы нет.

— Ладно, поработай, скоро придется часто вызывать огонь артиллерии. Готовлю задачи, связанные с артиллерийскими подразделениями. Имей в виду, будешь работать с «Градом», не только с гаубичной артиллерией.

— Понял, товарищ генерал.

— Где твои парни?

— За палаткой, товарищ генерал, перекуривают.

— Строй, через пару минут буду.

— Есть!

Я выскочил из палатки комдива.

— Сафаров, строиться.

Разведчики стали в одну шеренгу, вышел комдив.

— Равняйсь, смирно, равнение направо. Товарищ генерал-майор, разведывательная группа по вашему приказанию построена. Командир разведывательной группы гвардии лейтенант Марченко.

— Вольно, Марченко. Как настроение, товарищи разведчики? Наказали душманов за наши потери?

— Так точно, товарищ генерал.

— В очередной раз за успешное выполнение боевой задачи объявляю благодарность.

— Служим Советскому Союзу!

— Это еще не все, Марченко. Разведчиков, отличившихся при выполнении боевого задания, представить к государственным наградам. Лично вас, товарищ гвардии лейтенант, за мужество и героизм, проявленные при выполнении заданий Правительства СССР представляю к ордену Красной Звезды.

— Служу Советскому Союзу!

— Отдыхайте, товарищи, предстоит еще немало дел по уничтожению врага. Мы только начинаем широкомасштабные боевые операции. Вам, разведчикам, сам Бог велел быть на передовом рубеже. Будет много боев, засад и налетов, держитесь до последнего, берегите себя, чтобы ваши близкие и родные дождались вас из Афганистана. До свидания.

— До свидания, товарищ генерал, — дружно ответила группа.

Генерал Рябченко по-отечески пожал нам руки и, тяжело повернувшись, пошел по лагерю. Может, прогуляться — до утра оставалось немного, а может, продумать очередную боевую операцию. У него не было сомнений в том, что все еще впереди, в афганскую войну мы влезли основательно, дальше было некуда. Частям дивизии предстояло провести бесконечное множество боевых операций…

Грязные, небритые, в ссадинах и ушибах прибыли мы на базу, где попали в объятья друзей. В лагере нас встретили шумно. Несколько недель находясь в отрыве от главных сил, мы выполняли трудные задачи первой рейдовой операции. Удовлетворение от участия в крупных боевых действиях чувствовали все, но оно было омрачено горечью утрат. Невосполнимые потери составили тринадцать десантников, ребята погибли, честно выполняя воинский долг, около двадцати человек получили ранения. Потеряны несколько единиц боевой техники. Тем не менее, уничтожено много боевиков душманских отрядов, местным жителям были показаны наши мирные намерения: безвозмездно передана мука, продовольствие. Проведены встречи со старейшинами племен, где в доступной форме командование группировки поведало им о роли присутствия ограниченного контингента советских войск на их территории, то есть выполнили политическую и гуманитарную часть операции.

Глава 21

Включив форсаж, очередная пара МиГ-21Р уходила на разведку душманских районов, нанося по ним бомбоштурмовые удары. Ближе к полудню включалась в работу армейская авиация: Ми-24, Ми-8 улетали для поддержки десанта, частей армии, поставки грузов, а также эвакуации раненых и убитых из районов ведения боевых действий. Который месяц подряд Кабульский аэропорт был насыщен активной работой, обеспечивая взлет и посадку всех типов бортов, в том числе гражданской авиации. Утром совершался рейс «Боинга-737» афганской компании «Ариана» в Индию и Пакистан. Белоснежный лайнер изящно выруливал на старт и после стремительного разбега уходил под крутым углом в лазоревое небо, плывя над снежным Пагманом, словно касаясь его своим крылом.

В командирской палатке Комар рассказал нам несколько хороших новостей: с роты снимают охрану резиденции Маршала Советского Союза Соколова и телецентра. Это значит, что Шура Ленцов вернется в подразделение, Сергей Коробицын с авианаводчиком Юрой также вернутся в базовый лагерь. Рота соберется в месте постоянной дислокации и будет действовать по уничтожению бандформирований — так прозвучало в приказе командира дивизии. Решался вопрос о снятии с дивизионной разведки охраны литерной стоянки самолетов. Нам становились понятны намерения командования: разведку дивизии ориентировали на активные боевые действия, для чего подразделение собирали в единую боевую единицу.

— Кажется, Иван Геннадьевич, предстоят большие дела?

Гришин задумчиво смотрел на Ивана.

— Похоже, что так и есть.

— Что-нибудь еще рассказал дядя Миша?

— Ничего особенного, будем подтягивать молодежь. Валера, — обращаясь ко мне, Комар положил свою руку мне плечо, — в штабе работают над новой рейдовой операцией. Практику в этом безобразии имеешь только ты со своими разведчиками, поэтому сам понимаешь — готовься.

— Ясно, Иван Геннадьевич, но пятеро молодых парней — не многовато ли для взвода?

— Что я скажу? Вводи в строй. Единственно, чем помогу — Ходжа-Раваш в твоем распоряжении в свободное от разведки время.

— Разрешите?

Повернувшись на голос вошедшего, я увидел моего нового

сержанта по фамилии Азарнов.

— Товарищ гвардии старший лейтенант, разрешите обратиться к лейтенанту… Возникла пауза. — Извините, фамилию не знаю.

— Марченко, — подсказал я младшему командиру.

— К гвардии лейтенанту Марченко.

— Обращайся, — Комар испытующе смотрел на нового командира отделения.

— Товарищ гвардии лейтенант, вновь прибывшее пополнение по вашему приказанию построено. Командир отделения сержант Азарнов.

— Иван Геннадьевич, разреши приступить к вводу в строй молодого пополнения, — обратился я к командиру.

Комар развел руками.

— Тебе и карты в руки! Желаю успеха!

— После ужина, Валерий Григорьевич, молодежь в Ленинскую комнату, — уточнил замполит.

— Понял, Владимир Николаевич, будут вовремя.

Выйдя из палатки, я скомандовал:

— Вольно, Азарнов.

— Вольно, — продублировал сержант.

Эти чистенькие молодые парни только что из Союза. Закончив «учебку» в Гайжюнае, их направили для прохождения службы в Афганистан. Немного растерянный взгляд. Для них все новое: война, горы, неизвестность. Психологической подготовкой с ними никто не занимался, но они закончили маленький Гайжюнай, теперь им не должен быть страшен большой Бухенвальд. Под этим солдатским девизом они воспитывались в 44-й учебной дивизии в лесах заброшенной Руклы. Привыкнут, служба закрутит так, что не до эмоций и душевных переживаний, а пока с неестественно белыми лицами они стояли в строю — парни советской страны, призванные Родиной для выполнения интернационального долга.

— Гвардии лейтенант Марченко Валерий Григорьевич, ваш командир, — представился бойцам, — с этого дня вы отданы приказом во разведвзвод, которым командую я. Вам выпала честь занять боевые места в строю вместо парней, увольняемых в запас.

По глазам пытался понять, насколько мои слова доходили до их сознания в минуты решения военной судьбы. Вроде без эмоций.

— Будете принимать участие в боевых действиях с жестоким врагом. Понимаю, в Союзе вам говорили, что мы здесь на учениях и занимаемся охраной объектов. Вскоре убедитесь, что это не совсем так. Поэтому единственная просьба и приказ: на лету

хватать все, чему буду учить на занятиях и в практической деятельности. Так же перенимать опыт разведчиков старшего призыва. Сделать это надо в самые короткие сроки. Ваша жизнь в ваших руках: не более — не менее. Это понятно?

— Так точно, — ответил за всех Азарнов.

— Вопрос на «засыпку»: все добровольно изъявили желание служить в Афганистане?

Молодежь без паузы дружно ответила:

— Так точно.

— Больше об этом спрашивать не буду, вечером замполит расскажет вам о стране, политической и военной ситуации, чем на самом деле занимается ограниченный контингент советских войск в Афганистане. Вы узнаете о боевой работе нашей роты и вообще узнаете все, чем вам придется заниматься в ближайшие полтора года.

Оглянулся к палаткам своего взвода.

— Баравков, ко мне.

Подбежавший Гена, немного заикаясь, доложил:

— Товарищ гвардии лейтенант, сержант Баравков по вашему приказанию прибыл.

— Товарищи разведчики, представляю вам исполняющего обязанности заместителя командира взвода гвардии сержанта Баравкова — старший сержант Сафаров увольняется в запас.

Баравков с достоинством стоял перед молодым пополнением и, вероятно, оценивал круг возложенных на него обязанностей.

— Сержант Азарнов.

— Я.

— Назначаетесь командиром второго отделения вместо Баравкова.

— Есть, товарищ лейтенант.

— Теперь, пожалуй, главное. Хочу, чтобы каждый из вас понял: вы, ребята, прибыли на войну «всамделишную», где убивают по-настоящему. Чтобы вы в это быстрее поверили, завтра я вас поведу на экскурсию.

Гена слегка усмехнулся — парням предстояла экскурсия в морг медицинского батальона, через который я «протаскивал» молодежь. Впечатляет, конечно, но это было необходимой частью психологического плана. Далее я продолжал:

— Баравков покажет места в палатках, кровати, тумбочки, туалет и расскажет общий порядок поведения в лагере. Запомнить одно: без моего разрешения ни одного шага от палатки. Вопросы ко мне?

— Когда на боевые действия, товарищ лейтенант?

— Это может случиться сейчас, через минуту, сутки — такая

обстановка.

— Часто будем на боевых операциях? — спросил худенький механик.

— Скажу одно — вам столько достанется, вы даже не представляете! Войны хватит на всех и с лихвой. Командуй, Баравков, покажи границы лагеря, его элементы.

— Есть. Нале-во. За мной шагом марш.

Гена закрутит парней, им будет не до скуки. Что поделаешь? Жизнь продолжалась, будем готовиться к суровой борьбе, чтобы выжить в афганской бойне.

Новость, пришедшая из штаба дивизии, с одной стороны, обрадовала, с другой — вызвала откровенное сожаление. Пришел приказ об откомандировании в Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского комсомола сержанта Мухаметзянова, младшего сержанта Ивонина, ефрейторов Гильмутдинова, Кибиткина, Панчука для сдачи ими вступительных экзаменов. От меня уходил замечательный разведчик Андрей Ивонин, участник многих боевых операций по разведке, поиску, захвату и уничтожению противника. Много раз под пулями Андрей выходил из самых сложных ситуаций. Практически всегда он работал старшим дозора, принимая на себя первый удар противника, выводил группу на новый маршрут, прикрывая ее выход в менее опасное место. Действовал он уверенно, мужественно, чем не единожды спасал жизнь товарищам и группе в целом. Проявили свои лучшие качества Виль Мухаметзянов, Сергей Кибиткин, Гильмутдинов. Действуя в боевых операциях одной командой по захвату и уничтожению душманского зверья, они зарекомендовали себя отличными разведчиками. Хуже было с Панчуком — хитроватым и темным парнишкой, в роте он служил всего несколько месяцев, проявить себя — не проявил, может, пока не раскрылся…

Учиться на офицеров воздушно-десантных войск уходили замечательные ребята. В течение последних двух месяцев я проводил с ними неоднократные беседы на предмет поступления в училище. У меня не было никаких сомнений в том, что они успешно поступят в кузницу офицерских кадров ВДВ и станут настоящими офицерами, имеющими боевой опыт в Афганистане. Жаль было расставаться с людьми, с кем хлебнул военного лиха, но, с другой стороны, кому, как не им, расти в этой жизни, приобретая профессию защитника Родины. В добрый путь, ребята, и новых высот на командирском поприще в будущем! К слову сказать, через четыре года и три месяца они успешно окончили Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище,

сложились, как офицеры, проявив свои лучшие качества в нелегкой армейской службе.

— До свидания, товарищ гвардии старший лейтенант!

Комар обошел дембельский строй, пожал руку каждому разведчику, сказал напутственные слова. Некоторых из них хлопнул по плечу, вспоминая отдельные случаи в службе. Хорошее настроение овладело нами. Вспомнил и я свою солдатскую службу в суровом Забайкалье, где торжественные проводы домой не были предусмотрены уставом: все было скромнее, выдали документы и домой.

В процедуре прощания мы не заметили, как совершил посадку Ил-76, включив реверс заднего хода. Взревели турбины на больших оборотах, через некоторое время, затихнув, они издавали легкий свист. Красавец лайнер аккуратно рулил по дорожке. Следом шел на посадку другой, третий борт — начиналась работа Кабульского аэропорта. Пора было прощаться. Машина готова. Со скромными баульчиками, приобретенными в военторге, увольняемые в запас сели в машину. Теперь уже «ура» гремело от роты, личный состав которой махал руками улетающим домой друзьям. Пройдет немного лет, разведчики сдержат свое слово: не потеряются в обломках страны и других катаклизмах, в которые ее ввергнут бонзы КПСС. Они выживут и будут встречаться в Москве, Витебске, Рязани, других городах некогда великого государства.

Для новых разведчиков роты Ходжа-Раваш и Ходжабугра стали учебным полигоном. За полгода пребывания в Афганистане нами, офицерами роты, наработалась эффективная методика подготовки разведчиков для действий в горах. Выносливость — первое, что я всегда ставил в основу занятий. Марш-броски в полном снаряжении и штатным оружием, ограничение в употреблении воды, умение маскироваться было нормой каждого выхода. «Ты жив, пока не заметен», — определил я девизом подготовки молодых разведчиков.

Днем и ночью тренировал бойцов умению вести бой в сложнейших условиях гор. После отработки элементов индивидуальной подготовки каждого разведчика приступал к действиям группы в целом: поиск, засада, ведение разведки, наблюдение. Отдельным вопросом выносил тренировку сигналам, необходимым при выполнении боевого задания. Учебный процесс шел по степени усложнения задач: выносливость, одиночная подготовка, передвижение в горах, выбор укрытия. Затем следовала отработка в комплексе с ведением огня из штатного оружия. Действия переносил на группу: молодых разведчиков учил действовать при захвате объекта, языка, прикрытии

товарищей, обеспечении выхода на другой маршрут. Отдельные элементы увязывал в систему мероприятий, создавая обстановку по ее отработке в составе группы.

Однажды утром, с трудом поднявшись с кровати, я обнаружил жар. Пришедший санинструктор смерил температуру: 39,5. Пришлось лечь.

— Иван Геннадьевич, херня какая-то, чувствую себя очень плохо. Что-то я все же «схватил». Внутри жжет. Вчера искупался в роднике, вероятно, простыл.

— Полежи, Валера, отдохни. Забегался на занятиях, выходах, к вечеру будет в порядке. А «таблетке» я дам команду, чтобы температуру держал на контроле и давал лекарство. Пройдет.

Несколько успокоившись, я вызвал Баравкова.

— Гена, меня прихватило, работаешь по плану роты. Приведи в порядок оружие, снаряжение, организуй хорошую чистку и обслуживание. Не забудь проверить оружие на разряжание. Механиков контролируй по обслуживанию техники. Давай, дружище, работай — до вечера я отлежусь.

— Понял, товарищ лейтенант, сделаю, как надо.

— Не забудь: конспекты командиров отделений должны быть отработаны и мне на проверку.

— Мы уже пишем, скоро будут готовы.

— Хорошо, Гена, иди.

Баравков вышел, я кое-как поднялся с кровати. Завтра контрольно-проверочные занятия по вводу молодого пополнения в строй. Проверяет начальник разведки, мне надо было написать конспект по разведывательной подготовке. В палатке я находился один, офицеры и прапорщики были заняты своими делами. В течение часа я написал конспект, пробежал глазами, что получилось, положил на тумбочку. Задремал.

В палатку зашли Комар с Ленцовым. Разбудили.

— Привет, больной!

Сашка схватил мою руку, пожал. Веселый, порывистый, загорелый, рад, что вернулся с охраны резиденции Маршала Соколова. Только теперь я понял, что соскучился по неунывающему заместителю командира роты, с кем вместе учились в училище и пришли в разведку дивизии.

— Привет, Сань. Рад тебя видеть, немного захирел, но пройдет. Не обращай внимания.

— Ничего, ничего, поправляйся. К вечеру прибудет Артемыч с горы, сделаем баньку, попаришься, сто грамм на грудь — и как не бывало, — беззаботно смеялся высокий амбал, — пройдусь по палаткам, к Андрейчуку на ПХД, посмотрю, что у него на обед.

Отвернувшись, я уткнулся в подушку лицом и вскоре уснул. К

вечеру температура была под сорок. Перед глазами появились черные круги, полнейшая беспомощность. Состоялась баня, ужин, я же не мог оторваться от подушки, пот заливал лицо и пылавшее жаром тело. Таблетки не помогали, температура зашкаливала все допустимые нормы. Как прошла ночь — не помню.

Утром следующего дня Сашка Чернега с ротным санинструктором повели меня в медицинский батальон. Сам идти я не мог. В медсанбате меня приняли и поместили в палатку с хирургическими больными — ранеными офицерами. В ней находилось человек пятнадцать с ранениями разной степени тяжести (пулевыми, осколочными, были контуженные). Стоны, крики, бред. Температура воздуха доходила до пятидесяти градусов выше нуля. Пыль висела над больными, создавая эффект тумана, стаи мух атаковали раненых. Тяжелая, гнетущая атмосфера давила на психику и сознание. Мне, кажется, я порой терял сознание. К обеду подошел врач.

— У вас подозрение на пневмонию, будут прокалывать через каждые четыре часа в течение суток.

— И ночью?

— Да, будем сбивать температуру.

Не в состоянии пошевелить руками и ногами, я лежал, откинувшись, на подушке. Подошел санинструктор, сержант срочной службы, перекатил меня на живот, и я получил первый из ста двадцати уколов. Даже не мог предположить, что эта процедура продлится целых три недели, обе половинки заднего места превратятся в коросту, а боль будет такой, что лежать можно будет только на боку и животе.

К вечеру температура опять под сорок. Я лежал, словно в бреду: вроде слышал разговоры, стоны, кто-то подходил, что-то со мной делал, но до сознания это не доходило. Не помню, спал ли я, бредил ли прохладной ночью, но к утру температура немного падала. Приходил врач, санинструктор приподнимал мое тело, доктор слушал меня, что-то говорил помощнику. Тот приносил таблетки, следил, чтобы я их глотал и не выбрасывал под кровать.

Так продолжалось три дня. Я привык к запаху крови, стонам, крикам раненых. Одних уносили, других приносили, кого-то везли в операционную, других в самолет на отправку в Ташкент. Температура к полудню спадала, к вечеру опять поднималась за тридцать девять градусов. Однажды я услышал знакомый голос — Леха. В палатку зашли Саша Жихарев, Славка, Коля, Леня Злобин — экипаж АН-26 был в полном составе.

— Где наш больной? — бодро спросил командир экипажа. Но, увидев раненых (некоторые были без рук и ног, в кровавых бинтах), стих в неловком молчании.

— Извините, ребята, не знал.

Пошарив глазами в палатке, Сашка обнаружил меня. Подошли гурьбой.

— Валерик, привет, — тихо сказал Александр, — как ты?

У меня в глазах стояли слезы, говорить я не мог, а он стоял с пакетом фруктов, «Фантой», загорелый, как медный пятак. Показав глазами — присядь, я кивнул ребятам, изобразив нечто улыбки: нормально. Поняли, толкаясь, подошли к кровати, на краешек которой присел командир.

— Валер, мы тут принесли, покушай. Вчера к тебе не пустили. Час назад прибыли из Ташкента и сразу к тебе. Как ты?

Прикрыл глаза: в порядке, еще повоюем.

— Вот взяли фруктов, соки, колбаски — перехвати.

В знак благодарности я кивнул головой.

— Хреново? — спросил Леонид.

— Угу.

Помолчали. Затем, Ленька поведал:

— Мы взяли фляжку с собой, ничего?

Я скосил глаза вправо, влево — докторов и санинструкторов не было. Показал глазами на раненых — налейте им. Саша окинул взглядом палатку.

— Ребята, кто будет?

— Плесни, командир, — подал голос сосед через кровать.

Еще несколько человек, изъявив желание, приложились к солдатской фляжке, удовлетворенно откинувшись на постель.

— Полегчало? — Леха взял кружку у раненого в плечо офицера.

— Какое там! — отмахнулся здоровой рукой капитан, — завтра в Ташкент отправляют — терпеть до утра.

— Ничего, браток, держись.

Леня обошел раненых, налил желающим выпить.

— Валер, тут осталось немного, будет в тумбочке. Лучше станет, примешь. Вот пакет, что привезли. Поправляйся, дорогой мой, держись. Мы еще подойдем, наши Тамарки приготовят горяченького, доставим, как положено.

В знак согласия я кивнул головой.

— Пока не набежали врачи, потихоньку пойдем. Поправляйся, братишка. Одного не оставим.

Экипаж, кивая головами, сжатыми в кулак руками показал: держись, мол, все будет хорошо. Приподняв руку, я махнул им на прощанье, ребятам, с кем была связана жизнь на войне.

Следующий день начался с беготни персонала медицинского батальона. Мы тоже кое-что узнали: из Москвы прилетел большой медицинский начальник, генерал, будет проверять работу

медсанбата. Как всегда, чистка и мытье палаток, уборка территории, приведение в порядок отхожих мест, кухни. Ближе к обеду в палатку хирургических больных зашла свита в сопровождении командира медицинского батальона подполковника Русанова. Впереди был в накинутом халате плотного телосложения генерал. Красные лампасы на брюках не скроешь от глаз даже раненых.

— Здравствуйте, товарищи. Я генерал-лейтенант Вербицкий, главный терапевт Министерства обороны СССР, прибыл ознакомиться с положением дел медицинского обеспечения в Афганистане, — обратился к нам генерал, осмотревшись в палатке. Затем повернулся к Русанову:

— Здесь только хирургические?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

Слева и немного сбоку от главного терапевта Советской армии находился врач, обследовавший меня и поставивший диагноз: пневмония. Немного дернувшись, он подался к генералу:

— Товарищ генерал, есть один терапевтический… В тяжелом состоянии.

Сказал и виновато посмотрел на Русанова. Плохо, конечно, что не доложил обо мне комбату, поместив к раненым, но палатки терапевтического отделения были забиты больными гепатитом. Чтобы не заразить меня, он распорядился положить в эту палатку. Русанов этого не знал, тем более доложил генералу, что в палатке хирургические больные. Оказывается, это было не совсем так.

— Где?

Генерал оказался у моей кровати.

— Что у тебя, сынок?

Насколько мог я это сделать — пожал плечами.

— Понятно.

После этого начался разговор двух медицинских специалистов, скучный не только больным, но и совершенно здоровым людям. Генерал прослушал мою грудную клетку, прощупал ребра, спину, пробурчал что-то в нос, повернулся и ушел. Минут через пятнадцать меня взяли в оборот: анализы, кровь, флюорография, к вечеру опять пришел генерал с курирующим врачом.

— Значит так, сынок, у тебя лихорадка — характерное заболевание для этой местности. Хуже другое: она дала осложнение на легкие. У тебя двухсторонняя пневмония. Снимок показал три очага поражения. От этого высокая температура — организм борется с инфекцией. Держись. Отныне будешь принимать лекарства, привезенные из Москвы. Они как раз к

твоему случаю. Через несколько дней станет лучше. В Кабуле я еще буду работать в течение трех-четырех дней. Обязательно зайду. Не раскисать, борись!

Генерал ободряюще улыбнулся, встал и вместе с доктором вышел.

Надо отдать должное генералу Вербицкому: ко мне он заходил еще раза три, слушал, обследовал. Благодаря ему я выжил (ничуть не преувеличиваю), победив «КУ» лихорадку со всеми ее осложнениями.

— Почему нас генералы не лечат? — полушутя вздохнул один из раненых.

— Придурок, — ответил один из ходячих, — он же терапевт, а у тебя пули в животе наковыряли дырок.

Кто мог смеяться — обозначили смех.

Дня через два я действительно почувствовал улучшение, стало немного легче. Температура еще держалась, в глазах появлялись темные круги, но это была уже другая история. Хотелось говорить и говорить, несмотря на отвращение к пище. Получилось так, что в течение недели я практически ничего не кушал. Специальный паек от ребят с экипажа я отдал раненым, которые шли на поправку — им требовалась дополнительная пища. Мне есть не хотелось, только пить и пить. Благо в медицинском батальоне отвара из верблюжьей колючки было хоть отбавляй, жажду утолял зеленовато-желтым настоем.

Оздоровлению способствовал очередной визит экипажа Ан-26 в усиленном составе. Ребят сопровождали три Тамарки — повара авиационной базы, с которыми экипаж был в хороших отношениях. С разных мест Советского Союза три молодые девчонки с одинаковым именем «Тамара» служили в летной столовой, готовили пищу, кормили моих друзей. Девчонки между собой различались, отчего получили соответствующие клички: Тамарка «Вышка» — девушка из Волгограда лет 23, ростом 185 сантиметров — не менее, вызывала уважение мужчин, оказавшихся рядом с ней и вдруг обнаруживших, что они сантиметров на десять ниже волжской прелестницы. Тамарка «Пышка» — тоже лет 23–24 девушка, имевшая круглые формы, за что получила прозвище, подчеркивающее ее аппетитность. Добрая, скромная, способная создать внутренний духовный уют и комфорт в компании. И, наконец, Тамарка «Глупышка» — прозвище относилось к девушке веселого, беззаботного нрава. Она легко смеялась, хохотала, не отягчая себя умными разговорами «за жизнь», была сверстницей первых двух девчонок и, думаю, легко путала два соседних государства: Афганистан и Пакистан. Для нее это было одно и то же.

Ребята, конечно, пришли не пустые: с учетом первого посещения они принесли столько всякой всячины, словно рассчитывали на целую палатку раненых. Выбрав момент, когда медбратья ушли на ужин, они ввалились компанией. Ходячие парни, сдвинув кровати, расположили на них принесенные экипажем яства, и мы устроили пир. Трудно было найти слова, чтобы выразить ощущение замечательного вечера, который получился в медсанбате для раненых бойцов-интернационалистов. Отменная пища, килограмма три спирта, девчонки. Не сомневаюсь в том, что это дало нам дополнительные силы для быстрой поправки и возвращения в строй. Мы поверили в себя, в возможность выздоровления, в жизнь, которая ждала впереди.

На кровати напротив стонал офицер, лейтенант-десантник. Его только что привезли из операционной, извлекли пулю из ноги. Дивизия проводила очередную боевую операцию. Болевые ощущения беспокоили офицера: стон вырывался из его широкой груди. Высокий, красивый блондин корчился на кровати, стиснув зубы от боли. Прозвучала команда:

— Налить!

Плеснув в кружку спирта, поднесли ее раненому лейтенанту. Десантник, приподнявшись, нашел в себе силы опрокинуть спирт и представиться:

— Владимир.

Назвав свои имена, дали ему закусить. Спирт сыграл свою роль, Володя забылся, уснул. Проснулся, когда ребята с девчатами уже ушли. Поскольку наши кровати стояли ногами друг к другу, мы общались с ним, видя друг друга. Из разговора я узнал, что фамилия его Дервенков, окончил в 1979 году РКПУ. Во вчерашнем бою получил пулевое ранение в ногу. Ему сделали операцию, обнадежив, что кость не задета, пулей были пробиты мягкие ткани — заживет, будет бегать.

Дивизия вела затяжные боевые действия, в медицинский батальон по нескольку раз в день поступали убитые, раненые. Лежать на кровати не было сил: я чувствовал себя лучше, уверенней, хотелось быстрее вернуться в строй, к ребятам, дни и ночи проводившим в горах. Через врача я то и дело зондировал обстановку о выписке. Однажды, взвесившись на весах, я не поверил, что похудел на двенадцать килограмм. Получалось, что при моем среднем весе в семьдесят или чуточку больше я сдал основательно. Но аппетит постепенно восстанавливался, впервые за несколько недель появилось желание кушать. Тем не менее я понимал — какой из меня вояка в таком состоянии? Генерал Вербицкий в одной из последних бесед обмолвился:

— Ты парень сильный, основное выдержал.

Я с удивлением смотрел на главного терапевта Вооруженных Сил страны.

— Что вы имеете в виду, товарищ генерал?

— То и имею в виду, что выжил и идешь на поправку. Этого мало?

— ?

— Тебе, сынок, помогло то, что ты не курил и организм задействовал внутренний резерв. Вот и вытянул…

— Что? Опасно было?

Человек, спасший мне жизнь, улыбнулся.

— Теперь уже нет. Помогли лекарства от лихорадки, которые я прихватил из Москвы. Они сыграли важную роль в твоем лечении.

— Спасибо, товарищ, генерал.

— Ладно, поправляйся, лейтенант, но помни: язвы на легком будут рассасываться долго, каждый месяц делаешь контрольный снимок в медсанбате. После выписки полгода не делать нагрузку на легкие. Понятно?

— Так точно, товарищ генерал, еще раз спасибо.

Генерал, пожав мне руку, попрощался с ранеными и вышел из палатки. Больные, как мы официально назывались, периодически менялись: одни поступали, других отправляли в Союз. Постоянными в раскаленной от солнца палатке оставались только крики, стоны и боль метавшихся на кроватях хирургических больных.

Однажды около полудня к соседней палатке с аэродрома подъехало несколько машин. Началась очередная разгрузка погибших, которых эвакуировали из районов боевых действий на вертолетах. Перегрузив тела убитых в машины, их доставляли в медсанбат для подготовки к отправке в Союз. В этот раз перед палатками в один ряд выложили восемнадцать тел погибших парней. В основном это были десантники в комбинезонах. Особенность покроя наших десантных комбинезонов затрудняла высвобождение тел погибших. Кто-то из медсанбатовских офицеров попросил:

— Ребята, может быть, кто поможет снять комбинезоны с убитых.

Ближе ко мне лежало тело солдата лет девятнадцати, покрытое грязью и пылью, на груди растеклось бурое пятно засохшей крови. Выдернув из ножен штык-нож у стоявшего рядом бойца, я распорол комбинезон погибшего по окружности пояса. Стянув с него нижнюю часть комбеза, как снимают штаны с беспомощного человека, я распорол рукава и освободил его руку.

Перевернув тело на бок, освободил другую. Стянул тельняшку, пропитанную кровью, трусы. В средине худенькой груди хорошо было видно входное отверстие пули — небольшое с запекшейся кровью. Выходного отверстия не было — слепое пулевое ранение, несовместимое с жизнью. Тело положили на носилки и унесли в палатку для вскрытия.

Я приступил к следующему погибшему… Рядом тем же делом в рабочем, обыденном порядке занимались несколько офицеров. Шла война. В медсанбат поступали не только больные и раненые, но и погибшие в боях интернационалисты, которых в установленном порядке отправляли в Союз.

После обеда я сидел в тени палатки и ждал доктора, который должен был обследовать меня и сделать заключение о моей дальнейшей судьбе. Слабость, конечно, ощущалась, иногда пошатывало — это было очевидно. И хотя ничего не болело, температура в порядке, но прогулка в пятьдесят-сто метров по территории медсанбата вызывала отдышку, жжение в легких. Пока бойцом я был неважным, если не сказать — никаким, требовалось время для восстановления организма.

— Ну, что, разведчик, пойдем, поработаем с тобой.

— Пойдемте, доктор.

— Как чувствуешь себя? Только не ерепенься — все вижу и знаю.

— Нормально. Слабость, конечно, есть, а так ничего: аппетит, крепкий сон, гуляю — через недельку встану на ноги.

— Нет, дорогой мой, здесь ты не встанешь на ноги. Генерал сказал мне так: за лейтенанта отвечаешь головой. Стало быть, отправляю тебя в Союз по полной программе: лечение, восстановление, отпуск. Иначе, дружище, удачи тебе не видать.

— Выпиши меня, доктор, а там я разберусь.

— Хм, выпиши его. Выписать-то недолго, что дальше? Тебе сейчас нужен длительный период реабилитации, восстановления организма. Много еще что нужно. Понял? Значит так, в принципе, готовься к выписке, к завтрашнему дню я документы оформлю, но лечение продолжишь в других условиях. Поверь, это тебе очень надо.

— Спасибо, доктор, понимаю, но больше здесь находиться не могу.

— Порядок, дорогой мой, есть порядок.

Лечащий врач ушел, а я, вздохнув, крепко уснул.

Пришел в себя я от громкого стона раненого капитана, лежавшего через кровать. Его привезли вчера, заштопали, ждет отправку в Союз. Он испытывал постоянные сильные боли. Мне было жаль смотреть на заросшего, со впалыми щеками и

ввалившимися глазами офицера. Как мог, он крепился, но боль была сильнее. Сколько еще молодых офицеров пройдут через палатку хирургических больных? Сколько стона и крови останется здесь на афганской земле? Никто этого не знал. Только для меня была хорошая новость: выписывают. Собирая нехитрые вещи, я думал, быстрей бы в роту, к друзьям, только бы не видеть мучений раненых в раскаленной и пыльной палатке.

Наутро с нехитрыми пожитками я ожидал вызова доктора для оформления выписки. Получив документы, попрощался с ребятами. Обошел каждого раненого, как мог, ободрил. Задержавшись у кровати Володи Дервенкова, я поговорил с ним, пожал боевому товарищу руку. Кто-то из раненых сказал:

— Никто нам больше не нальет, Валер, и ребята из экипажа уже не придут. Плохо.

— Ничего, друзья, остались живыми — остальное приложится. Поправляйтесь и до встречи в Союзе!

На том и расстались… В роту, к друзьям!

Глава 22

«Слава богу, что все обошлось нормально: поправился, встал на ноги. Как мои разведчики? Насколько молодежь за время моего отсутствия подготовилась к боевым действиям? Первое, что сделаю, зайду в расположение взвода» — так я думал, медленно пробираясь по пыльной дороге в расположение роты. Накануне болезни я привел в морг медицинского батальона новичков, прибывших на замену. К виду тел убитых необходима была адаптация, терять сознание в бою от разорванной плоти — непозволительная роскошь для разведчиков. В Кунарской операции командиры отметили такой факт: на следующий день, когда собирали на поле боя тела погибших солдат, многие бойцы, потрясенные увиденным, были не в состоянии эвакуировать растерзанные тела товарищей. Психологическая травма в условиях реальной действительности оказалась сильнее, чем это можно было ожидать накануне. Мне приходилось учитывать серьезный недостаток в морально-психологической подготовке личного состава, поэтому экскурсии в морг я проводил регулярно с целью подготовки разведчиков к деятельности, которой им предстояло заниматься. Пусть посмотрят, оценят, поймут — лицо войны имеет страшный вид, но это наша работа, в которой мало выжить, выполнить задачу, к ней надо приспособиться на простом житейском уровне — без истерик и крика.

Далеко не ко всем и не сразу приходит понимание процессов, связанных с боевыми действиями. Только опыт, приобретенный личным участием в бою, способен дать необходимый результат индивидуальной подготовки каждого разведчика. Потом будет легче, придет ощущение войны как таковой, без драматических потрясений в психике. За примером ходить не надо. Когда меня привели в медсанбат больного и положили к раненым, их стоны, крики, кровь вызвали сильные сопереживания. Рядом лежали молодые парни без рук и ног, они кричали от страшной боли. Видеть подобное мне еще не приходилось. Через пару недель лечения я уже не обращал внимания на кошмар, творившийся вокруг меня. Получается — адаптировался.

Никогда не забуду первое вскрытие человека, на котором я присутствовал от начала и до конца. Откровенно повело, земля зашаталась под ногами, а потом ничего, с любопытством рассматривал строение внутренних органов человека, необычную работу патологоанатомов.

Прибывшее молодое пополнение приходилось учить по ходу войны. Слава богу, появлялись паузы между рейдовыми

операциями, ведением разведки, поиска, которые я заполнял усиленной подготовкой в горах. С разведывательной роты пока не снимали задач по контролю обстановки в зоне ответственности дивизии. Ночами я уходил с группой в районы вероятного появления противника, отслеживая его действия и передвижение. Любая информация о вооруженной оппозиции была для командования дивизии ценной и полезной. Штаб ее анализировал, сопоставлял, делал выводы для принятия решений.

Ушел на повышение Саша Чернега, ставший командиром 9-й роты 3-го батальона 317-го парашютно-десантного полка, воевавшего в Кунаре. В данный момент батальон находился в Кандагаре под оперативным управлением 70-й отдельной мотострелковой бригады и вел кровопролитные бои в Кандагарской «зеленке». На его место пришел боевой офицер и толковый парень гвардии лейтенант Сергей Богатиков, участник Кунарской операции в составе 3-го парашютно-десантного батальона 317-го полка. В том бою он получил тяжелое ранение, вылечившись, возвратился в строй командиром разведывательного взвода нашей роты.

Вскоре ушел на повышение заместитель командира роты по политической части гвардии старший лейтенант Гришин Владимир Николаевич. Уход Володи Гришина переживал весь офицерский состав подразделения. Мы точно знали — лучшего политработника у нас никогда не будет. Время совершенно точно подтвердило наши прогнозы: пришедший на его место Сергей Захарик не явился достойным преемником своего предшественника. Владимир Николаевич был назначен замполитом 3-го батальона 350-го парашютно-десантного полка, выполнявшего боевые задачи в автономном режиме. Батальон в составе группировки полка под командованием гвардии подполковника Георгия Ивановича Шпака участвовал в Кунарской операции на боевой технике, где покрыл себя воинской славой.

Возвращение в роту стало радостным событием. Ребята заранее знали об этом, приготовили баню, хороший стол. Ближе к вечеру прибыл начальник разведки дивизии гвардии подполковник Скрынников Михаил Федорович. Как всегда, были тосты, пожелания, в какой-то момент дядя Миша взял слово и, собравшись с мыслью, сказал:

— В течение полугода дивизионные разведчики успешно выполняют боевые задачи. Командование дивизии положительно отмечает разведчиков по вскрытию замыслов противника в зоне ответственности соединения. Активные разведывательные мероприятия позволили контролировать вооруженные отряды

оппозиции в уездах, примыкавших к Кабулу, а также наносить им существенный урон. Ряд офицеров подразделения выдвинуты на вышестоящие должности, заслужив повышения ратным трудом, добросовестным отношением к службе. Так будет всегда. Поднимаю солдатскую кружку за нас, разведчиков, за успешные дела без потерь!

Под раздавшиеся аплодисменты выпили. Начались разговоры… Ждали экипаж Саши Жихарева — они улетели в Ташкент и должны были скоро возвратиться. Мы вышли перекурить, Михаил Федорович подошел ко мне.

— Значит, так, Валера, послезавтра улетаешь в отпуск: отдохнешь, поправишься и снова в бой.

От неожиданности я онемел: отпусков в дивизии вообще еще не было, о них не говорили, они даже не планировались и не предусматривались планами боевых действий.

— Какой отпуск, товарищ подполковник?

— Нормально, наберешься сил, они еще пригодятся. Если есть возможность отдохнуть, надо ее использовать.

— Как-то все это неожиданно…

Я стоял, переваривая, слова начальника. Новость была невообразимой, а значит, еще более приятной по содержанию.

— Комар знает об этом?

— Да, Ивану сказал.

Радость неожиданного сообщения поразила воображение. В отпуск…

— Все за стол, — пригласил Иван офицеров.

В палатке расположились на своих местах. Иван Геннадьевич взял слово:

— Предлагаю выпить за первого отпускника нашей роты!

У всех недоумение на лицах.

— Лейтенант Марченко послезавтра убывает в отпуск. Добавлю следующее: в дивизии издан приказ, завтра, как сказал начальник разведки, мы его получим. Командирам частей приказано предоставить график отпусков для офицеров и прапорщиков на 1980 год. Таким образом, прямо сейчас можем планировать отпуска, за что и выпьем.

Дружное «ура» распахнуло полы палатки. Не знаю, что по этому поводу подумали солдаты, но радость свою мы не скрывали. Что касается первого отпускника, то есть меня, понятно — из медицинского батальона я вернулся настолько худым и хилым, что иногда шатало от слабости и головокружения. Какой из меня вояка? Это понимал Михаил Федорович, друзья, поэтому он и «пробил» у командира дивизии отпуск своему офицеру. До сих пор я ему благодарен за доброту и человечность,

проявленную в трудных условиях афганской войны.

В течение этого периода в провинциях Логар, Газни проводились рейдовые операции в обеспечение движения транспортных колонн по дороге Кабул — Кандагар. Но опять же, афганское правительство было не способно закреплять военные успехи советских войск усилением местных органов власти в регионах страны. Афганская армия не проводила самостоятельных боевых операций, которые бы наращивали наши общие победы. Это было очередным провалом власти, в то время как «исламские комитеты» перехватывали инициативу и правили бал на местах, мобилизуя моджахедов на дальнейшую борьбу с «шурави». Напрасными были жертвы, огромные материальные затраты, малопродуктивная работа советнических аппаратов, истерика афганского руководства из-за потери политических и военных позиций сводили к нулю достигнутые результаты.

Такая вот непростая обстановка сложилась в Афганистане на момент моего возвращения из отпуска в начале августа 1980 года. Время отдыха не прошло даром: посвежел, поправился, пришел в себя и был готов к дальнейшему участию в боевых операциях. В отпуске был Шура Ленцов, готовились к нему другие офицеры, прапорщики роты. Многое из увиденного и услышанного в Союзе я рассказал ребятам, дал оценку общего мнения в стране по событиям в Афганистане, но множество вопросов, задаваемых мне боевыми друзьями, оставались без ответа. Что мне было рассказать о сокровенных мыслях советских граждан, если близкие и родные мне на Родине люди не понимали происходящего в южной стране? Конечно же, за столом, при встречах с одноклассниками я объяснял им простые истины, побудившие партию к принятию решения на ввод ограниченного контингента в Афганистан. Не думаю, что я был убедителен для моих слушателей на Родине. Но, вернувшись в пекло боевых действий, я не мог объяснить друзьям-офицерам, почему народ Советского Союза с молчаливым недоумением воспринимал события, происходившие в Афганистане.

— Понимаете, господа офицеры и прапорщики (конечно, я говорил с иронией) мы с вами находимся на учениях, что-то здесь охраняем и больше ничего! Какая-то иная информация в прессе, по телевидению или радио не освещается.

Друзья смотрели на меня с откровенным недоверием.

— Так ведь сотни гробов идут в Союз! С этим-то как?

Слободов кипел от возмущения.

— А никак, Петро! Если и обсуждают эту тему, то не далее кухонь панельных домов и то лениво, если семью не задела беда. Ладно, увидите сами, пойду готовиться к «учениям».

Я вышел из палатки офицерского состава, Гена Баравков был тут как тут.

— Товарищ лейтенант, оружие в порядке. Механикам дал людей в помощь для обслуживания. Наводчики поработали, привели вооружение к нормальному бою. В принципе мы готовы к дальнейшей работе.

Заместитель после повышения по службе, подхватив эстафету Сергея Сафарова, уверенно командовал взводом, пользовался авторитетом. С ним считались, его мнение в коллективе имело вес. Я не думал, что Баравков будет хуже справляться с личным составом, у него все получалось.

— Как Азарнов, Гена?

— Н-нормально, товарищ лейтенант, — слегка заикаясь, ответил заместитель и утвердительно кивнул головой, — только поговорить любит.

— Поговорить? В смысле п…деть, что ли?

— Так точно, пофилософствовать.

— Пусть философствует, если есть что сказать.

— Увидите, товарищ лейтенант.

— Хорошо. Как молодежь вписалась в разведку? Не обижают?

— Да вы что? Кто их обидит? Нормальные парни.

— Что, даже «калабашки» не отвешиваешь? Ну, за «дело»?

Гена на «удочку» не ловился.

— Никак нет, товарищ лейтенант.

Преданный взгляд заместителя, руки по швам не совсем убедили меня. Гена мог отвесить «калабашку» за незначительную провинность, например, за нерезкость выполнения команды. Это я знаю точно, поэтому молча показал ему кулак. Гена все понимал, поэтому еще преданней смотрел на меня.

— Значит, так, не сегодня-завтра работаем по задаче, шлифуем действия группы в целом. Как у нас?

— Получается, товарищ лейтенант. Молодежь обкатается в бою, почувствует порох обстановки.

— Скоро так почувствуем порох — мало не будет!

— П-понимаю.

— С письмами как, пишут?

— Да, товарищ лейтенант, за этим слежу.

— Не забывай, я только что из Союза. Если б вы только знали, как там ждут наших писем! Держи это на контроле, Гена.

— Есть.

— Отдыхайте, пройдусь по лагерю. Проникнусь обстановкой.

«Духи» научились более гибкой тактике, в том числе политического плана. Примирившись с частью своих идейных противников, они заключили соглашения с бойцами героиновых

плантаций, согласовали взаимодействие с отрядами исламских фанатиков. Они умели выжидать, выбирая исключительно удобные моменты кровавых атак, в результате которых советские войска несли невосполнимые потери. Что мы могли противопоставить коварному противнику? Какую тактику выбрать, чтобы склонить на свою сторону большую часть сельского населения, поддержавшее афганское сопротивление? Высшим военным руководством планировались различные варианты уничтожения душманских формирований, но в дебатах и дискуссиях победила тактика проведения рейдовых операций.

Горный хребет Пагман с вершинами в 4500 метров над уровнем моря протянулся с севера на юг более чем на семьдесят километров. Северная оконечность высокой горной системы, развернувшись к востоку, охватывала Чарикарскую «зеленку» с выходом к Панджшерской долине. По восточному хребту горного массива раскинулась зеленая зона уезда Исталиф, контролируемая вооруженной оппозицией. Правительственным войскам не удалось изменить ситуацию в свою пользу, дорога в главную авиабазу страны Баграм подвергалась яростным атакам противника. В этот период я со своими разведчиками трижды на боевой технике выполнял задания в ночное время, проскакивая на огромной скорости в район Баграма. Получалось! «Духи» нас пропускали, не сделав ни одного выстрела по боевым машинам разведывательного взвода. Даже на самом опасном участке — Мирбочакоте без особых проблем пролетали по разбитому асфальту в нужный нам район. Но такое положение дел ни о чем не говорило — обстановка на этом участке дороги была напряженной и опасной.

Авиабаза Баграм служила оплотом советских войск, которым была поставлена задача держать под контролем перевал Саланг, Чарикарскую «зеленку», вход в долину реки Панджшер. Она была важным пунктом приема материальных запасов, перевозимых воздушным транспортом из Союза. В Багграме дислоцировался 345-й гвардейский отдельный парашютно-десантный полк, покрывший себя славой в борьбе с вооруженными отрядами афганской оппозиции. Подразделения полка были задействованы в системных боевых операциях, замыслы которых были направлены на нанесение невосполнимого урона душманским формированиям. Личный состав десантников нес большие потери. Свыше 400 военнослужащих гвардейского полка погибли на афганской земле, достойно выполнив воинский и интернациональный долг.

Рейдовая операция 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии совместно с подразделениями афганской армии по

уничтожению бандформирований в районе Исталиф предполагала кардинальное изменение обстановки в пользу действующего правительства. Замысел операции состоял в плотном блокировании кишлачной зоны, примыкавшей к Пагману, с последующим сжатием кольца окружения и нанесением противнику огневого поражения имеющимися средствами. Созданная группировка войск, основу которой составила 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, имела в своем составе приданные средства и средства усиления, которыми предполагалось нанести серьезное поражение противнику, его опорным пунктам и базам. В ходе операции планировалось уничтожить боевой потенциал вооруженных формирований сил сопротивления, действовавших в районе баграмской дороги.

Ранним утром рейдовая группировка дивизии, преодолев исходный рубеж, выдвинулась в район боевых действий. Связь по радио была устойчивой, надежной, о чем свидетельствовал не менее устойчивый мат, постоянные запросы командиров об обстановке на маршруте. «Ниточка», «коробочки», «карандаши», «горбатые» — «страшно» закодированные от противника понятия постоянно звучали в наушниках станций, создавая порой невообразимый хаос.

Основные силы боевиков были разбиты по задачам и заключались в следующем: передовые отряды душманских формирований встречали наши войска на подступах к опорным пунктам, жилому массиву. Они умело маневрировали мелкими группами, неожиданно появляясь в различных местах, наносили внезапное огневое поражение и уходили в укрытия, используя овраги, кяризы, русла высохших рек. Опять неожиданно появлялись, нападали и скрывались в складках и неровностях местности. Частью сил душманские отряды занимали заранее подготовленные позиции на окраинах кишлаков, опушках зеленых массивов, минировали дороги всеми изощренными способами. Отдельные группы душманов оборудовали жилой массив и «зеленку» под опорные пункты, сосредоточив в их глубине крупнокалиберные ДШК для поражения воздушных целей.

Душманы учитывали воздействие на них вертолетной авиации, артиллерии, поэтому приняли исключительные меры маскировки своих позиций с учетом естественного фона местности, скрывавшего их оборудованные огневые средства. Что-либо разглядеть в хаотично разбросанном глиняном массиве было трудной задачей. Противник, имея сеть подземных коммуникаций, постоянно менял положение маневренных групп,

появлявшихся в самых неожиданных местах. Слаженность его взаимодействия в боевом отношении была отработана настолько четко, что каждый «дух» прекрасно знал свою роль, задачу, порядок действий в бою.

Общая протяженность маршрута до района боевых действий составляла около пятидесяти километров. Дорога пролегала вдоль населенных пунктов, к ней с обеих сторон прилепилось огромное количество духанов, базаров, лотков, торговавших невообразимым ассортиментом товаров. Общий фон составляла многокрасочная палитра цветов. Любование восточным колоритом утомляло глаза, и взор устремлялся на горы, раскинувшие вершины слева по курсу движения. Почему-то они вызывали необъяснимый трепет, уважение. Мы-то знали, что именно там находится противник, имевший боевой опыт не только против наших и правительственных войск, но и в междоусобной борьбе разных кланов, течений, родов. Враг много воевал и был опасен для группировки, начавшей боевую операцию.

Мои размышления прервала команда «Сирена-15» — начало маневра группировки по охвату контролируемой противником зоны. Разделившись на отдельные подразделения, колонна приняла предбоевой порядок и сходу пошла в наступление на кишлачную зону и вытянувшуюся вдоль хребта «зеленку». С рубежа начала атаки парашютно-десантные роты, приняв боевой порядок, сообразовывали движение вперед с изрезанным рельефом местности.

Завершив маневр по сходу с основной магистрали и выстраиванию техники в «боевую линию», подразделения атаковали кишлаки с восточного направления. Действующим самостоятельно парашютно-десантным подразделениям предстояло пройти не менее двух километров, чтобы сблизиться с населенными пунктами, подготовленными «духами» к жесткой обороне. Несмотря на то, что атакующие подразделения на местности выглядели разорванной на лоскуточки ленточкой, они образовали панорамный рисунок атаки множеством единиц бронированной техники, который на противника должен был произвести впечатление.

Возросший с началом активной фазы боевой операции шум и хаос в эфире не мешал мне слушать корреспондентов в сети начальника разведки и командира дивизии. Из форсированного голосами командиров радиообмена я понял, что две боевые машины десанта подорвались на минах. Что с экипажами — не понятно.

— «03», я «21», прием, — услышал я позывной начальника

разведки.

— Я «03».

— Прикрой КП от кишлаков и жди указаний.

— «03» понял, выполняю.

Закрываем первую дыру общей задачи группировки. Сличив местность по карте, я вывел свои боевые машины на позиции прикрытия. Каждому командиру отделения поставил конкретную задачу:

— Азарнов, машину в укрытие, если надо — уменьши клиренс. Сектор наблюдения — основной… Дополнительный… В случае появления противника — огонь на поражение и немедленно доклад.

— Есть, товарищ лейтенант.

— Далее! Твоя машина, Андрей, будет находиться ближе к кишлаку, поэтому внимательней, возможна система кяризов, которые «духи» задействуют для передвижения под землей. Появиться они могут в любой момент, в любое время! Местность изучишь до метра — ночью будет не до этого. Понял?

— Так точно.

— И последнее: зафиксируй ориентиры по секторам наблюдения, чтобы каждый разведчик их четко знал и представлял на местности. Вспомнить тактику общевойскового боя и вообще, нюх не терять! Обо всем замеченном — доклад немедленно.

Для БМД Нищенко я определил наиболее удобное, с точки зрения тактики, место, которое он займет со своим отделением в условиях естественной складки на местности.

— Наблюдай, Игорь, и фиксируй. Лишний раз не высовывайся. Вперед.

— Есть!

На первом этапе операции мне командованием конкретной задачи не ставилось, кроме как прикрыть оперативную группу соединения на марше.

Первый ажиотаж с началом движения и выходом на трассу прошел. Перекусив, разведчики запили водичкой бекон с сухарями и наблюдали за пестрой местностью, умиротворяющей красками самобытной жизни афганского населения.

— Причунял, Баравков?

— Н-никак нет, товарищ лейтенант, — живенько отозвался Гена по внутренней связи.

— Настроение?

— Нормальное, товарищ лейтенант.

Я ногой пихнул его по загривку:

— Прекратить «чуняловку», выходим в район.

— Понял.

Смешанная колонна рейдовой группы двигалась со скоростью 25–30 километров в час — компактно, собрано. Личный состав вел наблюдение, задействуя для этого бинокли, прицелы боевых машин. Мы знали, что противник контролировал территорию от выхода с Панджшерского ущелья до Мирбочакота и, по сути дела, был на этом участке хозяином положения. Во время движения по трассе мы делали все возможное, чтобы предотвратить попытки нападения на колонну и в случае необходимости прикрыть броней оперативную группу дивизии. В этой части операции нам помогали «двадцать четвертые», ходившие по кругу и вдоль колонны, придавая особую бодрость личному составу, порой веселили. Похожие на крокодилов «вертушки» в нескольких метрах проносились над головами, вызывая у нас восхищение и радость. Это были экипажи мастеров летного дела, бороздивших ущелья афганских провинций. Задрав головы вверх, мы с восторгом смотрели на боевые вертолеты с кассетами «нурсов» на внешних подвесках. Позднее ситуация изменится на более прозаическую, мастеров в армейской авиации поубавится, что не останется незамеченным ни нами, десантниками, ни самими экипажами летчиков.

«Ниточка» втягивалась в район боевых действий, изготавливаясь к выполнению замысла первого этапа операции, предполагавшего ее поворот влево с дороги на 90 градусов с образованием боевой линии машин, которые должны были сходу ринуться в атаку на кишлачный массив. Неожиданным маневром парашютно-десантных подразделений предполагалось ошеломить силы душманской обороны, которую усиленная войсковая группировка охватывала с двух направлений вместе с «прилепившейся» к горам «зеленкой». Таким образом, основные формирования сил афганского сопротивления оказывались прижатыми к горной системе Пагман. В последующем они должны были быть уничтожены средствами рейдовой группы, имеющей в своем распоряжении системы залпового огня и тяжелой артиллерии. Превентивные попытки душманских отрядов уйти в горный массив не имели бы успеха, они пресекались бы огнем артиллерии и авиации. Оставшиеся в кольце окружения разрозненные отряды «духов» планировалось уничтожать силами парашютно-десантных подразделений в пешем порядке при поддержке армейской авиации. Так выглядел общий план боевой операции, в которую были вовлечены части и подразделения 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и афганской армии.

Но исламский комитет, контролировавший обстановку в

районе, вряд ли намеревался сверять свои действия с нашими планами. Хотя конкретной информацией о противнике нас, командиров, как всегда, не снабдили, мы понимали, что душманы нашу группировку встретят огнем уже на равнинной местности. И, хотим мы того или нет, нам придется принимать бой с противником в невыгодных для себя условиях.

Головой колонна постепенно приближалась к рубежу начала маневра по глубокому охвату противника. Пробежавшись глазами по местности, я оценивал ее характер: изрезанность, проходные пути, возможные места минирования. Механики-водители до «слез» были мной проинструктированы, что все передвижения на технике должны осуществляться вне дорожной сети — все подъездные пути душманы заминируют. Оба механика, сидевшие за рычагами боевых машин, впервые участвовали в рейдовой операции. Накануне операции стармех Зуев мне доложил, что парни в совершении марша кое-какой опыт приобрели, положиться на них, в принципе, было можно. И Слободов выразил уверенность в способности молодых ребят действовать на пересеченной местности. Это меня как командира, конечно, устраивало. Вне основной трассы все дороги однозначно будут забиты минами, составлявшими главную опасность у нас на пути. С этим приходилось считаться!

— Зуев.

— Я, товарищ лейтенант.

— Выходим к рубежу, внимательней при съезде.

— Понял.

— «12», «13, — ориентирую по радио командиров 2-го и 3-го отделений, — приготовиться. Следовать за мной след в след.

Командиры отделений Азарнов и Нищенко доложили о готовности действовать в случае нападения противника. Оглянувшись назад, я обратил внимание на сосредоточенные лица механиков, командиров отделений следующих за моей командирской машиной двух остальных «коробочек» взвода. Съезд с основной транспортной магистрали на грунтовые дороги был очень ответственным и опасным моментом — именно в этих местах «духи» устанавливали мины или фугасные заряды. Из головы не выходила коварная душманская тактика минной войны: по одной и той же колее могли проехать десять, двадцать машин, а двадцать первая взрывалась на мине. Ни саперы, ни их инженерная техника не гарантировали безопасного прохода по грунтовым дорогам, поэтому мы применяли более-менее один надежный метод — езду вне дорог.

Глава 23

Оперативную группу соединения возглавлял командир дивизии генерал-майор Рябченко. В ее составе были машины батальона связи, комендантской роты, подразделений тыла. В «бэтээре» под номером 190 находился начальник разведки подполковник Скрынников Михаил Федорович, координируя работу разведывательных подразделений дивизии в рейдовой операции. С Михаилом Федоровичем мне работалось легко и свободно — он был душой разведки. Да, ругал, крыл матом, но для дела! Много месяцев он руководил разведкой соединения — грамотно и по-человечески справедливо. В этом смысле нам, разведчикам, повезло! К нему можно было подойти для решения всех проблем — от боевых до бытовых. Мы всегда рассчитывали на его поддержку и понимание. Резкий, взрывной, в то же время добрый характер дяди Миши, как мы уважительно называли про себя Михаила Федоровича, всегда создавал хороший настрой на боевую работу. За нас, разведчиков, он стоял горой, если надо, сам разбирался, наказывал, но в беде не бросал никогда. При всем этом Михаил Федорович всячески способствовал росту офицеров разведки по командирской линии.

Мои размышления прервала команда «Сирена-15» — начало маневра группировки по охвату контролируемой противником зоны. Разделившись на отдельные подразделения, колонна приняла предбоевой порядок и сходу пошла в наступление на кишлачную зону и вытянувшуюся вдоль хребта «зеленку». С рубежа начала атаки парашютно-десантные роты, приняв боевой порядок, сообразовывали движение вперед с изрезанным рельефом местности. Завершив маневр по сходу с основной магистрали и выстраиванию техники в «боевую линию», подразделения атаковали кишлаки с восточного направления. Действующим самостоятельно парашютно-десантным подразделениям предстояло пройти не менее двух километров, чтобы сблизиться с населенными пунктами, подготовленными «духами» к жесткой обороне. Несмотря на то, что атакующие подразделения на местности выглядели разорванной на лоскуточки ленточкой, они образовали панорамный рисунок атаки множеством единиц бронированной техники, который, на противника должен был произвести впечатление.

Ближайший к боевой машине Азарнова кишлак располагался что-то около двух километров от занимаемой ею позиции. Скорее всего, это была череда кишлаков, раскинувшихся сплошной цепочкой вдоль покрытого снегами Пагмана. Перемешанная

лесным массивом жилая зона бросалась в глаза палитрой серо-зеленого пейзажа, касавшегося где-то у горизонта лазоревого неба. Полоска плодородной равнины, отделявшая кишлаки от командного пункта дивизии, представляла собой местность, изрезанную руслами высохших арыков, оврагами, виноградниками, бахчевыми и другими культурами. Казалось, невозможно было преодолеть ее на технике, если вдруг поступит мне команда «Вперед». Мысленно я «пробивал» маршрут по полю, на которое мне, возможно, придется направить машины, противодействуя противнику. Но мои ассоциации более чем на триста метров вперед не распространялись — местность была закрытой. Полевые дороги я не учитывал — минная война была в полном разгаре, и я их автоматически вычеркивал из «употребления» на технике.

В прицел боевой машины я рассматривал изрезанную вдоль и поперек полоску равнины, которую, вероятно, подтопляло в сезон проливных дождей. Русла больших и малых речушек избороздили виноградники, выделявшиеся квадратиками ухоженных плантаций. А вот несколько витиеватых овражков, вытянувшихся от кишлаков в направлении командного пункта, вызвали у меня опасения. Я их отнес к маршрутам, которые позволяли противнику скрытый от наблюдения проход к охранению с последующим выходом к пункту управления войсками, что я и зафиксировал в журнале наблюдения, взяв данный участок под особый контроль. Возможность подхода противника к командному пункту с этого направления я оценил как объективную реальность.

Артиллерийские подразделения заняли позиции дальше. Гаубичные батареи, системы залпового огня «Град» разворачивались их расчетами метрах в четырехстах восточнее КП группировки в соответствии с временными нормативами. Слаженная работа расчетов при подготовке вооружения к применению уже в который раз меня восхитила. Молодцы! Так было под Бесхудом, так и в этой операции артиллеристы показывали мастерскую подготовку. Пункты управления огнем готовили данные для стрельбы по обнаруженному авиацией противнику и координатам, переданным им по радио артиллерийскими наводчиками, находившимися в боевых порядках подразделений.

Противник тоже не дремал. Выход подразделений группировки на позиции отслеживался его визуальной разведкой: фиксировались позиции артиллерии, расположение командных пунктов, намечались возможные к ним подходы для осуществления мероприятий атакующего плана. От командиров

подразделений, занявших рубежи блокирования кишлачной зоны, поступали доклады о небольших группах душманов, входивших с ними в боестолкновение, но не вступавших в открытый бой. После перестрелки «духи» отходили в «зеленку», скрывались в кяризах и оврагах.

В сети командира дивизии прозвучал ожидаемый, но волнующий всех приказ: «Внимание, “Стрела”, всем 111» — команда в атаку. Образуя цепь наступления, десантники приняли боевой порядок и перебежками пошли на кишлачную зону, утопающую в садах фруктовых деревьев. Сразу же потребовалась поддержка с воздуха. Изрезанная оврагами и системой орошения местность не везде позволяла боевой технике подойти к кишлакам, чтобы поддержать огнем штатного вооружения наступающий десант. БМД-1 с механиками и наводчиками-операторами оставались на позициях и не везде наблюдали наступающую цепь подразделений, а значит, не могли оказать им помощь в подавлении огневых точек противника.

Наблюдая в прицел за наступающими на передовую линию обороны противника десантниками, я понимал состояние личного состава, не готового ни психологически, ни тактически атаковать душманов по правилам общевойскового боя. «Ну как вы идете, ребята? Пригнитесь! От укрытия — к укрытию! Расстояние до дувалов сокращайте, не торопясь! Наблюдайте за “духами”! Вы уже на прицеле их “буров”», — кричала душа и желание положить на землю жидкую цепочку бойцов.

— Товарищ лейтенант, они что там? Тронулись? — коснулся плеча Баравков.

— Тише, Гена, тише! — отмахнулся я от заместителя, — ну разве так можно идти в наступление, Гена? Смотри и запоминай, как нельзя поступать! Идут на таран, ё…

В прицел были видны съезжавшие на бок каски солдат и обстановка на фронте их наступления. Неуверенно оглядываясь по сторонам, они шли вперед, не понимая сути происходивших перед глазами событий. Куда наступать? Можно ли стрелять и куда? Почему молчат командиры, определявшие им на учениях места в боевых порядках? Где противник?

Разве увидишь «духов» залитыми потом глазами? Пообщавшись с Аллахом, они сквозь листья деревьев и щели дувалов отслеживали наступавших на их дома «шурави», ловили на мушки зеленоватые фигурки изготовившихся к бою солдат. А бойцы все еще были в недоумении и крутили головами по сторонам. Найдя глазами товарищей, ободрялись, выравнивали цепь подразделений, как этому учили на полигонах, закуривали, скрывая тревогу и дрожь, вспоминали письма от девчонок, друзей

или мам, вглядываясь вдаль, где раскинулось море «зеленки» и серо-желтые крыши домов. Неудобное и тяжелое в бою снаряжение, боевой комплект измотали бойцов до изнеможения, но они с упорством сближались с противником, визуально определяя его позиции, огневые точки. Никчемные каски съезжали на воспаленные потом глаза, в которых пылали цветные круги, горло жгло пылью афганских полей.

И вот началось. Огневой контакт с душманами произошел метров за пятьсот до окраины жилой зоны. Противник, не выдержав, открыл огонь по наступающим войскам. Нестройные в начале щелчки выстрелов переросли в плотное воздействие на десантников. Упав за груды камней, бойцы скрылись из поля зрения «духов» за складками местности, в руслах высохших рек, укрывших бойцов от пуль и осколков безоткатных орудий, сделавших несколько выстрелов.

Оглядевшись и оценив ситуацию, личный состав понял, что по нему стреляют засевшие за дувалами и ветками деревьев душманы. Выхлоп пороховых газов из стволов «духовских» «буров», поднятая пыль были достаточно хорошо видны при внимательном наблюдении за линией полуразрушенных местами дувалов. Включались в работу командиры. Ободряя бойцов, они выбирали момент броска подразделений для сокращения расстояния до противника, который, на первый взгляд, был действительно невидимым. Постепенно командный состав атакующих подразделений входил в обстановку, ориентировался в ней и принимал меры для подавления огневых точек ожившего противника.

Скрывавшую позиции «духов» «зеленку», по решению командиров рот, необходимо было «чесануть» пулеметным огнем боевых машин. В эфир полетели запросы комбатам в поддержке наступления парашютно-десантных подразделений боевыми машинами. Командиры батальонов и сами уже понимали необходимость наращивания усилий в оказании давления на открывшего огонь противника. Они вспомнили о приданных в их распоряжение авиационных и артиллерийских наводчиках, которые тут же получили от них координаты засевших в дувалах «духов». К работе подключилась армейская авиация, крутившаяся поблизости несколькими парами боевых вертолетов, артиллерия, развернувшаяся с размахом у штаба оперативной группы. Рейдовая группировка 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, адаптировавшись к условиям общевойскового боя, приступила к выполнению основной задачи.

Выстрелы орудий БМД осколочными гранатами всколыхнули дувалы, их разрывы, обозначившие позиции «духов»,

наступающим десантом воспринялись как целеуказание. Огонь боевых машин десанта прижал противника к дувалам, потом — к земле, чем и воспользовались лежавшие за укрытиями бойцы. Навстречу врагу они сделали несколько десятков шагов и снова упали на постылую землю — душманы усилили огонь. Сходу подавить противника и сбить его с внешнего пояса обороны не удавалось, командир дивизии наращивал усилия.

Первыми удар нанесли боевые вертолеты. «Вертушки», ощетинившись подвесками «нурсов», парами заходили на цель и залпами давили огневые точки противника. Находясь в боевых порядках подразделений, авианаводчики наводили вертолёты на опорные пункты душманов, отработав по ним, «двадцать четвертые» отскакивали в сторону, принимали координаты следующей цели и вновь заходили в атаку.

Кишлачная зона покрылась дымом, пылью и горелым запахом кислой дряни. Начавшиеся пожары, поглотив часть жилых построек, перекинулись на сады. В работу включилась гаубичная артиллерия. Вступив в бой одиночными выстрелами, она постепенно перешла на залповый огонь, сносивший 122-х миллиметровыми снарядами целые кварталы глиняных строений. Это было что-то!

Наблюдая динамику боя, я думал, как бы я поступил, чтобы «зацепиться» с группой за дувалы и развить успех внутри кишлаков, учитывая несплошной характер обороны душманов. В ней срочно надо находить бреши, проходы и задействовать их в наступлении! Что думали по этому поводу командиры взводов и рот — трудно судить, но переключая радиостанцию в разные сети, я слышал доклады комбатов в штаб оперативной группы и владел динамикой развития боевых действий группировки. По их докладам у меня сложилось твердое убеждение в том, что командиры всех степеней принимали необходимые меры, возможные в бою, чтобы сохранить личный состав от поражения противником. Они не посылали людей на пули без предварительной обработки его позиций средствами старшего начальника. Бросок навстречу врагу имел место только при огневом сопровождении артиллерийскими системами и поддержки авиации — тогда десантники устремлялись в обнаруженные ими бреши дувалов, застроек, садов. По всему фронту гремела канонада, поддерживая наступавший десант, сметая на пути засевшие группы душманов.

Но в оборудованной «вязкой» обороне противник держался, переносил огонь на пути прорыва десантников, пытаясь подавить их атаку интенсивным воздействием безоткатных орудий и ДШК. Местами душманам удалось перехватить инициативу и прижать к

земле наступавшие на них советские войска. Часть парашютно-десантных подразделений залегла перед дувалами на плантациях виноградника и от огня не могла поднять головы. И все же «духи» опоздали, в целом десанту удалось достигнуть кишлаков по периметру охваченной им зоны и закрепиться на окраинах населенных пунктов.

Часть сил душманов, вероятно, потянулась в горы, потому что за спиной у меня раздался гул, от которого волосы стали дыбом. Реактивными системами «Град» были обработаны ближайшие склоны хребтов. После артналетов и ударов авиации «духи» уже не могли оказывать стойкого сопротивления: частично были уничтожены, деморализованы, отходили назад. Решительной атакой десант преодолел площадку перед жилой зоной и втянулся в лабиринты дувалов. Начался тяжелый бой за кишлачный массив, покрытый садами, а по-нашему — «зеленкой».

Наступательный бой в кишлаке имел ряд особенностей, которые учитывались командирами при втягивании их подразделений в глубину населенного пункта, где оборона душманов выстраивалась не сплошным рубежом, как на фронте: вот — русские, вот — немцы, а отдельными и зачастую независимыми друг от друга очагами сопротивления, в которые включались сооружения, проходы, зеленые массивы, разноплановая сеть дувалов. Изобретательные подходы противника к местности позволяли ему «привязывать» позиции к жилым массивам, узким расщелинам, системе орошения полей, что делало его оборону «вязкой», устойчивой и жизнеспособной. Ряд узлов его обороны вообще не связывались единым комплексом мер противодействия «шурави» и не предполагали длительный бой, что, в принципе, противоречило боевой тактике «духов».

Кишлачная зона с прилегавшими к ней полями, плантациями бахчевых культур и фруктовыми садами была изрезана бесконечным множеством мандехов, кяризов, арыков, многими руслами высохших рек, наполняемых водой в сезоны дождей. Они же служили противнику средствами быстрого и незаметного перемещения вдоль линии обороны, перегруппировки сил, ухода в другой район и просто, чтобы вырваться из окружения. Пересеченная местность изобиловала зелеными насаждениями не только в виде кустарников, плодовых деревьев, но и лесными массивами, скрывавшими кварталы строений. Даже приборы наблюдения были бессильны, чтобы разглядеть в них подготовленные для боя позиции, коммуникации перемещения противника. Каждый фрагмент дувала, строения, дворовой пристройки служил огневой точкой, хитро оборудованной и

замаскированной под серовато-зеленый фон кишлака.

Начало боя в кишлачной зоне характеризовался стремлением противника к «связыванию» огнем наших сил и средств. Противник, активно маневрируя, находился в постоянном движении, менял позиции, мелкими группами наносил неожиданные удары с разных направлений. Тактика душманов не предполагала длительного оборонительного боя с войсками «шуравi», они ускользали от прямого боестолкновения. Используя удары во фланг, тыл одновременно с нескольких направлений, они стремительно атаковали и уходили в укрытия. Бой в окруженных кишлаках носил очаговый характер. Он возникал неожиданно, был скоротечным. Небольшие группы противника неожиданно выскакивали, обстреливали и тут же уходили за дувалы, снова появлялись — огневой контакт и «духи» словно «проваливались» сквозь землю. Боестолкновение развивалось по принципу падающего домино — следить за его динамикой было непросто. Я это чувствовал по радиообмену командиров, которые докладывали комдиву обстановку и свои решения на бой.

Десантники, действуя в сложной конфигурации кишлачного массива, преодолевали строения, комнаты, ниши, проходы, ходы сообщения — везде душманы встречали огнем. Важно было в общей схеме наступления не потерять направление атаки, которое необходимо было выдерживать в течение боя. Потеря ориентировки в кишлаке приводила к немедленным тяжелым последствиям! Кроме воздействующего на десант противника, можно было оказаться под ударом своей авиации, артиллерии, огнем соседнего подразделения. Каждый шаг командира должен был продумываться и взвешиваться с точки зрения права на жизнь.

Динамика боевых действий с противником постоянно менялась: одни подразделения, выполнив ближайшую задачу, углубились в жилой массив и вытесняли «духов» на открытое поле, другие — только что вступили в кишлак, увязнув в «зеленке». Нарушился рисунок боевого порядка, в котором образовался разрыв. Этим воспользовался противник. Он группами вышел в тыл нашим подразделениям и ударил автоматно-ружейным огнем в спины десантникам. Мы понесли потери.

«Духи» отошли в глубину обороны и через некоторое время появились в другом месте — огонь, и скрылись в подземных коммуникациях. Видя, что тактика «укусить — отскочить» им приносит плоды (мы продолжали нести потери), «духи» совсем осмелели: неожиданно появляясь с различных направлений, они

провоцировали атакующие подразделения на атаку, втягивая их в подготовленную ими систему огня, имевшую участки сплошного поражения. Для реализации коварного замысла «духи» создавали иллюзию отступления по нескольким улочкам, отходя к заранее подготовленным позициям. В нужный момент они занимали жесткую оборону, обрушивая разящий огонь на парашютно-десантные подразделения. Для засады противник использовал все, что угодно: строения, дувалы, заросли, груды камней, иногда казалось — все стреляло в десантников, даже небо. Группировка несла потери.

Схватывая взглядом панораму боя, я обратил внимание на неодинаковое сопротивление противника нашим войскам. Где-то наши подразделения вырвались вперед, не встречая активного противодействия «духов», другие увязли в кишлачном массиве. Несколько взводов вообще лежали в «зеленке» без возможности сдвинуться с места. Сейчас важно было удержать боевой порядок в кишлачном лабиринте и не потерять управление боем, что сразу бы увеличило риск душманской засады и создало условия попадания под кинжальный огонь противника.

Кое-где душманы пропустили наступавших десантников и рассосались по кишлакам, но, опять же, командирам нельзя было обманываться — это могло быть хитрым маневром местного ополчения, охранявшего кишлаки. Сеть коммуникаций позволяла «духам» в считанные минуты оказаться в самом неожиданном месте, в том числе там, где их совершенно не ждали. Для этого противник использовал тактику внезапных атак мелкими группами в 5–7 человек, заблаговременно спрятавшихся в ходах сообщения, погребах, кяризах, и оврагах. После прохождения через них атакующих подразделений десанта «духи» выскакивали наружу и открывали смертельный огонь на поражение. Нападение длилось секунды, минуты, и душманы опять растворялись в бесконечных лабиринтах дувалов, поэтому, если оставил противника в тылу, недосмотрел, упустил, через десять-пятнадцать шагов — выстрелы в спину.

Изощренная и отработанная тактика ведения боя в кишлачных зонах и зеленых массивах позволяла «духам» за пару минут превратиться в мирных дехкан, которые, якобы, трудились на полях и виноградных плантациях. Стоило потерять бдительность, как душманы наносили разящий удар с кровавыми последствиями. «Духи» применяли тактику изматывающих действий, атакуя мелкими группами с разных направлений, затем отходили вглубь обороны, занимали подготовленные позиции, опять атаковали.

Средневековый кавардак строений десантники вынуждены

были обрабатывать огнем автоматов, закидывать гранатами — везде валялись убитые и раненые «духи». Казалось бы, в этом аду невозможно было выжить человеку, но стоило наступавшим бойцам углубиться на несколько десятков метров вперед, как в тылу у них начиналась стрельба. Вот так, шаг за шагом, прикрывая друг друга, десантники продвигались к западной окраине кишлака. Только там можно было организовать остановку на ночь, привести себя в порядок, пополнить боекомплект и немного отдохнуть. Рубежа выполнения первого этапа задачи необходимо было достигнуть к исходу дня, иначе подразделения могли увязнуть в кишлачной зоне, где в ночное время будут подвержены атакам противника. Этого допустить было нельзя. Командование группировки, понимая сложность сложившейся ситуации, требовало от командиров подразделений выдавливания противника из жилого сектора к темному времени суток. Бой носил очаговый характер, он то разгорался, то затихал, переходя в ленивую фазу перестрелки, вновь начинался и так по всему периметру окруженного противника.

Вертолетчики увеличили количество вылетов, артиллерия методично разносила опорные пункты противника. Теряя живую силу, «духи» не выдержали, сменив позиции, отходили вглубь кишлаков, но огонь их был еще довольно сильным. В приборы наблюдения, оптические прицелы хорошо были видны прикрывавшие друг друга душманы. Маневрируя, они выходили из боя, снова бросались в атаку. И все же дрогнули! Собираясь группами, они предприняли попытку выскочить из кишлаков, но безрезультатно — в бой вступила реактивная артиллерия. Несколько залпов по склонам хребтов, куда устремился противник, нанесли ему невосполнимый урон. Спрятаться в горах оказалось невозможным, оставаться в кишлаках — тоже, «духи», озверев, яростно сопротивлялись в каждом жилище. Противника давили, вытесняя в долину перед горным массивом, где системы залпового огня, авиация завершали разгром его разрозненных групп.

Операция продолжалась. Бои шли на западной окраине кишлачной зоны Исталиф. Десантники, наступая на фронте Махалла — Гудара, выдавливали противника в ущелье по направлению Самуси, Кули-Карам. Но кое-где удалось «зацепить» противника на открытой местности, принуждая его бежать к горам. Этого и ожидали расчеты систем залпового огня: пути вероятного отхода душманов ими были пристреляны. Как только их разрозненные группы пытались перемахнуть открытое поле перед горным хребтом с отметками высот выше двух тысяч метров, артиллерия открывала огонь, от которого горели камни и

скалы. Противник нес ощутимые потери, оценить которые пока не удавалось, но то, что он был уже сломлен, не способен к атакам — это было очевидно. Тем не менее «духи» старались сохранить свой потенциал, вывести его из-под огня: они маневрировали, меняли позиции, но не для новых атак, а чтобы выйти из-под удара наступавшего по фронту десанта.

Невдалеке складировалось захваченное в боях оружие. Его было много: от АК китайского производства до шведских безоткатных орудий, советских ручных гранатометов и пулеметов. Здесь же собиралось огромное количество боеприпасов различных калибров, мин, выстрелов, стартовых зарядов, они паковалось в ящики от реактивных снарядов службой ракетно-артиллерийского вооружения. Захваченные трофеи впечатляли.

Врагу был нанесен урон в живой силе, вооружении, морально-психологическом плане, что значительно ослабило его боевой потенциал. Думалось, что душманы не скоро придут в себя от поражения, чтобы вновь организовать сопротивление на транспортной магистрали Кабул — Баграм. Дорога до Баграмского поворота, Чарикара на несколько месяцев должна стать спокойным участком магистрали Кабул — Хайратон. Но мы понесли безвозвратные потери, много было раненых, травмированных солдат, офицеров. Войны без потерь не бывает, они прогнозируются, просчитываются, но боевые действия зачастую перечеркивают плановые показатели, и они идут отдельной строкой кровавых сценариев.

Противник был вытеснен из жилого массива Исталиф, рассеян, уничтожена его базовая основа. Часть вооруженного формирования просочилась в горы, где зализывала раны, охраняла население, покинувшее жилую зону в канун операции. Советские войска совместно с подразделениями правительственной армии планомерно «зачищали» кишлаки и зеленые массивы от недобитых душманских бойцов. Кое-где противник оставался в убежищах и укрытиях, его группы внезапно появлялись, обстреливали, но это была агония тяжелораненого зверя. От жилища к жилищу десантники осматривали жилой сектор, ямы, ниши, погреба, где прятались недобитые «духи», забрасывали их гранатами, выкуривали дымами. Работа была опасной, кропотливой, противник, отступая, выставил на растяжки гранаты, поставил мины. Бойцы очень осторожно продвигались вперед, чтобы не попасть на минно-взрывные ловушки. Вначале бросали гранату и только потом врывались в помещение для досмотра, изъятия оружия и боеприпасов.

Кое-где велась работа с населением, которому через активистов объяснялось, что мы воюем только с вооруженными душманами, нападавшими на «шурави» и правительственные войска. Мирным дехканам не следует бояться русских, мы готовы им помогать и сотрудничать в налаживании новой жизни. Проводились встречи со старейшинами. Зная их влияние на дехкан, им объясняли политику Советского Союза в отношении Афганистана, цели и задачи, которые стояли перед «шурави». Отчасти эта работа имела локальный успех: находились сторонники нашей политики, помогавшие нам разведывательной и другой информацией, которая, кстати, десятки раз перепроверялась другими источниками. По большому-то счету это была бесполезная работа: кругом еще валялись неубранные труппы их родственников, погибших в последних боях с «шурави», разбитые авиацией и артиллерией кишлаки… Какая уж там агитация и пропаганда за светлую жизнь?

К вечеру рейдовая группировка 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии благополучно прибыла на базу.

— Иван Геннадьевич, 3-й разведывательная группа в полном составе прибыла с выполнения боевой задачи. Потерь не имею, только трофеи, — доложил я о прибытии Комару.

Дружно засмеялись с Иваном, обнявшись, хлопали друг друга по спинам. Взвод в подразделении уже ожидали: раскаленная жаром баня, сменное белье, горячий ужин, а главное — встреча с боевыми друзьями, объятья, разговоры, письма с Родины. Так закончилась очередная задача для разведчиков 80-й отдельной разведывательной роты дивизии. Боевая работа продолжалась.

Глава 24

80-я отдельная разведывательная рота проводила разведывательные и поисковые мероприятия в зоне ответственности. Собранная в единый кулак, рота решала боевые задачи, мы их выполняли повзводно на боевых машинах и в пешем порядке, вылетали на вертолетах по маршрутам движения караванов. Динамика событий не позволяла расслабиться в ритме проводимых заданий, они, как всегда были неожиданными и незапланированными. Иногда приходилось сходу вникать в обстановку и действовать быстро, решительно, без промедления. В один из таких дней в палатку вбежал прибывший из штаба дивизии Комар:

— Валера, вперед. Работаешь по данным агентурной разведки: один из кишлаков захвачен противоборствующими отрядами, кишлак горит, много погибших дехкан, взлет на вертолетах через двадцать минут. Экипажи дежурных звеньев «восьмерок» и «двадцать четвертых» готовятся к вылету.

На ходу схватив снаряжение, автомат, «разгрузку» с магазинами, ракетами и ножом, я крикнул заместителю:

— Баравков, тревога. Построение через три минуты.

Натренированные к тревогам разведчики выскочили с оружием, боеприпасами и снаряжением. На линейке перед палатками экипировались, проверив подгонку рюкзаков, дымов, гранат.

— Какие подробности, Иван?

— Идем в палатку.

Открыв мой любимый масштаб — «пятидесятку», я приготовился слушать:

— Известно немногое, Валер: кишлак уезда Калакан, — Иван показал на карте, — следовал нейтральной политике. В нем находились «духи», видимо, местного ополчения. Из соседнего кишлака — смотри — южнее вершины Асхаран с отметкой 2024 над уровнем моря, на берегу реки Дандар…

— Вижу, понял, Иван. Дальше!

— На них напали другие «духи», гораздо больше по численности первых, — продолжал Комар. — В итоге жгут кишлак, убивают жителей. Комдив приказал помочь населению, которое, что называется, попало под раздачу боевиков. Бери с собой для связи с вертолетами «809», людей раздели по «восьмеркам» на две подгруппы, «двадцать четвертые» прикроют с воздуха. Им задача поставлена.

— Понял, Иван, бегу.

— Машина у ПХД, до стоянки подброшу, Валер.

Вместе с Комаром мы выбежали из палатки, Иван — к машине, я — к стоявшей в шеренгу группе.

— Смирно!

— Вольно, Гена! Слушай боевую задачу: вылетаем двумя подгруппами: первая — 2-е и 3-е отделение — со мной. Вторая — 1-е отделение — с Баравковым. Душманским отрядом захвачен кишлак, судя по всему, небольшой. «Двадцать четвертые» отработают по нему «нурсами», обеспечат нашу посадку. Садимся и сходу в кишлак. — Я посмотрел на сосредоточенных и собранных парней.

— Баравков, работаешь на расстоянии зрительной связи — не более. После десантирования находиться в эфире. Вопросы?

— Никак нет!

— В машину! Санинструктор, бинты, промедол?

— На месте, товарищ лейтенант.

— Валер, быстрей, — торопил из кабины Иван.

— Вперед, на месте разберемся.

Запрыгнув в кузов машины, мы поехали к вертолетной стоянке. От «вертушек» отъезжал заправщик — вовремя. Прибыв на стоянку вертолетов, мы разместились по расчету, отработанному в предыдущих операциях. Иван, махнув рукой, исчез в поднятой винтами пыли.

Одновременно двумя парами: Ми-8 и Ми-24 вырулили на взлетку. Контрольный подъем, спуск на бетонку, разбег и взлет. Разноцветные кварталы пригородов Кабула поплыли за бортом вертолета. Открыв карту, изучил кишлак, местность в округе. Направление полета — северо-восток, в район Дехсабзи-Хаз, это километров 40 от Кабула. «Надо, — думаю, — уточнить взаимодействие с командиром». Подошел к кабине пилотов.

— Сколько заходов сделают «двадцать четвертые»?

Командир звена «выкинул» два пальца. Понял. Значит, мы в это время пройдем по кругу, оценим ситуацию с воздуха, и у меня будет возможность прикинуть наиболее разумный вариант решения задачи.

Командир оглянулся ко мне и кивком показал на иллюминатор, где справа по борту мелькали горы, слева — виноградники и просматривалась трасса в Баграм. Через блистер я увидел несколько очагов дыма, поднимавшихся над одним из кишлаков. Похоже, что наш. Местность, в целом, была открытой и просматривалась на расстоянии, что создавало невозможность скрытого выхода «духов» к объекту задания. Да и прикрывавшим нас с воздуха экипажам было легче контролировать внезапные подходы «духов» из глубины ущелья.

«Двадцать четвертые» выходили на боевой курс, командир «восьмерок» внимательно смотрел на землю, выбирая площадку приземления «вертушек» с десантом на борту. Потом повернулся ко мне и крикнул:

— «Двадцать четвертые» цели не видят.

— Хорошо, — кивнул ему, — понял.

— Садимся!

Я бросился в салон к разведчикам:

— Всем внимание! Работаем, как всегда: десантирование, позиция прикрытия вертолетов и по сигналу — бросок. Вопросы?

— Пленных берем, товарищ лейтенант?

— Ценных, Володя, только ценных!

— Понял!

Прижавшись к земле, «восьмерки» крались к площадке приземления, поднимая за собой пылевую завесу, маскирующую борта. Едва шасси коснулось террасы, мы вылетели наружу и заняли позицию к бою, чтобы в случае воздействия «духов» прикрыть вертолеты при наборе высоты и оглядеться на местности, врасти в обстановку: что? где? почем? Оба звена вертолетов вышли на круг и будут сверху контролировать, а в случае необходимости — поддерживать нас огнем при втягивании в кишлак.

Если бы не очаги пожарищ, доносившие смрадный запах, можно было подумать, что это один из цветущих оазисов, где дехкане выполняют решения правительства о налаживании светлой жизни. Тишина меня не обманывала, я ее остерегался пуще всего и, всматриваясь в окраину кишлака, все думал, что же это такое может гореть и так безобразно пахнуть? Разбираться было некогда, и я просигналил: «Вперед».

— «11», не отставать, не теряться из виду.

— «11» понял, — доложил Баравков.

Его разведчики, развернувшись цепью, короткими, но быстрыми, как выстрел, перебежками сокращали расстояние до дувалов. Достигнув кишлака, они «зацепились» за первый проулок, по которому можно было двигаться дальше. Свою подгруппу я подтянул ближе к пожарищу, чтобы встретиться с местным населением и через него вникнуть в суть происходивших в кишлаке событий. Запах гари и смрада усилился. Двигались вдоль глиняных стенок, образующих улицу. Стоп. Так дальше было нельзя — я не видел и не контролировал разведчиков Баравкова.

— «11», выходи на меня.

— Есть.

Минут через пять Гена с ребятами был уже рядом со мной.

Сержантам уточнил задачу:

— Баравков, следуешь по правому дувалу, Азарнов — по левому, прикрываете друг друга до выхода к центральной площадке. Нищенко — тыл. Ну?

— Без вопросов, товарищ лейтенант.

— Вперед!

Прошли не более тридцати метров, как увидели шедшего нам навстречу пожилого афганца в самой, что ни на есть, затрапезной одежде: грязной, порванной. Падая, поднимаясь, он брел по улочке, на которую мы только что вышли. Он был ранен, в крови — это я понял по характерным разводам на свободной одежде.

— Дрищ! (Стой!) — Скомандовал ему Баравков.

— Гена, быстренько опроси старика! Что у них происходит? Где душманы? И постарайся понять обстановку!

— Понял, товарищ лейтенант!

Баравков заговорил с дехканином. Несмотря на ранения, белобородый оказался разговорчивым. Что-то весомо и пространно объясняя заместителю, он активно подкреплял слова жестикуляцией восточного человека.

— Стоп, Гена! Стоп. Мы его не переслушаем. Только суть!

У нас не было времени на детальный опрос местного жителя, который бы пролил свет на происходившие в кишлаке события, чтобы мы могли каким-то образом на них реагировать и поучаствовать в укреплении народной власти. Пока я нашего участия в делах горевшего кишлака не видел, как не видел и душманов, которых необходимо было призвать к ответу. По поставленной мне задаче выходило, что здесь, в кишлаке, произошли непонятные для командования события, в которых мне предстояло разобраться и принять соответствующие меры.

— Нищенко, обрати внимание на кладбище при входе в ущелье! Там ничего не наблюдаешь?

— Нет, товарищ лейтенант, — в порядке.

— Хорошо! Держи на контроле!

— Есть.

Было неясно все, что происходило в населенном пункте и послужило поводом для атаки одних «духов» — других… получается, тоже «духов». В данном случае я был просто статистом, фиксируя виденные мною в реальном времени факты, которые пока не подлежали системному или сравнительному анализу. «Ну, дела, твою мать!» — бурчал я себе под нос, пытаясь понять, в каком направлении мне двигаться дальше, чтобы выполнить задание и не оказаться подвергнутым «духовской» атаке. Ситуация мне все больше и больше не нравилась.

— Товарищ лейтенант, — пришел в себя Баравков, — у них

такие дела… Человек пятнадцать вооруженных мужчин охраняли кишлак от посторонних, никому не мешали, работали…

— А кто они? За кого?

Баравков спросил дехканина, тот в недоумении ответил.

— Да, ни за кого они, товарищ лейтенант…

— То есть как это ни за кого? Ты у него спросил про власть?

— Спросил!

— Ну, и?..

— Они, как я понял его, сами за себя.

Я уставился на Баравкова, пучившего в растерянности глаза.

— Это что получается? Они сами — «духи»? Ты меня, Гена, до истерики доведешь!

— Никак нет, товарищ лейтенант! У них такая «петрушка» получается: несколько часов назад на них напали люди из другого кишлака, который находится дальше — в ущелье. Вон видите?

— За развалинами, что ли?

— Так точно!

— Ну!

— Они убили детей, жителей и вернулись к себе.

— Зачем убили, Гена? Спроси, в чем здесь причина? — оживился я, понимая, что в этом уже что-то есть, чтобы понять суть событий, происшедших в кишлаке.

Разговор для выяснения обстоятельств нападения жителей соседнего кишлака занял не более минуты.

— Ну, Гена! — Торопил я заместителя.

— Значит, так, т-т-товарищ лейтенант, — заикаясь, объяснил Баравков, — у них здесь школа, в которой учились дети, учительница… Он хочет нам показать.

— Потом, скажи ему, Гена, потом! Дальше-то что?

— Он настаивает, товарищ лейтенант!

— На чем?

— Говорит, что надо показать.

— Ну, это «ваще» ни в какие рамки не лезет! Нам что здесь, идти на экскурсию?

— Нет! Я, кажется, понимаю, в чем дело! Надо идти!

Втянуться в кишлак подальше, в принципе, было можно. Посмотреть, разобраться. «Горбатые» ходили над головами и об опасности не сигналили. «Пожалуй, рискну, но подстрахуюсь», — решил я и подозвал к себе Есаулкова.

— Николай, связь с «горбатыми»!

— Гарнитуру, товарищ лейтенант! — подал он мне наушники с тангентой «809» станции.

— «Воздух», я — «земля», прием!

— На приеме!

— Меня наблюдаешь?

— Отлично вижу!

— Хорошо! Я сейчас подтянусь к центру кишлака, посмотрю, что там творится. Присмотри за «бородатыми». Что-то не все мне здесь нравится.

— Я понял, если что — подстрахую! Сейчас «пройдусь» по крышам, посмотрю внимательней.

— Добро, работай, я пошел!

— Удачи, десантура!

— Спасибо, не плошай!

Взаимодействие с авиацией организовано, теперь бы не нарваться на «духов», которым, собственно, все равно кого «шинковать»: «шурави» ли, своих сорбозов…

— Гена, спроси старика: сколько было напавших на кишлак?

Гена задал вопрос, выслушав ответ, перевел:

— Около тридцати.

— Ну, что ж, вперед! Пусть ведет к школе.

— К школе надо, товарищ лейтенант, к школе! Мне, кажется, все дело в ней…

— Озадачил ты меня, Баравков! Ну, пошли!

Внешне аксакал не был похож на Сусанина: ранен, слабоват, но кто его знает? Война научила быть внимательным и осторожным в отношениях с местным населением, от которого можно было ожидать всего: от поддержки, улыбки — до удара ножом из-за угла. Но это был спонтанный случай, который управлялся мной в поставленной мне задаче.

Выдвигаясь за стариком, вышли на «пятачок», площадку, на которой, вероятно, по тем или иным причинам собирался народ. Судя по ее утоптанной поверхности, она служила для проведения массовых сборищ, впрочем, это были только мои предположения. Если оценить населенный пункт по карте, можно было сказать, что мы вышли к его центральной части, где находились значимые в жизни кишлака сооружения. Трудно определить, какие, но они выделялись более фундаментальной формой и размерами по сравнению со строениями, которые находились на его окраине. Назвать их административными не поворачивался язык, хотя в этом, наверное, что-то было… Они пылали огнем, издавая смрадный запах, который мы ощутили после десантирования с вертолетов.

Левее горевших строений находилось глиняное сооружение с входом с улицы, справа — дувал, за которым виднелся абрикосовый сад. Афганец жестом показал, что надо зайти внутрь помещения. Переглянувшись с Баравковым, мы достали гранаты.

Старик отчаянно замахал руками. Ладно.

— Гена, Сокуров — за аксакалом, я прикрою. Вперед него не лезьте. Остальным — к бою и отслеживать обстановку. Нищенко!

— Я, товарищ лейтенант!

— Ущелье под контроль! И речонку — тоже!

— Понял!

Переступив порог, окунулись в прохладный сумрак помещения, имевшего специфический запах… После яркого света ослепли.

— Присесть! Наблюдаем!

— Дрищ, спинжирай! Дрищ! — Остановил старика Баравков.

— Осмотреться и привыкнуть к темноте.

Приглядевшись и немного освоившись, двинулись дальше. Старик был впереди, но ровно настолько, чтобы не терялся из вида. Подошли к внутренней двери следующего помещения.

— Стоп, Гена! Теперь за мной. Прикрой меня.

Чтобы не видел афганец, я ввернул в гранату запал и разогнул усики чеки. Парни двигались за мной в готовности полоснуть из автоматов, если бы в этом вдруг появилась необходимость.

Мы вошли в открытую аксакалом дверь и оказались в светлом просторном помещении, поэтому остолбенение наступило мгновенно. Я стоял, пытаясь осмыслить увиденное, в глазах потемнело от страшной догадки. Впрочем, какой догадки? Яви! Около пятнадцати девочек 11–13 лет лежали в ряд на залитом кровью глиняном полу. В лужах свернувшейся крови, образовавших студенистую массу, лежали отрубленные детские ручонки. Над тельцами худеньких афганских девочек вились тысячи мух, они ползали по их лицам, посиневшим губам, танцуя танец смерти казненным зверским способом детям.

— Гена, спроси: их-то за что?

Баравков заговорил с афганцем, а я пошел вдоль вытянувшихся тел, пытаясь разобраться: все ли мертвы? Перевернутые столики, скамейки валялись у стен помещения, взрослая женщина лежала чуть дальше — ее грудь, живот были в крови. На темной одежде пулевые отверстия… Наверное, она и есть учительница… Кровью было залито все помещение — ступить некуда, чтобы пройти по линии смерти и вникнуть в случившуюся здесь бойню.

— Ну, что он, Гена, говорит?

— Говорит, что ни с кем не воевали, всех мужчин еще несколько месяцев назад увели в горы. Приезжали люди из Кабула, рассказывали про новую власть, открыли школу, учительницу привезли, помогали мукой, продовольствием.

Говорили — от «шурави». Сегодня утром ворвались люди соседнего кишлака, убивали подряд.

— Детей, Гена, за что? Детей?

— За то, что в школу ходили.

— Так. Еще раз уточни, где этот кишлак, люди которого зверски расправились с детьми. Пусть покажет!

Мы вышли на улицу — слегка пошатывало. Гена говорил с афганцем, тот показывал что-то руками, объяснял. Впрочем, и без перевода было понятно: вон кишлак, километра три по ущелью.

Обе пары вертолетов, «нарезая» круги над нами, отслеживали обстановку в кишлаке и его окрестностях — было спокойно и ничто не вызывало тревоги. Ситуация была рабочей и теперь уже понятной, разрешившись страшным содержанием нечеловеческого отношения к жизням ни в чем не повинных детей. Надо было принимать адекватные меры.

— Есаулков, авиацию.

— Есть, товарищ лейтенант.

Прижав наушник гарнитуры к уху, я связался командиром вертолетного звена:

— «Воздух», «Воздух», я «Земля», прием.

— Я «Воздух».

— Доложи на базу: вооруженный отряд соседнего населенного пункта разгромил и поджог кишлак. Ими убито много жителей, казнены малолетние дети. По данным местного жителя, каратели вернулись в свой кишлачок, его координаты… Прием.

Через некоторое время я выслушал ответ командира:

— «Земля», я «Воздух» получен приказ: акт возмездия.

— Вас понял, жду на площадке, подработаю дымом. «Двадцать четвертые», прием!

— На приеме.

— Задачу слышал?

— Да!

— Координаты цели… Работать на поражение, не кокетничать и не церемониться! Обеспечить посадку «восьмерок» для зачистки кишлака после его обработки. Как понял?

— Я понял. Работаю.

— Хорошо! Возьми под контроль подходы от Джойбара и Шораба.

— Принял. Поехали!

Командир звена боевых вертолетов, получив координаты душманского отряда, после проведенной им карательной акции прикроет наш бросок на «восьмерках» к кишлаку, где проживали нелюди, и несколькими заходами распашет его «нурсами». После

чего мы разведывательной группой войдем в кишлак и «доравняем» в нем все то, что нам оставят «вертушки». Экипажи находились со мной в одной радиосети, они слышали друг друга и меня в том числе, понимая замысел предстоящей на душманский кишлак атаки.

Через несколько минут мы подбежали к площадке. «Восьмерки», приземлившись на минуту за нами, подняли пыль в звенящем грохоте двигателей. Взлет. Я сразу к кабине пилотов.

— Командир, скомандуй «двадцать четвертым», чтобы по кишлаку поработали с удовольствием! В нем отряд вооруженных нелюдей.

— Я понял, — крикнул мне на ухо летчик.

Борттехник слегка отодвинулся, чтобы удобней общаться с ними.

— Как там?

— Горы человечьего мяса… Своих же детей растерзали.

Покачав головой, «бортач» проверил пулеметную ленту. Подлетали к душманской заразе.

— «Двадцать четвертые» работают в три захода, — наклонился ко мне командир.

— Понял! Посмотрим, где «приводниться».

Через блистер передней панорамы я видел цель: боевые вертолеты по ней уже сделали залп и уходили на следующий круг.

— Качественно, — оценил командир звена, наблюдая за работой «горбатых», — цель накрыта.

— Отлично! Выбираем площадку! Может, на дорогу — ближе к кишлаку?

Командир не согласился с предлагаемым местом посадки.

— Близковато, достанут.

— Пожалуй…

Развернувшись вокруг наблюдаемой цели, мы выбирали «пятачок» для приземления вертолетов и высадки группы.

— Пойдет? — Показал я вниз.

Оглядевшись, вертолетчик посмотрел — выбирать не приходилось.

— Садимся!

— Я пошел, командир, не теряй меня из виду.

Кивнув, летчик повел борт на посадку. Боевые вертолеты, покончив с кишлаком, вышли над нами и прикрыли посадку «восьмерок». Сигнал: «Приготовиться!».

— Осторожней при десантировании!

Выскочив наружу в пыль, заняли позицию, отслеживая ближнюю к нам окраину кишлака. Вертолеты уходили в набор

высоты с той же задачей — прикрытие с воздуха.

— Внимание всем! Все живое — цель! — дал я установку группе! — Не терять друг друга из вида!

Поймав взгляд голубых сокуровских глаз, сработал на упреждение:

— Пленных не брать!

Прикрывая друг друга, перебежками втянулись в кишлак. «Двадцать четвертые» ходили над нами, хищно высматривая цели. Мы же поразились результатам штурмовки авиацией: развороченные взрывом дувалы, мертвые тела лежавших в немыслимых позах душманов. С оружием. «Буров» не было — автоматы. «Черт побери, “духи” день ото дня вооружаются лучше и лучше»! Перемешавшаяся с кровью пыль образовала вязкую массу, будоража миллионы синих ненасытных мух. Вокруг разрывов реактивных снарядов виднелись прилипшие к дувалам куски разорванной плоти, несколько «духовских» тел валялись в придорожных кустах. Вместе с ними лежала оторванная взрывом нога, которую трудно было идентифицировать на предмет принадлежности к телу. Видимо, «духи», двигаясь по узенькой улице, неожиданно для них самих попали под залп вертолетных снарядов.

— Нищенко, оружие и документы!

Выскочив к площадке жилого помещения, Архипов метнул гранату в отверстие дувала, темневшего возле деревянной двери. Взрыв. Забежали во внутренний дворик, из которого кто-то пытался бежать, но пуля оказалась быстрее, она остановила бородатого душмана с китайским АК наперевес. Ба, да у него же еще и темно-зеленая «разгрузка» производства той же страны! «Ну, бля, «духи», сегодня удивляют. Вооружаются основательно»! Еще граната. После резкого хлопка — рывком в помещение, где из автоматов обработали комнату напротив. Короткие очереди с улицы прижали к стене.

— Наружу, уходим по дувалам.

Есаулков ногой ударил ворота. Связка Сокуров — Архипов нырнула в узкую щель открывшейся двери. Выстрелы. Наспех перевязанные «духи» лежали в полутемной нише. Раненые. Кто-то из своих же братьев-душманов подтянул их с улицы и спрятал в жилище. Ценных пленных среди них не оказалось…

— Баравков, следующий сектор!

— Есть.

Разведчики Геннадия ворвались в соседнее помещение.

— Азарнов — левая дверь! Внимательней!

«Духовское» зверье мелкими группами отходило по улице или валялось там, где их настигли залпы реактивных снарядов.

Ослабнув от потери крови, «духи» пытались отстреливаться, но не смогли — лежали под солнцем в раскисшей от крови пыли. В принципе, нам оставалось только добивать полуобморочное рванье, не очень походившее на недавних боевиков.

Опять послышались автоматные очереди. На этот раз душманов не было видно, но зарываться в кишлачную глубинку нельзя — заплутаем и найдем себе приключений по самое «здрасте». По «сто сорок восьмой» радиостанции «подтянул» к себе командиров отделений:

— Баравков, Азарнов, ко мне.

Сейчас было не до позывных. Разведчики обоих отделений вышли из лабиринтов жилого сектора и вместе с Нищенко, собиравшим оружие «духов», выдвинулись ко мне.

— Игорь — тыл!

Привалившись к дувалу, сержант утвердительно кивнул — понял. Таская на себе трофейное оружие и боеприпасы, разведчики устали, но не оставлять же трофеи душманам? И фактическая отчетность по стволам налицо!

Невдалеке снова выстрелы.

— Я их вижу, товарищ лейтенант! Они в глиняном сарае, что в центре площадки, — крикнул мне Азарнов.

Осторожно выглянув из-за дувала, я зафиксировал выброс пороховых газов из стволов «духовских» автоматов. Но куда же они «молотили»? Выхлоп пламени был правее того места, где мы залегли.

— Есаулков, «809». «Воздух», я «Земля», меня контролируешь? — запросил я командира «вертушек».

— Не волнуйся, наблюдаю.

— Направление — 70, дальше — 300, «духовский» огонь.

— Двухэтажная коробка?

— Вроде этого…

— Ты к ней «прилип» — опасно работать.

— Хорошо, отойду.

— «Земля», будь внимателен, — вмешался командир «двадцать четвертых», — с северо-востока 400 метров «духовская» группа до двадцати пяти «карандашей», у них огневой контакт с «твоими» «духами».

— Что же, по-твоему, происходит?

— Ничего не пойму.

— Может, активисты?

— Запрошу ЦБУ.

Через пару минут командир звена сообщил:

— «Земля», я «Воздух», в районе нет наших войск, правительственных и активистов тоже. Похоже, «духовская»

«разборка». Получил «добро» на работу по обеим группам.

— Принял, отхожу.

Вертолетные пары рванулись в атаку. «Восьмерки» выбрали целью «моих» «духов», а «двадцать четвертые» отработали левее и дальше. Мне не были видны разрывы реактивных снарядов, но по звуку взрывов — не так уж и далеко.

— «Воздух», я «Земля», наблюдаю: «мои» «духи» накрыты, остальных не вижу.

— Понял, еще заходик! На развод.

— Добро, после отработки иду на цель, контролируй меня.

— Давай, если что — сваливай в сторону, отработаю пушкой.

— Понял! Меня точно наблюдаешь?

— Нормально. С «духами» не спутаю.

— Ну и юмор у тебя.

— Это я так — в горячке, не боись, прикроем!

— Как «двадцать четвертые» сработали?

— В порядке, движения не вижу, — завершил диалог командир «двадцать четвертых».

А «восьмерки» вышли на боевой. Черные стрелы дыма обозначили залп реактивных снарядов — вверх полетели куски глины, деревянных перекрытий. Клубы пыли и дыма поднялись над садом.

— «Воздух», сработал «отлично»! Выхожу на объект.

— Работай, наблюдаю.

Пока не рассеялась пыль и «духи» были ошеломлены ударом авиации — вперед.

— Баравков, за дувал, выходи от строения с плоской крышей.

— Понял, вижу.

— Азарнов — с фронта. Прикроем.

Андрей кивнул, распределяя разведчиков для очередного броска.

— Нищенко, собирай оружие.

— Его много, товарищ лейтенант.

— Собирай, Игорь, собирай и тылы не упускай.

Отделение Баравкова вышло на рубеж атаки сооружения, где находились «духи». Обоим сержантам скомандовал:

— Вперед.

Отделение Нищенко, загруженное трофейным оружием, несло основную тяжесть в этой части операции, оно работало на поражение приходившего в себя противника и таскало на себе оружие, захваченное у «духов».

— Стоп, Игорь, дальше не лезь, остаешься здесь со своим арсеналом. Со мной будут Есаулков, Гапоненко и Архипов. С остальными контролируешь тыл и подходы к объекту.

— Понял, товарищ лейтенант.

— Будь внимательней, метров триста восточней какая-то «левая», не местная «духовская» группа. Могут подойти и вступиться с нами в перестрелку. Нам бы этого еще не хватало! Одним словом — работай! Мы пошли.

Вчетвером налегке переместились внутрь помещения.

— «11», работаем внизу, как понял?

— Понял, подчистили верхний ярус.

Упав на левый бок с поворотом по оси, делаю несколько очередей перед собой, создавая таким образом пространство безопасности. Дальше я двигался на получетвереньках, прижимаясь к шершавой стене, вдоль которой уползало тело в рваном халате. Рывком к нему! Ударом ноги опрокинул карателя на спину и, подпрыгнув вверх, приземлился на его щуплую грудь каблуками ботинок. Оглянувшись назад, успокоился: парни обыскивали тела душманов, изымая содержимое их внутренних карманов. Тут же валялся классический «бур-303», автоматы 7, 62 мм и разный хлам, который относился к предметам повседневной необходимости «духов».

— Этого с собой, — указал я на вырубленного душмана.

Подоспевший к нам Баравков ловко упаковал его чалмой, затянув петлей-удавкой шею бойца легких побед. Сгодится! Свободным концом длинной чалмы подтянул связанные руки душмана к затылку. Хрипы, кровь изо рта был хорошим признаком того, чтобы отнести его к «ценным» «духам» и притащить с собой на базу.

— Уходим к Нищенко.

Подхватив «душка» за чалму, потащили его к выходу.

— «11», прикрой отход до площадки. Уходишь последним.

— «11» принял.

— «12», прием.

— Я «12».

— Сообразуешь движение группы. Будь внимателен!

— Принял!

Нищенко распределил трофейное оружие между разведчиками, его осталось только вынести к вертолетам. Уходим. Перебежками перемещались вдоль дувалов в обратном направлении. Где-то рядом были душманы, по которым сработали боевые Ми-24. Рассеялись и ушли?

— Есаулков, гарнитуру. «Воздух», я «Земля», работу закончил, выхожу на площадку.

— Вижу тебя, понял.

«Вертушки» ходили по кругу, высматривая противника в глиняных завалах. Мало что осталось от кишлака, приютившего

зверье. И поделом! Уважаете силу? Вы ее получили.

Отделение Азарнова обеспечило нам выход к площадке, Баравков прикроет тыл. С ним пленный «душок» — пригодится, вникнем в суть «духовских» разборок. Чего они там не поделили?

Кишлак закончился — площадка. «Восьмерки» заходили на «пятачок» со стороны раскаленного солнца. Пыль. Посадка. Быстренько загрузили оружие — нормально! Все на месте! Вперед! Вертолет поплыл над землей. Мы возвращались на базу.

Перелет с возвращением на базу занял не более двадцати минут. Вот и задыхавшийся смогом Кабул. Командованию дивизии уже было доложено по радио о нашем подходе к аэродрому. Нас встречали Михаил Федорович и командир роты Комар, возможно, подойдет кто-то из заместителей командира дивизии. За это я не переживал, но видок у нас был еще тот! Грязевые подтеки на лицах, промокшие потом «хэбешки» с солевыми разводами подмышками, наверное, делали нас похожими на чертей. Вывалившись на бетонку из подруливших на стоянку «вертушек», я кивнул разведчикам:

— Становись!

И пошел навстречу начальнику разведки:

— Товарищ гвардии подполковник, разведывательная группа боевую задачу выполнила. Потерь не имеем! Командир группы гвардии лейтенант Марченко.

Всматриваясь в лица ребят, многие из которых были в липкой крови, к счастью — чужой, «духовской», Скрынников покачал головой.

— Ну, как, Валера?

— Нормально, товарищ подполковник, но человечьего мяса… Вот зверье, — показал я ему на пленных. — Детям руки отрубили…

Подошли к захваченным «духам». Подвернулись под руку — прихватили, хотя я этой задачи не ставил. Эмоции перехлестывали через край. «Мой» с переломанной грудью лежал на палатке и, похоже, отходил, а ведь я его сознательно там не добил. Пусть до конца носит свою боль и помнит о загубленных им детях! Месть? А как же? Кесарю — кесарево! Хотя о чем я говорю? Способны ли звери к сопереживанию?

— Давай своего, Баравков!

Геннадий пихнул в загривок раненого в лицо душмана, снял с его шеи удавку, но руки оставил стянутыми сзади чалмой. Залитая кровью голова была изуродована: вместо левого глаза — сплошное месиво с вынесенной пулей частью височной кости черепа. Взяв его за шиворот, я наклонил затылком вниз, чтобы осмотреть кровавую рану. К-а-артинка… Обалдеешь!

— Спроси его, Гена, зачем они убили детей? — Вмешался начальник разведки, чтобы прояснить ситуацию с кишлаком и доложить о ней командиру дивизии.

Баравков задал вопрос. Душман молчал. Стволом автомата я нанес ему колющий удар в лицо. Пленный упал на бетонку и судорожно засучил ногами. Начальник бросился ко мне:

— Отставить, Марченко!

— Есть «отставить», товарищ подполковник!

И отошел подальше от греха. «Убью!» — стучало в голове.

— Гена, повтори недоноску вопрос!

Склонившись над «духом», Баравков перевел. Пленный на удивление заговорил. Это ж совсем другое дело!

— О чем лопочет?

— Говорит, что дети пошли против воли Аллаха.

— О-о-о… Ясно. Это пустой разговор.

Я безнадежно махнул рукой и обратился к начальнику:

— Бесполезно, товарищ подполковник, пустая трата времени! Это нам ничего не даст!

— Похоже, что так. Пусть с ним ХАД разбирается, армия, — махнул рукой начальник, — мы свою задачу выполнили! Верно, Валера?

— Так точно!

— Распорядись: пленных и трофеи — в дивизию, людей привести в порядок и можно отдохнуть. Вопросы?

— Никак нет!

Михаил Федорович, пожав мне руку, пошел через медсанбат к штабу дивизии, где его ожидал с докладом генерал-майор Рябченко. Я уточнил у Комара порядок дальнейшей работы и спросил Баравкова:

— Все выгрузили с бортов?

— Так точно! С оружием разберусь.

— Стоп, Гена! Выложи, я сам!

— Понял!

Оружия было много! Его требовалось разрядить и выложить по системам видам, а представители ракетно-артиллерийского вооружения дивизии заберут его на склад. Нам было чем отчитаться перед дивизией за проведенную операцию!

Как всегда после пережитой опасности, приходила усталость, вялость и даже депрессия. Волоча ноги за Комаром, я спросил Ивана:

— Может, сделаем баню?

— Ну, а что? Без проблем.

— Хотелось бы отвлечься, Вань, и выпить за вредность положенные граммы спирта. Как там у Высоцкого? «Уколоться б и

забыться и упасть на дно колодца».

— Организуем, Валер.

— Спасибо, Вань. Хотя вряд ли это поможет. Представляешь? Тоненькие ручонки лежат в рядочек с телами? Отрубали безобразным образом…

Иван успокаивающе хлопнул меня по спине.

— Пойдем, Валер, пора ехать, а с ними ещё разберемся!

У меня от напряжения прошедшего боя разболелась голова, давило в висках, а перед глазами видением стояли растерзанные тела афганских детей. Яростные расправы душманов с советскими солдатами, офицерами — понятны, по шариату мы им враги. Но зачем же подвергать мучительной смерти детей-то только за то, что они бегали в школу? Последняя операция в кишлаке перевернула все мои представления о воинской этике противника, морали и нравственности ведения с ним боевых действий. Жестокий враг понимал только силу, запугивая нас диким отношением к попавшим к ним раненым солдатам и офицерам Советской армии, телам погибших воинов, собственному населению, не вписавшемуся в мораль исламского миропорядка.

«Впредь, — в который раз давал себе установку, — работаем на устрашение: пленных — ко мне, рубить на куски не будем, но рай они заслужат от русского оружия». Я благодарил своих разведчиков, принявших суровые правила афганской войны, за понимание таких ценностей ведения боевых действий, как справедливость, соблюдение этического отношения к пленным, погибшим, мирному населению. Именно — ценностей! Душманы бросали кровавый вызов цивилизации в принципе, осуществляя массовое уничтожение ни в чем неповинных детей, людей, не имевших ни малейшего отношения к вооруженному конфликту сторон. Произошло противостояние советского солдата новой, неизведанной доселе угрозе, которая позднее расползется по миру массовыми убийствами, террором мирного населения в решении различного рода задач, намерений. Станет инструментом достижения результатов в геополитическом, религиозном и любом другом противостоянии, где договорным процессам уже не останется места.

Глава 25

Выходы разведывательных групп для наблюдения за противником в зоне ответственности дивизии подтверждали активность душманов, организовавших связь сигнальными маячками в звене кишлаки — горы. Они давали основание считать, что противник не стремился к боевым столкновениям с советскими войсками, а проводил мероприятия по подготовке к зиме. Штабом соединения была спланирована боевая операция силами разведки дивизии. Замысел состоял в следующем: разведывательная группа на боевых машинах должна была выдвинуться в район населенного пункта Карези-Мир, что в 20 километрах севернее Кабула, скрытно спешиться на ходу и организовать засадные действия с нанесением противнику огневого поражения. Задачу по исполнению этого замысла было приказано осуществить силами моей разведывательной группы.

— Вот, смотри, Валера, — Михаил Федорович Скрынников склонился над картой, показывая мне карандашом маршрут движения к месту засады, — по главной дороге проходит много техники. «Духи» привыкли к этому и не обратят внимания на замедление скорости при повороте направо, когда вы через десантные отделения спешитесь на ходу.

Начальник разведки, сосредоточившись, смотрел на меня.

— Улавливаешь смысл?

— Так точно.

— После машин в ночной прицел изучишь местность и только потом выдвигаешься к месту засады — до него около трех километров.

«Расстояние небольшое — нормально, но местность закрытая», — подумал я про себя.

— На рельеф обратил внимание?

Михаил Федорович как будто подслушал меня.

— Техника не пройдет, товарищ подполковник.

— Что это значит? Это значит, что в серьезной драке «броня» тебе не помощник.

— Войск, активистов поблизости нет?

— Нет.

— Какие активисты, — сморщился начальник. — Работаешь один.

— Ясно.

— За темное время ты должен сняться и уйти, чтобы не «засветиться». Иначе все насмарку. Отход по другому маршруту, «духи» постоянно в движении — можно нарваться.

— Понял, товарищ подполковник, берем «духовский» продотряд.

— Не ёрничай, Марченко, обстановка серьезная, противник понес потери, озверел до крайней степени — завтра зачитаю приказы командующего армии.

— Да я так, к слову.

— Ладно, понимаю — устал. Соберись и отдохни. Начало движения в 18.00. Кстати, «привязка» по времени к началу сумерек.

— Есть, товарищ подполковник.

Собрав карту, кинул ее на кровать.

— Валер, — поднялся Ленцов, — старшина твоих накормил, дай команду Баравкову и ложись, отдохни.

Комар находился в отпуске и Александр, оставшись за командира роты, «разруливал» разведывательные мероприятия подразделения.

— Хорошо, Сань, пройдусь.

Вышел наружу. Солнце по-прежнему грело, но ледяным ветерком с Пагмана «продирало» насквозь. Вспомнилась прошлая зима в Кабуле: холодная, снежная. Что же будет в этом году? За лето мы подготовились, утеплили палатки, пожароопасные «Поларисы» заменили «капельницами» — стало экологически чище. Раньше, бывало, по утрам мы просыпались в саже и копоти, в горле першило от продуктов сгорания солярки, теперь же издержек таких не бывало.

— Баравков, подойди.

Гена подбежав, четко доложил о прибытии. Молодец: исполнителен, знает сержантскую науку. Школа Сафарова была налицо.

— Всем отдыхать, готовность по времени, пройдемся по задаче и вперед.

— Понял, товарищ старший лейтенант.

— Проверь аккумуляторы к ночному прицелу.

— Есаулков проверил, доложил.

— Хорошо, отдыхай.

Повернув лицо под прохладу горного воздуха, я постоял, но пора, наверное, спать.

— Сань, — окликнул я Перепечина, — ты сегодня выходишь?

Александр поднялся с кровати.

— Выхожу, Валер. Посмотрю, что в Паймунаре — «духи-то» шевелятся, готовятся к зиме.

— А Серега Богатиков?

— Тоже обсуждает выход.

— Короче, все разбегаемся, некому Артемыча прикалывать.

— Соберемся завтра, попаримся.

— Николаю надо напомнить о бане.

— Ладно, давай спать, вернемся — решим. Пригласим «05» душу «напитком» облить.

— Обязательно.

Укрывшись курткой, я уснул. Пришел в себя от громкого смеха.

— Артемыч, ты кому это пишешь?

Гришин, похоже, разыгрывал Родина.

— На «кудыкину» гору.

После сытного обеда Толик был в образе кота Матроскина — переваривал. Сейчас розыгрыш вряд ли получится: Анатолий Артемович был благодушен, спокоен, с удовольствием жмурился от процессов, происходивших в желудке. Клонило ко сну.

— Отдыхай, Артемыч, скоро уйду, кто тебя будет подкалывать?

«Нет, поспать не дадут, надо вставать, помыться, перекусить, а там и собираться пора».

— Коля, сала с лучком не осталось?

— Нельзя, — отрезал Николай.

— Почему?

— «Духи» за версту почуют.

Посмеялись, занимаясь подготовкой к выходу.

Леха с улыбкой на восточном лице по-хозяйски устроился за столом — сама беззаботность.

— Леш, только по секрету: канистру обновил?

— Ха, а для чего я пришел?

— Наверное, уточнить про баню! Жихарев определил тебя дежурным по экипажу. Так?

— Точно.

— Тогда завтра к вечеру собираемся у нас и размочим, как это полагается… Идет?

— Без вопросов, ребята.

Ленька подошел ко мне. После 8 марта у нас с ним наладились особые отношения. В авиационной армии он стал легендарной личностью. Как же? С разведчиками дивизии в главный женский день сражался с душманами.

— Куда путь держим, Валер?

— Да прокатиться недалече, к утру вернусь.

— Мы завтра в Ташкент собрались, после обеда вернемся. Прихватим фруктов, что-нибудь еще к столу…

— Добро, Лень, ребятам привет.

— Чуть не забыл, разведчики: письма на стол, завтра брошу их в Ташкенте, быстрее придут к адресатам.

— У нас Родин пишет за всех, — не удержался Гришин, — Толик, сдавай.

Артемыч кинулся к тумбочке. Он часто писал письма родным, чем его незлобно донимали.

— Все?

Леха держал в руке стопку написанных нами писем.

— Не буду мешать, господа! Успехов в боевой и политической подготовке! До завтра.

— Оставайся поужинать, Леш!

— Перехватил, ребята, спасибо, бегу.

Но, кажется, пора! На линейке слышу команду Баравкова, значит, группа уже строится. Мне первому из офицеров убывать на задание, затем в ночь уходят Саша Перепечин и Сергей Богатиков. Я вышел наружу, где заместитель скомандовал построенной в шеренгу группе:

— Смирно! Равнение налево. Товарищ гвардии старший лейтенант, разведывательная группа к выполнению боевой задачи готова. Заместитель командира взвода старший сержант Баравков.

— Вольно, Гена.

— Вольно, — продублировал заместитель.

Постановка задачи не заняла много времени: я уточнил временные показатели, сигналы, после чего подытожил:

— Работаем на технике! Быть внимательней при десантировании. Дистанция, товарищи механики, 20 метров, не переехать кого-нибудь, если кто-то замешкался. Вы меня поняли?

— Так точно, — ответил Зуев.

— Командиры отделений, по сигналу «Приготовиться к десантированию» включаете станции! В эфир не лезть, работать на прием.

— Товарищ старший лейтенант, начальник разведки, — подсказал мне Азарнов.

Повернувшись к тылам дивизии, я увидел подполковника Скрынников, шустро идущего к передней линейке подразделения.

— Группа, смирно! Товарищ гвардии подполковник, разведгруппа к выполнению задания готова. Командир группы старший лейтенант Марченко.

— Здравствуйте, товарищи разведчики!

— Здравия желаем, товарищ гвардии полковник!

— Вольно. Готовы?

Михаил Федорович осмотрел экипировку разведчиков.

— Так точно!

— Сегодня отработаем на технике. Задача доведена, Марченко?

— Так точно!

— Ясно. Перекурить и по машинам, через десять минут начало движения.

— Вот еще что! — я повернулся к разведчикам. — Подогнать снаряжение, чтобы не цеплялось при десантировании. Разойдись!

— Идем в палатку, Валера, — позвал меня Скрынников, энергично зашагав к расположению.

Навстречу выскочил Ленцов, доложив начальнику об отсутствии происшествий. Михаил Федорович без лишних предисловий обозначил суть разговора:

— Товарищи офицеры, пришел приказ командующего войсками о назначении Комара Ивана Геннадьевича заместителем командира 3-го парашютно-десантного батальона 317-го полка…

Мы переглянулись от неожиданного для нас сообщения, спохватившись, захлопали в ладоши.

— В связи с этим назначением командиром 80-й отдельной разведывательной роты, — продолжил Михаил Федорович, — назначен старший лейтенант Ленцов Александр Иванович.

Аплодисменты продолжались — бурные, продолжительные.

— Заместителем командира разведывательной роты дивизии назначен гвардии старший лейтенант Марченко Валерий Григорьевич.

Не скажу, что были овации, но нас с Шурой офицеры поздравили искренне и по-товарищески. Дыхание перехватило от полной неожиданности сказанного. Еще не осознав случившееся нам сообщение, мы с Ленцовым жали друг другу руки, что-то говорили, благодарили друзей, начальника за поздравления.

— Вот и банька к месту, — удовлетворенно изрек старшина.

— Коля, не подведи!

Наши взгляды были направлены на уважаемого нами Николая Владимировича.

— Все будет в порядке, — без многословий сказал Андрейчук.

— Все-все, Марченко, вперед!

Михаил Федорович рванулся к выходу. Едва успевая, я бежал за ним в парк боевой техники, где разведчики уже заняли места в боевых машинах и были готовы к выполнению очередного задания.

Колонна из трех боевых машин следовала по дороге на Баграм к рубежу десантирования — не доезжая виноградников Баги-Арифхан два километра с целью доставки моей разведывательной группы к месту проведения засадных действий. На маршруте движения держали режим полного радиомолчания. Прошли перевал Хайрхана, после него втянулись в степь Чамтала,

на западе которой раскинулись горы с одноименным названием. Стемнело. По карте я отслеживал положение «ниточки» в контрольных точках, сличая ее с ориентирами на местности, чтобы, не дай Бог, не ошибиться с рубежом десантирования. Многочисленные тропинки, разбегавшиеся от трассы к кишлакам, находившимся в предгорье, могли ввести в заблуждение, поэтому я контролировал положение головы колонны на местности по характерным гребням хребтов, обозначенных на карте, которые сличал с реальным контуром гор, видимым мне из люка наводчика-оператора. Кишлачок Каладашт, расположенный южнее населенного пункта Карези-Мир, рассматривался командованием дивизии в качестве перевалочной базы, в которой аккумулировались материальные запасы душманского сопротивления с последующей их доставкой в горы.

Мы практически были у цели, постепенно приближаясь к точке десантирования. Волнение охватывало все больше и больше. Пора. Выглянув из башни машины, я осмотрелся и, убедившись, что подходим к намеченному рубежу, нажал тангенту Р-123М: сигнал «Приготовиться». Услышав характерный писк в наушниках, командиры отделений продублировали сигнал разведчикам. Михаилу Федоровичу, сидевшему на месте командира, я доложил по внутренней связи:

— Товарищ подполковник, до десантирования три минуты.

Он сидел в моей боевой машине на командирском месте.

— Вижу, Валера! Внимательней. За пятнадцать минут до прибытия к месту экстрадиции доклад условной фразой.

— Я помню, товарищ подполковник.

— Давай. Только не лезь, куда не надо.

— Куда уж дальше, товарищ подполковник?

— Ладно, ладно, поговори мне!

Следующий поворот — рубеж покидания машин. Врастаю в обстановку и даю команду механику:

— Зуев, скорость «десять».

— Понял!

Машина плавно замедлила ход и на малых оборотах осторожно вписывалась в крутой поворот. Тремя нажатиями тангенты подаю в эфир сигнал «Десантирование» и через люк наводчика-оператора выскальзываю наружу. Замешкавшийся у десантного отделения Баравков едва не вызвал у меня поток ненормативной лексики, но на лирику не было времени, поэтому отработанным приемом я спрыгнул с машины влево по ходу ее движения и изготовился к бою. Укрывшись за придорожным булыжником, я ожидал ухода «брони», оглушившей грохотом двигателей, и краем глаза отслеживал обстановку вдоль

темневшей дороги. Прислушиваясь к ночи, наступившей с заходом солнца за острозубый хребет, я тихонько адаптировался к тишине, настораживающим теням, свету луны, вызывавшей непонятные блики вдали.

Занявшие оборону разведчики лежали цепочкой и были в готовы к принятию боя, который в этой операции был основным содержанием нашего выхода в тыл к противнику. Сегодня мы были нацелены не на получение разведывательной или другой информации, а на пресечение «духовского» обеспечения населением кишлаков, то есть наше задание решалось только в контакте с противником, где мы должны были работать на его уничтожение.

Дозор в составе Ксендикова и Гапоненко сигналом отправил по обозначенному на карте маршруту. Сверив по компасу азимут, они двинулись в направлении засады, которую я решил устроить на пересечении путей из нескольких кишлаков, выходящих к предгорью.

— Есаулков, не отставать, — шепнул я связисту, следующему в группе за мной.

Боевой порядок при выдвижении к месту засады выдерживался мной по схеме, определенной начальником в лагере. Еще неизвестно было, как «духи» отреагируют на маленькую хитрость с выходом группы из боевых машин на ходу, как отыграют на ее исполнение. Колонну они наблюдали с начала ее выхода из парка, возможно, вели ее, передавая друг другу сигналами, но засечь группу, ушедшую в их в тыл — смерти подобно.

— Гена, с Сокуровым отслеживайте тыл. Не зевать — проглотят! Я ясно выражаюсь?

— Так точно, товарищ лейтенант! Но мне кажется, что «духи» прижимаются ближе к горам.

— А мы куда выходим? К условной развязке их выхода в горный массив, на пересечение натоптанных ими дорог. Так что — смотри! Не зевай!

— Понял!

Разобравшись на местности, я ускоренным шагом повел группу к месту засады. Здесь были свои особенности, которые необходимо было принимать за основу и руководству к действию. Первое: насколько мы были незаметны с наезженной дехканами дороги, как мы «вписывались» в рельеф, изобилующий на всем протяжении высохшими руслами рек. Второе: мне сразу не понравились каскады террас, частично уходившие в долину, а частью — в горы, представлявшие опасность многоярусным и господствующим расположением над местностью. На них,

вероятней всего, рос виноград, бахчевые культуры, кое-где зерновые, но вместе с тем они создавали опасные условия внезапной встречи с врагом.

Агентурная разведка ХАД ориентировала нас, что в районе душманы проявляют активную деятельность по осуществлению поставок материальных запасов, вооружения и боеприпасов в горные районы, они оседлали тропы, ведущие к базам, организовали наблюдение за ними. С наступлением темноты душманские группы рыскали по кишлакам, решая вопросы обеспечения сил сопротивления, которые на зимний период оставались на территории Афганистана. Мероприятия по подготовке к зиме они старались закончить до наступления холодов. Оставшимся на зимовку формированиям «духов» предстояло в зимних условиях продолжить борьбу с советскими и правительственными войсками, но большая их часть на зиму должна была уйти в Пакистан, из западных провинций страны — в Иран. Правительственная разведка фиксировала активное перемещение «духовских» отрядов в районе, их миграцию по выполняемым задачам, поэтому опасность внезапной встречи с противником носила реальный характер. Подобные встречи я проигрывал с разведчиками до автоматизма, но всегда исходил из благоразумия, чтобы избежать контакта с противником, если таковой не планировался заданием.

Просигналил дозору: «Стоп»! Вести наблюдение. Остановки при выдвижении к спланированной засаде возникают через каждые двести, триста метров. Не торопись! Стой! Оглядись! Замри и слушай! Веди наблюдение! Тишина, спокойствие? Ничего — это может быть иллюзией, самообманом. Возможно, мы уже были в прицеле душманской засады. «Не обманывайся, — твердил я себе, — оцени ситуацию и снова вперед». Трезвость мышления, чутье, анализ, прогноз, множество других, не зависимых друг от друга, факторов выводят к намеченной цели. А опыт? Великое дело! Значит, вперед и только вперед!

Наработанным на ходу движением я время от времени припадал к ночному прицелу, изучал маршрут движения группы в полосе выхода к засаде. Круговым наблюдением осматривал террасы, склоны холмов, оценивал безопасность окружаемого группу пространства, обследовал, не упуская из виду, тылы. Глаз пока ни за что не «цеплялся», все вроде бы тихо, спокойно. «Пора», — решил я не терять время на выдвижение и дал группе сигнал: «Вперед». Резерв времени был необходимым условием для выбора более выгодного расположения группы в месте засады, где каждая секунда порой имела вес золотого запаса.

Минут через сорок я вывел группу к полуразрушенному и,

вероятно, заброшенному кишлаку, маячившему на горизонте вытянутыми в ряд строениями и уродливой формы дувалами. Они огораживали населенный пункт по традиционному периметру и местами имели проломы, которые меня заинтересовали. Они-то нам и были нужны, чтобы через них проникнуть внутрь нагромождений фрагментов некогда жилых помещений. Но стоп! Спокойно. Залегли. Я был еще не уверен в необходимости детального исследования объекта, но что-то подсказывало мне не торопиться и внимательно подойти к выполнению дальнейших действий. Вникая в развалины пришедшегося мне не по душе места, я отнес их к категории опасных, поэтому, собравшись «кучкой», не выпускал из вида выдвинувшийся вперед дозор.

Ксендиков действовал правильно, грамотно, ему необходимо было убедиться в отсутствии засады противника. Оставлять за собой в тылу непроверенное естественное укрытие, где могли спрятаться «духи», было с моей и его точки зрения в высшей степени неблагоразумно. Опасный район навевал ассоциации с жутковатой картиной, отчего мы все, признаться, испытывали не самые приятные ощущения. Приблизившись к кишлаку, в котором оставались неразрушенные революцией здания, дозор двинулся дальше вдоль ближнего по отношению к нам дувала к углу, образуемому на стыке с дувалом другой стороны. Насколько за ним было опасно (а риски переходили «зашкальные» нормы), хотел убедиться Ксендиков, осторожно выглянув из-за угла. В следующую секунду реакция Славы шокировала. Старший дозорный, отпрыгнув в сторону, спровоцировал удивительную резкость группы. Неведомая сила бросила нас на землю. Распластавшись, я просигналил «Опасность» и принял положение к бою. Оба дозорных лежали без движения, давая понять — противник! Отскочивший к старшему дозорному Гапоненко подтвердил опасность поднятым вверх стволом автомата.

Ночная тишина не взорвалась огнем из-за дувалов, значит, у меня еще были секунды на оценку обстановки и принятие решения. Приникнув к ночному прицелу, я «схватил» панораму местности вблизи кишлака и вникал в ситуацию, чтобы наметить следующий шаг. Исследование строений, дувала, за которым лежали дозорные, осмотр прилегавшей к нам территории не выявили опасности. Надо было перемещаться к дозору.

Глиняная стенка оканчивалась углом. Выглянув из-за него, Ксендиков увидел нечто такое, что вызвало его бурную реакцию. Отчего он метнулся прочь, проверив на резкость группу? Опасность! Мое положение на местности не позволяло видеть происходившее за углом дувала. Понимая, что там крылась

опасность, я «подтянул» к себе разведчиков и шепотом уточнил задачу:

— Нищенко, Есаулков, Фетисов, со мной — к дозору. Гена, прикроешь нас в контакте. Только не суетись!

— Угу.

— Осторожно — вперед.

Сблизились, насколько это было возможно, с дозором. Стоп.

— Игорь, ваша позиция с Фетисовым — здесь. Мы с Есаулковым — к Ксендикову.

Нищенко кивнул. Он возьмет под контроль участок до угла дувала, где лежали дозорные. Хорошо! Группу по отношению к строениям, где, вне сомнения, находились душманы, я расположил с трех направлений. Если ввяжемся в бой, в чем уже не было сомнений, «духи» попадут под наш огонь с нескольких сторон, что обеспечит нам прикрытие и выход из боестолкновения. Вот и дозорные. С Есаулковым подползли к Вячеславу.

— Товарищ старший лейтенант…

— Тише… Слушаю.

— Там, на верхней площадке — часовой. Сидит и «чуняет».

— Ну?

— Дык за дувалами копыта стучат.

Я остолбенел.

— Ты че городишь? «Духи» стучат?

— Не, наверное, лошадь или ишаки.

— Тьфу, бля! Я его про «духов» спрашиваю — он про копыта… Слава, не нервируй, где «духи»?

Прильнув ближе ко мне, Ксендиков зловеще, так что у меня по телу рванули мурашки, доложил, что за обратной стороной обращенного к нам дувала он слышал переступания животных. Копытных.

— Тише, Слава. Тише.

Стоп! «Духовская» ночевка? Или «духи» с устатку от душманских дел чуток приснули? Возникший вопрос я переадресовал старшему дозорному.

— Да, товарищ старший лейтенант, да! Я уверен!

— Тише, тише, черт бы тебя побрал!

Колотун моего сердца мог разбудить «приснувшего» на службе «душка». «Так, — включил я «сообразиловку», — полуразрушенный кишлак, возможно, и есть перевалочная база перемещения душманских запасов? Точнее — одна из них». До запланированного начальником под засаду места мы не дошли метров триста, но это уже не имело значения. Скорее всего, кишлак использовался «духами» в звене обеспечения баз,

вынесенных в горы, значит, они были в цепочке, которую мы, надеюсь, нащупали.

Душманы — «наши». Это я понял, когда Ксендиков доложил о «копытах», чем ввел меня в остолбенение… То есть речь теперь может идти больше, чем о «копытах» — по меньшей мере, о транспортном средстве или средствах смешанного каравана. Выходит, стоп! Оставлять за спиной противника — безумие и нецелесообразно. Засаду переквалифицируем в налет и не полезем в «огневой мешок», подставляясь возможным атакам с разных сторон. Оттуда выход один — ногами вперед, да и то отрубят, сволочи. М-да, задачка, твою мать… Сложнее, чем я думал еще часик назад. А «духи-то» — вот! Их надо каким-то образом взять!

Расчет на поддержку брони я отбросил сразу: это, по меньшей мере, три километра сложной, пересеченной местности, на которой, кто его знает, могли находиться подвижные отряды душманов, причем независимые друг от друга по целям, задачам и разной партийной принадлежности. Они чертовски быстры! В случае нашего обнаружения они блокируют группу и будут держать ее в «объятиях» до уничтожения. Броня точно с помощью не успеет. Ночь. Незнакомая местность. Какие тут шансы на выживаемость? Абсолютно невозможно! Выходило, что душманы действительно «наши» и надо принимать решение.

— Не двигаться! Есаулков с Гапоненко, прикройте нас. Мы с Ксендиковым глянем, что за углом. Часовой-то где, Слава?

— На верхней площадке. У пристроечки с проемом сидит.

— Расстояние?

— Рядом. Метров пятнадцать, если бы он не спал, мог заметить меня.

— Аккуратней надо, аккуратней.

— Да я…

— Тихо.

Контакты с противником в разведке я избегал системной работой превращения группы в тень. Не запланированные, а значит, не профессиональные действия вынуждают работать на опережение: быстро, решительно. Бой в этой ситуации непредсказуем, носит неуправляемый характер, что не допускается его разумной организацией. Командир в этом случае ограничен по времени для оценки обстановки, принятия решения, реализации команды. Но сейчас передо мной стояла совершенно другая задача: искать противника, найти и уничтожить. Он был перед нами.

— Животных много?

Задумавшись, Ксендиков уткнулся вспотевшим лбом в

каменистую землю.

— Через трещины в дувале слышен храп животных, переступание копыт. Я сам слышал, товарищ старший лейтенант.

— Ну, и сколько их?

— Трудно сказать.

— Ладно. Идем, посмотрим. Ползешь осторожно за мной.

— Угу.

В паре с Ксендиковым выдвинулись к обратной стороне дувала. Я принял решение выйти к условной линии продолжения невидимой нам стенки, чтобы на ее пересечении выбрать позицию и осмотреть образующие угол дувалы. С выходом в нужную точку я исследовал их, обнаружив в прицел закутанного в одеяло «духа». Он не спал, чертяка, крутил головой, отгоняя прочь дремоту. Замерз. Часовой сидел спиной к обратной стороне глиняной стенки. В ней я обнаружил пролом, через который можно было проникнуть вовнутрь. Навел прицел на часового, скользнув по нему взглядом, осмотрел площадки следующих строений. Нормально. В поле моего зрения находился один страж «духовского» отдыха и того клонило ко сну. Решение принималось быстро.

— Слава, видишь темное пятно в дувале?

— Вижу.

— Это пролом. Выдвигайся к Есаулкову и Гапоненко. Как только я «срежу» часового из ПБС, трижды подниму руку. Броском к пролому и берете его под контроль. Больше ничего не делать, ждать меня. Сколько «духов» внутри — не знаем. Так что — давай, осторожно!

— Понял.

Оборудованный под ночной прицел и прибор бесшумной беспламенной стрельбы АКМС 7.62 мм калибра лег на правое предплечье. Холодная сталь примкнутого приклада привычно коснулась щеки. До часового метров сорок — не больше, можно стрелять с закрытыми глазами. Убедившись, что Ксендиков вышел к дозору, я мысленно объявил себе установку готовности в десять секунд и начал обратный отчет, чтобы психологически выровнять внутреннее равновесие и волнение. Плавный спуск и «псыг». Звук ПБС не нарушил ночной тишины: часовой секунду, другую сидел неподвижно, потом, завалившись через левое плечо, опрокинулся вниз. Тупой звук упавшего на землю тела, к счастью, не встревожил спящих внутри душманов. Кто его знал, черт побери, что тело опрокинется вниз? «Надо предвидеть детали!» — ругнулся я про себя. Влететь можно на пустяке, который упускаешь или не додумаешь!

Снятие часового внешней охраны не нарушило тишины,

которая звенящим «бум, бум, бум» долбила «молоточками» мозг. Не теряя времени и не сомневаясь в точности выстрела по нейтрализации часового, я просигналил рукой. Разведчики рванули к пролому в стене. В прицел я отслеживал их выход на исходный рубеж, с которого начнется атака на душманский отряд. Тишиной разрывались нервы в куски — дальше играть в «молчанку» в радиоэфире нельзя. Я вышел на связь с Баравковым.

— Гена, прием, — шепнул в микрофон гарнитуры.

— На приеме.

— Выдвигайся ко мне. Как понял?

— Понял, иду.

— Андрей, прием.

— Слушаю, — ответил Азарнов.

— Подтянись к дозору и прикрой его у пролома.

— Понял.

Сержант со своими разведчиками страховал дозор у входа в помещение.

— Игорь, прием.

— На приеме.

— Задачу понял?

— Да.

— Выходи на меня и отслеживай верхний ярус.

— Есть.

Нищенко принял команду к выполнению, страхуя группу от воздействия на нее огнем с верхних площадок строений, контролируя, таким образом, все пространство задачи по уничтожению «духов». За ним еще было общее обеспечение действий группы до завершения операции, включая ее выход из боя до рубежа посадки в машины. Игорь преуспел во многих боевых делах, он легко переключался на разнонаправленные цели, но это было его коньком.

Дозор, находясь у проломленной стенки, контролировал выход из внутреннего помещения. Отделение Азарнова, усилив Ксендикова и Гапоненко на случай неконтролируемого развития событий, включалось в работу немедленным открытием огня на поражение.

Фиксируя выход подгрупп на рубеж атаки, я огляделся: пора и нам с Есаулковым подтянуться ближе. Не спуская глаз с верхних площадок строений, мы осторожно вышли к дувалу. Мне казалось, именно оттуда исходит наибольшая опасность. До пролома, рядом с которым находились дозорные, оставалось не более пятнадцати метров, как вдруг возня, хрип и… тишина. Челюсти мои были сжаты до боли в висках. Да, своей смертью вряд ли помрешь. Что же у них произошло? Впрочем, уже

догадался: из пролома вышел душман, возможно, сменить часового, и Ксендиков с Гапоненко его нейтрализовали. Удачно ли? Тишина в ушах звенела набатом сотен колоколов!

— Слава, что у вас?

— Шел на нас, собака, из пролома. Двигался шумно, темно, поэтому мы его засекли на подходе.

— Живой?

— Не знаю. Штык-нож всадил по рукоятку, весь в крови.

— Оттащи под стенку.

Взяв за ноги убитого «духа», Ксендиков потащил его от входа в помещение.

— Андрей, прием.

— На приеме.

— Приготовь гранаты.

— Есть.

Подозвав Баравкова, я уточнил ему отработанный на Ходжа-Раваше порядок атаки. Это было «заготовкой». Ну, кажется, все.

— Гена, гранаты и за мной.

У пролома я лег на живот и медленно вполз в помещение. Прижавшись к стене, прислушался. Характерные звуки животных, всхрапы… Ослов ли, ишаков, лошадей? Не разобрал. Включив ночной прицел, навел его на шум, различаемый во внутреннем помещении. Лоб тут же покрылся испариной: всего метрах в пятнадцати от меня, издавая храп, стояли лошади, пять-шесть ишаков пряли ушами. И все же не они вызвали дрожь по телу и пот, заливший глаза. Рядом с животными, закутавшись в одеяла, спали душманы. По кучам тряпья оценил: человек двенадцать-тринадцать. Автоматы, «буры» были прислонены к стенкам. Уползаю назад и, задыхаясь, шепчу Азарнову:

— Всем чеки из гранат и ползком в помещение.

Предупредил: гранаты бросать по команде. Пятеро разведчиков, скрывшись в проеме стены, вышли на ударную позицию. Следом за ними нырнул и я.

— Гранатой — огонь.

Щелчки запалов хлопнули почти одновременно. Взрывы.

— Огонь, — крикнул сумасшедшим голосом.

В ночной прицел я ловил все, что шевелилось передо мной, стреляя и стреляя по «духам». Автоматные очереди разведчиков Азарнова напрочь лишили противника сопротивления, плотный огонь сметал все живое.

— Стоп, назад.

Команда подхлестнула разведчиков второго отделения: вылетели наружу, залегли.

— Баравков, по одному — гранатой! Вперед!

Разведчики первого отделения, по одному забегая в проем, кидали гранату и тут же назад. Взрыв! Следующий — бросок и в сторону. Взрыв! Следующий…

— Азарнов, фонарик и за мной!

Вбежав помещение, я кинулся к месту отдыхавшего противника. Фонарик высветил страшную картину: взрывы десятка гранат разметали вокруг людей и животных… Часть помещения утопала в крови, тяжелый ее запах бил по ноздрям, перебивая характерную кислую вонь афганских жилых помещений. Разобрать, где люди, где животные, было невозможно, плоть превратилась в сплошное кровавое месиво. Короткими очередями «молотили» в подозрительные места. Тряпье, одеяла разбросаны — «духи» и попытки не сделали к сопротивлению: смерть настигла их в спящем положении.

— Баравков, собрать оружие, боеприпасы. Время — минута, и уходим!

— Азарнов, тела к досмотру, я подсвечу.

Осмотрели залитую кровью площадку — никто из «духов» не ушел. Да и уходить некуда, помещение ограничено стенками, а выход блокирован нами.

— Обстановка, Игорь? — запросил по радио Нищенко.

— Тихо.

— Через минуту уходим. Обеспечь прикрытие при отходе.

— Понял, готов.

— Внимание всем: уходим в прежнем порядке. Ксендиков, ко мне.

— Я, товарищ старший лейтенант.

— Выдвигайтесь по верхней линии, в низину не соваться. Все! Вперед!

— Есть!

Дозор вылетел наружу, за ним остальные разведчики.

— Есаулков, «сто десятому»: «Работу закончил, встречайте через тридцать минут».

— Понял, передаю.

Уже на бегу пересчитал подгруппу прикрытия. На месте. Сейчас надежда на ноги и хорошее дыхание. Десантников и волков выручают ноги. Бросок от «братской могилы» душманов должен быть скоротечным, быстрым. Нашумели мы здорово, «духи» уже разбираются, что за война у них в глубоком тылу.

Отделение Баравкова уходило с трофейным оружием. Увешанный оружием Гена косолапо бежал за связистом. Сигнал — переходим на шаг.

— Гена, не греметь железом.

— Неудобно бежать.

— Я сказал — не греметь!

— Есть!

— Бегом — марш.

Очередной бросок по пересеченной местности в направлении трассы, где находилась техника. Пот стекал по спине, выедая глаза, но бегом, только бегом от места налета. Противник знает район, хорошо ориентируется, наша задача — не позволить ему перехватить нас до встречи с колонной.

Половина пути оставалась за нами, короткий привал. Упав на прохладную землю, открытыми ртами ловили лишний глоток кислорода. От неимоверной нагрузки сердце заходилось, но я встал на колени и в прицел изучил маршрут, который выводил нас к рубежу посадки на машины. Мы находились на склоне господствующей по высоте рельефной линии, ниже спускаться нельзя! Если неожиданно встретимся с «духами», что вполне вероятно, потеряем преимущество верхнего яруса. Опасно! Отдышавшись — Баравкову:

— Подгоните трофеи!

— Заканчиваем, товарищ старший лейтенант.

— Через минуту — вперед.

Выдвинулся к дозору:

— Слава, идем нормально. Не спеши, но внимание! Минут через пятнадцать-двадцать выйдем к «броне».

— Дальше местность открыта, легче контролировать выход к дороге.

— Верно, Слава, верно, но нюх не теряй. Понял?

— Да, товарищ старший лейтенант.

— Вперед, дружище.

Ускоренным шагом мы вышли из района задачи, все ближе и ближе приближаясь к дороге. Осталось немного, но мы выскочили к трассе, немного отклонившись от указанной точки.

— Есаулков, гарнитуру!

Николай подал наушники радиостанции.

— «110», я «03», прием.

— Я «110», — взволнованный голос начальника.

— Вышел метров 400 западней точки. Прием.

Пауза.

— Понял, встречай.

Подходы к дороге, ближние складки местности беру под наблюдение в прицел.

— Идут, — коснулся руки Баравков.

Прислушался к тишине. Да, шум двигателей очевиден. Колонна была на подходе.

— «110», вас наблюдаю, скорость «пять».

— Принял.

Колонна вышла на нас, снизив скорость до пяти километров в час. На ходу передавая друг другу трофеи, забрались в БМД.

— «12», «13» в порядке? Прием!

Азарнов и Нищенко доложили о готовности следовать дальше. Плечи, руки как-то сами собой опустились, обмякло тело, дрожь в руках и коленях выдавала страшное психологическое напряжение.

— Чего молчишь? — привел в себя начальник по внутренней связи.

— Что-то раскис, товарищ подполковник, сейчас доложу.

— Ты это брось, все в порядке.

— Докладываю: группа за «броней» в полном составе. Уничтожено до тринадцати «духов», находившихся на перевалочной базе с караваном вьючных животных. Пустые, без груза. Вероятно, дожидались темноты и момента захода в кишлак. Не успели. Уничтожены. Захвачено оружие: семь автоматов, три «бура», боеприпасы. У меня все, товарищ подполковник.

Вытянув ноги вперед, я постепенно обретал равновесие.

— Горячо было?

— Горячо. Еще трясет, но сработали и быстро ушли.

— Молодцы! Первая твоя операция в должности заместителя командира отдельной разведывательной роты Должен понимать!

Совсем вылетело из головы: сегодня мы с Шурой Ленцовым отмечаем повышение в должности.

— Спасибо за оценку работы, товарищ подполковник. Понимаю, что с вашей подачи пришло назначение.

— Правильно понимаешь, впереди еще много работы! Будь готов.

— Всегда готов, — пионерским отзывом заверил начальника.

Ревущий двигатель не мешал закрыть глаза и впасть в сонливый транс. Зарево огней Кабула отражалось от небосвода, город угадывался издалека. Перевалили через Хайрхан, слева по ходу движения угадывалась вершина почти с одноименным названием — Хайрхана-Шимали с отметкой 2147 метров над уровнем моря. Минут через двадцать наша колонна из трех машин втянулась в грязные улицы столицы. Слева раскинулись ее жилые кварталы Хиссайи-Аваль и Каланаджар, на развязке Дехкепак свернем к крепости Балахисар — расположению 357-го гвардейского парашютно-десантного полка, пересечем город с юга на север и от аэропорта войдем в базовый лагерь. До наступления рассвета еще далеко, отоспимся. Приведем в порядок оружие, снаряжение, я проведу разбор операции, где

каждый разведчик получит оценку, и будем готовиться к следующим выходам, о которых еще неизвестно.

Глава 26

Наше с Ленцовым повышение мы отметили незабываемым образом. Друзья «05» борта Саши Жихарева привезли из Ташкента фрукты, несколько бутылок водки, русский запах которой мы успели забыть. Организовали замечательный вечер, на котором нас с Александром поздравляли друзья — тепло и искренне. Мы понимали ответственность, ложившуюся на плечи выпускников Рязанского высшего воздушно-десантного училища последнего маргеловского выпуска 1978 года, поэтому изначально не строили с ним иллюзий в отношении послаблений в служебной деятельности. Командование соединения доверило нам боевое подразделение, постоянно находившееся в режиме выполнения специальных задач. Произошло естественное движение офицеров-разведчиков на вышестоящие должности. Нам же с Ленцовым предстояло показать не только состоятельность в новом статусе, но и результативность без потерь, ранений и увечий личного состава.

Вычерчивая схемы применения разведывательных групп по захвату, досмотру и уничтожению караванов противника на вьючных животных, технике, я искал лучшие варианты выполнения задачи во взаимодействии с армейской авиацией и применением боевых машин. Лучшие наработки отбирал, систематизировал, отрабатывая с группами по методике «пеший — по машинному», затем — в комплексе всего эпизода досмотра каравана под воздействием противника, отсутствия такового и т. д.

Душманские караваны, имея сильную и хорошо вышколенную охрану, сопровождались ею на путях следования в Афганистан. Как правило, «духи» обеспечивали прикрытие грузов, не расшифровывая себя, следуя в караванах под видом дехкан, перевозивших товары на рынки, передвигались на технике, мотоциклах параллельными маршрутами. В отдельных случаях «духовское» сопровождение караванов легализовало себя под видом активистов, местного ополчения, поддерживающего власть. Противник всегда был в поиске, находил новые способы противодействия нашим войскам в организации поставок оружия и боеприпасов. Нам же приходилось приспосабливаться в борьбе с коварным врагом.

Несколько разведывательных групп армии попались на удочки «духов» при досмотре караванов и были уничтожены. Надо было оттачивать тактику деликатной и очень ответственной работы до автоматизма. Слаженность разведывательных групп

отрабатывалась в непосредственных операциях по захвату и уничтожению караванов, что превратилось в единый механизм борьбы с хитрым и коварным врагом.

За новых офицеров, командиров взводов, я был спокоен и рекомендовал их Ленцову «обкатать» на более серьезных заданиях.

— Рота, смирно! Товарищ гвардии старший лейтенант, личный состав роты занимается по распорядку дня. Дежурный по роте сержант Гусько.

— Вольно.

— Вольно.

Приняв доклад дежурного по роте, Ленцов срочно убыл в штаб дивизии. Михаил Федорович вызвал его по телефону, упомянув о новой задаче, полученной от командира дивизии.

— Валера, возможно, задержусь в штабе. Проведи развод, уточни внутренний наряд, заступающий вечером, остальное — по плану.

— Понял, Александр Иванович.

Ленцов прибыл из дивизии.

— Валера, давай карту, пойдешь на караван. Скоро будет Скрынников, уточнит детали.

— Уже?

— Как видишь, паузы не дают, нужен результат.

— Ясно. Какую задействуем группу?

— Твои предложения?

— Возьму Перькова, конкретный, вдумчивый парень.

— Понятно. Дневальный.

— Я, товарищ старший лейтенант.

— Лейтенанта Перькова ко мне.

— Есть.

Развернув на столе рабочую карту, я подвинулся к Ленцову.

— Значит, так, — определился Александр, — реализуем информацию агентурной разведки, поступившую по каналам активистов — бывших «духов»… Возможно, настоящих, не удивлюсь. Отмечено, — продолжал он, — от перевала Парвай из Пакистана, через Нангархар, Алихейль, в район Хоши движение караванов вьючных животных с оружием и боеприпасами. За неделю — три прохода в Логар. Они не контролировались ни правительственными войсками, ни нами. Есть возможность совершить героический подвиг, захватив один из караванов.

— Угу, конечно, есть. Ты это предлагаешь мне?

— А чего нет, Валер?

— Ценю твой оптимизм, Шура, с почти пионерским задором. Но ты представляешь, какое у них сопровождение, если тропы

пробиты для системных переброс оружия?

— Две пары «вертушек» — существенная поддержка.

— Конечно, если мы уверены, что караван «духовский», а не индусский, коммерческий. Пару заходов «нурсами», посадка, захват и все дела. Но вначале нужно определить его принадлежность, а для этого, Александр Иванович, надо им не только приземлиться, но и нам поработать на земле. А вот с этого начинается самое героическое…

— Что же ты предлагаешь?

— То же самое, что и ты, только без пионерско-комсомольского задора.

— Принимается. Какие предложения?

Ленцов — энергичный, подвижный, стремительный холерик. Мы с ним оба такие, если не считать, что я на целую голову меньший холерик в прямом и переносном смысле.

— Сань, на постановке задачи должны быть задействованы в операции экипажи вертолетов. Вместе с ними мы отработаем тактику атаки на караван и взаимодействие по работе.

Шура сморщил лоб:

— Существенно.

— Звони начальнику, пусть решает вопрос с авиацией.

Ленцов покрутил ручку индуктора ТА-57.

— Товарищ подполковник, Ленцов. С Марченко работаем по каравану, пришли к выводу о необходимости участия экипажей «вертушек» на совместной постановке задачи.

Разговор по телефону занял не больше минуты.

— Спасибо, товарищ подполковник.

И Ленцов положил трубку.

— Валера, Скрынников согласен, звонит командиру авиаполка. Скоро будет у нас.

Мы с Александром продолжали обсуждать захват каравана. Зашел Перьков.

— Где был?

Ленцов смотрел на неуклюжего Пашу.

— Проверял частоты на машинах, Александр Иванович.

— Ты хоть говори куда уходишь, а то не дозовешься.

— Понял, не повторится, — ответил здоровый парень с черными усами.

— Твоя группа, Перьков, идет на караван. Старшим будет Валерий Григорьевич. Готовность через тридцать минут. Вопросы?

— Нет вопросов.

— Действуй!

Павел вышел из палатки.

— Нерасторопный лейтенант, — заключил Ленцов.

— Нормальный парень, Шура, не обтерся, не набрался опыта. С людьми тяжеловато ему: все обстреляны, воевали, он же не нюхал пороха. Моральный ущерб.

— Ладно, психолог, вырабатывай у взводного резкость.

Вскочив, Ленцов подошел к тумбочке, достал банку сгущенного молока.

— Дядя Миша придет, чайку попьем.

Затем, уткнувшись в карту, он что-то рассчитывал, записывал в рабочей тетради.

— Слушай, а если местность «восьмеркам» не позволит присесть? Может такое быть?

— Еще как. Случайных факторов много. Действовать придется без прикрытия вертолетов, по обстановке. Останемся на ночь в случае невыхода каравана в дневное время.

— Еще чего? Никаких «на ночь», вечером снимем вертолетами.

Ленцов был против обсуждения ночной засады.

— Шура, весь смысл атаки на караван теряется, они идут ночью, днем отдыхают. Как бы ты поступил?

Ленцов задумчиво смотрел в мутное окно палатки. Что он там увидел?

— Все это так, но извини, оставаться на ночь без прикрытия и страховки — бросить тебя на съедение волкам.

— Хорошо выразился. Но если действовать иначе, значит, просто «кататься» на вертолетах, показывая «духам», что мы знаем о перебросках оружия, но ничего при этом сделать не можем. Они будут фиксировать пролет авиации в полосе поставок оружия и делать выводы. В этом им помогают американские друзья. Кстати, ты обратил внимание на трофейное оружие последних месяцев?

Ленцов пытался вспомнить стволы, захваченные в операциях.

— Ну и что?

— А то, что «буров» почти не стало, в основном это автоматическое оружие советского и китайского производства. А радиостанции? Поставки, Шура, делают американцы, значит, они их контролируют. Понимать это надо следующим образом: оружие «духам» поступает современное, качественное. Не исключаю, что инструкторы специальных операций янки стоят у «духов» на довольствии и пребывают в составе отдельных караванов. Завалить такой караван — совершить подвиг — точно! Пойду готовиться к его совершению.

Ленцов принял иронию, мы засмеялись.

— Нет, подожди, без шуток. Оставаться на ночь, Валера, во

всяком случае, сейчас, нельзя. Полетай, приглядись, а потом решим.

— Без вопросов. Думаешь, я горю желанием пасти ночами «духовские» караван в полусотне километрах от базы? Адреналина не хватит, поэтому лечу на разведку, посмотрю местность, попадется караван — поработаю с ним, потренирую группу в досмотре.

— Другое дело, а то на ночь… Александр Матросов…

Ленцов вышел из палатки, распорядившись о приготовлении чая. Михаил Федорович не опаздывал. Услышав команду дневального, я вышел на переднюю линейку — по ней шел начальник разведки. Я остановился, приняв положение «Смирно».

— Здравия желаю, товарищ подполковник.

— Здравствуй, Марченко.

Осмотревшись по сторонам, Михаил Федорович спросил:

— Что? Вертолетчики не подъехали?

— Пока не видно.

— Что с Ленцовым наработали?

Я не успел достать карту, как зашел Александр.

— Распорядился, товарищ подполковник, в отношении чая.

Присели за стол с развернутой на нем рабочей картой.

— Давайте, что у вас?

Ленцов незаметно ткнул меня в бок: докладывай. Я придвинулся ближе.

— Объективно, товарищ подполковник, ситуация такова: группа готова к выполнению подобного рода задач. Отработаны варианты захвата каравана, уничтожения, досмотра. На тренировках учитывались факторы воздействия противника в разных условиях, взаимодействие с авиацией, порядок ухода и эвакуации группы.

Остановившись, с опаской взглянул на Михаила Федоровича. Тот что-то помечал в тетради.

— По задаче. Предлагаю на первом этапе задействовать второстепенные маршруты движения коммерческих караванов и на них потренироваться в досмотре — хотя бы несколько раз. Уверен, что «наши» караваны идут ночами, в дневное время перемещаются коммерческие, но чем черт не шутит… Поработаем, набьем немного руку, легче сработаем с «духовскими», настоящими.

Начальник разведки оторвался от тетради:

— Что у тебя еще? Все?

— По общему плану — да, товарищ подполковник. Сейчас прибудут экипажи, отработаем взаимодействие непосредственно по задаче.

Михаил Федорович кивнул головой.

— Хорошо.

В палатку вошел дежурный по роте и доложил:

— Товарищ подполковник, прибыли вертолетчики.

— Давай сюда.

— Есть.

Экипажи зашли гурьбой — в камуфляжной форме, с планшетами.

— Разрешите.

— Заходите, ребята, заходите.

Михаил Федорович показал на кровати.

— Присаживайтесь.

Устроившись удобней, вертолетчики достали карты.

— Товарищи офицеры, — начальник обвел присутствующих сосредоточенным взглядом, — обстановка складывается таким образом, что наше взаимодействие становится близким. Разведчики благодарны вам за поддержку, которую вы оказываете при проведении специальных операций.

Убедившись, что его внимательно слушают, Михаил Федорович продолжал:

— Командованием армии поставлена задача на проведение досмотров караванов на предмет перемещения оружия, боеприпасов боевым отрядам моджахедов. Наши разведывательные группы во взаимодействии с вами будут проводить эту работу. Общая задача заключается в отработке совместной тактики действий по досмотру караванов.

Скрынников сделал паузу.

— Коммерческие караваны после досмотра следуют своим путем, «духовские» будем уничтожать общими усилиями. В этой части есть вопросы?

— Пока нет, товарищ подполковник, — отозвался командир вертолетного звена.

— Идем дальше.

Началось кропотливое обсуждение тактических вопросов взаимодействия в разных ситуациях. Оговорили последовательность приземления «восьмерок» на досмотр, порядок прикрытия с воздуха «двадцать четвертыми». Обсудили план уничтожения «духовских» караванов с нанесением им поражения бортовым оружием. Предусмотрели действия разведчиков при огневом контакте с противником, а также связь по Р-809 с летными экипажами, наведение вертолетов на цель. Выслушали предложения летчиков с учетом их специфики и технических возможностей бортов. Затем все суммировали, проанализировали и пришли к общему решению по совместной

работе. Возник вопрос: как останавливать караван для досмотра.

— А чего тут думать, — отозвался командир вертолетчиков, — очередь из пушки перед караваном. После чего работаем.

На том и решили, закончив вопросы взаимодействия.

— Одну минуту, — Михаил Федорович встал, — доложу комдиву.

Покрутил ручку телефона.

— Товарищ генерал, Скрынников. Разрешите доложить? Да. Да. Так точно. Отработали.

С минуту начальник слушал генерала Рябченко.

— Так точно, товарищ генерал, к работе готовы, вылет минут через сорок. Понял, доложу. Есть.

Положив трубку, он ободряюще сказал:

— Добро на вылет получено, товарищи офицеры. Остается пожелать нам всем успехов, берегите себя.

Встали, пожав друг другу руки.

— Слушай, ты был на Пагмане, когда брали исламский комитет? — подошел ко мне один из вертолетчиков.

— Был.

— Так это я тебя «утюжил» на своей «двадцать четверке»? Помнишь, ходил по вашим головам?

— Ха-ха-ха!

Обнялись. Разве такое забудешь?

— А ты как узнал?

— Да узнал.

— Вот и встретились.

— Куда мы денемся на войне. Сегодня тоже работаешь?

Я кивнул.

— Ну, давай руку, буду глядеть в оба.

— Спасибо, брат.

Крепкое рукопожатие, похлопывание по плечам. Ребята вышли. Через минуту спохватился, как звать вертолетчика? Ладно, разберемся. Пора собираться.

Двумя парами мы летели в южном направлении, отойдя левее трассы Кабул — Кандагар. Проскочили Чахарасиаб, Дехи-Калан, на малой высоте обогнули вершину Сафедсанг, прошли над Логаром, несущим воды в Кабул, и взяли курс на юго-восток — хребет Спингар. Раскинувшийся на обширных территориях провинций Нангархар и Логар горный массив простирался от афгано-пакистанской границы до широкой долины предместий Кабула, пугая «шурави» свинцовым гребнем зловещих вершин. Южнее, в покрытый лесами массив, на высоте двух с половиной тысяч метров вписался перевал Пайвар, через который из

Пакистана в Афганистан шли караванные тропы. Его пик Сикарам, взметнувшийся на 4745 метров над уровнем моря, господствовал над Джелалабадскими субтропиками и словно возвещал чужакам: не суйтесь — умрете.

Провинцию с юга на север пересекала река с одноименным названием — Логар, образуя вдоль своих берегов цепочки кишлачной зоны с зеленым морем фруктовых садов. Привычный афганский пейзаж: яркий, многоцветный расстилался у водных артерий и блеклый, серый там, где заканчивалась жизнь кишлаков. Восточная часть провинции Логар примыкает к Пакистану, северная — к Нангархару и Кабулу, что в географическом плане присваивало ей статус стратегического коридора, через который осуществлялись поставки вооружения оппозиции. В первую очередь — в центральные районы Афганистана, где вооруженной борьбе моджахедов с советскими войсками лидерами оппозиции отводилась особая роль.

Через иллюминатор были видны узенькие тропинки, дороги, переплетенные между собой в замысловатую сетку. По одним местные дехкане ходили из кишлака в кишлак — они были артериями сообщения в длинной цепочке населенных пунктов. Другие использовались для прогона отар овец, верблюдов, других копытных животных к водопою, местам пастбищ. Были дороги, пригодные для передвижения по ним колесной техники к предгорьям вытянутой гряды, где местными жителями добывались различные руды и мрамор. А те, что вились у подошв, с синим отливом хребтов, теряясь в расщелинах и мелких ущельях, дехкане использовали для ухода в горы, где они прятались и пережидали возникшую опасность. Какие из них были задействованы противником для проводки караванов — сразу не скажешь, для анализа этой работы были необходимы более конкретные данные агентурной разведки, в первую очередь — ХАД, но эти вопросы решались не на нашем уровне — гораздо выше.

Вышли в эшелон, требуемый командованием ВВС армии, чтобы не оказаться под огнем ДШК. Картинка дорожной паутинки на земле приобрела объемный рисунок. Собираясь пучками в узких проходах между горами, они разбегалась в стороны, опять собирались, имея общее направление на юго-восток.

Пристально изучая в иллюминатор коридор пролета, я на карте выделил транспортный поток, собиравшийся в дефиле и ущелье, обозначил на нем вероятные участки, где, с моей точки зрения, удобно было вести караваны. Вдоль транспортных паутинок фиксировал кишлаки как возможные перевалочные пункты и базы, рядом с ними отметил участки, удобные для

посадки «вертушек» на случай досмотра караванов. Охватывая взглядом примыкавшую к горам панораму долины, прикидывал места организации засад, пути выхода на рубежи эвакуации разведывательных групп после выполнения задачи. По моей просьбе командир звена вел вертолетную группу с таким расчетом, чтобы она не создавала впечатления у «духов», что мы проводили разведку, изучали местность, примеряя ее к своим намерениям. Размышления прервал Баравков:

— Товарищ старший лейтенант, командир экипажа зовет.

— А?

— Вас летчик зовет!

— Иду!

В кабине пилотов командир экипажа крикнул:

— Наблюдаю два трактора — с тележками.

— Где?

— Смотри правее тридцать!

Через блистер кабины я увидел облако пыли, сносимое ветром на юго-восток, что демаскировало ходкие машины с прицепами.

— Понял! Вижу!

Командира звена я понял сразу.

— Досмотр! «Двадцать четвертых» — на прикрытие. Садимся: мы — в голове колонны, второй борт — с тылу и берем в «коробочку»:

— Понял, — весело крикнул пилот.

Я выскочил к разведчикам:

— Паша, готовность — полная! С Баравковым работаешь по досмотру! Азарнов!

— Я!

— Поддержишь группу лейтенанта Перькова. Черепом крутить на триста шестьдесят!

— Понял!

— Нищенко! Общее обеспечение захвата. Как на уроках! Вопросы?

— Никак нет!

— Работаем!

Оружие приведено к бою. Касание. Вперед. Обе группы одновременно блокировали трактора. Разведчики Баравкова рванули к объекту захвата, на ходу изучая обочину, закрытую хмызником. Мы с Есаулковым, прикрыв его группу от расщелины справа, бросились к ведущему трактору, чтобы с его позиции контролировать общую обстановку и действия групп захвата. «Рисунок» налета получился красивым по исполнению и выдержан по времени, но разведчики допускали лишние

движения и слаженности, черт побери, не хватало.

Выскочившие из тракторов водители упали на землю, вытянув перед собой заскорузлые руки. Не успев добежать до упавших на землю афганцев, я споткнулся на комочке верблюжьей колючки, наверное… Звено «двадцать четвертых» неслось на нас. Звенящий грохот двигателей над головами вверг в шок все живое вокруг.

— Ну, черти! А-а-а… Стоп-стоп! Впрочем… Это ж изюминка, если всамделишный караван! А?

Рывком к последней машине.

— Сокуров, Архипов — тележки, Перьков, Гапоненко — трактора. Досмотр — минута и уходим.

С лежавшими в пыли трактористами возился Баравков. Он их опрашивал, пытаясь понять, насколько ясен водителям его диалект.

— Спроси по отдельности, Гена: есть ли в кишлаках посторонние люди с гор? Сколько? Что делают?

Заместитель, заикаясь, торопил с ответом перепуганных афганцев.

— Товарищ старший лейтенант, в тележках чисто, только дрова, — доложил Сокуров.

— Понял!

— Валерий Григорьевич, в тракторах ржавые ключи и больше ничего.

— Хорошо, Паша, понял.

Группы сработали быстро, без суеты, я фиксировал время захвата.

— Товарищ старший лейтенант, — подбежал Баравков, — водители говорят, что «духи» и посторонние в кишлаках ночами бывают, но что это за люди, они не знают. Или боятся говорить. Они еще в себя не пришли от атаки «горбатых».

— Хрен с ними, Гена! Уходим! Внимание! Отход! Нищенко, прикроешь посадку.

Поднятой рукой сержант обозначил: понял.

— На посадку!

Взлетели и в нескольких метрах над землей пошли от места учебно-боевого захвата. Время на моем «Ориенте» отмерило четыре минуты от посадки до взлета. Неплохо. Можно домой. Едва не касаясь верхушек апельсиновой рощи, вышли к магистральной дороге и по линии электропередачи пошли в направлении Кабула. Кишлаки и «зеленка» оставлялись справа: «духи» могли из ДШК всадить горсть металлолома, поэтому, обогнув столицу по восточной окраине, зашли на посадку с Пагмана.

Оглушенные полетом вышли из «вертушек» на воздух и не спеша присели у краешка обшарпанной «рулежки».

— Проверь оружие, Паша, я к «двадцать четвертым». Пока перекур.

— Понял, Валерий Григорьевич!

Экипажи «припарковавшихся» «восьмерок» весело обсуждали выполненное задание. Потные, возбужденные… Норма налета на день была отработана, можно и передохнуть.

— Кто меня чуть не «побрил»?

Летчики смеялись, показывая на рыженького паренька с гермошлемом в руке.

— Каково?

— Едва не кончил от атаки с небес.

Прикурили, постояли, поостыв от полета.

— Ну, что? Обсудим?

— Как маневр, десантура?

— Сильно! Будем применять. Ложная атака поразительна! Эффектна! Поверьте!

— Принимается, командир.

— Валерий, — протянул я руку парням.

Ребята назвали свои имена.

— Отработали нормально. Спасибо за участие! Не сомневаюсь, что сблизились в работе. Ваш дружеский локоть я чувствовал лично.

— Похоже, до завтра. Теперь нас отцы-командиры не оставят в покое.

— До встречи, Валерий.

Глава 27

Полет над душманской долиной принес неплохие плоды: у меня сложилось представление о ее дорожной сети, расположении кишлачного сектора, системе транспортно-пешеходных артерий. Формировалось понимание выбранной тактики борьбы с караванами во взаимодействии с авиацией, рождался замысел применения разведывательных групп на разных направлениях. Наработка была реальной! Об этом я и доложил начальнику разведки:

— Сеть дорог от гряды Спингар, товарищ подполковник, позволяет противнику перебрасывать грузы на колесной технике, тракторами, вьючными животными. Она обеспечивает подходы к кишлакам, расположенным на путях перемещения оружия, и организацию в них перевалочных пунктов. Складирование в них оружия и боеприпасов удобно в сочетании с наличием дорог и маскировкой караванов, причем под обеспечением своей агентуры в кишлаках. Противник, вероятней всего, исходит из того, что подтягивать караваны к магистральным коммуникациям опасно. Их движение мы, так или иначе, контролируем, поэтому можно предположить, что в районе Хоши противник имеет склады с оружием. Дальнейшее его движение к потребителям осуществляется, скорее всего, мелкими партиями на вьючных животных.

— Хорошо, Валера! Условно, понимаешь, условно я с тобой соглашусь. Ну, а дальше-то что?

— Дальше?

Понимая мои пожелания, Михаил Федорович, тянул из меня жилы, чтобы убедиться, насколько продумана операция, насколько она обоснована и имеют ли мои предложения право на жизнь.

— Если командование, товарищ подполковник, не торопит, агентурную разведку необходимо нацелить на конкретную работу по нашей задаче. Летать вслепую днем, рыская по дорогам — бесполезный номер. Я в этом сейчас убедился. Да и «духов» насторожит активный пролет авиации… Что им стоит расшифровать замыслы наших намерений и принять меры противодействия? Раз плюнуть! Они наблюдательны.

— Ладно меня уговаривать! Что предлагаешь?

Михаил Федорович приготовился слушать.

— Работать двумя группами: одна идет на караван, другая прикрывает захват на «вертушках». В случае необходимости будет досмотровой. Броню привлекаем в частном порядке. В ночное

время она может страховать выход групп до магистрали и отвлекать «духовское» наблюдение от цели.

— Ну да! Зажмут ночью! Пока «броня» подтянется, от вас ничего не останется.

— Хм… Товарищ подполковник, тогда опять я возвращаюсь к вопросу агентурного сопровождения нашей работы…

Михаил Федорович, скривившись, вскочил и, мне показалось, хотел топнуть ногой.

— Вот ты советский человек, Марченко, и не понимаешь одной истины.

— Я…

— Слушать начальника, товарищ старший лейтенант! Учи вас, учи, о чем можно говорить, о чем нельзя. Не на-ша э-то ком-пе-тен-ция! Понимаешь?

«По-о-несло дядю Мишу, сел на конька…» Хотя чего уж пенять? С агентурой дела за один день не решаются. От трассы до планируемой нами засады более тридцати километров. Скорее он прав, это расстояние… Пока подойдет броня, «духи» «пройдут» по нам асфальтовым катком, тем более, что информации о них у нас практически нет. Какие отряды? Сколько? Примерные места дислокаций? Ничего, кроме общих и противоречивых данных. Сунемся в душманское логово без страховки и прикрытия, оторвут наши буйные головушки и не поморщатся. Но и на результат можно надеяться только ночной засадой — в этом я был убежден! Возможно, я выдал не лучшее решение, но именно оно давало шансы на результат.

— Как на досмотре сработали?

Я с недоумением повернулся к начальнику: о чем это он? Ах, да…

— Нормально, товарищ подполковник, пойдет. Вертолетчики придумали спонтанную изюминку. Молодцы! До сих пор вспоминаю с ужасом.

Рассказ о психической атаке боевых вертолетов Михаилу Федоровичу понравился. Едва он расслабился, я воспользовался моментом.

— Товарищ подполковник…

— Что еще?

— Оставлять без прикрытия группу на ночь опасно, никто не поможет. Не хотелось бы лезть в душманский рассадник, но без ночной засады разрабатывать тему перехвата караванов — пустое дело. На захват я возьму Карпетченко, а Перьков подстрахует в резерве, пусть еще обкатается.

— Но Карпетченко, — встрепенулся начальник, — не летал в район.

— Ночью все кошки серы, товарищ подполковник, а у Карпетченко — хватка.

— Все же настаиваешь на ночь?

— Так точно!

Терять было уже нечего. Я смотрел начальнику прямо в глаза.

— Хорошо. Подумаю, авантюрист!

Перелом в настроении подполковника Скрынникова происходил всегда, когда он чувствовал убежденность и силу духа собеседника. Он понимал, что мои предложения рождались не с «кондачка», а после тщательно продуманной аналитической работы.

— Высаживать группы, товарищ подполковник, необходимо минут за двадцать до наступления темноты. Под занавес. Осмотреться, понюхать воздух, чтобы часа за полтора выйти к месту засады.

— Прикинул?

Уткнувшись в «пятидесятку», Михаил Федорович что-то прикидывал.

— С вертолета, товарищ подполковник, я обратил внимание на сужение рельефа, где «пучком» собрались ниточки дорог и тропинок. Под контроль возьму несколько троп одновременно, сам буду находиться на господствующей высоте. Вот здесь!

Михаил Федорович кивнул.

— Существенно!

— Если сопровождение каравана прижмет, будет легче держаться.

— ?..

Мы еще долго обсуждали засадные действия, раз пять подполковник Скрынников вскакивал, потрясая кулаками. В конце концов у всех появилась хорошая мысль — пора ужинать. Утро следующего дня принесло отличные вести: поступила команда на пролет по району предположительных поставок оружия. Душманским командирам бросалась кость — пусть считают, что через их вотчину проложена одна из воздушных трасс вертолетной авиации, немного привыкнут, не будут болезненно реагировать на ее появление. Решено! Со мной на захват пойдет группа Карпетченко, Перьков будет страховать, находясь на аэродроме в готовности к вылету.

После доклада прибывшему проводить нас на боевое задание начальнику разведки я уточнил с ним порядок кодированной связи по радио в случае, если мне потребуется помощь страхующего меня Перькова. Артемыч, Тютвин разработали для внутреннего употребления переговорные таблицы, которыми пользовались в нештатной ситуации, бою. Основные группы цифр

и что за ними стоит, мы знали наизусть, этим же правилом пользовались при выходе в эфир приданные разведгруппам связисты.

— Товарищ гвардии подполковник, усиленная разведгруппа к выполнению боевого задания готова!

— Тебе я все сказал, Валера.

— Высказали, товарищ подполковник!

— Не пререкайся с начальником! Теперь скажу разведчикам. Надо, ребята, сработать. Надо врезать «духам»! Разболтались! Страхуйте друг друга, не выпускайте из вида напарника. Старайтесь видеть все панорамно. Думайте и действуйте! Не опаздывайте к вертолетам. Перьков, смотри у меня — не спать! Держаться! Чуть что — на помощь Марченко! Понятно?

— Так точно!

— Поехали!

В 8.30 кабульского времени, взлетев двумя парами, пошли в район поиска.

— Сергей, — тронул я плечо Карпетченко, изучавшего в иллюминатор местность, — отслеживай отход к магистральной трассе, засекай ориентиры, в случае боя выводишь группу на линию электропередач. Вон видишь?

— Схватил, Валерий Григорьевич.

— К кишлаку не прижимайся, будь чуть в сторонке.

— А вон глыба на «семь часов», ее видно издалека.

— Пойдет! И как ориентир и есть за что зацепиться.

Мы летели над высохшей долиной, где у противника вряд ли могли находиться средства воздействия на авиацию. Не прижимаясь к населенным пунктам, мы шли над свободным от проживания солончаком Гумаран, где не было полей, арыков, дехкан, ведущих, как правило, активную деятельность на сельхоз работах.

Наша вертолетная группа следовала маршрутом, который мог менее всего будоражить противника отстрелом ловушек, противозенитным маневром. Мы крались осторожно, чтобы не вызвать подозрений противника появлением здесь и сейчас. Хотелось еще разок «прицениться» к точке десантирования группы относительно выхода к месту организации засады, взглянуть на рельеф местности ухода к трассе при неблагоприятном развитии ситуации, то есть были еще моменты, которые необходимо было уточнить в рабочем порядке.

Над «духовской» территорией удалось пройти без резких и лишних виражей, отстрела ракет на ПЗРК. Я увидел все, что меня интересовало в рамках организации засадных действий. Дразнить душманов вертолетами над подконтрольными им территориями,

раздражать их наблюдателей, отслеживающих воздушную обстановку, не в правилах разведывательных игр. В районе Колангара повернули к магистральной трассе Кабул — Кандагар и вдоль нее пошли к аэродрому. Время полета заняло менее часа, но мне удалось уточнить условия местности, на которой следующей ночью будем действовать в засаде.

В офицерской палатке шло обсуждение итогов полета. Начальник разведки «проиграл» с авиацией взаимодействие по связи. В наше распоряжение выделялась радиостанция Р-809, которая, по опыту предыдущих операций, обеспечивала устойчивую связь с вертолетами. Группа Павла Перькова с рассветом следующего дня будет находиться на аэродроме в готовности № 1 для возможного вылета по оказанию помощи. Что касается боевой техники подразделения, мы пришли к единодушному мнению: задействовать ее для поддержки засадной группы нецелесообразно. Расстояние от места организуемой засады до трассы, где на первом этапе предполагалось ее расположить под видом, не связанным с нашими действиями, было довольно большим. Поэтому наши расчеты сводились к тому, что время подхода для поддержки засадной группы не обеспечивало ее своевременного прибытия.

— Что не обсудили?

Михаил Федорович оторвался от карты.

— Карпетченко, свою роль в задаче почувствовал?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Если ввяжетесь в драку, Марченко с отделением Баравкова свяжет боем душманов, остальных ты уводишь в направлении трассы.

Вжав голову в плечи, я вышел наружу хватить глоток прокисшего кабульского смога. Взаимодействие с афганским командованием по вопросам засады означало одно — противник будет знать все подробности нашей операции. Проще взять простыню в качестве белого флага и идти сдаваться в плен.

Передавая взвод Павлу Перькову с уходом на должность заместителя командира 80-й отдельной разведывательной роты, я ему сказал:

— В твои руки, Паша, отдаю замечательных парней, прошедших со мной суровые будни войны. Я их сберег. Всех! Повтори этот подвиг и ты.

— Понял, Валерий Григорьевич. Не подведу!

— Надеюсь!

Авиаотряд из двух пар вертолётов — боевых Ми-24 и общей поддержки — Ми-8 с группой захвата 80-й отдельной разведывательной роты 103-й гвардейской воздушно-десантной

дивизии на борту, прижимаясь к земле, шёл курсом на юг. Отойдя влево от трассы Кабул — Кандагар, вертолёты тенью скользнули у кишлаков Чахарасиаб, Дехи-Калан, обогнули вершину Сафедсанг и, пройдя над мутными водами Логара, свернули на снежный Спингар.

Мощный хребет впечатлил разведчиков вершинами вечных снегов, охвативших субтропики Нангархара свинцовым отливом зловещих ущелий. Кругом оставленные дехканами кишлаки, разбитые аминовской авиацией в годы Саурской революции, не щадившей ни своих, ни чужих, нашей, тоже не церемонившейся при зачистке советскими войсками поймы реки Логар. Здесь таилась война!

«О-о-о», — оживились разведчики, — пик Сикарам!». Взметнувшийся на высоту 4745 метров над уровнем моря, он занимал господствующее положение над вершинами Джелалабадской «зелёнки», словно возвещая чужакам: не суйтесь сюда — умрете. Именно в эти живописные горы вписалась седловина перевала Пайвар, пожалуй, одна из немногих, через которую из Пакистана в соседний Афганистан вели караванные тропы Великого шёлкового пути.

Спускаясь с хребтов в выжженную солнцем степь Тобаги, что ближе к Кабулу, они разбегались к вилайетам Нангархар, Газни, Логар. Именно на плодородных землях Логара, покрытых «зелёнкой», скрывались отряды вооружённой оппозиции, контролировавшие трассу Кабул — Газни — Кандагар. Душманы из этнической группы таджиков, говоривших на персидском наречии фарси-кабули и примкнувшие к ним хазарейцы, жизненные устои которых заключались не в племенном, как у пуштунов образе жизни, а оседлом — в кишлаках, исторически привязаны к исконным территориям.

На всём протяжении трасса была нашпигованной минами, фугасами. Сапёры их не обнаруживали щупами, а верные помощники — минно-розыскные собаки не чувствовали на нюх опасные ловушки. Душманы оборачивали «итальянки» (TS-50) в целлофан, обливали керосином, соляркой, маслами. Гибли люди, техника! Логар, Гардез, Газни… Опаснейшие районы для маршей советских и правительственных войск.

Осенью 1980 года руководство афганской оппозиции призналось своим покровителям — госдепу США в ослаблении влияния на центральные провинции страны. С одной стороны, душманские формирования в боях с ограниченным контингентом несли потери в живой силе, с другой — испытывали недостаток в оружии и боеприпасах. Американское представительство ЦРУ в Пакистане на этот сигнал реагировало быстро. Лидерам

оппозиционных партий, имевшим на территории Афганистана боевые отряды, организовало поставки оружия караванным способом.

В первую очередь оружием шло душманским отрядам, сохранившим в операциях с советскими войсками боевой потенциал. Его приобретение осуществлялось лидерами оппозиционных партий, полевыми командирами за счёт средств, поступавших на банковские счета в Пакистане. Военное имущество, боеприпасы, средства связи, медикаменты закупались и на деньги, вырученные за контрабанду опиумного и героинового зелья. Через Пакистан оно поступало в порты Индийского океана, где продавалось дилерам международного наркотрафика и морями-океанами шло на все континенты современной цивилизации.

В отлаженную систему поставок — в Пакистан наркотиков, обратно — оружия вписалось много игроков, для которых присутствие в Афганистане советских войск обернулось привлекательным бизнесом. Одни из них решали политические амбиции, подтаптывая под себя уезды, провинции, другие разыгрывали коммерческие интересы, промышляя контрабандным товаром: коврами, камнями, лазуритом, драгоценным металлом. Героином и опиумом — святое! И на какой бы площадке не разыгрывались игры — политической, религиозной, экономической, силы афганской оппозиции извлекали прибыль, дивиденды! Их причастность к борьбе с советскими войсками была чертовски выгодным проектом! Под его реализацию шли огромные деньги американских налогоплательщиков! Таким образом, «пробивка» караванных маршрутов через границу с Пакистаном в деятельности многих сил, в том числе и афганского сопротивления, имела особое значение.

Разведке Воздушно-десантных войск в Афганистане было приказано выполнять специальные задачи по борьбе с караванами во взаимодействии с армейской авиацией. Решением командующего армией нам, разведчикам 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, была определена полоса активных мероприятий по перехвату или уничтожению караванов, включавшая территорию вилайетов Нангархар, Кабул, Логар.

Логар — аль-джихад Бэб (ворота джихада) — переводится с фарси-кубули название провинции, ставшей к концу 1980 года стратегическим коридором афганской оппозиции в поставках оружия в Афганистан. Её территория удобна для перемещения грузов тайными тропами и ущельями. Восточные уезды провинции граничат с Пакистаном, подпирая горные субтропики

Нангархара, западные — примыкают к центральной провинции Кабул. С севера на юг красивый ландшафт пересекает река с аналогичным названием — Логар. По её берегам длинной цепочкой тянется кишлачный массив, утопая в «зеленке» плодовых деревьев.

Подполковнику Скрынникову — начальнику разведки 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии информация о «духовских» проводках поступала через жиденькие каналы «гэрэушной» разведки Генштаба ВС СССР, агентурную службу государственной безопасности Афганистана — ХАД (хедмат-э амниййат-э доулати), в том числе — авиационную разведку на базе эскадрильи МиГ-21Р.

С целью ведения разведки и засадных действий на маршрутах проводки караванов в точки координат, указанных источниками информации, забрасывались разведывательные группы 80-й отдельной разведывательной роты дивизии. Адаптируясь к условиям местности, кишлачных массивов, они совершали налёты на караваны из вьючных животных, колёсной техники, нарабатывали тактику борьбы с душманскими проводками, приобретая опыт в новом направлении боевой работы.

Таким образом, моей разведывательной группе была поставлена задача на проведение засадных действий по информации, полученной от товарищей из афганского разведцентра «Шир». Информацию необходимо было проверить воздушной разведкой с вылетом в район предполагаемых действий, оценить район с точки зрения эвакуации группы на случай, если нас зажмут на каком-то этапе выполнения боевого задания.

Командир звена вёл вертолётную группу с таким расчётом, чтобы у «духов» не сложилось впечатления, что русскими проводилась разведка, оценивается возможность засадных действий. Оказавшись в полосе караванных маршрутов, отмеченных источником информации, вертолёты вышли на боевой курс. В иллюминаторе скользила замысловатая сетка тропинок. По одним из них дехкане перемещались в соседние кишлаки, решая торговые дела, натуральный обмен, по другим гнали на водопой, пастбища овец и верблюдов.

Имелись дороги для колёсной техники, вывозившей из каменных карьеров руды, мрамор, гранит. Тропинки, что вились у хребтов и терялись в ущельях, использовались дехканами для ухода в горы, где они скрывались, пережидая опасность. Какие из них задействовались в проводке караванов? — Сразу не скажешь. Для выводов из оценки обстановки исходной информации очень мало. Необходимы более точные данные, которые добывались

агентурной разведкой и в первую очередь — ХАД. Служба безопасности Афганистана получала информацию из местных источников, близких к проводкам караванов, прямых участников проводок, выплачивая им пайсу (гонорар).

Очередной вылет на авиаразведку принёс результаты. Я мысленно группировал их по признакам и направлениям. В целом сложилось представление о дорожной сети, расположении кишлачного сектора, системе транспортно-пешеходных артерий, что позволило сформировать общий замысел борьбы с караванами во взаимодействии с армейской авиацией. Рождались варианты применения разведывательных групп на разных направлениях. Наработки были реальными, о чём я и доложил начальнику разведки дивизии по прибытию в расположение:

— Маршрутная сеть от гряды Спингар, товарищ подполковник, располагает условиями для переброски грузов в центральные уезды страны на колёсной технике, тракторах и вьючных животных. Обеспечивает подходы к кишлакам на путях перемещения оружия и организацию перевалочных пунктов в удобных местах. Возможность складирования оружия, боеприпасов в пойме реки Логар сочетается с наличием в ней дорог и маскировкой караванов — «зелёнкой» под обеспечением, скорее всего, местной агентуры проводки караванов.

— Ты разглядел её с вертолёта, Валера?

— Кого?

— Агентуру!

— Никак нет, товарищ подполковник! Но без агентурного прикрытия я бы не решился вести караван к столице, где натыканы войска шурави и «зелёных». Хорошие деньги за караванные проводки дуракам не платят, товарищ подполковник.

— Хм… Не дерзи старому подполковнику! Продолжай!

— Предположительно, противник исходит из принципа, что подтягивание караванов к магистральным коммуникациям опасно. Их движение на равнине, так или иначе, контролируется нами, поэтому полагаю, что в районе Хоши имеются склады с оружием. Дальнейшее движение военных грузов к конечным потребителям осуществляется на вьючных животных мелкими партиями с предметами торговли на рынках. Для маскировки.

— Хорошо, Валера! Условно соглашусь с тобой. Ну, а дальше?

— Дальше?

Понимая моё настроение на атакующую тактику в отношении пресечения караванных проводок, Михаил Фёдорович, заставлял меня анализировать ситуацию. Безусловно, ему хотелось убедиться в качественном продумывании операции по перехвату караванов, обоснованности аргументов, которые имели бы право

на жизнь.

— Если командование не торопит нас на совершение сиюминутных подвигов, товарищ подполковник, считаю необходимым сориентировать агентурную разведку на конкретную информацию по нашей задаче. В первую очередь, имею в виду ХАД!

— Это ж… — вмешался было Иван Комар — командир дивизионных разведчиков.

— Так точно, Иван Геннадьевич! Информация ХАД носит скользкий и, зачастую, опасный характер, порой не соответствует действительности вообще, но она имеет оперативный плюс — быстроту прохождения к нам! Что мешает нам процеживать её через факторный анализ, уточнять у «каскадёров» и реализовывать немедленным образом? Летать вслепую, рыская по дорогам и мандехам — бесполезный номер. В этом убеждаемся всякий раз, как только возвращаемся с барражирования по «духовским» местам. Впрочем, как и сейчас!

— Это так! — произнёс начальник разведки, прикуривая сигарету.

— Чего скрывать, товарищ подполковник? Дразним «духов» пролётом авиации в их глубоком тылу, раскрываем свои намерения, вызываем реакцию мер противодействия. «Духи» наблюдательны и очень осторожны! Или мои рассуждения, Иван Геннадьевич, выстраиваются не в этом русле?

— Не уговаривай, Валер? — отмахнулся Комар. — Товарищ подполковник, на мой взгляд, доводы Марченко убедительны.

— Если есть предложения, Иван? Выкладывай!

— Предлагаю высказаться командиру группы! На караван идти ему!

— Хм, давай, Валерий Григорьевич, быстро и без авантюрных намерений! У меня и без этого голова болит.

Откинувшись на полог палатки, Михаил Фёдорович приготовился слушать предложения по выходу дивизионной разведки на караванные маршруты с целью перехвата караванов. Командиру дивизии генерал-майору Рябченко нужен результат! Результат нужен был и командующему 40-й армией!

— В этой операции предлагаю работать двумя группами. Одна идёт на караван и действует в интересах реализации информации, другая на «вертушках» прикроет захват. В случае необходимости её же выводим на досмотр. Привлечение «брони» — отдельный разговор, в зависимости от ситуации. Ночью бронетехникой страхуем выход групп из заданий или рассредоточиваем внимание «духов» от наблюдения за целью.

— То есть?

— Отвлекаем от группы, попавшей в форс-мажорные обстоятельства.

— Ну, да! — прервал начальник разведки, — если группу зажмут, а время идёт на секунды… Понимаешь, что говорю?

— Так точно!

— Пока «броня» подтянется к группе, от неё ничего не останется. Хорош каламбурчик, да?

— Хорош, товарищ подполковник! Действительно, роль «брони» в операции не просматривается — далеко и не успеет! Таким образом, обсуждение вопроса агентурного сопровождения действий разведгрупп в тылу противника становится темой номер один!

— Опять за своё…

— Что имеется в виду? Без агентурной поддержки местного населения, среди которого мирных жителей в принципе нет, не обойтись! Мужское население либо в горах, либо в кишлаках в виде ополчения из пацанов и вполне здоровых стариков. Они чертовски опасны!

— И «духи», зализывающие раны, — добавил Ленцов.

— Да, и раненые душманы! Мы не вписываемся в их понимание о добре и зле, значит, наши отечественные разведывательные органы не выйдут с ними в контакт ни при каком развитии событий — только через ХАД. Значит, искать выходы на источники информации в полосе караванных проводок среди местного населения следует именно через ХАД, где, впрочем, все продаётся и покупается! Информация — тоже! Выходы «хадовцы» найдут! Они есть! В чём я убедился в последний раз, доставляя пленных душманов в их отделение «беспеки» не далее, чем неделю назад. Помните, товарищ полковник? Так вот! Одних «духов» саурские революционеры пытали изуверскими методами, другие «духи» сидели рядом и улыбались — значит, свои!

— М-да-а-а, Валера, понимаю, но ближе к делу.

— Есть к делу! Условия нашей работы имеют ряд особенностей, связанных с караванными проводками ночью! Именно ночью!

Скривившись, словно от зубной боли, Михаил Фёдорович вскочил.

— Ты советский человек, Марченко? А?

— Так точно, товарищ подполковник! Взращён комсомолом и воспитан партией!

Офицеры едва сдержали смех от выходки если не хулиганской, то вызывающей.

— Так почему же не понимаешь простой истины на

«блюдечке с золотой каемочкой»?

— Я…

— Слушать начальника разведки, товарищ старший лейтенант! Учи вас, учи, о чём можно говорить, о чём нельзя! Запомните все! Особенно ты — авантюрист! Афганская агентура не наша с вами ком-пе-тен-ция! Понимаешь, чудак-человек? Не на-ша!

«По-о-несло дядю Мишу… Хотя чего уж пенять? Агентурное сопровождение разведгрупп в “духовском” тылу за один день не решается. “Гэрэушники” в этой работе беспомощны, “кэгэбэшники” в военные дела не лезут — их интересует политическая информация для Москвы. Нравится кому-то или нет, выходит — ХАД! С ней, правда, надо работать аккуратно!».

Итак, рассуждаем! От трассы Кабул — Кандагар до полосы разведки, в пределах которой планируются засадные действия двумя-тремя разведгруппами одновременно, более тридцати километров. Начальник прав! Это расстояние! «Броня» не успеет поддержать ни одну из групп, оказавшуюся под ударом. «Духи» «пройдутся» по ним быстрее, чем бронетехника подтянется для оказания помощи, тем более, информации о противнике никакой. Какие отряды? Сколько? Места дислокации? Ничего, кроме общих или противоречивых данных! Сунемся без страховки в душманский рассадник, «бородатые» оторвут нам головы и не поморщатся. Опять же, рассчитывать на результат по перехвату караванов можно лишь ночными засадами! В этом я был убеждён!

— Чего молчишь? Рассказывай! Как сработали на досмотре?

— А? — «О чём это он?» — недоуменно взглянул на начальника, — ах да…». — Нормально, товарищ подполковник, пойдёт. Вертолётчики придумали «изюминку». Молодцы!

Михаилу Фёдоровичу понравился мой доклад о «психической» атаке боевых вертолётов. Не упуская инициативы, подмигнул Комару, мол, поддержи, Иван.

— Товарищ подполковник…

— Что ещё?

— Оставлять группу на ночь без прикрытия действительно опасно! В душманском гадюшнике никто не поможет и схарчат нас с удовольствием! Но и выходить на системный перехват караванов без ночного поиска — пустое дело. Если не возражаете, возьму на захват Карпетченко, а Перьков подстрахует на «вертушках».

В боевом отношении «духи» иные. Виртуозно владели тактикой партизанских действий в сочетании с минной войной. Закрывавшиеся снегом перевалы снизили их активность в горах, населённых пунктах, но ничуть не уменьшили войну на дорогах.

В местах наиболее интенсивной переброски военных грузов ставились мины, фугасы. На воздух взлетали целые колонны боевой и другой техники. Появившиеся на вооружении душманов ручные противотанковые гранатомёты китайского производства, безоткатные орудия, состоявшие на вооружении шведской армии, безусловно, усилили их боевую составляющую.

Мелкими группами противник вёл успешные засадные действия против советских и правительственных войск. Становилось все труднее находить эффективные способы борьбы с вооружённой оппозицией, держать на пульсе её возросшую активность, и чего скрывать — играть на уничтожение боевого потенциала консолидированных сил афганского сопротивления.

Мои размышления прервали «двадцать четвертые», выскочившие из-за горушки.

Захваченное в караванах оружие — отдельный разговор. Его не сравнишь по качеству с тем, которым «духи» владели в начале 1980 года. За год войны качественно изменилось вооружение душманских отрядов, минно-взрывные заграждения, средства управления в бою, снаряжение. Радиостанции у «духов» с маркировкой “Made in Japan”, “Made in China”, с функциями быстрой и закрытой передачи информации. Эти факты говорят о многом.

Глава 28

Я лежал на кровати и в рабочем блокноте чертил варианты блокирования каравана для досмотра, захвата, уничтожения. Включив ассоциативное воображение, я умозрительно «рисовал» ситуации и ход их развития в реальных условиях. Моделировал схемы движения душманских караванов в горной местности, на равнине, в населенном пункте, представляя положение его охраны, сопровождения, способность оказания сопротивления в той или иной ситуации. Методика — отработать на бумаге, взвесить, проанализировать по этапам, соединить логической цепочкой в общую схему планируемой операции. Приходилось учитывать фактор хронически недостающей информации о противнике: она была расплывчатой и предположительной, использовать ее можно было весьма ограниченно. Как всегда, я полагался на собственные силы, сложившуюся обстановку, что увеличивало шансы безопасности группы, ее живучести и страховки.

— Сергей, ты вот летал на караван неделю назад. На что обратил внимание при обозначении захода в атаку?

Карпетченко, задумался.

— Пожалуй, есть особенность, Валерий Григорьевич. Услышав вертолеты, люди выскакивали на обочину дороги и, падая лицом вниз, вытягивали руки вперед.

— Зачем?

— Как зачем? Показывали, что они — торговый караван, оружия нет.

— Рассуждаем. Если караван торговый, сопровождению бояться нечего: на обочину дороги, руки вперед — срабатывает чувство самосохранения купцов. Так?

— Выходит, да.

— Идем дальше. Как поступит охрана «духовского» каравана, если он по самое «здрасте» нафарширован оружием?

Сергей уставился в точку, анализируя ситуацию.

— Среагирует…

— Ну-ну! Каким образом?

— Думаю, откроет огонь по «вертушкам», нервы не выдержат.

— Вот! Значит, что мы имеем? Выбираем объект, оцениваем, парой «горбатых» имитируем атаку и для убедительности — из пушки очередью перед караваном. Ну, чтоб проняло до яиц. Потом… местность не всегда располагает к посадке «вертушек», ведь так?

— Верно.

— А дальше по реакции охраны и сопровождения будем судить о принадлежности каравана. Во всяком случае, они себя чем-то проявят. Если неправильно среагировали, открыли огонь, работаем по каравану столько заходов, сколько потребуется.

— Атака должна быть быстрой и решительной, — уточнил Ленцов.

— Конечно.

Трудно не согласиться — поражение противнику нанесено, он подавлен, деморализован. Этот фактор берем за основу. Затем включается группа захвата, может, просто досмотровая. По функциональным обязанностям они должны страховать друг друга — по обстановке.

— Да брось ты, иди сюда! Рассмотрим уничтожение объекта.

— Давай!

Карпетченко присел рядом.

— Вот смотри.

Я показал на схеме положение объекта, точки посадки Ми-8 относительно каравана с группой захвата (возможно, двумя).

— Одна «вертушка» в голове «духовской» ниточки, другая — в хвосте. Но как?

— По диагонали?

— Верно.

— Что этим достигается?

— Максимальный эффект огневого воздействия в случае, если противник окажет сопротивление. Вот смотри, с какой бы стороны охрана и сопровождение каравана не подвергли нас обстрелу, нам удобно вести огонь, не подвергая себя опасности поражения. И потом, мы контролируем караван на всю его глубину, не позволяя «духам» улизнуть в благоприятно сложившихся для них обстоятельствах. Кроме того, относительно противника мы находимся на диаметрально противоположных направлениях. Отражая нашу атаку, «духи» вынуждены будут распылять свои силы, потому что она будет с двух направлений.

— Кстати, Валерий Григорьевич, если ситуация осложнится, «вертушки» поддержат огнем авиационных пушек, не боясь зацепить.

— Вот! Если потребуется, мы «оттянемся» в сторону, что и требовалось доказать!

В полемику «вписался» Богатиков.

— А почему вы, «стратеги», решили, что охрана находится только в караване, а не следует, например, параллельным маршрутом? А? Или маршрутами…

Я склонился над схемой. Вопрос нейтрализации охраны действительно обсуждался нами пока только в «привязке» к

каравану.

— Хм, да… Еще не «доехали»…

В самом деле, в зависимости от местности, ряда других условий противник пойдет на гибкую тактику сопровождения грузов. Не секрет: несколько удачных налетов, и «духи» разработают новые схемы поставок оружия — на каждое действие найдут противодействие.

— Не забывайте, господа, что «духи» маскируют поставки под коммерческие «ниточки». Учитывайте это в «стратегических» замыслах, — вклинился Ленцов в обсуждение темы.

— Верно, — согласился я с Шурой. — Важен такой момент в проводке грузов через границу, как запуск контрольного каравана. Прошел «мифический» — нормально, следом пускают «всамделишный» — настоящий.

— Итак, подводим итоги? Что имеем?

— Давай.

Заводной Богатиков потянулся вперед.

— Первое и главное: заброска оружия из Пакистана осуществляется караванным методом. Значит, в ближайшее время мы будем воевать на путях «проталкивания» грузов.

— Правильно, — поддержал я Богатикова, — мы опять пришли к тому, что нам нужна информация агентурной разведки, ориентировки на поставки.

— Есть такое дело!

— Далее. Выделение основных маршрутов перемещения грузов через горные хребты. Перевалы в восточных провинциях закрыты с октября, значит, нагрузка ляжет на юго-восточные провинции: Нангархар, Пактия, Пактика, Газни, Заболь, — уточнил Ленцов.

— Следующее. Идентификация каравана, принадлежность к «духовскому» или коммерческому.

— Есть! Что упустили?

— Тактическая, в смысле — техническая сторона вопроса: реализация захвата.

Сгрудились над схемами, которые я выложил из рабочей тетради.

— Над этим, ребята, «морщим» лбы, думаем!

Долго еще сидели морозным вечером, обсуждая тактические варианты, спорили, соглашались, находили верные, с нашей точки зрения, решения. При этом понимали, что правильность выбора варианта при захвате каравана определит конкретная ситуация, бой, результат. В обсуждении рождалась истина, тактика борьбы с коварным противником.

Разрабатывая способы борьбы с караванными забросками

оружия в Афганистан, офицеры-разведчики уделяли внимание особой тактике действий. Этому нас не учили в единственном в мире училище, на учениях, командно-штабных тренировках. Сами, только сами доходили через труд и неимоверную нагрузку, свалившуюся на плечи. Принятые наработки мы оттачивали на Ходжа-Раваше. Они были долгими, изнуряющими. В боевой ритм входила молодежь, личный состав 80-й отдельной разведывательной роты дивизии совершенствовал практику новых методов борьбы с противником. Время летело быстро.

В первой половине 1981 года обстановка в Афганистане отчасти стабилизировалась. Советские войска отбили у душманов 20 уездов, 3 провинции, в 4 провинциях и 10 уездах установили власть правительства Кармаля. Но все виды разведок фиксировали участившиеся факты поставок оружия в Афганистан из Пакистана, Ирана и Китая.

После потерь, понесенных от разведывательных групп «шурави», противник выработал тактику действий, уделяя особое внимание собственной разведке предполагаемых маршрутов. Он уделял ей всегда особое внимание и вел ее беспрерывно днем и ночью, зимой и летом. Без предварительных разведывательных мероприятий караваны границу не пересекали. На пунктах их формирования назначались люди, отвечавшие за проводку груза до адресата или пункта выгрузки. Задачу, маршрут движения, дневные остановки, конечный пункт прибытия знал только старший каравана, которому подчинялся весь персонал обеспечения проводки, в том числе и охрана.

По одному маршруту могли направляться несколько караванов — один за другим или параллельными маршрутами. Все зависело от обстановки! Но в любом случае риски сводились до минимума. Маршрут или полоса движения каравана к конечному пункту определялась всего за несколько дней до пересечения границы. Оценивалась местность, возможные места засад, пролеты армейской авиации, участки, где были возможны встречи с правительственными войсками. За два-три дня до начала движения каравана вперед высылалась группа обеспечения маршрута — в пешем порядке, на лошадях, мотоциклах, где как позволяла местность. В провинции Заболь для обеспечения караванной проводки противником использовались мотоциклы: «Хонды», «Ямахи». Количество человек в группе обеспечения на маршруте зависело от величины и важности перевозимого груза. Обычно она насчитывала 15–20 человек не просто боевиков, а людей, которым доверялась часть агентуры в кишлаках, принимавшей участие в перемещении груза.

Обеспечение маршрута имело систему связи, которая позволяла обмениваться информацией, изучать маршрут, полосу движения каравана. Оно встречалось с агентурой, дававшей свежую информацию, с ней же уточнялись сигналы управления. Надо отметить, что агентура в кишлаках создавалась специально для обеспечения проводок. Она отслеживала общую обстановку в районе, контролировала проход каравана, подавала сигнал на дальнейшее движение, то есть работала на успех перемещения груза. Агентура участвовала в организации дневок на перевалочных пунктах, что являлось важным моментом караванной проводки. На отдыхе днем караван был уязвим от авиации, поэтому его маскировка на дневке имела серьезное значение. Агентура собирала информацию о советских и правительственных войсках только в ключе караванной проводки, то есть имела конкретную цель, на другие задачи ее действие не распространялось. Для общего сбора информации задействовались другие агентурные сети со своими целями и задачами.

В местах вероятного появления разведывательных подразделений советских войск обеспечение маршрута проводило контрзасадные действия, при этом активно привлекало население ближайших кишлаков. Противник использовал местных жителей для выполнения отдельных, разовых задач в интересах проводки. Одним из таких примеров служат события марта 1988 года в провинции Заболь, когда разведывательная группа 186-го отдельного отряда специального назначения перехватила «Мерседес» с оружием. Но совершенно безграмотные решения командира группы, командования отряда позволили «духовскому» отряду обеспечения маршрута привлечь на помощь население ближайшего кишлака, которое утром буквально смело специальных разведчиков, раздавило массой. В этой акции не участвовали какие-то особые душманы с укрепрайона Сурхоган — это было обыкновенное население (ополчение) кишлака, как правило, дети и старики, вооруженные стрелковым оружием, несколькими гранатометами. Но у «спецов» сложилось впечатление, что они попали под раздачу душманскому отряду, превышавшему сотню человек. Противник действительно по количеству превосходил в силе, поэтому действовал дерзко, напористо и без промедления. Группа погибла.

Проводка каравана носила поэтапный характер: преодолевал караван участок маршрута — группа обеспечения отрабатывала следующий. Так, участок за участком ценный груз перемещался к адресату. В случае встречи с советскими подразделениями, выполнявшими задачу перехвата грузов с оружием,

установленным сигналом оповещалась группа прикрытия каравана, которая связывала боем подразделение «шурави», давая возможность каравану уйти в безопасное место.

После того, как усилилась деятельность советских войск по обнаружению и уничтожению караванов, противник перестроил работу в качественном направлении. Серьезное значение придавалось средствам связи, имеющим возможность передачи закрытой информации в режиме быстродействия. У нас же и в помине не было чего-то подобного! Портативные радиостанции имели старшие караванов, группы обеспечения маршрута, прикрытия каравана, агентура на путях движения. Таким образом, противник караванную проводку готовил тщательно. Она стоила того.

Как это осуществлялось в организационном плане? Группа прикрытия каравана отвечала за безопасность каравана на маршруте движения. Она насчитывала 20–40 человек, в зависимости от количества единиц (техники, вьючных животных) в караване и комплектовалась боевиками, имеющими боевой и специальный опыт. Прикрытие действовало по отработанной тактике в конкретно сложившейся ситуации, передвигаясь частью сил непосредственно в караване к его тылу. Другая часть прикрытия следовала параллельным маршрутом или маршрутами, как правило, маскируясь и ничем не проявляя себя. Оно могло передвигаться в пешем порядке, на ишаках, лошадях, машинах.

Автомобильный транспорт — «бурубухайки», в которых устанавливали ДШК, ПЗРК, гранатометы, маскировались под средства перевозки пассажиров, грузов. Вместе с ними следовали автобусы, действительно перевозившие мирное население, что отвлекало досмотровые группы от реальных машин с боевиками. В состав основного каравана, загруженного оружием, могли запустить ложный, замаскировав его под коммерческий. В нем комфортно располагались бородатые ребята, готовые открыть огонь из всего, что стреляет. Часто пристраивали караваны с оружием к индусским, пакистанским купцам — отличить их визуально было невозможно, они ничем не выделялись из общей массы автомобилей, животных. Объект, маскируясь, сопровождался на протяжении всего маршрута.

В случае обнаружения каравана советской авиацией группа прикрытия оценивала обстановку, если считала возможным, наносила упреждающее воздействие — открывала огонь из укрытого ДШК, ПЗРК, стрелкового оружия. Могла допустить высадившуюся досмотровую группу к каравану, а потом нанести ей неожиданное поражение, уничтожить. Такая тактика

применялась в случае, если старший группы прикрытия рассчитывал выиграть время для принятия решения, вызова к себе дополнительного подкрепления другой части сил или помощь местных жителей.

Караваны перемещались, как правило, в ночное время, когда не летала авиация. С прикрытием каравана могли вступить в бой только засадные группы подразделений советских войск. Для нас движение любого каравана в ночное время означало — это противник, поэтому чаще всего мы открывали огонь на поражение без всякого выяснения принадлежности перемещаемого груза. Надо сказать, что коммерческие караваны в ночное время не ходили и делали остановку на ночь, это всегда учитывали индийские и местные купцы. Стоило вертолетам выйти на боевой курс, они сразу покидали машины, животных и прыгали на обочину дороги, вытянув руки вперед, показывая этим, что оружия у них нет, они — торговые люди.

Если караван попадал в засаду «шуравi», группа прикрытия каравана связывала боем подразделение советских войск, принимала меры для вывода каравана на другой маршрут, вызывая на помощь группу обеспечения маршрута, пропустившую засаду. При возможности привлекало местное население. Боевики прикрытия каравана, как правило, бились до последнего моджахеда. Задача наших засадных групп при таком развитии событий как раз и состояла в том, чтобы не попасть на душманскую удочку. От эйфории, что забили караван, разведчики могли пропустить момент, когда на них неожиданно сваливалось десятка три-четыре, словно из-под земли появившихся «духов». Бдительность не позволено было терять даже при победном исходе боя. Это, пожалуй, главное.

Непосредственно в караване следовали погонщики животных — верблюдов, ишаков, мулов — неважно каких. Это были вооруженные «духи», готовые к жесткому сопротивлению. Погонщики формировались из расчета два-три человека на животное и управляли ими, выдерживая интервалы движения на марше. В случае попадания в засаду, уводили караван из-под огня, прикрывая отход, при гибели отдельных животных перегружали груз. В зависимости от количества единиц животных, машин в караване число лиц, обеспечивающих проводку каравана, могло составлять шестьдесят-восемьдесят и больше отъявленных головорезов. При досмотре караванов необходимо применять психологические приемы его идентификации, скрытно смотреть в глаза — бешеные глаза — караванщиков, на руки. Если настороженность превышает допустимые нормы (это должны чувствовать разведчики), то

сразу же огонь на поражение — потом разберемся. Здесь только бы успеть, промедление — мгновенная смерть, причем не успеешь понять, откуда она прилетит.

В 1981 году мы приспособились к войне с душманским сопротивлением. Тогда не думалось, что эта борьба приобретет самый отчаянный характер, впрочем, в первые годы афганских событий мы многого не предполагали. Оказавшись в настоящей войне, мы не думали о высоких целях, задачах — просто делали свое дело, как положено. Мы даже не знали о том, сколько времени нашей жизни отведено интернациональному долгу — выполняли свою работу, как требовала обстановка. Остались живыми — хорошо, теперь скорбим о погибших. Никому из нас не приходило в голову, что война продлится более девяти лет, а мне через пять лет после замены придется еще раз на целых два года прибыть в Афганистан и бить «духов» в южной провинции Заболь, а в феврале 1989 года выводить свой парашютно-десантный батальон в Витебск. Впереди была целая вечность афганской войны.

Глава 29

Первая половина 1981 года стал для советских войск в Афганистане напряженным периодом боевых действий с силами афганского сопротивления. Наступившая зима не снизила, как ожидалось в штабах ограниченного контингента, активности моджахедов. Этот факт проявился характерной чертой в большинстве провинций Афганистана — противник не просто увеличил количество вылазок против частей и подразделений 40-й армии, но и укрепил позиции в глазах местного населения. Вооруженные отряды сил сопротивления появлялись везде, где была малейшая возможность нанесения ущерба советским войскам. В руководящих документах, риторике командования появляется новый термин в определении организационного статуса противника — вооруженные формирования. Для проведения крупномасштабных боевых операций в уездах и провинциях страны вооруженная оппозиция собиралась в более крупные образования.

Повсеместно активизировалась разведка противника. Ее деятельность приобретала системный характер по вскрытию планов советских и афганских войск, правительства. Глаза «духов» были повсюду. Визуальная разведка формировалась из местных жителей, бачат, пастухов, специально подготовленных для этой работы иностранными инструкторами. Агентурная разведка «скачивала» информацию из штабов афганских войск, правительственных кабинетов. С поступлением в душманские отряды технических средств разведки эфир наших немощных радиостанций находится под «духовским» контролем. В результате проводимых противником разведывательных мероприятий замыслы операций советских войск уже не являлись секретом.

Заканчивался сезон дождей — тусклый, холодный. В установившейся погоде оживился Кабульский аэропорт, возобновились полеты «Арианы» в Пакистан, Индию, Китай. В середине марта 1981 года меня вызвал в штаб соединения начальник разведки дивизии гвардии подполковник Скрынников. Я прибыл в палатку офицеров дивизии и доложил начальнику о прибытии:

— Товарищ гвардии подполковник, старший лейтенант Марченко по вашему приказанию прибыл.

Пожав руку, Михаил Федорович «просверлил» меня острым взглядом внимательных глаз, предложил присесть.

— Как настроение, здоровье?

— В порядке, товарищ подполковник.

— Я вот зачем тебя вызвал, Валер…

Начальник сделал паузу:

— Приказом командира дивизии ты назначен на должность командира разведывательной роты 350-го гвардейского парашютно-десантного полка. Как на это смотришь?

Неожиданное сообщение начальника, заявленное в форме завершенного действия, несколько обескуражило. Всего лишь три месяца назад я был назначен заместителем командира 80-й отдельной разведывательной роты дивизии. Боевой тандем с Ленцовым состоялся с первого дня совместной службы, и нам с Александром не стыдно было за нашу работу, результаты, которые дивизионная разведка добавляла в общую копилку успехов соединения. Казалось бы, успехи надо наращивать, но факт налицо — ответственное назначение в гвардейский парашютно-десантный полк, которым командовал Георгий Иванович Шпак.

— Как смотрю? Неожиданно как-то товарищ подполковник.

— Что неожиданно? С тобой уже был разговор на эту тему! Отправить тебя командовать парашютно-десантной ротой, ты знаешь об этом, я бы мог давно, но не хотелось терять тебя как разведчика — ждал удобного момента. Теперь ситуация сложилась таким образом, что Николай Литош уходит в третий батальон замкомбатом, поэтому давай, принимай разведку «полтинника».

— Есть, товарищ гвардии подполковник!

Приложив руку к головному убору, добавил:

— Спасибо! Доверие оправдаю! Полковая система, правда… Но постараюсь втянуться.

— Хрен с ней — с системой, Валера, а вот на раскачку тебе пару дней. Больше дать не могу, да и Литошу надо улетать в батальон.

— Понял, товарищ подполковник! С Николаем решим, а как командир полка?

— Совсем забыл. Георгий Иванович ушел по замене в Союз, на его место прибыл новый командир полка — Семкин. Ничего о нем не знаю, но завтра в 9.00 тебе надо ему представиться. Сегодня на совещании у комдива этот вопрос с ним проговорили. Так что — вперед!

— Есть!

Михаил Федорович сжал мне руку, тряхнул, мол — все в порядке, больше оптимизма. Мы еще повоюем! Я двинулся к «полтиннику».

С Литошем я встретился на линии палаток подразделения,

где он отдавал распоряжения внутреннему наряду.

— Здравствуй, Николай Александрович.

— Привет, Валера. Ну? Готов принимать хозяйство?

— Готов-то готов, Николай, но Скрынников приказал завтра начинать.

— Ничего страшного! Разберемся.

— Я не об этом. Может, правильней будет, если сначала представиться Семкину, а то поймет неправильно…

Николай задумался.

— Пожалуй, ты прав, проходи, пообщаемся.

— Спасибо.

Мы вошли в расположение командира полковых разведчиков. Небольшой закуток в палатке был огорожен простыней, разделявшей его «апартаменты» от кроватей личного состава. Он же служил командиру роты канцелярией и местом отдыха. Кровать, два письменных стола, пара табуретов, тумбочка — весь интерьер. Ротный писарь колдовал над расписанием, встав, принял положение «смирно».

— Иди, перекури.

Ефрейтор вышел. Мы с Николаем сели за стол и включились в очень полезный и интересный разговор. Николай Александрович был опытнейшим разведчиком, воспитавшим многих командиров, ушедших на повышение. В полку служили офицеры, прошедшие с ним суровую школу разведки. Уверенно командовал парашютно-десантным батальоном Вадим Войцеховский — мне довелось при вводе в Афганистан обеспечивать в Баграме посадку его батальона. Невозможно было представить, что гвардии майор Войцеховский через полгода погибнет в бою. В боях в Кунаре сложил голову Иван Прохор, ставший командиром парашютно-десантной роты. Успешно командовал ротой Эдик Козлитин. Офицеры-разведчики не жалели себя, выполняя интернациональный долг.

— С чего начнем?

— С чего? Расскажи, Николай, о задачах полка и вообще о жизни части, роты. Пройдись обзором, а то улетишь в батальон, а я толком ничего не узнаю.

— Добро.

Я попросил Николая рассказать об офицерах, прапорщиках роты.

— Хорошо. Ну, заместителя ты знаешь — Платонов, 1979 года выпуска, грамотный, подготовленный офицер. Спортсмен, специалист рукопашного боя, энергичный, принципиальный парень, хорошо знает личный состав. Москвич.

— Ну, если москвич — можешь не продолжать.

— Что так?

— У меня к ним особая любовь. Один из моих друзей по училищу — москвич…

— Хм.

Утро следующего дня не принесло неожиданностей. Разведчики дивизии занимались по плану боевой работы: занятия, несение службы, отдых после ночного выхода. Мое внутреннее состояние не сказал бы, что было спокойным: ночь просидел перед печкой, слушая приглушенный гул пламени, думал, прикидывал, размышлял. Конечно же, самому себе задавал вопрос — насколько я был готов командовать разведкой парашютно-десантного полка? Анализировал общую ситуацию, ее составляющие, самоедством не занимался, но давал собственную оценку своим возможностям. Беспокоило одно — полковая система, чуждая нам, дивизионным разведчикам. В полку у меня появится куча командиров и начальников, с которыми необходимо будет ладить, решать, согласовывать многие вопросы. Себя я считал самостоятельным офицером, не терпел опеки, покровительства, не гнушался черновой работы и потому уверенно чувствовал себя на любых мероприятиях. Но полковая «мясорубка» перекрутит любого отчаянного парня. Примеров тому было сколько угодно! Поэтому, размышляя о своем положении, я вводил коэффициент на собственную задиристость — за что можно было попасть под раздачу. Тем не менее утром наступившего дня, умывшись холодной водой, я мысленно сказал себе «Вперед!» — и внутренние переживания сами по себе развеялись. Я подошел к Ленцову, присел.

— Сань, я схожу, представлюсь Семкину, вернусь — поговорим. Ты прикидывал кого на мое место?

— А твои предложения?

— Надо ставить Перепечина.

— Что ж, Александр вдумчивый парень, сработаемся.

— Пожалуй. Не испорчен, трудолюбив, порядочен.

На том и порешили: Александр Перепечин будет представляться Ленцовым на должность заместителя командира 80-й отдельной разведывательной роты.

— Ладно, сбегаю в родной «полчок».

Шутка не показалась смешной ни мне, ни Ленцову.

— Жаль, что уходишь, Валер, но, видно, стезя такая армейская. Не забывай, приходи, всегда будешь желанным гостем. Да все в порядке, не переживай.

Ленцов немного расчувствовался. Действительно, жаль было уходить от ребят, друзей, с кем прошел вместе по жизни несколько неспокойных лет. Да и теперь расстояние между

нашими подразделениями составит не более 400 метров. Вместе еще повоюем!

— Спасибо, Шура, все отлично, есть о чем вспомнить. Банкет за мной! Немного устроюсь на новом месте.

— Не сомневаюсь, Валера, удачи. С Семкиным я говорил на совещании, дал тебе самую хорошую характеристику.

— Спасибо, Сань.

Ускоренным шагом я пошел к штабу «полтинника», находящемуся напротив расположения разведывательной роты полка. Рядом был магазин, накрытый камуфляжной сеткой, дальше саперная рота, которой командовал Владимир Святский, ПХД полка. На другой стороне плаца были расположены подразделения 2-го парашютно-десантного батальона, которым командовал майор Кротик, бывший комбат курсантского батальона в училище. Заместителем командира одной из парашютно-десантных рот батальона служил Саша Козюков («Васька»), учились с ним в одном курсантском взводе. Командиром роты был у него Валерий Евтухович (будущий командующий Воздушно-десантными войсками России), Сергей Червонописки из 6-й роты училища, Жора Зизевский, другие офицеры, с кем мы частенько встречались на боевых операциях.

Уточнив, где находится палатка командира полка, подошел, на секунду остановился. «Вперед, Валера», — подтолкнул внутренний голос. Не раздумывая, я откинул полог палатки.

— Разрешите. Товарищ гвардии подполковник, гвардии старший лейтенант Марченко, представляюсь по случаю назначения на должность командира разведывательной роты полка.

Крепко сложенному подполковнику с копной волос соломенного цвета я смотрел прямо в глаза. После рукопожатия он кивнул:

— Присаживайся.

— Есть.

Я присел на табурет, пытаясь сформировать психологический портрет командира части, принявшего под свое командование боевой «полтинник». Командир полка остановил на мне изучающий взгляд. Беседа продолжалась минут тридцать. Семкин высказал свои требования в командовании подразделением, определил задачи, которые предстояло решать в ближайшее время. Собственно, это был стандартный набор тем, который должен был поднять командир любого ранга при назначении на должность нового офицера. Беседа состоялась. Я был уверен, что мне удалось как надо заявить о себе командиру полка, оставив о себе положительное впечатление.

— Ну что ж, Марченко, принимай роту, вечером с Литошем на доклад.

— Есть, товарищ гвардии подполковник.

Приложил руку к головному и вышел из палатки. Уже снаружи вытер панамой вспотевший лоб, осмысливая сказанное командиром части. Властен, крут, требователен. Один голос чего стоил! «Не подарок», — сделал я уверенный вывод.

Действительно, в течение всего 1981 года командир знаменитого «полтинника» себя ничем не проявит, ему досталась слава полка, завоеванная под командованием полковника Шпака. Очень большая разница в двух командирах бросалась в глаза прошедшим огонь и воду офицерам, сплоченным в мощный кулак еще до афганских событий — в Боровухе. Замена офицерского состава началась позднее, разъедая, как ржа, традиции, заложенные будущим командующим ВДВ Георгием Ивановичем Шпаком.

— Товарищ гвардии капитан, к принятию должности готов, — отрапортовал я Николаю Александровичу, переступив «порог» его канцелярии.

Обнялись. Собственно, по приему должности мы переговорили накануне. Сейчас решили разобраться с главным: оружием, техникой, боеприпасами, потом пересчитаем имущество и снаряжение.

— Вперед? Платонов, подойди.

— Здравия желаю, Валерий Григорьевич, — поприветствовал меня подошедший к нам заместитель по боевой подготовке.

— Здравствуй, Евгений.

Пожали руки. Настороженного, скользящего взгляда заместителя я не оставил без внимания.

— Работай по плану, я передаю должность, — уточнил Платонову Литош.

— Я понял, Николай Александрович.

С Николаем мы детально поговорили о сержантском составе: заместителях командиров взводов, командирах отделений. Работу с младшими командирами я относил к приоритетным направлениям командирской деятельности, поэтому сержантский состав изучал досконально, понимая, что от сержантов зависит общее положение дел в подразделении.

— Николай, дай старшине команду выложить все, что числится за ротой, а с Савельевым я сам разберусь по имуществу. Отдохни, скоро улетать в батальон, еще навоюешься в Шинданте.

— Хорошо, Валер, если какие вопросы, офицеры на месте.

— Добро, я ж понимаю, тебе самому надо перестроиться.

Так и решили: старшина роты выложит для смотра

имущество, оружие, боеприпасы, старший техник подготовит боевую технику, вооружение, Кожевников — средства связи. Я буду знакомиться с разведчиками.

Двух дней, отведенных командиром полка на прием-передачу должности, вполне хватило. Без лишних вопросов мы с Николаем Александровичем доложили об этом Семкину, получив от него указания на дальнейшую службу. Литош улетал в батальон, находившийся в отрыве от главных сил дивизии, мне же предстояло окунуться в неизведанную для меня полковую жизнь. Трудно было представить, что меня ожидало в ближайшем будущем! Это я сообразил при выходе из палатки командира полка, столкнувшись со щупленьким рыжеватым майором с академическим значком на «хэбэ».

— Извините, товарищ гвардии майор. Старший лейтенант Марченко, командир разведывательной роты.

Что тут началось! Из мощнейшего потока высокохудожественной с оттенками глубинки народной культуры брани, переполненной не придуманными, а естественным образом рожденными, совершенно эксклюзивными, изящными по форме и содержанию фразами, я понял, что передо мной начальник штаба полка майор Чиндаров — мой прямой начальник.

«В полку тебе скучно не будет, Валера», — подумалось мне, когда, пересекая плац, я шел к расположению роты после первого знакомства с «шефом». Откуда мне было еще знать, что Чиндаров при встрече со мной провел только утреннюю разминку? Впереди было совещание офицерского состава полка, сбор командиров подразделений непосредственно подчиненных начальнику штаба полка, потом радиотренировка, развод внутреннего наряда. Если не сам Чиндаров, то его тень всегда была на этих мероприятиях. Что было на этих совещаниях? Не берусь освещать — не получится, об этом лучше всего расскажут Слава Наружный — начальник ПМП, Володя Никитин — заместитель командира саперной роты, Миша Дьяченко — командир ремонтно-восстановительной роты. Я думаю, есть о чем вспомнить Игорю Журавлеву — командиру роты связи, Володе Святскому — командиру саперной роты. Вот кому доставалось от майора Чиндарова! Но замечу сразу: для этой цели нужна отдельная книга ветеранов 350-го гвардейского парашютно-десантного полка — не «Чиндарики», а серьезный, вдумчивый фолиант, по сценарию которого нужно снять афганский вестерн. Хотя, скажу откровенно, лично ко мне майор Чиндаров относился, в самом лучшем смысле этого слова, хорошо. Не помню ни единого случая, чтобы он некорректно отозвался обо мне или моей

деятельности в должности командира разведывательной роты. На самом-то деле это был грамотный, качественно подготовленный старший офицер, умевший видеть обстановку панорамно, принимать быстрые решения на боевые действия, но в остальном он был артист большого сценического искусства, причем «Народный» — именно так, с большой буквы.

Произошло мое знакомство с начальником разведки 350-го парашютно-десантного полка гвардии капитаном Хапиным Владимиром Николаевичем. Рассказывая о первой Кунарской операции в феврале-марте 1980 года, я о нем поведал немало. Замечательный офицер, окончивший политическое училище, но ставший затем командиром 80-й отдельной разведывательной роты. Попав в армейскую мясорубку, он не растерял порядочность, принял командование парашютно-десантной ротой. В драматичные часы кровопролитного боя в Кунаре он не потерял самообладания, уверенно командовал подразделением, попавшим в самое пекло душманского огня. Сделал все возможное, чтобы вывести личный состав из-под удара противника и сохранить жизни солдат. Конечно, психологически Владимир Николаевич пережил страшную драму, но остался человеком, настоящим офицером.

Мое втягивание в полковую жизнь — веселую, не скучную — проходило непросто. Огромный коллектив, службы, подразделения, разноплановые задачи, совещания, инструктажи, строевые смотры. Закрутило! В глазах темнело. Но привыкал, обтирался, знакомился с коллективом, становился своим человеком в полку. Это был период, когда «замена» в Афганистане коснулась командования дивизии и полка, звено рота — батальон осталось нетронутым, спаянным и продолжало воевать. Оно было слаженным коллективом офицеров и прапорщиков, служивших по традициям, заложенных Георгием Ивановичем Шпаком. Жили мы дружно! Вместе делили радость и горе, чувствуя себя в коллективе легко и свободно (важный момент). Постоянные проверки, смотры, доклады, совещания, «ответственные», контрольные занятия — набор классических анахронизмов, перенесенных из Союза в Афганистан новым командиром полка подполковником Семкиным.

Заместитель командира полка по политической части гвардии майор Гуринов Станислав Михайлович был, конечно, работягой. Он прошел действительную военную службу. Оставшись на сверхсрочную, в 1970 году экстерном окончил Рязанское высшее воздушно-десантное училище и по служебной лестнице шагнул до замполита полка. Через партийно-комсомольский аппарат полка он решал задачи воспитательной

работы личного состава. Был скромным, доступным, порядочным человеком, мне приходилось к нему обращаться по вопросам партийно-политической работы. В полковой разведке заместитель командира роты по политической части не был предусмотрен штатным расписанием, поэтому всеми вопросами партийно-политического воспитания личного состава я занимался сам, оформляя документацию по политической подготовке, стенную печать, Ленинскую комнату. Сколько всего было! Но не прошла даром хорошая школа Володи Гришина. За несколько дней до замены, 16 ноября 1981 года гвардии майор Гуринов Вячеслав Михайлович погиб в бою, пытаясь принудить «духовский» отряд к добровольной сдаче оружия. Об этом рассказ будет ниже.

Когда в полк поступила информация о гибели замполита полка Гуринова, затем Валерия Федоровского — заместителя командира 4-й роты, мне была поставлена задача вылететь на «вертушках» для оказания помощи батальону. Весь день я просидел с разведчиками на аэродроме, чтобы оказать поддержку нашей группировке, усилить ее, но поднявшаяся пыльная буря не позволила взлететь авиации. Удалось только в морге медсанбата попрощаться со Станиславом Михайловичем Гуриновым и Валерием Михайловичем Федоровским. Помнится, в этот момент одного из солдат приняли за убитого и положили с телами погибших. В морге парень пришел в себя. Удивление было безграничным: с такими ранами не живут, но десантник не только ожил — выжил, после излечения встал на ноги.

Адаптация в бешеном ритме полковой жизни, несомненно, научила принятию множества решений в течение короткого промежутка времени. Не успел принять роту, началась проверка, унесшая килограммы нервов, затем перевод техники на летний период эксплуатации, увольнение в запас опытных разведчиков, прием молодого пополнения… Закрутилось так! Молодость, оптимизм, желание служить, плечо боевых друзей не дали скиснуть в трудные минуты афганских будней.

При этом регулярно проводились боевые операции по реализации разведывательной информации. Обстановка вокруг Кабула усложнялась не только атаками отрядов полевых командиров, действовавших в центральных провинциях страны, но и силами Ахмад Шах Масуда, подтянувшего свои формирования ближе к столице. Передвижение отрядов полевого командира фиксировалось разведкой от Панджшерского ущелья — на юг вдоль Чарикарской «зеленки», хребта Пагман, Исталиф, Хасандара, Заргаран и Каламуратбек, охватывавших Кабул с северного и западного направлений.

Данные агентурной разведки отмечали выход отрядов Ахмад

Шаха из Панджшерского ущелья в район Махмудраки — Ниджраб — Шатори. Провинция Каписа превратилась в театр боевых действий 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка. Широкая кишлачная зона с зеленым массивом начиналась от выхода из Панджшерского ущелья и протянулась более чем на шестьдесят километров, концентрируя население в провинциях Кабул, Каписа, Парван. Неоднократно проводимые в этом районе операции десантников имели частный успех — противник возвращал утраченные позиции, привлекал в отряды местное население, совершая при этом все более жесткие нападения на советские войска.

Сложившаяся обстановка в апреле 1981 года бросила мою разведывательную роту в очередную боевую задачу. Задачу на боевые действия 1 апреля ставил начальник штаба полка майор Чиндаров. Разведывательной роте в составе группировки парашютно-десантного батальона под командованием капитана Войцеховского предстояло совершить марш в район Мирбачакот с целью уничтожения формирования противника и захвата склада с оружием. Склад, по информации агентурной разведки ХАД, находился на восточной окраине кишлака Даузай, предположительно, в нем находилось до 200 единиц стрелкового оружия.

Противник численностью до 540 человек личного состава имел на вооружении стрелковое оружие, минометы, ДШК, ПУРС, проводил активные боевые операции в полосе Карабаг — Калакан — Дехсабзи-Хаз, воздействуя на дорожную магистраль Кабул-Чарикар-Саланг. Уездный центр Дехсабзи-Хаз контролировал полевой командир Моулави Сидикулло, относившийся к религиозным фанатикам «Движения исламской революции Афганистана» (ДИРА). Объединенным формированием противника руководил исламский комитет лидеров душманского сопротивления под руководством Суфи Расула. Это были силы исламского движения Афганистана, в составе которого находилось множество выходцев из арабских государств и стран Ближнего Востока, имевших серьезный опыт боевых действий.

Начальником штаба была поставлена задача командирам парашютно-десантных подразделений, приданной артиллерии, отряду обеспечения движения. На первом этапе операции разведывательной роте полка отводилась роль боевого разведывательного дозора. Мне необходимо было разведать маршрут движения группировки и прикрыть ее от возможного нападения противника до выхода в район боевых действий. В дальнейшем — выдвинуться в район Карабаги-Калан — Даузай с

целью захвата склада с оружием. На окраине Калакана нашу колонну должна была встретить оперативная группа ХАД, в которой из числа местных жителей находился источник информации. Он (источник) придавался мне для вывода роты к месту складирования оружия и боеприпасов. Необходимо было на месте организовать взаимодействие со службой безопасности Афганистана по уничтожению склада с оружием. Мы могли рассчитывать на посильную помощь подразделения ХАД.

Глава 30

По замыслу второго этапа операции предполагалось при выходе в район Саузсанг двумя разведывательными группами на боевых машинах сделать рывок в направлении кишлака Даузай и сходу захватить склад с оружием. Майор Чиндаров уточнил радиоданные, схему связи и взаимодействие с авиацией. Начало движения колонны было назначено на 4.00 утра следующего дня.

Вместе с группой офицеров я вышел из палатки штаба полка.

— Ну что, Миша, по сто грамм — и на войну?

Командир ремонтной роты капитан Дьяченко не медлил с ответом.

— А что? Пойдем ко мне, колонна из Союза пришла…

— П-о-онял! Идем!

Повернули к палаткам ремонтной роты, расположенным встык с полковой разведкой.

— Что мне больше всего нравится в постановке задачи, так это драматургическая часть.

— О да! Но подустал Алексеич! Куража не было!

— Зато образ не потерял!

— Ну да!

Мы засмеялись с Михаилом, вспомнив багровое лицо Чиндарова со светлыми на выкате глазами.

— Козлов, техника к выходу готова? — передразнил Дьяченко начальника штаба «чиндаровским» голосом с хрипотцой.

Подошли к палатке командира ремонтной роты. Миша распорядился принести сухой паек. Расположившись, быстренько открыли баночку с тушенкой. Хозяин подразделения достал бутылку настоящей водки. Я глазам не поверил, вспомнив шароп на заставе Александра, спирт Лехи Злобина с «лысого».

— За все доброе!

— Быть бы живу!

— Быть, Валерик!

Опрокинув полкружки «божественного» напитка, я едва не сплюнул содержимое.

— Что за хреновина, Миша? Это же бензин!

Дьяченко спокойно закусывал выпитый коктейль из водки и бензина.

— Так водку в бензине и везли сюда.

— В топливных баках, что ли?

— Конечно. На границе пограничный контроль, вот и приспособились, — прожевав, успокоил Михаил. — Да не волнуйся, бензина в водке нет, просто воняет.

— Ни х…я себе — воняет! Сдохнуть можно!

Прислушался к себе. Нет, больше не пойдет, лучше афганский шароп с ацетоном.

— Не наливай, Миша! Нет! Нет!

— Во мнительный, ё… — будь проще.

— Да куда уж проще, едва не вырвало.

— Как хочешь, а я «соточку» приму.

— Я воздержусь, Миш, ну ее на хрен!

Дьяченко не убедил меня в том, что бензин во время транспортировки в топливном баке в водку не попадает. Такое было впечатление, что водка была разбавлена бензином.

— Вернемся с войны, Миша, сходим в гости к друзьям — летчикам. Угостимся спиртиком, пообщаемся, да и то — две недели не виделись.

— Заметано, но я все-таки приму.

— Э, ты смотри, Миш, в четыре — выход, тебе в замыкании достанется. Район я знаю хорошо, там просто не будет.

— Добро, Валер, оставим на потом.

И разошлись. Михаилу надо было формировать техническое замыкание, которое он возглавит на марше в район боевых действий. Мне же необходимо было принять решение по назначению взвода, силами которого будет прикрыт отряд обеспечения движения, и подумать над захватом склада с оружием. Сведения о противнике, объекте захвата были приблизительными, но сомневаться не приходилось: противник панджшерский очень опасен.

— Рота, смирно, — подал команду дневальный.

— Вольно. Заместителей ко мне, Савенков.

— Есть, товарищ старший лейтенант.

Через пару минут Платонов с Кожевниковым вошли в закуток командирской палатки.

— Присаживайтесь, господа офицеры, чувствуйте себя как дома.

Несколькими фразами изложил заместителям задачу подразделения, ввел в тактическую обстановку. Освоившись с задачей, они думали над предложениями.

— Какие мысли по обеспечению колонны на марше? Кого задействуем?

Евгений с Владимиром переглянулись, понимая, что речь идет не столько о взводе, сколько о командире, за которого, если поручить прикрытие «ниточки» при выходе в район боевых действий, стыдно не будет. Прикрытие отряда обеспечения — задача, пожалуй, не легче, чем поиск и захват склада с оружием, наверняка, охраняемого «духами», способными к активному

сопротивлению. Здесь нужен офицер-боевик — резкий, решительный, даже дерзкий. Склад с оружием — основная задача, где бой неизбежен, и командир взвода должен выполнить приказ без потерь личного состава. Значит, выбор командира должен быть с учетом подготовки и многих других составляющих. Кроме этого, я советовался с заместителями еще и потому, что они знали личный состав гораздо лучше меня. Что такое две недели с момента принятия командования разведывательной роты? Мнение заместителей было важным элементом в принятии мною решения на захват.

— Думаю, Валерий Григорьевич, обеспечение поручить Петренко, — убежденно ответил Платонов. Кожевников, помолчав, наклонился к столу.

— Прикурю, командир?

— Давай, Владимир Петрович.

Заместитель по связи, откинувшись на полу палатки, пустил дымок отнюдь не «Примы». «Фарцует» Петрович!

— Почему Петренко, Евгений Анатольевич?

В мыслях у меня кое-что мелькнуло, но я виду не подал, продолжая размышлять, — Ивашко молодой офицер, пусть обкатается в обеспечении, войны ему хватит, а Петренко — самый опытный в роте.

— Так будет лучше, — упрямо ответил заместитель.

Перейти на откровенный язык общения с командиром Платонов не желал. Ладно. Пойдем с другого конца.

— Хорошо, Евгений Анатольевич! Я вместе с Петренко учился в училище, но это ровным счетом ничего не значит и пусть тебя не напрягает. Должен заметить, что я познакомился с ним в день принятия роты, то есть две недели назад. Раньше мы с ним знакомы не были, поэтому предлагаю понять одну важную вещь: каждый этап операции сложен по-своему. Мне важно определить место каждого из нас, я имею в виду офицеров, в задаче. Поэтому ничего удивительного нет, если я спрашиваю: почему обеспечение поручить Петренко, а не Ивашко, к примеру?

— Слушаю, Евгений Анатольевич.

— Считаю, что первый этап задачи необходимо поручить Петренко.

«Да, парень, упрямства тебе не занимать, — подумал я, — а раскрываться не хочешь». Пойдем с другой стороны.

— Твои предложения, Петрович?

Кожевников, не торопясь, загасил сигарету.

— Платонов предлагает Петренко. Пусть будет он, а то намудрит что-нибудь со складом.

Уже результат. Заместители, оказывается, не доверяют

Петренко. Почему? Если природное упрямство Платонова не удалось направить в нужное русло, то Кожевников, в общем-то, приоткрыл завесу отношений — не уважают моего однокашника, но и открыто говорить не торопятся. Разберемся.

— Ну, Петренко, так Петренко, — как само собой разумеющееся ответил я, — Ивашко с Ворониным будут работать со мной по складу.

— А я, Валерий Григорьевич?

— Остаешься в лагере за меня, Евгений Анатольевич. С тобой будут трое больных, совершенствуй с ними материальную базу. Ты же планировал в расписании занятий создание материальной базы. Вот и займешься этим вопросом.

— Так в роте остается старшина.

— У него свои задачи, к тому же недостача по курткам. Пропиты? Проданы? Будет разбираться.

— Да…

— Я шучу, — прервал я Платонова, — остаешься на базе!

Упрямство характера — недостаток и с настойчивостью не имеет ничего общего. Блеснувшие глаза заместителя подтвердили избитую истину, но приказ есть приказ.

— Владимир Петрович, разберись со средствами связи, схемой, радиоданными.

— К работе готовы, радиотренировка проведена.

— Аккумуляторы к переносным станциям?

— В порядке, берем запасные, этого достаточно.

— Зарядное?

— Нормально.

В три часа ночи меня коснулся дневальный по роте.

— Товарищ старший лейтенант, время.

Вскочив от неожиданности, я схватил лежавшую под кроватью «разгрузку». Тьфу! «Рубанулся» под самое утро — не помню.

— Встаю, Плетнев.

Несколько раз взмахнул руками — бр-р. Ночная прохлада свежа. Несколько приседаний и бегом умываться. Помылся, побрился, личные принадлежности в РД — пора будить командиров.

— Курилов, офицерам подъем!

Дежурный по роте выскочил из палатки. Подошел Савельев.

— Здравия желаю, товарищ старший лейтенант.

— Здравствуй, старшина. Как у нас?

— В порядке. Бойцов проверил. Все есть: подшивочный материал, мыло, отвар во фляжках, вода в емкостях на броне.

— Хлорку сыпал?

— По расчету.

— Добро. Решай, что планировали и — вон видишь? Подработай полы палаток — обветшали. По мишеням уточни у Платонова, он едет со мной. Разберись с имуществом, десантными куртками, за тобой еще числится 36 штук. Разберись с «вещевиками». Понял?

— Так точно, сделаем.

Савельев — толковый старшина, но вынужден был возиться с «десантурой», которую на него еще в Боровухе «повесила» вещевая служба. При инвентаризации мною имущества это «вылезло» наружу. Ладно, с куртками решит вопрос старшина. Завершу воспитательный момент с заместителем.

— Плетнев, замкомроты ко мне.

Подошел Платонов — в полевой форме, портупее, то есть оставался в лагере.

— Доброе утро, Валерий Григорьевич.

— Привет, как настроение?

— Нормальное.

— Вот и отлично! Обстановка изменилась, Евгений Анатольевич, одевайся и со мной на войну. Возьми механиков и после столовой на технику.

Неожиданное решение! Заместитель кинулся собирать свои вещи. Все! В боевом отношении готовы!

— Рота, подъем! — Раздался голос Курилова.

Его тоже беру на боевые. Энергичному сержанту место в бою, вместе с подчиненными. Сложившийся в голове план операции, скорее, сценарий был разложен мной по ролям: командирам групп, сержантам. У каждого была своя задача — в рамках единого целого.

Управление разведгруппами, взаимодействие между ними и штабом группировки будет за мной на всем этапе операции, в том числе при захвате склада с оружием. Группы будут действовать в автономном режиме и, безусловно, под огневым воздействием противника. Контакт с ним носит динамичный характер, обстановка меняется не всегда так, как бы этого хотелось нам — командирам. Значит, работаем на упреждение! Плохо, что я мало знал боевые качества командиров взводов, сержантского состава, это вынуждало порой дублировать, уточнять команды, проверять их исполнение. Полковая система не позволяла «шлифануть» боевую слаженность групп, оценить их реальные возможности, посмотреть командиров. Разбираться придется в бою.

У штаба полка послышался матерный рык. Командира полка включался в работу. И я посвежел! За три недели пребывания в полку нормального Семкина видеть еще не приходилось. Но

запущенный механизм боевой операции набирал обороты: личный состав завтракал, наполнял котелки отваром верблюжьей колючки и чаем. Механики-водители со старшими техниками рот убывали в парк готовиться к маршу.

Тем не менее визуальная разведка противника не дремала. Скрыть от внимания «духов» подготовку к боевым действиям сотен единиц техники невозможно. Бачата, мужчины — якобы просто зеваки — свободно перемещались вдоль периметра лагеря, видели работу экипажей, загрузку боеприпасов, имущества. Выход техники из парков боевых машин фиксировался «духовской» разведкой и она сопровождала рейдовую группу на марше до втягивания ее в район операции. Противник передавал нашу «ниточку» от одной группировки к другой или от границы одного участка маршрута до следующего системой сигналов или по средствам связи. Зона наших интересов вычислялась несложными умозаключениями душманов со всеми вытекающими последствиями: они минировали подъездные пути, делали завалы, выставляли засады, атаковали колонну.

Первыми нас встречали мелкие заслоны «духов» в 10–15 человек, имевшие на вооружении стрелковое оружие, гранатометы, мины, которые они устанавливали в проклятой нами пыли перед носом машин. Таким образом, задолго до начала боевых действий замысел операции противнику был ясен — вычислить район блокирования войсковой группировкой «шурави» не представляло труда. Проводить операцию, в принципе, уже не имело смысла, потому что противник принимал встречные меры с перехватом инициативы, выбором тактики борьбы, связыванием боем, установкой минных полей или уходом в другой район.

Мелкими группами противник отвлекал внимание от более крупных сил, совершавших маневр, а потом неожиданно атаковал во фланги и тыл. Мог и этого не делать. Терпения у душманов хватало надолго! Тактика их воздействия на рейдовые группировки «шурави» заключалась в изматывании ресурсного потенциала и нанесении точечных ударов в разных местах и с нескольких направлений. В любом случае противник отслеживал передвижения войск, наши маневры, перегруппировку техники, тяжелого вооружения, изменения хода операций. Пользуясь беспечностью и ротозейством, находил слабые места и наносил по ним смертельные удары.

Взвод Петренко — боевой разведывательный дозор. Он следовал впереди рейдовой колонны с задачей разведки маршрута. Двумя другими взводами разведывательной роты я замыкал отряд обеспечения движения. За мной на расстоянии

нескольких километров шли главные силы группировки. Вместе со мной находились Кожевников и Платонов. Владимир находился в моей командирской машине, поддерживая связь с командиром полка. Евгений был в последней БМД ООД, контролируя колонну на марше.

Колонна выходила на магистраль Кабул — Чарикар по избитому маршруту: базовый лагерь — Гайбибаба — Каламурадбек — в обход столицы Афганистана по северо-восточной и северной ее окраине. Этот кусочек Кабульской долины изобиловал множеством дорог, в которых легко заблудиться. Ориентиром служила горная гряда, получившая начало, не поверите — у Черной горы и тянувшаяся от Баграмской дороги слева до кишлака Каламурадбек, что севернее Кабула километров десять.

Чтобы не задохнуться от пыли я обмотал полотенцем лицо, надел шлемофон и удобно устроился на привычном месте наводчика-оператора.

— «21», я «Астра-17», прием.

— «21» на приеме, — ответил Петренко.

— Вышел нормально?

— Следую по задаче.

— Скорость 15.

— Понял.

Сергей Петренко «вытягивал» отряд обеспечения на маршрут рейдовой группы. Нормально. Разобравшись с инженерной техникой, идущей за дозором, я пристроился за ней, следуя в колонне отряда обеспечения.

— «Замок-13», прием.

— На приеме.

— Не теряй «ниточку».

— Понял, «17».

Платонов держал на контроле подразделения головной походной заставы (ГПЗ), идущие впереди его БМД и следовавшую за ним основную колонну. Все в порядке. Разберемся с ООД. Впереди моей машины шел большой артиллерийский тягач (БАТ), выбрасывая через выхлопные эжекторы отработанную солярку и пыль, от которой дальше своего носа я ничего не видел.

— «Отпусти» подальше инженерную машину, — скомандовал по ТПУ механику.

Наконец колонна в движении приняла такое положение, что боковым ветром пыль сносилась в сторону, стало легче дышать, в свете фар появились участки местности. «Схватил» конфигурацию гребня хребта, затем карты, сличил расположение вершин — совпадает. Есть! Справа перевал Хазарайи-Багаль, дальше —

кишлак с одноименным названием, от которого до магистральной дороги Кабул — Баграм не более трех километров.

— «21», скорость 30.

— Понял.

Петренко двигался уверенно, пыль не мешала ему отслеживать маршрут, но мы, следуя за ним, дальше света включенных фар ничего не видели. «Духовские» минеры подбрасывали мины в колею за несколько метров до движущейся машины. Экипаж в темноте и поднятой пыли не увидит душманского броска — резкий хлопок взрыва взметнется в небо черным огарком свечи.

Метавшиеся в пыльной завесе лучи направленных фар жуткой брони грохотом двигателей пробуждали от сна кишлаки. До утреннего намаза было чуть более часа, но правоверным мусульманам уже не до сна — тревожно в их кишлаках, «шурави» пошли на войну. Едва первые лучики солнца коснутся разбуженных гор, над колонной помчатся «горбатые», прикрывая нас на опасных участках.

Задумавшись, я не заметил, как «пропустил» кусочек маршрута. Где мы? Схватив взглядом вершины хребта, уткнулся в карту: прошли Хайрхана-Шимали, пригород Кабула Хиссаи-Аваль и вот-вот выйдем на дорогу в Баграм. По ней через Мирбачакот на Калакан, и перед нами справа откроется район боевых действий. Он был ограничен территорией, похожей на усеченную пирамиду: на юго-востоке — кишлаком Зимма, на востоке — Асхаран, западе — Калакан и юго-западе — Мирбачакот. Местность изобиловала холмами, виноградниками с системой орошения полей: арыками, кяризами и мелкой сетью тропинок, соединивших дехкан с уездным центром.

Первый этап Петренко провел молодцом: уверенно вышел на трассу, снизил скорость, чтобы не оторваться от общей колонны.

— «21», скорость 15.

— Принял.

Коротко, четко, лаконично. Почему его в роте не любят? Грамотный, тактичный и начитанный парень… вернемся, надо будет разобраться.

— Командир, — Кожевников был на ТПУ, — «полкан» на связи, ответь.

И переключил меня на частоту командира полка.

— «Факел-10», я «Астра-17», прием.

— Почему не доложил о прохождении исходного пункта?

Во, настоящий «полководец»! Как на полигоне! Но режим радиомолчания на марше — святое! Как все это Семкину объяснить?

— Соблюдение режима связи.

— Какой режим, мать-перемать? Докладывать о прохождении населенных пунктов.

— В открытом эфире?

— ?..

Создалось впечатление, что командир полка вел группировку не на боевые действия, где нас, скорее всего, ожидали, а на 500-километровый марш молодых водителей. Но в армии приказы выполняются! Координаты населенных пунктов я ему, конечно, дам, но по кодировочной сетке карты, а фразы — по переговорной таблице. Пусть разбирается. Минут через тридцать — кишлак Хаджилайк, докладываю:

— «Факел-10», я «Астра-17» — «241», «675», «312», «874», «52» и «34», прием.

В эфире тишина:

— «17», что это за х…ню передал?

— Координаты головы «ниточки» ООД.

— Докладывай по-русски.

— ?..

Пришла моя очередь «шкалиться» — как ответить по-русски? В принципе, я знал два-три способа, но этого не скажешь ни в лицо командиру полка, ни в эфир. Ладно, не требует и то хорошо. Слышу смех Кожевникова по внутреннему устройству.

— Ну что, пообщался с «полканом»?

— Сполна, Петрович! Так мы с тобой довоюемся, что «духи» за своих примут.

Заместитель по связи уматывался от смеха.

— Не бери в голову, он говорит с батальоном, если что — соединю.

— Хорошо.

Вот так броневая армада «шурави» с грохотом и лязгом гусениц шла на уничтожение противников Саурской революции. Мы входили в знакомый до боли еще с осени 1980 года район Исталиф, где проводилась крупная боевая операция по уничтожению душманского формирования, контролировавшего дорогу на Баграм. Именно здесь, командуя группой дивизионных разведчиков, на западной окраине кишлака Заргаран я провел захват исламского комитета. Здесь несколько дней шли упорные бои в кишлачной и зеленой зоне по уничтожению противника. Было уничтожено и захвачено в плен большое количество «духов», проведена «зачистка» местности с изъятием оружия, боеприпасов. Но через полгода горный Пагман стал пристанищем еще более крупного душманского формирования, усилившего позиции на северо-западе провинции Кабул и в восточном Парване. С

соблюдением мер предосторожности сюда прибывали отряды Ахмад Шах Масуда — полевой командир стягивал силы к Кабулу тихо, незаметно. Перемирие закончилось ничем — боевые действия советских войск с его моджахедами возобновились в полную силу.

Щелкнувшая в наушниках тангента вернула к действительности.

— Командир, «полкан» на связи.

Хриплый голос Кожевникова напряг.

— «Факел-10», я «Астра-17», прием.

— Где находишься, 17-й?

Взгляд направо, на горы и карту.

— «Факел-10», «718», 584», «454», «125», «58» и «36», прием.

В наушниках тишина — переваривал информацию. Хотя показалось, что со мной говорил не командир полка, а кто-то из его связистов.

— Понял, прием.

Конечно, в эфире связист. Одним словом «понял» Семкин бы не выразил мысль.

Пора собраться. До рубежа встречи с оперативным группой ХАД оставалось не более 8 километров. Прошли кишлачный массив Рузар, Дакой, втянулись в уездный центр Мирбачакот.

Пришедший на афганскую землю рассвет поднял толпы народа, сновавшего меж торговых рядов и лавок, приютившихся у обочин дороги. Яркой пестротой бурлила жизнь в большом кишлаке, стайки чумазых бачат таращили глазенки на «шурави». Глотая дорожную пыль, мы пронеслись, оставляя в тылу недобрые взгляды людей в широченных одеждах. Включился в эфир:

— «13», «ниточку» наблюдаешь?

— Да, в порядке.

Колонна двигалась со скоростью 30 километров в час — достаточной, чтобы не растянуться на марше и быть маневренной в случае обстрела. Неожиданно со свистящим звоном пронеслись вдоль колонны «двадцать четвертые». Невольно вжал голову в плечи. Пришедшее сопровождение с воздуха, прикроет подразделения при выходе на рубежи охвата кишлачной зоны. Впереди показались до десятка стареньких, заезженных и покрытых пылью БТР-70. На броне сверху разместилось человек 50 личного состава в зеленой форме афганской армии, гражданской одежде с автоматами — оперативно-мобильная группа ХАД. Среди афганцев я различил несколько офицеров, один из них был славянской внешности — мушавер. Остановив БМД у обочины, я подошел к хадовцам.

— Старший лейтенант Марченко, командир

разведывательной роты.

— Майор Самсонов — советник ХАД от госбезопасности.

— Очень приятно. Суть информации, товарищ майор?

— Вам поручена операция по захвату склада с оружием?

— Да.

— Капитан Рахман — знакомьтесь, доведет обстановку, в которой вам следует разобраться. Он со своими людьми поможет.

Стоявший рядом улыбчивый афганский офицер с широченными усами на свободном русском языке пояснил:

— Кишлак Шейху носит дурную славу, рафик. Мы располагаем информацией нашего товарища, что в нем в бывшем здании школы находится склад с оружием. Своими силами мы не можем провести операцию, потому что ставим под удар нашего человека из числа жителей кишлака. Враги революции догадаются, что на оружие навел кто-то из местных. Последует расплата, месть, кишлак сожгут вместе с населением: боевики Суфи Расула не церемонятся — у него наемники из Саудовской Аравии. Мы попросили советских товарищей помочь нам в этом деликатном вопросе.

Закончив говорить, афганский офицер, выжидательно смотрел мне прямо в глаза. Вступивший в разговор советник уточнил:

— У меня к вам просьба: мероприятие проведите таким образом, чтобы у местного населения сложилось впечатление, что выход на склад с оружием оказался случайным.

— Место склада предположительно или все же имеет «привязку» к школе?

— Да, товарищ старший лейтенант, школа. Так информирует источник.

— Вы мне его дадите?

— Конечно, рафик, — вмешался «хадовец», — вы его только не показывайте людям.

— Я понял вас.

Офицер ХАД распорядился. Через минуту к нам подошел лет пятнадцати мальчишка и заговорил с «хадовцем». Тот кивнул головой.

— Рафик, вот товарищ Арифхан, он покажет склад.

Худющий паренек спокойно смотрел на меня.

— Не беспокойтесь, — афганский офицер улыбнулся, — товарищ Арифхан воевал с душманами, у него большой опыт.

Добавить мне было нечего, но я все же юноше задал вопрос:

— В кишлаке много жителей?

Афганец перевел, мальчишка сказал несколько фраз.

— Около ста человек в кишлаке, остальные в горы ушли.

— Когда?

— Еще позавчера.

— Как ушли?

— Боятся «шурави».

— Откуда жители узнали о нашем приходе?

Впрочем, о чем я спрашиваю офицера афганской службы безопасности? Не переставая улыбаться, «хадовец» пожал плечами.

— Командир, Платонов докладывает, что «ниточка» уже на подходе, пора трогать, — крикнул Кожевников из люка боевой машины.

Надо торопиться, чтобы не выпасть из общей задачи.

— Петрович — Ивашко и Воронина ко мне.

Уточню взаимодействие с оперативной группой ХАД, чтобы четко понимать: насколько можно рассчитывать в поддержке местной «бяспеки».

— Товарищ майор, ХАД будет работать по кишлаку?

Советник не замедлил с ответом.

— Да, конечно! Но после вас. Среди дехкан много осведомителей Суфи Расула, пусть думают, что ХАД прибыл по вашему вызову.

— Понятно.

— Вот частота и позывные нашей группы.

— Хорошо.

Пожав руки, афганцы с советником пошли к своему БТР, Арифхан остался со мной.

— Петрович, вот данные — настрой «123» на «зеленых».

Подбежали командиры взводов.

— До объекта 6 километров. В задаче ничего не меняем. БМД за моей машиной идут след в след. «Духи» о нашем прибытии знают, на дорогах мины. Вопросы? Нет? Тогда вперед.

Махнул рукой Арифхану следовать в машину.

— Петрович, дай командира полка.

— Даю.

— «Факел-10», я «Астра-17», прием.

Через несколько секунд:

— Я «Факел-10».

Связист, не командир полка.

— «Зеленых» встретил, работаю по задаче, прием.

Тишина, затем щелкнула тангента.

— У тебя все в порядке?

«Отец родной».

— Выхожу на объект.

— Будь на связи, доклад по времени исполнения.

— «17» понял.

Хорошо, что вопросов было немного — приступаем к делу.

— Петрович, подай-ка для бачонка мою куртку с шлемофоном.

Своим полотенцем я замотал лицо пацана, сверху на голову надел шлемофон, десантуру. Теперь Арифхана мать родная не узнает. Показал ему место на тенте машины рядом со мной, между Грезиным и Плетневым. От моих разведчиков парень не отличался. Расположившись на башне, я нажал на тангенту.

— Всем «222» — вперед!

Глава 31

Остаток Баграмской дороги прошли спокойно. Вот и Калакан — поворот к объекту захвата. Дальше отряд обеспечения движения Петренко поведет через Карабаги-Калан, где основные силы группировки совершат маневр с охватом кишлаков Бали-Алам, Карабагкарез, Даузай до гряды Чашмайи-Харути, входившей в горный хребет Хингиль с вершинами свыше 3000 метров. Это оплот душманских отрядов, построивших в горах несколько баз. Не доезжая грунтовой дороги метров пятнадцать (съезды минировались противником), я повернул направо.

— Черняков, обороты!

К объекту захвата проскочим на максимальной скорости. Береженого бог бережет! «Духи» осведомлены об операции русской группировки, поэтому большую часть населения они убрали в горы. Меньшая, разбившись на группы, сторожит наши колонны в таких вот суженных местах. Речонка, развалины пока не мешали на приличной скорости сокращать расстояние до рубежа, где рота разделится на три самостоятельные группы и выйдет к восточной окраине кишлака.

Боец Саурской революции, вцепившись ручонками за ремень крепления тента, вжал голову в плечи. Тем не менее, встретившись со мной взглядом, он утвердительно кивнул головой — идем верным маршрутом. Кишлак Шейху наша цель, с которой мы должны сблизиться в максимально короткое время, путь этот надо пройти рывком, чтобы не попасть под прицельный огонь «духовской» засады, если таковая все-таки есть. Мощная стена пыли, вылетавшая из-под гусениц, подняла завесу, причем действительно закрывая нас с северного направления, куда ее относило ветром.

— Черняков, правее.

Открытый участок дороги по суженому хребтами плато заканчивался развалинами кишлака Занабад, дальше — мелкое русло реки, которое проскочим левее брода, чтобы не нарваться на мину или фугас, установленный предупрежденными об операции «духами». Пыль сносило на речку. Попадая в турбулентность воздушного потока, ее растянуло на сотни метров, и она закрыла колонну от опасного нам северного склона гряды.

До кишлака оставалось около полутора километров. По сигналу «777» разведвзвод Ивашко уйдет влево, охватывая его с северной окраины, взвод Воронина — с юго-западной, от речки. Разведчикам Сергея после спешивания будет неудобно

выдвигаться к объекту по склону вверх. «Тягунчик» небольшой, но преимущество по высоте остается за противником, который может ее использовать чисто тактически. «Поэтому лучшим решением, — прикидывал я на ходу, — поддержать Воронина огнем своей БМД на подъеме и прикрыть его от горушки, что правее объекта — хорошее место засады.

Подлетая на ухабах, БМД неслась по выжженным солнцем сухим комочкам верблюжьей колючки. «Спокойно, еще чуть-чуть, еще!», — твердил я про себя. Нервы были не железными!

— Убери скорость, Черняков.

Обрыв, дувал — расшибемся! Слетит «гусянка» — «духи» нам не позавидуют. С приближением кишлака возникла опасность появления мелких групп противника и даже не столько это. Мы неслись вдоль проезжей части дороги, не выезжая на нее, но, хотел я того или нет, на обочинах появились выложенные из камня стенки, фрагменты дувалов. Надо было выезжать на «грунтовку», ведущую в кишлак.

По мере сближения с объектом захвата и возможным его прикрытием живой силой противника, я исходил из того, что «духам» было известно о начавшейся против них боевой операции. И все же детали ее проведения, думаю, до них не дошли. Оценивая противника, я больше всего беспокоился о минной обстановке на подступах к объекту: заминированы ли подъездные пути к кишлаку, успеем ли мы от трассы выскочить быстрее к кишлаку, чем душманы проведут системное минирование? Вот и гнал я броню на максимальной скорости, чтобы упредить превентивные мероприятия противника по оказанию нам организованного сопротивления. Успеем вскочить в кишлак с трех направлений, замыкая атаку у школы — отлично сработали, нет — нам может не поздоровиться.

— Арифхан! Хуб?

— Хуб, хуб, рафик!

Уверенно закивал паренек, подтверждая правильное движение разведки полка к обозначенной цели. Другое дело: успели «духи» или нет понатолкать своих мин в пылищу, когда выяснили, что кишлак Шейху также оказался предметом интереса «шурави» и к нему стремится их подразделение? Залететь на окраину кишлака и закрепиться в ней — дело нашей чести, но не дальше, потому что лезть на броне в жилую зону — смерти подобно: сожгут из гранатометов, сделают завал, замкнут меж дувалами и уничтожат. Впереди разбитые дувалы, развалины, виноградник и сады абрикосов.

— Выходим к объекту, Петрович, «809-ю» — к работе!

— Понял! «Вертушки» над «ниточкой», — крикнул по

внутренней связи Кожевников.

— Добро!

Приближался кишлак, в который, скорее всего, придется «нырнуть», но к восточной его окраине — цели атаки выскочим через ивняк у дороги. Обернулся к пацану — и вовремя, проводник показывал прямо. Внимание! Не «блуданути» бы на развилке дорог, где верный тупик, расстреляют в упор.

— Наблюдать! Черняков — дувал!

Глаза афганского парня были сумасшедшими. Волнуется, что ли? Разобрать не успел — «молоточным» боем долбануло в броню. Стреляют!

— Грезин, по ивняку — огонь!

Скользнул вниз, башню — вправо. «Чесанул» из спаренного пулемета ивняк, горушку. Открытым текстом в эфир:

— Внимание всем! Противник справа — огонь на упреждение по выхлопу пороховых газов!

Пыльная завеса частично скрывала машины, и «духам» сложнее было вести прицельный огонь, но дорога определенно поворачивала в кишлак. Этого еще не хватало!

— Черняков — скорость!

Длинной очередью «прошелся» над кромкой соседнего дувала, где еще вился дымок пороховых газов. Били отсюда, но, скорее всего, «духи» сменили позицию, отошли по садам выше и дальше — в кишлак. Прижавшиеся к броне разведчики из автоматов валили прибрежный «ивняк», часть абрикосовых деревьев, но так — для острастки, противника не было видно.

— Петрович, координаты «вертушкам»: «84», «38» и «6», ориентир — пыль от «коробочек». Цель обозначу трассерами и ракетами красного цвета.

— Понял, передаю.

— Внимание «22» и «23»: «777», «777»! Как поняли?

Ивашко и Воронин доложили о выходе к объекту по своим направлениям. Повернулся к парнишке, показавшему рукой — вперед. Нас обстреляли — кишлак вражеский, без прелюдий — в атаку.

— «23», обходи слева, объект перед тобой! Внимание на рощицу.

— Понял, «17».

Воронин на трех БМД пролетел к обратной окраине кишлака, до которой было метров четыреста кишлачных строений. «Двадцать четвертые» прошлись над нами и, словно зависнув в мареве наступившего утра, развернулись назад. Молодцы — среагировали быстро.

— Володя, команду «вертушкам» — взять под контроль

восточную окраину кишлака. Подходим!

— Понял, ответь «полкану».

— «Факел-10», я «Астра-17», прием.

— Что у тебя? Почему не докладываешь?

— Обстрелян с направления 75 градусов, потерь не имею, выхожу на объект.

— Зачем вызвал «вертушки»?

— Прикроют захват, в кишлаке «духи».

— Почему не доложил решение?

Бля, сколько еще будет вопросов? Впереди ухнуло, звонкий выстрел орудия, пулеметные очереди.

— «10», контакт с противником, доложу позднее.

В прицеле орудия дувалы, сады, уходившие «духи». Сколько их? Пятеро?

— Петрович, ротную сеть! «23», обстановка?

— С окраины огонь, отработал осколочной и пулеметами.

— Не стоять на месте! Двигайся!

— Понял.

Скосил глаз на проводника, парень не менее уверенно показывал — только вперед.

— Черняков, за Ворониным.

Похоже, Сергея обработало прикрытие склада. Реакция бачонка не вызывала сомнений — мы на подходе к объекту. Впереди стрельба. Воронин зачищал рубеж спешивания разведчиков. Не отвлекаю его вызовом по радиостанции — спешится, доложит. Выскочили на «грунтовку», где взвод Воронина попал под огонь. Видны были следы гусениц с выездом на обочину — механики дернулись на выстрелы справа. Попадая в броню, пули издают резкий звук, схожий с ударом молотком по корпусу машины — организм реагирует.

— «17», «духи» мелкими группами по дороге в кишлак.

— Это прикрытие. Только вперед! К объекту!

— Ясно.

Где же Ивашко? Что у него?

— «22», обстановка?

— До объекта метров 200.

— Прикрой «23». Сбивай осколочными «духов»! Сбивай с позиции! Они отойдут.

— Работаю.

Хорошо. «Вертушки» на цель!

— Петрович, «двадцать четвертые» нас видят? Н…нут, мало не покажется.

— Запрашиваю.

Выходим! Выходим!

— Бача, ну?

Проводник закивал — правильно. Отлично!

— Командир, «вертушки» нас наблюдают, просят цель.

— Будет им цель, Петрович!

Сориентировал карту. В эфире Ивашко.

— «17», «духи» на «три часа», дальше — 200, ориентир — разбитые дувалы.

— Координаты! Быстро!

Александр реагировал быстро:

— «84», «38» и «9».

— Понял, берегись «вертушек»! За броню!

— Принял.

Тангенту ТПУ:

— Петрович, «вертушкам»: «84», «38» и «9», подработаю красной ракетой.

— Внимание, «22» и «23»! «Вертушки» приступают к работе. Направление на цель — красная ракета.

— Понял!

Вертолеты шли, огибая нас, справа налево, не прижимаясь к кишлаку, где обстановка накалялась все жарче. Экипажи должны были засечь ракеты красного цвета, указывающие им направление на противника. Но «вертушки» прошли мимо без ожидаемой нами атаки. В чем дело? Не разобрались с противником?

— Петрович, что с «вертушками»?

— Запрашиваю.

Паренек энергично показывал — верно, противник! Нам туда.

— «17», я «23», прием.

— На приеме.

— Спешиваюсь. Операторы и механики прикроют на склоне.

— Понял! Спешивание по команде. Ждем атаки «вертушек»!

— Командир, «вертушки» атакуют, просили укрыться, — крикнул Кожевников через открытый люк.

— «22», «23, атака «вертушек», людей за броню!

Пара «двадцать четвертых» выходила на цель. Залп! Еще залп! Черно-огненные хвосты «нурсов» уткнулись за абрикосовой рощей, следом скрежет авиационных пушек.

— Цель! — доложил Воронин.

— Петрович, передай — нормально! Еще заход и к «ниточке».

Хищно покачивая корпусами, вертолеты опять заходили в атаку. Залпы разорвали небо. Отработав, они свалили с курса и, словно провалившись, ушли за дувалы.

— Цель!

В эфире Ивашко.

— Понял, «22», контролируй местность.

— Принял.

— «23» — к машинам! Выход прикрою!

На командирской БМД я подскочил к «коробочкам» Воронина и понял, что оставшиеся в них операторы и механики не смогут обеспечить выход разведчиков взвода — местность закрытая садом.

— «Замок», прием!

— Я «Замок».

— Нахожусь: «84», «38» и «8». С управлением прикрою «23». Всеми «коробочками» обеспечишь выход из задания. Связь по «148-й». Прием!

— Понял, «17».

— Черняков, по следу Воронина. Быстрей!

Подъехали к взводу приготовившихся к бою разведчиков.

— Сергей, бери проводника и на объект. Тыл прикрою.

— Понял.

— «Бача, буру бу хай», — махнул я Арифхану.

Паренек спрыгнул с машины. Хлопнув его по плечу, направил к Сергею.

— Буру! Парня не оставляй в тылу. Держи перед собой и не спускай с него глаз, появятся вопросы… Понял?

— Понял, Валерий Григорьевич.

— Действуй! Тыл обеспечу.

Оглядел кишлак. Старенькие глиняные постройки утопали в многоликой геометрической конфигурации рассыпавшихся от времени дувалов и садах. На верхних площадках жилых строений лепились пристройки кубической формы, висели тряпки разных цветов. Людей не видно: прятались или убежали в горы. Зеленые ветки всяких деревьев — фруктовых, ив, чинар — нависли над дорогой, поднимавшейся вглубь кишлака. Интересующая нас восточная окраина возвышалась над раскинувшейся внизу «зеленкой» у поймы реки. Школа (объект захвата) находилась именно там — в трехстах метрах наверху, куда устремились разведчики Воронина. Платонов огнем боевых машин прикроет выход Воронина к складу с оружием. Я же с разведчиками отделения управления обеспечу выход Сергея по «зеленке».

— Евгений!

Платонов спрыгнул с машины.

— Машины — в колонне! Прикрой Сергея, я обеспечу ему выход через «зеленку».

— Понял, командир.

— Не отвлекайся, Жень, от «зеленки».

— Хорошо.

Через небольшие, но частые сады Воронин вышел к объекту.

Зелень скрывала панораму объекта, поэтому риск встретиться с противником был очевидным.

— Волик, бинты, жгуты, промедол?

— На месте, товарищ старший лейтенант.

— Грезин, Петров — контроль от кишлака. Богданов, Ганюков — ваш тыл, и не отставать.

— Командир, «полкан» на связи.

— Тьфу, е… мать!

Схватил шлемофон.

— «Факел-10», я «Астра-17», прием.

— Почему обстановку не докладываешь? Что у тебя?

— «10», работаю по объекту, ситуация меняется быстро, доложу через тридцать минут.

— Будь на связи.

— Есть!

Сбил с ритма, черт бы его побрал! По «148» вышел на Ивашко.

— «22», как у тебя?

— Постреливают, а так спокойно.

— Слушай внимательно: мы с «23» выдвигаемся с направления зюйд, прикрой с норд-оста. Беспокой огоньком, отвлекай, приготовься к залпу осколочными из трех «коробочек» одновременно.

— Понял, «17».

Солнце припекало макушку. По спине стекал горько-солоноватый пот. Становилось жарко от солнца и боя. Пригнувшись, от укрытия к укрытию я передвигался с отделением управления по кускам разбитой глины.

— «17», я «23», прием.

— Я «17».

— Товарищ вывел к объекту, осталось метров семьдесят…

— Приготовься к броску. Тыл контролирую, не отвлекайся! «22» обработает с обратной стороны. Захват по команде, но быстро.

— Понял.

Наступила решающая фаза операции! Ручонки выдавали волнение. По «148-й» включился в эфир.

— «22», мы на исходном! Готов?

— В порядке.

— Слушай внимательно! Залп осколочными и огонь из всего, что стреляет в течение 20 секунд, затем — стоп, мы идем на захват. Готовность — минута. Как понял? Прием.

— Принял, работаю.

— «23», слышал эфир?

— Да. Готов.

Время отчитывало долгие 60 секунд, которые показались вечностью. Сердце стучало и рвалось наружу. Точно знаю, что лучше быть самому на острие атаки, чем посылать под огонь подчиненных. Так и хотелось рвануть по отработанной тактике дивизионных разведчиков. Сколько их было, дерзких атак? А сейчас волновался больше, чем когда сам, сжавшись пружиной, летел с разведчиками навстречу свинцу.

Нестройный залп орудий разорвал отдельные выстрелы «духов». Что началось наверху! Хлесткие очереди танковых пулеметов рванули кишлачную пыль: дым, стрельба, словно, рота пехоты штурмовала цитадель из дотов. Впечатлила огневая мощь единственного взвода на боевых машинах. Но стоп!

— «23», захват!

Рывком с земли и к мазанкам, обработанным огнем. За ними — школа. Воронин был уже там — слышны короткие очереди автоматов. Разведчики отделения управления, не отставая, бежали за мной.

— Грезин, кишлак с левой стороны.

— Контролирую, — ответил земляк из Томска.

Поднялись к постройкам — за ними стрельба. Возле стенки валялись трупы окровавленных «духов». В этой жизни они отстрелялись. Дальше еще тело душмана, залившее кровью белую пыль.

— Не оставляй раненых «духов», Волик! Петров, Богданов — сбор оружия, боеприпасов! Грезин, Ганюков, за вами тыл.

Твою мать! На стенку валится Павленко. Кровь залила голову и грудь молодого сержанта.

— Я, кажется, ранен, товарищ старший лейтенант.

— Волик, ко мне!

Санинструктор на бегу расстегнул свою сумку.

— Лежи, спокойно, лежи, сейчас…

— Кровь… товарищ старший лейтенант, голова кружится.

— Лежи, не шевелись, «таблетка» перевяжет, вколет промедол — станет лучше.

Повернув парня на спину, я подложил ему под голову свернутую в рулон плащ-палатку. Характер ранения, скорее, касательный — парень в сознании.

— Волик, промедол, повязку.

Санинструктор достал материал для обработки раны, несколько бинтов.

— Павленко, нормально. Пуля только задела, все будет в порядке!

— Петров, прикрой с Богдановым ребят. Грезин, Ганюков —

за мной.

С двумя разведчиками шмыгнул меж дувалов и вылетел на Воронина.

— Сергей, обстановка?

Лейтенант стволом автомата очертил панораму окончившегося боя. Арифхан, наш добрый помощник, с «Калашниковым» в руках подошел к лежавшему на земле «духу» и выстрелил в голову. К следующему — выстрел, еще выстрел!

— Идет по второму кругу, — объяснил командир взвода.

— Садюга! Времени мало, Сергей, проверь бойцов, Павленко ранен. Дай команду принести парня.

— Куда ранен?

— Пулевое в голову.

— Пошлю ребят.

— Арифхан, «буру», — махнул рукой увлеченному бойцу афганской революции, добивавшему поверженных врагов. Возьмет нож и не хуже баранов распотрошит соплеменников. Жестами ему показал, что надо действовать дальше. Парень кивнул, показывая, что удовлетворен работой, надо идти в помещение. Стоп! Так не пойдет.

— «22», быстро к объекту, будь внимателен — не зайди в тупик, пока работаем по изъятию — контролируешь подходы.

— Понял вас, наблюдаю, буду через пять минут, — ответил Ивашко.

— Сергей, с двумя бойцами осторожно вперед. Смотри мины, растяжки, сработают «духи» фугас — взлетим на воздух. Не торопись, работай спокойно.

— Хорошо, понял.

Неприятно идти в бесконечные лабиринты дувалов. Я понимал Воронина, но цель операции — склад с оружием. Ничего не поделаешь: парень, кажется, не обманул и вывел к нему. «Духи» держали объект под жестким огнем на трех рубежах. Оставалось обнаружить оружие, изъять и вывезти его к группировке, а пока доложу командиру полка о выполнении части задачи, не то дернет опять в ненужный момент.

— «Пион-25», я Астра-17», прием.

— На приеме, — ответил Кожевников.

— Доложи «Факелу» — первая часть задания выполнена. Сделали до десятка «духов», у нас один «300». Через пятнадцать минут эвакуирую на площадку, координаты — дополнительно! Работаю на объекте. Прием.

— Понял, передаю.

Глава 32

Воронин с разведчиками, прихватив с собой проводника, ушли вперед. Я их догнал у помещения, из которого исходил характерный кислый запах афганских жилищ. Арифхан уверенно заходил в комнаты, если так можно было называть застеленные грязными коврами глиняные убожества. В очередном помещении, куда мы осторожно заглянули, валялись разбросанные вещи, медная лампа, порванный портрет принца Дауда в генеральской форме, выполненный на мелованной бумаге. Бачонок откинул ковер, обнаружив кладку из саманных кирпичей. Под ними была деревянная крышка прямоугольной формы. Оттолкнув парня, я показал стволом автомата на обнаруженный лаз.

— Душман?

Пацан отрицательно махнул головой, показывая рукой на выход из комнаты — ушли. Черт побери! Нет даже переводчика, чтобы у ловкого помощника уточнить какие-то моменты. Сафаров с Баравковым в подобных ситуациях быстро вникали в обстановку: допрашивали, переводили, вникали в детали, чего уж скрывать — заставляли говорить. Эх!

— Всем из помещения!

Убранная крышка открыла вход в затхлое убежище. В нем было темно, ничего не видно.

— Стой, Арифхан!

Жестами показал пацаненку, мол, мина, взрыв, «бух».

— На, на! (Нет, нет!) — замахал помощник руками, опуская ноги в открытый лаз. Ну, да Аллах с тобой — лезь!

В ожидании взрыва я укрылся за коробкой двери, сделанной из толстого дерева, и вжал голову в плечи. Парень шел на верную смерть. Однако была тишина: ни взрыва, ни парня.

— Рафик.

Услышал я голос внизу. Высунулся в дверь — из отверстия лаза торчало нечто тяжелое завернутое в толстый промышленный целлофан желтоватого цвета. На затоптанном ковре развернул содержимое — новенькие АК-47 китайского производства! Хотя новенькие, пожалуй, будет с натяжкой — бывшие в употреблении, но обработанные специальным составом. Ощущался запах ацетона, лака и чего-то резкого. Три штуки в упаковке. Парень снова позвал, я принял очередную порцию содержимого, затем следующую. Стоп. Так не пойдет:

— Сергей!

Воронин с двумя разведчиками забежал в помещение.

— Принимай груз и на машины! Не разворачивай, в

упаковках удобней грузить. Я отправлю к «вертушкам» Павленко и вышлю помощь.

Выскочил наружу, где разведчики, развалившись в тенечке, обсуждали ход операции.

— Какого хрена болтаем, не ведем наблюдение? Курилов, голову оторву! Глаз не спускать с «зеленки» и поймы реки!

— Товарищ старший лейтенант, «духи» отошли к реке и скрылись в ивняке.

— Е…ть, ты видел, какие проходы они роют в земле? Нет? Вынырнут из какой-нибудь дыры и расхреначат вас вдрызг! Вы, три долб…ба — к Воронину! Лично, Курилов, лезешь в тоннель изучать «духовскую» архитектуру! Остальным — круговая оборона! К бою!

Лицо лежавшего на палатке Павленко приобретало асфальтовый оттенок, темнели губы.

— Как чувствуешь, гусар?

— Ничего, товарищ старший лейтенант, голова кружится.

— Держись, Павленко, держись, сейчас отправим!

Сержант по жизни был тихоней, а тут ранение — скисает! Надо срочно эвакуировать! Так!

— «22», подтянись к объекту и прикрой вынос «300-го» к «коробочкам».

— Принял «22».

— «Замок-13», прием.

— На приеме!

— Встречай «300-го». Одной «коробочкой» эвакуируй его в квадрат «84», «38» и «6». «Вертушки» вызывай немедленно, назад не возвращайся, прикрой нас при выходе из кишлака.

— Понял, «17».

— «Пион-25», слышал?

— Да, уточни координаты.

— «84», «38» и «6». «Факелу» — срочно нужна эвакуация на «вертушке». Доложи исполнение.

— Принял.

— Грезин, земляк, с тобой трое парней! Раненого вниз. Платонов обеспечит ваш выход из «зеленки». Пройти вам всего ничего, метров триста, но их надо пройти! На «духов» не нарвитесь!

— Есть!

— Давайте.

Четверо разведчиков, взяв за углы плащ-палатку с раненым, осторожно двинулись к броне.

— Держись, гусар, все будет хорошо!

Рукой коснулся побледневшего парня.

— Все будет хорошо! Сколько уколол, Волик?

— Два.

— Хорошо, будь рядом.

Главная задача была выполнена. Осталось вытащить из схрона оружие, загрузить его на машины и уносить ноги. «Духи» придут в себя окончательно, если уже не пришли — в покое нас не оставят. Надо выходить к группировке.

— Курилов, Комков, Бородин — за мной. Волик, не отставай.

Возвратились к Воронину. Возле него лежало более десятка упаковок с оружием.

— Грузи их на машины, Сергей. Всем брать по две штуки и бегом на площадку. Летать, братва, летать!

В хранилище угадывался шустрый афганец, тащивший наружу очередную упаковку с оружием.

— Курилов, помоги бачонку и вникни в «духовский» схрон.

— Есть.

Сержант полез в черный проем тоннеля.

— Смотри, что там осталось. Волик, лампу.

Запалил «Алладинову лампу» и опустил ее Курилову.

— Огляди подземелье и ничего не трогай.

Теперь и я разглядел подземный бункер, где складировалось оружие «духов». Двести стволов, конечно, не будет, но тридцать упаковок вытащили и до десятка стволов собрали с убитых. Несколько ящиков защитного цвета лежали по углам подземелья. Непохоже, чтобы в них хранилось оружие.

— Проводов, растяжек не видишь?

— Да вроде нет.

— Ты понимаешь, о чем говоришь? А если «вроде — да»? А ты не видишь? Смотри внимательней!

Пока Курилов осматривал бункер, парнишка вскрыл один из ящиков, в котором оказались медицинские препараты, хирургические инструменты, шприцы.

— Медсанбат. Тащи сюда, Курилов!

Сержант подтащил к лазу и подал ящик с медикаментами.

— А в тех что?

— Толовые шашки, товарищ старший лейтенант! А вот капсюли-детонаторы, провода, огнепроводный шнур — все в упаковках.

— Давай сюда.

— Товарищ старший лейтенант, а тут замаскированный ход.

— Стой! Ничего не трогать! Наверх и с собой бачонка!

Курилов вылез из бункера, вытащив за руку бойца революции.

— Проверь людей! Уходим!

Погрузка трофейного оружия заканчивалась. Воронин проверял его крепление на броне боевой машины.

— Не расслабляться! Вести наблюдение. «22», готовность к выходу! Внимание на «зеленку» у поймы реки!

Послышался стрекот вертолетов, прилетавших за раненым Павленко. Словно в подтверждение зашелестел наушник «148-й».

— «17», я «Замок», «300» на борту. Занял рубеж обеспечения выхода.

— Понял. Встречай через пятнадцать минут.

Задерживаемся! Не к добру!

— «22», выход по-другому маршруту!

— Двину по огороду.

— Внимательней — мины!

Взводу Ивашко нужно было аккуратно выбраться из глиняного лабиринта дувалов и выйти из кишлака другим маршрутом. Пока изымалось оружие, прежний маршрут, скорее всего, был заминирован. В условиях закрытой местности поставить мины «духам» не составит труда — дело пяти секунд.

— Проверь людей, Сергей, уходим к машинам!

Пробежавшись глазами по разведчикам, командир взвода уточнил им задачу.

— Волик, а это что у тебя?

Санинструктор что-то с собой прихватил.

— Да так, товарищ старший лейтенант, кое-что прихватил. Не оставлять же «духам».

— Ну-ка, ну-ка! Показывай.

Ротный «таблетка» «приконтровал» кое-что из трофейных медикаментов.

— «Дури» нету?

— Ну, что вы, товарищ старший лейтенант…

— Ты мне не делай преданные глаза — показывай!

Цветные коробочки, бинты, пузырьки.

— Увижу — голову откручу. Оставь себе и не отставай от Воронина! Гляди по сторонам.

— Есть!

Оглядывая заросли, перебежками спустились к высоким деревьям, где под руководством Платонова бронегруппа обеспечивала наш выход к дороге. Расстояние было небольшим, но очень опасным, мы пролетели его на одном дыхании.

— На машины, Сергей, следуешь за мной.

Кожевников на «коробочке» с сигаретой в зубах поглядывал на «зеленку».

— Петрович — «Факелу»: все нормально, выходим к трассе.

Заместитель по связи скрылся в люке БМД.

— Черников, запуск! Внимание к командам! И ни в коем случае не выезжай на колею — мины!

Сейчас только бы выскочить из кишлака. Рельеф не просматривался более чем на 30–40 метров, заросли садов удобны для засад и нападений. Впрочем, что я кокетничаю? Оперативное подразделение ХАД мается от безделья. Пора им включаться в работу! В схроне многое, что осталось от «духов».

— Петрович, дай мне «зеленых».

Афганская речь заполнила эфир. Работало несколько радиостанций с объемом словесного потока, будто сообщались новости за весь Афганистан.

— Бали-бали…

Щелчок в наушниках, более мощный передатчик забивал эфир.

— «Астер», «Астер», прием, — искажая мой позывной, ответила опергруппа афганской «бяспеки».

— Работу закончил, принимайте объект. Прием.

— Помощь нужна, рафик?

— Спасибо, нет, — обеспечьте выход.

— «Астер», понял вас, — ответил улыбчивый «хадовец».

«Бородатые» сориентировались в обстановке, пришли в себя и вполне могли напасть, обстрелять колонну, подготовить засаду. Не вляпаться бы к «духам» на выходе из кишлака.

— Куда прешь, Черняков? С колеи! Уходи с колеи!

Опустил кулак на шлемофон механика.

— Я тебе что сказал? На колею ни в коем случае!

Для убедительности еще разок «прошелся» по голове водителя, направившего БМД на проезжую часть дороги.

— Осторожно вдоль дувала. Не вздумай на старую колею — пускай ее между «гусянками», иначе взлетим… Ты понял меня, парень?

— Так точно!

Я оглядывал опушку абрикосовой рощи. Деревья скрыли видимость при выходе из кишлака, создавая опасность на суженных участках дороги.

— «23», строго по следу. Двоих со щупом ко мне.

Подбежавшим ко мне Куличенко и Комкову я поставил задачу на проверку маршрута до выхода из кишлака.

— Не торопитесь. Шаг за шагом. Ни на что не отвлекайтесь, если что — прикроем!

Разведчикам надо было проверить метров триста суженного участка «грунтовки», дальше мы выйдем в поле и последуем по нему к трассе. С точки зрения минной опасности кишлак был серьезной угрозой, потому что все проездные пути внутри его

были ограничены узенькими проулками. В пыли могли оказаться мина и хитро замаскированный фугас, которые сложно определить по внешним признакам, указывающим на опасность. Выход в открытое поле отодвигал опасность наезда на мину, поэтому перед Комковым и его напарником стояла задача проверки маршрута. Колонна боевых машин осторожно, след в след следовала за ними, прикрывая парней от душманской засады.

Уже была видна окраина, пыль, поднятая «бэтээрами» «хадовской» группы, подходившей к кишлаку. Опаздывающие афганцы, вероятно, полагали, что мы решили проблему обнаруженного склада, но это было не так. Вскрытый ход подземелья, возможно, был не один и имел протяженность от нескольких метров до километра и более с выходом к пойме реки. В «душманскую «архитектуру» такого порядка лучше не лезть, она предусматривала неизвлекаемость, то есть была подготовлена к взрыву. Обнаруженный склад с оружием мог служить приманкой, а может, подготовлен к взрыву на случай форс-мажорных для «духов» обстоятельств. Можно было купиться и взлететь на воздух целым подразделением. Дальше — дело «зеленых»!

— В порядке, товарищ старший лейтенант! — доложил подбежавший к машине Комков.

— Ничего не пропустили?

— Не должны! Следов от ног не видно, в данном случае их не скроешь.

— По местам! На подходе «зеленые»!

Метрах в трехстах при выезде из кишлака мы встретили афганскую мобильную группу ХАД. Соскочив на землю, я вышел навстречу к идущим ко мне офицерам.

— Как дела, рафик? Ранен советский солдат?

Скользнул по советнику взглядом и понял, что афганские товарищи проявили любопытство к нашим радиосетям.

— Да, у нас раненый. Эвакуировали. Товарищ майор, что могли в данной ситуации сделать — сделали, стволов сорок стрелкового оружия изъяли. Глубже копаться не стали, похоже, там целая галерея и взрывчатка в ящиках. У меня нет специалистов по минно-взрывному делу — не полез, да и обстановка не позволила.

— Ясно.

— Огромное спасибо товарищу Арифхану, — обратился я к командиру афганской группы ХАД, — бача молодец, работал достойно — врагов революции ненавидит. Доказал это на деле!

Офицер улыбался. Подошедший бачонок держал в руках честно заработанный в бою автомат, из которого кромсал

поверженных врагов. Трофей заработал как надо! Похлопал пацана по плечу:

— Хуб, Арифхан, хуб.

Афганский офицер перевел пацаненку — тот заулыбался.

— Передал ему ваши слова, рафик, он очень рад, что вместе с русскими товарищами воевал с врагами Саурской революции.

Советник ХАД, взяв меня за локоть, увел немного в сторону.

— Говоришь, изъяли до сорока стволов?

— Что-то около этого, товарищ майор.

— Значит, остальные эвакуировали раньше.

— Что значит — раньше?

— То и значит, что «духи» о нашей операции знали заранее, успев переправить в горы или другое место большую часть оружия.

— Да… Когда ж это закончится!.. Утечка за утечкой…

— Вот так и работаем, десантура… Ладно, давай прощаться, может, и свидимся…

Пожав мне руку, майор хлопнул меня дружески и побежал к подопечным, чтобы завершить операцию по изъятию оружия. Бронетранспортеры оперативной группы ХАД, подняв пыль, втянулись в кишлак. Видно было — непросто советнику госбезопасности работать с афганскими коллегами. Действительно, наш офицер КГБ беспокоится, переживая за исход операции, а представитель службы безопасности Афганистана ходит с лучезарной улыбкой. Ладно, пусть разбираются. Свяжусь с командиром полка и доложу ему о выходе к основной группировке. Я пошел к машине, чтобы Кожевников соединил меня с Семкиным, но не успел взяться за броню, чтобы запрыгнуть на БМД — раздался взрыв. От неожиданности присел. Оглянувшись на звук, увидел узкую струю черного дыма, поднявшуюся над въехавшей в кишлак хадовской группой.

— Командир, у «зеленых» подрыв.

— Вижу, Петрович.

— «23», прием.

— На приеме.

— На своей «коробочке» к «зеленым»! Окажи помощь.

Ну дела… Разговаривали десять минут, после чего афганцы по нашему же маршруту въехали в кишлак и вот — подрыв. Вскоре Воронин доложил:

— «17», у «зеленых» «взлетела» командирская машина. Наш советник тяжелый «300-й», у «зеленых» двое «200», в том числе старший.

— Понял! Раненых ко мне! Прихвати и «200-х», если «зеленые» не возражают.

— Сейчас разберусь.

— Не затягивай.

С обратной стороны машины я подошел к заместителю по связи.

— Володя, «Факел» на связь.

Через минуту я докладывал командиру полка:

— «Факел», я «Астра», задачу выполнил. У «зеленых» подрыв, советник — «300-й» тяжелый, двое «200», нужна срочная эвакуация. Прием.

Через несколько минут командир полка принял решение:

— Встречай «вертушки» в том же квадрате.

— «17» понял.

«В принципе, нормальный ход, — думал я про себя, — Платонов знает местность, прикроет посадку».

— «Замок», я «Астра», прием.

— На приеме.

— В том же квадрате обеспечь посадку «вертушек». Будут минут через десять.

— Принял, выполняю.

Из кишлака послышались выстрелы: одиночные, короткими очередями.

— К бою!

Упал на сиденье наводчика-оператора и сразу — в триплекс, прицел. Стрельба левее застрявшей колонны «хадовцев». «Духи»! Наших там быть не должно.

— «23», обстановка?

— С западного направления «зеленые» обработаны «духами». Через десять минут буду у вас, приготовьте встречу, «300» — очень тяжелый.

— Понял, «23».

— Волик, ты где, ё…?

— Здесь я, товарищ старший лейтенант.

— Спишь?

— Никак нет!

— Встречай раненого. На броню не лазить — «духи»!

— Есть, товарищ старший лейтенант.

На выезде из кишлака показалась пыль — возвращался Воронин.

— «23», «коробочку» ставь левее меня, прикрою корпусом.

— Я понял.

Волик за машиной разбирал медицинскую сумку.

— Не высовывайся — стреляют.

Воронин подъехал под прикрытие моей машины. Сверху на корпусе лежали тела погибших «хадовцев». Одно из них,

изуродованное взрывом, принадлежало улыбчивому командиру афганцев. В десантном люке разведчики Сергея держали на руках советника. Эх, майор, майор, только что попрощались, даже предположили возможную встречу, но чтобы так — я не думал. Тело советника было без ног, страшные раны замотаны пропитавшимся кровью тряпьем. Что может сделать санинструктор-сержант в полевых условиях? Уколоть промедол, наложить жгут на оторванные оконечности ног… Их же нет выше колен…

— Шевелись, Волик!

Худенький санинструктор вполз к раненому в отсек.

— «17», я «Замок», прием.

— На приеме.

— «Вертушки» на подходе.

— Вижу, «коробочка» выезжает. Волик, быстрей!

— Я ничего не могу сделать, товарищ старший лейтенант.

— Уколол?

— Да.

— Из машины!

— Сергей, быстрей на площадку, «вертушки» на посадке.

До нее было не более трехсот метров — две минуты езды, минут двадцать полета до аэродрома, ну, а там — медсанбат дивизии. Вытянет ли майор?

— Командир, ответь Ивашко, — крикнул Кожевников.

— «17» на приеме.

— Вышел к магистрали, все нормально. Мои действия?

— Скоро будем! Обеспечь наблюдение и не расслабляться.

— Понял.

Задача была выполнена. Теперь уж выйдем к главным силам группировки. Торопиться было некуда. Проверю людей, и подтянемся к трассе.

— Товарищ старший лейтенант.

Волик бинтом вытирал окровавленные руки.

— Ну?

— Майор, кажется, умер… Сразу вам не сказал…

Я присел на обочину в белую афганскую пыль. Вот так легко и просто судьба распоряжается жизнью людей! Ведь только что стояли рядом, беседовали и вот — пожалуйста.

— Я видел, Волик, что он не жилец.

Огромная потеря крови, травматический шок не оставляли шансов бороться за жизнь.

— Черняков.

— Я, товарищ старший лейтенант.

— Как ты думаешь, почему подорвались «зеленые»?

— Не заметили мины.

— Ну, мы-то проехали?

— Проехали.

— В чем тогда дело?

— Не знаю…

— А почему я знаю?

— Ну, может…

— Нет, Черняков и еще раз — нет. Они подорвались только потому, что у них некому было стучать по голове кулаком механику-водителю. Понял?

— По-о-нял, товарищ старший лейтенант.

— То-то. Думай всегда! От тебя зависит не только твоя жизнь, но и жизнь экипажа.

Похожий на увальня механик полез через десантный люк на рабочее место. «Вертушка» под прикрытием пары «двадцать четвертых» и Платонова пошла на взлёт. Воронин возвращался — столб пыли сносило от дороги влево, но он еще долго будет висеть над площадкой.

— По машинам.

Запустив двигатели, я повел колонну разведки «полтинника» к магистральной дороге Кабул — Баграм. По расчетному времени, подразделения группировки уже вышли на рубежи осуществления маневра по охвату кишлачной зоны.

Трудно предвидеть конечный результат операции: противник знал о ней, принял меры, изготовился к бою. В отличие от нас, «духовским» отрядам не требовалось времени на организацию боевых действий — они были к ним готовы всегда. С точки зрения тактики противника — изматывание сил «шурави» налетами, засадами давало душманам возможность реализации их замыслов. Враг не пойдет в атаку на скопление сил и техники советских войск, он это сделает тогда, когда притупится наша бдительность, наступит усталость, появятся расхлябанность. Удар будет мгновенным и точным! А сейчас «духи» сделают для нас ряд хитрых ходов: обозначат уход в горы, глубокие ущелья, создадут иллюзию отступления, частью сил станут мирными дехканами. Русские пройдутся по кишлакам огнем штурмовой авиации, зачисткой жилого массива, чем еще больше возбудят отрицательные эмоции населения. Отряды сопротивления пополнятся новыми «борцами за веру».

Глава 33

К лету 1981 года обстановка в Афганистане для советского воинского контингента с точки зрения военной составляющей изменилась в худшую сторону. Ситуация из периода в период ухудшалась, выходила из-под контроля ограниченного контингента. Не было ощущения того, что проводимые советскими войсками операции приносили существенный успех в достижении поставленных целей. Речь может идти не столько о боевых операциях частного характера, проводимых группировками войск в окрестностях Кабула, дежурными средствами, имевших системную направленность, сколько более крупных, которые утверждались в Москве.

Противник наращивал влияние на народные массы, беднейшую часть населения, проводил акции, дискредитирующие правительство и советские войска. В зонах боевых действий полевые командиры утверждали свои позиции в качестве лидеров. Они входили в состав исламских комитетов, были членами руководящих органов кишлаков, городов, уездов, провинций и играли важную роль в жизни населения подконтрольных им регионов. Афганский народ полагался на лидеров сил сопротивления, на исходившую от них поддержку нормами мусульманского образа жизни. Решения исламских комитетов были понятны абсолютному большинству простых дехкан, поэтому они тянулись к ним, рассчитывая на их реальную помощь.

В этом смысле поддержка, оказываемая населению советскими войсками методом завоза муки, продовольствия, не вызывала радости у местных жителей. Нарушался многовековой уклад мусульманского образа жизни, через который не переступала многоплеменная афганская общность. Народу нужна была помощь, но давая ее, советским товарищам необходимо было соблюдать установленные Всевышним нормы шариата. При этом для дехкан мы все равно оставались гяурами, неверными, с кем ни при каких обстоятельствах нельзя было выстраивать полноценные отношения. Это канон, и ничего с этим поделать нельзя!

Временное перемирие с Раббани, подчиненными ему полевыми командирами не отразилось положительным образом на деятельности органов власти в районах, покинутых силами сопротивления. Отдельные отряды «активистов» пытались закрепиться в них с целью проведения политики товарища Кармаля, но, опять же, не имея четкого представления о целях,

задачах, они не смогли повести за собой народ. Кстати сказать, отряды «активистов», а также органы власти на местах состояли, в основном, из представителей пуштунских племен, которые не вникали в проблемы национальных меньшинств, вызывая тем самым неприятие ими политики правительства. Национальный вопрос в Афганистане всегда имел значение в решении дел революции и признании правительства Кармаля, но на уровнях государственной власти решался небрежно.

В непосредственной близости от столицы Афганистана советские войска проводили одну за другой боевые операции — скоротечные, жесткие. Наши подразделения противник связывал боем, уходил в горы, делал вылазки, но в прямое боестолкновение не вступал.

Во второй половине апреля 1981 года поступил приказ о боевой операции, проводимой силами парашютно-десантного батальона и двух разведывательных рот в районе Дехъийхья, Бахтиаран, Тарахейль. Приказано: 80-й отдельной разведывательной роте совместно с разведывательной ротой 350-го парашютно-десантного полка провести операцию блокирования кишлаков с нанесением по противнику внезапного удара. Мне воевать в этом районе было все равно что находиться в родных местах. Я мог с закрытыми глазами провести разведчиков по всей дуге кишлачной зоны, раскинувшей дувалы с севера на восток к южной оконечности Базихейль. В течение всего 1980 года я провел с разведчиками дивизии множество операций, выходов на разведку противника в районе предстоящих боевых действий. Именно этот регион изучался мною в привязке с Черной горой, где находилось боевое охранение Александра, пещеры, занятые «духовскими» боевиками, которых выкуривали гранатами.

Близость к столице Афганистана ничуть не успокаивала. Мы знали, что противник блокировал Кабул и вышел к его окраинам. Район Тарахейль представлял собой широкий кишлачный массив, утопавший весной и летом в садах, виноградниках, а по-нашему — «зеленке». Местность была открытой, хорошо просматривалась, и внезапный подход резервов противника по линии Суруби-Баграми был маловероятным.

Для разведчиков внезапность, прозвучавшая в приказе, сочеталась с неожиданным выходом в район сосредоточения душманских отрядов и проведением быстрой атаки на боевых машинах. К этому периоду в «полтиннике» заменился начальник разведки полка. Владимир Николаевич Хапин стал заместителем начальника штаба полка, его на посту начальника разведки заменил капитан Гусев из Болградской воздушно-десантной

дивизии — человек, признаться, далекий от всего, что называется разведкой, но большой специалист в проверке журналов боевой подготовки, куда заносились из ротных расписаний непроводимые командирами занятия. Это было все равно, что назначить командира взвода помощником начальника штаба полка по планированию и десантированию (в Афганистане), подучить в академии имени Фрунзе и поставить на должность командира полка. Результат был бы один и тот же.

Боевая задача делилась на два этапа. Первый заключался в скрытном выходе к Тарахейль с одновременным его охватом с западного и восточного направлений. Второй — зачистка жилой зоны с выявлением мест хранения оружия, боеприпасов, уничтожение живой силы противника. Для усиления разведывательных подразделений выделялся взвод самоходно-артиллерийских установок СУ-85 под командованием старшего лейтенанта Михаила Попова, моего однокашника по десантному училищу. Миша — спокойный, рассудительный парень, мы хорошо знали друг друга, и мне было приятно, что нам предстояло вместе работать в очередной операции.

Моей разведывательной роте предстояло блокировать населенный пункт с восточного направления — от горного массива. Соседство было опасным в том смысле, что помощь окруженным «духам» возможна была с небезызвестного хребта Хингиль. Для этого и задействовался противотанковый резерв (так я шутя назвал взвод Миши Попова), чтобы поддержать разведчиков огнем его орудий и крупнокалиберных пулеметов в жилой зоне и воспрепятствовать подходу противника с гряды к кишлачному массиву.

— Валерий Григорьевич, рота готова, — доложил Платонов.

— Хорошо. Что у нас по плану полка, Евгений Анатольевич?

— Ничего особенного. Предлагаю пораньше отбой.

— Проинструктируй наряд и ложись, отдохни.

— Да, чуть не забыл: с нами пойдет начальник разведки полка, — Платонов пожал плечами, мол, что я сделаю?

— Ладно, Жень, разберемся, отдыхай.

На том и расстались командир с заместителем — скоро в бой.

В операции задействовалось 20 боевых машин обеих разведывательных рот, три самоходные установки СУ-85, оснащенные мощными орудиями и ДШК. Ранним утром следующего дня два разведывательных подразделения дивизии, совершив бросок в район Тарахейль, блокировали кишлак, отрезав его от горного хребта и жилой зоны Удхейль, вытянувшейся вдоль магистральной трассы Кабул — Джелалабад. Наш выход лишил возможный подход резервов противника с

восточного направления. Капкан закрылся.

— «Сосна-18», я на исходном, — доложил я начальнику разведки дивизии.

— Понял, «Астра», контролируй подходы.

Кольцо замкнулось. Кишлак был окружен по периметру. Наступил следующий этап операции, в соответствии с которым необходимо было уничтожить оказавшуюся в окружении живую силу противника. Тишина. Она вызывала во мне противоречивые чувства: и хорошо, и плохо, но было тревожно.

Бой приближался к позиции отделения управления. Воронин сопровождал огнем нехитрый «духовский» маневр, но противник выходил из боестолкновения, словно дразня нас ловким уходом с линии огня.

— Вижу, товарищ старший лейтенант.

— Хорошо, Волик.

Теперь и мне были видны мелькавшие между деревьев черно-белые одежды «духов». Человек десять — не более. Двигались они от позиции взвода Сергея, на ходу стреляя короткими очередями. «Духи» странновато поднимали над головой автоматы и били не целясь, создавая тем самым эффект интенсивной стрельбы. Передвигались быстро, расчетливо, не боясь ответного огня. Разведчики Воронина уже не видели скрывшихся из их поля зрения «духов», но те уже были за деревьями и выходили на меня. Оставалось метров семьдесят. Были хорошо различимы каменно-загорелые лица бегущих душманов.

— Одиночными — огонь.

Хлесткие выстрелы ударили по противнику. Я выбрал высокого, с длинными волосами в «нуристанке» набекрень, надеюсь, старшего. Выстрел опрокинул на землю душмана, но остальные, пригнувшись, шли на сближение. Ориентировались быстро: от дерева к дереву, от укрытия к укрытию. Встречный огонь их не смущал, они настойчиво лезли вперед. Гортанный крик, и «духи» упали на землю. Пули густо щелкнули по веткам деревьев, создавая фон сплошного «туканья».

— Герасимов, передай Ивашко — приготовиться. И убери антенну, ё…ть!

В зелени зарослей разведчики выискивали «духовские» одежды и стреляли наверняка, зная, что пуля достанет.

— Товарищ старший лейтенант, я, кажется, ранен, — крикнул, лежавший впереди разведчик.

— Иванов? Убери голову, не торчи над дувалом.

— Жжет спину, больно.

— Лежи и не шевелись! Волик, видишь Иванова?

— Да, до него метров пятнадцать.

— Внимание всем: по команде — сосредоточенный огонь по «духам». Волик, рывком к Иванову. Приготовились!

Жиденькая цепочка управленцев выбрала цель.

— Огонь!

Автоматные очереди прижали «духов» к земле. Волик шустро махнул к Иванову: маленький, порывистый, он был уже с раненым.

— Что у него?

— Сейчас. Комбинезон мешает.

— Распори его на хрен!

— Старшина голову оторвет, товарищ старший лейтенант!

— Пори, твою мать!

Оттянувшись за деревья, душманы скрылись за ними, лениво постреливая в нашу сторону. Чего-то ожидали.

— Товарищ старший лейтенант, «духи» на нашей волне, — встревоженно крикнул связист.

— Какие «духи?»

— Не знаю, диапазон забит.

— Значит, так, Герасимов, поглядывай назад, чтобы нас не обошли, я разберусь. Кидай радиостанцию.

«Духи» или «зеленые»? Часто это было одно и то же. Они «садились» на частоты наших убогих станций и забивали эфир болтовней, мешая нам управлять войсками и подразделениями. Причем это происходило с характерной особенностью: при возникновении боя, на марше — в самый неудобный момент.

Связист Герасимов по «148-й» станции держал связь с начальником разведки дивизии и Ленцовым. Я работал в сети своей роты: с Платоновым, командирами взводов, Мишей Поповым и Грезиным, командиром отделения управления. В случае плохой связи, а она была редко устойчивой: естественные помехи, горы, закрытая местность уменьшали ее качество, по условному сигналу (он всегда предусматривался) переходили на запасную частоту.

— «17», я «23», у меня «300», прием, — услышал доклад Воронина.

Черт, и у Сергея раненый, надо Мишу подтягивать, «духи» чего-то ждут, может, подкрепление — собьют с позиции.

— «23», держись! Нас поддержат «Слоны».

— Жду, «17».

— «Слон-21», прием.

— Валера, радиообмен слышу, — спокойный голос Михаила меня остудил, — ориентируй.

— Миша, направление 340, дальше 150, себя обозначу зеленой ракетой. Наблюдай.

— Понял, работаю!

Хлопнула ракета — зеленая звездочка: себя обозначил. От моего положения Миша возьмет азимут в 340 градусов, расстояние по его направлению 150 метров, выведет на рубеж СУ-85 и огнем ДШК поддержит Воронина. Штатным выстрелом подождем, можно наеб…ть Ленцова.

— «17», я «23», прием.

— На приеме.

— У меня еще один «300-й».

«Бля!.. Что делается! Где же броня? Еще раненый. Живьем бы закопать, суку “Канариса”!

— «Замок», прием.

— Слушаю.

— У нас трое «300-х», «духи» давят, нужна помощь брони.

— Понял, «17», буду минут через тридцать.

— Не вляпайся в дувалах.

Хреново. Платонов в ближайшее время вряд ли выйдет из лабиринта. Что же делать?

Лежа на боку, Волик оказывал помощь Иванову. Они находились передо мной, и мне хорошо было видно посеревшее лицо Иванова.

— Ну, что там?

— Верхняя части спины, товарищ старший лейтенант, пуля по ребрам прошлась.

— Ну, хоть так… Как себя чувствуешь, Иванов?

— Ничего, болит только.

— Стрелять можешь?

— Попробую, товарищ старший лейтенант.

— Спрячь голову, черт побери!

Волик с раненым Ивановым лежали метрах в двадцати передо мной, наблюдая за «зеленкой», где спрятались «духи».

— Хорошо, парень, продержимся! Волик, с Грезиным — к Воронину! У него двое раненых, окажешь помощь. Скоро будут «коробочки», одна для их эвакуации. Давай, дружище, прикроем.

Сложив медицинские принадлежности, санинструктор оглянулся — к броску готов.

— Грезин, задача ясна?

— Так точно! А вы остаетесь?

— Да, земляк! Со мной останутся Герасимов и Комков. Давайте к раненым. Приготовиться!

Сзади послышался мощный с надрывом рев двигателя самоходки. Раскачиваясь на неровностях рельефа, «коробочка» Миши Попова летела к Сергею. Ее скрывали деревья, но СУ-85 не спутаешь с ездой на мопеде.

— Короткими — огонь!

Ударили из автоматов, а Грезин с Воликом рванули в тыл, к самоходке. Сработали молодцом, на «духов» уже не нарвутся. Вскоре послышались звонко-долбящие очереди ДШК. Миша Попов «причесывал» их из крупнокалиберного 12,7 мм пулемета. «Духов» надо было давить и давить, серьезного оружия они избегали.

— Комков.

— Я, товарищ старший лейтенант.

— «Бородатых» видишь?

— Они за деревьями, так-то не видно.

— Лежи и не уходи от Иванова. Перед нами до пяти «душков», наблюдай!

— Есть!

Затаившиеся «духи» постреливали, чего-то выжидали. Неудачи довели их до остервенения, ярости, возможно, лишали последней надежды на прорыв. Итак, что мы имеем? На рубеже разведывательной роты проявились три группы противника: одна вышла на Воронина, другая на мой командный пункт, частично это был противник Сергея. Третья выжидала перед позицией взвода Ивашко. Миша Попов усилил самоходкой взвод Воронина, положившего со своими разведчиками немало «духов». Бой на окраинах кишлака шел уже более часа. Воронин доложил, что противник был отбит, раненым оказана помощь, тяжелых, слава Богу, не было. Вот-вот подойдут БМД с Платоновым, с ним и отправлю парней в медсанбат.

Разгораясь в разных местах, стрельба затихала, начиналась снова, переходя на отдельные выстрелы. Может, снайперы? В кишлак заходить нельзя — неизбежны потери. Рассчитывать на поддержку артиллерии, авиации пока не приходится — кишлак густо населен и находится в пяти километрах от окраин Кабула. Нанесение по нему авиационно-артиллерийских ударов может вызвать нежелательный резонанс населения.

Кто его знает? Может, это было лучшим вариантом развития событий. Пусть атакуют нас «духи», будем перемалывать живую бородатую силу. Вырвутся из кишлака — тоже не страшно: авиация и артиллерия не позволят безнаказанно потеряться в горах. Но идти на зачистку населенного пункта, в котором находятся значительные силы противника — смерти подобно. Бой в кишлаке — что может быть тяжелее?

Размышления прервали «двадцать четвертые». Прижавшись к земле, они неслись на север долины Дехсабздаг в направлении кишлака Бахтиаран, что находился в трех километрах от Тарахейля — командование вводило в бой армейскую авиацию.

Экипажи быстро вникнут в обстановку, затем точечными ударами отработают по скоплениям «духов». Подготовка координат целей — это, пожалуй, главное, что нам пригодится в случае входа в кишлак.

— Внимание, «Стрела», дайте координаты скопления бородатых.

— «17», «духи» рассыпались по кишлаку, — доложил через минуту Ивашко.

— Принял, «22», наблюдай обстановку.

«Выходит, зачистка?» — подумал я про себя.

— «Замок», что у тебя?

— «17», начал движение на рубеж обороны.

Наконец-то боевые машины вышли из кишлака и поддержат огнем спешившихся разведчиков.

— Хорошо, «13», ставь «коробочки» на место, организуй огневое сопровождение.

— Принято.

В относительное затишье необходимо эвакуировать раненых. Динамика боя неустойчивая, возможно, придется менять позиции, растрясем ребят на БМД.

— «23», «коробочки» на подходе, срочно эвакуируй «300-х».

— Работаю, «17».

На связь не выходит Егоров — новый командир взвода, пришедший вместо отправленного на заставу Петренко. Парень воевал в парашютно-десантном подразделении, имел опыт боев в населенных пунктах, что в данной ситуации невозможно переоценить.

— «21», обстановка?

— В порядке, «духи» нервничают, похоже, готовятся.

— Не пропусти атаку и уточни «коробочкам» места на позициях.

— Принял «21».

Подытожим: противник с целью прорыва зондировал по периметру окружения слабые места. Сделав несколько попыток выйти из кишлака, он инициировал атаки с огневым воздействием на разведчиков — не получилось. За последние полчаса произвел перегруппировку сил, наметил задачи прорыва. Уходить в западном направлении, на Ленцова, не имело смысла — там наши основные силы. Значит, противнику выгоден был прорыв на участке моей роты — за нашей спиной долина Дехсабздаг и горный массив Хингиль, есть шанс оторваться. Ряд попыток сунуться к нам не имели успеха. «Духи», понеся потери, отошли в кишлак. Наше направление, с их точки зрения, может оцениваться более перспективным, поэтому прорыв возможен на

участке позиций, которые занимает разведывательная рота «полтинника». Таким образом, противник, зализывая раны, скорее всего, готовит атаку на фронте моего подразделения. Вероятные участки прорыва — позиция взвода Воронина. Так или иначе, «духи» ее прозондировали. Имело смысл атаковать и направление Егорова. У Олега слабое, вернее, привлекательное для «духов» звено — выход к горам. Они вполне могли соблазниться на атаку позиций его взвода.

Ивашко стоял железобетонно! У него не пройти. Открытая местность просматривалась не только перед фронтом, но и в тылу. Тем не менее, противник частью сил сосредоточился перед фронтом его взвода. Если все так и есть и мои рассуждения верны, командный пункт роты необходимо срочно вынести в тыл. При огневом контакте с противником мне отсюда не будут видны фланги взводов Егорова и Воронина. Это затруднит управление боем. «Слонов» Миши Попова также передвину на более опасное направление для поддержки роты на вероятных участках прорыва.

— «21», прием.

— На приеме.

— «Слонов» покормил?

Мишка засмеялся.

— Будь спок, сыты.

— Помогай, Миша, иначе ляжем.

— Куда я денусь? Уточняй.

Михаилу объяснять не надо — схватил на лету, бросив в эфир:

— Выдвигаюсь.

Уже хорошо! Вероятные направления атаки усилены тяжелой техникой и оружием. Меняю место командного пункта с переносом метров на сто восточней позиций взводов Воронина и Ивашко. Не нравится открытое место, но все же с разведчиками отделения управления прикрою стык флангов обоих взводов.

Подполз Герасимов:

— Связь, товарищ старший лейтенант.

— «Астра-17», я «Сосна-18», прием.

— Я «17», слушаю, — ответил Скрынникову.

— Почему твои «коробочки» в кишлаке?

Твою мать! Летчики «присекли» технику в населенном пункте! О чем доложить начальнику?

— Не могу знать, «18», запросите «Белку» — это его решение.

— Вы что там, с ума посходили? — Михаил Федорович был возмущен.

— Никак нет, в полном здравии.

— Убирай из кишлака броню, «вертушки» приступают к

работе.

Ясно! Техника сковала работу авиации, которая не может штурмовать противника. Как всегда: одна дикость или глупость тянет за собой несколько других.

— «Замок-13», прием.

— Слушаю.

— Когда выйдешь на позиции? «Вертушки» на подходе.

— «17», я на месте.

— Хорошо, понял! Попытки прорыва гаси осколочными и огнем пулемётов.

— Понял, «17».

За спиной послышался шум боевой машины. Моя командирская БМД-1К остановилась недалеко от меня. Махнул рукой Чернякову, неуклюже спрыгнувшему на землю.

— Еще раз встанешь на броню — закопаю. Понял?

— Так точно.

— Слушай внимательно, впереди «духовская» группа, у нас ранен Иванов, вон — видишь его?

— Вижу.

— С Комковым ползете к нему, вытаскиваете к машине, я прикрою из БМД. Вопросы?

— Никак нет.

— Стой! Не торопись, как голый на е…ю. Сяду за оператора, просигналю.

Пара прыжков, и я у машины. Забравшись в башню от двигателя, я поглядел в прицел — «духов» не видно. Сливаясь с фоном рельефа, они скрывались где-то за кустами и деревьями. Ладно, посмотрим. Из спаренного пулемета «прошелся» по «зеленке», местам, где мог находиться противник. В ответ — тишина. Наверное, все же отошли в кишлак, либо переместились к бородатым собратьям, выжидавшим перед позицией Ивашко. Обработал зеленый массив, прикрывая Комкова с Черняковым, тащивших раненого Иванова к машине.

— Ну как, Иванов?

— Нормально, товарищ старший лейтенант.

— Болит?

— Болит.

— Потерпи, сейчас в медсанбат. Волик вот-вот подъедет с ранеными третьего взвода.

— А я все же смог вести огонь, товарищ старший лейтенант, больно было, но я стрелял, — проговорил ослабевший разведчик.

— Молодец, Иванов, я видел! Держись и не разговаривай, все будет отлично — еще повоюем.

БМД с Грезиным и санинструктором подошла для загрузки

Иванова. Затаскивая Иванова в десантное отделение, Черняков встал на броню — сбить его матом я не успел, он падал на меня, схватившись за плечо. Пуля ударила в предплечье. Подхватывая на руки парня, я крикнул:

— Ложись!

Все упали на землю или укрылись машиной.

— Не стоять на броне, кому не понятно? Ё… доб…в мать! Волик, промедол!

Лицо механика покрылось серым налетом, с посиневших губ сорвался стон.

— Лежи и не шевелись, «таблетка» вколет, все будет в порядке.

Господи, сколько учить солдата и по десять раз на дню повторять: нельзя стоять на броне, ты цель для противника!? В дивизионной разведке об этом разведчикам не говорилось — закон самосохранения. Здесь еще много работать. Какие там комбинации с «духами»? Головы оторвут, и не заметишь! Надо учить еще и учить.

Черняков, прикрыв тыльной стороной руки глаза, кричал от боли. Волик ввел обезболивающее, наложил повязку. Парня осторожно загрузили в машину.

— «Замок-13», прием.

— На приеме. Через пять минут у тебя будет «таблетка», «трехсотых» доставь в медсанбат.

— «13» принял.

Грохоча двигателем, БМД двинулась прочь от кишлака, в котором крылась опасность. Ребята поправятся и вскоре вернутся в строй, я в этом не сомневался. Раненый в операции Павленко рвался в бой. Пару раз в медсанбате навещал сержанта, чувствовал он себя хорошо.

— Грезин, работаешь за механика, я — оператором. Вопросы?

— Никак нет.

Сейчас бы «духам» дать коридор в направлении гор — пусть лезут, а в долине техника и авиация зажмет и сровняет с землей. Всегда получается, что мы работаем в рамках задачи без творческой мысли и военных хитростей. Мысль с «коридором» нравилась все больше: противник, вероятно, в прорыв не пойдет — неравные силы. Озверел? Это да! Остервенев, будет биться в кишлаке, и мы понесем потери. Ради чего?

— Товарищ старший лейтенант, началось, — связист показал на кишлак.

Две пары вертолетов заходили с боевого разворота на цель — отработали «нурсами». Запросил командиров взводов:

— Внимание, «Стрела», что по противнику?

Командиры доложили: местность контролируют, но «духов» перед фронтом не наблюдают. Что сие означает? Противник зарылся в укрытия, ждет, когда закончит работу авиация. Мы тоже не можем ворваться в кишлак — окажемся под огнем вертолётов. С воздуха среди сооружений, дувалов и зеленого массива не отличить границу противостояния своих и чужих. Ракеты, дымы — слабое утешение: бой в населенном пункте носит, как правило, очаговый характер, сплошной линии обороны противника нет, если работает авиация, лучше туда не соваться. Связист протянул гарнитуру.

— Начальник разведки, товарищ старший лейтенант.

— «Астра-17», я «Сосна-18», прием.

— «17» на приеме.

— Минут через двадцать подойдут «активисты». Они на броне. Поддержи их огнем, они поработают в кишлаке. Как понял?

— Понял, «18». Понял!

А чего нет? Мудрое решение привлечь «активистов» для зачистки кишлака. Пусть трудятся, верша дела революции. Правда, они больше занимаются мародерством, чем полезным делом, но хоть часть боевиков свяжут боем — все какая-то польза.

— «17», я «22», прием.

— На приеме.

— С южного направления на «коробочках» подходят «духи».

— Какие «духи»?

— Настоящие.

Что там городит Ивашко, черт бы его побрал? «Духи» на технике — откуда? Прыгаю на командирскую БМД.

— Грезин, за рычаги — к Ивашко.

Поднимая пыльную завесу, машина рванула к позициям Александра. Через пару минут мы подлетел к нему, и я не поверил глазам — старенькие БТР-70, словно мухи, облепили настоящие «духи». Зашипев, включился эфир.

— «17», «активистов» встретил?

Бля… Это и есть «активисты» — дохожу умом.

— На подходе, «18».

— Организуй работу с нашим представителем, поддержи огнем, обстановку докладывай каждые тридцать минут. Прием.

— Принял, «18».

Спрыгнул с брони.

— Слушай внимательно, Ивашко: глаз с «активистов» не спускай, в свой тыл не пускай, они должны быть только впереди тебя. Вопросы?

Прищурив глаза, Александр кивнул. «Бэтээры» остановились

невдалеке от нас. Жутковатая картина: «духи» — они есть «духи»! Кричали, веселились, размахивая автоматами. Отделившись от группы, к нам пошли два человека. Славянская внешность не вызывала сомнений — мушаверы.

— Добрый день — советники ДОМА.

— Здравствуйте. Командир разведроты гвардии старший лейтенант Марченко.

После взаимного представления выяснилось: отряду афганских активистов поставлена задача — провести зачистку кишлака с последующим изъятием у врагов революции оружия и боеприпасов. Советники попросили ввести их в обстановку и помочь огоньком при зачистке кишлака. Обменявшись данными, мы уточнили позывные, и вскоре около сорока человек комсомольского «актива», обозначив цепь наступления, ринулась в кишлак.

На всякий случай я вызвал Скрынникова на связь:

— «18», я «17», прием.

— На приеме «18», — ответил связист начальника разведки.

— Старшего на связь.

Через минуту Михаил Федорович ответил:

— Слушаю.

— 18», вы видели наших помощников?

— Нет, а что случилось?

— Пока ничего, но я с ними в кишлак не пойду.

— Что за ерунда?

— «Духи» это, «18», настоящие! Их не отличить от тех, кто в кишлаке.

— Без формы, что ли?

— Какая форма? В чалмах и сандалиях! Вертолетчики увидят — накроют «нурсами» и меня заодно с ними.

— Ладно, разберемся.

— Понял.

Глава 34

Между тем отряд «афганских революционеров» втянулся в кишлак. Мне показалось, что активисты прошли не более 300 метров, и началось такое! Вспыхнувшая в кишлаке перестрелка напоминала штурм цитадели. «Ну, вот, устроили фейерверк!», — усмехнулся я про себя. Но характер боевого столкновения приобрел реальные черты, отчетливо обозначилась граница противостояния. Я забеспокоился. Моя ирония была неуместной: «активисты» попали в западню. Взрывы встряхнули кишлак, заработала станция. Один из советников ДОМА сбивчиво объяснил, что попали в засаду, есть потери, просят о помощи. Докладываю Скрынникову:

— «18», прием.

— Слушаю.

— Активисты попали в засаду, просят о помощи!

— Это у тебя сильная стрельба?

— Нет, у них, но рядом со мной.

— Твои предложения?

«Интересно девки пляшут»… Мои предложения… Они понятны, но проблема в другом, как в боевом контакте в кишлаке отличить «духов» от «активистов — тех же «духов», находившихся вроде как в отпуске? Закрытая местность, «зеленка», бой — кавардак!

— «Сосна-18», я «17». Предлагаю совместными силами «21» и «23» выдвинуться в кишлак, «13» поддержит огнем брони. Я буду с управлением в порядках «23».

После паузы Михаил Федорович ответил:

— Работай.

— Понял вас.

Бой в кишлаке разгорелся с новой силой, что там происходило — непонятно. Но то, что одни «духи» делили с другими «духами» собственность кишлака, не вызывало сомнений. Лучшим решением в сложившейся обстановке было дать команду Егорову и Воронину выдвинуться для оказания помощи «активистам». Наших комсомольских советников я предупредил по радиостанции: за тыл не беспокоиться и сосредоточить усилия на противнике.

Со мной находилось четверо разведчиков управления роты. Короткими перебежками мы добежали к линии боевого столкновения. Пули, сшибая ветки деревьев, летали над головами, издавая визг рикошета, от которого к телу липла рубашка, а на лбу появлялась испарина. Впереди обозначились

люди в афганской одежде, ведущие огонь из автоматов. Я переглянулся с Комковым. Парень угадал мои мысли — свои? Или настоящие «духи»? Поди разберись! Взяв их на прицел, крикнул:

— Бабрак Кармаль — «хуб»?

Обернувшись, закричали:

— Хуб, хуб, рафик.

Ну, вроде «наши». Пополз ближе, чтобы разобраться в панораме боя. Кое-что прояснилось: активисты, до которых мы добрались, вошли в кишлак в последних рядах. Шедшие впереди попали под сосредоточенный огонь душманской засады. Несколько тел валялось перед дувалом, за которым раскинулся сад. Образовавшие перекресток улочки стали местом боестолкновения. С «активистами» душманы встретились случайно на встречных курсах, но «духи» оказались проворней, первыми открыли огонь. Крупные ветки абрикосов посечены пулями — огонь врагов революции был плотным. Сейчас их не было видно — отошли, но отдельные выстрелы щелкали, пули вжикали по веткам деревьев. В атаку афганский комсомол уже не пойдет, а в спину получить удар мы можем легко.

На связи советник ДОМА, просит помочь огоньком.

— Сами-то живы?

— Живы, но у нас потери.

— Вижу. Дальше пойдете?

— Нет, соберем погибших и раненых.

— Вас-то подопечные не прикончат?

— Да нет… — как-то неуверенно ответил мушавер.

— Хорошо, вынос тел и раненых прикрою, постарайтесь за двадцать минут управиться.

И двинулся с разведчиками дальше. Справа стрельба. Судя по направлению, в огневой контакт с «духами» вошел Егоров. Взвод Воронина был ближе ко мне, «зеленка» скрывала его ветками и плотной листвой. Я пополз к дувалу, чтобы укрыться от пуль противника. Тела афганского актива лежали тут же — серые лица погибших были густо залеплены мухами. Укрытие тянуло к себе — дальше сплошная «зеленка», за которой угадывались глиняные строения с кубическими башнями и окнами без стекол, пристройками на верхней площадке.

Пожалуйста, убитые «духи». Это уже отличился «актив». Оружие рядом, унести не успели, что также говорило о том, что столкновение «духов» с «активом» носило случайный характер. Осмотрев местность, я подал сигнал на движение, афганские комсомольцы ползли за нами. Нет уж, ребята, — вперед. Пропустил. Оставлять в тылу этих парней я никогда не рискну.

Закон сохранения у афганцев работал, как японские «Сейко», рефлексы нормальные, но, видимо, я перебрал. Они обыскали убитых товарищей, изъяли принадлежности, причем сноровисто, со знанием дела. Я подполз к убитым душманам, разрядив их оружие, оставил его на земле. Дальше ползти было опасно — местность не просматривалась, можно было повторить «подвиг» афганского комсомола.

— Грезин, круговая оборона. Комков, на тебе «активисты»! Не проворонь! Им могут понравиться наши ботинки… Понял?

— Так точно.

— Смотри у меня!

У Егорова стрельба не затихала, разведчики Воронина также вели перестрелку, слышны были выстрелы в нескольких десятках метрах правее от нас.

— «21», «23», остановиться на рубеже первых дувалов и занять круговую оборону.

Я дал «активистам» возможность вытащить тела погибших и раненых. Огляделся, прикинул дальнейшие действия. Прилепившиеся к нам активисты чувствовали себя комфортно: обдирали убитых душманов, в размотанные лунги погибших собирали трофеи, перемотанные резинкой «афошки». Я глазом не успел моргнуть, как один из «активистов» убитому душману разрезал живот. Показалось мало — сноровистым движением отрезал голову. Мухи взбесились! Темно-синий рой закружил над телами убитых, облепив кровавую плоть шевелившейся массой. Да, с этими ребятками не соскучишься, а ведь наши советники с ними работают.

Между тем двадцать минут прошло. По радио я предупредил советников ДОМА: «Время закончилось, возвращаемся на исходный рубеж». Возражений не поступило. Доложил Скрынникову о решении выдвинуться к технике. Получив добро, дал команду вернуться назад Егорову и Воронину. Прикрывая друг друга, оба взвода оттянулись к окраине кишлака. Минут через пять, устроившись на месте, командиры взводов доложили о занятии позиций. Ну, что ж, немного расслабимся и покормим людей: полдень — время пекла и жарившего нещадно раскаленного солнца.

— Плесни-ка мне на руки, Комков.

— Давайте, товарищ старший лейтенант.

На грязные, покрытые зеленью хлорофилла ладони снайпер плеснул воды из солдатского котелка — помыл, ополоснул лицо — прохладная вода приятно коснулась головы и шеи.

— Перехватим, орлы?

— Так точно, товарищ старший лейтенант, война — войной…

— Тогда вперед, гвардейцы!

Управленцы улыбались, вытаскивая из рюкзаков сухпайки.

— Грезин?

— Я.

— Садись-ка за наводчика — наблюдай. Я подменю.

— Есть.

Носовым платком вытер ладони, искоса глянул на кишлак — ленивая перестрелка то тут, то там велась в нескольких местах.

— Тушенку будете, товарищ старший лейтенант?

— Давай, Герасимов.

Грезин контролировал обстановку в прицел на подступах к командному пункту. В затишье заправиться — что будет потом, неизвестно. А знать может руководитель операции — начальник штаба дивизии полковник Петряков. От него через Михаила Федоровича поступила команда встретить подразделение «зеленых», оказать им помощь в зачистке кишлака. Ну что ж, местной властью усиливались позиции, поддержим ее устремления.

— «Стрела», ответить «17».

На циркулярный позывной отозвались командиры взводов.

— Встречаем «зеленых», работаем на их поддержку огнем, прием.

Объяснений не требовалось, приказ командирам понятен. Главное, что сами не лезем в кишлак, а поддержать — пожалуйста. Вон и «вертушки» вернулись с новым боекомплектом, хищно барражируя, выискивали «духов» за дувалами старых строений. Чем закончится новый поход в кишлак, я не знаю, но «зеленым» скучно не будет, они знают, что «активисты» понесли потери. Посмотрим, что даст очередная попытка войти в населенный пункт.

Левофланговый Ивашко доложил:

— «17», до двух рот «зеленых» спешились в пятистах метрах южнее меня.

— Понял, прими под опеку.

«Зеленые» решились на атаку с юга на север, хотя разумней было бы с восточного направления, чтобы «духов» отрезать от гор и гнать их на Ленцова — к главным силам группировки. Впрочем, какая теперь разница: пусть войдут, а потом разберемся. По линии опорного пункта роты звучали нечастые выстрелы: мы стреляли, «духи» отвечали — шла позиционная перестрелка. Она не мешала решать задачи ни нам, ни «духам»: противник думал, как лучше поступить в сложившейся ситуации, мы ждали наступления «зеленых», чтобы оценить развитие событий.

— «22», чем занимается «зелень»?

— Втянулась в кишлак.

— Смотри за окраиной!

Тактически у Ивашко было лучшее положение. Местность перед фронтом его взвода до окраины кишлака была открытой, и решиться на бросок в этом направлении душманы вряд ли осмелятся, хотя на первом этапе противник здесь концентрировал свои силы. Готовилась атака.

Воронин был в центре боевого порядка роты. Его атаковали значительные силы «духов», отошедших затем к моему командному пункту.

Егоров составлял правый фланг подразделения. Успешно выдержав давление «духов», Олег рассеял огнем попытку концентрации «духовских» сил на своем направлении. Противник отошел в кишлак, несомненно, прилагая усилия для его обороны.

Лучшим выходом из создавшегося положения для «духов» оставался вариант затягивания времени до наступления темноты. За светлое время подготовить прорыв, а ночью с собратьями Хингиля провести совместную атаку на наши позиции. Связь по радио у них работает, значит, согласовать взаимодействие при ключевой роли кишлака не является чем-то невозможным. Правда, карты путали сорбозы регулярной армии — не бог весть какая сила, но они пошли на зачистку. В любом случае душманы несли потери, и они это учитывали, принимая решение на подготовку к ночи. Других вариантов выхода из создавшегося положения противник, я думаю, не видел. Их и не было! Ночь! Только ночь! Единственная надежда «духов».

Таким образом, бой был неизбежен в самом кишлаке! Противник был ограничен в маневре, но способен жестко огрызаться огнем. Отход его возможен на север, в направлении Бахтиаран, где раскинулись плантации виноградника без террас и каскадов. Одним словом, укрыться ему было негде. Рваться на запад бессмысленно — главные силы «шурави», оставался восток, то есть опорный пункт моей роты. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», — подумалось мне.

Если «духам» удастся выйти на помощь с Хингиля, они ударят мне с тыла в спину или обозначат нападение, отвлекая прорыв из кишлака. Поэтому замысел деблокирования кишлака осуществляется встречной атакой на узком участке, в результате которой образуется коридор или просто брешь: нырнуть в нее, а дальше — ночь, темнота и 15–18 километров до горной гряды. Для остервенелых душманов это не проблема. Вертолетов не будет — ночью они не летают, артиллерия стрелять тоже не будет. Куда? По кишлаку? Рядом Кабул. Это принесет неприятности. Преследовать их ночью мы вряд ли решимся. Да и

кого? «Духи» растворятся во тьме знакомой долины и через пару часов исчезнут в горах. Как ни пытайся изменить методику мышления — не получится: противнику выгодней атаковать восточное направление, то есть позиции роты. Другие направления атаки не имели перспективы развития.

Начало у «зеленых» получилось. Потеснив противника, они втянулись в кишлак, отвоевав частичку жилого массива, и ограничили «духов» в маневре. Им были созданы неблагоприятные условия, что, несомненно, уменьшило шанс на живучесть. «Духам» оставалась единственная возможность — тянуть время до наступления ночи, чтобы под покровом темноты исполнить замысел прорыва из окружения. На ночные атаки противник был также горазд, в этом ему не занимать ни опыта, ни дерзости — сработает быстро и жестко. «Так, ребята, хватит жевать, пора готовиться к встрече».

— Внимание, «Стрела», возможность атаки. Скорректируйте фланги.

Заслушав доклад командиров взводов, я уточнил им задачу: отслеживать изменение обстановки, быть в готовности реагировать на противника.

— «Слон», прием.

— Слушаю, «17».

— Поставь «коробочку» за мной, будешь противотанковым резервом.

— Ты это серьезно?

— Куда более, Миша! «Подопри» с тылу.

— Понял, буду на месте.

— Спасибо.

«Зеленые» все же разворошили «духов»: завязалась стрельба. Судя по ней, противник пошел на излюбленную тактику перемещения по фронту. Он маневрировал, выходил на контакт, создавая очаги сопротивления с очень коварными и опасными замыслами, затягивал в ловушку — заранее подготовленную засаду. Находясь в движении, душманы рывками бросались в разных направлениях — контакт с нами и отскок в кишлак на подготовленные позиции. Об этом можно было судить по звукам выстрелов. Отслеживая их перемещение, я понял важный момент: легко упустить неожиданную, полную экспромта атаку. «Духам» ничего не стоило затащить «зеленых» в засаду, хотя душманские ловушки для них не были секретом, а вот подразделение советских войск с лихим командиром могли спровоцировать на преследование и вывести на засадную группу. «Духи» учитывали, что русским сложно ориентироваться в кишлаке с множеством вариантов засад и привлечением к ним местных дехкан к

совместной атаке. Они нападали с разных сторон одновременно, используя минирование маршрутов, тупиков, используя много «заморочек», не прописанных в боевых уставах Советской армии.

Звуки выстрелов перемещались слева направо, похоже, у «зеленых» сегодня успех — постепенно выдавливали «духов» на север. Делали это неспешно, со знанием дела, попутно набивая мешки захваченным скарбом. Для них предметы мародерства относились к законным трофеям: они хватали все, что ни попадя, а что не могли унести с собой — закапывали прямо здесь, чтобы через день, неделю, месяц прийти и забрать.

Противник между тем понимал, что становится жертвой капкана, в который его загоняла часть регулярной армии. Стрельба в разных местах кишлака приобретала плотный характер, душманы, образуя новые опорные пункты, не собирались сдавать территорию, оказывали сопротивление.

Увлекшись оценкой противника, я едва не пропустил хлопающий звук вертолетов. Выискивая цели, «вертушки» становились в круг. В штабе операции уточнялись целеуказания, координаты противника, по которым готовился удар авиации. Командование наращивало усилия по уничтожению «духов» до наступления сумерек. Вряд ли у противника будет возможность отсидеться до ночи: наступало время решительных действий совместных сил группировки.

Щелкнув, заработала станция.

— «17», я «21», атакован от окраины кишлака.

Не выдержали «духи», того и гляди повалят в психическую…

— Держись, Олег, ориентируй «вертушки» ракетой, «Слон» поддержит. Герасимов, связь с начальником разведки.

Схватив гарнитуру радиостанции, доложил начальнику:

— «Сосна-18», «духи» атакуют «21-го», решил подтянуть «коробочку» «Слона», прием.

— Не возражаю, «17», что на правом фланге?

— Возможно, попытка прорыва — сильный огонь из кишлака.

— Понял, подтягивай «Слона», «21-му» подготовить данные «горбатым». Прием.

— Понял, «18».

Связь с Мишей Поповым была устойчивой, он ответил сразу:

— «17», мой «Слон» у «23» наблюдает «духов», поддержит огнем «21».

— Хорошо, Миша, огонь в глубину не переноси, там работает «Сокол-11», прием.

— Понял, «17», принял.

Я предостерег Попова — в том направлении разведка дивизии. Экипаж одной из самоходок, поддерживая взвод

Воронина, зафиксировал атаку противника в полосе Егорова. Менять позицию СУ-85 не имело смысла — прикроет со своего рубежа. Рубящие очереди ДШК на правом фланге поддержали Олега: самоходчики из пулемета вбивали в землю выскочивших «духов». Но с Ленцовым я все же связался, чтобы огонь крупнокалиберного ДШК не мешал его разведчикам.

— «11», твоих нет в кишлаке?

— Нет-нет, в порядке.

— Хорошо, Шура.

«Вертушки» атаковали кишлак с севера — черно-серая пыль поднялась над «зеленкой». Ухнули взрывы. Командование армии шло на крайние меры. Следующая пара заходила на цель. Словно замирая перед залпом, «горбатые» вбухали в дувалы, за которыми скрылся противник, очередную партию «нурсов». Душманы выскакивали из огня, собираясь в мелкие группы, пробовали на крепость кольцо окружения. Возникшая в нескольких местах стрельба переносилась с одного направления на другое, прекращалась, опять разгоралась. Противник закручивал динамику боя по всей линии окружения, ситуация менялась каждую минуту, секунду.

Отслеживая обстановку в полосе наблюдения, я не терял из вида фланги, центр боевого порядка. Мне была видна не вся панорама кишлачного боя. По фрагментам стрельбы, доносившейся с разных направлений, я мог только догадывался о том, что происходило на том или ином участке боестолкновения. У Ивашко только что стреляли, веером летали трассера, а сейчас затихло — с левого фланга доносились отдельные выстрелы. Доклада не было, значит, Александр владел ситуацией и не дергал меня понапрасну. Спокойно управлял боем Сергей Воронин. «Духи» на него выскочат, обстреляют и снова уйдут, чтобы через некоторое время вновь ошарашить свинцовым дождем. Такая же ситуация была по периметру всего кишлака.

Если бы «зеленые» увеличили темп наступления и по-настоящему прессовали противника, можно было бы рассчитывать, что «духи» не выдержат совместной атаки, начнут совершать ошибки. Треть кишлака уже была за подразделением афганской армии — это хорошо, надо и дальше выдавливать «духов», бить, не давая опомниться.

— «17», я «Сосна-18», прием.

На связи Михаил Федорович.

— На приеме.

— «Зеленым» бы надо помочь, в зачистке…

Ни приказ, ни требование: начальник разведки озвучил фразу и молчал в ожидании ответа.

— Ё…

— Не понял, «17».

— Что-то со связью…

— «Зеленые», говорю, под огнем, надо поддержать в кишлаке, лежат и ничем их не поднять…

«Включать дурака» дальше было бесполезно, похоже, подкрался п…ц и совсем незаметно. Конечно, «зеленых» прижали, на зачистку их действительно не поднять, поэтому командованием принято решение усилить афганцев разведкой «полтинника». Ничего не оставалось, как подтвердить получение приказа:

— «17» принял.

Не хотелось соваться в кишлак, ох, как не хотелось! Там требовалась слаженная работа разведчиков. Но идти все-таки надо: Михаила Федоровича толкало командование, возможно, пинало, да и обстановка требовала к вечеру завершить основную фазу операции. Ладно, начнем потихоньку.

— «21», что у тебя?

— В порядке. «Духи» залегли, кое-где отошли.

— Слушай внимательно: через пять минут втягиваемся в «зеленку», общее направление 270. Прижмись к «23-му» и не теряй его из вида. Вопросы?

— Нет.

Уточнил задачу Воронину, Ивашко. Сложность задачи была понятной моим лейтенантам, как и холодок, возникший в груди. Мандраж ощущался в осипшем вдруг голосе. Ломаясь, он срывался, рука не находила тангенту. Встряхнулся, крепко зажмурив глаза, собрался в комок. Пора.

— Внимание, «Стрела» — вперед.

Бросок через «зеленку» в тридцать-сорок метров к кишлаку не составил труда. На одном дыхании пролетели участок зеленой рощи — открылась панорама дувалов, опоясавших кишлак с внешней стороны.

— Грезин, не отставать, круговое наблюдение.

Перебегая от дерева к дереву, втянулись в узкую улочку, затем сблизились с площадкой, где комсомольский актив вляпался к «духам». Тел погибших не было — вынесли к своим «бэтээрам». Интересно — растерзанных «духов» тоже не видно: осталась кровь на земле, тучи синих мух, следы волочения… Вот и настоящие «духи»… Понятно… Забрали убитых под нашим собственным носом. «Духи» они и есть «духи», может, и не в обиде на нас: боевиков потрошили не мы, они это знают, но оставить минный сюрприз — дело душманской чести.

— Увеличить интервалы, внимательней к растяжкам.

Плотная зелень деревьев не позволяла держать дистанцию безопасности, а перекрытая строениями, дувалами, каменными кладками местность создавала впечатление засевших «духов». Неприятно двигаться навстречу возможной очереди из-за каждого дерева, угла, окна, дувала. Стоило немного отстать или вырваться вперед, как теряешь локоть товарищей, наступавших по правую и левую руку. В кишлачном лабиринте можно упасть и не встать, потеряться, получить ранение, оказаться без помощи и угодить к противнику в плен. Перебежками мы приблизились к перестрелке, завязавшейся между подразделением «зеленых» и душманским отрядом.

— Не вырывайся, Комков.

Сближаясь с линией глиняных мазанок, снайпер увлекся стремительным бегом, чем нарушил выстроенный мной боевой порядок. При этом терялось взаимодействие, управляемость, возможность видеть друг друга в бою — важные факторы зримой победы, набор необходимых моментов, которые влияют на успешность в бою.

В преодолении «зеленки» работаем группой, расположившись по два-три человека вдоль дувалов на улочке, контролируя при этом противоположные стороны узкого прохода. Бой в населенном пункте требует мгновенной реакции, выжить в нем может только быстрый боец. Мои управленцы, прикрывая меня, давали возможность руководить боем, в то же время они составляли резерв подразделения. На первом этапе парни прикрыли стык взводов Воронина и Ивашко. Я их бросал на участки боя, где требовалось усиление.

— Грезин, не теряй из виду людей!

Не торопясь, мы втянулись в очередную улочку, ведущую в глиняный кавардак строений. Выстрелы гремели за дувалами справа — там, вероятно, были «духи», и «зеленым» пришлось «зачищать» с противоположного направления. Улочка, по которой мы двигались на звуки выстрелов, пересекала проход, образуя Т-образный перекресток. Именно здесь и упали без движения сорбозы — напротив оказался опорный пункт моджахедов. Лениво перестреливаясь, каждая из сторон имела свой интерес: «духи», стреляя, тянули время до наступления сумерек, надеясь выйти в прорыв, «зеленые» же, шныряя вокруг, собирали трофеи. Когда еще представится случай? В общем, обстановка была нормальной, если бы не опасность «духов» и огонь афганских сорбозов.

— Грезин, с Комковым выйти к перекрестку, оценить обстановку и дальше не лезть. Держитесь правой стенки и сразу назад.

Разведка перекрестка и местности вокруг него времени заняла немного. Вернувшись, Грезин доложил, что «духи», заняв узловую систему построек, засели в двухэтажном строении. «Зелёные» наступали по улице, примыкавшей к перекрестку, отсюда не видно — мешала левая стенка дувала. Они лежали, перестреливаясь с засевшими в здании «духами». Душманы были метрах в двухстах впереди. Они контролировали перпендикулярную нам улочку в оба направления, слева от нас лежали «зеленые», «духи» их прижали к земле, справа подтягивалась разведка дивизии, и мы рисковали попасть под их раздачу с трех направлений.

Что же делать? Махнуть через дувал и пройти по садам? Забрать правее и скрытно выйти с северо-восточного направления? Можно попробовать… Если бы я командовал группой, так и поступил, но я командовал ротой, значит, принимать решения должен был на уровне командира подразделения. Послать Сергея на штурм я не мог — верные потери, и «духи», возможно, ожидали от нас нечто подобное. Лежат себе, прикрывшись минами, а мы попадем в такое болото, что там все и останемся. Похоже, надо действовать методом Ильича: «Мы пойдем другим путем».

— «Сосна-18», я «17», прием.

— На приеме.

— Уперлись в «духовский» опорный пункт, нужна поддержка «горбатых», целеуказание обеспечу. Прием.

Михаил Федорович молчал, прикидывая поступившую ему информацию, и выдал:

— Расстояние до цели?

Ход мыслей начальника понятен. Он справедливо полагал, что мы вышли к душманам на близкое расстояние, и авиация может нас раздолбать. А что, если приврать? Иначе «вертушки» не сработают и зачистка отложится на утро. Оставаться на ночь в кишлаке — безумие, сожрут!

— «18», удаление 400, мы за дувалами.

— А «зеленые»?

Расстояние между засевшими «духами» и афганскими сорбозами, признаться, было маловатым. Но выхода не было, кому это надо — лезть на рожон?

— В порядке, «18»! Прикрыты! «Зеленых» ориентируйте на меня. Прием.

— Жди команды.

Облегченно вздохнув, огляделся. Не пойдет! Вернусь немного назад. Все-таки спокойней ориентировать вертолеты на цель, лежа за каменной кладкой. Взвод Ивашко засел перед правым

флангом «зелёных». Авиация ему не страшна, могли обстрелять афганские сорбозы. Воронин находился в непосредственной близости от противника, в центре боевого порядка роты, втянувшейся в кишлак. Для его разведчиков были две реальные угрозы: противник и свои вертолеты в случае, если сделают неточный залп.

— «23», прием.

— Слушаю.

— Убери «карандашей», «горбатые» будут минут через пять. Прием.

— Понял.

— «21-му» помощь нужна?

— Да-да, пусть поддержит огнем.

— Хорошо, помогу «зеленым», но они мешают, — включился Авдеев.

Олег ориентировался в ситуации: его взводу удобней атаковать с севера, но он опасался огня «зеленых». Впрочем, положение союзников на местности мне представлялось с трудом. Связался по радио с начальником:

— «Сосна-18», уберите «зеленых», мешают работе, прием.

— Как мешают, у них своя полоса наступления?

— Опасное соседство.

— Возьми правее.

— Нельзя. Окажусь под огнем сорбозов.

— Тьфу, черт.

Михаил Федорович был раздражен, оно и понятно. Чтобы афганское подразделение отвезти или скорректировать направление его наступления, надо было выходить на командование выше. В таких ситуациях всегда возникали десятки вопросов, согласований, утверждений, а времени до атаки «вертушек» оставались минуты.

— Внимание всем, после атаки вертолетов бросок по команде.

— «17», «горбатые» на подходе, убирай людей, — заревел в эфире Михаил Федорович.

— Всем в норы! «Вертушки»!

Едва упали за дувалы, камни, полуразрушенные стенки, земля вздрогнула от серии взрывов. Оказавшись в яме для замеса глины, из которой производят саманный кирпич, я все же увидел «двадцать четвертых», которые пронеслись над кронами деревьев.

— «17», лежать и не высовываться, еще два захода.

— Понял, «18».

По «148-й» — командирам взводов:

— Бросок по команде! Еще пара заходов, — слова потонули в

грохоте «нурсов» следующей пары.

Чем они работают, черти? Земля вздрогнула так, что стенки осыпались рядом.

— «17», «горбатые» работают «каплей».

Ни х…я себе — «вертушки» работали бомбой!

— Внимание, не высовываться!

Прислушался. Улетели? Нет. Звенящее хлопанье приближалось с прежнего курса атаки.

— Лежать!

«Двадцать четвертые» в крутом вираже пролетели над нами и скрылись за пылью, поднятой взрывами «нурсов». Что с противником после атаки боевых вертолётов? Разглядеть невозможно. «Духи» были за глиняной стенкой, где раскинулась роща высоких деревьев. Наступившая тишина прижала к земле, и только отдельные выстрелы гремели, где лежал взвод Олега Егорова.

ФАБ-100 с замедлением взрыва в 14 секунд рванула так, что развалила укрывшую нас стенку, кусками спрессованной глины присыпала разведчиков. Вот это да!

— Живы, «17»? — начальник разведки будоражил эфир.

— Да уж… нормально.

Что ответить Михаилу Федоровичу, если, стоя на коленях, мы стряхивали пыль не только с ушей…

— «17», «горбатые» ушли на заправку. Можно работать, прием.

— Я понял, «18», понял. «Вертушки» ушли? Мы ничего не слышим.

— Да-да, ушли. «Зеленые» отойдут в соседний квадрат.

— Ну и х…й с ними.

— Что, что, не понял?

— Хорошо, что отошли, «18».

— А…

Встав, я оперся на остатки дувала, разделявшего огород на части. В ушах звенело, я практически ничего не слышал.

— «21», «23», вперед, прикрою от «зеленых», прием.

Меня таскало по сторонам — приложило ударной волной.

— Товарищ старший лейтенант, хлебните, — Комков подал фляжку с водой. Плеснув на лицо, я сделал пару глотков.

— Спасибо, Комков. Давайте с Грезиным к перекрестку, мы за вами. Не торопитесь, посматривайте на «зелёных». Поехали.

Осматривая груды сооружений, развалившихся от фугасного взрыва, мы осторожно подбирались к зданиям, где засели душманы. Картина, скажу я вам… маслом! Часть глиняных сооружений, занятых противником, была снесена ударной

волной, из груды завалов торчали деревянные бревна, перекрытия — несомненно, «духи» были под руинами. Камни, ветки, фрагменты дувалов, образуя завалы, перегородили улицу. Пыль висела над посеревшей «зеленкой». Примкнувшая улочка, по которой наступали афганцы, осталась целой — взрывная волна прошла вдоль стен, создав турбулентность в проходе строений. Если «зеленые» не успели уйти, ударная волна могла их размести по дувалам. Выстрелы от рощицы, где находился Воронин, кинули управленцев в груды развалин. Я тоже привалился за камень. В ушах звенело.

— Что у тебя, «23»?

— Дорабатываю «душков».

В полосе наступления душманы приходили в себя, Сергей зачищал их опорный пункт, вернее, то, что от него осталось.

— Грезин, подойдите с Комковым к проходу и посмотрите: ушли «зеленые» или остались на позиции?

Егоров на правом фланге роты свою задачу закончил. Олег выжидал Воронина, зачищавшего опорный пункт противника. Ивашко, замыкая левый фланг подразделения, на всякий случай прикрылся от «зелёных» и был в режиме ожидания дальнейшей команды. Воронину надо было минут двадцать, чтобы разобраться с живыми «духами», и можно будет докладывать начальнику о завершении операции. Плохо, что люди были разбросаны в горящем кишлаке, где еще надо работать и работать. Скоро будет смеркаться, пора выводить роту и готовиться к ночи.

— «17», что у тебя?

— Все нормально, минут через двадцать закончу, — доложил я начальнику разведки.

— Хорошо, выходи на прежний рубеж с переходом к обороне на ночь.

— Понял, «17».

За светлое время, думаю, выйду на позиции, проведу расчет сил для ночных мероприятий. Люди отдохнут по очереди.

— «17», прием.

— Слушаю, Сергей.

— Работу закончил, собираю стволы.

— Принял, отходи на рубеж, «21» прикроет.

Егоров поможет Сергею и его разведчикам на выходе, а Ивашко, прикрывая мой командный пункт, уйдет с рубежа после завершения общей задачи подразделения. А уж потом совместным силами обоих взводов мы выведем Александра к позициям, прикроем в случае воздействия «духов» — такое я принял решение, завершая бой в кишлаке.

«Зеленые», оставаясь на ночь, как повелось, будут из всего, что стреляет подбадривать себя пальбой до утра. Другое дело, что душманское сопротивление в Тарахейле сломлено мощными ударами армейской авиации, штурмовавшей опорные пункты противника по периметру окружения и в самом кишлаке. «Духи» понесли потери и вряд ли решатся на активные действия в условиях ночи. Они деморализованы, разобщены и не смогут объединить усилия для организованной атаки. Но бдительность надо утроить, удесятерить и думать, что «духи» повержены — смертельно опасно. Потрепанный, почти уничтоженный враг способен на неординарные действия в кишлаке и за его пределами.

В восточном секторе разведчики Александра Ленцова уничтожили несколько душманских узлов обороны. Рассеяли, повергли в шок противника, лишив его инициативы в бою, что способствовало успешному выполнению задачи. Силами парашютно-десантного батальона, двух разведывательных рот под командованием гвардии подполковника Скрынникова была уничтожена группа душманов, обосновавшаяся в подбрюшье Кабула. Душманский отряд, состоявший в основном из местных жителей, питал вооруженное подполье столицы оружием, продовольствием, являясь связующим звеном в разведывательной цепочке Кабул — душманские базы в горах.

Разведчики моей роты вели бой в отведенной части порученной задачи и контролировали ход событий только на нашем направлении. Бои шли по всему кишлаку, где действовали разведчики дивизии, подразделение афганской армии, десантники 350-го гвардейского парашютно-десантного полка. Армейская авиация фиксировала очаги сопротивления «духов», выявляя общую картину душманской обороны, и сделала с десяток вылетов на штурмовку опорных пунктов противника. Экипажи вертолетов нанесли смертельные удары по основным узлам обороны «духов», вывели ее строя, лишив противника активного сопротивления. Это, конечно же, явилось серьезным подспорьем для нас, разведчиков, завершивших уничтожение душманов.

Афганские активисты, подразделение регулярной армии также внесли свою лепту в уничтожение душманского отряда. Несмотря на то, что местные комсомольцы понесли большие потери, они спровоцировали противника на открытие огня, что позволило нам определить его позиции, опорные пункты и разведчикам было легче действовать в самом кишлаке. В бою афганские сорбозы, выдавливая противника на окраины кишлака, действовали напористо, и треть жилого сектора осталась за ними.

На следующий день в Тарахейль прибудет оперативное подразделение ХАД, проведет зачистку. Часть жителей расстреляет, другую будет пытать, третьи прикинутся мирным населением и выйдут трудиться в поля.

В афганских кишлаках нет грани между мирным и не очень мирным населением. Это народ одного клана, племени, их старейшины всегда договорятся между собой, как по мирным, так и военным вопросам. Сегодня они будут воевать, убивая друг друга, завтра объединятся и пойдут в атаку на соседний кишлак, разнесут его вместе с жителями. Послезавтра уцелевшие примкнут к победителям и совершат совместный налет на «шуравi». Этот процесс бесконечен — так устроена жизнь афганского многоплеменного общества. В Тарахейле на два-три месяца установится видимость благополучия, его внесут в список населенных пунктов поддержавших народную власть. Будут довольны советники, доложат по инстанции о победе революции в очередном кишлаке, а душманское подполье прямо с завтрашнего дня приступит к восстановлению сил, сетей агентурной разведки с той разницей, что вся система противодействия властям приобретет еще большую изощренность, коварство и непримиримость.

Глава 35

В июне 1981 года проводились боевые действия 350-го гвардейского парашютно-десантного полка в составе усиленного парашютно-десантного батальона под командованием капитана Вадима Войцеховского. Оперативную группу возглавил командир полка подполковник Александр Семкин. Задача группировки состояла в следующем: совершить марш по маршруту Кабул — Топ-Чак — Тизак, блокировать и уничтожить формирование противника в районе Даймирдад.

Моей разведывательной роте была поставлена задача прикрытия инженерной разведки отряда обеспечения движения, который мог подвергнуться нападению из засады. В последующем мне было приказано вести разведку в интересах группировки в районе населенного пункта Даймирдад с целью обнаружения противника. Задачу ставил командир полка:

— Марченко, с прикрытием ООД все понятно, или есть вопросы?

— Никак нет, товарищ подполковник.

— Идем дальше, — командир склонился над картой, — на этом рубеже оперативная группа спешится — прикроешь нас при выходе на высоту…

Кое-что я помечал в рабочей тетради, формируя сходу решения, расчет сил и средств. Командир полка продолжал:

— Затем с ротой достигнешь ущелий, — Семкин показал на карте точку схождения двух ущелий, — обеспечишь проход отряда обеспечения движения через кишлак и высохшее русло реки. Обрати внимание: кишлак, ущелья, это может быть опасным…

— Понял, товарищ подполковник.

Далее командир полка уточнил вопросы по развертыванию командного пункта, охраны, обороны его силами комендантского взвода и резерва группировки, уточнил взаимодействие моей роты с командиром батальона Войцеховским. При постановке задачи мы сидели на одной скамейке рядом и Вадим Аркадьевич, делая пометки, толкнул меня в бок:

— У тебя какая частота на «123»?

Я удивленно взглянул на шустрого в повседневной жизни комбата и тихонько, чтобы не заметил Чиндаров (будет море крови), шепнул:

— Не помню.

А через секунду, наклонившись к его плечу, уточнил:

— Товарищ капитан, я пришлю Кожевникова, с вашим

связистом они все согласуют. На каждую операцию у меня разные радиоданные, поэтому навскидку не помню. Войцеховский кивнул, продолжая записывать информацию.

После постановки задачи мы вышли на раскаленный воздух. Сидеть в палатке было невозможно — пот по спине стекал под «хэбэшкой», мелкая висевшая в воздухе пыль раздражала глаза. Сначала под душ — старшина Савельев нашел где-то емкость, шланг, распылитель — можно было ополоснуться водой.

В замысле операции роль полковой разведки не являлась особой: задействовались два взвода моей роты, третий оставался в лагере для ведения разведки в зоне ответственности. Проанализировав текущие задачи, я принял решение взять на операцию взводы Ивашко и Воронина, а Егорова оставил работать в интересах дивизии. Старшим в подразделении останется Платонов — займется оборудованием материальной базы.

Изучение района предстоящих боевых действий по карте приоткрыло множество деталей, которые необходимо было учитывать при выполнении задачи. Ущелье горной системы Хазараджат провинции Вардак раскинуло отроги в 120 километрах юго-западнее Кабула. Широкое и плодородное ущелье, по которому мчит свои воды Хават — горная речушка, врезается в мощное нагорье, которое в свою очередь изрезали узкие ущелья. Виноградники, населенные пункты протянулись вдоль долины по обоим берегам реки, зажатой горными системами. Дорожная сеть была неразвитой, грунтовые дороги, переплетаясь друг с другом, соединяли между собой кишлаки. Особенность афганской действительности: есть река, значит, есть поля, возделываются культуры, теплится жизнь.

Анализируя маршрут движения колонны, я наметил опасные участки, где возможны были засады, нападения. Прикинул варианты прикрытия инженерной разведки и действия в пешем порядке. Откровенно не нравилась кишлачная цепочка, к которой мы прижмемся, входя в район боевой операции. Местность благоволила к противнику наличием множества удобных мест для засад и налетов. Не успеем мы начать движение из парка, как «духи» выйдут на позиции, установят мины, засады. Более того, устроят завалы, пустят воду на проезжую часть, которая размоет дорогу, образуя ямы и вымоины. Плодородность долины достигалась ничем иным, как подводом воды по множеству арыков и кяризов, которые служат противнику для скрытого выдвижения к местам атак. Выходы душманов к нашим войскам с внезапным огневым поражением отработаны ими до мельчайших деталей. Поэтому маршрут движения группировки я отнес к категории сложных и очень опасных, требующий внимательного

изучения и собранности на всем его протяжении.

Неблагодарное это дело — провоцировать душманский огонь на себя, но получалось, что смешанная колонна на марше практически была беззащитной. На примере рейдовых операций несложно сделать выводы: тактика противника при воздействии на колонны предусматривала множество вариантов. Планируя нападение, душманы учитывали многие факторы: время, место засады, привлекаемые силы, средства, порядок поражения и главное оружие — внезапность. Дерзкая атака — и «духи» в секунды исчезали под землю, ущелье, в русло ручья, а через полчаса махали мотыгами, спокойно окучивая лозу виноградника.

Колонне боевой техники трудно без потерь оказать сопротивление противнику, потому что она принимает меры к обороне по факту нападения, а ведь уже подорвана техника, царит неразбериха, погибли люди. Значит, необходимы были превентивные мероприятия, вплоть до спешивания личного состава на опасных участках и выдвижение его по склонам горных хребтов. Кстати сказать, в ущелье вертолеты — малое утешение: экипажи привязаны к технике пилотирования больше, чем к воздействию бортовым оружием на противника. Высокая турбулентность бросала машины на скалы, землю, со склонов «мочили» ДШК, а разглядеть с воздуха «духовские» позиции было почти невозможно. Поэтому подразделения прикрытия, в данном случае моя разведывательная рота, подставлялись под огонь противника с тем, чтобы уберечь колонну на марше. Нам предстояла задача выявления душманских засад на пути следования группировки, а в случае засады — связывания противника боем для того, чтобы колонна штатным оружием могла организованно ответить огнем.

— Валерий Григорьевич, может, я с ротой пойду, буду нужнее в колонне?

Платонов зашел ко мне в закуток, присев рядом за стол. Мысль взять заместителя в рейд, конечно, была, но на 35 разведчиков, идущих на войну, четыре офицера — многовато. Зачем лишние риски?

— Отдохни, Жень, до следующего раза. Два взвода, сам понимаешь, немного. Сделай ружпарк, замени описи, бирки, разберись с гранатами… Понятно. А что у нас с военными билетами?

— Как раз и проверишь, заполнишь. Накопилось много изменений по службе и воинским званиям. Кстати, обнови и стенную печать. Жень, надо, понимаешь — надо, оставайся и рули. Наряд озадачь, чтоб Динку кормили.

Динка — это особая история! Однажды советники из Джелалабада подарили мне обезьянку, индийскую макаку. Небольшое, шустрое, но ужасно агрессивное создание! Свободными вечерами она была главным объектом наших развлечений. Ее стравливали драться с собаками, желающими подурачиться солдатами, офицерами, она бесстрашно нападала на всех, кто ей не нравился, впиваясь острыми зубами в обидчика.

— Хорошо, Григорич, сделаю, заодно отработаю журналы боевой подготовки.

— Вот, видишь, работы непочатый край! Да, вот еще: сделай отдельную программку для молодых бойцов — будем втягивать по возвращении из рейда.

Обсудили с заместителем ряд других текущих вопросов, которые накапливались, и если их не разбирать, засосет повседневной рутиной. Платонову выпал удобный момент завершить дела. Из командования полка в лагере никто не оставался — все уходили в рейд, поэтому спокойно, не напрягаясь, Евгений решит намеченные нами вопросы. С Платоновым оставался старшина, которому я определил задачу замены солдатам постельного и нательного белья, устройства бани по возвращении роты с операции. После решения хозяйственных вопросов вызвал к себе для постановки задач командиров взводов.

— Для тебя, Олег, ничего нового нет, работаешь в обычном режиме: днем отдыхаешь, ночью — в горы. Потаскай молодежь по засаде, сигналам, потренируй, чтобы друг друга чувствовали затылком. На разборе должны тебе объяснить и защитить свои действия, поучи их инициативе, одним словом — дерзай! Пока достаточно. Если нет вопросов, отдыхай, готовься к ночи, а мы еще поработаем.

— Понял!

— Александр и ты, Сергей, — обратился я к командирам взводов, — в колонне работаем на внимание и наблюдение. Нас «духи», скорее всего, пропустят — их цель радийные машины, наливники, группы управления. В этом они ориентируются. Отряд обеспечения движения небольшой, но он прикрывается танковым взводом, и нам спокойней. Таким образом, наша задача — не проскочить засаду. В случае таковой по радио навести танкистов, пусть они ее «гасят» из ДШК и орудий. Танкистов проинструктирую до слез.

Собравшись с мыслями, продолжил:

— Хуже ситуация на маршруте: завалы и суженные места. Спешиваемся по команде и, как тени, за камни, вверх пойдем под прикрытием танкистов. Не торопитесь, оцените местность,

противник проявит себя. Целеуказание красной ракетой и трассерами. Подробнейшим образом я проиграл различные ситуации засад, завалов, налетов, обстрелов с гребней хребтов. Отработал порядок связи, сигналов и взаимодействия.

— Кстати, Петрович, давай-ка к Войцеховскому, сработай с Аркадьевичем по связи, уточни по КВ, иначе может быть, что связи никакой, кроме… Сам знаешь!

— Угу. Понял.

Командирам разведывательных групп уточнил порядок преодоления населенных пунктов. В конце подытожил:

— Я в командирской машине, управляю группами по «123-й» и «148-й», спешиваюсь вместе с вами и рассчитывайте на прикрытие моим управлением. Вопросы, господа офицеры?

Основательный Ивашко уточнил:

— Валерий Григорьевич, авианаводчик будет?

— На этапе выдвижения — нет, дальше — покажет обстановка. Так определил командир полка. И последнее: проверить жетоны, аптечки, промедол, запасы воды. Все. Отбой, подъем в 1.50.

Подготовка к очередной боевой операции 350-го гвардейского парашютно-десантного полка была завершена вовремя. Группировка изготовилась к броску на юг провинции Вардак, чтобы своими силами помочь правительству страны взять под контроль обстановку на подступах к столице.

В 3.00 группировка начала движение. В составе отряда обеспечения движения я повел колонну через Кабул на магистраль. Пройти предстояло через город. Старшим обеспечения был назначен начальник инженерной службы полка майор Курлюк, воевавший в Бехсуде и получивший там, в первой рейдовой операции, тяжелые минно-взрывные ранения. Излечившись после полученных травм, он вернулся в строй. Он был опытным специалистом в инженерном обеспечении, имевшим за плечами множество боевых операций.

Частые выходы в рейды научили нас действовать быстро и слаженно, в том числе на этапе вытягивания колонны на маршрут движения. Подразделения знали «свой маневр» и уверенно занимали места в общей колонне. Еще затемно мы вышли на трассу и до самого поворота в ущелье двигались на хорошей скорости. Перед съездом на грунтовку и втягиванием в ущелье я дал команду Александру Ивашко выдвинуться для разведки местности на повороте и прикрытия ООД под командованием майора Курлюка.

Метров через сто после съезда была обнаружена первая «итальянка». Непонятно! То ли душманы изменили своей тактике

или сработали сознательно? Минируя съезды на грунтовые дороги, «духи» применяли несколько хитростей, о которых я подробнейшим образом рассказывал выше. В нашей ситуации к съезду как таковому не было претензий — чист, а через несколько десятков метров была обнаружена мина, к которой сразу же появились вопросы. Первое — мина была установлена наспех, перед нашим поворотом направо. Значит, противник уже вышел в режим противодействия. Он был перед нами!

— Товарищ майор, — обратился я к Курлюку, — двумя группами выдвинусь метров двести вперед и прикрою вас от неприятностей с дороги. Возражений не будет?

— Д-д-давай, Марченко, — заикаясь, отмахнулся контуженный майор, занявшись обнаруженной солдатом миной.

— Чо это, товарищ майор?

— Уйди, а то ё…т, сложим ласты!

— А-а… Ну ладно…

Саперы обнаружили еще несколько мин, поэтому я решил взвод Воронина на боевых машинах оставить для прикрытия отряда обеспечения, Ивашко в пешем порядке выдвинуть метров на 150 вперед по правой стороне дороге, чтобы встретить противника на подступах к колонне. Сам же с разведчиками управления роты двинусь с левой стороны грунтовки, создавая саперам Курлюка поле безопасности разведки маршрута с обеих сторон проезжей части.

— Ближе двадцати метров к дороге не приближайся, Александр, — возможны растяжки и противопехотные мины. Следуем по одной линии — вперед не вырывайся, но и не отставай, связь по радио и визуальная.

— Понял, Валерий Григорьевич.

Оглянулся — Курлюк колдовал над очередной «итальянкой», которую сняли саперы, и что-то вдалбливал одному из солдат. Может, как и я, вынужден был по ходу дела учить подчиненных методам обнаружения и снятия мин. За ними следовал танковый взвод, с командиром которого перед началом движения я отработал порядок действий, связь, поддержку огнем.

Было очень темно. Выдвинувшихся с правой обочины дороги разведчиков Ивашко я не видел, они исчезли вместе с командиром группы, словно провалились сквозь землю. Профессиональная работа командира и его подчиненных. Пора и самому было двигаться на рубеж прикрытия саперов.

— Комков с Бутриным — дозор. Следовать вдоль дороги, не приближаясь к ней ближе тридцати метров. Полное внимание! «Духи» ставят мины перед самым нашим носом. Сигналы прежние. Давайте, ребята, но чтоб — культурненько.

Снайпер Комков был опытным разведчиком, в дозоре работал смело, уверенно, а вот Бутрин был молодым солдатом последнего призыва. В роту я его взял за спортивные достижения по карате-до. Парень он был энергичный, уверенный, независимый, осталось только научить его мудрому делу разведки. Другого бы молодого разведчика не послал с Комковым — не до учебы, и обстановка, похоже, накалялась. Стояла такая тишина — до звона в ушах, не хотелось верить, что противник был рядом и время от времени подсовывал мины в дорожную пыль.

— Волик, ты где, черт бы тебя побрал?

«Таблетка» вынырнул из темноты.

— Товарищ старший лейтенант, шину прихватил на всякий случай и бинтов.

— В своем репертуаре! Грезин, Петров — за дозором, Ганюков с Богдановым — тыл. Волик со мной — контролируешь дорогу справа и группу Ивашко, из вида друг друга не терять. Все! Поехали.

Ночь выдалась темной, без подсветки луны. Превратившись в призраков, мы отошли от дороги и тут же втянулись в виноградник, ставший серьезным препятствием. Ровными рядочками виноградные кусты уходили в темноту поперек движения группы, цеплялись за одежду, снаряжение, мешали бесшумному движению. Между рядками окученной лозы было полтора-два метра, которые мы старались преодолевать с особой осторожностью, не нарушая общего фона наступавшего утра. Я периодически прислушивался к дороге, где с Курлюком осталась группа инженерной разведки, косился вправо — на группу Ивашко, которая по моим расчетам, выдвигалась на одном уровне с нами.

Двигателей танков, БМД практически не было слышно, наверное, опять обнаружили мину, снимали. Колонна в таких случаях останавливалась, ждала команду к началу движения. Вокруг была тишина, ничто не говорило о присутствии противника, разве только мины! Но с каждой минутой нарастало чувство опасности, охватывало, заволакивало. Очередное спотыкание о куст вызывало першение в горле, провоцируя кашель, обрабатывали чем-то что ли? Падали в лозу, прижимаясь к земле.

Сжимавшие автомат руки немели, ломило затылок, хотелось хлебнуть холодненького, но… Стоп, остановка. Слушаем ночь! Оглядевшись, коснулся Грезина — вперед. Поравнялись с Ивашко. Его разведчики угадывались на фоне светлеющего неба. Стало быть, следуем по виноградной плантации, придерживаясь общего маршрута движения. Нас разделяли дорога и расстояние между

группами в сотню метров — не помеха, при необходимости поможем друг другу. Заработавшие двигатели отряда обеспечения дали знать, что инженерная разведка с танковым взводом пошли по дороге — путь, вероятно, был свободен. А основные силы группировки все еще стояли на магистрали, ожидая, когда участок грунтовой дороги очистят от мин и можно будет втянуться в ущелье.

Сигнал «Внимание» подал Грезин, направляющий группы — упали, укрывшись за окученные рядки виноградника.

— Что у тебя?

Сержант показал на дозор — ясно, Комков уперся в проблему. Надо решение командира.

— Так, Грезин — старший, Волик — со мной. Тишина.

Царапая руки колючей лозой (и лицу досталось), мы с Воликом двинулись к дозору. Почти добрались до него. Вспышка! Под ногами качнулась земля. Тишина всколыхнулась «бухнувшим» взрывом, ткнувшим ударной волной по спине.

— Что случилось, «броня», прием?

В наушниках помехи с меняющимся тембром шума.

— «Броня», ответь «17-му».

Сквозь шипение я все же услышал Воронина:

— «Слон» подорвался! Как слышишь?

— Что у них?

— «Слон», говорю, подорвался!

— Ну и…

— Что и?.. Не слышу!

— Твою мать эту связь! Танкисты живы?

— А… Понял! Сейчас вникну.

Воронин, скорее всего, контужен! Ни хрена не слышит!

— Волик, не отвлекайся от виноградника.

— Я смотрю, товарищ старший лейтенант. Ивашко залег, его не видно.

— Наблюдай.

Через несколько минут Сергей доложил:

— Экипаж контужен, нужна эвакуация — у танкистов, б…ь, с собою нет даже бинтов.

— Окажи им помощь.

— Разберусь, «17». Как обстановка?

«Хорошо, что не сработала танковая боеукладка», — думал я. Детонация снарядов привела бы к страшным последствиям. Сразу же за танковым взводом шли БМД моей роты. Ответить Воронину я не успел — рвануло так, что я не понял, как оказался на земле. Эхо полетело по скалам ущелья.

— Ё… твою м…ь, это еще что? — закричал я в эфир.

— «17», «17», я «23», подорвался командир «слонов».

— Как?

— А х…й его знает! Объезжал подорванную «коробочку» и подлетел на обочине.

— Где их командир?

— Что? Не понял!

— Где старший танкистов?

— Он и подорвался! Сейчас уточню.

— Убери людей, слышишь меня?

— Да-да, мои за броней.

— Сергей, внимание на виноградник.

— Ни х…я не слышу, кажется, досталось.

— Глаз не спускать с виноградника!

— Понял, понял, — вскричал отчаянным матом Сергей.

Наверное, контужен сработавшей под танком миной.

— Разберись, я жду доклад.

Куда ж смотрели саперы? Второй танк налетает на мину! И танкисты хороши — пустые медицинские аптечки, оказать нечем первую помощь! Темновато и вертолеты будут нескоро. Новый взрыв потряс ущелье. Я прижался к земле, ощущая щекой прохладную сталь автомата. Чья очередь? Кому светлеющее небо востока уже не заглянет в глаза?..

— «17», прием, — в наушнике голос Воронина.

Я не сразу нашел тангенту, чтобы ответить Сергею, но вздохнул с облегчением. Жив.

— «17», я «23», прием.

— Слушаю.

— Третий взлетел…

— Помощь нужна или сам разберешься?

— Что разбираться? Нужна эвакуация.

— Понятно. Бери на себя прикрытие обеспечения и помоги танкистам.

Понимая, что у Курлюка нет времени на доклады по команде (ситуация тяжелая: три подрыва за пятнадцать минут), я решил доложить обстановку командиру полка.

— «Рубин-13», Я «Астра-17», прием.

— На приеме.

— Тяжелые «коробочки» вышли из строя! Три подрыва подряд, помощь экипажам нужна. Посадку «горбатых» обеспечу, прием.

Ответ был длинной тирадой площадного мата, из которого понял: куда я смотрел? Почему танки подорвались на минах? Попытка объяснить по радио, что к подрывам танков я имею очень маленькое отношение, а точнее — вообще его не имею,

Семкину показалась малоубедительной. Теряя драгоценное время, я несколько минут выслушивал мат-перемат, при этом в интонациях командира полка угадывалось, что он не на войне, а на полигоне под Псковом. Тем не менее я доложил свое решение:

— «Рубин-13», двумя группами прикрою в пешем порядке, броня обеспечит «ниточку» «кротов» на марше, прием.

— Будь на связи, докладывай.

— Фу, черт, — вытер испарину, — Грезин, вперед.

В светлеющей утренней заре я думал, что лучшим решением будет, если мы отвоюем больше пространства на участке дороги, где работали саперы. Мне надо будет выдвинуться перед отрядом обеспечения движения метров на триста вперед и взять под контроль кусочек маршрута перед колонной. Светлое время позволит более детально исследовать рельеф на пути движения, а пока противник контролировал колонну и взялся за нас по-серьезному. Что будет дальше, никто этого не знал.

— Что у тебя, Комков?

Я был рядом с дозором, до которого мы почти добрались, но начались подрывы танков.

— Товарищ старший лейтенант, виноградник заканчивается обрывом, за ним сухое русло реки. Широкое. Дальше кишлак. На площадке метров в двести мы как на ладони — укрыться негде и нечем. На той стороне перед дувалами сеть арыков, в которых, не исключаю, засада.

— Далеко до обрыва?

— Рядом.

— Давай к нему.

К последним рядкам виноградника мы ползли через кусты. Обрыв. Около трех метров почти вертикальной стенки вниз.

— Дай-ка «ночничок».

Ничего особенного в прибор я не заметил. Посмотрел вправо, где находился Ивашко, — разведчиков не было видно. Вероятней всего, Ивашко размышлял, какой следующий сделать шаг.

— «22», не торопись, изучи русло реки, — сориентировал я Александра.

— Русло-то чисто, а вот дальше…

— Ну?

— На той стороне смущают аккуратно сложенные камни, как будто специально лежат… Не нравится.

— Стоять! Вперед не лезь, наблюдай — подождем «вертушек», а там разберемся, а?

— Мудрое решение командира.

— Подкалываешь, что ли?

— Не-а, «17», себя успокаиваю!

— Ну да!

«Доложу, — подумал я, — командиру полка о сложившейся ситуации с предложением подождать рассвет, то есть выход на кишлак сделать при поддержке вертолетов: местность открытая, риск большой потерять людей.

— «Рубин-13», я «Астра-17», прием.

Так и поступил, доложив Семкину обстановку такой, какой я ее видел и оценивал. Выразил беспокойство о возможной засаде, может быть, сразу нескольких. Нужна, мол, поддержка вертолетов, без которой, с учетом подорвавшихся танков, отряд обеспечения может стать уязвимой мишенью. Семкин реагировал с присущей ему академической командирской грамотностью:

— «17», я «Рубин-13», не задерживай колонну, приказываю — вперед!

— «Рубин-13», мы открыты засадам «духов», — «молочу» открыто в эфир.

— Вам вечно что-нибудь кажется! Я сказал — вперед!

«Вперед ему… Бля… Выполняет график движения… Семкин выехал на учения», — так я бурчал про себя, «пройдясь» прицелом по кишлачной окраине. Видимость была хорошей, поэтому я с уверенностью мог сказать — движения на его улочках не было, в то время как утренний намаз закончился, и люди должны были идти работать в поля. Где они? Спрятались в горы? Значит — опасность, остальные ушли в засады. Что будем делать? Наметить ориентиры? Попробуем.

— Комков, улочку видишь на той стороне?

— С темными кустами?

— Ну да, что-то такое…

— Схватил!

— Это основной ориентир броска через сухое русло — держись его. Теперь смотри в перспективу и наметь пару мест, где можно укрыться во время броска. Вот, к примеру, вымоина, дальше — валун, тоже сойдет. Бросок с Бутриным по команде — прикроем, но не танцевать — лететь, как выстрел. С обрыва — нормально, скатитесь на спине, РД смягчит. Понятно?

— Угу.

— Приготовиться! Бутрин?

— Я, товарищ старший лейтенант!

— Задача понятна?

— Так точно!

— Это тебе не кирпичи ломать! Наука побеждать!

— Суворов, что ли, товарищ старший лейтенант?

— Ну да! А мы — суворовцы войны. Собраться! Вперед!

Оценив рубеж броска, Комков с Бутриным скатились с

обрыва, залегли. Слух приласкали запустившиеся сзади двигатели техники отряда обеспечения — Курлюк начал движение, вероятно, получив строгий наказ командира полка не задерживать движение колонны. Автоматные очереди ударили с обратного русла реки: звонкие, частые, рассыпавшись грохотом полутора десятков стволов.

— Засада!

Свинцовый огонь хлестал по веткам кустов виноградника. Убрали головы за рядочки окученной лозы, тело вжалось в землю под шелест летевших пуль: «вжих», «вжих», «вжих-вжих»…

— Не стрелять! Укрыться.

Плотная синь выхлопа газов обозначила «духов» по фронту занятой ими позиции. Ее было видно по вспышкам выстрелов, что сыграло нам на руку — противник ослепил себя автоматными очередями, поэтому команда «не стрелять» была необходимой. Ответный огонь не мог иметь результатов, он расшифровывал нас окончательно, и мы бы тоже ослепли. Засада с горушки не застала врасплох. Обстановка уже накалилась подрывами танков и было ощущение: сейчас, сейчас… Но для засады не было удобного места — кругом сплошной виноградник, кусты которого ниже человеческого роста. А тут — пожалуйста, лучше засадной позиции не придумать! «Духи», используя тактику минной войны, могли быть довольны — три танка взлетели на минах. Надо еще разобраться, почему первые мины были обнаружены саперами, а последующие сработали точно по цели. Что применил противник? Новую хитрость? Или человеческий фактор?

— «Астра-17», я «22», — Ивашко вышел на связь, — у меня нормально.

— Понял. Не открывайся, веди наблюдение.

Лихорадочно думал, что же предпринять в эту минуту? Под обрывом услышал Бутрина:

— Товарищ старший лейтенант, Комков ранен.

Это плохо. Как его вытащить? Чтобы оценить обстановку, подполз к обрыву. Оба дозорных лежали за глыбой земли. Комков пытался скинуть ботинок, штанина его комбинезона была разорвана и пропитана кровью.

— Что у тебя, Комков?

— В ногу ударило.

— Держи промедол, — я кинул снайперу тюбик прозрачной жидкости.

— Чего ты возишься с комбезом? Коли через ткань в бедро! Бутрин, убери голову — лежать и не шевелиться.

Огонь противника стал избирательней: пули, стараясь найти цель, с жужжанием проносились над головами, шлепались в

стенку обрыва.

— Товарищ старший лейтенант, «духи» звереют!

— Чего?

— Кричат!

— А-а…

Визгливые крики душманских вояк «Аллах Акбар» доносились с обратного русла реки.

— Звереют.

— Что ты там, Волик, бурчишь?

— «Духи» с ума посходили.

— Хотелось бы, друг мой «таблетка», а «душки»-то подбадривают себя и шкалят нас потихоньку. Не скиснем?

— Ну, что вы, товарищ старший лейтенант!

Рассветало. Вот-вот из-за гребня вынырнет лучик светила и в обаянии его утонет плантация виноградной лозы. От реки по ущелью плыла утренняя дымка, охватывая прохладой кусочек долины перед восходом палящего солнца. За сухим руслом бывшей речонки контрастно проявился кишлак, но людей в нем все еще не было видно, как не видно обычного дымка очагов. Левее — высотка. Я не сразу обратил на нее внимание, темновато было, да и «духи» прижали огнем, теперь же она притягивала взгляд. Нет-нет, да бросал на нее взгляды и пока не понимал, почему. Из любопытства прикинул: если на ней оказаться, перед наблюдателем откроются просторы едва ли не до магистральной трассы, где все еще стояли основные силы группировки. Это перед наблюдателем. А что будет при занятии на ней позиции этак полутора десятков «духов»? Интересная высотка! С нее в километр по окружности можно устроить систему сплошного огня, которую не преодолеть даже на нашей броне. Так-так… Уходить! Ход мыслей мне все больше не нравился. Положат! Опасный участок сухого русла необходимо срочно оставить! Уйти с линии огня душманской засады! Я уже не сомневался в ее реальности и думал, как привлечь Ивашко, чтобы он подработал на отвлечение «духов». С левого склона подобраться к горушке и уйти в ее «мертвую» зону? Результатом будет уход, а Ивашко?

— «22», прием.

— На приеме.

— Различаешь «бородатых»?

— Ну, да, передо мной.

— Тогда слушай: через минуту ударь сосредоточенным, отвлеки от нас — я уйду влево.

Осмысливая задачу, Ивашко молчал.

— Принял.

Пока суд да дело — надо уходить. А вот дадут ли?

— Комков, вам с Бутриным лежать и не шевелиться — вы в нашем поле зрения. Ясно?

— Так точно, товарищ старший лейтенант.

— Грезин.

— Я.

— С Петровым выдвигаетесь метров двести влево от обрыва и стоп — разберемся. Приготовиться.

Группа Ивашко открыла внезапный для засадной группы противника огонь.

— Вперед.

На четвереньках мы рванули по винограднику в обход противника. Смешное это было зрелище! Каждый из нас имел полное снаряжение и боекомплект. Но ироничная мысль не успела оформиться, как с не понравившейся мне высотки рубанули автоматные очереди, и вокруг нас кусты виноградника полетели в разные стороны.

— Укрыться!

Пули шлепались в стенку обрыва справа, в земляную насыпь кустов. Она и стала спасительницей — тела вытянулись вдоль рядков виноградника и слились с ними в едином объятье. Кажется, все… Не поднять головы — разлетится вдребезги. Такого еще не бывало! Автоматно-пулеметный огонь косил виноградник. Стволов тридцать, навскидку, изрыгая пламень свинца, уничтожали все живое не только в винограднике, но и в округе. Это не засада — ураган, сметавший все на своем пути. Кое-как удалось подтянуть радиостанцию:

— «23», прием?

— На приеме.

— У меня «300-й», прижали огнем, кто-нибудь из танкистов в состоянии работать из орудий и ДШК?

— «17», в норме у них командир, сейчас озадачу.

— Стоп, Сергей, слушай внимательно, — ответ Воронина оживил, — наблюдаешь позицию «духов»?

— Да.

— Из орудий лупи по горушке, ДШК — по засаде, постоянно переноси огонь.

— Понял, попробуем.

— Какой попробуем? Вали что есть мочи!

— Понял, «17».

— Выйдешь к руслу реки, забери «трехсотого».

— Да-да, принял!

Серега схватил налету, значит, еще повоюем. Как там танкисты? Все зависело от них! Надо было выходить из-под огня. Суть мысли проста: получится огнем танковых орудий подавить

противника на горушке — перемахнем открытый участок сухого русла и уйдем от огня. Нет — писем написать не успеем, ляжем все, как один.

Глава 36

Танковый ДШК, круша каменную кладку вместе с засевшими «духами», ударил нервными, короткими очередями. Получилось толково: позиция противника разлеталась в мелкое крошево, нанося противнику косвенные поражения щебенкой. Невидимые до сих пор «нуристанки» и чалмы душманов метнулись в дувалы кишлака. Выстрел танкового орудия поднял на высотке каменный грунт, опустив его на головы «духов». Следующие выстрелы танка прозвучали еще убедительней — огонь противника прекратился так же внезапно, как и начался. Может, и правда, повезло?

— Живы?

— Вроде бы да, — глухо ответил, «Таблетка», все еще не веря, что свинцовый шквал никого из нас не задел.

Стряхивая пыль с головы, Волик примеривался, как бы махнуть с обрыва к получившему ранение Комкову.

— Стоять, Волик, с ним останется Бутрин! Через русло — бегом! Ты слышишь меня, Бутрин? Береги Комкова, подтянешься к нам с Ворониным.

— Понял, товарищ старший лейтенант.

Скатившись по обрыву, мы чесанули по сыпучему песку на обратный берег речонки. За спиной ДШК длинными очередями «резал» оборону противника на той самой горушке, которую я сразу-то и не заметил. Мощный огонь прижал противника к щебенке, не позволяя ему огрызнуться по нам свинцовым огнем. Мы же, пригнувшись, бежали по сухому руслу реки к арыкам, где укроемся от душманов засадной группы, расположенной справа перед фронтом Ивашко. Споткнувшись, я упал на песок, намытый сезоном дождей по весне, и думал: мать твою, как же нам выбраться из этой клоаки?

— Что с вами, товарищ старший лейтенант? — склонился надо мною «Таблетка», хрипевший от нехватки кислорода.

— Поскользнулся, Волик, вперед — не задерживайся!

Вскочив, я окинул взглядом управленцев, бежавших к спасительным арыкам, и остался доволен их резкостью в минуту смертельной опасности. Именно — минуту, большего нам вряд ли позволит противник, который вот-вот откроет огонь. Оставалось немного. Я уже видел изгиб арыка, где мы укроемся от огня с вершины горы и засады, бой с которой вели разведчики Ивашко. Они у Александра достигли главного — «духи» отскочили в кишлак и скрылись где-то в его глубине, позволив нам проскочить открытый участок песчаного русла реки. «Неужели выскочили, бля? Вот это да»!

Лежа на животе, я верил и не верил в спасительный исход ситуации, которая за шиворот — не иначе — вытащила нас с того света. Хватая потрескавшимися губами из фляжки пересыпанную хлоркой воду, я с удовольствием вдыхал кисловато-гнилостный запах сточной воды, текущей из кишлачных трущоб. Напротив — обрыв, с которого мы только что лихо скатились, и валун, за которым оставил раненого Комкова под охраной каратиста Бутрина. Противник сбит с засадной позиции, и я уверен, что моим разведчикам уже ничто не грозило.

Пулеметные очереди танкистов «долбили» позиции «духов» на вершине горы — второй засадной группы, давая возможность Воронину с отрядом обеспечения выйти к руслу реки. Сергею несложно будет забрать бойцов в БМД своего взвода, а потом я разберусь, каким образом Комкова эвакуировать к «вертушкам» и доставить его в медсанбат. В разгар навязанного «духами» боя мы не можем садить борта, подвергая опасности их экипажи, поэтому мне ничего не оставалось, как выдавливать душманов из кишлака, обеспечивая движение инженерной разведке полка.

С пятью разведчиками мне удалось вцепиться в кишлачную окраину, и я думал над следующим шагом, который следовало сделать с наращиванием усилий роты по уничтожению противника на пути войсковой группировки. Разумней всего было перетащить в кишлак группу Ивашко, чтобы он навалился на «духов» правым флангом наступавшего подразделения. Выполнение этого замысла было осуществимо лишь при поддержке Воронина, даже не столько его, сколько тяжелого вооружения контуженых экипажей танков. Сергей был рядом с ними, владел обстановкой, слушая радиосеть в эфире, и он бы сориентировал танкистов, способных вести огонь по противнику из ДШК, на цель.

— «23-й», обстановка?

— В порядке! Вот ни хрена не слышу!

— Приложило?

— Ну, да! Наеб…ло!

— «22-му» нужен выход в кишлак. Танкистов поднимешь?

— Слабоваты, контужены. Справятся ли?

— Привяжи их ремнем к пулемету! Ну, маленько, Сергей, понимаешь? Маленько! Полоснут, и Ивашко пройдет на «ура»!

— Принял, «17».

— Порядок! «22», слышал?

— Да-да, — сиплым голосом подтвердил Ивашко.

— Не задерживай, Сергей, молоти!

— Бегу, «17», бегу!

«Правильно, Воронин, правильно, дорогой! Скисших от

подрыва танкистов приводи в порядок, чтоб нашли в себе силы ударить по “духам”. Ивашко проскочит!» — стучали «молоточки» в мозгу. И танкисты сработали, не подвели! Пулеметы вспороли позиции «духов» перед фронтом Ивашко, заставив отойти их в кишлак. Как выяснилось позднее, за одним из пулеметов, кромсавших каменные кладки душманских позиций, работал Воронин.

С «пятачка», за который мне с отделением управления удалось зацепиться, я оценивал возможность дальнейшего движения отряда обеспечения (без танковой поддержки). Прежде всего, мне с разведчиками необходимо было создать условия для группировки, в которых было бы невозможно воздействие на нее засад противника. Эти условия разведывательная рота 350-го гвардейского парашютно-десантного полка создала с приданным танковым взводом, сбив совместными усилиями засады противника. Танкисты из ДШК и орудий (хватило же сил!) подавили огонь душманских засад (ей-богу, молодцы, буду ходатайствовать перед командованием об их награждении) и моей разведывательной роте обеспечили выход в кишлак. Мы зацепились! А сейчас завершим уничтожение душманов и обеспечим безопасность колонне на маршруте ее следования в район боевой операции.

Для осуществления намерений обеспечения прохождения колонны в район предстоящих боевых действий (у нас, разведчиков, они уже начались, о чем личный состав группировки даже не догадывался) и следующего шага вперед мне надо было оценить собственные силы на предмет их способности выполнить задачу и их положение на местности. Оценить противника — это тоже входило в задачу! Таким образом, на обратной стороне только что «форсированного» нами сухого русла реки отряд инженерной разведки под командованием майора Курлюка готовился к движению, причем по дороге, напичканной минами. Танкисты, не без помощи Воронина, должны были собраться с силами, чтобы выложиться на огонек из пулеметов и заткнуть им «духовские» глотки на горке.

Разведчики Александра Ивашко, перескочив открытый участок сухого русла, вцепились в несколько глиняных сооружений, укрывших их от огня озверевших душманов. Почему озверевших? Ивашко докладывал, что слышит «духов», подбадривающих себя криком «Аллах акбар», и они, похоже, готовят атаку! Его группа составила правый фланг разведывательной роты, выдавившей и частично уничтожившей на этом участке душманов. «Духи» перед фронтом его взвода втянулись в кишлак и из-за дувалов, строений постреливали по

позиции, занятой им после броска. Нервничали! «Духам» его разведчиков не опрокинуть. Ивашко держался крепко, засекая ориентиры выхода на обратную окраину населенного пункта, ближнюю к горам. Без этих практических хитростей можно долго ходить в поисках выхода из кишлака и сложить там свои головы.

Изучение окраины кишлака и высотки, где «духи» выставили вторую засаду, не вызывало сомнений, что их большая часть после воздействия танков спустилась в кишлак, возможно, усилила засадную группу, атакованную Ивашко, или по ущелью ушли к следующему рубежу обороны. Но на горушке душманы еще оставались. На этом этапе неважно, куда они ринулись, главное — мы их лишили инициативы на господствующей высотке. И дальше будем наращивать усилия по обеспечению выхода колонны в район боевых действий. Здесь уже «духам» не растерзать нашу «ниточку» огнем безоткатных орудий и крупнокалиберных пулеметов. Разведчики «полтинника» обеспечат ей через кишлак беспрепятственный проход. А мины на дорогах? Вся надежда была на Курлюка!

Выкарабкавшись с управлением роты из полосы сплошного поражения огнем (Господи, как нам это удалось?), я выбрал место в арыке за дувалом, накрытым ветвями деревьев. Свиваясь, они свисали над утоптанной тропинкой, закрывая ее от наблюдения из кишлака, поэтому далее пятидесяти метров в глубину населенного пункта он не просматривался. Нужен был следующий шаг, чтобы развить первоначальный успех. Надо принимать решение!

— Волик, твой проулок в кишлак, Грезин — окраина до высотки с «духами». Связист? Чего у тебя там?

— Аккумуляторы отошли, товарищ старший лейтенант!

— Твою мать! Куда смотришь?

— Наверное, ударил на спуске…

— Есть связь?

— Есть, товарищ старший лейтенант, есть! — обрадованно вскричал связист, вскакивая с видавшей виды станцией.

— Ложись! Дырок наковыряют в черепе!

— Есть!

Затянутая пылью горушка огрызалась огнем. Оставшиеся на ней душманы лениво, но постреливали. До отряда обеспечения движения было далеко, а наш бросок они засекли и беспокоили нас одиночными выстрелами. Надо было скоординировать наши действия в единый замысел. Воронин был нацелен на организацию огня по горушке силами танкистов, они заставят замолчать оставшихся на ней в живых душманов. А мы с Ивашко с двух направлений поддержим отряд инженерной разведки при

втягивании его в кишлак. Решение принято!

— «Каток -15», я «Астра-17», прием.

— На приеме, — нервный голос Курлюка подрагивал.

— Прикрою ваш выход в кишлак. Без промедления — вперед!

— П-п-о-о-нял.

Начальник инженерной службы полка после ранений, полученных в прошлом году, растягивал слова и слегка заикался.

— «23», продолжай долбить высоту.

— Я понял, переношу огонь на горушку.

— «Слоны» прикроют твой выход в кишлак.

— Принял, «17».

— «22-й», внимание! Частью «карандашей» прикрой «кротов», но не спускай глаз с кишлака. У тебя там бешеные!

— Понял! Через минуту готов!

Обстановка прояснилась. Мои по команде пойдут на кишлак, а Миша Попов «Слонами» поддержит их с тылу.

— «Слон», я «17»!

— Да не кричи ты, я слышу! — спокойно ответил Попов.

— Миша, я в образе — не отвлекай. Подтянись к ООД и возьми под контроль его выход в кишлак. Ориентир — горушка справа по ходу. Увидишь! Пару штатных по ней, когда мы втянемся в кишлак.

— Понял, сделаю!

Ух, черт побери, закрутило! Пора!

— Богданов — старший, с тобой Ганюков. Осторожно по улочке, любое движение — огонь! От нас не отрываться! Вперед!

Вылезли из вонючей ямы и осторожно пошли вдоль склона одного из арыков, изрезанного вымоинами и корневищами деревьев. Есть где укрыться от пуль с горушки и скрывшейся в кишлаке засадной группы, встретившейся с разведчиками Ивашко. Улочка уходила в кишлак. Она была продолжением дороги, по которой шла техника всей группировки, и именно здесь ей придется пересекать населенный пункт — объездных путей не было. Это место меня и беспокоило, когда я изучал маршрут движения колонны.

По отработанной схеме передвижения в жилых строениях, вылепленных из глины, мы двинулись вдоль дувалов, образующих улочку. Характер рельефа, завалы, вымоины, мины — «духи» придумают все, что угодно, для задержания техники. Может, и сейчас уже что-то подкинули! С минами у них получилось — танковый взвод мы уже потеряли… Выстрел орудия хлопнул признаком того, что танкисты еще повоюют. Ранения, контузии, полученные ими после подрыва на минах, не лишили их мужества — они обрели в себе силы на бой. Парни в

промасленной робе огнем орудий и пулеметов разносили противника на высотке, чем способствовали выполнению нами задачи. Чего уж греха таить — спасли мою группу от верной гибели. Лежать бы нам в обнимку с виноградной лозой… Но еще повоюем!

Очередной выстрел орудия, дробный стук пулеметов возвестил о том, что «духи» все же оставят горушку. Проблески пламени из стволов ДШК пластали тех, кто пытался с вершины стрелять по колонне. Пыль заволокла танки. Воронин доложил по радио, что забрал к себе раненого в ногу Комкова, Бутрина и скоро выдвинется к нам. Теперь только вперед! Сергей своей бронегруппой прикроет проход через открытое пространство инженерной техники Курлюка.

Но кишлак не принимал «шурави» и разразился огнем — автоматные очереди рубанули за стенкой и прошлись по веткам деревьев. Душманы засели за каменной кладкой левее дувалов, образующих улицу. Их не было видно, они во внутреннем дворике. Прикинув расстояние по звуку стрельбы, скомандовал:

— Гранаты!

Метнули во дворик через кладку камней. Взрывы. Шелест осколков не явился помехой, мы были прикрыты от их поражения стенкой. Быстрее вперед! Сделал несколько шагов вдоль глиняной стенки, чтобы затем перескочить тропинку и осторожно выглянуть из-за дувала — упал, едва не споткнувшись о «духа», сидевшего возле дороги. Еще холодок в животе не прошел от броска через речку, а тут — картина маслом, любого сразит наповал. Облокотившись на дерево, сидел раненый в ногу душман, справа от него автомат, слева — шлепанцы. Но главное не в этом: «дух» иголкой штопал оторванный пулей кусок мышечной части ноги. Прижимая шмат собственной плоти левой рукой, он пришивал ее, как если бы штопал дырку порванных брюк. Проделывал он эту операцию увлеченно, со вкусом, словно бы нас не существовало на свете и три автомата ему не смотрели в живот. Волику, вероятно, показалось обидным невнимание противника к нам, выраженное в циничной форме — он ногой опрокинул «духа» на землю.

— Стоп, Волик, обыщи. Грезин, сектор слева, Богданов — справа. Ганюков — улица.

Огляделся по сторонам, стрельба впереди не стихала, а лезть на рожон было опасно.

— «23», меня наблюдаешь?

— Да, контролирую.

— Дальше 100 — «духи». Давай вдоль улицы три выстрела из орудия, мы проскочим, а ты на броне залетай в кишлак.

— Понял «17».

— Все в арык. Волик, отвечаешь за «духа».

— Угу.

— Я тебе «угукну»…

— Есть, товарищ старший лейтенант.

Чтобы Воронин не задел нас осколочной гранатой, мы нырнули в арык для сточных вод, запах которых я не берусь описывать. Глухие выстрелы орудий один за другим прозвучали с обрыва реки.

— Стоп, «23», прекратить огонь, подтягивай к кишлаку «каток».

— Принял.

Вернулись к перекрестку дорог, по которому пойдет колонна рейдовой группы.

— Грезин, Петров — разведка прохода, дальше не лезьте, метров через сорок — стоп и ждете меня.

Дозор, прижавшись к глиняной стенке, двинулся вглубь кишлака. Бросил взгляд на оставшихся разведчиков — немного, три человека и пленный, ставший обузой. Избавиться, что ли… Но ведь знает же что-то душманская рожа! Ладно, впихнуть в грудину штык-нож от АК успеем всегда, а сейчас он единственный источник информации. Да и «дух», прямо сказать, своеобразный — заштопывал рану иголкой. Надо же… Вернувшись к пленному, я приподнял его широченную штанину — лоскут с хорошим куском мышцы обильно кровоточил. Волик держал душмана за свободный конец раскрученной лунги.

— Наложи ему повязку, а то раньше времени отдаст концы.

— Так, может, его…

— Я сказал: замотать рану, Волик! Много болтаешь сегодня!

Едва присели к пленному, как дозор просигналил «Внимание». Прижались к земле.

— Что у вас, Грезин?

— «Духи», товарищ старший лейтенант.

— Наблюдай.

Продвинулся ближе к дозору — трое душманов лежали на пыльной дороге. Ранены? Контужены? Не знаю, оружие валялось рядом. Скользнул взглядом по дувалам, проемам в стенках — нормально.

— Оба на захват — страхую.

Грезин с Петровым, подлетев к валявшимся «духам», откинули оружие в сторону, чалмы удавкой на шею, руки за спину и подтянули их к затылку.

— Тащите к дувалу.

Крови у пленных не было видно, вероятно, взрывы гранат из

орудий глушанули — скоро очухаются. А допросить не получится, нет переводчика, прикончить тоже не выход — не получим информации. Сегодня душманы применили тактику нескольких засад, систему минирования, которая вывела из строя танковый взвод, да и «духи» какие-то другие… Не такие — и все… Хотя бы вон тот — в кожаной безрукавке. Добротная обувь, подстриженная бородка… А это что? Портативная радиостанция: небольшая коробочка с кнопками крепилась у подбородка с левой стороны верхней одежды. Удобна в бою и передвижении. Выходит, и «дух»-то непростой, если имеет такую игрушку. Обязательно вытащим из них что-нибудь интересное, вот куда их девать? Людей почти не осталось… Впрочем…

— «23», прием.

— На приеме.

— На одной «коробочке» ко мне, двумя другими прикрой выход «катка» через русло, прием.

— Понял «17».

Пока перекурим. Подъедет Воронин, загрузим в машину пленных и вывезем их к Курлюку. Потом передадим в штаб рейдовой группы, где информация о противнике нужна позарез. Колонне все равно придется сделать остановку для эвакуации раненых танкистов и нашего Комкова.

— Волик, ножом в «духовских» кишках поковыряешься потом, а сейчас береги. Понял?

— Товарищ старший лейтенант, они приходят в себя, хлопают глазами.

— Вот и хорошо, в штабе «покрутят» их по информации, а у нас времени нет.

— Бинта на них жалко, товарищ старший лейтенант.

— Надейся, что нам не понадобится.

— Угу.

— Вот тебе и «угу», Воронин на подходе, пригляди за ними.

От русла реки послышался натуженный рев «бээмдэшки». Сергей в грязи и пыли, подтеках от пота выскочил из подъехавшей машины, разминая на ходу суставы. Следом Бутрин:

— Товарищ старший лейтенант, с Комковым плохо…

— Понял, Бутрин, разберемся, тащи с Воликом пленных.

Срочно нужны вертолеты, а то, чем черт не шутит, парень схватит гангрену.

— Сергей, Бутрина с пленными перебрось к танкистам — пусть охраняют до подхода колонны.

— Что с ранеными делать?

— «Вертушки» на подлете — давай туда, прикрой посадку и эвакуацию раненых. Поддержи Курлюка в кишлаке до входа в

ущелье, я подожду тебя вместе с Ивашко. Только оперативней, Сергей, Семкин уже минут тридцать кроет е…м.

— Понятно, Валерий Григорьевич, я уже убыл.

— И вот еще что, Сергей, спасибо, что вытащил из виноградника, я думал — конец…

— Ну, что, вы, Григорич, все нормально.

— Спасибо, Сергей! До сих пор трясет, — я крепко сжал руку здоровому и скромному парню.

— Как там танкисты?

— Ничего… Командира постучал головой по броне — пришел в себя, ребят подтянул, обработали высотку… Ни медикаментов у них, ни сухпайков — бросили людей, и все…

Воронин, ссутулившись, присел у дувала.

— Тяжелые есть?

— Двое…

— Ладно, Серега, курни, закинем «душков» и вперед.

Воронин равнодушно смотрел на пыльный кишлак, скользнул взглядом по пленным, которых Бутрин с Воликом тащили к машине, встал и пошел к БМД. «Духов» закинули в десантный люк, сверху уселся Бутрин, и боевая машина, развернувшись, рванула к отряду обеспечения.

— «Рубин-10», я «17», прием, — запросил я командира полка.

— Слушаю.

— Четверых пленных доставил «катку». Нужны «вертушки» для «трехсотых», есть тяжелые.

— Почему раньше не доложил о пленных?

— Не позволяла обстановка.

— А сейчас позволяет?

— И сейчас не позволяет…

Жду матерную тираду на очевидную дерзость, но эфир молчал — уже хорошо, п…лей получу по возвращении.

Прислушался к стрельбе. У Ивашко ничего особенного, ленивая перестрелка с «духами», которые частью сил втянулись в кишлак, другой, о чем доложил Александр, рванули к ущелью. Вряд ли просто покинули поле боя, скорее всего, под прикрытием кишлачных строений они вышли на более удобные позиции, возможно, отвлекают от своих намерений.

— «22», в кишлак не лезь, прижмись к окраине. Будь готов пойти к ущелью.

— Я понял, у меня спокойно.

— На подходе «горбатые», обойди кишлак справа, обозначь себя дымом. Через тридцать минут встречаемся в квадрате «36», «78» и «6», прием.

— Понял, «17».

С минуты на минуту должны быть «вертушки» и можно попасть под их реактивные снаряды. Свистящий стрекот вертолетов не оставлял сомнений — «двадцать четвертые», хищно уткнувшись в землю, неслись по руслу реки. Развернувшись в долине, они вернулись назад, высматривая противника и обеспечивая посадку «восьмерок». Нам же надо было пробиваться к ущелью через кишлак по дороге, по которой пойдет наша техника.

— Грезин с Петровым по улочке — тихонько, спокойно, поглядывайте по сторонам. Ганюков с Богдановым — тыл, не соваться в помещения.

Прижавшись к дувалам, мы пошли разбитой улочкой, загаженной продуктами жизни. Кислый запах кишлачного духа с дымком очагов вызывал рвотный рефлекс. Пот, разъедая глаза, вышибал слезу, покраснение склер. Афганские мухи, зверея от русского пота, лезли в лицо, ползли по рукам, щекам, и — ни ветерка. Людей не было видно. Одни прятались в своих подворьях, другие с оружием убежали в горы. Кишлак можно бы и не смотреть, но через него пойдет рейдовая группа, на которую могут оказать воздействие. В колонне глотали пыль активисты (на этот раз НДПА — ребята серьезные), которые с удовольствием перевернут кишлачок и на время операции возьмут его под контроль. Подтянется ХАД — постреляет, похватает людей, как всегда, ничего не найдет, отпустят всех восвояси. Через пару деньков все вернется на место. Истинные хозяева уездов спустятся с гор, и размеренная жизнь пойдет в своем русле, словно бы не было смерти и войск «шурави».

Лабиринты кишлака мы прошли без единого выстрела, а вот дальше — стоп. За окраиной дорога шла на подъем к горловине ущелья. «Духи» пропустили нас через кишлак, не оказывая особого сопротивления. Вероятно, полагались на эффективность засад и в жилой зоне опорных пунктов устраивать не стали. Может, другой преследовали замысел, но вход в ущелье всегда сопряжен с рисками.

От окраины кишлака до входа в ущелье простиралось открытое поле, покрытое мелкой щебенкой. Метров четыреста. Немного, но укрыться негде. В пешем порядке опасно, выдвинуться на боевых машинах — не меньшая опасность, если в проездном пути понатыканы мины. Придется ждать отряд обеспечения майора Курлюка, чтобы он своими силами проверил дорогу до горного массива. Запросил по радио. Курлюк ответил, что втянулся в кишлак и минут через двадцать выйдет к окраине. Вот и хорошо. Проверит дорогу на выходе, и поедем вне дорожной сети прямо по полю.

Через полчаса Курлюк и взвод Воронина сосредоточились возле меня. Вскоре подтянулся Ивашко, доложив, что задачу выполнил, собрав оружие убитых «духов», находившихся в засаде. Разместились на боевых машинах, и вышли в поле по проверенному саперами маршруту.

Засада на входе в ущелье носила у «духов» обязательный характер. Так и случилось. Едва спешились, как попали под огонь с правого откоса скалы. Прикрывшись броней боевых машин, которые я выстроил в боевую линию, огнем штатного вооружения подавили огневую точку противника. В который раз за сегодняшний день лежали под огнем и ждали, когда экипажи БМД из орудий и спаренных пулеметов расстреляют засевших в камнях душманов! Помогли вертолеты. Ориентиры на местности были настолько характерными, что вертолетчиков достаточно было вывести на ущелье. Сработали как надо!

Колонна беспрепятственно вошла в ущелье и преодолела его за три с половиной часа. Спустились в узкую долину, простиравшуюся с северо-востока на юго-запад. Начинался кишлачный район Даймирдад, который мы блокировали сходу, замкнув кольцо окружения у излучины речушки. Перед взором раскинулась красивая плодородная долина. Вода — источник жизни, это видно по культурам, которые возделывали дехкане. Плантации виноградника раскинулись на многие километры, и насколько могли видеть глаза — поля и поля аккуратно окученной виноградной лозы. Они ровными рядочками тянулись вдоль высохших рек, образовав полосатый пейзаж долины, зажатой с обеих сторон массивами скал. Далее ущелье сужалось, и горная дорога поднималась вверх — к перевалу, за которым было плато с цепочками гор уже без признаков оседлой жизни. Мирная идиллия размеренной жизни: на полях трудились дехкане, копая арыки и канавы, не обращая ровно никого внимания на колонну «шурави», поднявшую в лазоревое небо тонны пыли и уже ставшую на рубеж блокирования. Груженные поклажей, шли ишачки и ослы, полусонные погонщики в грязных чалмах, шатаясь, сидели на спинах худющих животных. Рабочий день в кишлаках начинался до восхода южного солнца и заканчивался вечером, когда оно падало за острые пики вершин.

— «Рубин-10», я «Астра-17», вышел к точке КП, прием.

Я доложил Семкину о выходе к точке развертывания командного пункта полка.

— Хорошо, буду через час. Прими меры к охране.

— «17» принял.

По задаче, которую ставил командир полка, разведывательной роте следовало прибыть к месту развертывания

командного пункта и в дальнейшем составить резерв группировки. Перед небольшой горушкой подал команду на спешивание, оставив на местах сокращенные экипажи боевых машин для прикрытия нашего подъема на вершину. Наверху обследовали район на предмет возможной засады, мин. Однако все было в порядке, я доложил командиру полка о том, что готов встретить оперативную группу для развертывания командного пункта.

Операция продолжалась. Несколько дней группировка зачищала в плодородной долине кишлачную зону, но без особых результатов. «Духи», словно через сито, просочились через поставленные блоки и ушли в свои лагеря. Назвать результативной очередную рейдовую операцию можно, но с серьезной натяжкой. Мы ушли из района боевых действий, оставив его жителей в покое.

В июле 1981 года силами разведывательных подразделений 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии проводилась специальная операция по уничтожению одного из отрядов Ахмад Шаха Масуда в районе Зимма. Парашютно-десантные подразделения в боевых действиях несли большие потери, и командование соединения приняло решение провести операцию силами четырех разведывательных рот (80-я отдельная разведывательная рота и три полковые). Для усиления группировки нам придавался взвод самоходно-артиллерийских установок СУ-85 под командованием (кто бы подумал?) Миши Попова.

Замысел операции ничем не отличался от всех предыдущих, но все же имел свою изюминку. Наша группировка, убывая на боевые действия, в своем составе не имела подразделений афганской армии. На первом этапе. То есть мы ушли без поддержки «зеленых» и сходу, не останавливаясь на маршруте, в районе Дакой повернули направо и в считанные минуты замкнули кольцо окружения вокруг населенного пункта. Маневр удался и для противника был настолько неожиданным, что я изменил своему правилу и в составе роты на боевых машинах влетел на улочки кишлака, где в упор расстреливал бегущих в «зеленку» душманов. Они бежали толпами, бросая оружие, снаряжение и не могли оказать сопротивления.

Роту афганской армии подтянули позднее, когда «духов» загнали в зеленый массив, и авиация приступила к их уничтожению. Моя рота, развернув БМД в боевую линию, огнем орудий и пулеметов подчистила опушку леса. Взводу Ивашко я дал команду спешиться с боевых машин и выдвинуться к «зеленке», где разведчики под его командованием захватили в

плен до пятнадцати «духов». Внезапные и слаженные действия разведчиков деморализовали противника, привели его к неспособности к сопротивлению. Пленных согнали в огород, по периметру которого стояли дувалы, подвергли тщательной проверке. Подоспевшее подразделение местного ХАД, профессионально и не особенно церемонясь, приступило к изучению захваченных в плен.

80-я отдельная разведывательная рота дивизии под командованием старшего лейтенанта Александра Ивановича Ленцова, разведывательная рота 317-го парашютно-десантного полка гвардии капитана Владимира Петровича Трохина, разведывательная рота 357-го парашютно-десантного полка, которой командовал капитан Алексей Иванович Лебедь, в результате успешно проведенной операции захватили много пленных, оружие, не потеряв в бою ни одного разведчика. До сих пор испытываю гордость за то, что с этими офицерами, разведчиками, мне довелось воевать в суровые годы афганской войны. Вот такими должны быть тактика и формула действий в борьбе с душманскими силами сопротивления — информация, налет, скоротечный бой и отход в базовый лагерь.

Совместная операция разведывательных подразделений дивизии показала, что методы борьбы с душманами должны были применяться на основе тактики, выработанной разведчиками. Не было смысла формировать огромные колонны боевой и специальной техники для рейдовых операций, которые не приносили результатов в уничтожении душманских отрядов и укрепления власти на местах. Тактика действий борьбы с вооруженным афганским сопротивлением — это отдельная история, которой будет посвящен специальный материал на основе проведенных мною исследований. Но об этом позднее.

Что больше всего вспоминалось на войне? Родина! Парабель — районный центр в Томской глубинке Западной Сибири, где родился и рос. Заботливая и очень верующая мама, молившаяся за меня по нескольку раз в день. Отец, любивший умываться водой из бочки под стоком — чистой, прохладной. Приучил и меня к дождевой воде по утрам… Неужели это было? Добрая память о детстве часто приходила в воспоминаниях на войне в самых драматичных моментах. Она — неотъемлемая часть нашей действительности. Детство и юность — пора, которой жили, дышали в горниле афганской войны. Мы с гордостью ощущали себя участниками мировых событий, выполнявших воинский долг. Светлые мысли об этом переполняли наши сердца. Мокрые и холодные, грязные и голодные, но мы гордились принадлежностью к разведке ВДВ, воспитавшей в нас настоящих

защитников Отечества. Мы не жалеем о том, что время выбрало именно нас!

Об авторе

Гвардии подполковник в отставке Валерий Григорьевич Марченко родился в 1954 году в селе Парабель Томской области. В 1978 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознамённое училище имени Ленинского комсомола (ныне — имени В. Ф. Маргелова). Дважды (в 1979–1981 и 1987–1989 годах) принимал участие в боевых действиях в Республике Афганистан, где командовал разведывательным взводом 80-й отдельной разведывательной роты 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, разведывательной ротой 350-го гвардейского парашютно-десантного полка, 3-м парашютно-десантным батальоном 317-го гвардейского парашютно-десантного полка. Награждён двумя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени Республики Афганистан, 19 медалями.

Написал цикл книг афганской тематики: «Афган: разведка ВДВ в действии», «Вектор Афган», «Афган: там, где небо касается гор», «Афганский разлом. Истоки мирового терроризма». Подготовил к изданию 1-й том (из 4 томов) художественно-исторического романа «Калинов мост», охватывающего события с середины XIX века и до наших дней.

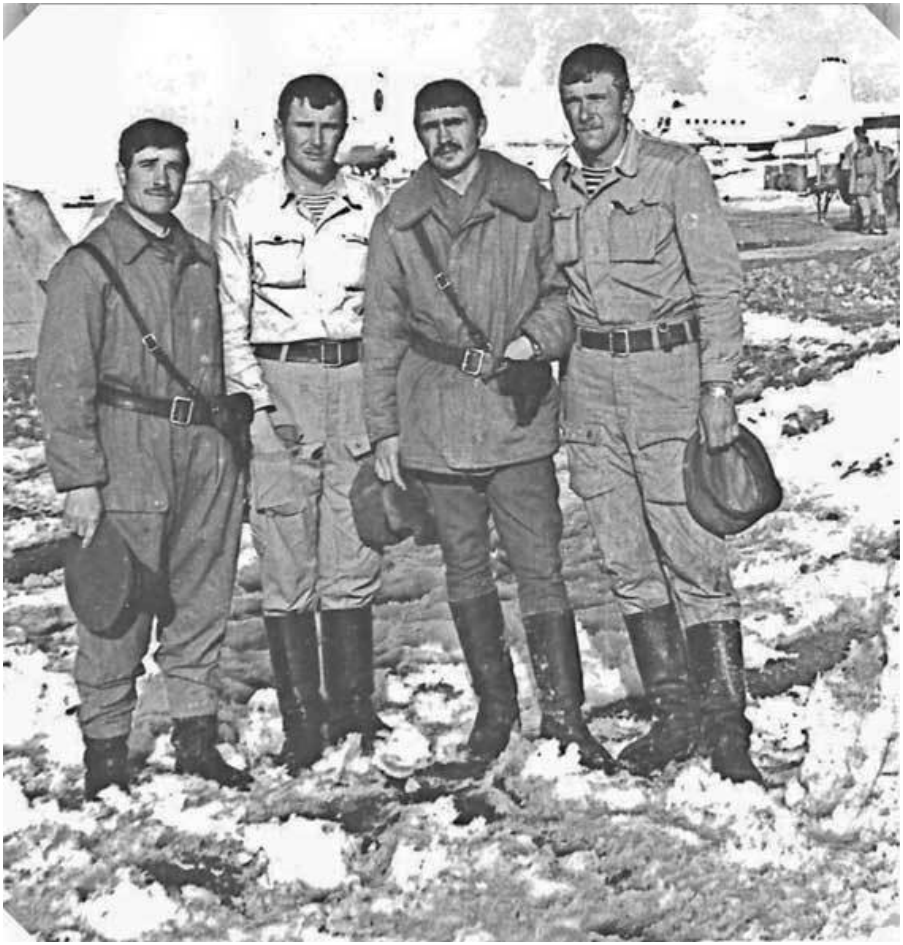
Книга «Афган: разведка ВДВ в действии» посвящена

разведчикам Воздушно-десантных войск, выполнявшим воинский долг в горах Афганистана, ветеранам разведки 80-й отдельной разведывательной роты, 350-го гвардейского парашютно-десантного полка 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. В ней автор анализирует события начала боевых действий ограниченного контингента советских войск с силами афганского сопротивления в стране, ставшей на многие годы острием мировой политики.

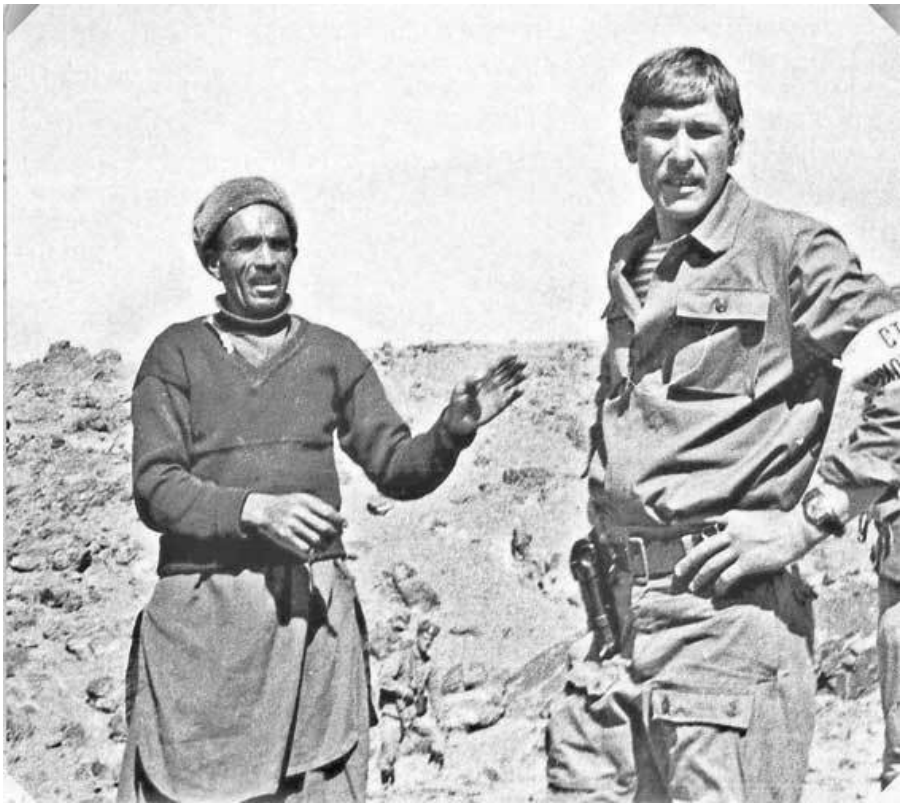
Иллюстрации

Иван Комар — командир 80-й отдельной разведывательной

роты 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии (2008 г.)



Слева-направо: Александр Ленцов — командир 80-й отдельной разведывательной роты (1980–1981 гг.), Валерий Марченко, Владимир Гришин, Анатолий Родин — заместители командира 80-й отдельной разведывательной роты 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. После возвращения с рейдовой операции в районе Махмудраки (январь 1981 г.)



Александр Ленцов допрашивает захваченного «языка» — душмана (октябрь 1980 г.)

Спустя 25 лет встреча Валерия Марченко и генерал-полковника Александра Ленцова в Витебске (2006 г.)

Николай Есаулков — гвардии ефрейтор, старший разведчик-связист разведгруппы-3 80-й отдельной разведывательной роты у захваченной душманской пещеры

Справа-налево: Сергей Коробицын, Михаил Скрынников (дядя

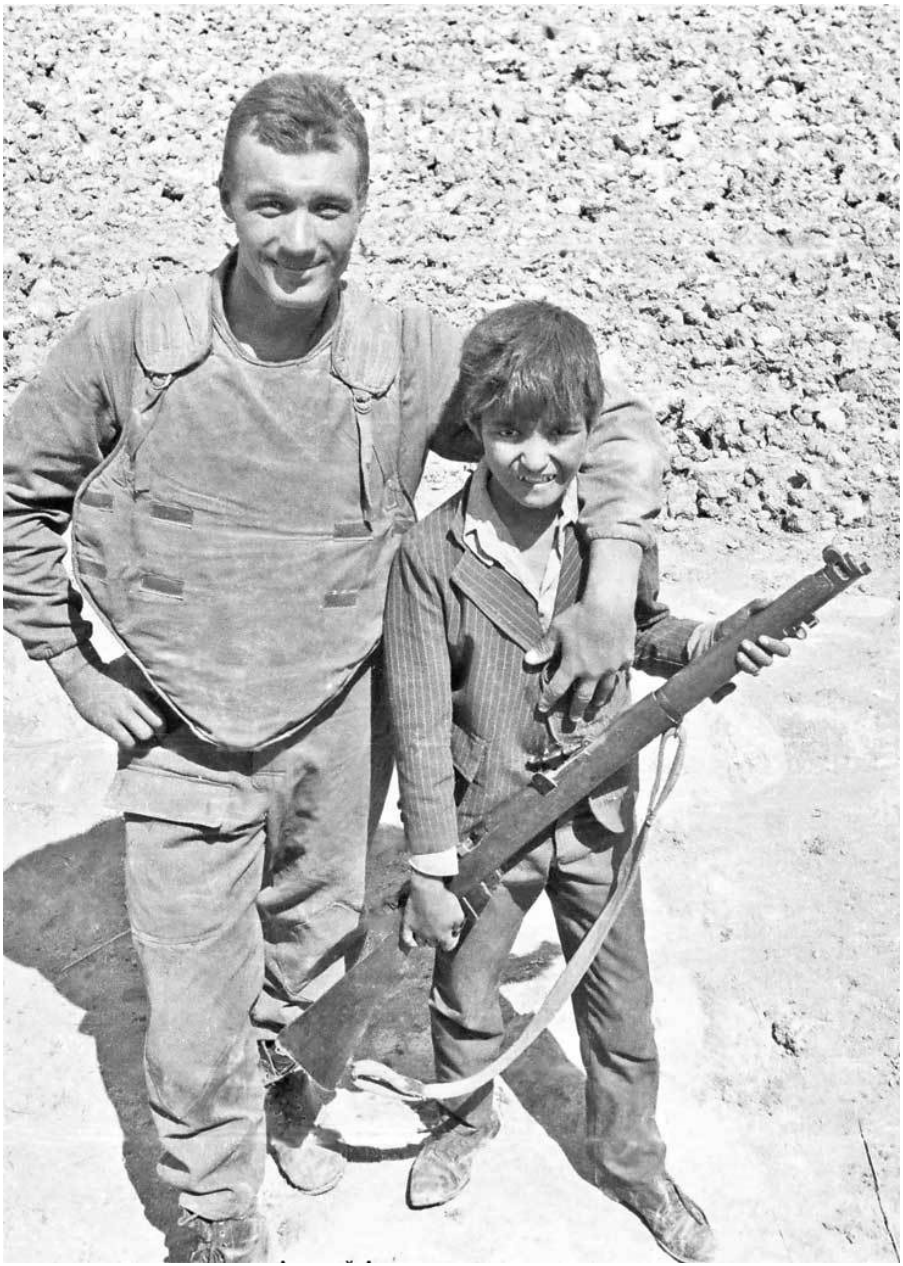
Миша), Николай Андрейчук, Александр Перепечин, Пётр Слободов. На заднем плане вершина Ходжа-Раваш (июль 1980 год).

Разведгруппа-3 80-й отдельной разведывательной роты перед вылетом в душманский тыл на засадные действия (в центре: Андрей Азарнов) (октябрь 1980 г.)

Валерий Марченко, Иван Комар, Владимир Гришин — такими

вернулись мы с боевых действий в составе рейдовой группировки в провинцию Каписа (июнь 1980 г.)

Слева-направо: Сергей Коробицын, Игорь Крыжановский (особый отдел дивизии), Валерий Марченко, Анатолий Родин, Александр Перепечин в рейдовой операции в районе Дехсабзи-Хаз (октябрь 1980 г.)



Андрей Азарнов — гвардии сержант, командир отделения разведгруппы-3 80-й отдельной разведывательной роты и бача (пацан) из местного ополчения

Павел Перьков: ему я передал свою разведгруппу-3 после моего назначения заместителем командира 80-й отдельной разведывательной роты в декабре 1980 г. В рейдовой операции в районе Исталиф (январь 1981 г.)

Виль Мухаметзянов — гвардии сержант, командир отделения разведгруппы-3 80-й отдельной разведывательной роты

Сергей Сафаров — гвардии старший сержант, мой заместитель в период моего командования разведгруппой-3 80-й отдельной разведывательной роты

Владимир Сокуров «Зигфрид» — гвардии ефрейтор, старший разведчик разведгруппы-3 80-й отдельной разведывательной роты

Андрей Ивонин — гвардии ефрейтор, старший разведчик разведгруппы-3 80-й отдельной разведывательной роты

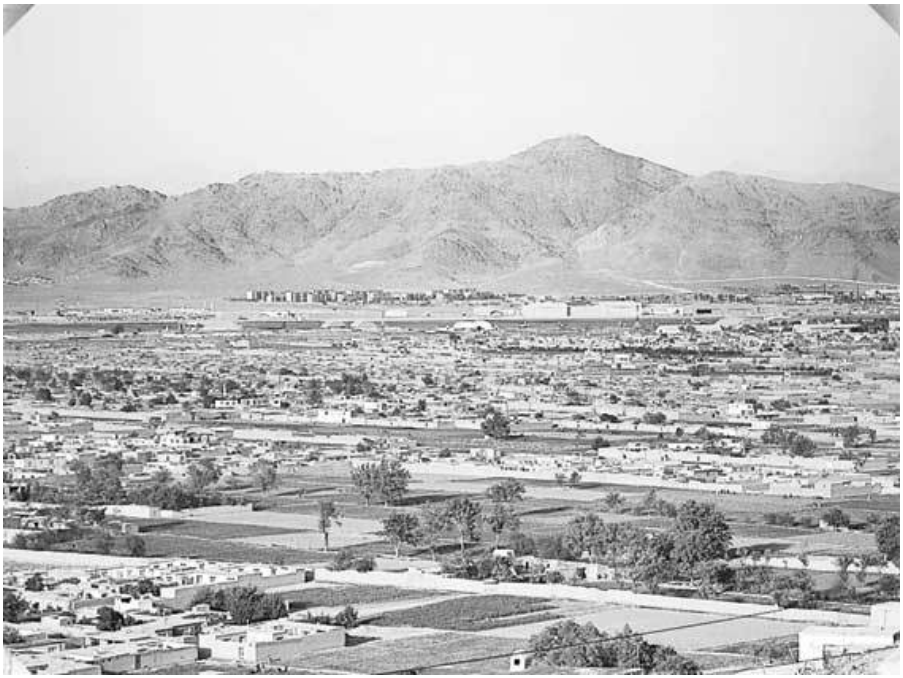
Валерий Марченко — командир разведывательной роты 350-го гвардейского парашютно-десантного полка 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии

Игорь Нищенко — гвардии сержант, командир отделения разведгруппы-3 80-й отдельной разведывательной роты

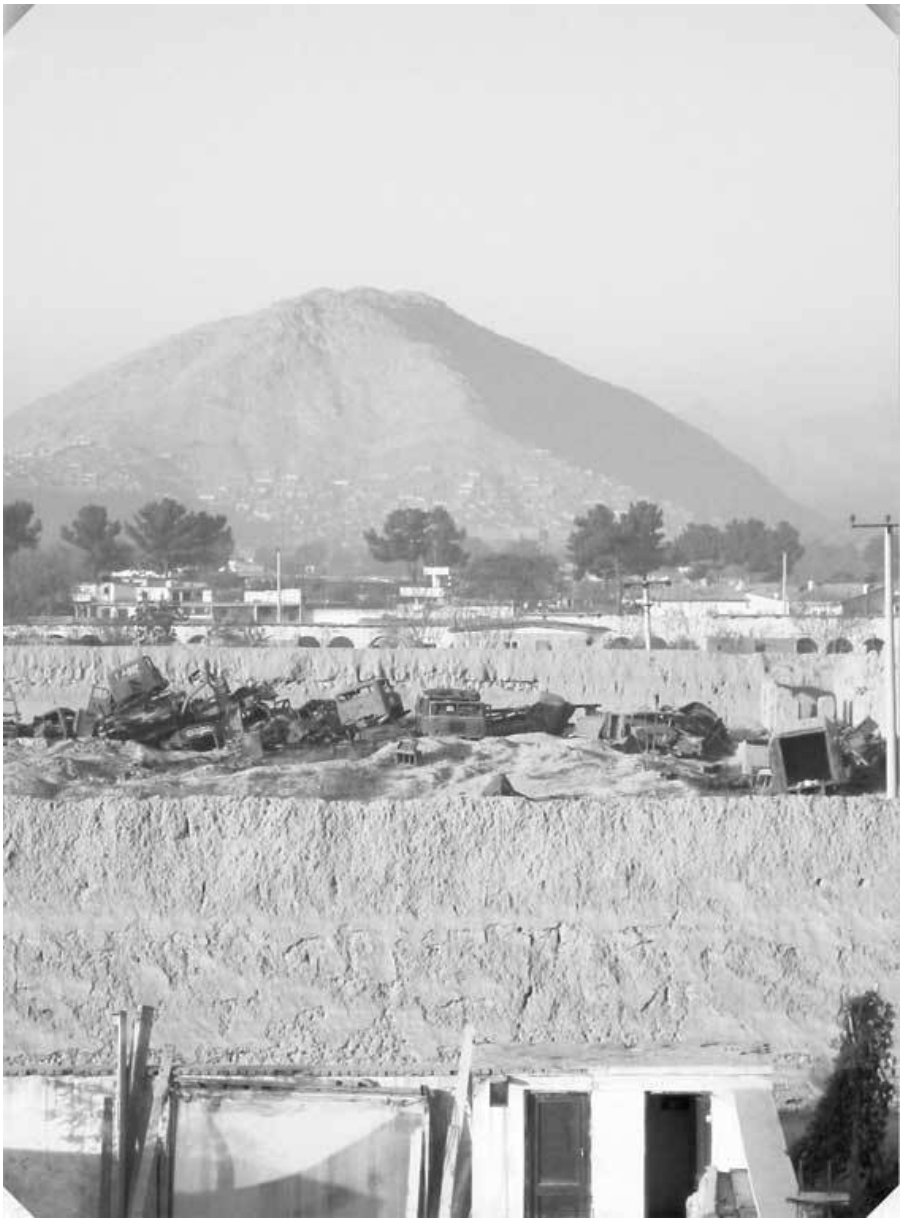
Сергей Бутрин — старший разведчик разведывательной роты 350-го гвардейского парашютно-десантного полка

Александр Комков — гвардии ефрейтор, разведчик-снайпер разведывательной роты 350-го гвардейского парашютно-десантного полка

Иван Ситников — старший разведчик разведывательной роты 350-го гвардейского парашютно-десантного полка



Господствующая над местностью вершина Ходжа-Раваш (2199 м) — полигон для оттачивания разведывательных действий 80-й отдельной разведывательной роты. За ней душманская кишлачная зона Паймунар и Баба-Шервали



«Чёрная гора» — первый боевой выход разведгруппы-3 80-й отдельной разведывательной роты (3 января 1980 г.) на боевое задание по изучению её вершины на предмет наличий визуальной разведки мятежников. За ней душманская зона кишлака Тарахейль

Валерий Марченко с разведчиками 80-й отдельной разведывательной роты и Франц Клинцевич — в Государственной Думе Российской Федерации (2004 г.)

Валерий Марченко и однокашник по Рязанскому высшему воздушно-десантному командному училищу генерал-полковник

Владимир Шаманов в г. Витебске (2015 год)

Валерий Марченко с современным поколением разведчиков-десантников сил специальных операций Вооружённых сил Республики Беларусь 2015 г. г. Витебск